

Stefan Krumbeck, Anna Weigl, Tomasz Lis,
Damian Mrowiński, Lena Hansen, Norbert Nübler (Hg.)

Junge Slavistik im Dialog

Beiträge zur XVI. Internationalen
Slavistischen Konferenz

XI

Junge Slavistik im Dialog | Band XI

Herausgegeben von Stefan Krumbeck,
Anna Weigl, Tomasz Lis, Damian Mrowiński,
Lena Hansen, Norbert Nübler

**Beiträge zur XVI. Internationalen
Slavistischen Konferenz**

Universitätsverlag Kiel
Kiel University Publishing

Junge Slavistik im Dialog | Band XI

ISSN: 2513-0684

eISSN: 2750-9605

herausgegeben von

Stefan Krumbeck, M.A., krumbeck@slav.uni-kiel.de

Dr. Anna Weigl, aweigl@slav.uni-kiel.de

Dr. Tomasz Lis, t.lis@slav.uni-kiel.de

Damian Mrowiński, M.A., mrowinski@slav.uni-kiel.de

Lena Hansen, M.Ed., Len_ha@gmx.de

Prof. Dr. Norbert Nübler, nuebler@slav.uni-kiel.de

Institut für Slavistik der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel

XVI. Internationale Slavistische Konferenz Junge Slavistik im Dialog:

<https://doi.org/10.25798/18gb-cy31>.

Bibliographische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie. Detaillierte bibliographische Daten sind über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Open Access

Das Werk ist unter der Creative-Commons-Lizenz Namensnennung – Weitergabe unter gleichen Bedingungen 4.0 International veröffentlicht. Den Vertragstext finden Sie unter: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>.

Bitte beachten Sie, dass einzelne, entsprechend gekennzeichnete Teile des Werks von der genannten Lizenz ausgenommen sein bzw. anderen urheberrechtlichen Bedingungen unterliegen können.

Die elektronische Ausgabe des Werks ist auf dem Open-Access-Publikationsserver MACAU der Universitätsbibliothek Kiel (<https://macau.uni-kiel.de>) frei verfügbar: <https://doi.org/10.38072/2750-9605/v11>

2024 Universitätsverlag Kiel | Kiel University Publishing

Universitätsbibliothek Kiel

Leibnizstr. 9

24118 Kiel

Deutschland

verlag@ub.uni-kiel.de, www.universitaetsverlag.uni-kiel.de

Umschlaggestaltung und Satz: Wiebke Buckow

Druck und Bindung: CPI books GmbH, Ferdinand-Jühlke-Straße 7, 99095 Erfurt

ISBN (Print): 978-3-928794-73-2

eISBN (PDF): 978-3-928794-74-9

Inhalt

Vorwort	9
Sprachwissenschaft – linguistics – лингвистика – językoznawstwo – lingvistika	13
Giuliano Gajetti, Kraków The Slavic Thunder God in Eastern Slavic and Polish Phraseological Units	15
Nele Focke, Münster Von Raum, Zeit und Bienen – Tempus und Aspekt im Altnovgoroder Dialekt	27
Jitka Šnejdrová, Brno Názvy rostliny bramboru obecného (<i>Solanum tuberosum</i>)	37
Tereza Kopecká, Brno Kolokabilita slova <i>krev</i> v nářečích českého jazyka se zaměřením na výpovědi týkající se krvácení	51
Jitka Filipová, Praha Diftongizace ý › ej ve Smolné knize velkobítešské (1556–1636)	61
Laura Elisa Maylein, Wien Frühe grammatiko- und lexikographische Werke im Fokus – Untersuchung anhand von Ardelio Della Bellas <i>Dizionario italiano-latino-illirico</i> (1728)	73
Eva Mashentsova (Ева Машенцова), Kaliningrad Способы реализации категории эмотивности в свадебных обрядовых текстах	83
Andrej Martinek, Moskau Die Sprache des Poems <i>Die Tochter der Sláva</i>	93
Vikentii Dolgushin (Викентий Долгушин), Kaliningrad Полемика о феминативах в польской периодической печати на рубеже XIX–XX веков	99
Julia Uvarova, Moskau Kontaktvarianten im Tschechischen und Slowakischen	107
Anna Kurzaj, Posen Wortbildung in Übersetzung: Ein Fall der Wiedergabe von VA-Komposita im Polnischen	113
Szilvia Szabariné Hegedűs (Сильвия Сабарине Хегедюш), Szeged Русские глаголы способа и пути движения	125
Ekaterina Starodvorskaia (Екатерина Стародворская), Poznań От языковой игры к заполнению лакун в языковой системе: функционирование глаголов <i>развидеть</i> и <i>odzobaczyć</i> в русском и польском интернет-сленге	139
Nikita Makarov (Никита Макаров), Kaliningrad Ассоциативно-смысловый комплекс понятий «Свобода» и «Воля» в новейшей русской языковой картине мира	149
Simona Khatebová, Brno Nervousness and Fear of Coronavirus Pandemic as a Communication Factor: A Stylistic Analysis of Discussion Posts of Youth	159

Bartosz Jabłoński, Poznań

Ex stirpe Arnolphi imperatoris – recepcja inter-polacji w opisie genealogii św. Jadwigi w tekstach jądwiżeńskich epoki wczesnonowożytnej 169

Filip E. Schuffert, Regensburg

August der Starke als Grenzgänger 181

Michał Tomaszewski, Poznań

Joint Manoeuvres of Saxon-Polish-Lithuanian Troops in the Fields of Wilanów in the Summer of 1732 193

Ernest Nowak, Poznań

Specyfika Śląska Cieszyńskiego jako regionu kulturowego w monarchii austro-węgierskiej w latach 1867–1914 203

Jakub Skalka, Kraków

Śmierć i pogrzeb w kulturze ludowej Śląska Cieszyńskiego na przykładzie wsi Pruchna 215

Agnieszka Kwaśnioch, Poznań

»Polenaktion« – wysiedlenie Żydów polskich z III Rzeszy w październiku 1938 roku. Istota wydarzenia ..... 227**Портреты – portrety – portréy – Portraits – portraits**

237

Zuzana Dupalová, Brno

Lyudmila Ivanovna Shestakova and Prague 239

Rebecca Gigli, Sofia

Epidemics, Medical Treatments, Vaccinations, and Doctors in the Memoirs of Prince I. M. Dolgorukov (1764–1823) 251

Isabela Vavrková, Brno

The Personality of Nikolai Nikolaevich Ryzhkov in Memoirs of Ariadna Ryzhkova-Novikova 263

Wiktor Pawłowski, Wrocław

The Morality after Stirner: A Comparative Analysis of Peter Kropotkin's and Friedrich Nietzsche's Ethics 271

Eva Hückmann, Potsdam

Mythos und Entmythisierung in Sergej M. Ėjzenštejns *Ivan Groznyj* ..... 281**Literaturoznawstwo – literární studia –****Literaturwissenschaft – literary studies – литературоведение**

295

Zuzana Kubusová, Bratislava

Unbearable »Art of Life«: Idea of a Beautiful New World – Reflection of Avant-Garde Techniques in the Novel *Victorious Fall* 297

Barbara Matczak, Wrocław

Ten, który zdradził. Obraz tytułowego bohatera w *Judaszu Iskariocie* Leonida Andriejewa 307

Julija Žguleva (Юлия Жгулева), Tjumen'	
Традиции славянской культуры в поэтическом творчестве белогвардейцев	319
Anastasia Braun, Kiel	
<i>Maßen'ka</i> als Spiegel der ersten Emigrationswelle – Nabokovs literarische Darstellung der russischen Exilanten im Berlin der 1920er-Jahre	327
Ilona Simović (Илона Симович), Podgorica	
Контакт русского автора с французскими героями (на материале романа <i>Пробуждение</i> Гайто Газданова)	339
Iaroslav Bigun (Ярослав Бигун), Kiel	
Западно-восточные отражения в <i>Севастополии</i> Татьяны Гофман	347
Yurii Ishutin (Юрий Ишутин), Moskva	
Эволюция музыкальности в творчестве М.Ю. Лермонтова: от жанровой формы к пространству текста	355
Dar'ja Aksenova (Дарья Аксенова), Moskva	
Небо: связь и переклички (В.В. Маяковский, О.Э. Мандельштам)	363
Anna Mandrik (Анна Мандрик), Moskva	
Традиция акмеизма и футуризма в творчестве Ю.П. Мориц	373
Franziska Koch, Potsdam	
Die ›Gerechten‹ im polnischen Comic. Gezeichnete Erinnerungen an Hilfeleistungen für jüdische Verfolgte während des Zweiten Weltkriegs	381
David Kroča, Hana Svobodová, Brünn	
Sprachcharakteristik der Figuren in Ladislav Smočeks Theaterstücken	395
Ksenia Kuzminykh, Göttingen	
Strategien der Emotionsdarstellung in der russischen Kinder- und Jugendliteratur des 20. und des 21. Jahrhunderts	403
Adam Hołda (Адам Холда), Warszawa	
Концептуальное поле «гомосексуальный мужчина» в польском и русском языках на примере романа <i>Любимое</i> М. Витковского и его перевода на русский язык Ю. В. Чайниковым	415
Alexey Yakushev (Алексей Якушев), Kaliningrad	
Мир жизни и смерти в романе Б. Бартфельда <i>Возвращение на Голгофу</i>	423
Mariia Shtukkert (Мария Штуккерт), Irkutsk	
Империя, природа, бог, смерть: мотив страха в романе А. Иванова <i>Тобол</i>	435
Mediálnost a identita – Medialität & Identität – mediality and identity – медийность и идентичность – medialność i tożsamość	447
Daria Khrushcheva, Bochum	
Neue Medien: Sozialer Online-Journalismus und der Dritte Sektor in Russland	449
Christine M. Kwast, Kiel / Posen	
<i>Wiadomości</i> und <i>tagesschau</i> – Hauptnachrichtensendungen des öffentlich-rechtlichen Fernsehens in Polen und Deutschland. Eine vergleichende Analyse der Berichterstattung im Zeitraum 18.01.–08.02.2020	461

Valeriia Lebedeva (Валерия Лебедева), Kaliningrad

Новые «свои» и «чужие» в период пандемии коронавируса: изменение пространства 477

Bianca Hepp, Tübingen

»Mit Russland hab' ich nix am Hut« – Zugehörigkeit und der Einfluss

von rassistischem Wissen über (Spät-) Aussiedlerinnen in Süddeutschland 487

Vorwort

—— Mit dem nun vorliegenden Band hat die Reihe von internationalen wissenschaftlichen Nachwuchskonferenzen mit der Bezeichnung ›Junge Slavistik im Dialog‹ an der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel die COVID-19-Pandemie endgültig hinter sich gelassen. Nachdem die bereits fertig geplante und vorbereitete Konferenz des Jahres 2020 den Kontakteinschränkungen der Pandemie zum Opfer fiel, konnte die slavistische Tagung im April des Jahres 2021 schließlich zum 16. Mal stattfinden. Allerdings mussten die Organisator:innen noch immer Zugeständnisse an die Pandemie machen. Erstmals wurde die Konferenz online organisiert. Dies hatte im Vergleich zu den vorhergehenden (und auch den nachfolgenden) Treffen eine Reihe von Veränderungen im Ablauf zur Folge, die sich teilweise auch im vorliegenden Sammelband widerspiegeln.

Der bedeutendste Nachteil einer Online-Konferenz ist selbstverständlich das Fehlen des persönlichen Kontakts zwischen den Teilnehmer:innen, aber auch zwischen Teilnehmer:innen und Organisatoren. Besonders schmerzlich erwies sich das in Kaffee- und Mittagspausen sowie durch den zwangsläufigen Ausfall eines gemeinsamen Abendessens. Spürbar war auch das Fehlen der sonst immer entspannten Atmosphäre, in der die Diskussionen nach den jeweiligen Vorträgen in den Hörsälen stattfindet. Trotz aller Bemühungen (einschließlich eines Raumes für virtuelle Begegnungen) konnte dieser Mangel nicht völlig ausgeglichen werden. Um die erschwerten Bedingungen einer Online-Konferenz etwas auszugleichen, hat das Organisationsteam allerdings beschlossen, eine für alle bisherigen Konferenzen geltende Regel für dieses spezielle Treffen aufzuweichen: Die für alle anderen Treffen der Konferenzreihe vorgegebenen Konferenzsprachen Deutsch und Englisch wurden durch die Möglichkeit ergänzt, den Beitrag in einer slavischen Sprache zu halten und auch für die Publikation einzureichen. Dies hat zur Folge, dass auch der vorliegende Sammelband neben Beiträgen in deutscher und englischer Sprache auch Artikel in polnischer, russischer und tschechischer Sprache enthält.

Die 16. internationale slavistische Konferenz ›Junge Slavistik im Dialog‹ wird nun also durch einen Band mit 45 Beiträgen dokumentiert. Erfreulich ist die Tatsache, dass durch diese Artikel insgesamt neun Länder repräsentiert sind, in denen slavistische Forschung auch von der jungen Generation betrieben wird. Es handelt sich

bei dem vorliegenden Überblick um den insgesamt 11. Sammelband, der aus einer solchen Konferenz resultiert. Eine weitere Neuheit ist, dass der Band in diesem Jahr zum ersten Mal im Open Access erscheint, wodurch die Ergebnisse der Konferenz deutlich leichter zugänglich werden. Wie schon in den vorherigen Jahren ist das Themenspektrum wieder breit gefächert: Es finden sich Beiträge zu den ›klassischen‹ philologischen Teildisziplinen, also Literatur-, Sprach- und Kulturwissenschaft ebenso wie historisch ausgerichtete Arbeiten und Studien zu sprachlichen Identitäten oder neuen Medien. In diesem Sinne erhalten auch außenstehende Leser:innen einen guten Eindruck von der ganzen Breite slavistischer Forschung. Verbunden damit ist aber auch die Hoffnung der Organisator:innen, dass im ein oder anderen Fall auch die Beitragenden selbst eine Anregung für ihr eigenes Forschungs- und Interessenfeld aus einem anderen Beitrag ziehen können. Falls dem so ist, so wäre das Ziel einer weit gefächerten Interdisziplinarität der Konferenz im Rahmen der Slavistik erreicht.

Schließlich müssen auch für die Online-Konferenz von 2021 einige Worte des Dankes formuliert werden. Auch das Zustandekommen dieser Konferenz und des vorliegenden Sammelbandes erforderte die volle logistische und personelle Unterstützung des Instituts für Slavistik der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Allen Mitarbeitenden sei dafür und für ihr Engagement herzlich gedankt. Die Institutsleitung hat bereitwillig die notwendige Infrastruktur zur Verfügung gestellt. Besonders erwähnt werden sollen aber auch mehrere Studentische Hilfskräfte, die das elektronische Gelingen der Konferenz und die Drucklegung des Sammelbandes mit Kenntnis, Herzblut und Geduld unterstützten. Ohne ihre Leistung wäre alles nicht möglich gewesen. Außerdem möchten wir Hana Svobodová, David Kroča und Paul Lynchak-Oppermann danken, die dankenswerterweise das Lektorat der tschechischen und englischsprachigen Beiträge übernommen haben. Der Dank der Organisator:innen und Herausgeber:innen geht aber auch an das International Center der CAU, das erneut wesentlich beteiligt war. Und besonderer Dank geht für das Ermöglichen der Konferenz im Pandemiejahr auch an das Rechenzentrum der CAU.

Kiel, im September 2024
Die Herausgeber:innen

Herausgeber:innen

Institut für Slavistik der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel

Stefan Krumbeck , M.A.,
krumbeck@slav.uni-kiel.de

Dr. Anna Weigl ,
aweigl@slav.uni-kiel.de

Dr. Tomasz Lis ,
t.lis@slav.uni-kiel.de

Damian Mrowiński , M.A.,
mrowinski@slav.uni-kiel.de

Lena Hansen, M.Ed.,
Len_ha@gmx.de

Prof. Dr. Norbert Nübler,
nuebler@slav.uni-kiel.de

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Sprachwissenschaft – linguistics –
лингвистика – językoznawstwo – lingvistika

The Slavic Thunder God in Eastern Slavic and Polish Phraseological Units

Ziel des Beitrags ist es, die phraseologischen Einheiten zum slawischen Donnergott in polnischer, weißrussischer, ukrainischer und russischer Sprache zu analysieren. Diese phraseologischen Einheiten erscheinen als wichtiger Indikator für die Entwicklung des mythologischen Gottesbildes von einem der mächtigsten slawischen Götter zu einem negativen Wesen, das in Flüchen angesprochen wird.

The aim of the paper is to analyse the phraseological units on the Slavic god of thunder in Polish, Belarusian, Ukrainian, and Russian. These phraseological units appear as an important indicator of the development of the mythological image of God from one of the most powerful Slavic gods to a negative being, addressed in curses.

The purpose of this article is to investigate the name and the features of the Slavic Thunder God as shown in the phraseological units (further abbreviated as PUs) of Eastern Slavic (Belarusian, Ukrainian, Russian) and Polish languages. It is a well-known fact that the knowledge about the ancient Slavic gods and their names is mostly preserved in language (cf. Mokienko 2009: 206). After Christianisation these gods began to lose their positions as a source of religious meaning, fell into the realm of folklore, and were addressed by the Church as maleficent idols (cf. Mokienko 2009: 211). One part of the language, where it is fruitful to look for traces of the Slavic gods, is the field of phraseology as indicated by the work of Irina Chybor (cf. Chybor 2015a) and the recent article of Ivana Vivodić Bolt (cf. Vivodić Bolt: 2019).

---

* The author of the following paper is a PhD student at the Doctoral School of Humanities of the Jagiellonian University in Kraków.

The relevance of phraseology and phraseological units in structuring the linguistic worldview is shown by the fact that phraseology can be seen as a portion of experience, which cannot be contained in a single word (cf. Chlebda 2020: 69). In this way, also the experience of the religious world can be found in specific phrases, often repeated as formulas, and used for religious and poetic purposes. Thus, providing the link with magical and religious texts that can only be formed within sequences of at least two words (cf. Chlebda 2020: 73).

Before going further in our investigation, it is necessary to define the use of words related to the electrical storm or thunderstorm in the selected Slavic languages and in English more precisely.

As it is known, a thunderstorm is a weather disturbance that occurs when warm moist air rises in a large swift updraft to cooler regions of the atmosphere and provokes precipitations (cf. Encyclopædia Britannica 2021). These precipitations are associated with loud clatters and flashing lights. At the same time, electrical charges strike the ground. The three main components of the phenomenon (the sound component, the light component, and the electrical charge) are intrinsically connected, although they represent different phases of it, and since in different languages they have specific denominations, they can also be considered as separated phenomena.

In English, the sound component is known by the term *thunder*, which is »the sudden, loud noise that comes after a flash of lightning« (Cambridge Dictionary 2021). The light component is known under the name of *lightning*, that is: »a flash of bright light in the sky that is produced by electricity moving between clouds or from clouds to the ground« (Cambridge Dictionary 2021). The last component, the electrical charge, which may strike the ground, is known as *thunderbolt*, which is »a single discharge of lightning with the accompanying thunder« or »an imaginary elongated mass cast as a missile to earth in the lightning flash« (Merriam-Webster 2021).

In this way, it is possible to show semantic ties as the following: thunder – noise, lightning – flash, thunderbolt – discharge, which emphasize the difference of meaning of the three terms. Nevertheless, the words *thunder* and *lightning* are often used as synonyms of *thunderbolt*, indicating the electrical discharge itself. Far from being a particular situation of the English language, the semantic interference between the three components of the thunderstorm is on the contrary shared at some level by some Slavic languages, especially in their dialects.

For the Polish language (further abbreviated as Pol.), we will translate the terms *piorun* as »thunderbolt« (cf. Stanisławski / Jaślan 1987: 303), *błyskawica* as »lightning« (cf. Stanisławski / Jaślan 1987: 167) and *grzmot* as »thunder« (cf. Stanisławski / Jaślan

1987: 303). The semantic picture is here complicated by the use of the term *grom*, which is also employed as a synonym of *piorun* and *grzmot*. According to the analysis conducted by Andrzej Sieradzki, the term *grom* was used instead of *piorun* more intensively in the 16th century, but both terms were present, and in the scientific discourse *Piorun* ›Slavic Thunder God‹ was also known (cf. Sieradzki 2017: 204–205).

In the Belarusian language (further abbreviated as Bel.), the term *гrom* is translated into English as ›thunder‹ (cf. Susha 2013: 664). For the English word ›lightning‹ the same dictionary returns both *маланка* and *бліскавіца* (cf. Susha 2013: 354). Here the term for ›thunderbolt‹ is also indicated as *маланка*, although in the Etymological Dictionary of Belarusian Language the word *нярун*, the Belarusian equivalent of Pol. *piorun*, is explained as ›a stroke of thunder and lightning‹ (cf. Martynaw / Cyhun / Mal’ko 2005: 305).

The English term ›thunder‹ is translated into Ukrainian (further abbreviated as Ukr.) as *грім* (cf. Balla 1996: 521) while ›lightning‹ matches the word *бліскавка* (cf. Balla 1996: 673). Nevertheless, in both cases the word *гrom* is indicated as a secondary translation. ›Thunderbolt‹ is translated literally (further abbreviated as lit.) as ›stroke of lightning‹, *удар блискавки* (cf. Balla 1996: 521). The word *перун* appears as a synonym of *гrom* (cf. Hrinchenko 1907–1909: 1730).

In the Russian language (further abbreviated as Rus.), the word *гrom* (cf. Myuller 2013: 827) indicates ›thunder‹ while the term for ›lightning‹ is *молния* (cf. Myuller 2013: 501). The equivalent of Pol. *błyskawica* also exists in the dialect of Smolensk region and in Western Russian dialects as *бліскавка*, and according to Vladimir Dal’ it means ›a lightning without thunder‹ (cf. Dal’). The English word ›thunderbolt‹ is translated as *удар молнии*, ›stroke of lightning‹ (cf. Myuller 2013: 827).

As the dictionaries show, the Slavic equivalents of ›thunder‹, ›lightning‹ and ›thunderbolt‹ are often overlapping, and are in some cases used as synonyms, indicating that the differences in meaning among them is not always clear. For the present work it is interesting to remark the connection of the thunderbolt, the discharge of electric energy during a thunderstorm, with Pol. *piorun* and Bel. *нярун*.

A Proto-Slavic god named after the lightning?

The existence of a common Slavic Thunder God is attested by the fact that the evidence provided by Procopius of Cesarea concerning the tribes of Antes and Sclaveni (which are the most relevant ancient people who merged in the ethnogenesis of the

Slavic ethnolinguistic group) mentions the presence and worshipping of a god of lightning. The relation of Procopius regards the 6th century CE, approximately the same time when the early Slavic tribes were moving toward their historic location (cf. Mallory / Adams 2006: 50). A recent interpretation of Procopius' text would indicate that the early Slavic people believed »in a god that was named after the lightning« (Loma 2004: 69). The reconstructed Proto-Slavic term for »lightning«, according to the Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon, is **mьldni*, which is cognate with Rus. *молния* and Bel. *маланка*, although Procopius did not mention any native terms for the god or the lightning (cf. Derkesen 2008).

According to Văčeslav Ivanov and Vladimir Toporov, the Proto-Slavic god related to lightning is the protagonist of a myth of Indo-European origin, with parallels in different traditions (cf. Mallory / Adams 2006: 436), in which he as an atmospheric god of the storm from a high location fights against a snake-like creature which would hide himself inside people, trees, and animals. The Thunder God would attack this entity with thunderbolts, and thanks to his victory, he would release the waters contained in the clouds, causing rain (cf. Ivanov / Toporov 1970: 1182). In this way, a clear depiction of this myth is contained in Belarusian fairy tales that, according to Ivanov and Toporov, conserve exceptional archaic features (cf. Ivanov / Toporov 1970: 1182).

The name of the common Slavic Thunder God was reconstructed with the method of historical linguistics, and based on the first written evidence of the theonym, Old Rus. *Perunu*, contained in *Povest' Vremennykh Let*, as reported by Michał Łuczyński (cf. Łuczyński 2011: 224), thus providing a Proto-Slavic form of **Perunъ*. In this way, the traditional etymology of the Thunder God's name **Perunъ* was reconnected with Old Church Slavic *perъ, pьrati*, »to strike, to hit«, as a *nomen agentis* of »the one who strikes« (cf. Pokorny 1959: 818).

According to Łuczyński, the etymology of Proto-Slavic **Perunъ* comes from Early Proto-Slavic **Perownŭ*, an adjectival name formed from the Proto-Indo-European noun **pér* meaning »rock, mountain« (cf. Łuczyński 2020: 274), and thus returning the theonym as »the (supernatural) one who holds the mountains«. This hypothesis is reinforced by different terms present in the Slavic languages, as Polabian **peräun*, dialectal Czech *parom*, dialectal Old Rus. *перун*, Ukr. *пирун*, Bel. *пярун*, Pol. *piorun* (cf. Łuczyński 2020: 90) meaning fossils (belemnites) or Palaeolithic artefacts that were deemed to be fallen from the sky like arrows during thunderstorms, and thus to have had magical powers. These fossils or Palaeolithic artefacts are known in English as *thunderstone*, and the folkloric beliefs about them are attested throughout all of Europe. Not surprisingly, an archaic English word for »thunderstone« is *thunderbolt* (cf. Merriam-Webster 2021).

In several Slavic languages, the terms for thunderstone show homonymy with the Slavic theonym of the Thunder God, as in Polish and Belarusian, bringing the conclusion that in the early stages of the Slavic languages, there has been a process of semantic separation between the attribute of the Thunder God, more specifically his weapon that he casts from the sky as a stone arrow, and the theonym itself. Thus, the presence of this word (the term *piorun* having as a secondary meaning ›belemnite‹ in Polish) can testify to the existence of the cult of *Perun* as the Thunder God also in the territory of contemporary Poland (cf. Sieradzki 2017: 205).

Even if the etymological link between the Thunder God and the thunderstone could have been relevant for the Proto-Slavic speakers, it does not mean that this connection was still perceived in the Early Slavic times, when theoretically the atmospheric domain of the god of the thunderstorm could have already brought about a semantic shift from the theonym to the eponymous atmospheric phenomena, such as thunder, thunderbolt, and lightning.

While the name of the Eastern Slavic Thunder God, *Perun*, appears as a direct continuation of **Perunъ*, the name of the Western Slavic Thunder God is not clearly attested from pre-Christian times. On the one hand, according to Andrzej Sieradzki, the term *Piorun* in Polish, the etymology of which is related to **Perunъ* by Wiesław Boryś (cf. Boryś 2005: 437), was used as a translation of the Eastern Slavic god's name *Perun* in the 16th century. On the other hand, in a specific time of the ›Western Slavic languages‹ development the Thunder God's name and his attributes (the thunderbolt and the thunderstone) could have been represented by the same term, mirroring the linguistic situation of the Eastern Slavic languages (cf. Sieradzki 2017: 207), as shown by Bel. *пярун* ›a stroke of lightning‹ and Bel. *Пярун* ›name of the Thunder God; Perun‹. From the area of the current historical region of Eastphalia (Germany) is attested the now-extinct Western Slavic Polabian language. In Polabian the word for ›Thursday‹ is *pěrendan*, lit. ›Perun's day‹ (since the end of the 17th century, for details cf. Waniakowa 1998: 97–98). The term, assumed to be a calque from German *Donnerstag* (›Thursday‹), would indicate the connection with the Slavic Thunder God and the fourth weekday. In fact, in many Indo-European languages in different historical periods, the name of the fourth day of the week was associated with the Thunder God as Latin *diēs Jovis* ›day of Jupiter‹ and English itself (*Thursday* lit. ›day of the thunder god‹).

A different opinion was expressed by Aleksander Brückner, according to whom *piorun* ›thunderbolt‹ is not related to Slavic pagan mythology, and the popular belief that shows how the thunder chases a demonic creature has to be seen only as a Christian one (cf. Brückner 1927: 414).

Phraseological units regarding the Thunder God

In presenting the PUs related to the Thunder God, we will firstly divide the material by the languages, providing also a literal translation into English. We will consider PUs that contain directly the terms Pol. *piorun*, Rus. *перун*, Ukr. *перун*, Bel. *нярун* and the related dialectal forms as well as phraseologisms containing the synonyms as Pol. *grom* and Ukr. *зром*. Subsequently, we will comment on semantics of the PUs that support the conception of a supernatural entity (a god), conceived as an actor behind the atmospheric phenomena, the action of whom is represented in the linguistic fact.

Polish

The majority of PUs presented here were collected by Ivana Vidović Bolt (cf. Vidović Bolt 2019: 345–347), such as: *jak piorun z jasnego nieba*, also *jak grom z jasnego nieba* (with the synonym *grom* instead of *piorun*), both meaning lit. ›like a thunderbolt from the clear blue sky‹, an equivalent of the English idiom *a bolt out of the blue* with the meaning of ›suddenly, unexpectedly‹; *jakby piorun strzelił / trafił / trzasnął*, lit. ›as if the thunderbolt had struck / hit / snapped‹, also in the variants *jakby w nich piorun uderzył*, lit. ›as if the thunderbolt struck them‹, and *jakby grom jasny między nich uderzył*, lit. ›and a bright lightning struck between them‹ (cf. Krzyżanowski 1970: 933), both meaning ›a sudden reaction to unexpected news, an unexpected surprise‹; *niech to piorun trzaśnie*, lit. ›may the thunderbolt hit it‹, *do pioruna*, lit. ›to thunderbolt‹, *do stu piorunów*, lit. ›to a hundred thunderbolts‹ (cf. Żmigrodzki 2023), *idź do pioruna*, lit. ›go to thunderbolt‹, all meaning ›damn it‹ (cf. Chybor 2015b). According to Aleksander Gieysztor, this type of an expression was considered a strong swear word in Old Polish times, as it was indicating not only the atmospheric phenomenon but also a demonized image of its author, in other words, of the Thunder God (cf. Gieysztor 2006: 91–92).

Concerning the difference in meaning between the two semantic equivalents *grom* and *piorun*, Anna Krawczyk-Tyrpa reports evidence from ethnographic records, such as *piorun a gróm to jedno, piorun to je szpetne*, lit. ›*piorun* and gróm (dialectal version of Polish *grom*) are the same, *piorun* is ugly‹ (cf. Krawczyk-Tyrpa 2001: 97), indicating that *piorun* was perceived as a strictly negative term. Nevertheless, also *grom* was perceived as a curse, according to another respondent as in *grom? A pewno, że znamy, to taki przeklon niepekny*, lit. ›*grom*? Certainly, we know that, is such an un-beautiful curse‹ (cf. Krawczyk-Tyrpa 2001: 97). In Kashubian, the term *parón*, even-

tually connected with the Thunder God *Perun* and with Pol. *piorun*, was identified as an evil spirit, and expressed in curses («damn it») such as *žěbě ce jasnístě paroně vzqlě*, lit. »may a bright *paron* take you« (cf. Sychta 1970: 33–34).

Belarusian

A conspicuous quantity of Belarusian PUs related to the Thunder God and similarly to the atmospheric eponymous natural phenomena of the thunderbolt and lightning were collected in the ethnographic work of Tamara Sudnik (1979) in the village of Pielasa, historically also populated by Lithuanian-speaking people. Especially relevant is the semantic chain of the meaning reported by Sudnik: according to her, the terms *p'arún* and *p'arkúnas* are related to Rus. *гром*, »thunder«, and to Rus. *удар молнии*, »lightning strike«, that is the thunderbolt, but also to name of the mythological personification of these phenomena (the Thunder God). To be more faithful to oral language, Sudnik uses phonetic transcription as in e.g. *p'arún zabíu*, lit. »the thunderbolt kills«, *p'arún u kám'an b'jé*, lit. »the thunderbolt hits on the rocks«, *p'arúnóm xátu spalila*, lit. »with the thunderbolt the hut (was) burned down« (in these three examples, the respondents would have seen a combination of supernatural and physical realities (cf. Sudnik 1979: 229)); *kap cibě zimavý p'arún zabíu by*, lit. »may a cold thunderbolt kill you«, *izí tý pad zímnyayo p'arúna*, lit. »may you go under a cold thunderbolt«, meaning »damn you«, with semantically identical variants in dialectal Lithuanian, e.g. *kat tavi žymenis p'arkúnas žumúšt*, lit. »may a winter thunderbolt strike you«, *yéik tú po šálto p'arkúno*, lit. »go you under a cold thunderbolt« (cf. Sudnik 1979: 232); *пасля дожджыку ў чацвер* lit. »after the rain on Thursday«, meaning »never, unknown when« (cf. Lyepeyshaw 2004: 287).

Ukrainian

The following PUs were collected by Irina Chybor (cf. Chybor 2015a: 78–79): *хай тебе перун тпісне*, lit. »may the thunderbolt hit you«, with the variants *перун би тя розтраскав*, lit. »may the thunderbolt strike you«, and *перун би ти забив*, lit. »may the thunderbolt kill you«; *як грім на голову*, lit. »a thunder on the head«, meaning »out of the blue« (cf. Chybor 2015b); *після дощукы в четвер*, lit. »after the rain on Thursday«, meaning »never, unknown when«. There are numerous variations to the last example e.g. *після дощика в четвер*, lit. »after the rain on Thursday«, *на сухую п'ятницю*, lit. »onto a dry Friday«, *і тепер ні в четвер*, lit. »not today, not on Thursday«, *після четверга в п'ятницю*, lit. »after Thursday on Friday«, *не тепер, то (так, а) в четвер*, lit. »not now, then on Thursday«.

Russian

For the Russian language, the majority of PUs are present in the Western Russian dialects, while to the Russian *koinè* can be ascribed the following PUs: *как гром среди ясного неба*, lit. ›like thunder out of the blue‹, meaning ›like a bolt out of the blue‹ (cf. Molotkov 1987: 121), and *после дождичка в четверг*, lit. ›after the rain on Thursday‹, meaning ›never, not known when‹. The following PUs are taken from Dictionary of Russian Dialects, in some cases presenting the year when and place where the linguistic units were collected: *с перуна сгореть*, lit. ›to burn by a lightning strike‹ (cf. Filin / Sorokoletov / Myznikov 1991: 294), indicated as present in the Russian spoken in Latvia in 1963; *схвати тебя перуном*, lit. ›may you be grab by the thunderbolt‹, used as a curse in Tver's area in 1853 (cf. Filin / Sorokoletov / Myznikov 1991: 294); *перун тебя забей*, lit. ›may the thunderbolt hit you off‹, with the variants *пусть перун тебя заберет*, lit. ›may the thunderbolt take you away‹, used as a curse (cf. Filin / Sorokoletov / Myznikov 1991: 294), and *сбей тебя перун*, lit. ›may the thunderbolt beat you‹, meaning ›damn you‹, used in Pskov.

Conclusions

The belief that the thunderstorm and its phenomena are related with a supernatural entity, a specific Thunder God, the Christian God, or any sort of demon, is cross-cultural and quite archaic. In this way, this idea is also expressed in the Slavic PUs, although it is not always easy to differentiate in the idiomatic expressions the ›supernatural activities‹ (thunderstorm performed by an agent / God etc.) from the ›natural ones‹ (thunderstorm as a weather disturbance without an agent).

A consistent group of PUs, which are not directly related to supernatural activities, can be seen in the Slavic variations of ›a bolt out of the blue‹, meaning ›a sudden and unexpected situation‹. Indicators of more specific supernatural conceptions related to the thunderstorm and thunderbolt come from reports of folkloric beliefs. On the one hand, these reports mention that the utterance of the term *piorun*, and its local equivalents in Polish dialects, was considered a sin and thus forbidden, justifying the taboo and the repeated use of *piorun* in strong curses (cf. Krawczyk-Tyrpa 2001: 94–95). On the other hand, the semantic and phonetic identification of the term for thunderbolt or lightning strike (Pol. *piorun*, Bel. *пярун*, Rus. *перун*) with the name of the Slavic Thunder God would point in the direction of a declassification of the Slavic god towards a negative entity caused by Christianization, making the use of Thunder God's name an insult and a curse.

According to Valerij Mokienko, another consequence of Christianization and the demonization of the Thunder God is to be seen in PUs meaning »never, in an unknown time« or »the non-concretization of an event« that are connected to the Slavic equivalent of the fourth weekday, such as Ukr. *чемвєр* and Rus. *четверг* (cf. Mokienko 2009: 242). In fact, in many Indo-European languages in different historical periods, the name of the fourth day of the week was associated with the Thunder God, e.g. English Thursday. A relevant link between the fourth weekday and the Thunder God in the context of the Slavic languages is the Polabian term *pěrendan*, lit. »Perun's day«, meaning »Thursday« (cf. Waniakowa 1998: 97). This would allow the consideration that the fourth weekday is related to *Perun*, even if the day is not directly named after him. With the cultural penetration of the Christianity, the prayers dedicated to *Perun* on his day would have become ineffective in popular beliefs, indicating a removal of *Perun* from his respected role. Therefore, anything related to the fourth day of the week would have been associated with the non-concretisation of time and space.

Finally, the PUs related to the phenomena of the thunderbolts and the eponymous terms of the Thunder God's name appear present in all the Slavic languages under analysis in the following paper, or are more specifically in their dialects. They can be considered a case of dialectal peripheral archaism, related to the time in which the supernatural entity mentioned was still perceived as a powerful agent, capable of influencing the human life, and manifesting in the eponymous atmospheric phenomena. The peripheral area of these dialects would express the borders of the Slavic-speaking populations in the Western (North Polish dialects) and in the Eastern Baltic regions (Belarusian dialects). The PUs related to the swearwords and curses could be considered posterior to the Christianisation of the different Slavic areas under consideration. The case of the PU *do pioruna* and its variations in Polish appear to be attested at least since Old Polish times (10th–14th century), and a similar assertion can be inferred from the similar PUs present in Polish and Polish dialects.

References

- Balla, M. I. (1996): *Modern English-Ukrainian Dictionary*. Kyiv.
Boryś, W. (2005): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
Brückner, A. (1927): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.

- Cambridge Dictionary (2021): *Cambridge Dictionary – English Dictionary*, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed July 18, 2021).
- Chlebda, W. (2020): »Frazeologiczne zaplecze językowego obrazu świata«. In: Rak / Mokienko (eds.): *Słowańska frazeologia gwarowa II*. Kraków, 61–72.
- Chybor, I. (2015a): »Slovyan'ski bohy ukrayin'skij frazeolohiyi«. In: *Mandrivec'* (1), 77–81.
- Chybor, I. (2015b): *Niech to piorun trzaśnie. Słowańskie bóstwa i frazeologia*. <https://www.slawoslaw.pl/tag/niech-go-piorun-trzasnie/> (accessed July 18, 2021).
- Dal', V. (n.d.): *Tolkovyy slovar' zhivago velikorusskogo yazyka*, <http://slovardalja.net/> (accessed July 18, 2021).
- Derkesen, R. (2008): *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Boston, <https://nzt.net/ark:/13960/tgm350t4g>.
- Encyclopædia Britannica (2021), <https://www.britannica.com/science/thunderstorm> (accessed July 18, 2021).
- Filin, F. P. / Sorokoletov, F. P. / Myznikov, S. A. (1965–2016, here 1991): *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Sankt-Peterburg.
- Gieysztor, A. (2006): *Mitologia Słowian*. Warszawa.
- Hrinchenko, B. D. (1907–1909): *Slovar' ukrayins'koyi movy*, <https://nzt.net/ark:/13960/t8z9o6g66> (accessed July 18, 2021).
- Ivanov, V. / Toporov, V. (1970): »Le mythe indo-européen du dieu de l'orage poursuivant le serpent: reconstruction de schéma«. In: Lévi-Strauss / Pouillon / Maranda (eds.): *Échanges et communications, II: Mélanges offerts à Claude Lévi-Strauss à l'occasion de son 60ème anniversaire*. Berlin / Boston, 1180–1206, <https://doi.org/10.1515/9783111698281-028>.
- Krawczyk-Tyrpa, A. (2001): *Tabu w dialektach polskich*. Bydgoszcz.
- Krzyżanowski, J. (1969–1978, here 1970): *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Warszawa.
- Lyepeshaw, I. Ya. (2004): *Etymalagichny slownik frazealogizmaw*. Minsk.
- Loma, A. (2004): »Procopius about the supreme god of the Slavs (Bella VII 14, 23): two critical remarks«. In: *Zbornik radova Vizantologicheskog instituta* (XLI), 67–70, <https://doi.org/10.2298/ZRVlo441067L>.
- Łuczynski, M. (2011): »Kognitywna definicja Peruna. Etnolingwistyczna próba rekonstrukcji fragmentu słowiańskiego tradycyjnego mitologicznego obrazu świata«. In: *Studia Mythologica Slavica* (14), 219–230, <https://doi.org/10.3986/sms.v14io.1611>.
- Łuczynski, M. (2020): *Bogowie dawnych Słowian. Studium onomastyczne*. Kielce.
- Mallory, J. P. / Adams, D. Q. (2006): *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. New York.
- Martynaw, V. U. / Cyhun, G. A. / Mal'ko R. M. (1978–2010, here 2005): *Etymalagichny slownik byelaruskay movy*. Minsk.
- Merriam-Webster (2021): <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed July 18, 2021).
- Mokienko, V. M. (2009): *Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskiye ocherki frazeologii*. Moskva.
- Molotov, A. I. (1987): *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Moskva.
- Myuller, V. K. (2013): *Polnyy anglo-russkiy, russko-angliyskiy slovar'. 300 000 slov i vyrazheniy*. Moskva.
- Sieradzki, A. (2017): »Teonim Perun w leksyce średnio- i nowopolskiej (na podstawie słowników)«. In: *Język. Religia. Tożsamość*. (15), 199–211.
- Sychta, B. (1967–1976, here 1970): *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Wrocław / Warszawa / Kraków, <https://nzt.net/ark:/13960/szxmrbv13f> (accessed November 29, 2024).
- Stanisławski, J. / Jaślan, J. (1987): *Kieszonkowy słownik angielsko-polski, polsko-angielski*. Warszawa.

- Sudnik, T. M. (1979): »Materialy k belor. p'arun, lit. parkūnas v svyazi s arkhainnymi predstavleniyami«. In: Tsivyan (ed.): *Balkanica. Lingvisticheskiye issledovaniya*. Moskva.
- Susha, T. M. (2013): *Angliyska-byelaruski slovník*. Minsk.
- Pokorny, J. (1959): *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Tübingen / Bern / München, <https://nzt.net/ark:/13960/tojv1j25p> (accessed November 29, 2024).
- Vidovič Bolt, I. (2019): »Grmljavine boga Peruna u poljskoj frazeologiji«. In: Dobříková (ed.): *Percepcia nadprirodzena vo frazeológii. Slavofraz 2019*. Bratislava, 344–350.
- Waniakowa, J. (1998): *Nazwy dni tygodnia w językach indoeuropejskich*. Kraków.
- Żmigrodzki, P. [Batko-Tokarz, B. / Bobrowski, J. / Czelakowska, A. / Grochowski, M. / Przybylska, R. / Waniakowa, J. / Węgrzynek, K.] (eds.) (2023): *Wielki Słownik Języka Polskiego*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/36980/do-stu-piorunow> (accessed September 14, 2023).

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Von Raum, Zeit und Bienen – Tempus und Aspekt im Altnovgoroder Dialekt

Der Beitrag beschäftigt sich mit Teilaspekten des Verbalsystems, das in den Birkenrindenbriefen belegt ist. Die in den Briefen gefundene Sprachform, der sogenannte Altnovgoroder Dialekt, wird als Ausgangspunkt für einen ungewöhnlichen Blickwinkel auf die ostslavische Sprachgeschichte genommen. Es werden gängige Annahmen und Theorien zum Tempussystem und dem diachronen Aspekt erläutert und entsprechende Belege aus dem Altnovgoroder Dialekt vorgestellt.

The article concerns aspects of the verbal system attested in the birchbark letters. The language found in these letters, the so-called Old Novgorodian Dialect, is used as the basis for an unusual point of view on East Slavic historical linguistics. Common hypotheses and theories regarding the temporal system and diachronic verbal aspect are introduced and relevant evidence from Old Novgorodian is presented.

Der folgende Beitrag ist dem Verbalssystem des Altnovgoroder Dialekts gewidmet. Es werden zuerst das Korpus der Birkenrindenbriefe und die in ihnen bezeugte Sprachform eingeführt sowie die Bedeutung des Korpus für die ostslavische Sprachgeschichte erläutert. Daraufhin folgen ein Überblick über das in den Texten belegte Tempussystem und einige Bemerkungen zur historischen Aspektforschung. Zuletzt werden die theoretischen Erläuterungen anhand zweier Beispiele illustriert.

Birkenrindenbriefe und Altnovgoroder Dialekt

Das Korpus der Birkenrindenbriefe besteht bis dato aus ca. 1280 Texten, die mit Hilfe eines Stylus in Birkenrinde geritzt wurden. Bisherige Funde belegen diese Art der Nachrichten vom frühen 11. bis ins späte 15. Jh. Die Briefe sind im Boden konserviert und werden jährlich bei archäologischen Ausgrabungen entdeckt, was zu einem konstanten Anstieg an Primärquellen seit dem ersten Fund 1951 geführt hat. Die Mehrheit der Funde (über 1000) entstammen der Stadt Novgorod, die auch der Sprache der Briefe, dem Altnovgoroder Dialekt, ihren Namen gibt.

Der Inhalt der Briefe ist fast ausschließlich profaner Natur und beschäftigt sich mit einer Vielzahl an Themen – von privaten Nachrichten über Handelsbriefe bis hin zu rechtlichen Fragen. Die Inhalte zeigen, dass zwar häufig Personen von höherem Stand auf diesem Weg Nachrichten übermittelten, jedoch grundsätzlich jede*r, der/die einen Birkenrindenbrief verschicken wollte, das auch tun konnte (vgl. Schaeken 2019: 40).

Sprachgeschichtlich sind die Texte insofern von besonderem Interesse, als anzunehmen ist, dass die in ihnen reflektierte Sprache dem gesprochenen Novgoroder Idiom der Zeit recht nahe kommt. Somit unterscheiden sie sich deutlich von den meisten anderen überlieferten Denkmälern, die im Kirchenslavischen verfasst wurden und nicht als Textbasis zur Rekonstruktion des Idioms genutzt werden können. Zwar gibt es auch andere Annahmen zur Sprache der Briefe, die der Repräsentation eines gesprochenen Idioms ist jedoch weit verbreitet und soll als Arbeitshypothese für den vorliegenden Artikel dienen.

Im Kontext dieses Korpus ist zudem ein Kommentar zur sprachlichen Situation angebracht, in welche die Texte eingebettet sind. Zaliznjak (2004: 5–6) nimmt an, dass das Leben der Sprecher*innen des Altnovgoroder Dialekts nicht nur von diesem geprägt war, sondern auch von einer Art supradialektalen Amtssprache (i.F. Ostslavisch¹) sowie dem Kirchenslavischen. Letzteres fand zwar ausschließlich im sakralen Kontext Anwendung, beeinflusste die ostslavischen Sprachen jedoch ungemein, da große Teile der zivilisatorischen Kultur auf der Sakralsprache beruhte. Ein bemerkenswerter Aspekt der Birkenrindenbriefe, im Unterschied zu anderen erhaltenen Schriftdenkmälern dieser Zeit, ist das weitgehende Fehlen solcher kirchenslavischen Einflüsse.

Zwar kann keine direkte Kontinuität des Altnovgoroder Dialekts zum heutigen Russi-

---

1 Zaliznjak (2004: 5) bezeichnet diese Varietät als наддиалектный древнерусский (›supradialektales Altrussisch‹). Um jedoch zu unterstreichen, dass es sich hierbei nicht nur um einen Vorfahren des Russischen, sondern auch der anderen ostslavischen Sprachen handelt, wird in diesem Beitrag von dem Begriff ›Altrussisch‹ Abstand genommen und stattdessen der neutrale Begriff ›Ostslavisch‹ verwendet.

schen angenommen werden, doch sollte er mit all seinen Eigenheiten als Ausgangspunkt für einen außergewöhnlichen diachronischen Blickwinkel auf die ostslavischen Sprachen nicht unterschätzt werden. Insbesondere in der historischen Linguistik ist man stets mit dem ›bad data problem‹ konfrontiert (vgl. Labov 1995: 11), d.h. dass sprachliches Material unvollständig und als Resultat historischer Zufälle erhalten bleibt. Die Arbeit der historisch-linguistischen Forschung beruht jedoch wesensbedingt hauptsächlich auf solch mangelhaften Überlieferungen. Die Birkenrindenbriefe fallen selbstverständlich auch in die Kategorie mangelhafter Überlieferung, da es kaum möglich ist, zu wissen, wie viele Briefe mit welchem Inhalt noch existiert haben und wie genau sie die gesprochene Sprache der Verfasser*innen repräsentieren. Dennoch ermöglichen sie einen Blick auf die Sprachgeschichte ›von unten‹, also ausgehend von der alltäglichen Sprachverwendung, welcher der Slavistik in Bezug auf das Mittelalter im ostslavischen Raum sonst verwehrt geblieben wäre.

Tempus im Altnovgoroder Dialekt

Der Gebrauch der Tempora in den Birkenrindenbriefen unterscheidet sich maßgeblich von jenem in kirchenslavischen und ostslavischen Schriftdenkmälern derselben Zeit. Die folgenden Absätze werden sich aus zwei Gründen auf die Tempora der Vergangenheit konzentrieren. Erstens handelt es sich in den Birkenrindenbriefen oft um Erzählungen vergangener Ereignisse, und zweitens sind hier die Unterschiede zu anderen Denkmälern sehr markant.

Im Kirchenslavischen sowie in den ostslavischen Chroniken sind als Vergangenheitstempora Aorist, Imperfekt, Plusquamperfekt und Perfekt in Gebrauch. Vom Imperfekt wird meist angenommen, dass dieser im ostslavischen Idiom ungefähr im 11./12. Jahrhundert schwand; der Schwund des Aorists in demselben wird üblicherweise mit dem 14./15. Jahrhundert datiert (vgl. Nessel 2015: 150). Die Entwicklung des Plusquamperfekts wirft ebenfalls einige Fragen auf, da es relativ selten gebraucht wurde und verhältnismäßig wenig Material dazu vorhanden ist (vgl. Crome et al. 1983: 168). Das Perfekt, gebildet mittels I-Partizip und Auxiliar byti im Präsens, entwickelte sich im Ostslavischen zur alleinigen Vergangenheitsform.

Im Unterschied zu anderen Quellen zeigt sich bereits auf den frühesten Birkenrindenbriefen fast ausschließlich das Perfekt als Tempus der Vergangenheit. Zwar finden sich Aorist und Imperfekt in einigen wenigen Briefen, jedoch scheint dies meist durch den Kontext bzw. den/die Verfasser*in bedingt. So sind Aorist und Imperfekt

in Birkenrinde meist in Texten mit etwas offiziellerem Charakter oder in Briefen von Geistlichen, die vermehrt mit dem Kirchenslavischen zu tun hatten, zu finden. Das Plusquamperfekt wird im Altnovgoroder Dialekt ebenfalls kaum gebraucht und zeigt sich in den Briefen tendenziell nicht in seiner eigentlichen Bedeutung der Vorvergangenheit. Stattdessen nimmt es laut Zaliznjak (2004: 176) die Bedeutung einer einfachen Handlung in der Vergangenheit ohne Gegenwartsbezug oder Relation zu anderen Handlungen der Vergangenheit an.

Unter der Annahme, dass der Altnovgoroder Dialekt eine Repräsentation gesprochener Sprache ist, können aus dem oben beschriebenen Stand der Vergangenheits-tempora zwei mögliche Hypothesen abgeleitet werden. Erstere wäre, dass Aorist und Imperfekt bereits vor dem 11. Jh. aus der gesprochenen Sprache der Rus' verschwanden und nur als Teil der Schriftsprache erhalten blieben. Die zweite Interpretation der Daten wäre, dass die synthetischen Präterita nie wirklich im System des Ostslavischen präsent waren und nur durch den starken Einfluss des Kirchenslavischen Eingang in die Schriftsprache fanden. Zur Stützung einer der beiden Hypothesen wären selbstverständlich mehr profane/alltägliche Quellen derselben Zeit aus anderen ostslavischen Gebieten erforderlich – siehe das oben erwähnte bad data problem.

Beide Hypothesen, früherer Schwund der synthetischen Präterita sowie gänzlich fehlendes in den ostslavischen Dialekten, würden eine andere Entwicklung des Tempussystems des Ostslavischen bedeuten als gängigerweise angenommen.

Diachrone Betrachtung des Verbalaspekts

Wenngleich die Entwicklung des ostslavischen Tempussystems einige Fragen aufwirft, so ist die Genese der grammatischen Kategorie des Verbalaspekts im Slavischen ein bedeutend größeres Mysterium. Es findet sich verhältnismäßig wenig Literatur mit klaren Aussagen zu diesem Thema. Einige wesentliche Aspekte werden dennoch in den folgenden Absätzen zusammengefasst. Da es unterschiedliche Theorien zur Entstehung des Aspekts gibt, wird hier ein Ansatz (Klimonow 1995, 2001) in den Vordergrund gestellt und durch andere Arbeiten gestützt. Für weiterführende Studien zur Entwicklung des Verbalaspekts (insbesondere im Ostslavischen) wird auf Bermel (1995, 1997), Mayo (1985), und Schuyt (1990) verwiesen.

Blickt man weit in die Vergangenheit, zeigt sich, dass bereits die indoeuropäischen Verben Aspekt ausdrückten (vgl. Crome et al. 1983: 169). Meist wird angenommen, dass die slavischen Verbalaspekte nicht direkt diesen indoeuropäischen Aspekten entspre-

chen, sondern sie im Zuge der Veränderung des Tempussystems ersetzen (vgl. Klimonow 1995: 274–275). Zudem kann angenommen werden, dass die Grammatikalisierung von *Simplicia* – d.h. einfachen Verben ohne Präfix oder Suffix – ausging und auf lexikalisch-semanticen Differenzierungen (bzw. Aktionsarten) wie etwa durativ/nicht-durativ basierte. Infolgedessen nahmen Präsensformen vom Typ *padq* (‘ich werde fallen’) zunehmend Futurbedeutung an, da solche punktuellen Handlungen kein aktuelles Präsens bezeichnen konnten (vgl. ebd.). Zu solchen Futuropräsentia wurden wiederum durch Suffigierung Verben geschaffen, die im aktuellen Präsens verwendet werden konnten. Hinzu kam außerdem die Verwendung von Präfixen, welche die ausgedrückten Handlungen in Raum und Zeit determinierten. Diese nahmen neben ihrer lexikalischen Bedeutung zunehmend die abstrakte Bedeutung einer Art inneren Grenze der Handlung an (vgl. Crome et al. 1983: 169) und kamen so zu ihrer perfektivierenden Funktion. Durch diese Prozesse wurde die aspektuelle Opposition zunehmend grammatikalisiert.

Darüber hinaus ist zu erwähnen, dass die hier kurz und vereinfacht beschriebene Entwicklung vermutlich nicht das gesamte Verbalssystem auf einmal erfasste. Stattdessen ist anzunehmen, dass zu Beginn nur einige wenige Verben betroffen waren und sich die aspektuelle Opposition erst mit der Zeit auf das gesamte System ausbreitete (vgl. ebd.: 170). Die hier dargestellte Theorie ist, wie oben erwähnt, nur eine von vielen zur Genese des Aspekts. Bisher ist keine Theorie zu diesem Thema ausreichend abgesichert.

Zur zeitlichen Einordnung der vollständigen Grammatikalisierung des Aspekts gibt es ebenfalls ausgesprochen unterschiedliche Meinungen. Häufig wird angenommen, dass der Prozess seine Wurzeln im Urslavischen hat, da die Kategorie in allen slavischen Sprachen gefunden werden kann, wenn auch in unterschiedlichen Ausprägungen (vgl. Nessel 2015: 153). In jedem Fall muss in Betracht gezogen werden, dass derartige Prozesse sich über lange Zeitspannen zutragen, wodurch absolute zeitliche Grenzen nur schwer gesetzt werden können.

In den heutigen ostslavischen Sprachen ist im Vergleich zu den west- und südslavischen Sprachen der Verbalaspekt stärker grammatikalisiert. Dies ist in Verbindung mit dem minimalistischen Tempussystem (ein Präteritum, ein Präsens, ein Futur) zu sehen. Es ist davon auszugehen, dass die Umgestaltung des Tempussystems und die Entstehung der Aspektkategorie sich in ihrer Entwicklung wechselseitig beeinflussen (vgl. Crome et al. 1983: 171). Wie oben erwähnt, zeigt sich das minimalistische Tempussystem des heutigen Ostslavischen in den Birkenrindenbriefen bereits sehr deutlich. Das wirft die Frage auf, inwieweit die Kategorie des Aspekts in den Briefen bereits sichtbar und grammatikalisiert ist, und somit, inwieweit eine Ähnlichkeit zum heutigen ostslavischen Aspekt-Tempus-Geflecht besteht.

Die Frage des Aspekts im Altnovgoroder Dialekt wurde bisher in der Forschung noch kaum diskutiert, da die Birkenrindenbriefe meist kulturhistorisch, soziolinguistisch oder in Bezug auf ihre spezifischen Dialektmerkmale untersucht werden (siehe z. B. Dekker 2018, Schaeken 2019). Kommentare zum Aspekt in den Briefen finden sich in wenigen Abschnitten in Zaliznjak (2004), jedoch ohne genauere Ausführungen. Eine Arbeit hingegen, die sich vollständig diesem Thema widmet, ist Nørgard-Sørensen 1997 – sie widerspricht den hier zitierten Arbeiten und den Arbeitshypothesen der Autorin in einigen Punkten und wird daher nicht als zentrale Quelle herangezogen.

Die Briefe N. 605 & Tver. 5

Im Folgenden werden zwei Briefe exemplarisch hinsichtlich Tempus und Aspekt beschrieben. Die beiden Texte sollen der Veranschaulichung dienen, einerseits um dem/der Leser*in ein Gefühl für die Inhalte des Korpus zu geben, andererseits um den Gebrauch von Tempus und Aspekt zu illustrieren.

Der erste Brief, Nummer 605 aus Novgorod, stammt von einem Mönch namens Efrem und ist an einen Freund adressiert, mit dem offensichtlich ein Treffen ausgemacht war, zu dem Efrem nicht erscheinen konnte:

N. 605 (1100–1120)

покланание ѿ ефрема къ братоу моему исоухиѣ
не спрашавъ розгнѣвася мене игоумене не поу-
стиле а ꙗ прашалъся нъ посълалъ съ
асафѣмъ къ посадьникоу медоу дѣла а при-
шла есѣѣ оли звонили а чемоу сѧ гнѣваеши
а ꙗ всьгда оу тебе а соромъ ми оже ми лихо
мѣлѣлаше и покланяю ти сѧ братъче мои
то си хотя мѣлѣи ты еси мои а ꙗ твои²

---

2 Zaliznjak 2004: 271; dt. Übers. der Verfasserin: »Ein Gruß von Efrem an meinen Bruder Isuchija. Ohne nachzufragen bist du mir böse. Der Igumen ließ mich nicht gehen, obwohl ich mir freinahm, und sandte mich mit Asaf wegen des Honigs zum Posadnik und wir kamen erst an, als die Glocken schon läuteten. Warum bist du erzürnt, ich bin immer bei dir und es schmerzt mich, dass du schlecht mit mir sprichst. Und trotzdem verbeuge ich mich vor dir, mein Bruder. Du bist mein und ich dein.«

Der Brief ist vor allem in Bezug auf die Verwendung der verschiedenen Tempora von Interesse. In dem Text wird nicht nur das Perfekt genutzt, sondern auch Imperfekt (мѣлѣлаше) und Aorist (розгнѣвасѣ). Mit diesen Tempora sticht der Brief deutlich aus dem Korpus heraus, da sowohl Aorist als auch Imperfekt nur in einer Handvoll Briefe zu finden sind. Nun stellt sich die Frage, warum die Formen in N. 605 auftauchen und in welchem Kontext genau sie genutzt werden.

In erster Linie kann der Gebrauch der Tempora Aorist und Imperfekt durch den geistlichen Stand Efrens erklärt werden. Seine Stellung als Mönch lässt einen stärkeren Einfluss der Sakralsprache auf die Schriftsprache Efrens vermuten als im Altnovgoroder Dialekt üblich (dieser Einfluss ist auch in einigen anderen Elementen des Briefes erkennbar, vgl. dazu Zalznjak 2004: 271). Bemerkenswert ist jedoch, dass die zwei Tempora aus dem Kirchenslavischen nur für Handlungen des Adressaten, Isuchija, genutzt werden. Seine eigenen Handlungen und andere Geschehnisse beschreibt der Verfasser ausschließlich im Perfekt, er greift hierfür also anscheinend auf seine Alltagssprache (mit Perfekt als universellem Tempus der Vergangenheit) zurück.

Der zweite Brief, Nummer 5 aus Tver', handelt von einer Auseinandersetzung bezüglich Waldwirtschaft. Für Tver. 5 existieren zwei mögliche Lesarten, die deutsche Übersetzung in diesem Beitrag bezieht sich auf die neuere der beiden.

Tver. 5 (1300–1320)

Ѡ илиице ко илие шюига дубие переписываєте
а [б]целы ти лазило азѡ дубие ѡмаю по своеи мети
а тесно сотесываєте то мои дубѡ ваше бортико окралосѣ
первы а ныне поеди само семо утверди свою борте³

Dieser Brief entstammt einer etwas späteren Periode als N. 605; er ist auf den Beginn des 14. Jahrhunderts zu datieren. Zwei Formen sind hier von Interesse: переписываєте und сотесываєте. Es handelt sich hierbei um sekundäre Imperfektivierungen. Diese zeichnen sich durch Suffigierung eines bereits präfigierten Verbs aus und sind für die Frage nach der Grammatikalisierung des Aspekts ausgesprochen bedeutsam.

---

3 Janin et al. 2015: 274; dt. Übers. der Verfasserin: »Von Ilijca an Ilija. Šjuga ändert die Markierungen auf den Eichen und nahm Honig aus den Bienenstöcken. [Er sagt:] ›Ich wähle meine Eichen entsprechend den Markierungen.‹ Er schlägt eine Einkerbung ab [und sagt]: ›Das ist meine Eiche, sie wurde von deinem früheren Imker gestohlen.‹ Geh jetzt selbst, bestätige den Besitz deines Bienenstocks.«

Beide Formen stehen im Präsens, wobei die sekundäre Imperfektivierung vermuten lässt, dass von dem einfachen präfigierten Verb (переписать, стесать) kein Präsens mehr gebildet werden konnte. Dies weist darauf hin, dass für den Verfasser bereits eine Trennung bestand zwischen Verben, welche im aktuellen Präsens genutzt werden konnten, und solchen, die möglicherweise bereits ein Präsensparadigma mit Futurbedeutung besaßen.

Derartige sekundäre Imperfektive finden sich in den Birkenrindenbriefen nicht übermäßig häufig, die Mehrheit der Belege solcher Formen stammt aus dem 14. oder 15. Jahrhundert (vgl. Zaliznjak 2004: 217). Dass die Bildung sekundärer Imperfektive vor allem in späteren Briefen zu sehen ist, lässt annehmen, dass der Prozess der Grammatikalisierung des Aspekts zu dieser Zeit sehr ausgeprägt war. Dies deckt sich mit Zaliznjaks (2004: 177) Annahme, dass die aspektuelle Opposition in den Briefen bereits klar erkennbar sei, auch wenn sie noch nicht so allumfassend gewesen sei wie in der modernen russischen Sprache.

Die hier analysierten Briefe bilden nur zwei von vielen interessanten Beispielen für das Verbsystem, wie es im Altnovgoroder Dialekt Anwendung fand.

Conclusio

Der vorliegende Beitrag steht nur exemplarisch für die vielen Möglichkeiten, die die Birkenrindenbriefe der historischen Linguistik noch bieten können. Obwohl schon viel über das Korpus bekannt ist und stetig mehr Forschung anhand der Briefe betrieben wird, scheint es noch lange nicht vollständig erschlossen und in seiner ganzen Fülle ausgewertet.

Wie oben aufgezeigt, bietet der Altnovgoroder Dialekt einen neuen Ansatzpunkt für Fragen, welche die slavische Sprachwissenschaft schon lange beschäftigen. Das Korpus mag ostslavisch-dialektal sein, hat allerdings auch im Gesamtkontext der Geschichte der slavischen Sprachen seine Berechtigung.

In Bezug auf die Geschichte des ostslavischen Tempussystems belegen die Briefe schon im 11. Jh. die Abwesenheit von Aorist und Imperfekt in der Alltagssprache der Bevölkerung Novgorods. Derartige Belege können als Hinweis darauf gesehen werden, dass diese beiden Tempora möglicherweise nicht als Teil des Ostslavischen entwickelt waren, sondern nur durch das Kirchenslavische in die Sprache übernommen wurden. Zudem zeigt der Altnovgoroder Dialekt mit der ausschließlichen Verwendung des Perfekts als Tempus der Vergangenheit bereits in den frühesten Belegen das

Präteritalsystem, das sich letztlich in den ostslavischen Sprachen durchsetzte. Unabhängig davon, wie genau das Fehlen von Aorist und Imperfekt interpretiert wird, stellen die Birkenrindenbriefe einen Beleg für ein Tempussystem dar, das sich maßgeblich von anderen Schriftdenkmälern derselben Zeit unterscheidet.

Bezüglich der Entstehung des Verbalaspekts als grammatikalische Kategorie bleiben einige Fragen offen. Dies gilt einerseits im gesamtslavischen Kontext, andererseits in Bezug auf die Birkenrindenbriefe, da die Kategorie anhand dieser noch kaum untersucht wurde.

Es bleibt zu hoffen, dass weiterführende Studien zu Tempus und Aspekt auf Basis der Briefe zu neuen Erkenntnissen in diesem Bereich beitragen können.

Literaturverzeichnis

- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka*, <https://ruscorpora.ru/new/search-birchbark.html> (aufgerufen am: 02.07.2021).
- Drevnerusskie berestjanye gramoty*, <http://gramoty.ru/birchbark/> (aufgerufen am: 02.07.2021).
- Bermel, N. (1995): »Aspect and the Shape of Action in Old Russian«. In: *Russian Linguistics* (19), S. 333–348, <https://doi.org/10.1007/BF01080603>.
- Bermel, N. (1997): *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*. Berkeley, <https://doi.org/10.1023/A:1006976413474>
- Dekker, S. (2018): *Old Russian birchbark letters: a pragmatic approach*. Leiden, <https://doi.org/10.1515/jhsl-2018-0010>.
- Crome, E. / Ecker, R. / Fleckenstein, C. (1983) *Geschichte der russischen Sprache*. Leipzig.
- Janin, V. L. / Zaliznjak, A. A. / Gippius, A. A. (2015): *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz rackopok 2001–2014 gg.* Tom XII. Moskau.
- Klimonow, W. (1995): »Zur Geschichte der Tempusentwicklung in den unterschiedlichen slavischen Sprachen«. In: Jachnow / Wingender (Hrsg.): *Temporalität und Tempus: Studien zu allgemeinen und slavistischen Fragen*. Wiesbaden, S. 273–296.
- Klimonow, W. (2001): »Die Umgestaltung des Systems aspektueller Oppositionen im Russischen aus Sicht der natürlichen grammatischen Entwicklung«. In: *Zeitschrift für Slawistik* (46/4), S. 390–412.
- Labov, W. (1995): *Principles of linguistic change 1: Internal factors*. Chichester u.a.
- Mayo, P. J. (1985): *The morphology of aspect in seventeenth-century Russian (based on texts of the Smutnoe vremja)*. Columbus.
- Neset, T. (2015): *How Russian Came to Be the Way It Is. A Student's Guide to the History of the Russian Language*. Bloomington.
- Nørgard-Sørensen, J. (1997): »Tense, Aspect and Verbal Derivation in the Language of the Novgorod Birch Bark Letters«. In: *Russian Linguistics* (21), S. 1–21, <https://doi.org/10.1023/A:1006871516003>.
- Schaeken, J. (2019): *Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia*. Leiden.

- Schuyt, R. (1990): The morphology of Slavic verbal aspect: a descriptive and historical study. Amsterdam.
- Zaliznjak, A. A. (2004): *Drevnenovgorodskij dialekt*. Moskau.
- (diverse Hrsg.) (1953–2015): *Novgorodskie gramoty na bereste* (1–12). Moskau.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Názvy rostliny bramboru obecného (*Solanum tuberosum*)

Der Beitrag skizziert die Charakteristik und die historische Herkunft der Kartoffel, die sprachliche Entwicklung der Einzelnamen vom Altschechischen bis in die Gegenwart, klärt die etymologische Deutung der tschechischen Namen, ihre Dialekt- und Volksformen und beschreibt die Verwendungsweise der Kartoffel in der altböhmischen und Volksküche.

This paper discusses characteristics and historic origins of the potato and the verbal development of its names from Medieval Czech up to present times. Etymological interpretations of the Czech names and its dialectal forms are being described as well as its usage in the bohemian cuisine.

Již odpradávná tvoří zelenina jednu ze základních složek lidské potravy. Užitkové rostliny provázely člověka po celý jeho život (Jirásek 1958: 7). Zemědělské plodiny lidé pěstovali především jako zdroj výživných látek. Pěstování zeleniny v pravém slova smyslu se věnovali až později. Zemědělství pravděpodobně nevzniklo v Evropě, ale dostalo se k nám s příchodem zemědělců ze Střední Asie a Iráku (srov. Troníčková 1985: 12). Je doloženo, že na naše území proudily vlny různých obyvatel. Za nejstarší zemědělce, kteří k nám přišli začátkem mladší doby kamenné, jsou považováni příslušníci etnik z jihovýchodu. V období pozdní doby kamenné sem přicházeli zřejmě i první Indoevropané. Sídliili zde Keltové a po určitou dobu také Germáni. Dle archeologických nálezů přišly v 6. stol. n. l. do Čech slovanské kmeny. Všechna tato etnika zanechala na našem území svou stopu v místních názvech, ale i v zemědělství, potravinách nebo dobytku,

který chovali (srov. Beranová 2012: 45–46). Objevení Ameriky a další zámořské cesty do Indie a Afriky výrazně napomohly k šíření cizokrajných rostlin. Do Evropy se dostaly brambory. Staly se jednou z nejdůležitějších hospodářských plodin světa a zároveň také velice zajímavým lingvistickým materiálem, zejména v oblasti etymologie a dialektologie.

Brambor obecný, brambor hlíznatý nebo také lilek brambor (*Solanum tuberosum*) je víceletá hlíznatá rostlina z čeledi lilkovitých, která se pěstuje pro jedlé škrobnaté hlízy (srov. Bulisová 2010: 162). Z pohledu světového hospodářství patří mezi čtyři nejvýznamnější plodiny a její význam stále roste, a to především v zemích s nižší životní úrovní. V historii byly brambory vedle obilovin přehlíženy, někdy i zavrhovány, nicméně později se staly nepostradatelnou složkou jak zemědělské a průmyslové výroby, tak mnohostranné stravy lidí. Výživná hodnota brambor je především ve vysokém obsahu škrobu, který představuje bohatý zdroj energie, ale také v množství bílkovin, vitamínů a minerálních látek. Dnes jsou brambory považovány za základní potravinu a surovinu, která má zejména v gastronomii obrovský potenciál (srov. Kawollek 2012: 594).

Původní vlastní brambor je Jižní Amerika. Prvními objeviteli byly původně mongoloidní kmeny, které pronikaly z Asie přes Aljašku do Jižní Ameriky – pozdější Indiáni. Ti se naučili brambory pěstovat, upravovat i konzervovat. Sušené bramborové hlízy se staly významným směnným zbožím, dokonce i platidlem (srov. Skornjakov 1988: 124).

Na počátku 16. století objevili brambory Evropané. Poprvé byla tato plodina přivezena do Evropy mezi léty 1565–1570. Přes španělskou Sevillu pronikla dále do jižní a střední Evropy. V 80. letech 16. století se dostala do Irska a Anglie, odkud se šířila dále po severní Evropě a do Severní Ameriky, kde byla do té doby neznámá. Byla považována za botanickou zvláštnost, můžeme říci kuriozitu, pěstovanou v aristokratických, panovnických a botanických zahradách k přípravě vybraných pokrmů, jako pochoutka (srov. Kutnar 1963: 14; Strnadová 2010: 110).

Na počátku 17. století plodina pronikla z Itálie přes Alpy až do Německa, kde ji podle italského tartufo (lanýž) začali nazývat Tartuffel, odtud později dnešní podoba německého Kartoffel. Během třicetileté války docházelo k šíření brambor zejména prostřednictvím františkánů, kteří se věnovali jejich pěstování v klášterních zahradách a obdarovávali jimi především šlechtice. Takto se údajně plodina dostala i k nám (srov. Jirásek 1958: 143–148). Dle českého historika Františka Kutnara můžeme však s jistotou říci, že se u nás neobjevovaly brambory ani jako vzácné zahradní rostliny před počátkem 17. století (srov. Kutnar 1963: 18–19).

Celé 17. století zůstaly brambory vzácnou plodinou pěstovanou v klášterních a šlechtických zahradách. K rozvoji bramborové kultury došlo až po sedmileté válce a

dobách hladomoru v letech 1771–1772, kdy údajně Braniborsko zaslalo do Čech velké zásoby bramborové sadby (srov. Strnadová 2010: 111).

Ani na počátku 18. století se nejednalo o běžně dostupnou surovinu v měšťanských kuchyních. Za běžnou součást potravy můžeme považovat brambory až od 2. poloviny 18. století. V 1. polovině 19. století se ustálily jako zemědělská plodina. Přibližně v této době zdomácněly i v Rusku (srov. Strnadová 2010: 111; Skornjakov 1988: 126).

Stav názvu ve staré češtině a češtině 19. století

České slovo brambor, jak ho známe dnes, se objevuje v písemných památkách od roku 1788 (srov. Korandová 1962: 181–192). Nalezneme jej např. v *Deutsch-böhmisches Nationallexikonu* Karla Ignáce Tháma (srov. Thám 1814: II, 323). *Malý staročeský slovník* uvádí pouze adjektivum ›bramburský‹ s významem ›braniborský‹ – odtud později název brambor také vznikl. Má se za to, že se k nám dostal právě z Branibor (srov. Bělič / Kamiš / Kučera 1978: 25). Takto vykládá původ slova též Josef Jungmann ve svém *Slovníku česko-německém*. Výrazem brambor však Jungmann i další obrozenečtí autoři označovali především ›topinambur‹ (*Helianthus tuberosus*). Pro označení bramboru, jak jej chápeme dnes, se používal spíše výraz ›zemní jablko‹. Jungmann uvádí ve svém slovníku též hesla ›zemák‹, ›zemče‹, ›zemně‹, ›zemčák‹, ›zemňák‹ a ›kobzole‹ (femininní tvar) jako moravský dialektismus pro brambor (srov. Jungmann 1835–1839: I–V, 92, 170, 648–650).

Ve slovníku Františka Štěpána Kotta se objevuje slovo brambor pod heslem ›zemák‹, ale také pod heslem ›bamboch‹, ›bambol‹, ›bamboľ‹ či ›bobál‹, který použil ve svém *Rostlináři* již Jan Svatopluk Presl (srov. Kott 1878–1896: I–V, 76, 444, 940, 10).

I přes veškerou snahu Jungmanna a dalších obrozenců, kteří usilovali o prosazení českých výrazů jako ›zemáky‹, ›zemčata‹, ›zemská jablka‹, ›kobzole‹ a jiné, se však od 40. let 19. století začal prosazovat zejména název ›brambor‹ (srov. Novotný 2005).

Prozatím nejstarší zjištěná podoba názvu pro brambory ›zemská jablka‹ pochází z české instrukce města Brtnice z roku 1667 (srov. Kutnar 1963: 20). Tento název se hojně objevoval především v beletristických dílech na konci 19. století. Na přelomu 18. a 19. století se používaly též názvy ›podzemská jablka‹ či ›zemní jablka‹ (srov. Korandová 1962: 181–192). Česká buditelka, spisovatelka a autorka kuchařek Magdalena Dobromila Rettigová užívá ve svých kuchařských spisech pro označení brambor jména ›zemčata‹ či ›zemčátka‹ (srov. Rettigová 1986: 57, 195, 235).

K nejstarším názvům brambor patří také výraz »erteple«. Objevuje se přibližně ve stejném historickém období jako »zemská jablka«. Již od počátku se však název potýká s nálepkou nečeského, nesprávného výrazu, uváděn často v závorkách, snad jen k doplnění českého názvu (srov. Rettigová 1986: 57, 195, 235). Jako příklad uvádíme záznam. z *Knižky kuchařské* Václava Pacovského – »zemčata nebo zemská jablka (erteple)« (Pacovský 1811: 57, 117, 218, 369).

Stav názvu v nové češtině

Jak uvádí česká jazykovědkyně Marie Korandová, můžeme dnes hovořit o třech hlavních skupinách pro název brambor. Činíme tak na základě tří nejfrekventovanějších podob názvu v dnešní češtině a také s ohledem na starší zprávy. První skupina obsahuje přímo jméno »brambor« a jeho hláskové varianty či příbuzné názvy, jako např. »branbor«, »bandor«, »bandur«, »bambol« či »bobál«. Tyto názvy jsou užívány především v oblasti Čech. Ve střední části Čech, jihočeském a severočeském nářečí, ale také v okolí města Jihlavy a severozápadní části Znojemska se objevuje femininní tvar jména brambora. V ostatních částech Čech a v jihozápadní části Moravy se setkáme především s maskulinním tvarem brambor, který je dle etymologie tvarem prvotním. V oblasti Žďáru nad Sázavou a v části Doudlebska narazíme i na neutrální tvar bramboro. S bandorem se setkáme v Podještědí, na Kladsku a Náchodsku, s bandorou na Novopacku. Ojedíněle se objevuje na Písecku také branbor či branibor a na Prachaticku brantbor. Druhou skupinu tvoří jména jako »zemák«, »zemský jabko«, »jablůško« apod. Tato jména jsou charakteristická pro oblast moravskou. Na území od Českomoravské vrchoviny až na střední Moravu, zejména v oblasti Hané se běžně používá sousloví zemské jabko či zemský jabko nebo též tvar s vypuštěným adjektivem jabko. Pro Valašsko, Holešovsko, Kroměřížsko a území východně od Prostějovska je charakteristická podoba zemák a zemňák. Do třetí skupiny spadají názvy přejaté jako »kobzole«, »erteple« či »grumbíry« – typické pro okrajová nářečí (srov. Korandová 1962: 181–192).

V novodobých slovnících se kromě hesla brambor, které popisují jako »bylinu se zpeřenými listy pěstovanou pro jedlé hlízy« (*Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*)¹ nebo jako »rostlinu, jejíž hlízy slouží jako základní potravina, krmivo či

---

1 Černá, A. et al. (2008–2021): *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=brambor> (poslední přístup: 05.03.2021). Dále jen SSČ.

surovina» (SSČ; *Slovník spisovného jazyka českého*),² objevují i jiné výrazy, jako např. ›bandur«, ›zemák« (jako oblastní či nářeční podoba jména brambor) či ›erteple« (femininní tvar) – všechny slovníky tvrdí, že se jedná o zastaralý, oblastní či lidový název pro brambor (srov. *Akademický slovník cizích slov*; *Akademický slovník současné češtiny*; *Příruční slovník jazyka českého*; SSČ; SSJČ).³

Etymologie názvu

Jak bylo zmíněno výše, můžeme názvy brambor rozdělit do tří základních skupin. Nejprve se tedy budeme věnovat etymologickému rozboru slova ›brambor«, jeho hláskovým variantám, příbuzným či odvozeným výrazům. Autoři českých etymologických slovníků Jiří Rejzek, Josef Holub, Stanislav Lyer, František Kopečný a později i Václav Machek zastávají názor, že slovo ›brambor« souvisí se jménem ›Branibor«. Předpokládá se, že brambory se k nám dostaly z Branibor, označují se jako ›plodina z Branibor«. Vycházíme z toho, že staročeské ›Bramburk« a lužické ›Brambor« znamená ›Branibor«, staročeské ›bramburský« znamená ›braniborský« (srov. Holub / Kopečný 1952: 75; Machek 1968: 63–64; Rejzek 2001: 88–89). Dle českého jazykovědce Antonína Frinty se k nám plodina dostala prostřednictvím pruských vojáků označovaných Lužickými Srby jako ›Brambor« během války o bavorské dědictví takzvané bramborové války) probíhající mezi lety 1778–1779 (srov. Frinta 1956: 259). Toto tvrzení nám dokládají i analogicky tvořené názvy jako české nářeční ›branibor« a ›brantbor/brantbora«, rumunské nářeční ›brandraburca«, maďarské ›burgonya«, slovenské nářeční

-
- 2 Černá, A. et al. (2008–2021): *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=brambor> (poslední přístup: 05.03.2021). Havránek, B. et al. (2011): *Slovník spisovného jazyka českého. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?hledej=Hledat&heslo=brambor&sti=EMPTY&where=hesla&hsubstr=no> (poslední přístup: 26.03.2021). Dále jen SSJČ.
- 3 Petráčková, V. et al. (2008–2021): *Akademický slovník cizích slov. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=erteple> (poslední přístup: 23.03.2021). Dále jen ASCS. Beková, E. et al. (2012–2021): *Akademický slovník současné češtiny. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://www.slovníkcestiny.cz/heslo/bandur/0/1275> (poslední přístup: 26.02.2021). Dále jen ASSČ. Hujer, O. et al. (2007–2008): *Příruční slovník jazyka českého. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, https://psjc.ujc.cas.cz/search.php?hledej=Hledej&heslo=erteple&where=hesla&zobraz_ps=ps&zobraz_cards=cards&pocet_karet=3&ps_heslo=zem%C3%A1k&ps_startfrom=0&ps_numcards=73&numchange=no&not_initial=1 (poslední přístup: 24.03.2021). Dále jen PSJČ. Černá, A. et al. (2008–2021): *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=zem%C3%A1k> (poslední přístup: 05.03.2021). Havránek, B. et al. (2011): *Slovník spisovného jazyka českého. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?hledej=Hledat&heslo=zem%C3%A1k&sti=EMPTY&where=hesla&hsubstr=no> (poslední přístup: 26.03.2021).

›švábka‹ (plodina ze Švábska). K této etymologii se později přiklání i Machek. Jeho původní výklad vycházel ze slova ›bambol‹, novočesky ›bambule‹, tedy něco kulatého, srovnáno s lotyšským ›bimbalis‹ či ›bumbulis‹ a českým ›boubel‹. Výchozím pro něj bylo zřejmě také starší slovenské ›bobál‹ (srov. Machek 1957: 40) nebo české nářeční ›bobále‹ (srov. Bartoš 1906: 20). Už v Preslově *Rostlináři* nalezneme slovo ›bambol‹ pro označení brambor. Spíše ale slovo ›bambol‹ vzniklo z brambor, neboť první *r* zaniklo disimilací a druhé *r* poté přešlo v *l* (srov. Machek 1968: 63–64; Valčáková 1979: 164). Touto tezí je vyvrácena původní Machkova teorie, která zní doslova takto: »*l* bylo anticipováno do první slabiky a zároveň disimilováno v *r*, pak i koncové *l* zas asimilováno k tomuto *r*: bambol > *blambol > *brambol > brambor« (Machek 1954: 206).

Substantiva ›zemák‹, ›zemče‹, ›zemsky‹, ›jabko‹, ›jablůško‹ apod. pochází z německého ›Erdapfel‹. Výchozím pro všechna tato označení bylo sousloví ›zemské jablko‹ či ›zemní jablko‹, které je doslovným překladem německého ›Erdapfel‹ (srov. Holub / Kopečný 1952: 75; Korandová 1962: 181–192; Holub / Lyer 1978: 99; Valčáková 1979: 165; Rejzek 2001: 88–89), podobně i francouzské ›pommes de terre‹ (srov. Holub / Kopečný 1952: 435; Holub – Lyer 1978: 75). Sousloví se různými způsoby zjednodušovalo a zkracovalo, vypouštěla se např. adjektiva – tak vznikla slova jako ›jabko‹, ›jablůško‹. Tato jména se však pro svou nejednoznačnost a nepřesnost neujala a nikdy nepronikla do spisovného jazyka, zůstala pouze nářečními podobami. Při vytváření nových slov docházelo také k substantivizaci – např. ›zemsky‹, nebo se vytvářela nová jednoslovná jména odvozená od základu daného adjektiva – např. ›zemák‹, ›zemče‹ apod. (srov. Korandová 1962: 181–192). Z německého ›Erdapfel‹ pak vznikly další jen málo pozměněné nářeční podoby slova jako např. ›Erteple‹, ›arteple‹, ›herteple‹ apod. (srov. Holub / Lyer 1978: 99; Valčáková 1979: 165; Rejzek 2001: 88–89).

Jména jako ›krumpír‹, ›krompír‹, ›grumbír‹, ›krumpel‹ apod. pochází z německého ›Grundbirne‹ (zemní hruška) či ›Grundapfel‹ (zemní jablko) (srov. Machek 1954: 206–207; Korandová 1962: 181–192; Machek 1968: 63; Valčáková 1979: 166; Rejzek 2001: 89). Podobná jména nalezneme např. v maďarštině ›krumpér‹ či ›krumpli‹, slovinštině ›krompír‹, v bulharštině ›krompír‹ apod. (srov. Korandová 1962: 181–192).

Nářeční výrazy jako ›kartofel‹ či ›kantofel‹ mají svůj původ v německém ›Kartoffel‹ (srov. Holub / Kopečný 1952: 75; Machek 1968: 63), které pochází z italského ›Tartapholi‹, ›Tartatoughli‹ čili lanýž (tartufo) (Valčáková 1979: 166). Pro svou podobnost s lanýží se totiž brambory v Itálii označovaly jako ›tartufo‹ či ›tartufolo‹, švýcarsky ›cartoufle‹. V 16. století se dostalo jméno i do němčiny jako odborný název ›Tartuffel‹, od 18. století známe dnešní podobu slova ›Kartoffel‹, ruské ›kartofel‹, polské ›tartofl‹, ›tartofel‹ či ›kartofel‹ (srov. Korandová 1962: 181–192).

Lašská nářeční podoba ›kobzol‹ či ›kobzal‹ je dle Machkovy teorie odvozena z ukrajinského ›gordzola‹, které se k nám dostalo přes horské pastevece ukrajinského původu a uchytilo u valašských pastevců (srov. Machek 1954: 207; Machek 1968: 265). Je možné, že název má spojitost i s polským ›kamizelki‹ (brambory), původ je však nejasný (srov. Karłowicz 1902: II, 285).

Nářeční a lidové podoby názvu

Existuje skutečně pestrá paleta názvů a nářečních podob slova brambor. V nich se odráží složitá cesta, kterou tato důležitá rostlina podnikla, ale také vzájemné vztahy mezi jednotlivými evropskými zeměmi. Právě na základě evropských názvů vznikaly různé podoby slova u nás. Skutečnost, že brambory v českých zemích zdomácněly a začaly se intenzivně pěstovat ke konci 18. století, v době, kdy byla česká nářečí stále ještě výrazně rozrůzněna, napomohla velké rozmanitosti nářečních podob jména.

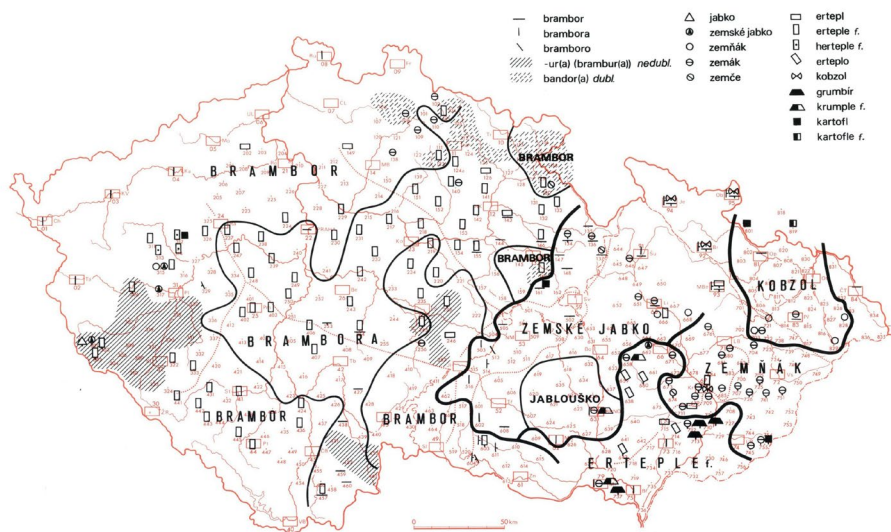
Dle původu nářečních podob slova rozdělíme opět do tří skupin. Nejprve se budeme zabývat názvy českého původu – ›brambor‹ – a jeho variantami.

Slova ›brambor‹ a ›brambora‹ jsou nejrozšířenějšími označeními pro brambory vůbec. Vyskytují se nejen v celých Čechách, ale zasahují i část Moravy. Ve střední části Čech, jihočeském a severočeském nářečí se objevuje femininní tvar jména ›brambora‹. V ostatních částech Čech a v jihozápadní části Moravy se setkáme především s maskulinním tvarem ›brambor‹, který je dle etymologie tvarem prvotním. V oblasti Žďáru nad Sázavou narazíme i na neutrální tvar ›bramboro‹. Hláskové obměny slova – ›brambur‹ a ›brambura‹ – se užívají zejména v západočeských dialekttech (srov. Český jazykový atlas, 3: 268).⁴ S ›bandorem‹ se setkáme v Podještědí, na Kladsku a Náchodsku. Česká varianta ›bandor‹ či ›bandur‹ se objevuje i na východě Slovenska (srov. Vážný 1924: 73–77).

Nyní se budeme věnovat názvům, které spadají do druhé skupiny – překlady německého výrazu a jejich odvozeniny (›zemské jablko‹, ›zemák‹ apod.), které jsou charakteristické pro oblast moravskou. Na území od Českomoravské vrchoviny až na střední Moravu, zejména v oblasti Hané, se běžně používá sousloví ›zemské jabko‹ či ›zemský jabko‹ nebo též tvar s vypuštěným adjektivem ›jabko‹. V okolí města Tišnov se setkáme s výrazem ›jablouško‹ či ›jablůško‹. Ve východní části Brněnska se objevuje i ›jablíško‹. Na Žďársku se místy užívá tvar ›podzemsky jabko‹. Zpodstatněná

---

4 Balhar, J. et al. (2012–2014): *Český jazykový atlas. Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR*, https://cja.ujc.cas.cz/e-cja/assets/opravene_mapy/03-0269_o.jpg (poslední přístup: 12.03.2021). Dále jen ČJA.

Obr. 1: Pro lepší orientaci přikládám nářeční mapku (ČJA, 3: 269).

podoba ›zemsky‹ byla zjištěna v oblasti severozápadně od města Prostějov, na Litovelsku (srov. ČJA, 3: 268). Zejména pro Valašsko je charakteristická podoba ›zemák‹ a ›zemňák‹ (srov. Svěrák 1957: 145). V okolí města Česká Třebová je doložen i ›zemko‹ či ›zemky‹ (srov. ČJA, 3: 268).

Poslední, třetí skupinu, tvoří názvy cizího původu, slova přejatá nebo též německé výpůjčky, jako jsou ›erteple‹, ›kartofle‹, ›krumple‹ apod. Femininní tvar ›erteple‹ se vyskytuje především v Čechách. Setkáme se s ním i v oblasti jižní Moravy. Na Vyškovsku se objevuje neutrální tvar ›erteplo‹ (srov. ČJA, 3: 268). V okolí Uherského Hradiště znají ›arteple‹, ›grumbír‹ či ›grumbíru‹ (srov. Bělič 1954: 68, 178). Pro slezská nářečí je charakteristický tvar ›kobzal‹, ›kobzol‹ či ›kartofle‹ (srov. Lamprecht 1963: 61; Bartoš 1906: 193; Korandová 1962: 181–192).

Brambory mají u nás i mnoho dalších lidových pojmenování, z nichž některá sepala Ida Rystonová ve své knize *Průvodce lidovými názvy rostlin*. Uvádí např. jména jako ›brambár‹, ›brambola‹, ›brambole‹, ›brambour‹, ›brambur‹, ›brambůr‹, ›brambor‹, ›brambor sladký‹, ›okurčata‹, ›zemák‹, ›zemče‹, ›zemčátka‹ (srov. Rystonová 2007: 64, 621). Také Václav Kosík se věnoval sběru lidových názvů rostlin, mezi nimi nasbíral i různá lidová pojmenování pro brambory, z nichž výše nezaznělo např. ›babče‹, ›santaburák‹, ›santák‹, ›zemník‹ či ›žampák‹ (srov. Kosík 1940: 819).

Využití bramboru obecného v kuchyni

První zmínky o využití brambor v české kuchyni pochází z roku 1712. V kuchařské knize Kateřiny Koniášové se dočteme, že brambory sloužily původně s chřestem a raky jen jako přídatek do paštik. Do konce 18. století se vyskytovaly v českých kuchyních jen zřídka. Údajně se v dřívějších dobách podávaly slazené cukrem a ochucené skořicí (srov. Jirásek 1958: 143–148). V 19. století se z nich stala běžně používaná surovina k přípravě nejrozličnějších pokrmů. Nejčastěji se servirovaly s uzeným masem, rybou či skopovým, ne však jako příloha, ale jako zeleninová obloha. Postupně se z nich stala běžně užívaná ingredience do dortů, cukroví, knedlí apod. (srov. Beranová 2001: 30).

Velice běžnou úpravou brambor bylo pečení – jednalo se o velmi snadnou a rychlou přípravu pokrmu. Brambory se pekly většinou doma v troubě, ale někdy také na poli v popelu. Podle způsobu přípravy dostaly brambory název ›pečáky‹ (srov. Valčáková 1979: 166–167). Setkáme se s různými hláskovými obměnami jména. Na Plzeňsku se jim říkalo ›pečány‹ či ›pečánky‹, na Dražanskú a Zlínsku ›pečeňáky‹ (srov. Kott 1880: II, 518–519), na Valašsku ›zhořáky‹ (srov. Kott 1893: VII, 1139). Pečené bramborové kroužky v okolí Jevíčka a Tišnova se nazývaly ›pečinka‹ (srov. Kott 1896: 249; Bartoš 1906: 285). Známé jsou i tvary ›pečok‹ (srov. Kellner 1949: 266), ›opečky‹, ›pečenky‹ (srov. Kott 1893: VII, 1353) či ›rozpečky‹ (srov. Kott 1882: III, 160).

Častým pokrmem byly maštěné brambory ›maščoki‹. Brambory byly při přípravě tohoto pokrmu většinou rozmíchány, proto dostaly název ›myšoki‹, ›mišoki‹ (srov. Kellner 1949: 225), ›míšáky‹ (›pomíšané oškvarky s kobzolem‹) (srov. Kott 1896: 209) či ›rozmíchánky‹ (srov. Kott 1896: 341). Setkáme se i s názvem ›míchanky‹, který sloužil také jako označení pro bramborovou kaši (srov. Vykoukal 1892: 49). Ve Slezsku se pečeným bramborám se škvarky říkalo ›zajíc‹ (srov. Kott 1896: 495).

Nesmíme opomenout všeobecně známou bramborou polévku ›bramboračku‹ (srov. Vykoukal 1892: 49), na Doudlebsku ›bramborajda‹, u Litomyšle ›bandoračka‹, v okolí Domažlic ›bramburačka‹ (srov. *Slovník nářečí českého jazyka*),⁵ na Plzeňsku ›bandurová polívka‹ či ›bandurovka‹ (srov. Kott 1887: V, 941), u Kutné hory ›bramborovka‹ (srov. SNČJ), na Valašsku ›zemákovica‹ (srov. Bartoš 1906: 540) či ›zemňákovica‹ (srov. Kott 1893: VII, 1137), v okolí Zlína ›zemákovice‹ (srov. Kott 1887: V, 444), na Boskovicku ›japkovica‹ (srov. Svěrák 1941: 113), na Slovácku ›krumplovica‹ (srov.

---

5 Kloferová, S. et al. (2011–2015): *Slovník nářečí českého jazyka. Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://snjc.ujc.cas.cz/entry/?id=7564%2C7564> (poslední přístup: 01.04.2019). Dále jen SNČJ.

Kott 1890: VI, 754). Polévka se vařila buď zasmažená se zeleninou a houbami, nebo nezasmažená – takzvaně skleněná ve smyslu průhledná (srov. Vykoukal 1892: 49).

Dodnes velice známou a oblíbenou je bramborová placka. Brambory smíchané se solí, pepřem, majoránkou, česnekem, moukou, mlékem a vejci nazýváme i dnes ›bramborák«. Na severu Čech a na Kladsku se jim říkalo ›bramborka« (srov. Kubín 1913: 166), v Podještědí ›bandorák« (srov. SNČJ). Na Litomyšlsku jsou známé pod jménem ›jabkanec«, ›jabkovák« (srov. Hodura 1904: 71), na Boskovicku ›japčák« (srov. Svěrák 1941: 113), ve východolašském nářečí ›stryk« (srov. Kellner 1949: 288), v Krkonoších ›pokruta«, ›pokroutka« (pravděpodobně ze staročeského ›pokruta« s významem ›koláč«, ›placka« či ›bochník«). Plackám mazaným máslem se říkalo též ›šupáky« (zřejmě odvozeno od ›šupat« čili ›hltat«) či ›kramfleky« – nejspíše pro svou podobnost s podpatky (z německého ›Krampel«, ›Strampfel«) (srov. Kubín 1913: 190). Bramborová placka s přidanou krupicí a petrželí, která se při pečení může připéci, je ›cmunda« nebo ›čmunda« (název odvozen od ›smouditi« čili ›opalovati na povrchu«) (srov. Valčáková 1979: 166–167).

Mezi další pokrmy z brambor patří např. ›brambory na loupačku«, na Vysočině známé jako ›brambory na šupavo« (opět zřejmě odvozeno od ›šupat« s významem ›chtivě jíst«). Uvařeným bramborám s omastkem se říkalo ›tlučeňáky« (srov. Bartoš 1906: 445) – byly roztlučeny, lžící rozklofány – ›klofaný brambory« (smažené či opékané) (srov. Kott 1893: VII, 1293), ›kutaný brambory« (omaštěné) (srov. Kott 1896: 177). Přípravovaly se i ›brambory na kyselo« – vařené brambory s cibulí a bobkovým listem ve smetanové omáčce (omáčka bývala nakyslá, odtud název ›brambory na kyselo«). Vařené brambory ve slupce podávané s máslem, slaninou, tvarohem, mlékem či smetanou, nebo jen tak se solí se ve Středočeském kraji nazývaly ›volupsije« (srov. Bortel 2010: 19). Oblíbené byly i brambory se zelím povětšinou zvané ›kočičí svadba« či ›svarba« (v pokrmu se mísily dvě suroviny – brambory a zelí – proto název ›svadba«, jednalo se o velice běžné suroviny, pokrm nebyl nijak zvlášť vážený stejně jako kočka – přehlížené domácí zvíře, odtud tedy adjektivum ›kočičí«) (srov. Kott 1896: 133). Na Berounsku se bramborám se zelím říkalo ›šlapanec« (srov. Bortel 2010: 18–19).

Brambory sloužily i k přípravě různého podřadného pečiva. Tak známe např. ›drn« – bramborovou buchtu z brambor a mouky. Pro svou tuhost a tvrdost zřejmě pojmenována ›drnem«. Existoval i bramborový koláč pečený na plechu, na Vysočině známý jako ›barches«, bramborový lívanec (srov. Valčáková 1979: 168–169), na Zábřežsku známý jako ›barkus« (srov. Bartoš 1906: 12), nebo hanácký suchý bramborový placek ›barchubel« (srov. s židovským pečivem ›barches«) (srov. Valčáková 1979: 168–169).

Závěr

V rámci našeho bádání jsme zjistili, že v mnoha případech měla na pojmenování nových, pro nás neznámých rostlin, značný vliv němčina, což můžeme demonstrovat na následujících příkladech – starší český výraz pro brambor, dnes pouze nářeční tvar – zemák – vznikl z původního sousloví zemské jablko či zemní jablko, tedy doslovného překladu německého Erdapfl. Stejný případ můžeme sledovat i u dalších nářečních tvarů jako krumpír, krompir či grumbír, které mají svůj základ v německém Grundbirne či Grundapfel. Stejně tak české nářeční kartofel či kantofel, které pochází z německého Kartoffel.

Dozvěděli jsme se, že mnoho staročeských. či starších českých názvů, které se užívaly v 19. století, se dnes objevuje pouze v nářečním a lidovém pojmenování. Jako příklad můžeme uvést např. starší české názvy zemák, zemče, zemské jablko apod.

Dále nám výzkum ukázal, že často docházelo v průběhu vývoje českých názvů zeleniny ke krácení dvouslovných označení, zřejmě z praktických důvodů. Tuto skutečnost dokládá např. český starší výraz zemské jablko, u kterého bylo později vypuštěno substantivum a vznikl jednoslovný název zemák.

Bibliografie

Primární literatura

- Bartoš, F. (1906): *Dialektický slovník moravský*. Praha.
- Bělič, J. (1954): *Dolská nářečí na Moravě*. Praha.
- Bělič, J.; Kamiš, A.; Kučera, K. (1978): *Malý staročeský slovník*. Praha.
- Hodura, J. (1904): *Nářečí litomyšlské: [dialektologie]*. Litomyšl.
- Holub, J.; Kopečný, F. (1952): *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha.
- Holub, J.; Lyer, S. (1978): *Stručný etymologický slovník jazyka českého: se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím*. Praha.
- Jungmann, J. (1835): *Slovník česko-německý*. Díl I., A–J. Praha.
- Jungmann, J. (1839): *Slovník česko-německý*. Díl II., K–O. Praha.
- Jungmann, J. (1839): *Slovník česko-německý*. Díl V., V–Z. Praha.
- Karłowicz, J. et al. (1902): *Słownik języka polskiego*. Svazek 2, H–M. Warszawa.
- Kellner, A. (1949): *Východolašská nářečí*. Díl II. Brno.
- Kosík, V. (1940): »Lidové názvy rostlin«. In: *Naši přírodou: obrázkový čtrnáctideník pro milovníky přírody* (3), s. 819.

- Kott, F. Š. (1878–1893): *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický*. Díl první–sedmý, A–Z. Praha.
- Kott, F. Š. (1896): *Příspěvky k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologickému*. Praha.
- Kubín, J. Š. (1913): *Lidomluva Čechů kladských: příspěvek k české dialektologii*. Praha.
- Lamprecht, A. (1963): *Slovník středoopavského nářečí*. Ostrava.
- Machek, V. (1954): *Česká a slovenská jména rostlin*. Praha.
- Machek, V. (1968): *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha.
- Machek, V. (1957): *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha.
- Pacovský, V. (1811): *Knjžka kuchařská, aneb, Žřetědná ponaučení, kterak se rozličné pokrmy gak masyté, tak postnj dobře připrawowati, neb strogiti magj: gichžto wyznamenánj, poslez stogicý Registřj okáže*. Kutná Hora.
- Rejzek, J. (2001): *Český etymologický slovník*. Voznice.
- Rettigová, M. D. et al. (1986): *Domácí kuchařka: spolu s ukázkami z beletristického díla a čtením o její osobnosti vychází k 200. výročí autorčina narození*. Praha.
- Rystonová, I. (2007): *Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů*. Praha.
- Svěrák, F. (1941): *Boskovické nářečí*. Brno.
- Svěrák, F. (1957): *Karlovícké nářečí*. Praha.
- Thám, K. I. (1814): *Karl Ignaz Thams neustes ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch. Zweiter Theil*. Prag.
- Valčáková, P. (1979): »Zelenina a zeleninová jídla v češtině«. In: Lamprecht (eds.): *Miscellanea Brunensia: sborník oddělení historickosrovnávací slovanské jazykovědy*. Brno, s. 163.
- Vážný, V. (1924): »Příspěvky k slovenskému dialektickému slovníku, dialektické mená zemiakov«. In: *Sborník Matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu históriu* (2), s. 73–77.

Sekundární literatura

- Balhar, J. et al. (2012–2014): *Český jazykový atlas. Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://cja.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 12.03.2021).
- Beková, E. et al. (2012–2021): *Akademický slovník současné češtiny. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <http://www.slovníkcestiny.cz/> (poslední přístup: 26.02.2021).
- Beranová, M. (2001): *Tradiční české kuchařky: jak se vařilo před M. D. Rettigovou*. Praha.
- Beranová, M. (2012): *Jídlo a pití v pravěku a ve středověku*. Praha.
- Bortel, R. (2010): »Různorodost strav v Českých zemích ve zkratce«. In: *Prameny a studie* (4), s. 19.
- Bulisová, J. (2010): *Ottova všeobecná encyklopedie ve dvou svazcích*. A–L, M–Ž. Praha.
- Černá, A. et al. (2008–2021): *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <http://prirucka.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 05.03.2021).
- Frinta, A. (1956): »Česká jména lužickosrbského původu«. In: *Naše řeč* (39), s. 259.
- Havránek, B. et al. (2011): *Slovník spisovného jazyka českého. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://ssjc.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 26.03.2021).
- Hujer, O. et al. (2007–2008): *Příruční slovník jazyka českého. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://psjc.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 24.03.2021).
- Jirásek, V. (1958): *Rostliny na našem stole: co vypráví botanik o jedlých rostlinách*. Praha.
- Kawollek, W. (2012): *Zahrada: Ottova encyklopedie*. Translated from German by J. Jindrová. Praha.

- Kloferová, S. et al. (2011–2015): *Slovník nářečí českého jazyka. Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <https://sncj.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 01.04.2019).
- Korandová, M. (1962): »O českých nářečních názvech pro brambory«. In: *Naše řeč* (45), s. 181–192.
- Kutnar, F. (1963): *Malé dějiny brambor*. Havlíčkův Brod.
- Novotný, M. (2005): *Brambury, bamboly a bambochy*, <https://region.rozhlas.cz/brambury-bamboly-a-bambochy-7292219> (poslední přístup: 14.03.2021).
- Petráčeková, V. et al. (2008–2021): *Akademický slovník cizích slov. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR*, <http://prirucka.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 23.03.2021).
- Skornjakov, S. M. et al. (1988): *Zelená kuchyně*. Translated from Russian by J. Jeník and V. Větvička. Praha.
- Strnadová, D. (2010): »V hlavní roli – brambory«. In: *Prameny a studie* (4), s. 110.
- Troníčková, E. (1985): *Zelenina*. Praha.
- Vykoukal, F. V. (1892): »Ze selské kuchyně«. In: *Český Lid: sborník věnovaný studiu lidu českého v Čechách, na Moravě, ve Slezsku a na Slovensku* (1), s. 49.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Kolokabilita slova *krev* v nářečích českého jazyka se zaměřením na výpovědi týkající se krvácení*

Der Artikel beschäftigt sich mit der Kollokation des Wortes ›Blut‹ in dialektischen Aussagen, deren Mitteilung ausgewählte Gesundheitsprobleme, insbesondere Blutungen und Lungenblutungen, betrifft. Die Ergebnisse beziehen sich auf die geografische Differenzierung im Tschechischen.

This paper discusses collocations of the word ›blood‹ in dialectal phrases concerning chosen health matters, particularly bleedings and lung bleedings. The results refer to the geographical differentiation in Czech.

Slova, jež mluvčí znají jako spisovná, se v dialekttech mohou chovat specifickým způsobem. Nejinak je tomu i v případě slova *krev*, které v nářečích českého jazyka podléhá hláskovým obměnám, získává morfologické vlastnosti netypické pro spisovný jazyk, prochází změnami v oblasti sémantiky či je součástí svébytných nářečních frazeologických jednotek. Sledované slovo je v nářečích i ve spisovném jazyce primárně užíváno ve významu ›rudě zbarvená tekutina kolující v tělech živočichů‹. Z toho vyplývá, že se výraz *krev* objevuje obzvláště v kontextech spojených s lidským zdravím a zdravotními obtížemi, při nichž krev uniká z těla ven nebo jejichž je příčinou.

---

* Tento příspěvek vznikl na základě řešení projektu č. DG20P020VV029 *Nářečí českého jazyka interaktivně. Dokumentace a zpřístupnění mizejícího jazykového dědictví jako nedílné součásti regionálních identit*; poskytovatel podpory Ministerstvo kultury, Program NAKI II. Práce používá také data, která poskytuje výzkumná infrastruktura LINDAT/CLARIAH-CZ (<https://lindat.cz>) podporovaná Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy (projekt č. LM2018101).

Následující příspěvek¹ pojednává o kolokabilitě slova *krev* v nářečích českého jazyka se zaměřením na výpovědi, jejichž sdělení se týká vybraných zdravotních obtíží, zejména vnějšího krvácení a plicního krvácení. V částech zaměřených na téma vnějšího krvácení jsou analyzována příslovečná určení, která vystupují v konstrukcích složených ze substantiva *krev* a verba *téct*, a dále slovesa, která společně s výrazem *krev* popisují proces krvácení různé intenzity. Téma plicního krvácení je soustředěno na verba a verbální substantiva, která se pojí se slovem *krev*, a vyjadřují tak specifický druh krvácení, případně jeho fatální následky. V závěru jsou představena méně častá víceslovná pojmenování a ustálené obraty obsahující substantivum *krev* a vyjadřující zdravotní obtíže různého typu (např. zvýšený krevní tlak, otravu krve, bolest zad).

Zjištěné poznatky jsou usouvztažněny s areálovým rozrůzněním češtiny. Materiálově se příspěvek opírá o zdroje² sloužící pro tvorbu *Slovníku nářečí českého jazyka* (srov. SNČJ), který vzniká v dialektologickém oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., a jehož součástí bude i heslo *krev*.³

Příslovečná určení vyjadřující intenzitu krvácení

Ve velkém množství dokladů, v nichž mluvčí hovoří o krvácení, je součástí konstrukce kromě substantiva *krev* a verba *téct* také příslovečné určení, které vyjadřuje intenzitu krvácení. Případy, kdy je zkoumaná fráze doplněna spisovným příslovečným určením typu *proudem* či *praménkem*, jsou doloženy výjimečně (např. *kreu my tekla proudem*; Vysoké Mýto UO). Ve většině dokladů se jedná o následující slova,⁴ jejichž

1 Za připomínky, podněty a konzultace k tomuto článku děkuji PhDr. Martině Ireinové, Ph.D., a Mgr. Martě Šimečkové, Ph.D., z dialektologického oddělení ÚJČ AV ČR.

2 Jedná se o *Archiv lidového jazyka* a *Databázi souvislých nářečních textů*, které jsou budovány v dialektologickém oddělení ÚJČ AV ČR, v. v. i., (více o archivech viz webové stránky ÚJČ AV ČR, v. v. i.). Autentické nářeční exemplifikace, které jsou doslovně čerpány z těchto databází, jsou v tomto příspěvku přepsány současnou dialektologickou transkripcí. Ze specifických znaků jsou zde užity polosamohlásky ›æ‹ a ›u‹ v dokladech ze severovýchodočeské nářeční oblasti, široké vokály ›e‹ a ›o‹ v příkladech ze střední Moravy, obalované ›k‹ (zapsané jako ›u‹) v dokladech z jihovýchodního okraje východní Moravy, tvrdé ›l‹ v příkladech z východní Moravy a Slezska. Za exemplifikací je uvedena lokalita, z níž doklad pochází. U konkrétních obcí je vždy připojena zkratka okresu. Jedná se o následující okresy: BK – Blansko, FM – Frýdek-Místek, HO – Hodonín, KL – Kladno, OL – Olomouc, OP – Opava, PI – Písek, PV – Prostějov, RK – Rychnov nad Kněžnou, SM – Semily, SY – Svitavy, UH – Uherské Hradiště, UO – Ústí nad Orlicí, VS – Vsetín, ZL – Zlín.

3 Projektu byla věnována např. popularizační brožura v rámci edice Věda kolem nás (srov. Ireinová 2016).

4 Slova jsou uváděna v zástupném tvaru nom. sg. Funkci příslovečného určení plní ve tvaru instr. sg.

slovní základ je tvořen skupinou hlásek napodobující zvuk vytékající tekutiny: svč.⁵ *crkot, crkoček, cerkúček, cerkútek, cūr, čúrek, čuríček, čurúček*; stšč. *čúrek*; jžč. *crcolík, hrc, hrkolík*; střm. *crčka, curúček, cecór, čúrek*; vm. *crček, cúrek, curúček, cicúr, cecúr, cicúrek, čičúr, čičúrek, čučúrek*; slez. *čur, čurek, čurček*.

Výrazem, který se objevuje ve více nářečních oblastech (svč., stšč., střm., slez.), je slovo *čúrek*. Tento výraz registruje i *Slovník spisovného jazyka českého* (srov. SSJČ), přičemž jej eviduje jako spisovné označení tenkého proudícího praménku.⁶ Slova *čúrek* (svč.), *cecór* (střm.) a *cecúr* (vm.) jsou v uvedených oblastech dominantní, ostatní výrazy jsou z frekvenčního hlediska v daných lokalitách zastoupeny rovnoměrně. Téměř všechna uvedená slova jsou maskulina, výjimku tvoří středomoravské femininum *crčka* (*crčká mō tekla z nosa krif*; Vanovice BK).

Na celém území českého jazyka převládá zvukomalebný slovní základ tvořený skupinami hlásek *cr-/cur-/cúr-/čr-/čur-/čúr-*. Tomu se vymyká jihozápadočeská oblast, z níž jsou zachycena i slova se základem tvořeným skupinou *hr-* (*kref teče hrkolíkem*; Chodsko, *kref teče hrcem*; Domažlicko).

Kromě základů obsahujících vokály ›u/ú‹ (*cur-/cúr-/čur-/čúr-*) je zaznamenána i hlásková skupina obsahující vokál ›e‹ (*kreu mu tekla cerkučkem*; Poniklá SM, *kreu mu tekla cerkútkem*; Vysoké nad Jizerou SM). Zde lze předpokládat, že se jedná o sekundární vokál, který se stal součástí základu v důsledku pravidelné regionální obměny charakteristické pro část severovýchodočeské oblasti, kdy je slabikotvorné ›r‹ doprovázeno průvodním vokálem ›e‹.

Pro Moravu, zejména východní, je typická kolokace se skupinou výrazů sestávajících ze zvukomalebných slovních základů *čič-/cic-* (*čičúr/cicúr*, deminutiva *čičúrek/cicúrek*, střm. *cecór* jako podoba vzniklá v důsledku pravidelných regionálních obměn z výrazu *cicúr*).⁷

5 Pro jednotlivé nářeční skupiny a podskupiny českého jazyka užíváme následující zkratky: svč. – severovýchodočeská nářeční podskupina, stšč. – středočeská nářeční podskupina, jžč. – jihozápadočeská nářeční podskupina, střm. – středomoravská nářeční skupina, vm. – východomoravská nářeční skupina, slez. – slezská nářeční skupina. Pro větší areály jsou užívány zkratky čes. (česká nářečí v užším smyslu) a mor. (moravská nářečí).

6 SSJČ registruje jako celouzemní výrazy také slova *crkot* a *crček*. V nářečních databázích jsou však v kolokaci se substantivem *krev* doloženy jen v uvedených oblastech.

7 Srov. staročeské neutrum *čičání* ›močení‹ (srov. *Vokabulář webový*, dále jen *VW*) a sloveso *čičati* ›močiti‹ (srov. Jungmann 1989: 292), které je doloženo v tomto významu a též ve významu ›téct praménkem‹ ze severovýchodočeských nářečí. Za konzultaci k těmto výrazům děkuji PhDr. Heleně Karlíkové, CSc., z etymologického oddělení ÚJČ AV ČR.

Shromážděná slova umožňují popsat různou intenzitu krvácení. Silné krvácení bývá často vyjádřeno samotným slovním základem bez sufixu (např. *cúr*, *čur*, *hrc*). Naopak pro popis slabého krvácení jsou využívány deminutivní přípony *-ek* (např. *cúrek*, *čúrek*, *čurek*) a *-ík* (např. *crcolík*, *hrkolík*), případně rozšířený deminutivní sufix *-iček* (*čuriček*).

Většina z těchto výrazů se pojí i s jinými slovy označujícími tekutiny, takže jejich kolokabilita není vázána pouze na substantivum *krev*. Jedná se zejména o tělesné tekutiny (slzy, pot), alkohol (pivo, slivovice) i tekutiny obecně (voda). Některé ze slov také pojmenovávají reálie spjaté s vodou (zpravidla tekoucí), např. výraz *crkot* se užívá v Podkrkonoší pro déšť, slovo *hrkolík* na Chodsku pro zurčivý potůček a výraz *cicúr* na Uherskohradištsku pro rampouch.⁸

Slovesa popisující proces krvácení

Proces krvácení popisují mluvčí v nářečních dokladech také prostřednictvím různých sloves.⁹ Tato slovesa lze rozdělit do několika skupin. První skupinou jsou spisovná slovesa, která mohou popisovat pohyb tekutiny obecně, a to v různé intenzitě (např. *kapat*, *téct*, *lít se*, *stříkat*). V kolokaci se substantivem *krev* jsou tato slovesa (s případnými pravidelnými regionálními obměnami) doložena z celého území českého jazyka.

Druhou skupinou jsou spisovná slovesa pohybová. V kolokaci s námi zkoumaným substantivem jsou zachycena slovesa vyjadřující různé stupně intenzity děje (*krev jde/utíká/běží/žene se* apod.). Doklady tohoto typu pocházejí opět z celého území českého jazyka, přičemž pohybová slovesa mohou být v jednotlivých nářečních oblastech hláskově variována v důsledku pravidelných regionálních obměn.

Třetí skupinou jsou zvukomalebná slovesa (spisovná i nespisovná), jejichž slovní základ je stejný jako u výše analyzovaných příslovečných určení. V rámci této skupiny lze vyčlenit slovesa vztahující se k celému území českého jazyka a slovesa vázaná na jednotlivé areály.

Za celouzemní lze považovat slovesa *crčēt* a *hrčēt*. Jako spisovná slovesa ve významu »téci« je uvádí *SSJČ*, přičemž u slovesa *crčēt* je intenzita toku charakterizována jako slabá, zatímco u slovesa *hrčēt* jako silná. V nářečních databázích je však v kolokaci se substan-

⁸ Výraz *cicúr* společně s dalšími pojmenováními pro rampouch mapuje i *Český jazykový atlas* (srov. ČJA).

⁹ Infinitivní zakončení je uváděno v lematizovaném tvaru *-t*. V případě celouzemních sloves je lematizováno celé sloveso (např. *chrstat* < střm. *chrstat*, vm. *chřstat* a slez. *chrystat*).

tivem *krev* sloveso *crčet* doloženo pouze ze střední a východní Moravy (*crčela mňe krif*; Lipovec BK; *krév z nosa mu crčala*; Luhačovicko) a sloveso *hrčet* z oblasti středočeské a středomoravské (*po čele mu hrčela kref*; Stehelčeves KL; *hrčela mō krif*; Náklo OL).

Vlastními lexikálními dialektismy¹⁰ s významem ›técť‹ jsou severovýchodočeské sloveso *hrejkat* (*hrejká z ňej kreŭ*; Vysoké nad Jizerou SM), středomoravská slovesa *crcolit/crcólit* (*z rōķe crcóli krif*; Prostějovsko), východomoravská slovesa *cicúrat/cecúrat/cicúrkat/čičúrat* (*krév ňe cicúrala s prsta*; Luhačovicko; *hned' mu kréf cecúrau a východní Uherskohradištsko*; *z gaŕí nám enom kréf čičúra ŭa*; východní Uherskohradištsko) a slezské sloveso *čuřet* (*krev z ňi čuřela jag z brava*; Dolní Lhota OP).

Slabá intenzita krvácení je v jednom případě vyjádřena pomocí sufixu *-kat* (*cicúrat > cicúrkat*), který je rozšířenou variantou přípony *-at* vyjadřující expresivitu (srov. *Slovník afixů užívaných v češtině*). Jedním příkladem (slezské sloveso *čuřet*) je doložena asibilace *r > ř* v onomatopoickém základě *čur-* po připojení formantu *-et*.

Čtvrtou skupinou jsou slovesa, jejichž slovní základ je ve většině případů taktéž zvukomalebný, ale jiného než výše popsaného typu. I mezi nimi lze vyčlenit slovesa vztahující se k celému území českého jazyka a slovesa vázaná na újeji vymezené areály.

Mezi celouzemní lze zařadit slovesa *chrstat*, *chlístat*, *chvístat* a *pištět*. Slovesa *chrstat* a *chlístat*, která jsou uvedena v SSJČ jako spisovná ve významu ›prudce téci, prudce lít, stříkat‹, jsou v kolokaci se substantivem *krev* zachycena pouze z určitých oblastí. Sloveso *chrstat* je doloženo ze střední a východní Moravy a ze Slezska (*chrstá mō z nosa krif*; Vanovice BK; *krév z ňeho enom chrstaŭa*; Místřice UH; *krev z ňeho enem chrystala*; Frýdlant nad Ostravicí FM), sloveso *chlístat* pouze z oblasti severovýchodočeské, avšak velmi bohatým souborem dokladů (*kreŭ mu chlejstala s pæršičku*; Jilemnice SM).

Sloveso *chvístat* SSJČ neeviduje, avšak podle materiálu shromážděného v nářečních databázích jej lze také považovat za celouzemní, a to ve významu ›stříkat‹. V kolokaci se substantivem *krev* je však zachyceno pouze ze střední a východní Moravy (ze *škraňe chvistala krif*; Výšovice PV; *kref chvístla*; Vlkoš HO).

Sloveso *pištět* eviduje SSJČ ve významu ›téci‹, a to s kvalifikátory, které poukazují na skutečnost, že se jedná o slovo zastaralé a nářeční. V nářečních databázích lze ověřit, že sloveso je v tomto významu celouzemní. V kolokaci se substantivem *krev* je však doloženo pouze ze severovýchodočeské oblasti a ze střední a východní Moravy (*kreŭ mu pištela z ruki*; Náchodsko; *krif piščela z rōķe*; Prostějovsko; *krév mu piščela z rany*; Kelečsko).

10 Termínem vlastní lexikální dialektismy rozumíme nářeční slova, která mají ve spisovném jazyce formálně odlišný významový ekvivalent (srov. Sochová 1995: 249–264).

Mezi slovesa vztahující se k úžeji vymezeným areálům patří následující vlastní lexicální dialektismy: vm. *blbotat* ›téct‹ (*blbotala mu krév z nosa*; Pozlovice ZL), vm. a slez. *fikat/fikat* ›stříkat‹ (*tá krev m'ě fíkala ven*; Nedašov ZL; *kref fika*; Opava OP), vm. a slez. *šústat/šustat* ›prudce téct, stříkat‹ (*krév z něho šústala*; Valašsko; *kref šústala*; Frenštátsko), slez. *gychat* a *žbychat* ›prudce téct, prudce lít‹ (*tag z něho gycha kref*; Slezsko; *krev z něho žbychala*; Frenštátsko).

Zvukomalebná slovesa ze třetí i čtvrté skupiny jsou v některých případech vícevýznamová, k čemuž je předurčuje jejich onomatopoický základ, který napodobuje zvuky různého typu. Středomoravské sloveso *crcolit* a slezská slovesa *gychat* a *žbychat* jsou evidována také ve významu ›pršet‹, východomoravské sloveso *blbotat* ve významu ›být ve varu, vřít‹. I v těchto významech jsou však spjata pouze s uvedenými areály. Ani severovýchodočeské sloveso *hrejkat* nepřesahuje uvedený areál a je registrováno dokonce ve dvou dalších významech, a to ›pršet‹ a ›říhat‹. Slovesa *chvístat*, *fikat* a *šústat* jsou mnohovýznamová, přičemž v různých významech jsou doložena z různých oblastí. Na základě těchto dalších významů vznikla i pojmenování některých reálií.¹¹

Plicní krvácení – slovesa a dějová jména

Specifickým druhem krvácení, k němuž je doložen bohatý soubor nářečních dokladů, je krvácení plicní. V medicíně pro něj existují dva lékařské termíny, kterých se užívá v závislosti na intenzitě krvácení (srov. *Velký lékařský slovník*). Pokud je krvácení slabé a projevuje se pouhým vykašláváním krve, je lékařsky označováno jako *hemoptýza*. Pokud je silné, je nazýváno *hemoptoe* a jeho projevem je takzvané *chrlení krve*. Právě toto dvouslovné pojmenování bylo dříve užíváno jako lékařský termín vedle uvedených ekvivalentů (srov. Thomayer 1901: 246).¹² Jako lékařský termín jej uvádí i SSJČ.

Verbální substantivum *chrlení* má svůj původ ve staročeském *chrleti* ›házeti, metati‹ (srov. Machek 2010: 206). V nové češtině byl tento význam omezen na produkci vycházející z lidského nitra a vyznačující se velkou intenzitou, a to v konkrétním významu (např. chrlít již zmiňovanou krev) i významu abstraktním (např. chrlít slova).

11 Srov. např. názvy výkalů *chvístek*, *fikačka*, názvy vyplivovaných slin *chvíst*, *chvístaneč* či názvy deště *hrej*, *hrejkot*, *chvístačka*, *gychanica*, *gychtanica*. Pro označení silného deště, tedy lijáku, existuje v nářečích českého jazyka bohatý soubor pojmenování, která na jedné ze svých map zobrazuje Český jazykový atlas (srov. ČJA).

12 Thomayer uvádí i lékařský termín *chrkání krve*. Toto dvouslovné pojmenování je však zaznamenáno jediným dokladem ze severovýchodočeské oblasti. Výchozí sloveso *chrkat* je bohatě doloženo ve významu ›kašlat‹, ale pouze z Moravy a Slezska, kde v kolokaci se substantivem *krev* zachyceno není.

Slovní spojení *chrlít krev* a *chrlení krve* jsou doložena z celého území českého jazyka. Z Čech jsou zachycena i spojení *hrdlit krev* a *hrdlení krve*, která jsou v jihozápadočeské oblasti dokonce dominantní. Pravděpodobně se zde jedná o působení lidové etymologie, tedy usouvztažnění se substantivem *hrdlo*, přes nějž krev z plic vychází. Sloveso *hrdlit* a jeho zvrtnou variantu *hrdlit se* uvádí v *SSJČ*, avšak v odlišných významech. Nezvrtná varianta je uvedena ve významech ›rdousit‹ (v nářečních databázích jen vm. a slez.) a ›naléhat‹ (v nářečních databázích jen vm.).¹³ Zvrtná varianta je v *SSJČ* uvedena ve významu ›hádat se‹ (v nářečních databázích jen čes. a mor.) a ve významu ›těžce pracovat‹ (v nářečních databázích svč., mor. a slez.), u něhož je upozorněno na skutečnost, že se jedná o dialektismus. Význam ›chrlít krev‹ tedy *SSJČ* neuvádí a neuvádí jej ani staročeské slovníky (srov. *Vokabulář webový*, dále jen *VW*), které registrují pouze význam ›rdousit‹, ani Jungmannův *Slovník česko-německý* (srov. Jungmann 1989: 752), který eviduje význam ›rdousit‹ a ›sužovat‹. Význam ›chrlít krev‹ slovesa *hrdlit* je tedy ryze nářeční.

Pro plicní krvácení je doložena také kontaminovaná podoba *chrdlení* (*chrlení* + *hrdlení*), a to opět z celého území Čech s výrazným zastoupením v jihozápadočeské oblasti. Ze středočeské oblasti je dvěma doklady zachycena podoba *hrlení*, která může být výsledkem různých procesů: kontaminace substantiv *chrlení* a *hrdlení*, zvukomalebné motivace slovního základu (srov. onomatopoická příslovečná určení *hrc*, *hrkolík* a slovesa *hrčēt*, *hrejkat* výše), zjednodušení slabiky obsahující slabikotvornou likvidu eliminací jedné z hlásek (*hrd* > *hr*).¹⁴

Kromě sloves *chrlít* a *hrdlit* jsou pro popis plicního krvácení používána slovesa vyjadřující děj, kdy se krev dostává z plic do úst a z úst ven (*kašlat krev*, *plivat krev*, případně *vykašlávat krev*, *vyplivovat krev*). Slovní spojení *kašlat krev* je doloženo z celého území českého jazyka s výjimkou Slezska, spojení *plivat krev* s výjimkou střední Moravy.

Na východní Moravě, z níž jsou doklady se slovesy *kašlat* a *plivat* taktéž časté, je však zcela dominantní spojení *házet krev*. Tento typ kolokace se sporadicky objevuje též ve středních a jižních Čechách a na střední Moravě. Je však poměrně pravděpodobné, že se mohl vyskytovat i v západních Čechách a ve Slezsku, jelikož je z těchto oblastí občasné evidováno samostatné sloveso *házet* (případně *vyhazovat*) ve významu ›vykašlávat hleny‹.¹⁵

13 V nářečních archivech je z východní Moravy doložen ještě třetí význam ›spořít‹.

14 Slovní spojení *chrdlit krev* a *hrlit krev* evidována nejsou. Sloveso *chrdlit* je však zachyceno ze severovýchodočeské oblasti v kolokaci se substantivem *voda* a ze střední Moravy ve významu ›spořít‹. Zvrtné sloveso *hrlit se* je doloženo ze severovýchodočeské oblasti ve významech ›hádat se‹ a ›těžce pracovat‹.

15 Samostatné sloveso *házet* (případně *vyhazovat*) ve významu ›vykašlávat hleny‹ je doloženo i ze středních Čech. Se všemi doklady, v nichž je sloveso *házet* spjato s činností a produkcí plic, pravděpodobně souvisí i výraz

Pro plicní krvácení jsou zachyceny také fráze se slovesy, která vyjadřují, že se krev dala do pohybu (slez. *kref se pohnula*), dala se do pohybu směrem vzhůru (svč. *kref se zdvihla/zbíhla*) či změnila svou konzistenci (jzč. *kref se spejnila*).

Slovesa popisující následky plicního krvácení

Popsat plicní krvácení, ale i jeho fatální následky, kdy nemocný zemře, umožňují konstrukce se slovesem *zalít*, v nichž výraz *krev* plní funkci subjektu či objektu (*krev zalila nemocného* či *nemocný se zalil krví*). Tyto fráze jsou doloženy zejména z Čech, a to severovýchodních a středních, sporadicky jsou zachyceny také na východní Moravě a ve Slezsku. Z východní Moravy je zaznamenáno i samostatné sloveso *zalít se* ve významu ›být stížen plicním krvácením‹.

Z východní Moravy a Slezska jsou dále doložena spojení se slovesy, která jsou vlastními lexikálními dialektismy synonymními ke spisovnému slovesu *zalít*. V případě východní Moravy se jedná o sloveso *zašustit*, které zde vystupuje častěji než sloveso *zalít* (*krév ho zašustila*; Halenkov VS). V případě Slezska se jedná o sloveso *zagychnout*, které je v kolokaci se substantivem *krev* zachyceno jedenkrát (*zagychla ho kref*; Slezsko). O výchozích slovesech *šústat* a *gychat* bylo pojednáno výše.

Konstrukce vyjadřující zdravotní obtíže jiného typu

V části věnované plicnímu krvácení byly uvedeny příklady frází, které popisují, že se krev dala do pohybu směrem vzhůru (svč. *kref se zdvihla/zbíhla*). V nářečních materiálech se však objevují i další konstrukce tohoto typu, které vyjadřují jiné zdravotní obtíže. Ze severovýchodočeské oblasti je doloženo dvouslovné pojmenování *zdvihnutí krve*, kterým byl označován zvýšený krevní tlak (hypertenze). Stejná diagnóza je v těžce nářeční oblasti popisována také jako pohyb krve směrem do hlavy, tedy opět směrem vzhůru (*de mu kreŭ do hlavi*; Karlovice SM). Prostřednictvím kolokace se slovesem *vzbouřit se* je v severovýchodočeské nářeční oblasti popisována otrava neboli sepsa (*kreŭ se mu vzbouřila*; Litomyšl SY).

Opakem těchto frází, v nichž je krev součástí dynamického procesu, jsou výpovědi se slovesem *zaskočit*, které vyjadřuje, že krev naopak uvázla v jednom místě a je jí

---

vyházenej, který v jižních Čechách označoval člověka trpícího tuberkulózou.

znemožněn plynulý tok. V severovýchodočeské a jihozápadočeské oblasti je touto konstrukcí popisována cévní mozková příhoda neboli iktus (*zaskočila mu krev*; Lípa nad Orlicí RK; *vona mu zaskočila kref*; Paseky PI). Pojmenováním vzniklým kolokací s adjektivem *zaskočený* (*zaskočená krev*) je označována bolest bederní páteře (lumbago). Doklady obsahující tento dvouslovný název pocházejí ze severovýchodočeské nářeční oblasti, ze střední Moravy, z východní Moravy (kde se užívá též označení *hnílá krev*) a ze Slezska. Na východní Moravě je slovním spojením *zaskočená krev* pojmenovávána také podlitina.

Závěr

Shrňme-li nejdůležitější zjištění, která přinesla analýza nářečních dokladů, v nichž mluvčí hovoří o krvi a krvácení, získáme následující poznatky. Součástí konstrukcí složených ze substantiva *krev* a verba *téct* jsou často příslovečná určení, která vyjadřují intenzitu krvácení. Jedná se o zvukomalebné výrazy, jejichž slovní základ je tvořen skupinou hlásek napodobující zvuk vytékající tekutiny (zejména *cr-/cur-/cúr-/čr-/čur-/čúr-*, v jihozápadočeské oblasti též základ *hr-*). Intenzita krvácení je oslabována pomocí deminutivních sufixů (srov. např. výrazy *cúrek*, *hrkolík*, *čuríček*).

Místo slovesa *téct* může být v kolokaci se substantivem *krev* pestrá škála sloves, která lze rozčlenit do čtyř skupin: slovesa popisující pohyb tekutiny obecně (např. *kapat*, *lít se*, *stříkat*), slovesa pohybová (např. *jít*, *utíkat*, *běžet*), slovesa zvukomalebná se stejným slovním základem jako zmiňovaná příslovečná určení (celoúzemní: *crčēt* a *hrčēt*; areálová: svč. *hrejkat*, střm. *crcolit*, vm. *cicúrat* apod.) a slovesa zvukomalebná se slovním základem jiného typu (celoúzemní: *chrstat*, *chlístat* apod.; areálová: vm. *blbotat*, slez. *gychat* apod.).

Velkým množstvím sloves a dějových jmen je označováno plicní krvácení a jeho fatální následky. Dané výrazy popisují zejména cestu krve z plic do úst a ven (např. *kašlat krev*, *plivat krev*), případně vyjadřují, že je krev součástí dynamického procesu, pohybuje se a směřuje vzhůru (např. *krev se pohnula*, *krev se zdvihla*). Celoúzemně je tento jev označován nejčastěji jako *chrlení krve*. Specifikem českých nářečí v užším smyslu je pojmenování pomocí slovního spojení *hrdlení krve*, které je pravděpodobně výsledkem lidové etymologie vzniklé z lékařského označení *chrlení krve* usouvztažením se substantivem *hrdlo*, přes něž krev z plic vychází.

Pomocí konstrukcí představujících krev buď v dynamickém procesu, nebo naopak statickém stavu jsou vyjadřovány také zdravotní komplikace jiného typu

(např. zvýšený krevní tlak, otrava krve, bolest zad). Tyto příklady analýzu doplňují, a dopomáhají tak ilustrovat skutečnost, nakolik může být soubor lexikálních prostředků lidového jazyka bohatý, je-li jeho předmětem natolik frekventované slovo, jakým je substantivum *krev*.

Bibliografie

- ČJA: Český jazykový atlas (položka *liják*), <https://cja.ujc.cas.cz/e-cja/heslo/2/158> (poslední přístup: 20.07.2021).
- ČJA: Český jazykový atlas (položka *rampouch*), <https://cja.ujc.cas.cz/e-cja/heslo/2/166> (poslední přístup: 20.07.2021).
- Ireinová, M. / Konečná, H. (2016): *Slovník nářečí českého jazyka*, http://www.vedakolemnas.cz/mirandaz/m2/sys/galerie-download/VKN_48web.pdf?o.13737090683631026 (poslední přístup: 10.07.2021).
- Jungmann, J. (1989): *Slovník česko-německý, Díl I., A–J*. Praha. (2. vydání)
- Machek, V. (2010): *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha. (2. vydání)
- Slovník afixů užívaných v češtině (sufix -kat)*, <http://www.slovníkafixu.cz/heslar/-kat> (poslední přístup: 05.07.2021).
- SNČJ: *Slovník nářečí českého jazyka*, <https://sncj.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 17.06.2021).
- Sochová, Z. (1995): »Nářeční lexikografie«. In: Blatná / Čermák (eds.): *Manuál lexikografie*. Jinočany, s. 249–264.
- SSJČ: *Slovník spisovného jazyka českého*, <https://ssjc.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 17.06.2021).
- Thomayer, J. / Chodounský, K. (1901): *Zdravotní slovník: poučení o věcech lékařských pro kruhy širší*. Praha. *Velký lékařský slovník*, <https://lekarske.slovníky.cz/> (poslední přístup: 05.07.2021).
- VW: *Vokabulář webový*, <https://vokabular.ujc.cas.cz/> (poslední přístup: 17.06.2021).

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Diftongizace *ý* › *ej* ve *Smolné knize velkobítešské* (1556–1636)*

Als spezifische Quelle zum Verständnis des gesprochenen Tschechisch der Frühen Neuzeit erscheinen Schwarzbücher, die Verhörprotokolle aus einer Befragung unter Folter enthalten. Im vorliegenden Beitrag wurde die Distribution der Diphthongierung *ý* › *ej* in dem Schwarzbuch aus Velká Bíteš untersucht. Es beweist die Durchdringung des Diphthongs in den Wortstamm und in die Endungen und betrachtet den möglichen Einfluss nichtsprachlicher Faktoren.

As a source for spoken Czech of the Early Modern Age protocols of interrogations under torture were published in black books. This paper examines distribution of the diphthongisation *ý* › *ej* in the book of testimonies of Velká Bíteš. It analyzes the diphthong in the stems as well as in the endings and considers possible impacts of extralinguistic factors.

Zatímco tiskařská produkce vyššího stylu a prestižních žánrů z období střední češtiny byla do jisté míry a hloubky popsána, rukopisná produkce nižšího stylu zůstávala spíše mimo oblast zájmu. Toto tvrzení pak ještě více než u produkce české v užším smyslu platí u produkce moravské. Jako specifický pramen k poznání jazykové vrstvy blízké mluvenému projevu se ukazují smolné knihy, jejichž obsahem jsou mimo jiné zápisy výslechů prováděných na mučidlech. Protože podle zákonných předpisů měli písaři zaznamenávat výpovědi delikventů přesně (srov. Malý 2013: 335), mají na mnohých místech zápisy charakter reprodukované přímé řeči, a představují tak

* Příspěvek představuje revidovanou verzi části diplomové práce (Filipová 2020).

mimořádně hodnotný pramen pro historickou lingvistiku, neboť do značné míry odráží mluvený jazyk tehdejší doby a napomáhají popsat vývojové procesy a jejich písařské zachycení v regionálně lokalizovaném jazyce. Vzhledem ke skutečnosti, že na mučidlech byli zpravidla vyslýcháni prostí lidé (šlechtici mohli být mučeni jen ve výjimečných případech), navíc ze spodních sociálních vrstev a z okruhu působnosti daného hrdelního soudu, obsahují tyto knihy také nesmírně cenný materiál pro poznání lexikální zásoby těchto skupin lidí. V porovnání s dalšími částmi knih, tedy ortely a přepisy korespondence mezi nižšími a vyššími soudy, pak umožňují srovnání rukopisně zachyceného jazyka právnícko-kancelářského a jazyka mluveného, a tedy ukazují i stylové rozpětí žánrů tehdejší češtiny.

Hrdelní soud ve Velké Bíteši a jeho smolná kniha¹

Přestože město Velká Bíteš získalo hrdelní právo zřejmě již ve 13. století, písemné doklady o něm pocházejí až z první poloviny 14. století a jedná se předně o korespondenci s tzv. vyšším (otcovským) právem v Brně. Již od začátku byl vztah mezi těmito dvěma soudy spíše volný, Velká Bíteš se postupně stávala méně závislá a v 17. století se získáním vlastního kata osamostatnila úplně. Pod velkobítešské právo spadalo od konce 14. století náměštské panství (města Velká Bíteš, Mohelno, Náměšť a téměř padesát vesnic).

Protože město nemělo svoji smolnou knihu hned od začátku, nejstarší procesy zřejmě nijak systematicky zaznamenávány nebyly. Ve 14. století sice některá jednání byla stručně zachycena, avšak ne všechna byla přepsána do městské knihy. Smolná kniha, jež by soustavně zachycovala hrdelní soudy, byla založena v polovině 16. století, tedy v době, kdy se město stalo nezávislé na vyšším právu, aby sloužila jako soubor právních poučení. Tak vznikla kniha s názvem *Kniha penarum, co se na sněmě in tormentis vyznává, do nich zapsáno býti má 1556*, již se tento příspěvek zabývá; konkrétně se zaměříme na jeden hláskoslovný jev, a to diftongizaci *y > ej*.

Zkoumaná kniha je psána pozdně gotickou kurzivou na papír formátu 230 × 320 mm. Přestože pokrývá léta 1556–1636, důsledné zápisy pocházejí jen z doby do roku 1580, poté byly některé zřejmě zaznamenány na volné listy, které se nedochovaly. Zároveň nejsou časová období pokryta rovnoměrně, podle četnosti spadá jádro knihy do let 1571–1580, v 17. století se objevují časté lakuny.

---

1 Pokud není uvedeno jinak, vychází kapitola z Štarha–Verbík 1973: 13–49.

Podle R. Dittmanna se na knize podílelo asi dvacet písařů (srov. Dittmann 2019: 379), tedy dvakrát více, než je uvedeno v předmluvě edice (srov. Verbík–Štarha 1973: 47, 52). Většina písařů popsala jen jednu až dvě strany, více než tři strany popsalo pouze sedm z nich. V knize je obžalováno a vyslýcháno celkem sto lidí (srov. Tomášková 2014: 8), mimo poddané náměšťského panství i ti, kteří se na příslušném území dopustili kriminální činnosti a neušli spravedlnosti. Struktura většiny zápisů v knize je tato: začínají nadpisem obsahujícím datum, jméno vyslýchaného, případně je uveden jeho původ či rodinné vazby aj. Následuje samotné vyznání, které většinou začíná větou: »Při trápení svém toto jest vyznal«.

Diftongizace *ý > ej*

Doklady na provedení diftongizace se v literárních památkách objevují od konce 14. století. V památkách neliterárních se změna zdánlivě projevuje již na konci 12. století, za nejstarší doklad je považováno slovo *Teinéz* (Týnec). Podobných případů přibývá ve století 13. a 14., avšak protože se diftong objevuje i v toponymech, kde náležitý není (*de Eywancze* – Ivaneč, 1351), je pravděpodobné, že v těchto případech grafika spíše odrážela výslovnost německou (srov. Lamprecht 1986: 107).

V průběhu změny vznikl podle M. Komárka (1969: 164) i A. Lamprechta (1986: 109) nejprve diftong, jehož výslovnost byla od konečného *ej* odlišná. Komárek předpokládá v prvním komponentu diftongu nelabializovaný zadní vokál, jenž byl zapisován jako *ay* i *ey*, Lamprecht popisuje průběh změny přes »snížené a povolené *y*« a zachycuje ji *ý > yī > ēī*, kde *ē* vyjadřuje široké otevřené *e*, které je podobné vokálu známému z centrální středomoravské nářeční podskupiny a blízkému *a*. Proto byl zápis takové dvojhlásky rozkolísaný. Vokál se pak foneticky přiblížil *e*, čímž vznikl výsledný diftong.²

Diftongizace systémově souvisí s dalšími změnami probíhajícími od konce 14. století, tj. 1) diftongizací *ú > ou*, přičemž střídnice za *ú* byla původně zapisována jako *au* (na základě grafického paralelismu lze předpokládat i paralelismus fonetický); 2) tautosylabickou změnou *aj > ej*, probíhající během 15. a 16. století, při níž došlo ke sblížení a konečně ztotožnění tautosylabického *aj* s pohybovým diftongem vzniklým z původního *ý* (srov. Komárek 1969: 160, 162; Lamprecht 1986: 110–116).

2 Změnu zapříčinila mimo jiné potřeba odlišit dlouhé *i*-ové hlásky poté, co došlo ke splynutí jejich krátkých protějšků: nom. sg. m. *slabej* vs. nom. pl. m. *slabí* (Šlosar 2017).

Již kolem roku 1500 byla diftongizace provedena na většině českojazyčného území Čech, v nářečích středomoravských (zde leží i město Velká Bíteš) a v přechodném pásu mezi nářečími středomoravskými a východomoravskými, a to v nářečích kelečských a dolských (srov. Komárek 1969: 162–164; Lamprecht 1986: 107–108). Ve spisovné (kulturní) češtině se diftong neprosadil, a to především vlivem úzu *Bible kralické*.

Materiál a metoda

Jako materiálová báze posloužila edice knihy (Štarha–Verbík 1973), která je považována za editorsky spolehlivou (srov. Francek 2016: 12), a byly z ní využity všechny části kromě inventáře poplatků. Excerpovali jsme všechny doklady na *ej* z původního *ý* (v kmeni i v koncovkách, např. *starej mlejn*), dále výrazy, v nichž došlo k diftongizaci sekundárně ztvrdlého *í* > *ý* (např. *vozejk*), a konečně slova se zachovalým původním *ý* (např. *starý mlýn*). Výrazy byly zapisovány do tabulky v programu Microsoft Excel a manuálně otagovány hodnotami z vybraných lingvistických a nelingvistických faktorů, jimiž jsme se inspirovali v pracích J. Poráka (1983), R. Dittmanna (2019) a M. Šimečkové (2022). V části týkající se jazykových vlivů představujeme diftongizaci v 1) kmeni, kde si samostatně všímáme a) proprií a depropriálních odvozenin a b) neproprií (všech slov, která nepatří mezi propria); zde pracujeme s »hyperlemmatem« (slovo, od kterého jsou ostatní slova čeledi odvozena, tj. *rýč*, *rýti* a *vyrývati* tvoří jednu jednotku), 2) koncovkách, kde distribuci hodnotíme na základě slovnědruhově příslušnosti, tj. pracujeme s adjektivy typu *mladý*, pronominy typu *takový*, posesivními pronominy typu *můj* a číslovkami typu *druhý*. Z mimojazykových faktorů zohledňujeme rozdíly mezi 1) písaři, 2) časovými obdobími rozdělenými přibližně podle generací (25 let) a konečně 3) vyznáními a přípisy (za vyznání považujeme části následující za uvozujícím *vyznal(a)*, žaloby a svědecké výpovědi, mezi přípisy řadíme ostatní části, tedy např. začátky záznamů obsahující datum, jméno delikventa aj., dále ortely a zápisy). Přestože hranice mezi těmito dvěma kategoriemi nejsou zcela ostré, umožní nám toto srovnání alespoň zčásti sledovat, do jaké míry proniká diftongizace do úředních formulí.

Při kvantitativním výzkumu budou výpočty prováděny na základě 1) hyperlemmat, 2) tokenů, tj. počtu jednotlivých pozic. Při zápise poměru budeme na prvním místě uvádět počet s původním *ý*, na druhém s diftongem *ej*.

Analýza

Ve *Smolné knize velkobítešské* je celkem 719 pozic původního tvrdého *y*, v nichž může být provedena diftongizace. K té dochází ve 408 případech, tedy v 57 %, to může však být ovlivněno různou četností jednotlivých hyperlemmat, pozicemi ve slově atd. Ve kmeni *propríi* a *depropríálních* odvozenin (25 tokenů) převažuje s poměrem 9 : 16 forma s diftongem (64 %). U *nepropríi* a *koncovek propríi* (694 pozic) je diftongizace častější než ve kmeni *propríi* a jejich odvozenin, podoby s diftongem převažují nad těmi původními (302 : 392, k diftongizaci dochází v 57 % případů). Při ověření těchto hodnot χ^2 -testem zjistíme, že výsledky se ukazují jako statisticky nesignifikantní, tedy že *ej* pronikalo do slov nezávisle na příslušnosti k *propríální* sféře.

Jazykové faktory

Propria a depropríální odvozeniny s *y/ej* v kmeni

Různých antroponym evidujeme v knize 10, poměr podob s *y* a *ej* je 4 : 6. Nediftongizována zůstávají příjmy *Hýda*, *Čuhýkal*, *Ťuhýkal* a *Kortýn*. Naopak z diftongizovaných příjmů se ve *smolné knize* vyskytují *Brejle*, *Mlejnek*, *Smejkal*, *Stejskal*, *Strejček* a *Vejpál*.

V kmeni toponym se diftongizace objevuje ve třech případech: *Pejšťkov*, které má dnes diftongizovanou podobu *Pejškov* (původně *Pýščkov*), dále *Vejmyslice*, u kterých se diftongizovaná podoba dodnes udržela, a *Kejnice*, dnes *Veverské Knínice*. Bez diftongu naopak zůstala toponyma *Rokytýček* a *Bytýška*, dvakrát bez druhového jména, jednou jako *Veverská Bytýška*. Zde tedy docházíme k poměru lemmat s *y* a *ej* 2 : 3.

Naše výsledky do značné míry odpovídají tvrzení Poráka (1983: 141), že pokud v nářeční oblasti proběhla diftongizace, vlastní jména se běžně používala v diftongizované podobě. Šimečková (2022: 207) se zaměřuje pouze na toponyma, u nichž podle ní souvisí vysoký výskyt diftongu ve kmeni s jejich původem v nářečních oblastech s provedenou diftongizací.

Nepropría a propria s *y/ej* v koncovce

Zastoupení *ej* v kmeni u *nepropríi* a v *koncovkách* všech slov ukazuje [tabulka 1](#).

Diftongizace v kmeni

Z údajů uvedených v tabulce 1 lze vidět, že hyperlemmat, která se vyskytují jen s *y*, je 14 %. Do této skupiny patří dvě hyperlemmata, která jsou však zastoupena v textu pouze jednou, a to *měchýř* (1 : 0) a *týl* (1 : 0). Hyperlemmat, u kterých podoba s *ej*

	kmen					<i>ej</i> (◁ <i>î</i>)	koncovky
	celkem hyperlemmat	<i>ý</i>	<i>ý/ej</i>	<i>ej/ý</i>	<i>ej</i>		
<i>býti</i>							
7 : 12	14	14 %	–	43 %	43 %	0	52 %

Tab. 1: Zastoupení *ej* (◁ *ý*, *î*) ve *Smolné knize velkobítešské* (procentuální zastoupení v kmeni vypočteno z hyperlemmat, v koncovkách z tokenů).

převládá nad *ý*, jsme zachytili šest (43 %), a to *mlýn* (1 : 24), *pastýř* (10 : 22), *rýti* (1 : 3), *sýr* (4 : 5), *týkati se* (4 : 6) a *výš* (2 : 9). Stejně procento tvoří hyperlemmata, jež se objevují výhradně s *ej*. Pouze jedním tokenem byla zastoupena hyperlemmata *strýc* (0 : 1) a *týden* (0 : 1), více tokeny slovesa na *-sýpati*, tj. lemmata *posýpati*, *vosýpati* a *rozsýpati* (0 : 6). Jen s diftongem se objevují hyperlemmata *výpis* (0 : 2), *výtah* (0 : 3) a *vývod* (0 : 7). K diftongizaci prefixu *vý-* tedy dochází vždy.

Až na malé odchylky se naše výsledky shodují s výsledky Poráka (1983: 139–142) a Šimečkové (2022: 140–161). Například evidujeme vyšší zastoupení *ej* u hyperlemmatu *býti* (7 : 12), u nějž oba zmiňovaní autoři evidují spíše menšinové zastoupení podoby s *ej*.

Diftongizace v koncovkách

Jak poukázala Šimečková (2022: 149), na diftongizaci v koncovkách mohla mít vliv příslušnost ke slovnímu druhu, proto srovnáme distribuci v závislosti na slovním druhu a typu. Nejvyšší zastoupení má *ej* s 55 % v adjektivech typu *mladý*, méně časté je v numeráliích, dále v posesivních pronominech typu *můj* a nakonec v pronominech typu *takový*. Protože se však tyto hodnoty ukazují jako statisticky nesignifikantní, podporují naše výsledky tezi Šimečkové (2022: 151–152), že na rozdíl od tisků v rukopisech pronikal diftong do koncovek nezávisle na slovnědruhové příslušnosti. Souhrnně to ukazuje [tabulka 2](#).

Mimojazykové faktory

V následující části budeme zkoumat možný vliv mimojazykových faktorů na distribuci podob. Při diftongizaci v kmeni bereme v úvahu pouze nepropria, hyperlemma *býti* pak řadíme mezi ostatní hyperlemmata. Vzhledem k velikosti materiálu a počtu proměnných budeme pracovat s tokeny.

	adjektiva typu <i>mladý</i>	pronomina typu <i>takový</i>	pronomina typu <i>můj</i>	numeralia typu <i>druhý</i>
celkem	394	96	48	24
poměr	176 : 218	55 : 41	27 : 21	12 : 12
diftongizace	55 %	43 %	44 %	50 %

Tab. 2: Zastoupení (ne)diftongizovaných koncovek ve *Smolné knize velkobítešské* (vypočteno z tokenů).

Písař

Přestože se na knize podílelo větší množství písařů, dostatečné množství stran popsal pouze sedm z nich – označíme je jako A, B, C, D, E, F, G (srov. Dittmann 2019: 379). Poslední (G) byl německého původu, a protože zřejmě češtině nerozuměl, zapisuje foneticky ještě věrněji než ostatní písaři, viz *mléně*, *mlenář*, *podlógly*. Budeme jej proto rozebírat odděleně. Pro hodnocení situace v kmeni máme u českých písařů dostatečně velký vzorek (nad 10 tokenů) u písařů A, B, F. Písaři C, D a E užili při zápisu pouze tvary s *ej*, tyto hodnoty navíc nevykazují statisticky signifikantní rozdíly. Co se týče koncovek, nejvíce užíval *ej* písař D, u něhož je diftongizováno 78 % tvarů, nejméně byl diftongizaci nakloněn písař F. Protože tyto hodnoty statisticky signifikantní rozdíly vykazují, lze říci, že se jednotliví písaři v ochotě zapisovat diftong v koncovkách lišili. Tento výsledek však může být ovlivněn skutečností, že se nejedná o homogenní soubory.

Nyní se podíváme na písaře německého (G). V kmeni u něj evidujeme pouze dvě hyperlemmata (*měchýř* a *mlýn*). Větší vzorek nám poskytují až koncovky, kde je diftongizace uplatněna v 53 %. Pokud bychom předpokládali, že písařův zápis poměrně přesně odráží skutečně mluvený jazyk, došli bychom k závěru, že diftongizace do koncovek mluvené češtiny pronikala v hojné míře, ale nebyla zcela systematická, neboť má zhruba stejné zastoupení jako zachované *ý*. Zjištění o zastoupení *ý* by ovšem bylo možné vykládat i jinak, například možnou malou citlivostí tohoto písaře vůči fonetickému rozdílu *ý/ej*.

	kmen		koncovky		celkem
	ý	ej	ý	ej	
písař A	7	8	55	48	62 : 56
písař B	5	15	38	28	43 : 43
písař C	0	10	23	19	23 : 29
písař D	0	6	22	77	22 : 83
písař E	0	6	26	25	26 : 31
písař F	6	19	27	3	33 : 22
písař G	1	11	22	25	23 : 36

Tab. 3: Absolutní počty diftongizovaných a nediftongizovaných tokenů s pozicí v kmeni a v koncovkách ve *Smolné knize velkobítešské* podle písařů.

Chronologie zápisů

Distribuce diftongu podle přibližně generačních časových úseků je představena v tabulce 4 níže. Vidíme, že v kmeni diftong převládá ve všech obdobích, nejvyšší zastoupení evidujeme v rámci období 1576–1600. Avšak hodnoty pro období humanistické češtiny, tj. 1556–1620, nevykazují žádné statisticky signifikantní rozdíly, a to ani při zahrnutí následného období 1621–1636.

Oproti tomu v koncovkách převládá diftong pouze ve druhém a třetím období, navíc se tyto hodnoty ukazují ve srovnání s ostatními jako statisticky signifikantní. Zde je však třeba brát v úvahu možný vliv písaře, neboť v obdobích s nejvyšším zastoupením *ej* v koncovkách se na zápisech podíleli písaři C, D, E a G, z nichž písaři D, E a G zapisovali v koncovkách *ej* častěji.

	kmen		koncovky		celkem
	ý	ej	ý	ej	
1556–1575	15	35	117	92	132 : 127
1576–1600	3	25	96	142	99 : 167
1601–1620	4	17	25	50	29 : 67
1621–1636	9	23	33	8	42 : 31

Tab. 4: Absolutní počty diftongizovaných a nediftongizovaných výrazů s pozicí v kmeni a v koncovkách ve *Smolné knize velkobítešské* podle časových úseků.

Vyznání vs. přípisy

Dále se zaměříme na to, do jaké míry diftongizace proniká do vyznání v porovnání s přípisy. Z tabulky 5 je zřejmé, že v kmeni neproprii převažuje varianta s diftongem jak ve vyznáních, tak v přípisech, přičemž ve vyznáních je její zastoupení vyšší, avšak tyto hodnoty opět nejsou podle Fischerova exaktního testu statisticky signifikantní.

Jinou situaci pozorujeme v koncovkách, neboť ve vyznáních převažují tvary s *ej*, zatímco v přípisech se častěji objevují tvary původní. Statisticky signifikantní rozdíly naznačují, že v přípisech se upřednostňují původní, nediftongizované koncovky.

	kmen		koncovky		celkem
	ý	ej	ý	ej	
vyznání	29	91	229	279	258 : 370
přípisy	4	8	42	12	46 : 20

Tab. 5: Absolutní počty diftongizovaných a nediftongizovaných pozic v kmeni a v koncovkách ve *Smolné knize velkobítešské* podle příslušnosti k vyznáním, či přípisům.

Srovnání s rukopisy

Dále srovnáme výskyt *ý/ej* ve smolné knize (zvažujeme propria i nepropria) s rukopisy, které do svého výzkumu zahrnul J. Porák (1983: 137–138).³ Podle něj je diftong *ej* v rukopisech častější než v tiscích, a to již od počátku 16. století. V rukopisech, jež byly určeny široké veřejnosti (BudSpis), je podle jeho zjištění diftongizace méně častá než například u soukromé korespondence (ČernPam, HomKor). Smolné knihy jsou právním dokumentem oficiálním, tedy veřejným. *Smolná kniha velkobítešská*, pocházející z oblasti nářečí s provedenou diftongizací, se zdá být frekvencí *ej* uprostřed.

3 Údaje u zbývajících rukopisů a zkratky v tabulce 6 přejímáme od Poráka (1983: 137), údaje ze smolné knihy zařazujeme chronologicky mezi ně. Vysvětlivky zkratk: ŘHrubý = Řehoř Hrubý z Jelení, překlad Erasma Rotterdamského, Chvála bláznovství (rkp. z roku 1512), Národní knihovna ČR, Praha, sign. XII D 38; BudSpis = Václav Budovec z Budova, Kratkey Spis o Zlattem budaucym a giž naftawagicym wieku. Sepfany Letha 1584 od W.n.z. B., rukopis, Knihovna Národního muzea Praha, sign. 5 E 24 (opis z r. 1593); KŽerotZáp = Karel starší z Žerotína, zápisky z moravského zemského soudu 1594–1599, SOA Brno (autograf); BudKšaft = Václav Budovec z Budova, Křifafft Duchownij, rukopis z roku 1608, SOA Brno, G 10, č. 301, sv. Spisy Budovcovy; ČernPam = Paměti písaře Mikuláše Černohorského (1601–1614), Archiv města Brna, rkp. č. 7330; HomKor = Alžběta Homutová z Cimburka, listy dceři Zuzaně Černínové z r. 1622, SOA Jindřichův Hradec, 103 Czernin Z.; SlavataPam = Vilém Slavata z Chlumu, Kniha Czelka Prwnj (rkp. z r. 1640), SOA Jindřichův Hradec; ZČernKor = Zuzana Černínová z Harasova, listy synu Humprechtovi z let 1645–1646, SOA Jindřichův Hradec, VIII Fa, 107 Czernin (autografy). Legenda k tabulce: v kolonce *býti* udáváme procento diftongizovaných podob hyperlemmatu *býti* (tedy i *bývati* apod.), oj. = ojedinele, + znamená přítomnost sledované podoby.

rukopis	rok	býti %	celkem hyper- lemmat	kmen				ej (< ě)	konc.
				ý	ý/ej	ej/ý	ej		
ŘHrubý	1512	0	26	34	7	12	27	0	oj.
SmolBít	1556–1630	63	29	27	–	21	52	0	52
BudSpis	1584	0	12	66	–	8	26		9
KžerotZáp	1593	90	23	4	4	13	79	0	32
BudKšaft	1608	0	15	27	13	13	47	+	0
ČernPam	1601–1614	100	7	–	–	–	100		15
HomKor	1622	80	7	–	–	–	100	0	98
SlavataPam	1640	55	19	5	5	5	85	+	13
ZčernKor	1645–1646	91	7	14	–	–	86	+	85

Tab. 6: Zastoupení *ej* (< ý, ě) ve *Smolné knize velkobítešské* ve srovnání s dobovými rukopisy (procentuální zastoupení v kmeni vypočteno z hyperlemmat, v koncokách z tokenů).

Podle Poráka pronikal diftong více do kmenů než do koncovek, kde se jeho výskyt odvíjí od míry blízkosti mluvenému jazyku. Ve *smolné knize* se diftong v koncokách objevuje s oporou v místním nářečí a co do frekvence stojí mezi rukopisnou soukromou korespondencí a rukopisy určenými pro veřejnost.

Srovnání s dobovými tištěnými texty

Nakonec náš materiál srovnáme s humanistickými tisky rozdělenými podle tematicko-žánrových oblastí,⁴ v úvahu bereme *propria* i *nepropria* kromě hyperlemmatu *býti*. Ze srovnání vidíme, že *smolná kniha* tvoří opačný pól vůči biblickým překladům a ostatním náboženským textům. Přestože zde není zohledněn faktor rukopisné versus tištěné produkce, ukazuje se názorně, jak velký rozdíl byl mezi jazykem biblických textů a texty blízkými běžně mluvené češtině, tedy jaká byla míra stylizace v exkluzivních textech vysokého stylu.

4 Procentuální údaje u ostatních žánrů přejímáme od Šimečkové (2022: 144), celková procenta jsou vypočtena tzv. váženým průměrem, srov. Volín (2007: 51).

	kmen (%)		
	ý	ý/ej	ej
biblické překlady	69	23	8
náboženské texty	63	15	22
historiografické texty	42	27	31
prakticky odborné texty	39	18	43
SmolBít	27	21	52

Tab. 7: Srovnání procentuálních vyjádření nepůvodního *ej* (< ý) uvnitř slova v závislosti na tematice humanistických textů (vypočteno z hyperlemmat).

Závěr

Výzkum stop mluveného jazyka starších etap češtiny zůstává v diachronní bohemistice deziderátem. Ukazuje se, že smolné knihy mohou být v tomto ohledu velmi přínosné, neboť na mnoha místech mají záznamy v nich obsažené charakter reproduované mluvené řeči. Předkládaná analýza přispívá k poznání pronikání diftongu *ej* vzniklého z *ý* (případně sekundárně ztvrdlého *í* > *ý*) do mluveného i kancelářského a právního jazyka. Protože se však, především v distribuci *ej* v koncovkách, ukázaly značné rozdíly mezi jednotlivými písaři, je třeba se stavět rezervovaně k hypotéze bezprostřední blízkosti smolných knih mluvenému jazyku. Na druhou stranu statisticky signifikantní odlišnosti mezi vyznáními (odraz mluveného jazyka) a příписы (odraz kancelářského a právního jazyka) naznačují, že knihy s vysokou pravděpodobností v jisté míře přece jen mluvený jazyk reflektují. Ze srovnání s ostatními tematicko-žánrovými oblastmi lze vidět, jaký byl rozdíl mezi běžně mluveným jazykem a jazykem biblických a náboženských textů, tedy míru stylizace těchto exkluzivních textů.

Bibliografie

- Dittmann, R. (2019): »Protetické v ve Smolné knize velkobítešské (1556–1636)«. In: *Listy filologické* (3–4), s. 369–406, <https://www.jstor.org/stable/26904340> (poslední přístup: 29.11.2024).
- Filipová, J. (2020): *Diftongizace ý > ej v moravských smolných knihách*. Praha [nepublikovaná diplomová práce], <http://hdl.handle.net/20.500.11956/118042>.
- Francek, J. (2016): *Pardubické smolné knihy 1538–1626*. Pardubice.
- Kamiš, A. (1959): »K rozsahu protetického v v 16. století«. In: *Slavica Pragensia*, s. 87–91.
- Kniha penarum, co se na sněmě in tormentis vyzná, do nich zapsáno býti má 1556. Státní okresní archiv Žďár nad Sázavou, fond Archiv města Velké Bíteše, kniha č. 5. Edice: Štarha, I. a Verbík, A., eds. (1973): *Smolná kniha velkobítešská: 1556–1636*. Brno.
- Komárek, M. (1969): *Historická mluvnice česká I. Hláskosloví*. Praha.
- Lamprecht, A., Šlosar, D. a Bauer, J. (1986): *Historická mluvnice češtiny*. Praha.
- Malý, K., ed. (2013): *Práva městská Království českého: edice s komentářem*. Praha.
- Porák, J. (1983): *Humanistická čeština: hláskosloví a pravopis*. Praha, <https://hdl.handle.net/11222.digi-lib/100942>.
- Šimečková, M. (2022): *Dynamika kulturní češtiny 16.–18. století*. Praha.
- Šlosar, D. (2017): »Čeština doby husitské«. In: Karlík, P., Nekula, M. a Pleskalová, J., eds.: *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*, <https://www.czechency.org/slovník/ČEŠTINA DOBY HUSITSKÉ> (poslední přístup: 04.10.2023).
- Tomášková, L. (2014): *Hrdelní kriminalita na Velkobítešsku v letech 1556–1636*. Brno [nepublikovaná bakalářská práce], <https://is.muni.cz/th/hye58> (poslední přístup: 29.11.2024).
- Volín, J. (2007): *Statistické metody ve fonetickém výzkumu*. Praha.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Frühe grammatiko- und lexikographische Werke im Fokus – Untersuchung anhand von Ardelio Della Bellas *Dizionario italiano-latino-illirico* (1728)

Angesiedelt zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft ist die Wörterbuch- und Grammatikforschung ein selten bearbeitetes Feld. Dies gilt insbesondere für die frühen Arbeiten in der Slavia. Anhand des Werkes des Jesuiten Ardelio Della Bella soll an die Bearbeitung früher Lehrwerke herangeführt und sollen Hilfestellungen zur Recherche geboten werden.

Located between linguistics and literary studies, lexico- and gramaticography is a lesser researched field. This is especially true for the early works in the Slavia. Based on the work of the Jesuit Ardelio Della Bella, the editing of earlier textbooks will be introduced and assistance for research offered.

In der Kroatistik lag der Fokus bei der Grammatik- und Wörterbuchforschung auf den Werken der kroatischen Nationalen Wiedergeburt im 19. Jahrhundert – obwohl bereits 1595 mit Faust Vrančićs *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae* das erste Wörterbuch und 1604 Bartol Kašićs kroatische Grammatik erschienen waren (vgl. Vince 1978: 60–63). Eine Untersuchung der zahlreichen älteren Veröffentlichungen ist notwendig, da sie bereits Bestandteil der Normierung und späteren Standardisierung der kroatischen Sprache waren, wie u.a. Branka Tafra darlegt:

Premda gramatike i rječnici nisu obvezali, oni su kao jezični priručnici bili mjerilo jezične ispravnosti te su poslužili ujednačivanju i jezične i pravopisne norme hrvatskoga književnog jezika. Polazeći od te pretpostavke, *Institutiones linguae illyricae* Bartola Kašića ne promatraju se samo kao prva hrvatska gramatika nego kao početak jezičnog normiranja. Kašić je uz izbor dijalektne osnove za književni jezik, uz opis njegova gramatičkoga ustrojstva dao temelje za kodifikaciju jezično norme. Hrvatski su se gramatičari oslanjali jedan na drugoga, što se vidi i po njihovim brojnim priznanjima, pa se već time potvrđuje kontinuitet i u opisivanju i u normiranju hrvatskoga književnoga jezika. (Tafra 2012: 13–14)¹

Die Vorläufer der heutigen Grammatiken und Wörterbücher sind den modernen Werken in vielerlei Hinsicht ähnlich, besitzen aber aufgrund ihrer historischen Verortung, der Grammatikkultur und der Biographie ihrer Autoren einen eigenen Charakter. Um das Verständnis für diese Arbeiten zu erhöhen, wird im Folgenden anhand eines konkreten Beispielwerkes erläutert, welche Punkte bei der Bearbeitung zu beachten sind. Wo dies sinnvoll ist, wird auch auf andere Werke dieser Periode verwiesen.

Im Mittelpunkt steht das *Dizionario italiano-latino-illirico* (im Folgenden *Dizionario*) aus dem Jahr 1728. Sein Autor, Ardelio Della Bella (1655–1737), war ein jesuitischer Ordensbruder Bartol Kašićs. Die jesuitische Grammatikschreibung brachte in vielen Sprachen erste Beschreibungen hervor. Im südslavischen Raum wurde diese ab dem 17. Jahrhundert massiv vorangetrieben durch die Landnahme der Osmanen. Um dem Glaubensabfall vorzubeugen, wurde vor allem die Innere Mission verstärkt, bei welcher nicht die Konversion im Vordergrund stand, sondern der Erhalt des katholischen Glaubens. Gebiete unter venezianischer und ungarischer Herrschaft waren mit inbegriffen, da die Mission der Landbevölkerung in ruralen Gebieten mit schwacher Infrastruktur dringend notwendig war. Zu diesem Zwecke wurden Sprachlehrwerke benötigt, um die zumeist in Italien ausgebildeten Missionare auf den Kontakt mit dem Volk vorzubereiten.

---

1 Dt. Übersetzung der Verfasserin: »Obwohl Grammatiken und Wörterbücher nicht bindend waren, waren sie als Sprachhandbücher ein Maß für sprachliche Korrektheit und dienten dazu, sowohl die sprachlichen als auch die orthographischen Normen der kroatischen Literatursprache zu vereinheitlichen. Von dieser Annahme ausgehend gilt Bartol Kašićs *Institutiones linguae illyricae* nicht nur als erste kroatische Grammatik, sondern als Beginn der sprachlichen Normierung. Neben der Wahl der Dialektbasis für die Literatursprache lieferte Kašić zusammen mit der Beschreibung ihrer grammatikalischen Struktur die Grundlagen für die Kodifizierung der Sprachnorm. Die kroatischen Grammatiker bezogen sich aufeinander, was sich in ihren zahlreichen Bekenntnissen zeigt, und bestätigten damit die Kontinuität in der Beschreibung und Normierung der kroatischen Literatursprache.«

Ardelio Della Bella und das *Dizionario italiano-latino-illirico*

Ardelio Della Bella wurde 1655 in Foggia/Apulien geboren. Nach einem Jura- und Philosophiestudium trat er 1677 in den jesuitischen Orden ein. Mit wenigen Unterbrechungen verbrachte er sein Erwachsenenleben in Dalmatien und Dubrovnik, wo er als Apostel Dalmatiens Bekanntheit erlangte. Seine Volksnähe fand auch Niederschlag in seinem größten Werk, dem *Dizionario italiano-latino-illirico*. Dieses ist ein Lehrwerk der kroatischen Sprache mit über 900 Seiten. Es vereint eine 50-seitige Grammatik der kroatischen Sprache in italienischer Meta-Sprache mit einem umfangreichen Wörterbuch, bei welchem das italienische Lemma links steht. Die lateinische Entsprechung ist kursiv und knapp gefasst. Hierauf folgend stehen die kroatischen Übersetzungen, welche zusätzlich mit Beispielsätzen, Volksweisheiten und Zitaten aus der kroatischen Literatur dargelegt sind. Letzteres war ein Novum in der kroatischen Lexikografie. Della Bella schöpfte hierfür aus der Renaissance-Literatur² Dalmatiens und Dubrovniks³ und führte seine Quellen genau an.

Diese Literatur bildete auch die Basis für die von ihm verwandte Sprachvariante. Bei den frühen Grammatiken muss man sich vor Augen halten, dass die Autoren diese Entscheidung selbst treffen konnten, da noch kein einheitlicher Standard für die Sprache vorlag. Hinzu kommt, dass das kroatische Sprachgebiet sich aus sehr unterschiedlichen Dialektgruppen zusammensetzt. Diese werden nach der Fragepartikel für ›was‹ kaj/ča/što unterteilt: das Kajkavische (Nordkroatien zwischen Istrien und der ungarischen Grenze), das Čakavische (Teile Istriens und Dalmatiens) und das Štokavische (Ostkroatien, Dubrovnik sowie Bosnien). Der heutige Standard basiert auf dem Neu-Štokavischen⁴, auch wenn jede der beiden anderen Varianten über Literatur und wie im Falle des Kajkavischen auch zahlreiche Sprachlehrwerke verfügte.

Der Grammatikteil des *Dizionario* stützt sich in Syntax und Morphologie auf die lateinische Grammatik, wobei vor allem in der Flexion Anpassungen vorgenommen

---

2 Dalmatien und Dubrovnik erlebten eine frühe kulturelle Blüte unter dem Eindruck von Barock und Renaissance.

3 Dubrovnik/Republik Ragusa war damals als Stadtstaat die einzige selbstständige Staatseinheit mit kroatischer Mehrheitsbevölkerung. Des Weiteren war das Gebiet lange Zeit kulturelle Bastion kroatischer Sprache und Literatur.

4 Leider kann an dieser Stelle nicht auf den Sprachwandel und Zusammenhang zwischen alt- und neu-štokavischen Dialekten eingegangen werden, jedoch ist anzumerken, dass das Alt-Štokavische in Folge der osmanischen Landnahme massiv zurückging und heute bis auf wenige Sprachinseln ausgestorben ist.

wurden. Zur Wiedergabe und Systematisierung jener Fälle, die zwar im Kroatischen existieren, jedoch nicht im Lateinischen, führt Della Bella den siebten und den achten Fall an. Diese benennen den Lokativ und den Instrumental. Gleichzeitig beschreibt er den im Kroatischen nicht vorhandenen lateinischen Ablativ. Mit diesem markiert er im Kroatischen den Genitiv plus Präposition.

Della Bellas *Dizionario* erfreute sich seinerzeit großer Beliebtheit. Hierdurch kam es zu einer überarbeiteten und erweiterten Zweitaufgabe, welche posthum 1785 in Dubrovnik gedruckt wurde, sowie einer gesonderten Veröffentlichung des Grammatikteils 1837. Ebenso wurden 1805 Predigten Della Bellas im Werk *Razgovori i pripovidagna oza Ardelia Della Bella Fiorentina* (*Gespräche und Predigten des Vaters Ardelio Della Bella*) herausgebracht. Diese Veröffentlichung weist eine Besonderheit auf, welche das Sprachverständnis Della Bellas verdeutlicht: Im Gegensatz zum Štokavischen, vor allem Dubrovniker Natur, welches im *Dizionario* weitreichend angewandt wurde, ist Della Bellas eigene Sprache stark durch die Dialekte Dalmatiens geprägt. Dies verdeutlicht die bewusste Entscheidung, die Della Bella traf, als er eine Sprachvariante für sein Lehrwerk wählte.

Jesuiten und Sprachlehre

Der Jesuitenorden wurde 1540 durch den baskischen Adligen Ignatius von Loyola (1491–1556) gegründet. Bekannt ist die *Societas Jesu* (Gesellschaft Jesu) als Gelehrsamkeitsorden. Dies fand seinen Ausdruck nicht nur in zahlreichen Lehranstaltsgründungen, sondern auch in der Schaffung von Lehrwerken, Grammatiken und Wörterbüchern. Um eine größtmögliche Anzahl an Gläubigen zu erreichen, sollte bei der Erstellung immer der am weitesten verbreitete Dialekt verwandt werden.

Als strukturelle Vorlage für Grammatiken diente hierbei oft das Werk *De institutione grammatica libri tres* des portugiesischen Jesuiten Emanuel Álvares (1526–1583). Die Grammatik des Lateinischen wurde 1572 in Lissabon erstveröffentlicht. Für die kroatische Sprache kam dieses u.a. bei der Verfassung der ersten Grammatik der kroatischen Sprache von Bartol Kašić zur Anwendung. Jedoch überschritt es in seinem Einfluss Ordensgrenzen und diente u.a. als Vorlage für die Werke der Franziskaner Toma Babić (1680–1750) und Lovro Šitović (1682–1729) (vgl. Vince 1978: 60–67).

Jeder Orden hat seinen eigenen Charakter, welcher sich aus seinen Statuten und seiner Selbstwahrnehmung speist und auch in dessen Lehre sichtbar ist. Die Jesuiten waren nicht nur ein erheblich jüngerer Orden als beispielsweise die Franziskaner

oder Benediktiner. Sie hatten im Geiste der Neuzeit auch keine Ordenstracht und keine Klöster. Sie verscrieben sich nicht nur einem Armutsideal, sondern sie verbreiteten den Glauben wie auch die Bildung mit einem besonderen Fokus auf Jugendarbeit. Für die Mission im südslavischen Raum fand die Ausbildung oft im *Collegio Illyrico di Loreto* (Illyrisches Kolleg von Loreto) bei Ancona/Italien statt.

Daneben wurde außerdem die *pučka misija* (Volksmission) vorangetrieben, bei welcher Ordensmitglieder durch die kroatischsprachigen Regionen, teils verbottenerweise auf osmanischem Gebiet, reisten und einige Tage vor Ort verweilten. Dort wurden dann neben den kirchlichen Aufgaben wie Taufen, Eheschließungen, Beichtabnahmen und Segnungen von Hainen und Feldern auch gesellschaftliche Aufgaben wie die Schlichtung von Rechtsstreitigkeiten wahrgenommen. Das notwendige Vokabular für diese Aufgaben war somit zwingender Teil des *Dizionario*.

Hilfestellungen zur systematischen Bearbeitung älterer Grammatiken und Wörterbücher

Um ein älteres Sprachlehrwerk zu verstehen und in Kontext zu setzen, empfiehlt es sich, das Werk aus unterschiedlichen Blickwinkeln zu betrachten und sich nicht allein auf Punkte wie Syntax und Morphologie zu fokussieren. Hierbei kann es sinnvoll sein, Leitfragen zu formulieren, welche helfen, die einzelnen zu bearbeitenden Themenfelder sauber abzustecken. Eine mögliche Aufteilung ist die Unterscheidung von Umstands- und Bedürfnisebene. Auf der Umstandsebene werden alle Fragen geklärt, die Hintergründe des Werkes betreffen:

Wer vermittelt den Inhalt des Lehrwerkes?

- Der Hintergrund des Autors ist von Bedeutung, da er sowohl Aufschluss über dessen Geisteshaltung in Hinblick auf die Zielsetzung als auch über den Inhalt des Werkes gibt. Dies sind notwendige Informationen, da die persönliche Biographie eine bedeutende Rolle bei der Werkerstellung spielt.

Kann das Werk vom Lernenden mitgenommen werden?

- Manche Lehrwerke waren in ihrem Umfang weder geeignet zum Massendruck noch waren sie überhaupt transportfähig. So ist etwa das *Gazophylacium, seu Latino-Illyricorum onomatum aerarium* des Paulisten Ivan Belostenec (1593–1675) mit mehr als 2000 großformatigen Seiten nicht für den heimischen Gebrauch eines großen Publikums verfasst worden. Am anderen Ende des Spektrums stehen Wer-

ke wie der *Dictionar* des Jesuiten Juraj Habelić (1609–1678), der aus seiner eigenen Lehrerfahrung für seine Lateinschüler ein handliches Wörterbuch des Lateinischen verfasste. Das *Dizionario Della Bellas* ist zwar schwerer und umfangreicher als Habelićs Arbeit, jedoch ebenfalls gut transportfähig.

Wie ist die Handhabung in Hinblick auf die angewandte Sprachvariante?

- Die Herangehensweise der Autoren hing stark vom Zielpublikum und von ihrer eigenen Ansicht über die schönste Sprachvariante ab. So verglich der Jesuit Jakov Mikalja⁵ die štokavischen Sprachvarianten Bosniens in ihrer Schönheit mit dem Toskanischen im Kreis der italienischen Dialekte, während Della Bella sich vor allem an der Renaissance-Literatur orientierte, welche eine frühe čakavisch-štokavische Koiné hervorgebracht hatte (vgl. Vince 1978: 64–69). Autoren im kajkavischen Norden Kroatiens verwendeten hingegen häufiger exklusiv ihren Dialekt, oft sogar ihre regionale Mundart, führten aber unter dem Eindruck gemeinsamer Sprachbestrebungen wie dem *ozaljski književni krug*⁶ (Ozaljer Literaturkreis) zusätzlich die Entsprechungen aus anderen kroatischsprachigen Regionen an (vgl. Vince 1978: 36–38).

Zur Beurteilung des Inhaltes ist es notwendig, die Zielgruppe zu kennen, weswegen die Bedürfnisebene zu klären ist. Mögliche Fragen sind hierbei:

Welche Fähigkeiten sollen vom Lernenden erworben werden?

- Notwendiges Sprachniveau: Muss der Schüler nur grundlegende Kenntnisse erlangen oder soll eine tiefgreifende Erlernung stattfinden?
- Anwendungsgebiete: Im Falle von Della Bellas Werk war das Ziel eindeutig die Ausbildung junger Missionare, die in engem Bevölkerungskontakt stehen sollten. Aus diesem Grund waren volkssprachliche Entsprechungen aus unterschiedlichen Regionen ebenso sinnvoll wie die Erlernung von Volksweisheiten. Da die Missionare aber auch lateinische Texte übersetzen sollten, musste das Werk auch einen Wortschatz für den Religions- und Rechtsgebrauch bieten.

Mit welchen Sprachen ist die Zielgruppe vertraut?

- Im religiösen, vor allem im Ordenskontext, war Latein die *lingua franca* und einende Komponente, die Sprachgrenzen überschreitet. Sollte das Werk jedoch einem breiten Publikum ohne oder mit nur sehr geringen Lateinkenntnisse(n) zur

---

5 Jakov Mikalja, auch Jacobus Micalia (1601–1654), war Verfasser des Werkes *Blago jezika slovinskoga* (1649), eines Lehrbuches des Italienischen für kroatische Muttersprachler.

6 Der *ozaljski književni krug* war ein Kreis unter Beteiligung der kroatischen Adelsfamilien Zrinski und Frankopan, welcher sich u.a. für eine Literatursprache unter Berücksichtigung aller drei kroatischer Dialektgruppen einsetzte.

Verfügung gestellt werden, hatte dies Auswirkungen auf das verwendete Vokabular. Im Falle von Grammatiken konnte, wie z.B. bei Della Bella, ein Rückgriff auf die Struktur des Lateinischen stattfinden.

Wenn der Rahmen des Werkes abgesteckt ist, kann der Blick auf die Beziehung des Autors zu seinem Werk gerichtet werden:

Wie erlernte der Autor selbst die Sprache?

- Ob ein Muttersprachler ein Werk über seine eigene Sprache verfasst oder jemand, der die Sprache erst später erlernte, ist von Bedeutung für den Werksinhalt, insbesondere bei Grammatiken. Der Muttersprachler verfügt über den Vorteil, seine Sprache besser zu kennen und ein natürliches Gefühl für sie zu haben. Der Nicht-Muttersprachler hingegen bringt die eigene Erfahrung des Erlernens wie auch einen geschärften Blick für sprachliche Besonderheiten mit.

Ein praktisches Beispiel ist der Unterschied zwischen Kašićs und Della Bellas Grammatik in Bezug auf den slavischen Verbalaspekt. In vor-standardlicher Zeit, in welcher ein starker Bezug zur lateinischen Grammatik gepflegt wurde, sind all jene Punkte von besonderem Interesse, bei welchen explizit slavischsprachige Elemente wie der Verbalaspekt bearbeitet werden. Hier verbirgt sich ein möglicher Vorteil der Bearbeitung durch einen Nicht-Muttersprachler wie Della Bella. Der gebürtige Pager Bartol Kašić stellte zwar fest, dass manche Verben nicht im Präsens zur Anwendung kamen, erkannte aber nicht die Regelmäßigkeit bzw. den Grund für seine Wahrnehmung (vgl. Pandžić 2004: 22–24). Della Bella hingegen legt seinen Schülern in Kapitel 16 des *Dizionario* dar, wie manche Verben paarhaft auftreten und die Wahl des jeweiligen Verbes von der Frequenz der Handlung abhängt (vgl. Della Bella 1728: 32). Obwohl er dies nur für wenige Verben als Muster sah, erkannte er zumindest wichtige Elemente des Verbalaspektes bzw. äußerte sich als einer der ersten Autoren zu dessen Natur.

Gibt es Literatur, auf die er sich bezog?

- Quellenangaben sind im untersuchten Zeitraum selten. Dennoch ist es mit Recherchearbeit möglich, Rückschlüsse auf die verwendeten Quellen zu ziehen. Neben vorhergehenden Wörterbüchern und Grammatiken können dies Klassiker der Literatur in Original oder Übersetzung sein. Ein Blick über Sprachgrenzen hinweg ist empfohlen, da einzelne Werke europaweit Einfluss ausübten.

Wo findet sich Forschungsliteratur?

- Bei der eigentlichen Literaturrecherche ist es empfehlenswert, nicht nur über die großen Bibliotheksverbünde nach Informationen zu suchen, sondern auch Kontakt mit Ordensbibliotheken aufzunehmen. Im Falle von Della Bella hat sich diese

Methode als sehr ergiebig erwiesen. In den Texten der Ordensbrüder ließen sich viele Informationen zu seiner Biographie, seinem Briefverkehr und der Ordensgeschichte finden. Des Weiteren sollten auch kleinere Bibliotheken in den jeweiligen Schaffensorten konsultiert werden. Ggf. empfehlen sich auch Nachforschungen in den Zentren der damaligen Herrschaftsgebiete.

Geopolitik und Sprache

Der untersuchte Raum und mit ihm seine Sprachsituation waren in der Neuzeit weitreichenden Änderungen unterworfen. Massive Einschnitte ins menschliche Leben wie Seuchen, Kriege und Hungersnöte verursachen bis heute Umschwünge in der Bevölkerungsstruktur, was weiterführend Änderungen im Sprach- und Dialektgefüge bedeutet.

Die jahrhundertelangen Konflikte und die Landnahme der Osmanen im kroatischsprachigen Raum waren Hauptmotivator für die Missionsintensivierung. Dies hing damit zusammen, dass die Bevölkerung vor allem dort häufig zum Islam übertrat, wo die katholische Kirche kaum präsent war. Dies prägte die heutige Landkarte nicht nur in religiöser, sondern auch in sprachlicher Hinsicht.

In Hinblick auf die Dialektverteilung kam es konkret zu einer Reduktion der kajavischen und čakavischen Sprachgebiete. Diese beruht auf mehreren Faktoren: Es flohen viele Sprecher dieser Dialekte aus dem slavischen Sprachraum, was bis heute noch durch nationale Minderheiten wie Burgendlandkroaten und Moliseslaven sichtbar ist. Ebenso waren zahlreiche Štokavisch-Sprecher gezwungen, ihre Heimat zu verlassen. Sie siedelten sich außerhalb der osmanischen Herrschaftsgebiete in Dalmatien, Istrien und Nordkroatien an. Ein letzter wichtiger Punkt war die Schaffung der Militärgrenze in der kroatischen Kraijna. Im Grenzgebiet zum Eyâlet Bosnien wurden Menschen aus unterschiedlichen kroatischen Dialektregionen sowie Mitglieder anderer Ethnien wie Italiener, Rumänen, Vlach, Deutsche usw. angesiedelt. Diese erhielten hierfür Land, waren jedoch ab ihren Jugendjahren auch gleichzeitig Wehrbauern, die jederzeit eingezogen werden konnten.

Aus heutiger Sicht erscheint die Dominanz des Štokavischen und somit auch die Standardisierung auf dessen Basis als einzig sinnvolle Variante. Um den Inhalt von Della Bellas *Dizionario* in den richtigen Kontext zu setzen, muss bei dialektologischen Studien stets große Acht auf den Sprach- und Dialektwandel in historischer Sicht gegeben werden. Hierdurch wird auch verständlich, in welcher Wechselwirkung Sprachwandel und Sprachlehrwerk stehen. Im Sprachlehrwerk werden sowohl

Sprachentwicklungen aufgenommen als auch Entscheidungen hinsichtlich der verwendeten Sprachvariante getroffen, die eine Rückwirkung auf die Verbreitung und das Ansehen dieser Sprachvariante haben.

Dadurch, dass Werke mit vor allem normativem Charakter eine Rückwirkung auf die verwendete Sprache haben, müssen wir, um sie zu verstehen, den historischen Kontext betrachten, in welchem sie verfasst wurden. Eine Untersuchung aus Sicht der historischen Linguistik fügt Elemente aus geopolitischen, linguistischen und ggf. religiösen Hintergründen zusammen. Wichtig ist, sich vor Augen zu führen, dass supranationale Umstände auch eine supranationale Betrachtung erfordern.

Schlusswort

Im slavischen Sprachraum wurden viele bemerkenswerte Wörterbücher und Grammatiken verfasst, welche noch nicht in wünschenswertem Maße erforscht sind. Auch wenn die Bearbeitung dieser Werke anfangs ungewohnt erscheint, da sie oft in einer Gemengelage aus Mission und früher Sprachbeschreibung entstanden, ist es dennoch lohnenswert. Um diese Pionierarbeiten als erste Vorläufer der heutigen Sprachstandardisierung einem breiteren Publikum zugänglich zu machen, kann dieser Artikel hoffentlich als kleiner Ideengeber dienen.

Literaturverzeichnis

- Antolović, J. (1987): »Otac Ardelio Della Bella (1655–1737) apostol Dalmacije«. In: *Obnovljeni život* (42), S. 508–525, <https://hrcak.srce.hr/53729>.
- Antolović, J. (1988): »Otac Ardelio Della Bella (II.)«. In: *Obnovljeni život* (43), S. 60–71, <https://hrcak.srce.hr/53478>.
- Becher, H. (1951): *Die Jesuiten*. München.
- Brozović, D. (1970): *Standardni jezik*. Zagreb.
- Della Bella, A. (1728): *Dizionario italiano-latino-illirico*. Venezia.
- Della Bella, A. (1805): *Razgovori i pripovidagna oza Ardelia Della Bella Fiorentina*. Venecija.
- Ham, S. (2006): *Povijest hrvatskih gramatika*. Zagreb.
- Horvat, V. (1999): *Bartol Kašić – otac hrvatskoga jezikoslovlja*. Zagreb.
- Horvat, V. (Hrsg.) (1992): *Isusovci u Hrvata*. Zagreb.

- Horvat, V. (2012): »Postignuća isusovačkih leksikografa dopreporodnoga razdoblja«. In: *Filologija* (58), S. 163–189, <https://hrcak.srce.hr/98055>.
- Jahreis, A. (1990): *Grammatiken und Orthographielehren aus dem Jesuitenorden*. Heidelberg.
- Jernej, J. (1991): »Struktura Della Belline gramatike«. In: *Filologija* (19), S. 23–29, <https://hrcak.srce.hr/165174>.
- Kolenić, Lj. (1999): »Glagolski načini i vremena u starim hrvatskim gramatikama«. In: *Jezikoslovlje* (2), S. 101–126, <https://hrcak.srce.hr/31876>.
- Micalia, J. (1649): *Blago jezika slovinskoga illi slovník ů komu izgorarajuje rjeci slovinjke Latinski, i Diacki*. Loreto.
- Pandžić, Z. (2004): »Tense, Mood and Aspect in the First Grammar of Croatian (Kašić 1604)«. In: *Historiographia Linguistica* (31), S. 7–32.
- Pranjković, I. (1993): *Kronika hrvatskoga jezikoslovlja*. Zagreb.
- Sironić-Bonefačić, N. (1989): »Talijanski leksički izvori u prvom izdanju talijansko-latinsko-ilirskog rječnika Ardelia Della Belle«. In: *Studia Romanica et Anglica Zagrabiensia* (34), S. 177–185.
- Šimundža, D. (Hrsg.) (1990): *Isusovac Ardelio Della Bella*. Split, Zagreb.
- Šipka, D. (1991): »Della Bella kao začetnik moderne koncepcije rječnog članka u našoj leksikografiji«. In: *Filologija* (19), S. 31–36, <https://hrcak.srce.hr/165175>.
- Tafra, B. (2005): *Od riječi do rječnika*. Zagreb.
- Tafra, B. (2012): *Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja*. Zagreb.
- Vanino, M. (1969): *Isusovci i hrvatski narod*, Bd. 1.: *Rad u XVI stoljeću, zagrebački kolegij*. Zagreb.
- Vanino, M. (1987): *Isusovci i hrvatski narod*, Bd. 2.: *Kolegiji dubrovački, riječki, varaždinski i požeški*. Zagreb.
- Vanino, M. (2005): *Isusovci i hrvatski narod*, Bd. 3.: *Pučke misije, prekomorske misije, rezidencija Osijek, književni rad*. Zagreb.
- Vince, Z. (1978): *Putovima hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Способы реализации категории эмотивности в свадебных обрядовых текстах

Der Artikel widmet sich der Analyse der Besonderheiten des Brautvokabulars am Beispiel von Hochzeitsritualtexten. Die wichtigsten emotionalen Lexeme mit negativer Semantik, die die Braut während des Hochzeitsrituals verwendet, werden hervorgehoben. Die Eigenschaften dieser Lexeme werden aufgeführt.

The paper is devoted to the analysis of the peculiarities of the bride's vocabulary on the example of wedding ritual texts. The main emotive lexemes with negative semantics used by a girl-bride during a wedding ritual are highlighted. The characteristic of these tokens is given.

Свадебная обрядность – великое наследие духовной культуры русского общества. В ней отражалась вся история русского народа: его мировоззрение, особенности быта, своеобразие общественных и семейных отношений. Для каждой семьи главной обязанностью было сыграть свадьбу.

Свадебная ритуальность содержала множество символов и обычаев. Она вырабатывала и использовала особый символический язык – набор словесных, предметных и поведенческих метафор. Свадебная обрядность выступала проверкой ценностей, испытанием вступающих в брак, их семей, родни и общества в целом, потому что новая семья меняла структуру общества и устанавливала новый порядок.

Невеста была одним из главных участников свадебного обряда. Её причитаниям отводилась важная роль. При помощи них девушка-невеста выражала личное отношение к происходящему во время свадебных ритуалов

и выносила на людской суд свои отрицательные эмоции, которые проявлялись у неё в горестный час расставания с девичеством.

В данном исследовании даётся описание эмотивных лексических единиц с отрицательной семантикой, используемых невестой во время совершения свадебного обряда. Новизна данной работы заключается в том, что ранее не предпринимались попытки выявить синонимичные эмотивные лексемы, выражавшие отрицательные эмоции невесты в причитаниях во время свадебного обряда, а также дифференцировать эти лексемы по процентному признаку, чтобы определить их частотность употребления девушкой-невестой. В исследовании анализируются свадебные причитания не конкретных областей России, хотя в некоторых из них встречаются определённые диалектизмы, а причитания, носящие общерусский характер.

Свадьба выступала драматическим действием, состоявшим из трёх основных этапов. Первый из них – предварительный сговор о свадьбе. К данному этапу относились, например, следующие свадебные элементы: сватовство – обряд, благодаря которому заранее совершались переговоры о бракосочетании двух сторон; сговор – ритуал, посвящённый решению всех материальных вопросов; рукобיתье – обряд, во время которого окончательно закреплялся договор о браке (ср. Чичеров 1959: 383–384).

Второй этап содержал в себе обрядовые действия, связанные с подготовкой невесты к свадьбе (ср. там же). Например, посещение бани, которое символически сравнивалось с обрядовым омовением – очищением грехов перед важным событием, и девичник, на котором невеста в кругу подруг расставалась со своим девичеством и свободой. Третий этап – собственно, свадьба, во время которой совершались следующие обрядовые действия: венчание в церкви, возвращение домой, свадебный пир (ср. там же).

Все обрядовые действия делились на две противоположные группы: во-первых, обряды, включавшие в себя архаичные черты, во-вторых, обряды, содержавшие в себе христианские наслоения. Они длительное время находились друг с другом в противоречии.

В конце X века на Русь пришло христианство. Оно оказало существенное влияние на содержание и формирование свадебного обряда. Христианство, являясь письменной религией, приобщила Русь к высокоразвитой мифологии.

Произошло соединение с культурой Византии, наиболее передовой страны того времени. Причем это произошло, когда византийская

культура переживала пик своего расцвета IX–XI веков.
(Лихачев 2000: 51)

Заклучавшиеся в церкви браки стали обязательными. Венчание, как основная часть, входило в свадебный обряд. С одной стороны, проводились церковные обряды, с другой – свадебное веселье, корни которого уходили в далёкое прошлое (ср. Чистов/Бернштам 1978: 7). Однако между этими группами возник синтез, создавший сложное явление, которое включало в себя разнохарактерные элементы. Сам процесс внедрения церковных обрядов занял достаточно много времени: только к XVII веку церковный брак прочно укоренился.

Свадебный обряд мог носить магический, юридически-бытовой, ритуально-игровой характеры (ср. Круглов 1978: 7). К первому относились обрядовые действия, направленные на то, чтобы сверхъестественные силы служили человеку, или он защищался от них. Такая магия называлась продуцирующей. Она была направлена на обеспечение жениху и невесте благополучия, многодетности, прочности в их семье, богатого урожая. Например, молодых посыпали хмелем, чтобы они жили богато.

К юридически-бытовым обрядам относились действия, совершавшиеся с целью придерживаться определённых экономических обычаев между двумя семьями. Например, во время смотрин выявляли благосостояния и жениха, и невесты. Ритуально-игровые обряды совершались с целью удовлетворения эстетических требований участников торжества. Таким действием считалось прощание девушки-невесты с красотой.

В свадебных обрядах могли отражаться разные формы народного творчества: музыка, поэзия и драматическое искусство. Всё обрядовое творчество – неделимые между собой искусство и проявление практической жизни народа. Так же происходило с обрядовыми текстами, которые составляли единство быта и искусства.

В свадебном фольклоре выделялись два типа произведений: обрядовые и лирические. Первые исполнялись с утилитарно-магическими целями. Вторые изображали внутренний мир участников свадебного обряда и их отношение к свадьбе (ср. там же: 12). Обрядовые произведения по своему назначению и значению ничем не отличались от самих обрядов. При помощи исполнения лирических произведений участники торжества стремились запечатлеть мир своих чувств.

Произведениями, в которых высказывались личные думы и переживания, были причитания. Причитая, родственники и подруги невесты выражали личное восприятие свадебного торжества. Поэтому для причитаний была обязательна форма первого лица единственного числа. Причитаниям невесты отводилось первое место в предсвадебных обрядах. Как только она узнавала, что просватана, начинала причитать: это происходило тогда, когда уходили сваты. Нежелание невесты выходить замуж, которое она выговаривала, выступало лирическим мотивом причитаний, воспроизводившим субъективное личное чувство. Обращаясь к своим родителям, девушка-невеста спрашивала, зачем её отсылают из родного дома. О своей тяжёлой доле – конце девичества – невеста рассказывала подругам.

Причитания были небольшими по объёму. Краткость усиливала выражение формы тоски и горя. В причитаниях поэтическая сила была сосредоточена на передаче контраста: веселья всей родни и печали невесты. Свадебные причитания отражали перемены, происходившие в жизни девушки-невесты против её воли. Однако эта характерная особенность не демонстрировала ситуацию полностью – существовали свадьбы, игравшиеся с согласия самой невесты, но обряд ставил перед девушкой обязанность горько причитать.

Девушка-невеста имела двойственное положение в свадебных обрядах. До принятия христианства у поклонявшихся древлян-язычников был особый обряд умыкания – похищения невесты. Во время него женщины приходили к воде и совещались со своими будущими похитителями.

Описание умыкания в древнейших летописных сводах отражает проявление согласования интересов сторон в матримониальных делах и, следовательно, свободной воли женщины в этом вопросе.
(Пушкарева 1989: 70)

С принятием христианства началось искоренение языческих традиций, куда вошло умыкание. В силу вступил обряд венчания, совершавшийся только с согласия родителей обеих сторон после брачного сговора, который был имущественной сделкой. Отцы и матери выбирали пару своим детям, руководствуясь личными интересами, не обращая внимания на чувства молодых. Невеста, не имея права выбора жениха, была принижена в социально-правовом положении. Это чувство неравности отражалось в её причитаниях.

Девушка-невеста, с одной стороны, была одним из главных субъектов свадебного обряда, с другой – она выступала в качестве объекта, над

которым совершались разные действия. Невеста рассматривается нами как участница ритуала, среди действий которой большое место занимали обряды, направленные на психологическую и культовую подготовку к вступлению в брак и переходу в семью мужа. Сюда относились плачи и причитания, прощания с очагом, домом, селом, источником воды, обрядовая баня.

На протяжении почти всего свадебного процесса с помощью причитаний невеста выражала личное отношение к происходящему. Она символически умирала, а затем возрождалась уже как замужняя женщина – осуществлялся её переход из одного социального статуса в другой, из родного дома в чужой.

Во время исполнения свадебных обрядовых текстов участники торжества испытывали широкий диапазон различных эмоциональных состояний. Их эмоциональное самовыражение было связано с языком, потому, что язык выступал основным видом знаковой системы, включавшей в себя языковые явления (ср. Нашхоева 2011: 95–98).

Эмоции любого участника свадьбы выражались во время коммуникации, которая создавалась путём контакта между двумя сознаниями. Образовывалась знаковая цепь коммуникативного процесса, в основе которого лежали субъективные отношения, передававшие информацию от говорящего к слушающему.

Человек всегда отражал мир избирательно, то есть отражал только то, что ему было необходимо в определённый момент жизни. Эмоции выступали посредником между миром и его отражением в человеческом языке. Являясь психическим явлением, эмоции воспроизводили в сознании человека эмоциональное отношение ко всему окружающему.

Эмотивность как лингвистическая категория является свойством языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека. (Шаховский 2008: 5)

Они передавались с помощью эмотивов – особых единиц языка и речи. Благодаря эмотивной лексике демонстрировались самые разные эмоциональные состояния людей.

При анализе эмотивных лексических единиц невесты использовался сборник причитаний *Обрядовая поэзия* (ср. Круглов 2000: 7–218). В нём тексты записывались и публиковались по-разному: диалектные особенности могли соблюдаться (на современную литературную орфографию переводилась только их фонетическая сторона) и могли не

соблюдаться. Собранные воедино эти тексты представляли собой пёстрое языковое явление.

Во время исследования были выявлены основные эмотивные лексемы, употребляемые невестой во время свадебного обряда. Эти лексические единицы отражали её эмоции. Они были отнесены Л.Г. Бабенко (ср. Бабенко 2005: 186–196) к существительным, обозначающим эмоциональное состояние человека: «горе», «тоска», «печаль», «кручина», «скорбь». Все лексемы были проранжированы по частотности употребления их в тексте девушки-невесты. Подсчёт был составлен в результате анализа текста и переведён в проценты.

Самое часто встречающееся существительное – эмотивная лексема *горе*. Её употребление невестой составляет 35%. Лексема *горе* встречается в строках, произносимых девушкой-невестой во время сватовства.

Мне запеть, молодешеньке / Непевалую песенку / Не с веселья, со радости / С горя, со кручинушки. (Круглов 2000: 7)

Эмотивная лексема *горе* употребляется девушкой-невестой, когда она, обращаясь к своему отцу, причитает.

Не молись да не промаливай / Ты меня-то, да красну девушку / Горющицу да горе-горькую / Ты кукущицу да сыроборну / Во чужий-то да люди добры / Люди добры да незнакомы. (Круглов 2000: 30)

Лексема *горе* употребляется невестой в строках, которые она адресует пришедшей поддержать её подруге.

Тебе спасибо, бела лебедь / Что меня не позабыла / Да во горе да во кручине / Во злой печали великой. (Круглов 2000: 38)

Употребление эмотивной лексемы *тоска* составляет 27,5%. Она присутствует в строках, которые произносятся невестой во время сватовства.

Сторговала мне крестна матушка / Бабий моршень да на голову / На чужой-то дальний сторонущке / Мне велику тоску кручинушку / На мое-то ретиво сердце. (Круглов 2000: 14)

Также лексема *тоска* употребляется девушкой-невестой в обряде, связанном с баней.

Раскатись, жарка парна баенка / По единому да бревнышку / Не
могла я тоски смыти / Не могла я да сполоскати / Вдвое, втрое да
тоски прибыло. (Круглов 2000: 99)

Данная лексема используется при описании девичника, во время которого невеста произносит слова, обращённые к дальней стороне.

Как чужая-то дальня сторонушка / По край стоит света белого /
По конец мира крещеного / Она задом стоит к красну солнышку
/ Передом стоит к лесу темному / Она тоскою огорожена / Она
печалью испосеяна / Она слезами исполивана. (Круглов 2000: 103)

Далее следует эмотивная лексема *печаль*. Её употребление девушкой-невестой составляет 20%. Лексема *печаль* встречается в тексте часто, потому что каждое утро во время великой недели накануне свадебного торжества невеста причитает.

Да я встаю же ранехонько / Да приду я, молодехонька / Да на
широкое поле / Да там нигде и никого / Тут слезами я умоюсь /
Печалью я утираюсь. (Круглов 2000: 38)

Эмотивная лексема *печаль* встречается в строчках, адресуемых невестой двоюродной сестре, прибывшей из далека: «*Да во горе да во кручине / Во злой печали великои*» (Круглов 2000: 49). Лексеме *печаль* невеста употребляет в своей речи, приглашая родственников на свадьбу.

Да по родне-то родимые / Да чтобы чуяли, слышали / Да чтобы шли,
да и ехали / Ко моим-то кормилицам / Да на пир, да на братчину /
Да ко мне, молодешеньке / Да на печаль, да на горяшко. (Круглов
2000: 43–44)

Использование эмотивной лексики *кручина* составляет 15%. Девушка-невеста употребляет её во время обряда рукобיתье.

Раскатилось горе-кручинушка / В мою светлую светлицу / Во столо-
ву нову горницу. (Круглов 2000: 24)

Также лексема *кручина* используется невестой при обращении к природе.

Что горы-то крутые / Мое горе-кручинушка / Что реки-то быстрые
/ Мои горячи слезы / Что леса-то темные / Чужа сторона / Что зве-
ри-то лютые / Чужи люди незнамые. (Круглов 2000: 138)

Последняя и самая малочисленная в употреблении – эмотивная лексема *скорбь*. Она произносится девушкой-невестой один раз при обращении к Богу на великой неделе.

Ой, дай ты мне, Господи / Ой, да скорбь тяжелую / Ой, да смертенку
скорую. (Круглов 2000: 68)

В результате проведённого исследования был сделан вывод о том, что синонимичные эмотивные лексемы с отрицательной семантикой занимают значительную часть причитаний девушки-невесты, которая выносит свои переживания на людской суд. Эмотивная лексика, используемая невестой, является яркой составляющей свадебных обрядовых причитаний, потому что именно эти лексемы отражают эмоции и чувства девушки-невесты, давая им обозначение.

Библиография

- Бабенко, Л.Г. (2005): *Большой толковый словарь русских существительных*. – Москва.
- Круглов, Ю.Г. (1978): *Русские свадебные песни: Учеб. пособие для пед. ин-тов*. – Москва.
- Круглов, Ю.Г. (2000): *Обрядовая поэзия*. – Москва.
- Лихачев Д.С. (2000): *Русская культура*. – Москва.
- Нашхоева, М.Р. (2011): «Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста» // *Вестник Южно-Уральского государственного университета* (1). С. 95–98.
- Пушкарева, Н.Л. (1989): *Женщины Древней Руси*. – Москва.
- Чичеров, В.И. (1959): *Русское народное творчество*. – Москва.
- Чистов, К.В. Бернштам, Т. А. (1978): *Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы*. – Ленинград.
- Шаховский, В.И. (2008): *Лингвистическая теория эмоций*. – Москва.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Die Sprache des Poems *Die Tochter der Sláva*

Diese Arbeit ist der Analyse von Kollárs Dichtersprache im Poem *Die Tochter der Sláva* gewidmet, dessen Text tschechische, slowakische und künstliche Besonderheiten aufweist. Diese Eigenschaften werden auf phonologischer, morphologischer und lexikalischer Ebene untersucht.

This work is devoted to the analysis of Kollár’s poetic language in the poem *The Daughter of Sláva*, the text of which includes Czech, Slovak and artificial features. These traits are studied at the phonological, morphological and lexical levels.

Der romantische Dichter Jan Kollár (1793–1852) wurde in der Nähe von der Stadt Martin in der Slowakei geboren. Im Gegensatz zu seinen jüngeren Kollegen meinte er, dass nur die tschechische Sprache, die tschechische Protestanten im 16. Jahrhundert in die Slowakei brachten und die nach der Sprache der Kralitzer Bibel Bibličina genannt wurde, als Schriftsprache für slowakische Literatur dienen könne. Slowakisch klinge viel schöner als Tschechisch, meinte Kollár und versuchte, die beiden miteinander zu vereinen (um ein sogenanntes »Tschechoslowakisch«, das heißt die neue Schriftsprache für Böhmen, Mähren und die Slowakei, zu erschaffen). Dazu schrieb er sein 1824 erstmals herausgegebenes Opus magnum *Die Tochter der Sláva*. Außerdem zeigt sich, dass die mittelslowakische Mundart, welche Kollárs Muttersprache war, sich im Text der Dichtung unvermeidlich ausprägt.

Zu den phonetischen Besonderheiten des Textes gehörten z.B. die unregelmäßige Verwendung des Phonems [r] anstatt des Reibelauts ř [r̝], der für die tschechische Sprache einzigartig ist und aus der palatalisierten urslavischen Verbindung *rj entstand. Slowakisch unterscheidet nicht zwischen [r] und [r̝], weil es in dieser Sprache

nur ein [r] gibt. Der gleichen Situation können wir in südslavischen Sprachen begegnen. Kollár lässt [r] vor allem weg, wenn es vor dem Hinterzungenvokal (*pomrau* statt *pomřou* (›sie werden sterben‹), *trau se* statt *třou se* (›sie reiben sich‹)) oder vor einem anderen Konsonanten (*smírlivosti* statt *smřilivosti* (›die Demut‹), *čtyrstoletí* statt *čtyřstoletí* (›vier Jahrhunderte‹)) steht. Vereinfacht kann man sagen, dass der Wegfall vorkommt, wenn die Aussprache des palatalisierten [r] für Ausländer (inklusive des Dichters) kompliziert wäre. Manchmal benutzt Kollár Slowakismen statt tschechischer Wörter – wahrscheinlich bewusst, z.B. *sesternice* statt *sestřenice* (›die Cousine‹), *materčina* statt *materština* (›die Muttersprache‹). Im Text des Poems können wir jedoch auch solchen Fällen begegnen, in denen slowakische Wörter durch die Verwendung des Reibelauts ř bohemisiert wurden: *zatvořiti* statt *zatvoriti* (›schließen‹ – im Tschechischen würde es *zavřít* lauten), *křičky* statt *křičky* (tschechisch *keřky* ›die Büschchen‹).

Im Text der Dichtung findet sich ebenso fast kein Übergang vom Laut [a] zum Laut [e] vor dem Phonem [j] (*naywětší* statt *největší* (›der größte‹), *naykrásnější* statt *nejkrásnější* (›der schönste‹)) und vom Laut [u] zum Laut [i] nach palatalisierten Konsonanten (*juh* statt *jih* (›der Süden‹), *cizí* statt *cuzí* (›fremd‹)). Dieser Übergang gehört zum Spezifikum der tschechischen Sprache und ist nirgendwo sonst in den slavischen Sprachen repräsentiert. Vielleicht wurde diese tschechische Besonderheit durch das angrenzende Deutsche beeinflusst, weil sie an historische Veränderungen (a- und i-Umlaute) in den germanischen Sprachen erinnert (vgl. *küssen* versus *to kiss*, *die Seele* versus Ahd. *sēla*). Kollár befolgt hier nicht der tschechischen Regeln, weil Hinterzungenvokale seiner Meinung nach besser klingen als Vorderzungenvokale. Es gibt allerdings auch ein Beispiel für eine Hyperkorrektur, als der Dichter *tejný* statt *tajný* (›heimlich‹) schrieb, obwohl dieses Wort weder im Tschechischen noch im Slowakischen benutzt wird.

Die tschechische Sprache unterscheidet zwischen sogenannten harten und weichen Adjektiven, die in allen Genera auf -ý/á/ě beziehungsweise -í enden. Im Slowakischen hingegen werden die Genera unterschieden, was für Kollár logischer und folglich ästhetischer war. Deswegen verwendet Kollár oft das slowakische Modell – sowohl mit tschechischen als auch mit slowakischen Stämmen: *cuzý*, *cizý*, *cizá* (›fremd‹). Diese Formen kommen den westslowakischen Mundarten, die in der Umgebung Bratislavas verbreitet sind, sehr nah. Kollár begegnete diesen Mundarten, als er dort in Jahren 1812–1815 am protestantischen Lyzeum studierte.

Slowakisch unterscheidet sich von anderen westslavischen Sprachen auch dadurch, dass der urslawische reduzierte Hinterzungenvokal, der mit dem Buchstaben Ъ ver-

schriftlicht wird, nicht nur in den Vokal e (wie im Tschechischen oder Polnischen), sondern auch ins o (wie im Russischen oder Ukrainischen) und a (im Serbischen und Kroatischen) übergegangen war. Bei Kollár können wir solch einem Beispiel begegnen, wenn der Dichter (wahrscheinlich unbewusst) in einem Sonett das slowakische mundartliche Wort *moch* (›Moos‹) statt des hochtschechischen *mech* benutzt. Interessanterweise korrigieren tschechische Redaktoren in den Neudrucken des Poems diese Form immer.

Am regulärsten lehnt Kollár die Sonanten r und l ab und verwendet stattdessen die Verbindungen *er* (*serdce* statt *srdce* (›das Herz‹)), *el* (*selza* statt *slza* (›die Träne‹)) und *lu* (*wluna* statt *vlna* (›die Welle‹)), obwohl diese Sonanten in beiden Sprachen übriggeblieben und nur in den ostslowakischen Mundarten verschwunden sind. Kollárs »Kampf gegen die Sonanten« könnte dadurch motiviert gewesen sein, dass sie in anderen slavischen Sprachen nicht benutzt werden und es im Serbischen und Kroatischen nur den Sonanten [r] gibt. Hierbei sollte man berücksichtigen, dass Kollár davon träumte, die slavischen Völker zu vereinigen.

Im Text des Poems gibt es einige Beispiele, bei denen eine phonetische ›Slowakisation‹ des Wortstamms (wahrscheinlich unbewusst, weil der Dichter die Frage nach der Korrelation von harten und weichen Konsonanten in der ›tschechoslowakischen Sprache‹ eigentlich nicht behandelte) zu einer Deklinationstypveränderung führt, das heißt einen morphologischen Wandel verursacht. Man kann solch ein Beispiel schon im Vorwort finden, wo Kollár schreibt: »Zlomky drobí ted' tam hostě cizého noha«¹ (Kollár 1845: 6). Das tschechische Wort *host* (›der Gast‹) lautet im Genitiv *hosta* und das slowakische Pendant *hosta* (Nom. *host*), weil weiche Konsonanten im Slowakischen in den Endungen verbreiteter sind als im Tschechischen. Man sieht hier jedoch eine Hybridvariante, bei der das slowakische Wort nach tschechischem Muster dekliniert wurde, mit anderen Worten folgt ein e anstatt a auf den weichen Konsonanten. Einem ähnlichen Fall kann man auch vorher begegnen: »Jak včely med zawníc kradné se do aule cizého«² (ebd.: 5). Die Form *do aule* (›in einen Bienenstock‹) (vgl. tsch. *do úlu*, slow. *do úla*) ist hier von Interesse. Einen weichen Deklinationstyp wählte Kollár wahrscheinlich unter dem Einfluss seiner Muttersprache.

Das Suffix -ň ist im Slowakischen auch weich. Es entspricht dem tschechischen Suffix -n, das hart klingt. Die Wörter, die mit diesen Suffixen gebildet sind, werden nach dem weichen beziehungsweise harten Deklinationstyp dekliniert (mit den Endungen -e oder -y). Als Kollár seine Heimat beschreibt, erinnert er sich:

---

1 Dt. Übers. des Verfassers: »Die Bruchstücke zerstückelt da das Bein des fremden Gastes.«

2 Dt. Übers. des Verfassers: »Den Honig der Biene riechend kriecht er in einen fremden Bienenstock.«

Tam jsem spatřil svět, a w Mači hráwal,
Wodu ze studně pil Kráľowské³. (ebd.: 151)

Das heißt, dass der Dichter das Wort *studňa* (vgl. tsch. *studna*, ›der Brunnen‹) wie in seiner Muttersprache dekliniert.

Die Züge der slowakischen Sprache prägten sich auch in der Morphologie des Poems aus. Zu den zahlreichen Südslavismen der slowakischen Sprache gehören Verbindungen der ersten Person Singular im Präsens. Diese Formen enden hier immer mit -m, obwohl im Tschechischen oder Polnischen auch die Endungen -u/-i usw. existieren. Kollár konjugiert die tschechischen Verben manchmal ebenso, wie man es im Slowakischen tut: *nechápat* > *nechápám* statt *nechápu* (›ich verstehe nicht‹) und *plavat* > *plávám* statt *plavu* (›ich schwimme‹). Das sind keine tschechischen Wortformen, aber auch keine slowakischen (vgl. slow. *nechápem*, *plávam*). Im Gegensatz zur tschechischen Sprache ist im Slowakischen der Stammvokal des zweiten Verbs lang. Die Länge der Endung verschwindet jedoch infolge des Rhythmusgesetzes, das nach der langen Silbe eine Vokalkürzung erfordert und nur für die slowakische Sprache gilt. So wie im vorigen Fall wählt Kollár den Zwischenweg: Er bleibt im Rahmen der tschechischen Sprache (vor allem deshalb, weil er in seiner Lehre der Verbmorphologie keine Aufmerksamkeit schenkt) und wählt die Endung -ám, aber er wird durch seine Muttersprache beeinflusst, indem er für das Verb *plavati* (›schwimmen‹) einen langen Stammvokal wählt, wie aus dem Slowakischen bekannt.

Die Besonderheit von Kollárs Dichtersprache zeigt sich auch in der Wortformbildung des Imperativs (3. Person Singular) mit der Partikel *nech* (›lass‹), die im Slowakischen bis heute funktioniert, obwohl es im Tschechischen nur die Partikeln *nechť* und *ať* gibt:

Z jara nech tě svěťí líbý chládku.⁴ (ebd.: 15)
Ta nech Paříž, aneb London prosí,
By slal krojů nowých pravidla⁵. (ebd.: 31)

Nach den slowakischen Regeln sind auch manche Formen des Imperativs (2. Person Plural) gebildet: *žíte* (›lebt!‹) (ebd.: 140), *nebíte* (›schlagt nicht!‹) (ebd.: 298). Für die

3 Dt. Übers. des Verfassers: »Dort sah ich das Licht und spielte Matscha, trank Wasser aus dem Kráľowský-Brunnen.«

4 Dt. Übers. des Verfassers: »Lass sanfte Kühle dich jeden Frühling anwehen.«

5 Dt. Übers. des Verfassers: »Lass sie Paris oder London um neue Kleidungsregeln bitten.«

Bildung der analogen Formen in der tschechischen Sprache benutzt man das Präsenssuffix -j: *žijte*, *nebijte*. Im Slowakischen verschwindet es jedoch: *žite*, *nebíte*. Bei Kollár begegnet man erneut einem Mittelweg.

Slowakismen gibt es im Text des Poems ebenfalls auf lexikalischem Niveau. Diese kann man in einige Gruppen einordnen. Zur ersten Gruppe gehören Bezeichnungen für Menschen, darunter Berufe – *drotář* (vgl. slow. *drotár*, tsch. *dráteník* – ›Kessel-flicker‹) (ebd.: 107), *krajčír* (vgl. slow. *krajčír*, tsch. *krejčí* – ›Schneider‹) (ebd.: 62), *krajčírka* (statt *švadlena*) (›Schneiderin‹) (ebd.: 219) – und Verwandtschaftsbezeichnungen – *ujčina* (vgl. slow. *ujčiná*, tsch. *teta* – ›Tante‹) (ebd.: 63), *brat* (vgl. slow. *brat*, tsch. *bratr* – ›Bruder‹) (ebd.: 6, 104, 225), *sesternice* (vgl. slow. *sesternica*, tsch. *sestřenice* – ›Cousine‹) (ebd.: 85). Die zweite Gruppe bilden Bezeichnungen für Kulturobjekte: *paloš* (slow. *paloš*, tsch. *šavle* – ›Säbel‹) (ebd.: 232), *obloky* (slow. *obloky*, tsch. *okna* – ›Fenster‹ (Pl.)) (ebd.: 62). Die dritte Gruppe besteht aus Vogelnamen: *lastovička* (slow. *lastovička*, tsch. *vlaštovka* – ›Schwalbe‹) (ebd.: 175), *čajka* (slow. *čajka*, tsch. *racek* – ›Möwe‹) (ebd.: 274). Schließlich findet sich noch eine vierte Gruppe mit religiöser Lexik: *anjel* (slow. *anjel*, tsch. *anděl* – ›Engel‹) (ebd.: 12, 129, 207), *anjelský* (slow. *anjelský*, tsch. *andělský* – ›engelhaft‹) (ebd.: 53, 211), *čudo* (slow. *čudo*, tsch. *zázrak* – ›Wunder‹) (ebd.: 208).

Kollár reiht im Poem auch ganze Zeilen auf Slowakisch ein. Im 476. Sonett singt ein Engel ein Schlaflied: »Buwaj že mi, buwaj«⁶ (ebd.: 249). Im 571. Sonett antworten die Sünder in der Hölle dem lyrischen Helden: »My sme šustri z banské ze Štyawnyce«⁷ (ebd.: 298) und im 587. fleht der Chronist Johannes de Thurocz um Gnade:

Čakajte ma! Čakalalalajte!
Já som Slowák Turčan z Michala,
Už pou jazyka mi odrala
Rota ďáblow, prosbu za mňa dajte!⁸ (ebd.: 306)

Diese Beispiele bezeugen, dass der Dichter zwischen (real) gesprochener und schriftlicher (Hoch-)Sprache unterscheidet: die Charaktere, die historische Prototypen haben, sprechen im Text des Poems Slowakisch, nicht ›Tschechoslowakisch‹, weil letzteres Kollár nur als eine Sprache der Literatur dienen sollte.

6 Dt. Übers. des Verfassers: »Schlaf (mir) wohl, schlaf.«

7 Dt. Übers. des Verfassers: »Wir sind Schuhmacher aus Schemnitz.«

8 Dt. Übers. des Verfassers: »Wartet auf mich! Wartet! Ich bin turzischer Slowake aus Michal, schon eine Halbzung riss mir die Kompanie der Teufel ab, betet für mich!«

Die Tochter der Sláva enthält noch viele weitere phonetische, morphologische und lexikalische Besonderheiten, deren Betrachtung den Rahmen dieses Aufsatzes sprengen würde. Ergänzt sei lediglich, dass das Studium von Kollárs Stücken für die Geschichte der slowakischen Schriftsprache im Allgemeinen sehr ergiebig ist und zur Vervollkommenung unseres Verständnisses dafür, was Kollár unter »slavischer Gegenseitigkeit« verstand und wovon er träumte, führen kann.

Literaturverzeichnis

Kollár, J. (1845): *Sláwy dcera. Díla básnická Jana Kollára we Dwau Djljch*. Ofen.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Полемика о феминативах в польской периодической печати на рубеже XIX–XX веков

Die Emanzipation der polnischen Frauen trat an der Wende des 19. und 20. Jahrhunderts in ihre aktive Phase ein. Dies ist durch die Verbreitung von femininen Berufsbezeichnungen in der polnischen Sprache deutlich sichtbar, was wiederum mit der Entwicklung neuer Berufe und sozialer Rollen für Frauen verbunden ist. Weibliche Endungen in der polnischen Sprache waren kein neues Phänomen – femininitive Berufsbezeichnungen verbreiteten sich bereits im 19. Jahrhundert, als Frauen Zugang zu Bildung erhielten. Gerade in dieser Zeit erschienen Wörter wie ›asystemtki‹ (Assistentinnen) und ›profesorki‹ (Professorinnen) in der polnischen Sprache.

The process of emancipation of Polish women entered its active phase at the turn of the 19th and 20th century. This is clearly visible in the spread of feminatives in the Polish language, which, in turn, was associated with the development of new professions and social roles by women. Female endings in the Polish language were not a new phenomenon – feminatives were widely used in the 19th century, when women gained access to education. Just at that time, such words as ›asystemtki‹ (assistants) and ›profesorki‹ (professors) appeared in the Polish language.

Цель статьи — охарактеризовать общественную дискуссию, развернувшуюся на страницах периодической печати в австрийской (Краков и Львов) и российской (Варшава) частях Польши рубежа XIX–XX веков о месте феминатива в польском языке. Выбор темы обусловлен тем, что именно в этих частях Польши наиболее активно формировались женские движения.

Термин феминатив употребляется по отношению к таким формам как *prezeska* (президентка), *adwokatka* (юристка), *sociolożka* (социологичка) или же *doktorka* (докторка). Дискуссия об этих лексических формах не нова. Процессы, происходившие в рамках польских феминативов, а именно полемика между сторонниками и противниками данной лексической формы, на протяжении более чем ста лет, были реакцией на радикальные изменения в общественной жизни.

При подготовке статьи были использованы словари польского языка и лексикографические источники, такие как словарь Линде редакции 1854–1860 (Linde 1854–1860) года и словарь польского языка 1900–1927 года под редакцией Яна Карловича, Адама Крыньского и Владислава Недзведского (Karłowicz/Kryński/Niedźwiedzki 1900–1927). Значение этих источников состоит в том, что благодаря им можно проследить динамику наполняемости польского языка феминативами.

Также при подготовке были использованы материалы периодической печати. Особую ценность представляют публикации научно-популярного ежемесячника, издаваемого в Кракове с 1901 года, — *Poradnik Językowy*, основной задачей которого была популяризация польского языка. Также были использованы материалы женского журнала *Bluszcz*. Интерес этот журнал представляет по той причине, что в статьях встречаются различные формы обозначения женских профессий как феминативами, так и мужскими формами.

Важно выделить статью Зенона Клеменсевича 1957 года в ежемесячнике *Język Polski* «Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki» (наименования женских профессий в свете теории и практики) (Klemensiewicz 1957). В ней автор анализирует причины и закономерности увеличения объемов феминативов в польском языке. Так, по мнению исследователя, XIX век стал столетием не только научно-технического прогресса, но и борьбы женщин за равноправие, эмансипации. Женщины начали активно осваивать не только новые профессии, но и новые социальные роли. Язык как лабильная система не мог не реагировать на эти процессы. В результате появились новые лексемы.

Развитие феминативных форм в польском языке имеет давние традиции — так, в знаменитом словаре под редакцией Линде 1807 года феминативы уже были вполне обычным явлением, и такие слова, как *docentka* (доцентка) или *weterynarka* (ветеринарка), мало кого удивляли к рубежу столетий. Феминативы широко использовались не только для обозначения женщин, выполняющих малопrestiжную работу *sprzątaczką* (уборщица), но и для тех, кто трудился на

должностях, традиционно занимаемых женщинами, как, например, *nauczycielka* (учительница).

Наибольший размах данная тенденция приобрела с 1894 года. Именно тогда на факультете фармакологии Ягеллонского университета появились первые слушательницы — Ядвига Сикорская, Станислава Довгялло и Янина Космовская. Таким образом, женщины получили доступ к образованию наравне с мужчинами и для обозначения женщин-слушательниц появилась новая лексическая форма – *studentka* (студентка), применяемая именно к женщинам-студентам (Sikora 2007: 254). С этого момента женщины не только активно вливаются в социальную жизнь, но и спектр профессий к которым получили доступ женщины в значительной степени расширяется (Helios, Jedlecka 2016: 56).

Вместе с появлением в начале XX века первых женщин докторов наук, ассистентов, доцентов, профессоров и просто студентов возникли и языковые сложности. В обществе назрела дискуссия о возможности принятия в польский язык новых феминативов, сложилось несколько подходов к наименованиям женских титулов и профессий.

Сторонники первого подхода ссылались на присущую польскому языку традицию формирования женских наименований для каждой мужской формы, т.е. на симметрию словообразования. Так, в 1901 году в восьмом номере лингвистического журнала *Poradnik Językowy* был опубликован вопрос к редакции журнала, в котором читатель, подписавшийся инициалами Х.М.Ј., спрашивал:

Jestże to zgodne z prawami języka polskiego, że kobiety, osiągnąwszy stopień akademicki doktora, podpisują się doktor ja mężczyzna?¹
(«Zapytania i odpowiedzi» 1901: 118)

На этот вопрос редакция ответила, что прежде в польском языке не было формы для наименования женской академической степени по причине того, что прецедентов получения женщиной степени «доктор» не было, однако теперь подобных случаев становится все больше, и, следовательно, пришло время создать форму, симметричную мужскому наименованию, по

---

1 Русск. перевод В. Долгушина: «Соответствует ли грамматическим правилам польского языка то, что женщины, получив академическую степень <doktor> (доктор), используют мужское наименование этой научной степени <доктор>?»

аналогии с aptekarz – aptekarka (аптекарь – аптекарка), akuszer – akuszerka (акушер – акушерка); так же будет и doktor – doktorka (доктор – докторка), даже если это не понравится заинтересованной стороне (имеются в виду женщины) и она будет выступать против («Zapytania i odpowiedzi» 1901: 118). Зенон Клеменсевич, видный польский лингвист, описывал возникновение новых феминативов как естественный процесс. Комментируя приведённую выше заметку из журнала *Poradnik Językowy*, он утверждал, что теперь, по мере допущения женщин в университеты, скорее всего придется образовать и другие феминативы, например, степень magisterka (farmacji) (магистерка (фармацевтики)), а может быть, и adwokatkа (адвокатка) и это не последние изменения, которые придётся принять, даже если они будут противоречить действительной логике деривации (Klemensiewicz 1957: 113).

Польские лингвисты Станислав Йодловский (Stanisław Jodłowski) и Витольд Ташицкий (Witold Taszycki) тоже давали прогнозы, что по мере того, как женщины будут достигать все большего социально значимого и профессионального положения, в польском языке будут закрепляться такие формы, как ministerka (министерка), prezeska (президентка), profesorka (профессорка) или rektorka (ректорка) (Małocha-Krupa 2013: 98).

В 1904 году в журнале *Poradnik Językowy* появилась очередная статья в поддержку феминативов, соответствующих наименованиям мужских профессий. Поводом послужила публикация в газете *Czas* (Время), где Марию Склодовскую-Кюри называли словом profesor, а не profesorka (профессорка), а её сестру Бронеславу Длускую – doktor вместо doktorka (докторка) («Wynalazcy-ni radu» 1904: 3). Там было написано следующее:

Protestujemy uroczystie przeciwko gwałceniu języka polskiego i łączeniu z nazwiskami żeńskimi tytułu Dr. (Doktor) zamiast Drka (Doktorka). Jak autor-autorka, lektor-lektorka, profesor-profesorka, lekarz-lekarka, nauczyciel-nauczycielka itp. tak samo nie wolno nazywać kobiety doktorem, lecz tylko doktorką.²

---

2 Русск. перевод В. Долгушина: «Мы торжественно протестуем против насилия над польским языком и навязывания мужского звания Dr (Doktor) вместо Drka (Doktorka) в отношении женщины со степенью доктора. Это же касается и таких слов, как autor – autorka (автор – авторка), lektor – lektorka (лектор – лекторка), profesor – profesorka (профессор – профессорка) и т.д., — женщину нельзя называть доктором, а только докторкой.»

Тех женщин, которые имели соответствующие степени, звания, профессии или должности, но, говоря о себе, использовали форму мужского рода, редакция обвиняла в отсутствии «гражданского мужества признать себя женщиной», утверждая, что они стыдятся своего пола и выдают себя за мужчин («Protest grona czytelników» 1904: 16).

Паулина Кучальска-Райншмит, главный редактор журнала *Ster*, разделяла мнение о необходимости и важности феминативов. В своих текстах она активно использовала слова *autorka* (авторка), *sluchaczka* (слушательница), *redaktorka* (редакторка), *muzykantka* (музыкантка), *gimnazistka* (гимназистка), *prezydentka* (президентка) (Kuczalska-Reinschmit 1897: 24).

Иную позицию занял языковед Казимиж Нитч, издатель *Język Polski*. Он считал, что феминативы с женскими окончаниями искажают польский язык, а такие лексические формы, как *pani doktor* (женщина-врач), *pani adwokat* (женщина-юрист), ни в коей мере не унижают человеческого достоинства женщин.

Еще одна позиция — это неопределенность в отношении к феминативам, подобные примеры можно встретить и на страницах женских журналов. Иллюстративный женский еженедельник *Bluszcz* (Плющ) занял неоднозначную позицию. На его страницах нетрудно найти статьи с упоминанием таких феминативов, как *inspektorka* (инспекторка), *kierowniczka* (менеджерка) или *ławniczka* (присяжная заседателька), при этом там же есть некоторая несогласованность — например, в некоторых текстах встречается выражение *kobieta burmistrz* (женщина-мэр) (*Bluszcz* 1921b: 7). В одной из статей этого журнала под заголовком Женщины — профессора университета писали:

P. Hilda Johnson dotychczasowa lektorka historii w Uniwersytecie w Manchester i w Królewskim Kolegium dla kobiet została mianowana profesorem historii w Uniwersytecie Londyńskim.³ (*Bluszcz* 1921b: 8)

Таким образом, в одной статье употребляется как феминативная форма слова учитель, так и мужская форма слова профессор. Статья, озаглавленная Первая профессорка Ягеллонского университета («Pierwsza profesorka na Uniwersytecie Jagiellońskim»), заканчивается такими словами:

---

3 Русск. перевод В. Долгушина: «П. Хильда Джонсон учительница истории в Манчестерском университете и в Королевском женском колледже, назначена профессором истории Лондонского университета.»

Dr. Helena Willman-Grabowska została wreszcie mianowana profesorem sanskrytu na Uniwersytecie Jagiellońskim (*Bluszcz* 1936: 13)⁴

В данном примере, также наблюдается двойственность подхода к наименованию женской профессии. В статье «Pierwsza kobieta burmistrzem w Belgii» (Первая женщина-мэр Бельгии), писалось о постановлении парламента Бельгии, что «женщины могут быть избраны мэрами, присяжными заседателями и секретарями» («Parlament belgijski uchwalił, że kobiety mogą być burmistrzami, ławnikami i sekretarzami»; *Bluszcz* 1921a: 7). Эти примеры показывают неопределённость позиции редакции еженедельника, так как употребляются три различные формы обозначения женских профессий и титулов.

Также на практике проявляется еще одна тенденция: показатели женственности даже удваивались. Так в сборнике *Na straży praw kobiety* в одной из статей встречается такая формулировка: «целые толпы женщин-врачей [kobiet-lekarek], служащие с высшим образованием, не принадлежат к нашей Ассоциации»:

Kobieta-obywatelka w wolnem Państwie Polskiem musi przyczynić się swemi walorami – swoją etyką i ideowością – do przebudowy życia społecznego w Polsce.⁵ (Bujak-Boguska 1930: 144–145)

Несмотря на отсутствие в периодической печати единого стандарта по отношению к применению феминативов, в словаре польского языка (*Słownik języka polskiego*) 1900–1927 года под редакцией Яна Карловича, Адама Крыньского и Владислава Недзведзкого, содержавшем самый обширный (до середины XX века) список слов польского языка, мы находим такие слова как *adwokatka* (юристка), *asystentka* (ассистентка) (Karłowicz / Kryński / Niedźwiedzki 1900–1927: 66), *autorka* (авторка) (Karłowicz / Kryński / Niedźwiedzki 1900–1927: 73), *doktorka* (докторка) (Karłowicz / Kryński / Niedźwiedzki 1900–1927: 495). Таким образом, если в польском обществе и существовала полемика, допустимы ли феминативы и в каких формах они должны существовать, то в научном сообществе этот вопрос даже не поднимался.

4 Русск. перевод В. Долгушина: «Доктор Елена Вильман-Грабовская наконец назначена профессором санскрита в Ягеллонском университете.»

5 Русск. перевод В. Долгушина: «Женщина-гражданка (Kobieta-obywatelka) в свободном Польском государстве должна вносить свой вклад в перестройку общественной жизни в Польше.»

В заключение следует сказать, что в польском языке рубежа XIX–XX веков не было единого мнения в наименовании женских профессий. В польской периодической печати можно было встретить наименования женских профессий феминативами, производными от форм в мужском роде. С середины XX века употребление по отношению к женщинам мужских наименований профессий, постепенно становилось все более распространенным, и начиная с 1950-х годов стало уже повсеместным, что оценивалось многими специалистами негативно, поскольку нарушались правила согласования польского языка (*Nasza redaktor naczelna powiedziała...*). Лингвист Э. Павловский отмечал, что такие мужские формы представляются скорее проявлением небрежности (Romanov 2018: 82–86). Препятствием для последовательного восполнения терминологических лакун стали причины социального характера и лингвистические особенности польского языка. Некоторые противники унификации полагали, что женщины, выступающие за изменение традиционно женских наименований (например, *pani kierownik, pani asystent* вместо *kierowniczka, asystentka*) (Kupiszewski 1967: 370–372), стремятся таким способом уравнивать себя с мужчинами.

Подробное изучение закономерностей, способов образования и места феминативов в польском языке необходимо для того, чтобы направить социальную активность феминистских кругов в правильное языковое русло, поскольку они могут идти вразрез с характером языка. Знание закономерностей и действующих тенденций также должно помочь при решении сложных вопросов наименования профессий. Например, хорошим примером того, с какими трудностями сталкивается образование женских форм профессий, должностей и титулов, может быть поиск женского эквивалента слова *poseł* (депутат): предлагались, в частности, такие образования, как *posełka, poślina, pośllica, poselkini, posłanka, kobieta-poseł*. Как указывают исследователи, в последнее время побеждает форма *posłanka* (Romanov 2018: 82–86). Из важных проектов, связанных с изучением современного состояния феминативов, следует назвать работу над составлением словаря феминативов современного польского языка, который вышел из печати в начале 2016 г., что подтверждает актуальность данного исследования.

Библіографія

- Bujak-Boguska, S. (ред.) (1930): *Na straży praw kobiety. Pamiętnik Klubu Politycznego Kobiet Postępowych 1919–1930*. – Warszawa, <http://polona.pl/item/17864365> (дата обращения: 04.04.2021).
- «Protest grona czytelników» // *Poradnik Językowy*. T. 1: (1904), <https://poradnik-jezykowy.uw.edu.pl/is-sue/16> (дата обращения: 02.04.2021).
- «Wynalazczyni radu» // *Czas*. T. 285: (1904).
- «Zapytania i odpowiedzi» // *Poradnik Językowy*. T. 8: (1901), <https://poradnik-jezykowy.uw.edu.pl/is-sue/138> (дата обращения: 02.04.2021).
- Bluszcz. Pismo tygodniowe ilustrowane poświęcone sprawom kobiecym* (1921a): № 10.
- Bluszcz. Pismo tygodniowe ilustrowane poświęcone sprawom kobiecym* (1921b): № 6.
- Bluszcz. Pismo tygodniowe ilustrowane poświęcone sprawom kobiecym* (1936): № 1.
- Helios, J. / Jedlecka, W. (2016): *Wpływ feminizmu na sytuację społeczno-prawną kobiet*. Prace Naukowe Wydziału Prawa, Administracji i Ekonomii Uniwersytetu Wrocławskiego. – Wrocław.
- Karłowicz, J. / Kryński, A. A. / Niedźwiedzki, W. (1900–1927): *Słownik języka polskiego*. T. I, – Warszawa.
- Klemensiewicz, Z. (1957): «Титулы и названия профессиональных женщин в свете теории и практики» // *Язык Polski* (T. 2). przedruk w: idem, (1982): *Składnia, stylistyka, pedagogika językowa*. – Warszawa. C. 729–753.
- Kuczalska-Reinschmit P. (1897): *Nasze cele i drogi. Szkic do programu działalności kobiecej*. – Lwów.
- Kupiszewski, W. (1967): «Титулы и названия профессиональных женщин» // *Poradnik Językowy*. T. 8. C. 101–119.
- Linde, S.B. (1854–1860): *Słownik języka polskiego. Wydanie drugie, poprawione i pomnożone*. T. 1–6. – Lwów.
- Małocha-Krupa, A. (2013): «Feminizacja współczesnego języka polskiego» // *Równościowy savoir-vivre w tekstach publicznych* / Под ред. Małochy-Krupy et al. – Warszawa. C. 93–99.
- Męckowska. T. (1931): *Na straży praw kobiety*. – Warszawa.
- Romanov, R. (2018): *Through the prism of linguistic sexism*. – Ridero. C. 82–86.
- Sikora, K. (2007): *Pierwsze kobiety na Uniwersytecie Jagiellońskim*. [= *Studia Politologica III*] – Kraków, <http://hdl.handle.net/11716/7252>.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Kontaktvarianten im Tschechischen und Slowakischen

In diesem Artikel geht es um tschechischen und slowakischen Sprachkontakt. Zunächst wird die Entstehung des Begriffs ›Kontaktvariante‹ dargestellt und die Geschichte der tschechischen und slowakischen Sprachkontakte skizziert. Anschließend wird der Begriff ›Kontaktvariante‹ kritisch untersucht.

This article is about Czech and Slovak contact variants. It tells about origin and progress of the concept and about history of Czech and Slovak language contacts. At the end of the paper, the author gives her own definition of the concept ›contact variant‹.

Heutzutage sind Fragen der Kontaktlinguistik sehr aktuell. Sie stellt eine relativ junge Richtung in der Linguistik dar, deren Terminologie ständig erweitert und spezifiziert wird. Kontaktvarianten sind einer von diesen sich entwickelnden Begriffen. Der Begriff wurde 1968 von dem tschechischen Linguisten Alois Jedlička vorgeschlagen. Er schreibt, dass »Varianty, kreté jsou výsledkem jazykového kontaktu, mohli bychom nazvat variantami kontaktovémi«¹ (Jedlička 1968: 113–124). 1974 spezifiziert er, Kontaktvarianten seien »variantné prostriedky vznikajúce v kontaktoých podmienkach jazykov pri ich fungovaní v jednom štátnom útvare«² (Jedlička 1974: 20–29). Im selben Jahr definierte die slowakische

---

1 Dt. Übers. der Verfasserin: Varianten, die eine Folge des Sprachkontakts sind, können als Kontaktvarianten bezeichnet werden.

2 Dt. Übers. der Verfasserin: Sprachmittel, die in Kontaktbedingungen entstehen, wenn die Sprachen im selben Staat verwendet werden.

Sprachwissenschaftlerin Věra Budovičová Kontaktvarianten als oft wiederholte Fehler oder Abweichungen von der Sprachnorm. Sie gingen über Neubildungen in die Lexikologie, Phraseologie, Rektion und Syntax ein (vgl. Budovičová 1974: 171–181). Später korrigierte sie ihre Definition: Kontaktvarianten seien Neologismen und Synonyme, die bestimmte stilistische Zeichen hätten, aber vom Standpunkt der slowakischen Sprache oft an der Peripherie des Sprachsystems stünden (vgl. Budovičová 1983: 112–120). Folglich können Kontaktvarianten als Substandard oder Nonstandardphänomene betrachtet werden, die die slowakische Wissenschaftlerin Eva Tibenská als nicht ausreichend literarische Einheiten der Sprache (Substandard) oder Wörter, die nicht spezifisch für eine bestimmte Sprache sind aber dennoch darin verwendet werden (Nonstandard), definiert (vgl. Tibenská 2012: 130).

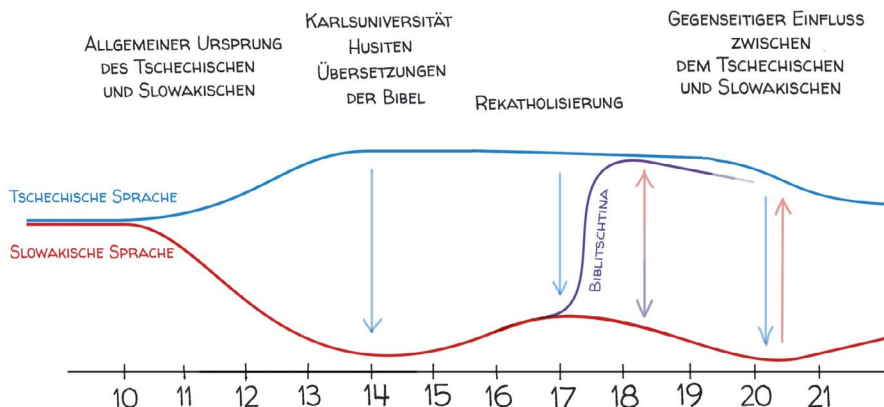
Im Jahr 1993 definierte eine andere slowakische Sprachwissenschaftlerin Klara Buzássyová Kontaktvarianten als eine besondere Konfiguration von sprachlichen und außersprachlichen Faktoren, wie etwa der Sprachstruktur, ethnosignifikanter Funktionen, kommunikativen und pragmatischen Funktionen sowie kulturellen, historischen und psychologischen Funktionen (vgl. Buzássyová 1993: 92–107).

Sowohl tschechische als auch slowakische Linguisten betrachten Kontaktvarianten jedoch ausgehend von der Definition Jedličkas ausschließlich auf synchroner Ebene. Jedlička schrieb im Jahr 1974, dass Kontaktvarianten nur dann entstehen können, wenn zwei Sprachen in einem Staat verwendet werden, wie es in der Tschechoslowakei seit 1918 der Fall war. Budovičová ging davon aus, dass Kontaktvarianten die Folge des Kontakts von Tschechen und Slowaken in Rahmen eines Staates seien, der seit 1918 existierte. Buzássyová unterstreicht in ihrem Artikel aus dem Jahr 1993, dass wir den Begriff Kontaktvariante nur dann verwenden können, wenn es um das Tschechische und Slowakischen im Sinne von modernen Schriftsprachen geht. Diese Periode begann nach dem tschechischen Historiker Ružička in den 40-er Jahren des 20. Jahrhunderts (vgl. Ružička 1970: 10). Wir sehen, dass tschechische und slowakische Linguisten den Begriff Kontaktvariante erst für die Zeit nach 1918 oder sogar nach 1940 bestimmen.

Die Geschichte des Sprachkontakts zwischen dem Tschechischen und Slowakischen ist jedoch viel umfangreicher. Die tschechische Sprache drang bereits im 14. Jahrhundert in die Slowakei ein. Großen Einfluss hatten die Karlsuniversität in Prag, die Hussitenbewegung und die entstehende Übersetzung der Bibel in die tschechische Sprache. In der Slowakei wurde die tschechische Sprache für die eigene Sprache gehalten, weil es damals keine schriftlichen Überlieferungen gab. Alle Schriften waren in Latein. Die tschechische Sprache wurde mit mündlichen slowa-

kischen Idiomen gemischt, und infolgedessen entstanden Hybrididiome, die aus tschechischen und slowakischen Elementen bestanden. Das Verhältnis zwischen diesen Teilen änderte sich im Laufe der Zeit zugunsten der slowakischen Elemente (vgl. Kačala, Krajčovič 2006: 38). Beispielsweise verschwand das tschechische ř in der Schrift, t und d änderten sich in c und dz und auch phonetische und grammatische Formen änderten sich.

Anfang des 17. Jahrhunderts setzte in Tschechien und der Slowakei eine Regionalisierung ein, jedoch unter unterschiedlichen Vorzeichen: in Tschechien wurde im Jahr 1620 der Protestantismus verboten. Alle Protestanten wurden vor die Wahl gestellt, sich entweder zum Katholizismus zu bekehren oder das Land ohne ihr Eigentum zu verlassen. Infolgedessen zogen viele tschechische Protestanten in die Slowakei, wo der Protestantismus nicht verboten wurde, da die slowakische katholische Geistlichkeit davon ausging, der Katholizismus müsse aus Überzeugung und nicht per Dekret wiedereingeführt werden. Oft kamen deshalb tschechische protestantische Priester mit tschechischen religiösen Büchern in die Slowakei. Slowakische Protestanten begannen die Sprache der tschechischen Kralice Bibel, die sogenannte ›Biblichtina‹, zu verwenden. Diese Sprache, die im Laufe der Zeit ein wenig vom Slowakischen beeinflusst wurde, wurde in der Slowakei bis ins 20. Jahrhundert verwendet. Gleichzeitig sprachen die Katholiken in der Slowakei ein Hybrididiom, das im 14. Jahrhundert entstand. Seit dem 14. Jahrhundert bekam dieses Idiom viele slowakischen Züge. Im 17. Jahrhundert wurde der Versuch unternommen, eine Norm dieser Sprache zu etablieren. Schrittweise wurden tschechische Züge von slowakischen verdrängt. 1787 wurde dieses Idiom von Anton Bernolak kodifiziert, die ›Bernolanovschтина‹ wurde aber nur von Katholiken verwendet. In den 40er Jahren des 19. Jahrhunderts entstand die zweite Kodifikation von Ludovit Stur, die der modernen slowakischen Sprache zugrunde liegt. Im Jahre 1902 erschien die Kodifizierung der slowakischen Sprache von S. Czambel, der die slowakische Sprache von tschechischen Wörtern und Konstruktionen ›befreien‹ wollte. 1918 schließlich wurde nach dem Ersten Weltkrieg die Tschechoslowakische Republik gegründet. In der Republik sollte es nur eine gemeinsame Sprache geben aber in zwei Varianten, der tschechischen und der slowakischen. Diese Sprachen waren allerdings nicht gleich umfangreich – der Wortschatz im Slowakischen war weniger ausgeprägt als im Tschechischen. Deshalb wurden viele Wörter aus dem Wirtschafts-, Technik- und Verwaltungsvokabular aus dem Tschechischen entliehen. Die tschechische Sprache durchdrängte das Slowakische auf allen Sprachebenen: sowohl in der Phonetik als auch in der Wortbildung (da viele Staatsdokumente zunächst in Tschechisch verfasst und anschließend wörtlich ins Slowakische

Abb. 1: Schema der Beziehungen zwischen dem Tschechischen und Slowakischen vom 10. bis zum 21. Jahrhundert. Grafik: Julia Uvarova.

übersetzt wurden). Der Kampf um die sprachliche Reinheit wurde in der Slowakei ein Teil des Kampfes um politische Unabhängigkeit. Infolge dieser Situation setzte sich die von Czambel begonnene Situation fort: in der Kodifikation von G. Bartek sind puristische Tendenzen erkennbar.

Nach dem Zweiten Weltkrieg wurde die neue Tschechoslowakische Republik gegründet. Offiziell gab es zwei Sprachen im Staat – Tschechisch und Slowakisch, diese Sprachen waren jedoch in engem Kontakt – die Menschen verstanden einander. Fernsehen, Schriftführung und Betriebsführung liefen zweisprachig. Es lässt sich sagen, dass sich die tschechische und slowakische Sprache in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts gegenseitig stark beeinflusst haben.

Infolge der Geschichte von tschechischen und slowakischen Kontakten können wir die folgende Begriffsbestimmung ableiten: Kontaktvarianten sind Sprachmittel, die infolge des Kontakts der tschechischen und slowakischen Sprachen entstehen. Dies betrifft keine althergebrachten allgemeinen slawischen Sprachbestandteile. Dazu gehören wortbildende, lexikalische, phraseologische sowie syntaktische Entlehnungen aus einer Sprache in eine andere. Kontaktvarianten werden in beiden Sprachen phonetisch adaptiert. Sie können sich an der Peripherie des Sprachsystems finden, oder sie können stilistisch gekennzeichnet sein. Weiter unterscheidet sich die Begriffsbestimmung für tschechische und slowakische Sprachen. Die Kon-

taktvariante entsteht in der tschechischen Sprache, wenn die Entlehnung aus der slowakischen Sprache in die tschechische Sprache während des Bestehens eines gemeinsamen Staates aufkommt. Die Kontaktvariante verschwindet, wenn sie nicht mehr verwendet wird. Die tschechische Kontaktvariante könnte in der slowakischen Sprache lange vor der Existenz des gemeinsamen Staates existiert haben. Die Kontaktvariante entsteht in der slowakischen Sprache, wenn eine slowakische Parallelform erscheint, die eine frühere tschechische Variante austauscht. Diese Parallelform kann aus slowakischen Dialekten, aus der ungarischen Sprache, oder aus anderen Quellen stammen. Die Kontaktvariante existiert in der slowakischen Sprache bis beide Formen – die frühere tschechische und die spätere Parallelform existieren, eine von diesen Formen ist als tschechische, die andere ist als slowakische markiert. Die Kontaktvariante verschwindet, wenn eine von diesen Formen die andere verdrängt. Dank der Verwendung von Wörterbüchern können wir erkennen, wann die Kontaktvariante entstanden ist, ob sie im literarischen Sprachsystem vorhanden ist, sich an der Peripherie des Sprachsystems befindet oder nicht zum Sprachstandard gehört. Die Verwendung von tschechischen und slowakischen Korpora erlaubt es uns, Aussagen über den aktuellen Stand der Kontaktvarianten zu treffen.

Literaturverzeichnis

- Bosák, J. (1988): »Vzťahy slovenčiny a češtiny a ich výskum v novej etape«. In: *Jazykovedný časopis* (Bd. 39, Ausgabe 2), S. 113–119.
- Budovičová V. (1983): *Z konfrontačnej lexikológie príbuzných jazykov. Lexikálne paralely v slovenčine, ruštiny a češtiny*. Praha.
- Budovičová V. (1974): »Spisovné jazyky v kontakte, sociolingvistický pohľad na dnešný vzťah slovenčiny a češtiny«. In: *Slovo a Slovesnosť* (Bd. 35), S. 171–181.
- Buzássyová K. (1993): »Kontaktové varianty a synonyma v češtine a slovenčine«. In: *Jazykovedný časopis* (Bd. 44, Ausgabe 2), S. 92–107.
- Jedlička, A. (1974): »Poznámky ke konfrontačnému štúdiu češtiny a slovenštiny«. In: Ružička, J. (Hrsg.): *Jazykovedné štúdie XII. Peciarov zborník*. Bratislava, S. 20–29.
- Jedlička, A. (1968): »Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika variantnosti normy«. In: *Slovo a Slovesnosť* (Bd. 29), S. 113–124.
- Kačala, J. / Krajčovič, R. (2006): *Prehľad dejín spisovnej slovenčiny*. Martin.
- Ružička, J. (1970): *Spisovná slovenčina v Československu*. Bratislava.
- Tibenská E. (2012): *Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov. Slovački jezik v zrcalu unutrašnjih i vanjskih odnosa*. Zagreb.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Wortbildung in Übersetzung: Ein Fall der Wiedergabe von VA-Komposita im Polnischen

In dem Aufsatz wird die Wiedergabe der Wortbildungsmittel thematisiert, welche selten als Schwerpunkt in der Übersetzung betrachtet werden. In literarischen Texten kann die Wortbildung von Wörtern besondere Funktionen erfüllen. Aus diesem Grund sind die Wortbildungsformen bei der Übersetzungsanalyse dieser Texte zu berücksichtigen. Das Problem wird am Beispiel der Wiedergabe von deutschen VA-Komposita im Polnischen in Elfriede Jelineks Romanen dargestellt.

The paper focuses on the conveying of specific word-formation forms, which rarely pose a main focus in the translation process. In literary texts, the word formation may fulfil however specific functions. Therefore, the morphological forms of words must be taken into account in the translation analysis of these texts. The problem is illustrated by the example of the rendering of German VA compounds in Polish in Elfriede Jelinek's novels.

Bereits zu Beginn der Übersetzungswissenschaft wurden zwei Aspekte der sprachlichen Wiedergabe angedeutet, die gegensätzlich erscheinen: Es sind zum einen die Bedeutung und zum anderen die sprachliche Form (vgl. Schleiermacher 1963). Wenn der Schwerpunkt einer translatorischen Aufgabe auf einen der Bestandteile gelegt werde, müsse der andere ignoriert werden. Nur der Übersetzer könne darüber entscheiden, was in einem Text das Wichtigste sei und im Übersetzungstext unbedingt beibehalten werden solle, und jede Entscheidung führe dabei zu bestimmten Auswirkungen auf den Zieltext (vgl. Levý 1981: 219). Es besteht kein Zweifel daran, dass die Übersetzung ein Kommunikationsprozess ist (vgl. ebd.; Popovič 1981: 94 f.). Das Ziel des Übersetzens ist es in erster Linie, »die Verständnisbrücke zu bilden« und »die

kommunikative Differenz« (Sieradzka-Kulasa 2000: 62), die auf sprachliche Unterschiede zurückzuführen ist, zu überwinden. Dies bedeutet, dass der Ausgangstext vor allem verständlich sein sollte. Aus diesem Grund wird im Übersetzungsprozess der Sinn bzw. die Bedeutung zuallererst wiedergegeben.

Wie von Schleiermacher bemerkt wurde, wird die Form allerdings mit dem Geist der Sprache verbunden. Die Form hängt damit zusammen, was mit einer Aussage in der Ausgangssprache gemeint wird (vgl. Schleiermacher 1963). Daher sind die Bedeutungsverluste und -änderungen bei den Transformationen der Form im Zieltext unvermeidlich. Im Falle der literarischen Übersetzung (insbesondere der modernen Literatur) ist das Problem der Wiedergabe der Bedeutung und Form noch schwieriger, da die bewusst angewendeten sprachlichen Mittel und spezifischen Formen die Ästhetik des Werkes beeinflussen. Nicht selten spielen sie mit der Handlung zusammen, um einen bestimmten Effekt bei den Lesern zu evozieren. In diesem Falle sind die Bedeutung und Form keine unabhängigen, sondern sich ergänzenden Elemente. Aus diesem Grund müssen sie entsprechend in dem Übersetzungstext wiedergegeben werden, so dass ähnliche Assoziationen bei Zieltextempfängern erweckt werden können.

In Bezug auf die sprachbedingten Probleme bei der Übersetzung werden sehr häufig lexikalische oder phraseologische Unterschiede besprochen (z.B. Kenny 2001; Pociask 2006). Selten wird aber der Fokus auf die Wortbildung, die als Lehre von der Bildung von Wörtern einen wichtigen Bestandteil an der Grenze von Morphologie und Lexikologie jeder Sprache darstellt, gestellt. Die Wortbildung spielt eine wichtige Rolle in der Übersetzung, besonders wenn in einem Roman oder einem anderen literarischen Werk neue Wörter durch die in der Ausgangssprache geltenden Wortbildungsregeln gebildet werden. Diese Neubildungen üben nicht nur auf die Ästhetik eines Werkes eine deutliche Wirkung aus, sondern beeinflussen auch dessen Handlung, da sie neue Objekte, Phänomene, Sachverhalte et cetera benennen, die im gegebenen Werk von Bedeutung sind. Des Weiteren dient die Wortbildung ebenfalls zu Wortspielen, in denen auf ein bestimmtes Wortbildungsmuster oder einen Wortstamm hingewiesen wird (vgl. Kubaszczyk 2010; Sieradzka 2014). Wichtig ist an dieser Stelle auch, die Ikonizität der Wortbildungskonstruktionen anzudeuten. Mit der Ikonizität wird eine besondere Ähnlichkeitsbeziehung zwischen dem sprachlichen Zeichen (<Icon>) und dem Referenzobjekt verstanden (vgl. Bußmann 1990: 323). Im Falle von literarischen Texten hat die Form eines Wortes einen bedeutsamen Einfluss auf die im Werk dargestellte Wirklichkeit.

Da die Wortbildung in literarischen Werken kreativ angewendet wird, müssen bestimmte Wortbildungskonstruktionen in anderen Sprachen angemessen wieder-

gegeben werden. Obwohl jedoch die Wortbildung mehrere Funktionen in einem Text erfüllen kann, ist es nicht immer möglich, eine Wortbildungskonstruktion mit einem analogen Muster zu übertragen, weil die Sprachen sich sehr häufig in ihren Wortbildungstendenzen unterscheiden. Manche Konstruktionen kommen in der Zielsprache überhaupt nicht vor, was die Übersetzungsaufgabe deutlich erschwert. Ein Beispiel für solch einen Fall stellen die deutschen Komposita aus Verb und Adjektiv dar, die keine direkten Entsprechungen im Polnischen finden. Im Folgenden wird eine Vorgehensweise für die Übersetzung von VA-Komposita und ihrer Analyse vorgeschlagen. Die möglichen Übersetzungslösungen werden gemäß den Grundsätzen der deskriptiven Translationswissenschaft (›Descriptive Translation Studies‹ – DTS) dargestellt und hinsichtlich ihrer Konsequenzen auf den Zieltext besprochen (vgl. Toury 1994). Die vorliegende Analyse stellt die Pilotstudie einer Untersuchung dar, in der die Übersetzung der deutschen adjektivischen Komposita in literarischen Texten ins Polnische analysiert werden soll.¹

Übersetzung von Wortbildungskonstruktionen

Es steht außer Frage, dass beim Übersetzen literarischer Texte, die ästhetische und emotionsbezogene Empfindungen evozieren sollen, auch diskursive Merkmale erkannt werden sollten. Anton Popovič verweist an dieser Stelle auf den Textstil. Seines Erachtens findet der Übersetzungsprozess genau auf dieser Ebene statt. Der Stil sei der Code, der verschiedene Informationen eines Textes im breiteren Sinne (›Ausdrucks-kategorien‹) beinhaltet. Diese Informationen müssen daher unbedingt dekodiert und entsprechend im Zieltext wieder kodiert werden (vgl. Popovič 1981: 98). Der Autor bezeichnet den Stil als Mittlersprache, die auf den außersprachlichen universalen Kategorien basiert. Die Wahrnehmung dieser Kategorien ist jedoch nicht möglich, wenn die sprachlichen Mittel und die strukturelle Ebene nicht interpretiert werden können. Es muss festgestellt werden, worauf sich die jeweiligen Wortbildungsformen beziehen. Zudem ist die Frage zu beantworten, mit welchen sprachlichen Mitteln ein Effekt erzielt wurde (vgl. ebd.: 100). Steht die Wortbildung im Fokus des Forschungsinteresses, sollte diese allgemein geschilderte Vorgehensweise angemessen spezifiziert werden.

---

1 Die Ergebnisse der Analyse werden in der Monographie *Übersetzung von deutschen zusammengesetzten Adjektiven ins Polnische anhand der Romane von Elfriede Jelinek* veröffentlicht.

Wie bereits erwähnt, steht die Form mit der Wortbedeutung häufig zusammen. Zudem können bestimmte Wortbildungsmuster auf die Bedeutung eines Wortes verweisen. Mit anderen Worten sind Form und Bedeutung nicht völlig arbiträr zugeordnet. Sie sind miteinander konventionell verbunden, indem sie eine Konstruktion bilden (vgl. Goldberg 2003: 219). Wenn eine Wendung umformuliert wird, zieht diese Umgestaltung unvermeidlich eine Bedeutungsänderung nach sich. Diese Behauptung stellt den Hauptgrundsatz der Konstruktionsgrammatik (›Construction Grammar, CxG) dar. Hierbei besteht die Form aus phonetischen, morphologischen und syntaktischen Informationen und die Bedeutung wird nicht nur auf der Ebene der Semantik, sondern auch in Bezug auf pragmatische und diskursfunktionale Merkmale beschrieben (vgl. Masini/Audring 2019: 366 f.).

Auf Basis der CxG wurde das Konzept der Konstruktionsmorphologie (›Construction Morphology, CxM) gegründet. Nach diesem Ansatz ist die Haupteinheit einer Sprache ein Wort (vgl. ebd.: 368). Obwohl grammatische Morpheme weiterhin als relevante Elemente jeder Sprache zu betrachten sind, tragen sie in sich keine Bedeutung. Nur wenn sie sich mit anderen Einheiten verbinden und eine Konstruktion bilden, können sie interpretiert werden² (vgl. ebd.). Die Grundlagen von CxG und CxM wurden bisher erfolgreich für die Analyse von Komposita in verschiedenen Sprachen eingesetzt (vgl. Schlücker 2019). Die Grundsätze von CxG und CxM scheinen besonders nützlich für deskriptive Translationsforschungen zu sein, in denen die Regularitäten in den Übersetzungsprozessen zwischen Ausgangs- und Zieltext zu beschreiben sind. In der Übersetzungsanalyse müssen die entsprechenden Versionen beschrieben sowie miteinander verglichen werden, damit die Beziehungen und Verschiebungen zwischen ihnen festgestellt werden können (vgl. Toury 1994: 12). Nach Toury bestimmt die systematische Position und Funktion der Übersetzung ihre Realisierung auf der sprachlichen Ebene, welche die Übersetzungsstrategien regelt (vgl. ebd.: 13). Auf diese Weise beeinflussen die deskriptiven Analysen die Übersetzungstheorie. Solch eine Analyse kann sich besonders dann als hilfreich erweisen, wenn eine in einer Sprache vorhandene morphologische Form in der Zielsprache

---

2 In vielen Definitionen werden die Morpheme als »kleinste, bedeutungstragende Einheiten« bezeichnet (vgl. Glück/Rödel 2016: 472). Allerdings ist die Frage, ob grammatische Morpheme in der Tat eine Bedeutung tragen, umstritten. Aus diesem Grund wurde der Aspekt der Bedeutung von Morphemen bereits nach den generativistischen Ansätzen nicht in Betracht gezogen (vgl. Schippan 2002: 80). Nach den Erkenntnissen der CxG ist der Einfluss der grammatischen Morpheme auf die semantischen Informationen eines Wortes anerkannt. Zugleich wird es betont, dass die grammatischen Morpheme selbst keine Bedeutung tragen, sondern nur in einer wortbildenden Konstruktion (z.B. einer Zusammensetzung oder Ableitung) einen Sinn formen können. Solch eine Betrachtungsweise wird in dem Aufsatz als geltend genommen.

überhaupt nicht vorkommt. Aus diesem Grund bietet es sich an, die Grundsätze von CxG und CxM in der Übersetzungsanalyse anzuwenden, zumal die Komposita von besonderem Interesse für die durchgeführte Forschung sind.

In dem hier vorgeschlagenen Modell der Übersetzungsanalyse werden die Ausgangs- und Zielversionen zuerst hinsichtlich der Form (d.h. der phonetisch-orthographischen,³ morphologischen und syntaktischen Informationen) und der Bedeutung (d.h. der semantischen, pragmatischen und diskursfunktionalen Informationen; vgl. Masini/Audring 2019: 367) sowie ihrer Beziehung zueinander beschrieben und danach miteinander verglichen. So können die Verschiebungen auf bestimmten vorher beschriebenen Ebenen erkannt werden. In dieser Etappe muss mitunter auch der Kontext einer Konstruktion berücksichtigt werden, da ihre Bedeutung in einer konkreten sprachlichen Umgebung spezifiziert wird. Nach dem Vergleich kann die statistische Analyse der Übersetzungstechniken als nützlich angesehen werden: Damit lassen sich die Zielspracheformen, die am meisten für die Wiedergabe der problematischen Ausgangsspracheformen angewendet werden, bestimmen, und Übersetzungstendenzen können somit festgestellt werden. Noch wesentlicher ist die Rolle der qualitativen Analyse. Hierbei werden die Folgen der Anwendung einer bestimmten Form auf den Zieltext genannt. Der spezifischen Analyse auf Basis konkreter Beispiele folgt die Etappe, in der allgemein geltende Übersetzungsregeln entdeckt werden (>translational laws<, vgl. Toury 1994: 264).

Der Fall der Übersetzung der deutschen VA-Komposita ins Polnische

VA-Komposita sind, wie sich aus der Abkürzung schlussfolgern lässt, adjektivische Komposita, die aus einer verbalen und einer adjektivischen Komponente gebildet werden. Im deutschen Sprachgebrauch stellen sie keine große Gruppe dar und können nur Determinativkomposita bilden (vgl. Kurzaj 2021: 102). Aufgrund der syntaktischen Beziehungen, die in diesen Zusammensetzungen bestehen, sind sie weniger produktiv als Kopulativkomposita, in denen die Bedeutungen von bestimmten Komponen-

---

3 In dem Aufsatz von Masini und Audring (2019) werden die orthographischen Informationen nicht explizit erwähnt, da nach CxM die gesprochene Sprache als ursprüngliche Form den Primatenstatus in der Forschung hat. Wird jedoch die geschriebene Form thematisiert (wie im Falle der literarischen Übersetzung), müssen die orthographischen Informationen samt der phonetischen, auf die sie zurückzuführen sind, in der Analyse auch in Betracht gezogen und beschrieben werden.

ten kumuliert werden. Allerdings sind unter VA-Komposita einige Wortbildungsmodelle zu bemerken, die noch heute im Deutschen als produktiv gelten, z.B. *-fähig* oder *-ähnlich*.⁴

Im Polnischen ist diese morphologische Form systematisch nicht möglich. Falls ein deutsches VA-Kompositum ins Polnische übersetzt werden soll, ist eine Formänderung nicht zu vermeiden. Die Entsprechungen von deutschen VA-Komposita in Wörterbüchern stellen vor allem Phrasen (z.B. *lobenswert – godny pochwały*) bzw. Ableitungen (*schaulustig – ciekawski*) dar. Auch wenn die semantischen Merkmale in diesen Entsprechungen beibehalten werden sollten, führen die Änderungen auf der Ebene der Morphologie zu pragmatischen, diskursfunktionalen Verschiebungen. Zu bedenken sind auch mögliche Änderungen auf den anderen formbezogenen Ebenen. All diese Verschiebungen müssen beschrieben und aufgeklärt werden.

Als Forschungsmaterial dienen hierbei die VA-Komposita aus den folgenden Prosatexten von Elfriede Jelinek: *Die Liebhaberinnen*, *wir sind lockvögel baby!*, *Die Ausgesperrten*, *Lust*, *Die Kinder der Toten* und *Gier*; samt ihren polnischen Entsprechungen, die aus Übersetzungen der Romane stammen. Das Material umfasst 66 Beispiele für VA-Komposita und wird nach der morphologischen Form ihrer polnischen Entsprechungen eingeteilt.

Quantitative Analyse

In der quantitativen Analyse wird in erster Linie die Anwendung von bestimmten morphologischen Bildungen in der polnischen Version berücksichtigt. Die Informationen der Konstruktionen auf den anderen Ebenen spielen eine untergeordnete Rolle. Deshalb kann hierunter nur eine allgemeine Tendenz in der Übersetzung erkannt werden. Obwohl diese quantitativen Daten erlauben, einige Hypothesen bezüglich der möglichen Folgen auf den Zieltext aufzustellen, sind sie nicht ausreichend, um die Übersetzungsentscheidungen und alle im Zieltext vorhandenen Verschiebungen aufzuklären. Die quantitative Analyse wird in der unteren Tabelle vorgestellt:

---

4 Von manchen Autoren werden solche Komponenten als Suffixoide bezeichnet (vgl. Duden 2009: 747; Bußmann 1990: 755). Obwohl sie als selbständige Wörter fungieren können, besteht »eine deutliche Entfernung vom Inhaltswert des Ursprungswortes in Richtung auf eine verallgemeinernde Wirkung hin« (Bußmann 1990: 755), wenn sie sich mit anderen Lexemen verbinden. Wolfgang Fleischer weist jedoch darauf hin, dass solche Komponenten wie *-ähnlich* immerhin die Hauptbedeutung von Wörtern wie *menschenähnlich* tragen, und somit entsprechen solche morphologischen Formen der Definition von Komposita, nach der die Komponente, die am weitesten rechts steht, die Hauptbedeutung der Determinativkomposita trägt (Fleischer 1982: 279).

Form im Zieltext	Anzahl	Prozentanteil ⁵
adjektivisches Simplex	10	15,2%
adjektivische Ableitung	21	31,8%
adjektivisches Kompositum	1	1,5%
adjektivische Phrase	26	39,4%
Substantiv	2	3%
Verb	1	1,5%
andere Phrasen (substantivische und präpositionale)	5	7,6%

Tab. 1: Quantitative Analyse der Anwendung der morphologischen Formen in den polnischen Übersetzungen.

Die quantitativen Daten zeigen, dass die deutschen VA-Komposita im Polnischen vor allem als Phrasen und Ableitungen wiedergegeben werden. Das Ergebnis ist nicht unerwartet, zumal die polnischen Wörterbuchäquivalente der VA-Komposita in den überwiegenden Fällen diese Formen darstellen. Daher kann vermutet werden, dass die polnische Übersetzung bedeutungsorientiert ist und in erster Linie die semantischen Informationen wiedergegeben werden. Intuitiv lässt sich feststellen, dass die Anwendung der Phrasen zu einem höheren Grad von Explizitheit im Zieltext führt. Die Ableitungen sollten dagegen Verluste von bedeutungsbezogenen (entweder semantischen oder pragmatischen und diskursfunktionalen) Informationen nach sich ziehen. Nicht verwunderlich ist auch das Ergebnis, dass die meisten VA-Komposita als Adjektive ins Polnische übersetzt werden. Aufgrund dessen kann angenommen werden, dass die polnischen Entsprechungen dieselben syntaktischen Funktionen erfüllen wie im Original.

Was weniger verständlich erscheint, ist die Übersetzung der VA-Komposita durch andere Wortarten, wie Substantive und Verben. An diesen Stellen ist mit weiteren formalbedingten Umformulierungen, z.B. auf der syntaktischen Ebene, und auch bedeutungsbezogenen Verschiebungen zu rechnen. Als auffällig kann auch die Wiedergabe eines VA-Kompositums mit einer Zusammensetzung betrachtet werden. Obwohl eine analoge Bildung im Polnischen nicht möglich ist, kann ein Kompositum aus Verb und Adjektiv in Form einer anderen Zusammensetzungsart seine polnische Entsprechung finden.

---

⁵ Die Prozentanteile wurden auf Dezimalstellen gerundet.

Qualitative Analyse

In diesem Unterkapitel wird das Forschungsmaterial nach der morphologischen Form in den polnischen Texten eingeteilt. Hierunter werden die Verschiebungen auf anderen Ebenen auch weiter beschrieben.

Übersetzung durch Simplizia

In elf Fällen verwendeten die polnischen Übersetzerinnen für die Wiedergabe der deutschen VA-Komposita einfache Adjektive. Die meisten dieser Entsprechungen (sieben Wendungen) gelten zugleich als anerkannte Äquivalente, d.h. sie beziehen sich auf dieselben Sachverhalte und werden in Wörterbüchern als äquivalente Ausdrücke angeführt. Ihre Beispiele stellen die Übersetzungseinheiten dar: *tobsüchtig* – *szalony*; *merkwürdig* – *dziwny* und *liebenswürdig* – *uprzejmy*. In diesen Fällen bleibt die Semantik gleich. Da die deutschen Komposita in den Beispielen stark lexikalisiert sind, werden auch die pragmatischen und diskursfunktionalen Informationen in der Übersetzung beibehalten. Aus diesem Grund sind die bedeutungsbezogenen Informationen der Ausgangsausdrücke in der Übersetzung entscheidend.

In drei Beispielen kann die Übersetzung durch ein einfaches Adjektiv nicht als anerkanntes Äquivalent angesehen werden: *nennenswert* wurde als *poważny*, *liebenswürdig* als *śladki* und *knackfrisch* als *zdrowy* übersetzt. Auf den ersten Blick lässt sich erkennen, dass die polnischen Übersetzungsentsprechungen andere Eigenschaften benennen als ihre Originalversionen. Wird hingegen ihr Kontext berücksichtigt, kann nicht unbedingt von einer vollständigen Bedeutungsänderung gesprochen werden. Hierunter ist eine Modulation der originalen Bedeutung wahrzunehmen: Bestimmte semantische Aspekte der Originalversion werden in der Übersetzung hervorgehoben. Es muss auch bemerkt werden, dass die syntaktischen Informationen der Originalversionen im polnischen Text beibehalten wurden. Die phonetisch-orthographischen Merkmalen hatten dagegen keinen Einfluss auf die Form der Zielversionen.

Übersetzung durch Ableitungen

Die deutschen VA-Komposita können auch als Ableitungen im Polnischen wiedergegeben werden. In acht Beispielen des Forschungsmaterials wurden dabei anerkannte Äquivalente angewendet (z.B. *wünschenswert* – *pożądany*; *lehrreich* – *pouczający*): Die deutschen Ausdrücke sind hierbei auch fest lexikalisiert, deshalb wurden nicht nur die semantischen, sondern auch die pragmatischen und diskursfunktionalen Informationen in den Übersetzungsversionen beibehalten.

Häufig kommt es jedoch bei der Anwendung von Ableitungen zu Bedeutungsverschiebungen. Manchmal können sie wiederum als kontextbedingte Modulationen bezeichnet werden (z.B. *jähzornig* – *porywczy*). Unter Umständen wird die Originalbedeutung deutlich verstärkt, was das Beispiel *merkwürdig* – *przedziwny* veranschaulicht, in dem das polnische Präfix *prze-* auf den höchsten Grad einer Eigenschaft hinweist. Darüber hinaus führt die adjektivische Ableitung in der Übersetzung zur Neutralisierung der pragmatischen Merkmale. Beispielsweise wurden die Formen der originalen Okkasionalismen wie *bellfreudig*, die auf festen Wortbildungsmustern basieren, mit den polnischen abgeleiteten Formen *ujadający* neutralisiert. Die Anwendung der adjektivischen Form ermöglicht jedoch die Beibehaltung der syntaktischen Informationen des Originaltexts.

Übersetzung durch Komposita

In einem einzigen Fall ist die Übersetzungstechnik als anerkanntes Äquivalent anzusehen: Das Kompositum *doppelzüngig* wurde als *dwulicowy* übersetzt. Das Beispiel stellt einen seltenen Fall dar, in dem die semantischen Informationen eines VA-Kompositums in einer zusammengesetzten Form wiedergegeben werden kann.

Übersetzung durch Phrasen

Wie die quantitative Analyse beweist, werden die VA-Komposita am häufigsten als adjektivische Phrasen übersetzt. In meisten Fällen (13) sind die Übersetzungstechniken auch als anerkannte Äquivalente anzusehen. Dies zeigt wiederum, dass die semantischen Informationen entscheidend für den Übersetzungsprozess sind. Bemerkenswert sind dabei einige Übersetzungsregelmäßigkeiten, die wortbildungsbedingt sind: Komposita mit dem Zweitglied *-wert* werden häufig als Phrasen mit dem Hauptwort *godny* wiedergegeben, wobei *godny* ein Attribut in substantivischer Form im Genitiv fordert. Das Substantiv enthält dabei dieselben semantischen Informationen, wie die erste verbale Komponente des deutschen Kompositums.

$$DE: [[x]_{\text{vinf}} s[\text{wert}]] \rightarrow PL: [\text{godny}] [x]_{\text{NGen}}$$

Nicht verwunderlich ist aber, dass die Anwendung einer Phrase nicht selten zur Explizitheit und Neutralisierung führt. Aus diesem Grund können hierbei Verschiebungen auf der pragmatischen Ebene vorkommen. Als Beispiel dient die Übersetzungseinheit *streichfähig* – *dający się rozsmarować*. An dieser Stelle sollte überdacht werden, ob eine Ableitung *rozsmarowywalny*, in der das Suffix *-alny* auf eine Möglichkeit hin-

weist (vgl. Bąk 2016: 237), als polnische Version nicht angemessener wäre. Durch Anwendung der Phrasen werden daher besondere sprachliche Formen wie Okkasionismen manchmal neutralisiert und auch einige phonetische Merkmale, z.B. der Textrhythmus, der mit Wiederholungen erreicht werden kann, können auf diese Weise in der Übersetzung nivelliert werden.

Übersetzung durch andere Wortarten

Interessanterweise wurden im Untersuchungsmaterial Beispiele gefunden, in denen die VA-Komposita durch andere Wortartenformen übersetzt wurden. Am wenigsten problematisch ist dabei die Anwendung der präpositionalen Phrasen und substantivischen Phrasen im Genitiv: In diesen Fällen werden die semantischen Informationen entsprechend wiedergegeben und ihre syntaktischen Funktionen in der Übersetzung (Attribute) stimmen auch mit den Merkmalen im Original überein. Die Wiedergabe eines VA-Kompositums mit einem Verb (*gehfähig* – *może chodzić*) ist ebenfalls semantisch angemessen und formal nachvollziehbar, weil das originale Kompositum auch die verbale Komponente enthält. Viel auffälliger sind die Beispiele, in denen ein Kompositum als substantivisches Subjekt übersetzt wurde: z.B. *ein doppelseitiges Bild* – *rozkładówka*. Hierunter ist eine Umformulierung zu bemerken, die nicht nur die reine Form, sondern auch die Bedeutung im weiteren Sinne betrifft.

Fazit

Die Einführung der Verdienste der modernen Sprachwissenschaft und der Analyse der Wortbildung kann zur Entwicklung der Translationswissenschaft im Rahmen von DTS führen. Dank der Analyse können die Übersetzungstendenzen und Verschiebungen auf bestimmten Ebenen, die Formänderungen nach sich ziehen, erkannt werden.

Nach der Beispielanalyse kann geschlussfolgert werden, dass die semantischen Informationen in der Übersetzung der VA-Komposita ins Polnische als Übersetzungsdominante gelten. Viele bedeutungsbezogene Modulationen sind aufgrund des Kontextes gerechtfertigt. Die meisten Verschiebungen betreffen die pragmatischen und diskursfunktionalen Ebenen, was in literarischen Texten als wesentliche Unzulänglichkeit anzusehen ist. Die phonetisch-orthographischen Informationen haben hingegen selten einen Einfluss auf den Übersetzungsprozess. Eine weitere Analyse könnte es ermöglichen, andere Übersetzungsmöglichkeiten wahrzunehmen, die in

problematischen Fällen von besonderen sprachlichen Formen, z.B. Okkasionalismen oder Wortspielen, behilflich sein können.

Literaturverzeichnis

Primärliteratur

- Jelinek, E. (1970): *wir sind lockvögel baby!* Reinbek bei Hamburg.
- Jelinek, E. (1975): *Die Liebhaberinnen*. Reinbek bei Hamburg.
- Jelinek, E. (1980): *Die Ausgesperrten*. Reinbek bei Hamburg.
- Jelinek, E. (1989): *Lust*. Reinbek bei Hamburg.
- Jelinek, E. (1995): *Die Kinder der Toten*. Reinbek bei Hamburg.
- Jelinek, E. (2000): *Gier*. Reinbek bei Hamburg.
- Jelinek, E. (2005): *Amatorki*. Aus dem Dt. übersetzt von A. Majkiewicz und J. Ziemska. Warszawa.
- Jelinek, E. (2007a): *Żądza*. Aus dem Dt. übersetzt von A. Kowaluk. Warszawa.
- Jelinek, E. (2007b): *Pożądanie*. Aus dem Dt. übersetzt von E. Kalinowska. Warszawa.
- Jelinek, E. (2009a): *Dzieci umarłych*. Aus dem Dt. übersetzt von A. Kowaluk. Warszawa.
- Jelinek, E. (2009b): *jesteśmy przynętą kochanie!* Aus dem Dt. übersetzt von A. Majkiewicz und J. Ziemska. Warszawa.

Sekundärliteratur

- Bąk, P. (2016): *Gramatyka języka polskiego*. Zarys popularny. Warszawa.
- Bußmann, H. (1990): *Lexikon der Sprachwissenschaft*. 2., völlig neu bearbeitete Auflage. Stuttgart.
- Duden (2009): *Duden – Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Mannheim.
- Fleischer, W. (1982): *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen.
- Glück H. / Rödel M. (2016): *Metzler Lexikon Sprache*. 5., aktualisierte und bearbeitete Auflage. Stuttgart.
- Goldberg, A. (2003): »Constructions: a new theoretical approach to language«. In: *TRENDS in Cognitive Sciences* 7 (5), S. 219–224.
- Kenny, D. (2001): *Lexis and creativity in translation. A corpus-based study*. London / New York.
- Kubaszczyk, J. (2010): »Wybrane problemy przekładu formacji słowotwórczych na przykładzie nawiązania słowotwórczego«. In: Hejwowski (Hrsg.): *Tłumaczenie. Leksyka, frazeologia, styl*. Warszawa, S. 158–163.
- Kurzaj, A. (2021): »Zusammengesetzte Adjektive im deutsch-polnischen Vergleich anhand der Wörterbücher PWN«. In: *Germanica Wratislaviensia* (146), S. 89–104, <https://doi.org/10.19195/0435-5865.146.7>.
- Levý, J. (1981): »Übersetzung als Entscheidungsprozess«. In: Wills (Hrsg.): *Übersetzungswissenschaft*. Darmstadt, S. 219–235.
- Masini F. / Audring, J. (2019): »Construction Morphology«. In: Masini / Audring (Hrsg.): *The Oxford Handbook of Morphological Theory*. Oxford, S. 365–389, <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199668984.013.25>.
- Pociask, J. (2006): »Trudny orzech do zgryzienia« – kilka uwag o tłumaczeniu stałych związków frazeologicznych. *Rocznik Przekładoznawczy* (2), S. 191–199, <https://doi.org/10.12775/RP.2006.015>.

- Popovič, A. (1981): »Übersetzung als Kommunikation«. In: Wills (Hrsg.): *Übersetzungswissenschaft*. Darmstadt, S. 92–111.
- Schleiermacher, F. (1963): »Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens«. In: Störig (Hrsg.): *Das Problem des Übersetzens*. Stuttgart, S. 38–69.
- Schippan, T. (2002): *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen.
- Schlückner, B. (2019): *Complex Lexical Units. Compounds and Multi-Word Expressions*. Berlin / Boston, <https://doi.org/10.1515/9783110632446>.
- Sieradzka, M. (2014): »Übersetzungsprobleme bei Wortbildungsstrukturen im Prosawerk von Günter Grass«. In: Bartoszewicz / Małgorzewicz (Hrsg.): *Translationsforschung. Methoden, Ergebnisse, Perspektiven*. Wrocław / Dresden, S. 163–176.
- Sieradzka-Kulasa, M. (2000): »Zur translatorischen Typik und Funktion von ›Realien‹ als Bezeichnung von Kulturspezifika«. In: Wawrzyniak / Drużycki (Hrsg.): *Germanistik als interkultureller und interdisziplinärer Brückenschlag*. Rzeszów, S. 51–63.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Русские глаголы способа и пути движения

In diesem Artikel werden russische Verben der Bewegungsart und Bewegungsrichtung beschrieben. Dabei wird von einer Kritik der dichotomen Typologie von L. Talmy (2007) ausgegangen, wonach sich die Sprachen in einem Kontinuum befinden. Die vorliegende Untersuchung führt zu neuen Erkenntnissen bezüglich der Salienz der Bewegungsverben in der russischen Sprache.

In this article Russian motion verbs expressing manner and path are described. The starting point is one of the criticisms concerning the dichotomous typology by L. Talmy (2007), according to which the languages can be placed on a continuum. The present study leads to new insights into the salience of the manner of motion verbs in the Russian language.

Русский язык отличается богатством системы глаголов, выражающих движение. Целью данной работы является характеристика корпуса глаголов, выбранного из этого множества на основе словарных толкований.

Теоретические рамки описания события движения

Движение включает в себя несколько участников. Т. Майсак выделяет следующие пять компонентов движения (2005:102-103): а) фигура – это движущийся субъект (англ. figure); б) путь (маршрут или траектория) (англ. path), по которому происходит движение; в) фон, относительно которого осуществляется движение (англ. ground или landmark); г) способ (англ. manner), например, указание на скорость, интенсивность, среду движения; д) причина

или каузатор (англ. cause), если имеется в виду не спонтанное движение, а движение, осуществляемое под внешним воздействием.

На основе того, в какой форме выражается компонент пути движения, Л. Талми (Talmy 2007) различает языки глагольного типа (русский термин принадлежит Т. Майсаку (2005:109), англ. verb-framed languages) и языки сателлитного типа (русский термин принадлежит Т. Майсаку (там же), англ. satellite-framed languages). Для языков глагольного типа характерно, что путь движения выражается в глагольном корне. К этой группе относятся, например, романские языки. Языкам сателлитного типа свойственно выражать способ движения в глагольном корне. Индоевропейские языки (за исключением романских языков) входят в этот типологический класс.

Из вышеуказанного следует, что русский язык относится к группе языков сателлитного типа. В следующем русском предложении представляется событие движения.

(1) Дети	в-бегают	в	дом.
ФИГУРА	ПУТЬ – СПОСОБ	ПУТЬ	ФОН

В предложении (1) исполнителями движения являются дети. Способ движения выражается с помощью глагола бегать: «Усиленно скорым движением, быстро перебирая ногами, перемещаться в каком-л. направлении.» (Евгеньева 1981-1984, Том 1). На компонент пути движения указывается многократно: с одной стороны, посредством приставки в- (в глаголе вбегать), с другой стороны, в форме предлога в. Выражение фона проявляется в слове дом.

Вышеупомянутое типологическое разделение оказывается оправданным по отношению не ко всем языкам. Существуют альтернативы распределения языков с точки зрения описания движения. С одной стороны, предлагается третий тип в добавление к дихотомии: языки эквиполентного типа (русский термин принадлежит Т. Майсаку (2005:109), англ. equipollently-framed languages, Slobin 2004), например, касательно китайского языка. С другой стороны, языки не являются относящимися ни к одному типу в чистом виде. По этому представлению, языки находятся на континууме и характеризуются салиентностью (заметностью). Таким образом, глаголы данных языков более или менее типично выражают способ или путь движения. Английский термин path-salience употребляется для обозначения характерного выражения компонента пути, а под понятием manner-salience подразумевается то, что

данный язык ориентирован на выражение способа движения (Speed 2015).

Что касается исследований глаголов, выражающих движение, необходимо отметить, что как правило изучаются языки противоположных типологических классов (например, английский сопоставляется с французским языком), и редко – языки, относящиеся к одному и тому же типологическому классу. В свою очередь, В. Хаско (Hasko 2010) изучала два языка, относящихся к тому же самому типологическому классу: английский и русский, как языки сателлитного типа, в рамках эмпирического исследования. Она пришла к выводу, что в русском языке способ движения выражается глагольным корнем в большей мере, чем в английском языке.

Труд Й. Лозиньской (Łozińska 2018) является примером изучения двух языков одного и того же типологического класса: в нём изучаются и сопоставляются глаголы движения двух славянских языков: польского и русского. Эта работа представляет большую значимость, потому что она привлекает внимание на оттенки, нелегко бросающиеся в глаза, вышеупомянутых языков сателлитного типа. Исследовав эти два языка, Й. Лозиньская приходит к выводу, что русский язык имеет больше признаков, характерных для сателлитного типа, и глагольным корнем скорее выражается способ движения. Она привлекает внимание и на то, что невозможно причислять языки только к сателлитному или глагольному типу, а необходимо рассматривать их находящимися на континууме. Под этим подразумевается тот факт, что языки не в одинаковой степени относятся к тому или иному типу.

В вышеупомянутых работах (Łozińska 2018, Hasko 2010) было обнаружено, что русский язык является сателлитным языком в большей мере, чем польский или английский языки. Эти авторы обращают внимание на значимость внутритипологических исследований. По нашему мнению, изучение языков того же самого типологического класса является надёжным будущим направлением исследования. Именно по этой причине в настоящей работе мы делаем попытку рассмотрения глаголов движения одного и того же типологического класса.

Й. Лозиньска (Łozińska 2018) замечает, что языки расположены на континууме и не могут причислены к одному из классов дихотомической типологии (см. Талми 2007). На наш взгляд, однако, континуум обнаруживается не только в отношении языков, но и в системе определенного языка. На основе этого можно констатировать, что нет чистых типологических групп. Поскольку внутри языков фигурируют различные формы выражения движения,

они находятся ближе к одному или другому полюсу континуума. В связи с этим целью предлагаемого исследования является рассмотреть глаголы, выражающие способ и путь движения и расположить их на континууме. Новизна настоящей работы заключается в том, что в ней предпринята попытка чётко охарактеризовать собранный корпус и дать критический обзор работы Й. Лозиньской (Łozińska 2018). На наш взгляд, важно изучать также и глаголы, выражающие путь движения, так как они представляют собой значительную часть в типологической системе и выражают существенные значения движения.

Изучаемый корпус глаголов и его деление на группы

Й. Лозиньской (Łozińska 2018) было составлено два польских и два русских корпуса глаголов. Слова были собраны, с одной стороны, на основе нарративных произведений и их переводов, с другой стороны, с помощью элиситации (перечисления глаголов и описания видеосцен). В результате исследования Й. Лозиньская установила салиентность способа движения в русском языке по сравнению с польским языком.

Изучаемые в настоящей статье глаголы взяты из работы Й. Лозиньской. Следует отметить, что собранная нами группа глаголов не равна группе глаголов Й. Лозиньской (Łozińska 2018). Это объясняется следующими причинами. Задача представляемой здесь работы показать глаголы, которые выражают либо способ, либо путь движения в корне. Чтобы охватить важнейшие особенности выражения способа и пути движения, представляется необходимым начать работу с простейших глаголов с точки зрения их морфосинтаксических характеристик. По этой причине из изучаемого множества исключаются некоторые глаголы, а именно: переходные глаголы, например, достигать; приставочные глаголы, например, возвращаться, отправляться; а также стилистически сниженные глаголы, например, шнырять (разговорный стиль). Однако, глаголы с постфиксом -ся входят в состав изучаемого корпуса, так как этот морфологический признак не изменяет основное значение глагольного корня.

Корпус глаголов, полученный после вышеупомянутых ограничений, содержит 47 лексических единиц¹. Группы глаголов Й. Лозиньской и наша классификация

---

¹ Члены глагольных пар не считаются отдельно, только если они имеют различные значения, помимо видовых (например, кататься, катиться).

будут представлены в одних и тех же таблицах, затем последуют разъяснения различий. Наше распределение глаголов по группам обосновывается на толкованиях глаголов Словаря русского языка в четырех томах (Евгеньева 1981-1984). Глаголы, являющиеся предметом настоящего исследования, но не упомянутые в нашей классификации, будут рассмотрены отдельно.

Глаголы, выражающие способ движения

Первая группа содержит глаголы, выражающие способ движения (таблица №1). В собранном Й. Лозиньской корпусе глаголов, глаголы способа движения представлены в большинстве. Это не удивительно ввиду того, что русский язык относится к типологической группе сателлитных языков. Однако, на наш взгляд, сюда следует причислять лишь следующие глаголы:

гарцевать: «красиво и ловко ездить верхом»; *маршировать*: «идти, ходить маршем»; *парить*: «лететь, держась в воздухе на неподвижно распростертых крыльях.»; *прыгать* – *прыгнуть*: «делать прыжок (прыжки), передвигаться прыжком (прыжками).»; *скакать*: «делать прыжки; прыгать»; *топать*: «идти, бежать, громко стуча ногами»; *хромать*: «ходить, ковыляя из-за укороченной или больной ноги»; *шагать* – *шагнуть*: «ступать, делать шаги при ходьбе»; *шествовать*: «торжественно идти, двигаться, принимая участие в шествии».

На основе толкований очевидно, что эти глаголы указывают только на способ движения. Толкования остальных глаголов будут представлены в следующей группе.

Глаголы, выражающие способ и путь движения

Рассмотрим распределение глаголов по группам, осуществленную Й. Лозиньской. Что касается выражения пути ниже представленных глаголов, то обнаруживается, что автор указывает лишь определенное направление – движение, происходящее либо вертикально, либо горизонтально. Однако глагол *лавировать* не выражает прямолинейного движения (и при этом он не указывает на движение одушевленного субъекта). Относительно способа движения можно констатировать, что некоторые глаголы указывают на скорость движения (например, *бросаться* – *броситься*, *кидаться* – *кинуться*), либо субъект пользуется какой частью тела в процессе движения (например, *лезть* – *лазить*, *нырять* – *нырнуть*).

Касательно нашей классификации следует отметить следующее: подмножество глаголов, выражающих способ и путь движения является

Глаголы, выражающие <u>Способ</u> движения	
группа Й. Лозиньской	наша группа
<i>бежать – бегать; брести – бродить; гарцевать; гоняться – гнаться; гулять; ехать – ездить; идти – ходить; кататься; катиться; лететь – летать; маршировать; метаться – метнуться; носиться; парить; плыть – плавать; ползти – ползать; порхать – порхнуть; прыгать – прыгнуть; рваться; рыскать; скакать; скользить – скользнуть; сновать; ступить; сыпаться; таскаться – тащиться; топать; хромать; шагать – шагнуть; шествовать</i>	<i>гарцевать; маршировать; парить; прыгать – прыгнуть; скакать; топать; хромать; шагать – шагнуть; шествовать</i>

Таб. 1: Глаголы, выражающие Способ движения.

Глаголы, выражающие <u>Способ</u> и <u>Путь</u> движения	
группа Й. Лозиньской	наша группа
<i>бросаться – броситься; валиться; кидаться – кинуться; красться; лавировать; лезть – лазить; нырять – нырнуть; пятиться</i>	<i>бежать – бегать; брести – бродить; бросаться – броситься; валиться; ехать – ездить; идти – ходить; катиться; кидаться – кинуться; лавировать; лезть – лазить; лететь – летать; метаться – метнуться; носиться; нырять – нырнуть; плыть – плавать; ползти – ползать; порхать – порхнуть; пятиться; рыскать; скользить – скользнуть; сновать; стремиться; ступить; сыпаться; таскаться – тащиться;</i>

Таб. 2: Глаголы, выражающие Способ и Путь движения.

самым многочисленным согласно нашему распределению глаголов. В этой группе фигурирует большинство глаголов, относящихся к группе глаголов, выражающих способ движения согласно классификации Й. Лозиньской. В отличие от автора мы сюда относим и глаголы лексико-грамматического класса типа *идти* – *ходить*.² По отношению к корпусу глаголов Й. Лозиньской это: *бежать* – *бегать*, *брести* – *бродить*, *ехать* – *ездить*, *лететь* – *летать*, *плыть* – *плавать*, *ползти* – *ползать*. Мы считаем, что эти глаголы выражают не только способ, но и путь движения, так как они характеризуются признаками однонаправленности – неоднаправленности. На наш взгляд, эта характеристика указывает на путь движения.

Мы разделяем мнение Й. Лозиньской (2018) касательно того, что к группе глаголов, выражающих способ и путь движения следует отнести и *бросаться* – *броситься*; *валиться*; *кидаться* – *кинуться*; *лабиринтировать*; *лезть* – *лазить*; *нырять* – *нырнуть*. Это обосновывается и толкованиями: *бросаться* – *броситься*: «прыгать, устремляться вниз, кидаться»; *валиться*: «повергаться вниз, падать»; *кидаться* – *кинуться*: «прыгать, устремляться вниз, бросаться»; *лабиринтировать*: «идти под парусами против ветра по ломаной линии, так, чтобы встречный ветер был то с правой, то с левой стороны»; *лезть* – *лазить*: по значению однонаправленности – неоднаправленности (см. выше); *нырять* – *нырнуть*: «погружаться в воду с головой»; *пятиться*: «отступать, двигаться назад, задом».

В толкованиях следующих глаголов указывается не только на способ, но и на путь движения, поэтому считаем, что их тоже следует причислить к этой группе. Это глаголы *катиться*: «вращаясь, двигаться, перемещаться в каком-л. одном направлении (об округлых предметах)»; *метаться* – *метнуться*: «быстро и беспорядочно устремляться то в одну, то в другую сторону»; *носиться*: «То же, что нестись (в 1 знач.: «очень быстро двигаться, перемещаться; мчаться»), с той разницей, что носиться обозначает действие повторяющееся или совершающееся в разных направлениях. »; *порхать* – *порхнуть*: «легко перелетать с места на место (о птице, бабочке и т. п.)»; *рыскать*: «бегать в поисках кого-, чего-л., бросаясь из стороны в сторону (о животных)»; *скользить* – *скользнуть*: «двигаться, катясь по гладкой, скользкой поверхности»; *сновать*: «Торопливо двигаться в разных направлениях, туда и сюда»; *стремиться*: «быстро двигаться, направляться куда-л.; устремляться»; *ступить*: «сделать шаг,

2 Туда относятся следующие глаголы: *идти-ходить*, *бежать-бегать*, *ехать-ездить*, *лететь-летать*, *плыть-плавать*, *тащить-таскать*, *катить-катать*, *нести-носить*, *вести-водить*, *везти-возить*, *ползти-ползать*, *лезть-лазить* (и *лазать*), *брести-бродить*, *гнать-гонять*.

шагнуть; стать ногой куда-л.»; «сделав шаг, войти куда-л.»; сыпаться: «падать (о чем-л. сыпучем, мелком или многих предметах)»; «разлетаться во все стороны»; «идти (о мелком, частом дожде, снеге)»; *таскаться – тащиться*: «тянуться по земле; волочиться».

Согласно нашему распределению эта группа является самой многочисленной и разнообразной. Ее можно разделить на некоторые подгруппы. Более того, некоторые глаголы могут относиться одновременно к нескольким подгруппам. Нами различаются следующие параметры способа движения –

движение человека:

бежать – бегать; брести – бродить; бросаться – броситься; валиться; ехать – ездить; идти – ходить; катиться; кидаться – кинуться; лавировать; лезть – лазить; лететь – летать; метаться – метнуться; носиться; нырять – нырнуть; плыть – плавать; ползти – ползать; пятиться; рыскать; скользить – скользнуть; сновать; стремиться; ступить; таскаться – тащиться;

движение животных:

бежать – бегать; брести – бродить; бросаться – броситься; валиться; идти – ходить; лезть – лазить; лететь – летать; плыть – плавать; ползти – ползать; кидаться – кинуться; нырять – нырнуть; пятиться; катиться; метаться – метнуться; носиться; порхать – порхнуть; рыскать; скользить – скользнуть; сновать; ступить; таскаться – тащиться;

движение природных явлений: идти – ходить; сыпаться;

движение предметов: валиться; кататься;

скорость, быстрый или медленный темп движения:

бежать – бегать; брести – бродить; бросаться – броситься; кидаться – кинуться; метаться – метнуться; рыскать; сновать; таскаться – тащиться;

движение при помощи транспортного средства:

ехать – ездить; катиться; лететь – летать; плыть – плавать;

среда движения:

- -суша

бежать – бегать; брести – бродить; бросаться – броситься; валиться; ехать – ездить; идти – ходить; катиться; кидаться – кинуться; лавировать; лезть – лазить; метаться – метнуться; носиться; ползти – ползать; пятиться; рыскать; скользить – скользнуть; сновать; стремиться; ступить; таскаться – тащиться;

- -вода

держаться: плыть – плавать;

перемещаться: ехать – ездить; кататься; нырять – нырнуть; плыть – плавать; скользить – скользнуть;

- -воздух

перемещаться: лететь – летать; порхать – порхнуть; скользить – скользнуть;

отрицательная оценка движения:

таскаться – тащиться.

В результате полученных данных обнаруживается, что движение человека и движение животных в большинстве глаголов совпадают. Разница обнаруживается, когда речь идет о таких формах движения, на которые человек не способен, *например, лететь – летать; порхать – порхнуть.*

Среди оттенков способа движения в довольно большом количестве фигурируют глаголы, указывающие на темп, скорость движения.

Среда движения может осуществляться по суше, в воде, или в воздухе. Движение больше всего характерно по суше.

Глаголы, выражающие движения в воде и в воздухе могут обозначать либо то, что субъект держится, либо то, что он перемещается. В среде воды глаголы *плыть – плавать* выражают и то, и другое.

Движение может оцениваться отрицательно (*например, таскаться – тащиться*).

Глаголы, выражающие путь движения

По И. Лозинской, семь глаголов выражают путь движения. Их перечисление представлено в таблице №3. Большинство этих глаголов выражает не прямолинейное движение, а круговое. Среди значений появляется и указание на начальную точку (*например, трогаться-тронуться*) и на конечную точку

Глаголы, выражающие <u>Путь</u> движения	
группа Й. Лозиньской	наша группа
<i>вернуться; вертеться; кружить; крутиться; падать – (у)пасть; стремиться; трогаться – тронуться</i>	вернуться; вертеться; кружить; крутиться; падать – (у)пасть; трогаться– тронуться

Таб. 3: Глаголы, выражающие путь движения.

Глаголы, выражающие общее движение	
группа Й. Лозиньской (2)	наша группа (1)
<i>двигаться-двинуться; путешествовать</i>	двигаться-двинуться

Таб. 4: Глаголы, выражающие общее движение.

движения (например, *вернуться*). Вышеперечисленные глаголы указывают на движение по горизонтали (за исключением глагола *падать-(у)пасть*).

Глаголы, выражающие общее движение

Й. Лозиньская выделяет два глагола, выражающих общее движение без указания либо на способ, либо на путь движения. Их показывает таблица №4.

Однако, мы предполагаем, что только глагол *двигаться – двинуться* выражает общее движение. См. его толкование: *двигаться – двинуться*: совершать движение, передвигаться, перемещаться.

Глаголы, выражающие цель движения

В результате некоторых различий между двумя классификациями несколько глаголов оказалось вне групп. Более глубокое толкование значения глаголов позволяет получить и более детальное представление о их семантике. В связи с этим мы считаем целесообразным создать еще одну – пятую – группу глаголов движения (таблица №5). В этот состав входят глаголы, которые кодируют и значение цели движения. В толкованиях значения этих глаголов эта сема эксплицитно формулируется. Следует отметить и то, что выражение цели

Глаголы, выражающие цель движения	
группа Й. Лозиньской	наша группа (1)
<i>нет глаголов</i>	гоняться – гнаться; гулять; кататься; красться; рваться; путешествовать

Таблица 5 / Tab. 5

движения может соединяться с компонентом способа движения. Рассмотрим глаголы пятой группы:

гоняться – гнаться: «(за кем-чем-л.) преследовать кого-, что-л., бежать за кем-, чем-л. с целью настичь»; гулять: «ходить, не торопясь, для отдыха, удовольствия; прогуливаться»; кататься: «ездить на чем-л., в чем-л., передвигаться с помощью чего-л. для развлечения или для упражнения»; красться: «проби- раться тайком, стараясь быть незамеченным»; рваться: «стремиться с помо- щью силы, рывком освободиться, вырваться»; путешествовать: «совершать пу- тешествие» (путешествие: «поездка или передвижение пешком куда-л. далеко за пределы постоянного местожительства с научной, общеобразовательной, спортивной и другими целями»).

Толкования словарей показывают, что вышеупомянутые глаголы характеризуются и выражением цели. Это значение необходимо также учитывать при классификации глаголов движения.

Следующие диаграммы показывают различия между двумя классификациями глаголов движения:

На диаграммах (1) и (2) показано количество языковых единиц в каждой группе, и процентное соотношение между группами. Существенное различие обнаруживается в следующих группах: у Й. Лозиньской глаголы способа движения составляют 64%, а у нас эта группа образует 19%; глаголы способа и пути представлены в классификации Й. Лозиньской 17%, а наша пропорция этой группы составляет 53%. Эти данные указывают на салиентность компонента пути этого корпуса. Это не соответствует результатам предыдущих работ, в которых подчеркивается салиентность компонента способа движения в русском языке.

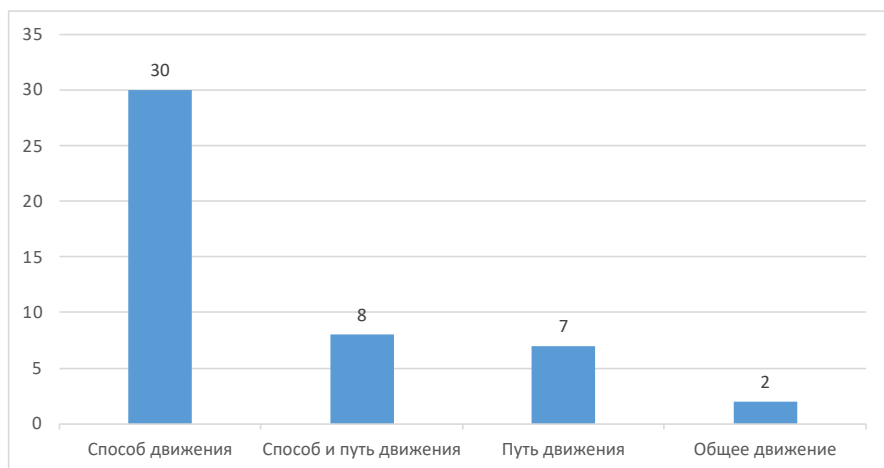

Диаграмма 1: Континуум Й. Лозиньской.

Диаграмма 2: Наш континуум.

Выводы

В настоящей работе изучались глаголы, выражающие способ и путь движения в русском языке. В первом разделе статьи рассматривались компоненты движения, при этом особое внимание обращалось на способ и путь движения (Майсак 2005). Была представлена типология Л. Талми (Talmy 2007), различающая языки глагольного типа (англ. verb-framed languages) и сателлитного типа (англ. satellite-framed languages) по выражению пути в глагольном корне. Согласно данной классификации русский язык относится к сателлитному типу. Было отмечено, что некоторые языковеды подвергают сомнению дихотомическую теорию Л. Талми и выдвигают новые теории. С одной стороны, говорится о третьем типе (языки эквиполентного типа), с другой стороны, имеется в виду континуум, вдоль которого языки расположены в большей или меньшей мере. На этом основании говорят о салиентности способа (англ. manner-salience) или пути (англ. path-salience). Й. Лозиньская, работа которой использована во второй части данной статьи, также придерживается этого мнения.

В рамках данной статьи был представлен корпус глаголов движения, составленный на основе работы Й. Лозиньской (Łozińska 2018). После анализа материала Й. Лозиньской глаголы движения подверглись новой классификации. Собранный корпус охватил более широкую группу глаголов, чем 14 пар глаголов движения типа идти-ходить. Особенно учитывались способ и путь как компоненты движения. Исходя из глагольного состава, изученного Й. Лозиньской (2018), мы выделили глаголы на континууме, на одном полюсе глаголы, указывающие на способ движения, глаголы, выражающие движение в обобщенном виде, на другом конце. На промежуточной полосе фигурируют глаголы, выражающие путь вместе со способом и путем движения. В результате пересмотра классификации Й. Лозиньской, нами были сформированы 5 групп глаголов движения: 1. глаголы, выражающие способ и путь; 2. глаголы, указывающие на Способ; 3. глаголы, обозначающие путь; 4. глаголы, отмечающие цель движения; 5. 1 глагол, указывающий на общее движение.

В настоящей работе мы стремились обратить внимание на важность подробного изучения данных, результатом которого может быть пересмотр существующих типологических исследований в некоторых аспектах. Так, распределение изучаемых глаголов показывает численное превосходство лексических единиц, содержащих в своей семантике компонент пути.

Результаты анализа корпуса глаголов движения позволяют нам установить салиентность пути, что противоречит вышеупомянутым утверждениям о салиентности способа русских глаголов движения.

Библиография

- Евгеньева А. П. (1981–1984): *Словарь русского языка в четырех томах* / Под ред. Евгеньевой. – Москва.
- Майсак Т.А. (2005): Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – Москва.
- Hasko, V. (2010): «Semantic compositions of motion verbs in Russian and English» // *New Approaches to Slavic Verbs of Motion* / Под ред. Hasko / Perelmutter. – Amsterdam. С. 197–224.
- Łozińska, J. (2018): *Path and Manner Saliency in Polish in Contrast with Russian* // *A Cognitive Linguistic Study* // Brill's Studies in Language, Cognition and Culture. Vol. 15. – Boston.
- Slobin, D. (2004): *The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events* // *Relating events in narrative: Vol. 2. Typological and contextual perspectives* / Под ред. Strömquist / Verhoeven. – Mahwah, NJ. С. 219–257.
- Speed, T. (2015): «Manner/Path Typology of Bulgarian Motion Verbs» // *Journal of Slavic Linguistics* 23(1). С. 51–81.
- Talmy, L. (2007): «Lexical typologies» // *Language Typology and Syntactic Description. Volume III: Grammatical Categories and the Lexicon* / Под ред. Shopen. – Cambridge. С. 66–168.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

От языковой игры к заполнению лакун в языковой системе: функционирование глаголов *развидеть* и *odzobaczyć* в русском и польском интернет-сленге

Der Artikel befasst sich mit sprachlichen Einheiten der russischen und polnischen Sprache (den Verben *развидеть* und *odzobaczyć*), die als Ergebnis eines Sprachspiels im Rahmen der Internetkommunikation entstanden sind. Es wird gezeigt, dass diese Einheiten ihren Anwendungsbereich zunehmend erweitern und trotz systembedingter Einschränkungen auf dem Weg sind, vollwertige Mitglieder der Wortbildungssysteme der slawischen Sprachen zu werden.

The article deals with Russian and Polish expressions (the verbs *развидеть* and *odzobaczyć*) that have appeared as a result of language games within Internet communication. It is shown that these expressions are no more limited to the cyberspace and increasingly used in various areas. It is argued that they are on their way to becoming integrated members of derivational systems of Slavic languages.

Интернет стал естественной частью нашей жизни уже очень давно, и многим из нас довольно трудно представить себе, как мир выглядел раньше, до повсеместной экспансии новых технологий. В начале своего существования интернет как пространство взаимодействия пользователей с цифровыми, виртуальными сущностями и между собой описывалось преимущественно при помощи метафор, источником которых служила неvirtуальная, предметная реальность (ср. англ. *chat* «разговор, беседа» → «место (сайт) в сети,

предназначенное для разговоров»; *site* «место (на физической поверхности)» → «точка в сети, сетевой узел»; рус. *страница* «одна сторона бумажного листа» → «раздел сайта»).

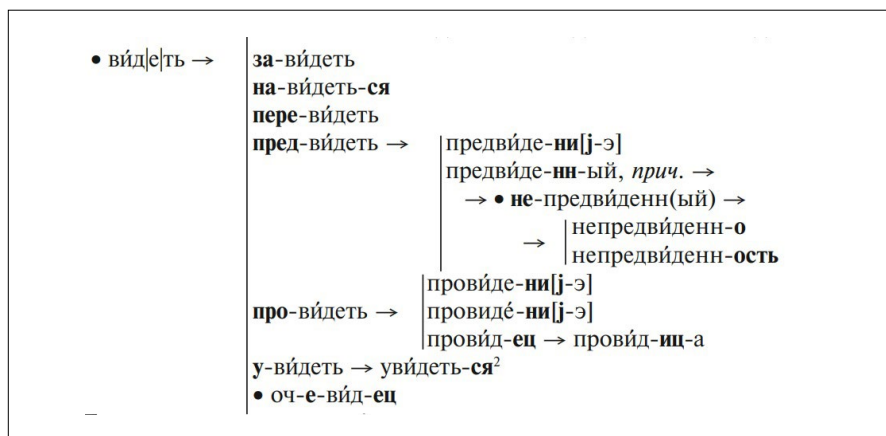
С течением времени в интернет-коммуникации появились единицы, специально предназначенные для описания действий и состояний, типичных для интернет-среды. Со структурной точки зрения, к возникновению части таких единиц привело присоединение словообразовательных аффиксов к уже существующим в языке основам – прежде всего, глагольным (ср. англ. *repost*, рус. *расшарить*, польск. *odlubić*).

Такие единицы, часто возникающие как результат языковой игры и эффект реализации гедонистической функции, в некоторых случаях становятся частотными, расширяют сферы своего употребления и встраиваются (или, по крайней мере, начинают встраиваться) в устойчивые языковые подсистемы. В этой статье мы сосредоточимся на подробном анализе конкретных лексических единиц – русского глагола *развидеть* и его польского соответствия *odzobaczyć*.

В рамках настоящего доклада мы постараемся продемонстрировать, что глагол *развидеть* находится на пути из варианта языка, ограниченного с точки зрения сферы употребления, в общенациональный вариант русского языка. В качестве сопоставительного фона будут привлечены данные родственного – польского – языка, что, с одной стороны, позволит показать некоторую универсальность описываемого явления, а с другой – выявить специфику его словообразовательной истории в русском языке.

Речь, как уже было отмечено выше, пойдет преимущественно о глаголе *развидеть* и его месте и функциях в словообразовательной парадигме (далее – СП) единицы видеть. Напомним, под СП в языкознании уже традиционно понимается «набор производных одного базового слова, находящихся на одной ступени словообразования» (Земская 2004: 109). Словообразовательное значение приставок, как известно, связано в первую очередь с пространственно-временными модификациями действия, а потому производный глагол *развидеть* должен бы был встроиться в тот участок СП, где уже существуют единицы *увидеть*, *завидеть*, *перевидеть* и некоторые другие. (Иллюстр. 1)

Типичные примеры употребления глаголов *развидеть* и *odzobaczyć* выглядят примерно следующим образом (все они являются результатами поиска в информационно-поисковой системе Google):

Иллюстр. 1: Участок словообразовательного гнезда глагола видеть в (Тихонов 2014: 99).

Развидеть

Достаточно одной неровности на асфальте, клинит переднее колесо, и любитель самоката делает кульбит, врезаясь лицом в дорожное покрытие. Такое я тоже хочу **развидеть**.

В прочитанной книжке герой пробует наркотик, под которым ему грезится, что его казнят в котле с кипящим маслом (фирменныебезжалостные сорокинские подробности, не зажмуриться, не **развидеть**)

17 нелепых свадебных фотографий, которые хочется поскорее **развидеть**

Такой чудовищной ахинеи я не видела со времен прочтения «Атлант расправил плечи» Я прям хочу **развидеть**

Odzobaczyć

Jechała o wiele za szybko, pamiętam jak mnie wyprzedziła. Jednak moim zdaniem główną przyczyną jest wadliwa konstrukcja tego zakrętu i to w obu kierunkach. Widok tej kobiety nie do **odzobaczenia**.

Michał Figurski ROZPĘTAŁ PIEKŁO. Pokazał zdjęcie GRUBEGO Lewandowskiego. Wszyscy chcieli to **odzobaczyć**

...mieliśmy wrażenie, że z minuty na minutę zatapiamy się w nim z żenady płynącej z ekranu. Czy takie kino bawi? To kwestia indywidualna. My wolęlibyśmy to **odzobaczyć**.

Polscy «patrioci» tworzą swojego Facebooka. Ciężko to **odzobaczyć**

Приведенные выше контексты встретились нам в записях из блогов, однако совершенно очевидно, что функциональный потенциал этой единицы намного шире, чем игровое использование в рамках интернет-сленга (языка интернета).

В новом Словаре языка интернета.ru под. ред. М. А. Кронгауза эта единица, разумеется, представлена, и ее дефиниция выглядит следующим образом:

развѣдѣть ➤

глагол (1 л. ед. ч. наст. вр. развѣжду)

**Перестать видеть что-либо
и забыть это.**

Перевод английского *unsee*.

Первоначально слово появилось в 2008 году в переводе фразы *take me unsee it* на русский язык: *сделайте меня/мне развѣдеть это*.

Употребляется в ситуации, когда говорящий увидел что-то настолько отвратительное, что мечтал бы забыть это, отменить то ужасное впечатление, которое произвело на него увиденное.

Иллюстр. 2: Толкование глагола *развѣдеть* в (Кронгауз 2016: 103).

Как кажется, эта словарная статья не в полной мере описывает особенности употребления глагола *развѣдеть* в современной речи (с другой стороны, авторы словаря, разумеется, и не ставили перед собой такую задачу) и содержит несколько неточностей и умолчаний.

Из дефиниции следует, что русское *развѣдеть* представляет собой классическую ситуацию словообразовательного калькирования: английское слово переводится на русский язык по частям. Это не единственный случай такого рода: по той же модели созданы русские *разбанить* (от англ. *unban*) «снять ранее наложенный при помощи технических средств запрет на общение на форуме / в чате», *расфрендить* / *отфрендить* (от англ. *unfriend*) «удалить из знакомых в социальной сети» и, видимо, некоторые другие. Есть, впрочем, и отличия: названные глаголы крайне редко употребляются не по отношению к событиям и действиям, локализованным в интернет-среде (это, очевидно, связано со спецификой производящих основ), и это положение вещей изменится, очевидно, только тогда, когда граница между киберреальностью и реальностью физической окончательно сотрется, что, вероятно, потребует некоторого количества времени.

Проблема, однако, состоит в том, что все перечисленные глаголы (в том числе *unsee*, который образован от общепотребительной основы) являются новшеством и для английского языка. Так, в интернет-версии учебного Оксфордского словаря (*Oxford Advanced Learner's Dictionary*) *unsee* отсутствует вовсе (есть только производное от причастия прилагательное *unseen* в традиционных значениях «невидимый, незамеченный»); еще в 2018 году так же выглядела ситуация глагола *unsee* в интернет-версии *Collins English Dictionary*.

Глагол *unsee*, разумеется, описан в так называемом *Urban Dictionary* (словаре общего жаргона, в частности языка английского интернета) со ссылкой на источник, послуживший базой для формирования этого нового глагола. Этот источник представляет собой интернет-мем *What Has Been Seen Cannot Be Unseen* (англоязычная интернет-энциклопедия *Know Your Meme* датирует его первое использование в словесной форме 2004 г., а широкое распространение в 2007 г. связывает с появлением так называемого демотиватора – изображения, сопровождаемого упомянутым текстом). В этом меме языковая игра с употреблением причастия основана на семантическом сдвиге: стандартно такого рода причастия образуются от глаголов, называющих действие, а не состояние. В данном случае игровая борьба с языковой материей призвана, очевидно, подчеркнуть крайнюю степень невыносимости описываемого зрелища (воспринимаемый зрением факт до невозможности отвратителен или поражает воображение) – такую, что сознание реципиента требует возвращения к исходному состоянию, до того, как взгляд говорящего соприкоснулся с внушающим отвращение / ужас объектом. Мы еще вернемся к семантике основного глагола зрительного восприятия (как кажется, она примерно универсальна в индоевропейских языках), но перед этим скажем несколько слов о том, как упомянутый мем прижился на славянской почве.

Не случайно, как кажется, в Словаре языка интернета в качестве непосредственного источника заимствования приведена не оригинальная конструкция, а появившаяся позже фраза *Make me unsee it*. Здесь мы обнаруживаем очередное подтверждение тому факту, что заимствоваться и активно использоваться в новом языке могут только те языковые структуры, к появлению которых семантическая и словообразовательная система заимствующего языка подготовлена. В русском языке, очевидно, краткие формы страдательных причастий от глаголов *видеть* и *увидеть* (именно они могли бы адекватно передать перфектное значение английской формы) образуются с трудом (**виден*, **увиден*), не говоря уже о причастии от пока не существующего в языке

глагола *развидеть*, а потому максимально близкий к оригинальному тексту перевод невозможен: *«Что увидено один раз, не может быть развидено»*. Теоретически возможен бы был, конечно, вариант *«Что раз увидишь, не развидишь»*, но, во-первых, даже обобщенное лицо не до конца соответствует полной семантической бессубъектности английской фразы, а во-вторых, переход от неначальной формы английского глагола, использованной к тому же с семантическим сдвигом, к абсолютно новому русскому глаголу представляет собой, очевидно, чересчур сложную и многоэтапную интеллектуальную процедуру. Напомним, что все упомянутые процессы происходят в интернет-среде, где общение с использованием мемов связано с реализацией прежде всего гедонистической функции; очевидно, слишком большие сложности, связанные с адаптацией единицы, замедляют процесс ее освоения и снижают вероятность ее игрового использования на базе нового языка.

Такой проблемы нет в польском языке, где глагол *zobaczyć* «увидеть» нормально образует страдательное причастие, в том числе безличное (так называемая *forma nieosobowa*), а семантическая бессубъектность регулярно передается при помощи структуры личная форма глагола среднего рода + возвратная частица *się*: *Co zostało zobaczone, już się nie odzobaczy*, *Raz zobaczone nie da się odzobaczyć*, *Co się raz zobaczyło, tego nie da się już odzobaczyć*.

Русскому языку, очевидно, проще было работать с базовой, немаркированной формой *unsee* – именно ее он адаптировал под собственные нужды. Заметим, что близкородственные польский и русский языки в сфере синхронной деривационной истории соответствующих единиц демонстрируют некоторые общие тенденции, хотя формальные различия, конечно, также имеют место.

Формально в русском языке *развидеть*, как мы уже сказали, образовано непосредственно от основной лексической единицы, называющей зрительное восприятие, – глагола несовершенного вида (далее – НСВ) *видеть*, а в польском от глагола совершенного вида (далее – СВ) *zobaczyć* «увидеть» (хотя, вообще говоря, и глагол *widzieć* существует в польском языке). Семантические отношения в русской паре устроены, однако, намного сложнее. Польский фон, как кажется, подтверждает, что именно *увидеть* является семантическим источником всей дальнейшей цепочки: глаголы *видеть* и *увидеть* образуют так называемую перфектную пару, где глагол НСВ обозначает состояние, а СВ – переход в это состояние, который состоянию, несомненно, предшествует. Глагол *развидеть*, в свою очередь, называет не просто прекращение состояния, но возвращение к исходному состоянию – до того, как некоторый пред-

мет попал в поле зрения субъекта. Просто прекращения наблюдения недостаточно, очевидно, потому, что зрительный образ предмета продолжает сохраняться в сознании (что служит основанием для появления у глагола видеть производных значений). Как замечает Е. В. Падучева, он «допускает, в качестве производного, употребление в значении «воображать, представлять», т.е. имеет производное значение внутреннего зрения» (Падучева 2004: 227).

Если вернуться к особенностям употребления глаголов *развидеть* и *odzobaczyć* соответственно в современном русском и польском языках, следует отметить, что границы их использования (и в отношении называемых состояний, и с точки зрения количества употреблений и сфер использования) раздвигаются все шире: в частности, они уже далеко не всегда связаны с ситуацией восприятия шок-контента: *развидеть* / *odzobaczyć* можно (то есть, разумеется, нельзя), во-первых, любой предмет, который получает низкую оценку с этической / эстетической точки зрения, а во-вторых, любой предмет, в принципе задержавшийся в памяти:

Развидеть

Сцена с изыманием глаз Гора — просто смешной и нелепый детсадовский уровень. Развидеть и не вспоминать.

На мою беду мне показали сайт Gussy. И я туда зашла. А там — прям воплощение мечт гопников и гопниц 90 годов. Как мне теперь это развидеть?

Но это не проблема, потому что, однажды увидев его на улице, «развидеть» 3008-й [Пежо] не получится. Особенно в исполнении GT-Line с двухтонным окрасом — женщины и дети стоят, разинув рты, а затем хватаются за телефоны и начинают щелкать воображаемыми затворами.

Хочется преодолеть, не сдаться, ощутить свои возможности. Потому что кайф от них уже попробован, коготок увяз. почувствовав себя сильной, уже невозможно это развидеть

Odzobaczyć

Najlepsze kwiatki z zeszytów uczniów, których nie da się odzobaczyć
Aktorzy? Głęboacy i uczciwi w pierwszej części... pozwolili mi zapomnieć o tym czego; już nie odsłyszę i nie odzobaczę.

Zabawny zajęc przyłapany w akcji. Tego nagrania nie da się odzobaczyć!
[WIDEO]

[...] bardzo żałuję, że nie mogę tego filmu «odzobaczyć» żeby móc obejrzeć go znowu i przeżyć tę historię jeszcze raz, nieświadomy tego, co się stanie.

Сферы употребления глаголов также расширяются: так, например, в русскоязычном проморолике фильма ужасов *Слендермен* в 2018 году использовался слоган *Ты не сможешь его развидеть*. Авторы рекламного сообщения, очевидно, рассчитывали на то, что смысл слогана будет доступен широкой аудитории.

В завершение нам хотелось бы вернуться к вопросу о словообразовательной парадигме и словообразовательной системе. Формулируя тему статьи, мы сомневались, использовать ли в ней термин лакуна: лакуна – это нечто недостающее, а количество мест в СП глагола ограничено, как известно, семантическими характеристиками производящей основы. Название состояния, очевидно, плохо сочетается с идеей возвращения к моменту до наступления этого состояния, так что вроде бы ничего недостающего среди производных глагола *видеть* не было. Однако глагол *развидеть* сформировал для себя место в этой подсистеме, уютно в ней устроился и сделал так, чтобы без него стало все труднее обходиться носителям русского языка. Глаголу *odzobaczyć* проделать похожий путь было тем проще, что он образован не от названия состояния (глагола НСВ), но от названия акта восприятия (глагола СВ).

Библиография

- Collins English Dictionary, <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 03.07.2021).
KnowYourMeme, <https://knowyourmeme.com> (дата обращения: 03.07.2021).
Oxford Advanced Learner's Dictionary, <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 03.07.2021).
UrbanDictionary, <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 03.07.2021).
Земская, Е.А. (2004): *Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь*. – Москва.
Кронгауз, М.А. и др. (2016): *Словарь русского языка Интернета.ru*. – Москва, <http://nzt.net/ark:/13960/t6f28zo56> (дата обращения: 29.11.2024).
Падучева, Е.В. (2004): *Динамические модели в семантике лексики*. – Москва.
Тихонов, А.Н. (2014): *Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным*. – Москва.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Ассоциативно-смысловой комплекс понятий «Свобода» и «Воля» в новейшей русской языковой картине мира

Im vorliegenden Artikel wird das breite Bedeutungsspektrum der Konstrukte »volja« (Wille) und »svoboda« (Freiheit) untersucht, die die wichtigsten Vorstellungen im russischen nationalen Bewusstsein in der Zeit der Coronavirus-Pandemie widerspiegeln. Basierend auf gesammelten Daten eines Wortassoziationstests, werden Gruppen von Assoziationen strukturiert und ihre Zusammensetzung und die Häufigkeit der Verwendung jeder Komponente bestimmt, um die allgemeinen und spezifischen Merkmale ihrer semiotischen Dimensionen zu identifizieren.

The article examines a wide spectrum of meanings of sociocultural constructs »will« and »freedom«, which reflect important worldview representations of Russian national consciousness during the coronavirus pandemic. Groups of associations, which are classified by semantic features, are based on the facts of an associative experiment. The composition and frequency of usage of each component is established to reveal general and specific aspects of semiotic space of the constructs.

Чуть больше года прошло с того момента, как нас всех отправили на самоизоляцию. За это время человек и окружающий его мир претерпели серьезные изменения. О текущей ситуации Т.В. Черниговская рассуждает следующим образом:

Мы попали в мир, когда рухнуло все. Не случайно так часто говорят о крахе цивилизации или его приближении. Нарушились все планы, договоренности, правила. А ведь это угрожающая ситуация. Если нет никаких правил, то жить невозможно. (Черниговская 2021)

И мы вынуждены с ней согласиться.

Этому ужасу мы можем противопоставить фантастической красоты картины прозрачных каналов Венеции, куда вернулись дельфины и лебеди. Города затихли, и сейсмографы смогли услышать то, что происходит внутри нашей планеты, в том числе, подземные толчки и землетрясения. Мы поняли, что нам действительно необходимо мужество, мужество пользоваться собственным умом, о котором писал великий Иммануил Кант.

Общие вопросы лексикологии

Язык и время – ответственное сочетание; лингвист сказал бы язык во времени – философ говорил бы о времени языка. (Колесов 1999: 4)

Именно поэтому мы можем говорить, что во времена стремительных перемен и потрясений в окружающей реальности происходящее вокруг находит отражение в первую очередь в языке. Появление новых реалий требует появления новых лексических единиц, речевых форм и стратегий, моделей дискурсивного поведения. Отсюда вопрос – можно ли уже говорить о том, как повлияла пандемия COVID-19 на изменения в русском языке? Мы полагаем, что рано ещё это утверждать, так как прошло слишком мало времени, чтобы наблюдать метаморфозы в языке, к тому же эпидемия всё ещё продолжается, принося с собой новые культурные изменения, но мы можем проследить формирование некоторых тенденций, отразивших реалии пандемии коронавируса. С одной стороны, мы можем наблюдать, как терминологическая лексика переходит в раздел общеупотребительной, и эти слова уже воспринимаются нами как нейтральные, их значение как термина постепенно утрачивается. Среди таких слов *самоизоляция*, *социальная дистанция*, *дистанционная* и *удаленная работа* или *учеба*, *локдаун*, *аббревиатура СИЗ* – средства индивидуальной защиты. Не обошлось и без неологизмов, так называемых ковид-дериватов. Гибкая морфологическая система русского языка позволила создать новые слова,

которые отразили реальность. Вот примеры таких слов, которые дополнили пласт разговорной лексики современного русского языка: существительные *ковидник* (и человек, и больница), *ковидоносите́ль*, *ковидпереносчик*, а также *ковид-диссидент*, *коронаскептик/ковидоскептик* и *антимасочник*, прилагательные *ковидный*, *корона-инфицированный*, *ковид-положительный*, *контактный* (ср. Громенко 2020: 45–62).

Активным был и процесс народного творчества. Пословицы и поговорки переделывались на новых лад, и вот несколько примеров так называемых антипословиц: *на Бога надейся, а руки помой!*; *век живи – век лечись; переболела – гуляй смело!*; *незванный гость хуже инфицированного*; *кто про что, а инфицированные про вирус* (ср. Вальтер, Мокиенко 2020: 33–44). В них мы можем наблюдать такой парадокс: при компонентном изменении фразеологизма в памяти сохраняется его основной вариант. Такое изменение может носить как творческий характер, так и ситуативный, вкусовой или вовсе иной, если говорящий, например, забыл точную формулировку идиомы. Своеобразный бум массового творчества как раз обоснован влиянием пандемии коронавируса, и каждый носитель русского языка считает, что грех не пошутить над ковидом, над которым шутят все вокруг. Тем самым мы возвращаемся к мысли В.В. Колесова о том, что и язык формирует реальность, и реальность формирует язык (Колесов 1999: 3).

Материалы и методы

Мы предполагаем, что ещё одной языковой тенденцией могло бы быть переосмысление представления о свободе и воле как о национальных лингвокультурных константах. Самым важным, на наш взгляд, на современном этапе развития лингвистики является совмещение лингвистического, психолингвистического и когнитивного методов исследования, позволяющих смоделировать концептуальное содержание описываемых социолингвистических конструкторов, что обеспечивает необходимую дополнительность описания языкового материала и позволяет представить его с необходимой полнотой и разноаспектностью.

Пандемия коронавируса и период самоизоляции сузили границы нашей свободы до размера квартиры, поэтому представляется важным установить, отразилось ли это в сознании носителей русского языка. С этой целью мы

провели свободный ассоциативный эксперимент (далее – АЭ), который, по мнению Т.А. Талаповой, является «эффективным методом изучения понятия как реальности сознания» (ср. Талапова 2009: 27).

Как феномен ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета. [...] Изучая ассоциации в АЭ, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики. (Фрумкина 2001: 192)

Метод ассоциативного эксперимента позволяет исследовать субъективные семантические поля слов, как они формируются и функционируют в дальнейшем. Характер семантических связей слов внутри семантического поля также является объектом исследования. Метод АЭ полезен тем, что позволяет сопоставить лексикографическое описание лексем с их психологически реальным содержанием, синтезировать их для определения более точного представления о лексеме, потому что лексикографические источники не всегда предоставляют данные, которые бы совпадали с психологической реальностью языкового сознания. В прикладной психолингвистике разработано 3 основных типа АЭ:

1. Свободный ассоциативный эксперимент – испытуемые неограниченны в словесных реакциях. Это может быть как одно слово, так и целое высказывание.
2. Направленный ассоциативный эксперимент – от испытуемых требуется давать ассоциации строгого грамматического или семантического класса. К примеру, только существительные или только названия стран.
3. Цепочечный ассоциативный эксперимент – испытуемым необходимо дать несколько слов-реакций, например, 5 ассоциаций за 10 секунд, словосочетания допускаются (ср. Архипова 2011: 7).

Процесс АЭ проходит в два этапа: сначала респондентам даётся слово-стимул, затем они должны зафиксировать первые пришедшие в голову ассоциации. Определяющим при этом является именно моментальность, незамедлительность ответа.

Если есть отбор, нет ассоциативного процесса в общепринятом историческом психологии смысле. (Фрумкина 2001: 191)

Ассоциативные ответы никогда не являются случайными, их принято делить на две большие группы – внешние и внутренние ассоциативные связи. Под внешними ассоциативными связями понимают так называемые «ассоциации по смежности», когда слово-стимул вызывает какой-либо компонент той наглядной ситуации, в которую входит названный объект. Иными словами, ассоциация представляет собой либо часть от целого – слова-стимула, либо имеет непосредственное отношение к нему, к примеру: *дом – крыша, собака – хвост, кошка – мышь*. Под внутренними ассоциативными связями, или ассоциациями по сходству или по контрасту, принято понимать такие связи, которые вызываются включением слова в определенную категорию, например: *стул – мебель, дуб – дерево, собака – животное* (ср. Лурия 1979: 81).

В нашем опросе приняли участие 204 студента Балтийского федерального университета им. И. Канта. Участникам АЭ в качестве слов-стимулов были заданы слова *свобода* и *воля* и вопросы: 1. Какое из понятий содержит больше смыслов? Равны ли у всех границы свободы и воли. 2. Какие ассоциации связаны у вас со словами *свобода/воля*? 3. Изменились ли границы и содержание ваших свободы и воли за время пандемии? Каким образом?

Результаты исследования

Перед тем, как переходить к анализу ответов, необходимо рассмотреть дихотомию *воля – свобода* в рамках словарного описания в Большом академическом словаре русского языка. Одно из главных отличий состоит в том, что свобода толкуется как состояние, а воля – как чувство, на что неоднократно обращают внимание и участники эксперимента: «Свобода есть нечто внешнее, воля – внутреннее» (здесь и далее приводятся ответы респондентов). Отсюда вытекает и то, что понимания свободы можно достичь рационально, в то время как объяснить, что такое воля даже для носителя русского языка представляется сложным или вовсе невозможным. Следующее, что нужно отметить: воля не характеризуется наличием законов и правил, а свобода может и должна быть ограничена. Поэтому ей присущи дисциплинированность, цивилизованность и внутренняя ограниченность;

воле же, напротив, – безграничность, абсолютность, вседозволенность. Эти черты также упоминаются как ассоциации в ответах респондентов: к примеру, *ответственность, право к свободе и безграничность, хаос* – к воле. И, наконец, последнее: понятие Свободы поздно появляется в русской ментальности, в период Эпохи Просвещения, тем самым являясь заимствованным для отечественной культуры – Воля, в свою очередь, отражает архетипическую черту русского национального сознания.

Согласно ответам на первый вопрос, объем понятия Свобода для респондентов шире, чем объем понятия Воля; так считают 112 человек, 58 человек полагают, что объем понятия Воля шире, и только 34 респондента убеждены, что эти понятия тождественны. Этот факт можно объяснить тем, что *воля* содержит большее количество значений и большинство людей сравнивает *свободу* лишь с одной из возможных коннотаций, а именно с *волей-желанием*. Словари же фиксируют иную картину: семантический объём лексемы *воля* шире, чем у лексемы *свобода* (БАС Т. 25:85. Т 2:154). Границы Свободы у всех разные – так считают 153 респондента, а остальные полагают, что равные. Иная картина наблюдается в понимании границ Воли: 119 человек убеждены, что Воля имеет разные размеры границ для каждого индивидуума, а 85 участников эксперимента, что равные. Анализ ассоциативного опроса показал, что объем ассоциаций со словом *свобода* у респондентов шире, чем их объем со словом *воля*. Опрашиваемые заметили, что «во время эпидемии реальность будто разделилась на два измерения: привычное и дистанционное, в которых понятие Свободы реализуется по-разному, руководствуясь правилами, продиктованными «новой» реальностью». Дистанционное обучение, самоизоляция «свалились на нас в марте месяце как снег на голову. Жизнь своеобразно начала делиться на до и после пандемии».

Наибольший интерес представили ответы на вопросы, связанные с изменением содержания и размера границ понятий Свобода и Воля во время пандемии.

1. Большинство опрошенных заявили, что границы свободы не уменьшились, а расширились за счет расширения границ «свободы внутренней», которая взаимосвязана с «внешней свободой». Проявлялось это, в первую очередь, в новообретенном времени, которое предоставляло «свободу творить без оглядки на ритм жизни и расписание дня, свободу придумать свой досуг». Таким образом, под «внутренней свободой» респонденты зачастую подразумевают время. Конечно, это не уникальная рефлексия на тему пандемии. Мы можем

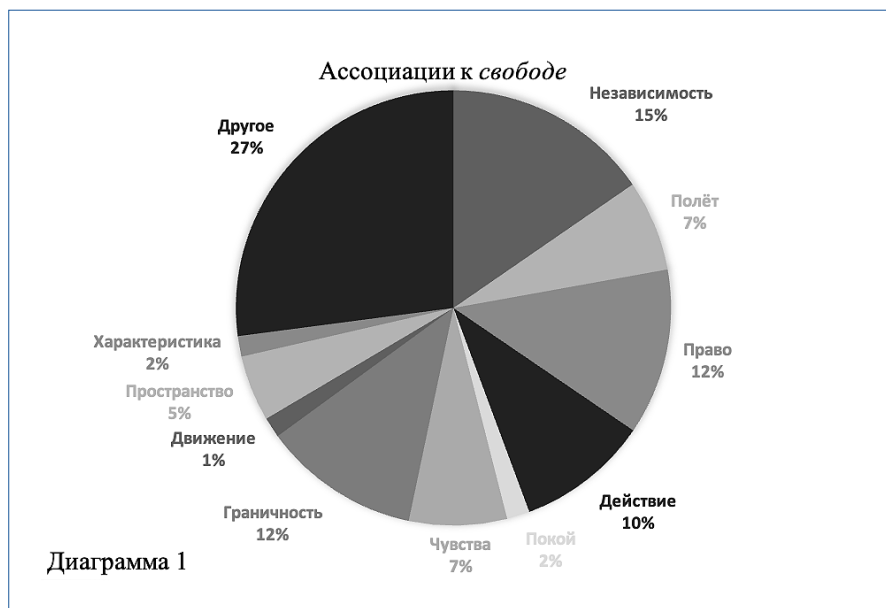
найти соответствующие примеры и в лексикографических источниках, например, в Большом академическом словаре русского языка (БАС Т. 25:85): «Не заполненное трудом, занятиями время», и в проведённом нами АЭ, где 5 раз встречается соответствующая ассоциация. Мы полагаем, что в ассоциативном поле лексемы *свобода*, *время* постепенно покидает периферийную зону и приближается к ядерной, и локдаун в значительной степени поспособствовал этому: «свобода ведь заключается рамками времени, которые сейчас расширились в нашу пользу».

Встречались ответы, где респонденты, напротив, говорили о сужении границ свободы. Так, для одного из опрошенных «Свобода – это радость прогулок по улице, походов в университет и живого общения с одноклассниками и преподавателями. А несвобода в четырех стенах комнаты превращается в тоску». Действительно, весной мы оказались заперты в собственных квартирах и почувствовали себя в заточении: «свобода была ограничена бетонной коробкой и эхом мыслей, отраженных от стен».

2. Появилось представление о новых проявлениях свободы, свободы территориальной: «моя свобода ограничивалась открытым окном», и психологической: «почти всё, что ограничивает свободу человека извне, разрушается внутренней, психологической свободой». В эту же группу мы отнесли и представление о так называемой «технической» свободе: «теперь моя свобода заканчивается там, где начинается экран компьютера или другого устройства».

Если рассматривать ассоциации, связанные с так называемой территориальной свободой, обращают на себя внимание такие ассоциации, как *поход в магазин* и *прогулка с собакой*. На первый взгляд, это кажется бессмыслицей, но если мы вспомним реалии годичной давности, когда выход на улицу строго контролировался, прогулки с домашними животными и походы до магазина и обратно были единственным легальным способом подышать свежим воздухом, тем самым являясь некоего рода «ключами» к «внешней свободе». С лингвистической точки зрения, мы можем наблюдать вхождение новых образов-ассоциатов в дальнюю периферию ассоциативного поля лексемы *свобода*, которые до самоизоляции даже не претендовали на это место.

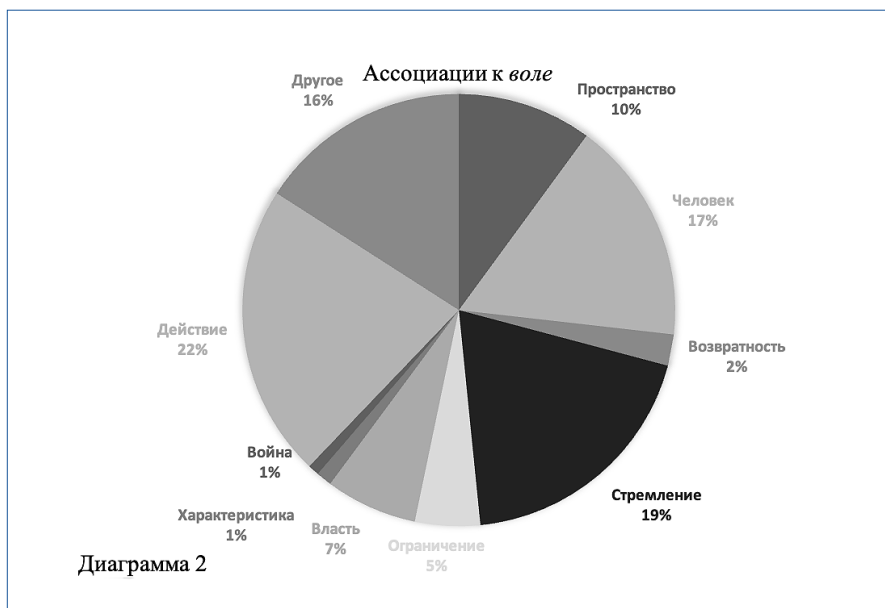
На диаграмме 1 представлено ассоциативное поле лексемы *свобода*. В ходе эксперимента нами была получена 591 реакция. Мы попытались распределить каждый образ-ассоциат по тематическим категориям. Как можно видеть, для лексемы *свобода* самую многочисленную группу (15%) составили слова,

Рис. 1: Ассоциации к слову свобода.

по семантике связанные с независимостью, где чаще всего встречается само слово *независимость*. Следующая по частотности ассоциативная категория так или иначе связана с властью и правом. В эту группу вошли различного рода *свободы*, о которых говорится в Конституции РФ, *право* и перечень терминов, семантически связанных с политикой и историей. Категория, связанная с идеей граничности, является третьей по частотности. В нее мы включили представления о свободе как об ограниченной, так и о неограниченной, причем последняя преобладает.

Обратимся к диаграмме 2, где представлено ассоциативное поле лексемы *воля*. Мы получили 597 реакций на это слово. Почти четверть ассоциаций пришлось на представление о воле как о *действии* или *желании*. Отсюда можно сделать вывод, что в слове *воля* реализуется модальность желания, и оно понимается носителями русского сознания как возможность действовать. 115 образов-ассоциатов связаны со *стремлением*, *силой* и *целеустремленностью*. Третья по частотности категория включает ассоциации, связанные с человеком, его *внутренним миром* и *разумом*. Не подтвердилось наше предположение об ассоциативной связи Воли и

Рис. 2: Ассоциации к слову воля.

Пространства. Как писал Д.С. Лихачев, «воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не ограниченным пространством» (Лихачев 1981: 8). Мы получили 60 ассоциатов *пространство*, поэтому едва ли можно говорить о том, что эти два понятия взаимосвязаны, но респонденты эту связь чувствуют.

В обоих ассоциативных полях присутствует категория «другое»; к ней мы отнесли единичные слова, которые нельзя определить в уже сформированные категории.

3. Для большинства респондентов границы понятия Свобода в новой реальности стали подвижными, неустойчивыми, в то время как содержание и границы понятия Воля остались неизменными: «у настоящей воли нет никаких границ, она заполняет собой то пространство, которое мы сами ей предоставляем». Среди ответов были и такие, в которых респонденты сами рассуждали о содержании понятий: «Само нереализуемое желание и делает тебя несвободным. Чувство свободы или ее отсутствие – это отражение внешних обстоятельств. Воля же, как мне кажется, это нечто безусловное: либо она есть, либо ее нет; вне зависимости от того, что происходит вокруг».

И все же большинство опрошенных верит, что «когда пандемия закончится и всё вернётся на круги своя, мы снова начнём воспринимать свободу и волю как данность, мало задумываясь об их ценности и лишь изредка вспоминая о том, как было в период карантина».

Библиография

- Архипова, С.В. (2011): «Ассоциативный эксперимент в психолингвистике» // *Вестник БГУ. Язык, литература, культура* (11). С. 6–9.
- Герд, А.С. (2019): *Большой академический словарь русского языка*. – Санкт-Петербург.
- Горбачевич, К.С. (2005): *Большой академический словарь русского языка*. – Санкт-Петербург.
- Вальтер, Г / Мокиенко, В.М. (2020): «Аксиологическое пространство коронавирусной паремиологии (на славянском фоне)» // *Новые слова и словари новых слов* / Под ред. Козловской. – Санкт-Петербург. С. 33–45.
- Громов, Е.С. (2020): «Коронный потенциал русского языка начала 2020г.» // *Новые слова и словари новых слов* / Под ред. Козловской. – Санкт-Петербург. С. 45–63.
- Колесов, В.В. (1999): *Жизнь происходит от слова*. – Санкт-Петербург.
- Лихачев, Д.С. (1981): *Заметки о русском*. – Москва.
- Лурия, А.Р. (1979): *Язык и сознание*. – Москва.
- Талапова, Т.А. (2005): *Концепт «вера/неверие» в русской языковой картине мира*. – Абакан.
- Фрумкина, Р.М. (2001): *Психолингвистика*. – Москва.
- Черниговская, Т.В. (2021): «Жизнь одна, никаких черновиков» // Доклад в рамках года науки и технологий БФУ им. И. Канта, <https://www.youtube.com/live/aGGcoKQ5qwU> (дата обращения: 14.09.2022).

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Nervousness and Fear of Coronavirus Pandemic as a Communication Factor: A Stylistic Analysis of Discussion Posts of Youth*

Das Thema des Beitrags ist die kollektive Nervosität und Angst vor der COVID-19-Pandemie. Diese stellt einen Faktor dar, welcher das Kommunikationsverhalten der jugendlichen Teilnehmer:innen der ausgewählten Internet-Diskussion beeinflusst. Dieser Faktor beeinflusst auch den Stil einiger Diskussions-Beiträge, die stilistisch überraschend einheitlich erscheinen.

The topic of this paper is the collective nervousness and fear of the COVID-19 pandemic, which is a communication factor that affects the communication behaviour of adolescent and young adult participants in a selected internet discussion. This factor also influences the style of some discussion posts, which have a remarkably uniform style.

The coronavirus pandemic is an unprecedented event that has caused feelings of nervousness and fear in society, especially during the first wave. Through analysing texts that were chosen from a Czech website for adolescents and young adults, this paper argues that the participants' collective experience of fear and nervousness is visible in their communicational behaviour.

* The results presented in the following paper were achieved in the framework of the research *Lexikon a gramatika češtiny IV – 2024* (1368/2023).

Characteristics of the analysed internet discussion

The following stylistic analysis examines posts from an internet discussion which took place on a Czech social media website for adolescents and young adults called *alik.cz*. This website was chosen, because the majority of registered users provide information about their age, gender, etc. on their user profiles, which was relevant for the profile of the analysed target group. *alik.cz* profiles itself as a safe social network with a strong emphasis on security, privacy and prevention of abuse of minors – user activity is constantly monitored by administrators. It has been in existence for 21 years and had approximately 125,000 active users in April 2020. It has an attractive appearance, and offers its visitors various entertainment options such as online games, a chat and a discussion forum.

The discussion of young debaters is different from the discussion of adults on other websites. Young users usually start discussions with simple topics (e.g., What did you have for lunch?; Do you like math?) that last for a relatively short period of time. However, the discussion entitled *New coronavirus from China*, on which this analysis is based, is unique. What makes it unusual, is its considerable duration (in the period from January to August 2020: 215 days) and the large number of contributions (1599). In total, 108 posters participated in the discussion: 38 boys, 45 girls (aged 9–19) and 25 adults (administrators and long-time users). The majority of posts were written by active contributors: 11 girls and 11 boys (1204 posts) as well as 3 adult administrators (125 posts).

Stylistic analysis of chosen discussion posts

Discussion posts as well as other utterances of spontaneous communication are characterized by style¹ variability. However, in the chosen discussion there are two types of discussion posts with strong tendency to stabilisation of style (*type I posts* and *type II posts*). They have two main functions: monitoring current events and showing emotional reactions (especially to the events indicating a negative trend in the pandemic).

Type I posts include short texts with brief information about current events, e.g. the number of infected or recovered people (examples of authentic utterances see in [Table 1](#)). Type II posts are modification of type I posts. They consist of a link and an emoji or a verbal expression of emotion (see [Table 2](#)).

---

¹ In the context of Czech modern stylistics, style is defined as the choice of means of expression and their organization in the text (cf. Krčmová 2003: 17–23).

Date	Nick	Post	
26. 1.	lékařský	Už je to v Rakousku. 🤔 A Rakousko je vedle nás. 🤔	'It's already in Austria. And Austria is next to us.'
1. 3.	rapper454	ono je to v Česku! 🤔 Pomoc! 🤔	'It is in Czechia! Help!'
19. 3.	Veverka-Čiperka123	694 nakažených 🤔 Dneska přibýlo 172. 🤔	'694 of the infected Today, 172 more of the infected ones.'
6. 7.	JáJá1	Je už přes 11 a půl milionu nakažených, to je hrůza. 🤔	'It's already over 11 and a half million infected, that's horrible.'

Table 1: Type I posts.

26. 1.	andyell	LINK to snad ne!! 🤔	'This can't be true!'
31. 1.	Jimin	LINK 🤔	
1. 3.	JáJá1	LINK 🤔	
2. 3.	MedvidekKiki	LINK Koronavirus v ČR 🤔	'Coronavirus in Czechia'

Table 2: Type II posts.

The style of type I posts is strongly influenced by the coronavirus media discourse. The impact of journalistic style norms is reflected in these points:

- use of the standard language forms (non-standard forms are rare) and official character of expressing: neutral or literary expressions are significantly represented, e.g. *z toho nemohu mít radost* × *nemůžu* (coll.) – ›I **can't** be happy about it; *přibývá nejvíce* [nakažených] × *nejvíc* (coll.) – ›**the most** infected people are increasing; *14 úmrtí* × *mrtvých* (coll.) – ›**14** **deceases**‹;
- condensed syntactic structures, e.g. *Klesá počet aktuálně nemocných...* – ›The number of currently diseased is decreasing...‹; *Počet pozitivně testovaných ve světě překročil milion...* – ›The number of the positive tested ones in the world has exceeded one million...‹;
- precise and clear formulations, e. g. authors use numerical data: **1497** *nakažených* **10** *vyléčených*; terminology: **smrtnost** – ›lethality‹, úmrtnost – ›mortality‹, **koronavirus** – ›coronavirus‹, **pandemie** – ›pandemic‹, **nevalidní testy** – ›invalid tests‹, *MERS*, *SARS* (citations and hypertext links see in Table 3);

27. 1.	titin	„Podle Mika Osterholma , ředitele Centra pro výzkum infekčních onemocnění, nemá tento virus zřejmě potenciál způsobit pandemii.“ Zdroj: ct24.ceskatelevize.cz/veda/3036688-jak-moc-je-novy-koronavirus-z-ciny-smrtici-a-existuje-riziko-pro-cesko-nabizime
--------	-----------------------	--

Table 3: Example of type II post with citation and hypertext link.

							
27%	11%	9%	9%	4%	2%	8%	5%

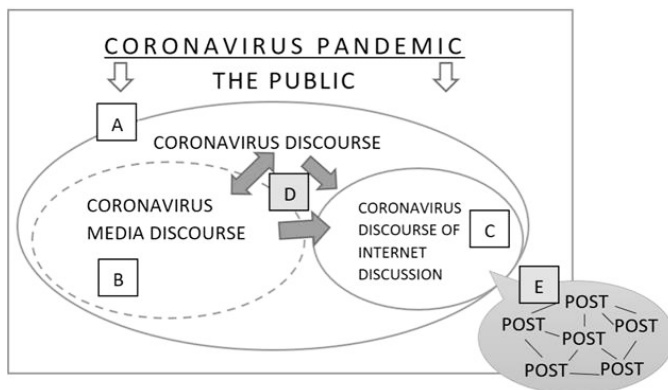
Table 4: Representation of emojis in the type I and II posts.

Related to this, in the posts there are stereotypical formulations, caused by the high frequency of key lexemes and stable sentence patterns. This is significantly associated with the very small range of texts (7 tokens on average), which limits the possibility of stylistic variability. A simple syntactic structure proves this: nominal sentences (verbless clauses) constitute 37%, simple sentences (finite clauses) 25%, combination of them 9%, and compound sentences 15%.

In addition to factual information, the type I and II posts also bring an expression of the emotional attitude of the discussion participants. Negative emotions follow the information indicating a negative trend in the development of the pandemic, and logically there are positive reactions to good news as well. The authors express emotions in most cases nonverbally – through emojis; they use emoticons marginally. They have 36 emojis at their disposal, the type I and II posts are dominated by those that depict sadness and crying (see Table 4).

Verbal expression of feelings is not common. The authors use these means marginally: interjection in the initial position with iteration of grapheme in combination with punctuation (e.g. *jujů* už 10 – ›*yahooo* already 10; *O ou, je to tu že jo???* – ›*O oh*, it's here, right???; *Uffff, v Praze se to zatím prý nepotvrdilo.* – ›*Phewww*, it is said that this has not been confirmed in Prague yet.) or short exclamative sentences (*to snad ne!!* – ›this can't be true!!; *Pomoc!* – ›Help!).

The type I and II posts are characterized by a considerable stylistic stability, which testifies to a significant intertextual activity that contributes to the formation of their own stylistic norms.

Figure 1: Various levels of interdiscursive and intertextual activity.

Interdiscursivity and intertextuality

The coronavirus pandemic has provoked a dynamic debate in society. Based on this debate, the existence of *coronavirus discourse* can be considered (see Figure 1 – A). That is strongly linked to *coronavirus media discourse*² (see Figure 1 – B; supposed subset of coronavirus discourse set) which is characterized by consistent monitoring of current events, especially emphasizing some aspects of the pandemic, such as the number of infected, healed, etc., and also complements this information with a partial evaluation. The public, obtaining information about the pandemic through the media, partially (greater or lesser) ›absorbs‹ the coronavirus media discourse. Logically, it is assumed that the media may have a more significant impact, for example, on children and young people (specifically on the authors of the posts of the analysed internet discussion), as they go through a developmental phase associated with the acquisition of skills and knowledge. Their opinions and attitudes may be an imaginary mirror of the opinions and attitudes of their surroundings. It is supposed that the coronavirus discourse (especially the media coronavirus discourse) has a significant effect on the *coronavirus discourse of the internet discussion* (see Figure 1 – C), specifically on the choice of sub-topics and

2 The *coronavirus discourse* is considered in this paper as an abstract set of utterances and texts on this particular topic (cf. Nekvapil 2017), or as a network of all texts about coronavirus and reactions to them and other reactions (cf. Homoláč 2009: 31–32).

Month of publishing the post	January	February	March	April	May	June	July	August
Total number of all posts	139	242	1059	121	20	7	16	5
Type I posts	14	12	120	17	4	3	1	2
%	10	5	11	14	20	43	6	40
Type II posts	12	18	89	18	0	0	3	0
%	9	7	8	15	0	0	19	0

Table 5: Proportional representation of the type I and II posts in individual months of the observed period.

their evaluation (above, in chapter 3, it was proved that paraphrases of news articles appear in type I posts, hypertext links and citations in type II posts). Collective feelings of nervousness and fear are brought from the public discussion. In addition to external interdiscursive activity (see Figure 1 – D), on the lower level of abstraction, it is also possible to consider internal intertextual action between individual posts (see Figure 1 – E) of the observed internet discussion, which contributes to the forming of own stylistic norms, whose existence can be evidenced by stylistic stability of the type I and II posts.

Nervousness and fear of coronavirus pandemic as a communication factor

Due to its collective nature, emotional reactions to the current events – nervousness and fear of the coronavirus pandemic – permeate across discourses and, as a communication factor,³ influence the communication behaviour of participants in the analysed internet discussion. Its impact is reflected especially in two points: in continuity and quantity of sharing through consistent monitoring current events and proclaiming adverse emotional reactions to these events indicating a negative trend in the pandemic. The type I and II posts constitute 20% of total number of posts of the whole internet discussion, and these posts are significantly represented throughout the discussion (see Table 5).

The stylistic stability of the type I and II posts testifies to the formation of their own stylistic norms within the discussion. In fact, it is a result of shared communication strategy of participants of discussion, who try to cope with the hard situation, and

---

3 In the context of Czech modern stylistics, the communication factor is defined as any circumstance that affects the communication process and thus the resulting style of the text (cf. Minářová 2017).

therefore they inform each other about current events, and share feelings of nervousness and fear. The key to integrating to the group is to create posts with similar content and form. The intensity of collective emotional experience might not necessarily reflect the true intensity of an individual's emotional relation to pandemic events, but it may reflect the effort to reach, and to maintain a collective consensus and virtual friendship within the discussion.

References

- Alik.cz. *Nástěnka: Nový koronavirus z Číny*, <https://alik.cz/n/novy-koronavirus-z-ciny> (accessed August 18, 2020).
- Krčmová, M. (2003): »Styl a stylistika«. In.: Čechová / Chloupek / Krčmová / Minářová: *Současná česká stylistika*. Praha, 17–23.
- Homoláč, J. (2009): *Internetové diskuse o cikánech a Romech*. Praha.
- Minářová, E. (2017): »Stylotvorný faktor«. In: Karlík / Nekula / Pleskalová (eds.): *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*, https://www.czechency.org/slovník/STYLOTVORNÝ_FAKTOR (accessed July 10, 2021).
- Nekvapil, J. (2017): »Diskurz« (2). In: Karlík / Nekula / Pleskalová (eds.): *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*, <https://czechency.org/slovník/DISKURZ> (accessed July 10, 2021).

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

History – история –
historia – dějiny – Geschichte

Ex stirpe Arnolphi imperatoris* – recepcja interpolacji w opisie genealogii św. Jadwigi w tekstach jadwiżańskich epoki wczesnonowożytnej

Die genealogischen Ausführungen bilden einen der interessantesten Bestandteile des der hl. Hedwig von Schlesien gewidmeten hagiographischen Textkorpus, das in verschiedenen Versionen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts überliefert wurde. Der Beitrag konzentriert sich auf die protestantische Interpolation über die Abstammung der hl. Hedwig von Kaiser Arnulf, die seither oft den mittelalterlichen Stammbaum ersetzt hat, wobei die ursprüngliche ideologische Botschaft beibehalten wurde.

The genealogical parts form one of the most interesting components of the hagiographical text corpus dedicated to Saint Hedwig of Silesia that was handed down in different versions until the end of the 18th century. The paper focuses on the Protestant interpolation about Saint Hedwig's descent from Emperor Arnulf, which has since often replaced the medieval family tree, while retaining the original ideological message.

Jedną z ciekawszych zmian zachodzących w wywodach genealogicznych św. Jadwigi prezentowanych w późniejszej tradycji hagiograficznej jest popularna w okresie wczesnonowożytnym interpolacja o pochodzeniu rodziny ojca świętej, księcia Meranii Bertolda II (IV), od cesarza Arnulfa i Karola Wielkiego. Informacja o tych niezwykle słynnych, a jednocześnie na tyle odległych czasowo, że bardzo wątpliwych i trudnych do udowodnienia przodkach księcia Meranii, uzupełniała najbardziej rzucające się w

* Niniejszy artykuł stanowi jeden z wątków przygotowywanej przeze mnie pod opieką dr. Miłosza Sosnowskiego pracy licencjackiej pt.: Genealogia św. Jadwigi – stan badań i perspektywy badawcze.

oczy luki w oryginalnym przekazie traktatu genealogicznego. Uzupełnienie to stało jednak w sprzeczności z założeniami anonimowego autora pierwotnej *Genealogii św. Jadwigi* – integralnej części stanowiącego źródło i podstawę wszystkich późniejszych utworów jadwiżańskich opracowanego przez niego korpusu tekstów hagiograficznych znanych współcześnie pod zbiorczym tytułem *Vita sanctae Hedwigis*.

Bliższe spojrzenie na tekst pierwotnej *Genealogii św. Jadwigi* i dobór zawartych w nim informacji pozwala przypuszczać, że autor zgodnie z przyjętą metodą pracy starał się wystrzegać podawania zmyślonych i niepewnych wiadomości – nawet jeśli miałyby one zwiększać rangę rodu świętej. Odwoływanie się do przodków rzeckomych nie było konieczne – już udokumentowane i dobrze znane współczesnym pochodzenie księżnej wystarczająco potwierdzało znakomitość rodziny, której przymioty święta miała odziedziczyć i przekazać potomnym. Dodawanie w tym miejscu legendarnych przodków bez precyzyjnego przeprowadzenia wywodu z wyliczeniem wszystkich ogniów pośrednich łączących z nimi św. Jadwigę pozbawiłoby utwór jego charakterystycznego, wyjątkowo ścisłego osadzenia w wiarygodnych ramach źródłowych.

W niniejszym artykule chciałbym najpierw przybliżyć charakter *Genealogii św. Jadwigi* i miejsce tego utworu w korpusie tekstów jadwiżańskich, zwracając uwagę na wypływające z niego przesłanie ideologiczne wyrażające ideę *beata stirps*. Następnie zamierzam przyjrzeć się bliżej interpolacji o patrylinearnych przodkach św. Jadwigi oraz jej występowaniu w różnego rodzaju tekstach poświęconych tej świętej w epoce wczesnonowożytnej, a także podjąć próbę odpowiedzi na pytanie o jej pochodzenie i ewentualne zmiany, które wprowadziła w przekazie ideologicznym utworów jadwiżańskich.

Genealogia św. Jadwigi a idea beata stirps

Św. Jadwiga Śląska, urodzona w latach 70. XII wieku w rodzinie hrabiów Andechs i książąt Meranii (wówczas lenników Świętego Cesarstwa Rzymskiego), została w wieku 12 lat żoną piastowskiego księcia Henryka I Brodatego, władcy Śląska – obszaru, na którym w sposób szczególnie wyraźny krzyżowały się ówczesnie wpływy etnicznych i językowych grup niemieckiej i polskiej. Pochodzenie z rodu arystokracji Rzeszy, wżenienie się w polską dynastię panującą, zamieszkanie i działalność na władanym przez małżonka Śląsku, na którym koegzystowały obie wspomniane społeczności, okazały się czynnikami, które w oczach potomnych uczyniły słynącą ze

świętobliwości i działalności dobroczynnej księżną »patronką polsko-niemieckiego pojednania«.¹

Podstawowym źródłem historycznym dotyczącym życia i działalności św. Jadwigi pozostaje poświęcony jej korpus tekstów hagiograficznych, który według aktualnego stanu badań swój ostateczny kształt uzyskał około roku 1300 (choć jego główny zrąb opierać się miał na tekstach wcześniejszych, powstających już podczas starań o kanonizację księżnej). Jak dotąd pierwotny średniowieczny korpus doczekał się szeregu badań,² wydań pojedynczych rękopisów oraz trzech względnie kompletnych edycji, z których ostatnią i najpełniejszą przygotował jeszcze w XIX wieku Aleksander Semkowicz.³

Stałym, występującym w większości kodeksów elementem tego korpusu był traktat znany pod zwyczajowym tytułem *Genealogia św. Jadwigi* zawierający wyliczenie: (1) agnatywnych przodków wywodzącej się z dynastii Wettinów matki świętej aż do szóstego pokolenia, (2) jej krewnych – przedstawicieli poszczególnych gałęzi wspomnianego rodu żyjących aż do końca XIII wieku, a także (3) należących do różnych linii dynastii Piastów potomków księżnej. Autor traktatu zgodnie ze sformułowaną we wstępie zapowiedzią starał się raczej wiernie trzymać informacji zaczerpniętych z wiarygodnych źródeł – starych kodeksów i relacji »wiedzących«, wyraźnie informując o ich ewentualnym deficycie, niż uciekać się do domysłów. Właśnie ze względu na rzetelność traktat jest powszechnie uważany za godny zaufania pod względem trafności opisywanych powiązań genealogicznych (por. Jasiński 1984: 195–204).

Równie ważne co kwestia wiarygodności treści genealogicznych zawartych w traktacie jest pytanie o przyczyny powstania tej części dzieła i jego przekaz ideologiczny. W świetle ostatnich dekad badań nad średniowiecznymi utworami hagiograficznymi dostrzeżona została przewijająca się w nich idea *beata stirps* (tj. rodu, w obrębie którego świętość była dziedziczona), która została opisana najpełniej w pracach André Vauchez’a i Gábora Klaniczaya (por. Vauchez 1977; Vauchez 1997: 158, 173–183; Klaniczay 2002). Według nich idea ta wywodzić się miała z wczesnośredniowiecznej tradycji wiążącej świętość z przymiotami wynikającymi ze szlacheckiego pochodzenia. Choć na terenach śródziemnomorskich już od końca XII wieku świętymi coraz częściej

---

1 Określenie to zyskało popularność w publicystyce katolickiej (por. Wojtas 2015; Białkowski 2017).

2 Żywość św. Jadwigi doczekała się bardzo obszernej literatury, której znaczna część omówiona została w pracy Michalski 2004; godne uwagi są publikacje zawarte w zbiorach: Bobowski / Kaczmarek 1995 lub Araszczuk 2017 – tam też dalsze wskazania bibliograficzne.

3 *Vita sanctae Hedwigis* [Semkowicz, A. (wyd.)] (1884). W: *Monumenta Poloniae Historica*, tom 4, s. 501–655 (*Vita maior*, s. 510–633; *Vita minor* s. 634–642; *Tractatus sive speculum genealogie* [...], s. 642–651; tablice genealogiczne do traktatu, s. 652–655).

zostawały osoby spoza kręgów dynastycznych i szlacheckich, to na północ od Alp na ołtarze wynoszeni byli nadal głównie przedstawiciele elit. W połączeniu z przypisywaniem poszczególnym rodom szczególnych predyspozycji do świętości (w związku ze znaczną ilością kanonizowanych i czczonych krewnych) prowadziło to do istotnego wzrostu prestiżu takich »świętych« dynastii, służącego nieraz ich »legitymizacji poprzez sakralizację« (por. Michalski 2004: 164–180). Szczególny wyraz przekonania o związku znakomitości pochodzenia, świętości i łask przekazywanych drogą dziedziczenia dał autor pierwotnej wersji korpusu tekstów jadvizańskich na początku swojego dzieła, pisząc o świętej jako o »wybornym owocu ze szlachetnego drzewa, który zachował swoje przymioty dla potomnych« (*Vita sanctae Hedwigis* 1884: 512).

Geneza interpolacji o Arnulfie i jej znaczenie dla przesłania wyvodu genealogicznego św. Jadwigi

Koncepcja dziedziczenia uzupełniająca się ze znakomitym pochodzeniem świętości okazywała się niezwykle użyteczna pod względem ideologicznym. Zawarty w korpusie tekstów jadvizańskich traktat genealogiczny prezentował szlachetne pochodzenie świętej i jej znakomite ustosunkowanie rodzinne wśród współczesnych autorowi dynastów, jednocześnie wyliczając partycypujących w jej świętości potomków z dynastii Piastów. Tekst ten był bardzo atrakcyjny pod względem propagandowym dla przedstawicieli śląskiej linii Piastów, którzy (jak Ludwik I brzeski) nieraz zlecali jego powielanie (por. *Vita sanctae Hedwigis* 1884: 501; Klaniczay 2002: 220–221).

Upływ czasu prowadził do zacierania się pamięci o osobach występujących w *Genealogii św. Jadwigi*. Po śmierci część z nich popadała z biegiem lat w zapomnienie, a ci najpopularniejsi obrastali legendą. Wygasały również poszczególne linie rodów opisanych w *Genealogii*, a imiona i tytułatura ich przedstawicieli mówiły coraz mniej późniejszym czytelnikom. Można przypuszczać, że często nie mogli oni powiedzieć o tych osobach nic więcej poza wyczytanymi w *Genealogii* imionami. Tylko identyfikacja poszczególnych rodów mogła im pozwolić na skojarzenie wzmiankowanych postaci z ich współczesnymi krewniakami. Wyjątek stanowili tu jedynie czytelnicy dobrze rozeznani w zawiłościach genealogii dynastycznej.

Do tego zerwania związku pomiędzy genealogiczną przeszłością a współczesnością dla późniejszych odbiorców przyczynić się mogło zaniechanie uzupełniania w kolejnych kopiach *Genealogii* informacji genealogicznych o potomkach świętej z okresu po spisaniu oryginalnego tekstu (czego poza dwoma czternastowiecznymi wy-

jątkami w zasadzie nie praktykowano). Rozbudowana genealogia, w każdym następnym pokoleniu coraz mniej rozumiała dla nieprzygotowanych czytelników, przedstawiała stały element zbiorów jadwiżańskich. W późniejszych kodeksach często ją pomijano, zadowalając się skróconym wywodem genealogicznym z początku Żywota Większego. Nawet on ulegał jednak niekiedy mechanicznym skróceniom. Późniejszym odbiorcom wystarczało samo wspomnienie szlachetnego pochodzenia św. Jadwigi bez dokładnego odwoływania się do jej rodowodu.

Można sądzić, że z tej właśnie przyczyny, kiedy *Genealogia* straciła dla późniejszych odbiorców walor umocowania źródłowego, a jej bohaterowie stali się dla nich abstrakcyjni, otworzyła się droga do uzupełnienia wywodu o bardziej znane, owiane legendą postaci, które swoimi imionami lepiej »firmowały« szlachetność pochodzenia św. Jadwigi. W taki sposób można spojrzeć na wzmianki o cesarzu Arnulfie i Karolu Wielkim jako przodkach Bertolda, ojca św. Jadwigi. Po raz pierwszy w sposób dający się datować zostały one umieszczone zamiast pierwotnej *Genealogii* w opisie życia świętej w tekście *Brevis expositio stirpis et vitae Beatae Hedvigis*, stanowiącym część wielkiego dzieła *Gentis Silesiae Annales* Joachima Cureusa (1532–1573). Powołanie się na jej pochodzenie:

Fuit familia paterna ex stirpe Arnolphi imperatoris nati ex posteritate
Caroli Magni [...]. Is habuit filium naturalem Rapoldum conditorem stirpis
Andechessanae in Bauaria⁴ (Cureus 1571: 73)

stało się dla odbiorców dobitnym dowodem bardzo wysokiego urodzenia księżnej.

Cureus, syn sukiennika, po studiach w Wittenberdze (gdzie był uczniem Filipa Melanchtona i Caspara Peucera), Padwie i Bolonii zasłynął jako lekarz, teolog i historyk sprzyjający rozwojowi reformacji na terenach śląskich. Pod koniec życia, mimo niechęci do pracy dydaktycznej, na zaproszenie księcia Jerzego II przybył jako wykładowca do Brzegu, gdzie zmarł w stosunkowo młodym wieku (por. Kasprowska-Jarczyk 2011: 19–93). W spisanych pod koniec życia *Gentis Silesiae Annales*, swej najsłynniejszej pracy historycznej, wykazywał on m.in. odrębność Śląska od Polski, uzasadniając to »pragermańskością« ziem śląskich. Wyróżniający się w jego dziele tekst *Brevis expositio stirpis et vitae Beatae Hedvigis* stanowił bezprecedensową reinterpretację żywota św. Jadwigi w duchu luteranśkim. Cureus krytykował dotychczasowe teksty jadwiżańskie

---

4 Tłum. aut.: »Rodzina ze strony ojca była z rodu Arnulfa cesarza zrodzonego z potomstwa Karola Wielkiego [...]. Miał on syna naturalnego Rapolda, założyciela rodu andechskiego w Bawarii«.

[»ipsa historia, qui in templis legitur«⁵ (Cureus 1571: 72)], zarzucając im naiwność. W związku z tym, częściowo opierając się na nich, częściowo z nimi polemizując w duchu luteranśkim, a częściowo je racjonalizując, napisał nową wersję żywota, pozwalającą nadal czcić księżną jako pobożną, umiłowaną »matkę ojczyzny« (por. Harasimowicz 1995: 400–403; Gottschalk 1959: 1–15).

Atakując materiał źródłowy za opisywanie mało prawdopodobnych, cudownych zdarzeń, Cureus uzupełnił jednocześnie swoje dzieło o informacje legendarne w miejscach, w których teksty jadvizańskie trzymały się zwykle wiernie źródeł. Wzmianka o pochodzeniu rodu hrabiów Andechs od niejakiego Rapolda, naturalnego syna cesarza Arnulfa z Karyntii, który z kolei był potomkiem Karola Wielkiego, przy jednoczesnym uznaniu przodków matki świętej, margrabiów wschodnich, za margrabiów Austrii, mimowolnie wzmacniała w żywocie przekaz ideologiczny podobny do dawnej idei *beata stirps*. W połączeniu z zawartą w tekście pochwałą potomków św. Jadwigi, książąt legnickich, jako prawowitej linii potomków królów Polski, popularność tego utworu podnosiła prestiż władzy tej gałęzi Piastów z racji ich znakomitego »cesarskiego i świętego« pochodzenia. Za sprawą wspomnianej re-interpretacji żywota świętej, renomy wynikającej z pochodzenia od niej nie osłabiała nawet przejście Piastów śląskich na luteranizm.

Praca Cureusa spotkała się z ostrą reakcją katolickich środowisk intelektualnych. Zarzucano mu »uczynienie dobrej luteranki« z katolickiej świętej (por. Małecki 2011: 48–51; Kasprowska-Jarczyk 2011: 92–93). Polemikę z całością dzieła podjął Marcin Kromer (1512–1589) w traktacie *Polonia, sive de situ [...] z 1577 roku*. Z właściwą sobie erudycją skrytykował on główne założenia pracy śląskiego historyka oraz protestanckie wpływy w jego utworze – w tym podążanie za »wątpliwymi« autorytetami, »z jego nauczycielami Melanchtonem i Peucerem« na czele [»cum praeceptoribus suis Melanchthone et Peucero« (Kromer 1577: B-Bijv)]. Jak się okazuje, to właśnie z ich *Chronicon Carionis* Cureus zaczerpnął informacje o przodkach rodu książąt Meranii. Praca ta, ciesząca się ogromną popularnością w protestanckich kręgach intelektualnych wczesnej nowożytności, w oryginale pozbawionym jeszcze informacji o takich potomkach Arnulfa spisana została po niemiecku przez Johanna Cariona (1499–1537) na prośbę Melanchtona (1497–1560). W krótkim czasie okazało się jednak, że przestała ona spełniać stawiane jej wymagania, wobec czego po śmierci Cariona Melanchton postanowił osobiście dokonać jej łacińskiej przeróbki z uzupełnieniami, wydawanej partiami pod tytułem upamiętniającym autora pierwotnego

---

5 Tłum. aut.: »ta historia, która jest czytana w świątyniach«.

dzieła. Śmierć Melanchtona w 1560 roku zmusiła jego ucznia i współpracownika Peucera (1525–1602) do zredagowania i ukończenia pracy na podstawie materiałów pozostawionych przez Melanchtona (por. Lotito 2019: 207–280). Częścią ukończoną już przez Peucera była wydana po raz pierwszy w 1562 roku *Tertia pars Chronici Carionis*, z której wzmiankę o pochodzeniu rodu Andechs w niemal niezmienionej postaci zaczerpnął do swojej pracy pewny jej naukowej wartości Cureus:

[Arnolphus] habuit et Rapoldum filium conditorem stirpis Andechsiane in Bauaria [...]. Ex eadem familia nate sunt sororem [...] et Sancta Heduigis, nupta Henrico Barbato duci Silesiae.⁶ (Melanchton / Peucer 1562: 73v)

Inne przykłady występowania interpolacji o Arnulfie

Przez dwa stulecia, które upłynęły od czasu publikacji dzieła Cureusa, zawarte w nim wzmianki dotyczące genealogii św. Jadwigi przeniknęły do prac innych autorów (także katolickich). Znamiennym przykładem jest tu trzecia drukowana wersja niemieckojęzyczna żywota świętej wydana przez Matthaeusa Zeidlera (1626–1697) w 1686 roku, która w przeciwieństwie do dwóch poprzednich nie zawierała pierwotnej *Genealogii*, zawierała natomiast informację o pochodzeniu św. Jadwigi od cesarza Arnulfa:

Die vätterliche fürtreffliche Familia ist gewachsen/ von dem großmächtigen Stammhauß Kaysers Arnolphi, welcher ein Nachkömmling war des Caroli M.⁷ (Zeidler 1686: 19)

Z tego właśnie wydania korzystali, poczynając od Martina Florianana Rimplera, liczni późniejsi pisarze religijni tworzący dzieła poświęcone św. Jadwidze.

Rimpler, licencjat teologii i duszpasterz w Ottendorff, w 1697 roku napisał 24 dyskursy poświęcone św. Jadwidze (rozszerzone i wzbogacone o gotowy materiał kaznodziejski przystosowany do tekstów biblijnych przeznaczonych na konkretne niedziele roku liturgicznego) pod tytułem *Patrocinale Silesiae* (por. Gaj 2007: 166–169). Część jego dzie-

---

6 Tłum. aut.: »[Arnulf] miał i syna Rapolda, założyciela rodu andeckiego w Bawarii [...]. Z tejże rodziny urodziły się siostry [...] i święta Jadwiga, zaślubiona Henrykowi Brodatemu, księciu Śląska«.

7 Tłum. aut.: »Znakomita ojcowska rodzina wyrosła z potężnego rodu cesarza Arnulfa, który był potomkiem Karola Wielkiego«.

ła poświęcona żywotowi św. Jadwigi, a zaczerpnięta wedle autora od Zeidlera, zawiera wywód genealogiczny dobrze znany z Cureusa, z identyczną wzmianką:

Fuit familia paterna ex stirpe Arnolphi imperatoris nati ex posteritate Caroli Magni⁸. (Rimpler 1697: 1)

Z Zeidlera korzystał również przy pisaniu swojego dzieła *Exempel der Schlesier* wzorujący się na Rimplerze jezuita z Twardocic Karl Xaver Regent (1689–1752), znany również z działalności misyjnej skierowanej przeciwko wyznawcom nauk Caspara Schwenckfelda (por. Harasimowicz 1995: 400). Na początku części jego dzieła poświęconej żywotowi św. Jadwigi także on zawarł niemal identyczną jak u Zeidlera wzmiankę:

Die vätterliche Familia ist gewachsen von dem großmächtigen Stammhauß Kayzers Arnolphi, welcher ein Nachkömmling war des Caroli Magni.⁹
(Regent 1723: 1)

W szczególnie rozbudowanej i erudycyjnej formie interpolacja o Arnulfie przeniknęła do pracy Ludwika Jerzego Miskiego (1692–1768) z 1724 roku zatytułowanej *Zwierciadło przykładowości*. Utwór ten, dedykowany ksieni trzebnickiej Benedykcie Mariannie Biernackiej, był najobszerniejszym dziełem tego znakomicie wykształconego franciszkanina konwentualnego z Opola (por. Rok 1995: 257–258). Rozbudował on interpolację o dodatkowe wiadomości na temat Arnulfa z Karyntii oraz Karola Wielkiego, jeszcze bardziej podkreślając przez to ich rolę w wywodzie:

Ta prześwietna familia Bertholda S. Jadwigi Oyca swoy początek miała od Arnolfa Rzymskiego Cesarza oraz Francyej Wschodniey Monarchy [...]. Ten Arnolfus szedł z potomstwa Karola Wielkiego Cesarza [...]. (Miske 1724: 9).

Informację tę przejmuję za Miskiem w formie skróconej druk z 1780 roku, zawierający krótki żywot św. Jadwigi i zbiór modlitw, opisany bliżej przez Bogdana Roka (por. Rok 1995: 258–259). Interpolacja w tym dziele jest jednak mechanicznie ucięta po pierwszym zdaniu:

---

8 Tłum. aut.: »Rodzina ze strony ojca była z rodu Arnulfa cesarza zrodzonego z potomstwa Karola Wielkiego«.

9 Tłum. aut.: »Ojcowska rodzina wyrosła z potężnego rodu cesarza Arnulfa, który był potomkiem Karola Wielkiego«.

Ta prześwietna familia Bertholda S. Jadwigi Oyca swoy początek miała od Arnolfa Rzymskiego Cesarza. (Świątobliwy żywot 1780: 7).

Ostatnim godnym uwagi przykładem występowania interpolacji o Arnulfie są dwie zaginione obecnie wczesnonowożytnie tablice z kościoła przyklasztornego w Trzebnicy opisane w XIX wieku przez Aloysiusa Bacha. Jedna z nich, w której Wojciech Mrozowicz dostrzegł najmłodszą redakcję tzw. *Rocznika trzebnickiego*, zawiera interpolację w formie identycznej jak u Rimplera (por. Mrozowicz 2004: 322, 326), druga natomiast zawiera zwrot w niespotykanej nigdzie indziej formie:

Genus illi augustum a Carolo Magno per Arnulphum Caes. et. March.
Meraniae¹⁰ (Bach 1859: 95).

Podsumowanie

Powtarzająca się w licznych tekstach interpolacja o Arnulfie była najpopularniejszym zniekształceniem w sposobie prezentacji rodowodu św. Jadwigi w epoce wczesnonowożytnej. Mimo protestanckiej proveniencji przeniknęła ona do katolickich opisów życia i działalności św. Jadwigi, a nawet na tablice umieszczone w kościele przyklasztornym w Trzebnicy, wypierając przy tym wiarygodną pierwotną *Genealogię św. Jadwigi*. Nastąpiło to zapewne ze względu na jej zwięzłość i atrakcyjność – dwaj niezwykle popularni wczesnośredniowieczni władcy byli przodkami znacznie sugestywniej działającymi na wyobraźnię większości ówczesnych odbiorców niż prawie zupełnie już anonimowi poświadczeni źródłowo przodkowie i krewni świętej. Interpolowana wzmianka genealogiczna lepiej akcentowała znakomitość rodu, z którą w parze szły zgodnie z ideą *beata stirps* dziedziczone przymioty świętości. Na przeszkodzie odwoływaniu się do pochodzenia od św. Jadwigi nie stało nawet przejście jej potomków, Piastów legnickich, na luteranizm. Interpolacja zachowała swoją popularność aż do epoki naukowych badań nad żywotem świętej, rozpoczętej przez Samuela Beniamina Klosego wraz z publikacją w 1781 roku jego krytycznego wobec nowożytnych przekazów jadvizańskich dzieła *Von Breslau. Dokumentierte Geschichte und Beschreibung* (por. Klose 1781: 399–414).

---

10 Tłum. aut.: »Pochodzenie jej dostojne od Karola Wielkiego przez Arnulfa cesarza i margrabiów Meranii«.

Bibliografia

Źródła historyczne

- Cureus, J. (1571): *Gentis Silesiae Annales, Complectenses Historiam de Origine, Propagatione et Migrationibus Gentis & Recitationem Paraeciporum Eventuum, Qui In Ecclesiae & Republica usque ad Necem Luvovici Hungariae & Bohemiae Regis Acciderunt. Contexti ex Antiquitate Sacre et Ethnica, et ex Scriptis Recentioribus: Ioachimo Cureo Freistadiensi, Philosopho et Medico in Incluta urbe Glogoviensi. Cum Privilegio Caesareo amplissimo ad annos X. Witebergae M.D.LXXI*, <https://nzt.net/ark:/13960/s2od8g2pfs1> (dostęp: 29.11.2024).
- Klose, S. B. (1781): *Von Breslau. Dokumentierte Geschichte und Beschreibung. In Briefen. Erster Band: Mit Kűpfern*. Breslau, <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:bvb:12-bsb10013396-o>.
- Kromer, M. (1577): *Polonia sive de situ populis, moribus, magistratibus, et respublica Regni Poloniae libri duo. Adiuncta est sacerdotis cuiusdam Poloni ad lectorem admonitio de Silesiorum novis annalibus. Coloniae. Anno MDLXXVII*, <https://nzt.net/ark:/13960/s2r1qb84d1n> (dostęp: 25.11.2024).
- Melanchton, Ph. / Peucer, C. (1562): *Tertia Pars Chronici Carionis, a Carolo Magno, ubi Philippus Melanthon desiit. usque ad Fridericum Secundum. Exposit & Aucta a Casparo Peucer. Witebergae Anno MDLXII*.
- Miske, L. J. (1724): *Zwierciadło Przykłađności, to iest: Świątobliwy Żywot Wielkiej Słżebnice Boskiej S. Iadwigi przedtym Polskiej, y Słżskiej Xiężny, á teraz Osobliwej Patronki, Sławnego Klasztoru Trzebnickiego dla Zakonníc S. Cystercyenskigo Zakonv Nayszczodroblivszey Fvdatorki przez X. Ludwika Miske Świątey Theologię Doktorá, Regentá Poznáńskigo, y Definitorá Prowincyey Zakonu Bráći Mnieyszych Świątego Franciszka Conventualium Napisany, y przez Drukárską Prásę przed oczy łaskáwých Czytelnikow z Dozwoleniem Starszych Wystawiony. Roku Páńskigo 1724. w Krakowie, w Drukárni Ianá Domáńskigo I. K. M. Typográfá*.
- Regent, K. X. (1723): *Exempel der Schlesier, Oder Vorstellung der fürnehmsten Christlichen Tugenden, welche die vormahlen Durchleuchtigste Hertzogin in Schlesien, anjetzo Glorwürdigste Himmels-Fürstin, Gnädigste Schutz-Frau und Landes-Mutter S. Hedwig zur Lebens-Zeit heylsam geübet, und nach dem Tod zur Nachübung hinterlassen, In eine Trost-reiche Frucht-bringende Andacht, besonders vor die nach Closter Trebnitz Wallfahrtende Catholische Christen eingerichtet. Neyße*, <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000808100000000>.
- Rimpler, M. F. (1697): *Patrocinale Silesiae Et Poloniae Seu Discursus Praedicabiles, Honori Serenissimae Poloniae & Silesiae Ducissae S. Hedwigi Magnae pauperum Patronae, & afflictorum Matri, Sacrati & virtutibus coruscantibus facile accommodabiles, ideoque; fusiores, ut Selectus pro aliis materiis serviat Lectori; Marginalibus fusissimis, indice copiosissimo, Scripturae & Sanctorum Patrum Autoritate roborati, Apophtegmatum historiarum, ac alia curiosa materia locupletati: cum reductorio ad alios conceptus praedicabiles, Norimbergae, sumptibus Joannis Hoffmann, Bibliopolarae norimbergensis, Anno M.DC.XCVII*, <https://mdz-nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bvb:12-bsb10693038-4>.
- Świątobliwy żywot wielkiej służebnice boskiej S. Iadwigi polskiej i słżskiej xiężnej fundatorki y osobliwej patronki sławnego klasztoru trzebnickiego S. Zakonu Cysterskiego przez drukarską prásę przed oczy łaskawých czytelników roku páńskiego 1780 za dozwołeniem starszych wystawiony. We Wratławiu w Drukarni Iana Kreuzra, Biskupskiego Typografa.
- Vita sanctae Hedwigis [Semkowicz, A. (wyd.)] (1884): W: *Monumenta Poloniae Historica*, tom 4. Lwów, s. 501–655.
- Zeidler, M. (1686): *Tugendreiches Leben, Und fürtreffliche Wunderthaten, Vor-Bey- und nach dem Ableiben, Der Hoch-heil. und Hoch-mächtigen Himmels-Fürstin Hedwigis, Unserer gnädigsten Schutz-Frauen, Und Allgemeinen Mutter aller Bedürftigen. Anno 1686. Glatz. Gedruckt bey Andreas Pegen*, <https://nzt.net/ark:/13960/s25h8g9qd510> (dostęp: 29.11.2024).

Literatura sekundarna

- Araszczuk, S. (red.) (2017): *Wkład św. Jadwigi w kulturowe dziedzictwo Śląska*. Wrocław.
- Bach, A. (1859): *Geschichte und Beschreibung des fürstlichen jungfräulichen Klosterstiftes Cistercienser Ordens in Trebnitz aus den Stifts-Urkunden und anderen bewährten Schriften*, hrsg. von A. Kastner, Neisse, [https://hdl.handle.net/2027/uc1.\\$b155634](https://hdl.handle.net/2027/uc1.$b155634).
- Białkowski, K. (2017): *Patronka pojednania*, <https://wroclaw.gosc.pl/doc/3842672.Patronka-pojednania> (dostęp: 31.07.2021).
- Bobowski, K. / Kaczmarek, M. (red.) (1995): *Księga Jadwiżańska. Międzynarodowe Sympozjum Naukowe »Święta Jadwiga w dziejach i kulturze Śląska«*. Wrocław-Trzebnica 21–23 września 1993 roku. Wrocław.
- Harasimowicz, J. (1995): »Kult świętej Jadwigi Śląskiej w okresie reformacji i odnowy trydenckiej Kościoła«. W: Bobowski / Kaczmarek (red.): *Księga Jadwiżańska. Międzynarodowe Sympozjum Naukowe »Święta Jadwiga w dziejach i kulturze Śląska«*. Wrocław-Trzebnica 21–23 września 1993 roku. Wrocław, s. 387–406.
- Gaj, B. (2007): *Tradycje retoryczne na dawnym Śląsku (XVI–XVIII wiek)*. Katowice / Opole.
- Gottschalk, J. (1959): »Die älteste protestantische Lebensbeschreibung der hl. Hedwig vom Jahre 1571«. W: *Archiv für schlesische Kirchengeschichte* (17), s. 1–15.
- Jasiński, K. (1984): »Genealogia Św. Jadwigi. Studium źródłoznawcze«. W: Chłopocka / Kürbis (red.): *Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich*. Poznań, s. 195–204.
- Lotito, M. A. (2019): *The Reformation of Historical Thought*. St. Andrews.
- Kasprowska-Jarczyk, M. (2011): *Wokół Gentis Silesiae annales Joachima Cureusa. Z dziejów szesnastowiecznej historiografii Śląskiej*. Katowice.
- Klanczay, G. (2002): *Holy rulers and blessed princesses. Dynastic cults in Medieval Central Europe*. Tłum. z jęz. węgierskiego: E. Palmai. Cambridge.
- Małecki, A. (2011): »Mity etnogenetyczne w samoświadomości historycznej na przykładzie historiografii i polsko-niemieckiego pogranicza w XVI w.«. W: *Sensus historiae* (3), s. 35–53.
- Michalski, M. (2004): *Kobiety i świętość w żywotach trzynastowiecznych księżnych polskich*. Poznań, <http://hdl.handle.net/10593/8382>.
- Mrozowicz, W. (2004): »Rocznik trzebnicki (*Annales monasterii trebnicensis*)». Z dziejów tradycji tekstu«. W: Wyrwa (red.): *Cysterki w dziejach i kulturze ziem polskich, dawnej Rzeczypospolitej i Europy Środkowej: materiały z siódmej Międzynarodowej Konferencji Cystersologów odbytej z okazji 800. rocznicy fundacji opactwa cysterek w Trzebnicy*. Poznań, s. 319–327.
- Rok, B. (1995): »Św. Jadwiga w polskim piśmiennictwie religijnym czasów nowożytnych«. W: Bobowski / Kaczmarek (red.): *Księga Jadwiżańska. Międzynarodowe Sympozjum Naukowe »Święta Jadwiga w dziejach i kulturze Śląska«*. Wrocław-Trzebnica 21–23 września 1993 roku. Wrocław, s. 251–260.
- Vauchez, A. (1977): »«Beata stirps»: sainteté et lignage en Occident aux XIIIe et XIVe siècles«. W: Duby / LeGoff (red.): *Famille et parenté dans l'Occident médiéval*. Rome, s. 397–406.
- Vauchez, A. (1997): *Sainthood in the later Middle Ages*. Tłum. z jęz. francuskiego: J. Birrell. Cambridge.
- Wojtas, A. (2015): *Św. Jadwiga Śląska – patronka polsko-niemieckiego pojednania*, <https://www.ekai.pl/sw-jadwiga-slaska-patronka-pojednania-polsko-niemieckiego/> (dostęp: 31.07.2021).

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

August der Starke als Grenzgänger

Der polnische Schriftsteller Józef Ignacy Kraszewski widmete einige seiner Werke der *epoka saska*. Dabei warf er den polnischen Königen August II. und August III. wiederholt vor, sie seien ihren königlichen Pflichten nicht nachgekommen. Dieser Beitrag soll dieses Bild am Beispiel der königlichen Aufenthalte im grenznahen Ort Fraustadt widerlegen. Diese Stadt suchte August II. wiederholt auf, um seine Regierungsgeschäfte in Polen zu erledigen, wenn er nicht nach Warschau reisen konnte.

The Polish writer Józef Ignacy Kraszewski dedicated several of his literary works to the Saxon era in Polish history. He repeatedly accused the Polish kings August II and August III of not fulfilling their royal duties. The following paper aims at contradicting this view using the example of the royal stays in the border town of Fraustadt. August II visited this town repeatedly to take care of his governmental business in Poland when he could not travel to Warsaw.

Das Bild, das wir heute von August II. – dem Starken – haben, wurde im deutschsprachigen Raum maßgeblich von den historischen Schriften Friedrichs II. (vgl. Luh 2017: 25–27) und im polnischen Fall von den historischen Romanen des Schriftstellers Józef Ignacy Kraszewski geprägt. In den 1980er Jahren überschritt Kraszewskis Bild der sächsischen Könige die nationale Erinnerungskultur und erlangte dank der DEFA-Filmreihe *Sachsens Glanz und Preußens Gloria* zuerst in der DDR und dann auch in der BRD große Bekanntheit. Diese Filmreihe basiert auf Kraszewskis Sachsentrilogie, also dem Romanzyklus bestehend aus *Gräfin Cosel*, *Brühl* und *Aus dem Siebenjährigen Krieg*, der in den 1870er Jahren entstanden ist (vgl. Munke 2016: 317–318).

Tatsächlich sind diese drei Romane nur ein kleiner Teil der insgesamt 29 historischen Romane, mit denen Kraszewski seinen Lesern die Geschichte des seit 1795 als

Staates nicht existenten Polens von den legendären Anfängen bis ins 18. Jahrhundert vermitteln und sie vor dem Vergessen bewahren wollte. Und auch diese 29 Romane sind nur ein Bruchteil des riesigen Gesamtwerkes des Vielschreibers, das insgesamt ca. 240 Romane in 480 Bänden umfasst. Zudem verfasste er noch etliche andere Schriften wie historische Arbeiten, Novellen, poetische und dramatische Werke sowie politische und literarische Publizistik. Die schiere Masse an Schriftgut erschwert eine umfassende wissenschaftliche Auseinandersetzung mit Kraszewski.

In den 1840er Jahren postulierte Kraszewski zwar, dass sich der historische Roman an historischen Tatsachen und historischer Wahrheit orientieren solle, denn nichts sei so schön wie die Wahrheit, doch in seinen späteren Werken schlug zusehends ein politisches Sendungsbewusstsein durch und die Prämisse der Wahrheit begann zu wanken. Dennoch bildeten historische Recherchen, für die er auch umfangreich in Archiven arbeitete, das Grundgerüst seiner Romane (vgl. Danek 1963: 6–7).

In den 1870er Jahren widmete sich Kraszewski im Dresdener Exil der *epoka saska*. Die Herrschaft der Sachsenkönige zusammen mit dem Egoismus und mangelndem Patriotismus der Magnaten betrachtete Kraszewski als den Kern des Übels, das später zu den Teilungen und zur völligen Auflösung Polen-Litauens geführt hat. Eben diesem mangelnden Nationalbewusstsein wollte Kraszewski mit seinen Schriften entgegentreten.

Eine besondere Abneigung hegte er gegen August II., den Starken. Kraszewski beschrieb den König als barocken Bacchus, Jupiter und Herkules, der außer an wechselnden Frauen, Jagden, Trinkgelagen und opulenten Festen nur wenige Interessen hatte. Zwar habe sich der intrigante August II. durch eine riesige Machtgier ausgezeichnet, aber die Regierungsgeschäfte und das politisch Notwendige erledigten Personen wie Jacob Heinrich von Flemming, die Gräfin Cosel (beiden widmete Kraszewski einen Roman) oder Jan Jerzy Przebendowski. August II. sei stattdessen verkommen, verwildert, gefühllos, sadistisch und tyrannisch gewesen – Eigenschaften, die im Gegensatz zur idealisierten Szlachta stehen (vgl. Munke 2016: 331).

Vor allem Polen-Litauen hätte ihm bis auf die Krone wenig am Herzen gelegen. Auch die Handlung des in Deutschland bekanntesten Romans *Gräfin Cosel* spielt überwiegend in Sachsen. Dabei hielt sich August II. nach Berechnungen von Mariusz Markiewicz 59% seiner Herrschaftszeit auf dem Gebiet der Rzeczpospolita auf. Zwischen 1717 und 1721 gibt es aber eine Phase, in der sich der König nur wenig in der Rzeczpospolita aufhielt. Dennoch wurden die Regierungsgeschäfte weiterhin von ihm erledigt (vgl. Markiewicz 1988: 18). Im Folgenden soll dargelegt werden, wie dies trotz nur geringer Anwesenheit gelang und warum daraus kein Desinteresse an den polnischen Staatsgeschäften gefolgert werden kann.

Probleme der Anwesenheit

Wasza królewska mość ma dwa domy i dwa państwa, jedno w Dreźnie, drugie tu [w Warszawie]; należałoby i wypada dla kompletu mieć i dwie panie.¹ (Kraszewski 1888: 158)

Damit beschrieb Kraszewski durch Augusts Kabinettsminister Friedrich Vitzthum eine der Problematiken der sächsisch-polnischen Union am Beispiel von zwei Geliebten: nämlich sowohl über Polen als auch über Sachsen zu herrschen.

Multiple Herrschaften, wie die polnisch-sächsische Personalunion, waren in der Frühen Neuzeit keine Seltenheit und stellten die Herrscher und ihre Herrschaftspraxis vor immer neue Herausforderungen. Dabei entstanden unterschiedliche Modelle; meist waren die Grenzen kaum spürbar oder es kristallisierte sich ein klares Haupt- und Nebenland heraus. Im Falle von Polen-Sachsen gestaltete es sich jedoch etwas komplizierter. Eine klare Über- oder Unterordnung Sachsens und Polen-Litauens war zum Ende des 17. Jahrhunderts nicht einfach, im Prestige überwog ganz klar das Königreich, in ökonomischen Fragen jedoch das Kurfürstentum. August II. entschied, über beide Länder herrschen zu wollen (vgl. Duchhardt 1997: 4; Rexheuser 2005: 19; Whaley 2018: 96). Angesichts der frühneuzeitlichen Ansprüche an Anwesenheit und Möglichkeiten der Mobilität und Kommunikation stellte das kein einfaches Unterfangen dar (vgl. Schlögl 2004: 194, 211).

Zwar bemühte sich August II. intensiv durch die Schaffung eines effektiven Postsystems zwischen Warschau und Dresden, den eigenen »Handlungsradius« über die großen Distanzen hinweg zu beschleunigen und zu erleichtern (vgl. Laak 2001: 371), aber sowohl in Polen als auch in Sachsen war, im Sinne Schlögl's Definition von Herrschaftskommunikation als »Kommunikation unter Anwesenden« (Schlögl 2004: 193), die Anwesenheit des Königs von den Ständen bzw. der auf ihre ständische Freiheit bedachten Szlachta gefordert (vgl. Staszewski 1997: 215; Staszewski 2005: 38). Während August II. in Sachsen Fürst Anton Egon von Fürstenberg als Statthalter über seine vorübergehend schwachen Stände einsetzen konnte (vgl. Czok 1990: 43), konnte der König in seinen ersten Regierungsjahren bis auf den Zeitraum seiner erzwungenen Abdankung die meiste Zeit persönlich in Polen verbringen, um seine Position zu festigen (vgl. Frost 2017: 426–427). Eine konkrete politische Frage wurde die Anwesenheit

---

1 Dt. Übers. des Verfassers: »Eure königliche Majestät hat zwei Häuser und zwei Länder, eines in Dresden, eines hier in Warschau; es wäre angebracht und gehört sich zur Komplettierung auch zwei Damen zu haben.«

erst infolge des Bürgerkrieges im Warschauer Friedenstraktat von 1716, das im Folgejahr auf dem Stummen Sejm von allen Seiten ratifiziert wurde.

Vor allem die vielen sächsischen Beamten, die den König umgaben, beunruhigten die Szlachta, ebenso wie die Möglichkeit, Polen jederzeit zu verlassen und von Sachsen aus zu regieren. Diese Unzufriedenheit fand ihren Niederschlag in den Bestimmungen des Stummen Sejms. Dieser Pazifikationssejm beschränkte die Union rein auf die Person des Königs. Die Aufenthaltsbestimmungen Augusts II. wurden verschärft und Auslandsreisen sollten minimiert werden. Der König wurde verpflichtet, alle zwei Jahre einen Sejm abzuhalten und nicht ohne Klärung der für die Republik wichtigsten Fragen nach Sachsen abzufahren. Darüber hinaus wurde dem König vorgeschrieben, sich höchstens entweder drei Monate jeden Jahres oder sechs Monate alle zwei Jahre in Sachsen aufzuhalten. Außerdem wurde dem König verboten, für die Rzeczpospolita wichtige Angelegenheiten in Sachsen zu behandeln. Eine Ausnahme bildeten Krankheiten und die Zeit »dla poratowania zdrowia« (für die Errettung der Gesundheit). Dem König wurden zwei Senatoren als ständige Begleiter zur Seite gestellt, die ihn auch auf Reisen ins Ausland begleiten sollten (vgl. Markiewicz 2005: 62; Volumina Legum 1860: 239–240).

Entgegen diesen Bestimmungen reiste August aber anschließend nach Sachsen ab und blieb dort längere Zeit. Nachdem die Rzeczpospolita befriedet war, mussten die Verhältnisse in Sachsen geregelt werden, das er für die Rückgewinnung der polnischen Krone und den anschließenden Bürgerkrieg vernachlässigt hatte. Ein zentrales Problem war die Erstarkung der sächsischen Landstände, auf deren Geldbewilligungen der Kurfürst angewiesen war. Es zeigte sich, dass die sächsischen Landstände keineswegs so unterwürfig waren, wie polnische Beobachter annahmen, wenn sie die absolute Herrschaft Augusts in Sachsen beschrieben. Ähnlich wie beim Stummen Sejm waren die sächsischen Landstände zusammengetreten und beschlossen ihrerseits, die Union auf die Person des Königs zu begrenzen. Während der Landesherr zuvor fast nach Belieben walten und schalten konnte, war das eine Machtdemonstration der Landstände. Das Verhältnis zu den Landständen war zusätzlich durch das Bekanntwerden des geheimen Übertritts des Prinzen Friedrich Augusts II. zum Katholizismus angespannt, durch den die Landstände die lutherische Konfession gefährdet sahen. Außerdem wurde August durch den Tod der Königinmutter Anna Sophia in eine tiefe persönliche Krise gestürzt und politisch zeitweise gelähmt. So verbrachte er das Jahr 1717 fast vollständig in Sachsen. Die Folge war eine gesteigerte Anwesenheit in Sachsen und die Einrichtung einer polnischen Kanzlei in Dresden (vgl. Staszewski 1998: 199, 204; Dürichen 1930: 119).

Zwar begab sich August 1718 wieder zum Sejm nach Polen, doch schon 1719 verbrachte der König fast das ganze Jahr in Sachsen, um die Hochzeitsfeierlichkeiten seines Sohnes vorzubereiten. Nach der Rückkehr Friedrich Augusts II. von seiner Kavaliertour und der Ehe mit Maria Josepha von Österreich übernahm der Kronprinz die Regierungsgeschäfte, und der König hatte wieder mehr Zeit, sich der Rzeczpospolita zu widmen (vgl. Staszewski 1998: 215).

Lösung des Anwesenheitsproblems

Trotz der in den seit 1717 auftretenden längeren Perioden der Abwesenheit von Polen mussten dennoch dringende Staatsgeschäfte abgewickelt und vakante Posten neu besetzt werden. Aus Dresden waren solche offiziellen, also rechtlich bindenden, Handlungen aufgrund der Bestimmungen des Stummen Sejms nicht mehr möglich. Polen-Litauen betreffende rechtlich verbindliche Texte konnten nicht auf sächsischem Boden unterzeichnet werden. Sich aber auf die lange Reise nach Warschau begeben wollte oder konnte der König nicht.

Um trotzdem einen *modus vivendi* herzustellen, rückte er die Grenzregion zwischen Polen und Sachsen, also die Lausitz, Schlesien und Großpolen in den Fokus. Nachdem August II. schon während des Großen Nordischen Krieges die Straßen zwischen Warschau und Dresden ausbauen ließ, war diese Grenzregion infrastrukturell hervorragend angebunden. Es wurden also Ausweichorte in unmittelbarer Nähe der Grenze gesucht, um der Anwesenheitspflicht in Polen-Litauen und den dortigen Regierungsgeschäften nachzukommen und dennoch die Verpflichtungen als Kurfürst von Sachsen nicht zu vernachlässigen. Auch die Regierungspraxis veränderte sich dahingehend, dass der König vermehrt Senatorenratssitzungen einberief – und zwar nicht in den üblichen Orten wie Warschau oder Grodno – der König lud die Senatoren in die grenznahe Region ein (vgl. Markiewicz 1988: 60).

Bereits während des Bürgerkriegs war 1714 ein erster Versuch unternommen worden, eine Senatsratssitzung im grenznahen Ort Reisen (Rydzyna) abzuhalten. Der ganze Ort wurde hergerichtet, um die Senatoren angemessen zu empfangen. Allerdings verweigerten die meisten der eingeladenen Senatoren die Reise an die polnische Grenze, sodass der König unverrichteter Dinge weiter nach Warschau fahren musste. Unter neuen politischen Vorzeichen wurde 1717 ein erneuter Versuch unternommen, die polnischen Senatoren an der polnisch-schlesischen Grenze zu versammeln. Diesmal fiel die Wahl auf das großpolnische Fraustadt (Wschowa), das in der Folge zu einem

wichtigen Stützpunkt des in Sachsen weilenden Königs auf polnischem Boden wurde. Fraustadt war eine für polnische Verhältnisse größere Stadt. Sie lag direkt hinter der Grenze an der Postroute zwischen Warschau und Dresden und war rund 230 Kilometer von Dresden und 350 Kilometer von Warschau entfernt. Somit konnte Fraustadt innerhalb weniger Tage erreicht werden.

Im Oktober 1717 fand die erste Senatorenkonferenz in Fraustadt statt. In den Akten zu den Reisen findet sich jedoch kein Eintrag zu einer Reise des Königs nach Fraustadt im Oktober. Die Konferenz muss in Abwesenheit des Königs abgehalten worden sein, da sich der König zu dieser Zeit zwischen Pirna, Meißen und Leipzig aufhielt. In einem solchen Fall wurde der König vor den 30 anwesenden Senatoren von Flemming vertreten (vgl. Markiewicz 1988: 102).

Der König kam erst im November zu einer weiteren Senatorenkonferenz. Neben dem formellen Teil der Konferenz verbrachte August II. die Tage damit, Audienzen zu vergeben oder mit seinen Gästen zusammen zu speisen, was ebenfalls als Teil seiner Regierungstätigkeit betrachtet werden muss. Er sollte bis zum Januar in Fraustadt bleiben. In Fraustadt bewohnte der König eine ganze Häuserzeile am Markt gegenüber dem Rathaus. Die Wände zwischen den einzelnen Gebäuden waren entfernt und so größere Säle geschaffen worden, die mit Tapeten, Teppichen und anderen aus Dresden mitgeführten Möbeln ausgestattet wurden. Ob auch die Sitzungen mit den Senatoren dort abgehalten wurden, ist nicht überliefert. Diese Unterkunft war für August, der sich oft unter das Volk mischte, nicht ungewöhnlich. Auch die anderen Gäste wurden in Bürgerhäusern einquartiert (vgl. Czok 1991: 10; HStA DD (Sächsisches Staatsarchiv – Hauptstaatsarchiv Dresden), 10006 Oberhofmarschallamt, Nr. I, Nr. 025, Beilage). Wie groß die Gesellschaft inklusive Personal war, zeigt, dass zumindest ein Teil der »Königl. Garde du Corps mit nacher Lisha gehet« und auch die »Königl Pohl. und Churfl. Sächß. SilberCammer nacher Ließ«, also dem nahegelegenen Lissa (Leszno), geschickt wurden, während der König sich in Fraustadt aufhielt (HStA DD, 10006 Oberhofmarschallamt, Nr. I, Nr. 025). Dieser Umstand kann bedeuten, dass die Unterbringungskapazitäten Fraustadts bei solchen großen Besuchen überschritten wurden.

1718 reiste der König für einen weiteren Aufenthalt nach Fraustadt. Es handelte sich dabei jedoch um keine Konferenz, sondern um den Empfang eines türkischen Gesandten. Im gleichen Jahr weilte der König sowieso in Polen, um einen Sejm abzuhalten. Ein Sejm wurde aufgrund seiner großen Bedeutung und Tradition allerdings nur in Grodno und Warschau einberufen, nie im Grenzgebiet (HStA DD, 10006 Oberhofmarschallamt, Nr. I, Nr. 026).

1719 fanden erneut zwei Senatorenkonferenzen in Fraustadt statt. Durch die Vorbereitungen der Hochzeit des Prinzen Friedrich August II. in Wien und der folgenden opulenten Hochzeitsfeierlichkeiten in Dresden, die sich den ganzen September hinziehen sollten, war August II. in Dresden gebunden und hatte keine Möglichkeit, nach Warschau zu reisen. So lud der König seine Senatoren im März zu einer Senatorenkonferenz nach Fraustadt. Aber der König verfolgte auch noch andere Interessen mit diesem Treffen, denn »der Prinz [kam] von Wien zu Frauenstadt allwo sich Ihr Königl. Maj! dermahle befunden« (HStA DD, 10006 Oberhofmarschallamt, Nr. G, Nr. 19, Bl. 8). August II. nutzte die Konferenz, um seinen Sohn, der zuvor nie in Polen gewesen war und kaum Kontakte zum polnischen Adel besaß, nach der Rückkehr von seiner sehr ausgedehnten Grand Tour den polnischen Senatoren vorzustellen (vgl. Staszewski 1998: 210).

In den folgenden Jahren rückte Fraustadt politisch wieder in den Hintergrund, offizielle Senatssitzungen fanden dort unter August II. nicht mehr statt. Erst 1728 weilte August II. zwischen dem 16. und 20. Juni auf dem Rückweg aus Berlin wieder mehrere Tage in Fraustadt, um den Sejm für den Herbst einzuberufen. Da der König seit einer Amputation am Fuß Ende 1726 das Reisen schwerfiel, war es ihm nicht gelungen, vorher nach Polen zu kommen. Nachdem er über ein Jahr nicht mehr in Polen-Litauen war, hatten sich dringende Amtsgeschäfte angesammelt. Der König nutzte einen Staatsbesuch nach Brandenburg und griff auf dem Rückweg wieder auf das grenznahe Fraustadt zurück. Dort traf sich August II. mit Senatoren, unterschrieb Dokumente, auch die zum »Reichß= Tage, nöthige Universalien«, womit der den ganzen Aufenthalt zubrachte (HStA DD, 10006 Oberhofmarschallamt, Nr. III, Nr. 04). Ob 1728 eine Senatorenkonferenz in Fraustadt stattfand, ist umstritten. Zu dem in Fraustadt einberufenen Sejm kam es anschließend nicht, da die Wunde an Augusts Fuß wieder aufbrach und jedwede Reisepläne zunichtemachte (vgl. Staszewski 1998: 252; Markiewicz 1988: 103).

Während August II. in den Städten Reisen und Fraustadt in angemieteten Palästen oder Häusern residierte, versuchte er, in seinen letzten Lebensjahren eine eigene Residenz in der Grenzregion zu errichten. An der außerordentlichen Poststrecke von Dresden nach Warschau wurde 1730 in Kargowa das Gut der von Unruhs angemietet. Die bestehenden Räumlichkeiten sollten anfangs nur durch Anbauten ergänzt werden, später war jedoch fast ein gänzlich neuer Bau geplant (vgl. Hentschel 1967: 244; Tiller 2015: 251–252).

Möglicherweise hing der plötzliche Wunsch nach einer eigenen grenznahen Residenz mit dem schlechten Gesundheitszustand des Königs zusammen, der seit 1726 immer wieder das Reisen zwischen Sachsen und der Rzeczpospolita verhinderte. In Kargowa hätte er im Fall einer Verschlechterung des Zustandes dauerhaft bleiben

können und im schlimmsten Fall über Sachsen und Polen-Litauen herrschen können. Außerdem lag Kargowa näher an Sachsen als Fraustadt, war allerdings durch preußisches Territorium getrennt. Die verbesserten Beziehungen zu Preußen seit 1728 hatten womöglich den Ausschlag für Kargowa und gegen Fraustadt gegeben, das durch habsburgisches Gebiet von Sachsen getrennt war (vgl. Staszewski 1996: 160).

Ursprünglich sollte das neue Schloss möglichst schnell entstehen. Der Pragmatismus des kranken Königs wich jedoch mit der Verbesserung des Gesundheitszustands repräsentativen Ansprüchen, die die Bauzeit verlängerten. Geplant war letztlich eine größere, repräsentative Anlage, deren Zentrum ein zweigeschossiges Schloss mit zwei Flügeln bilden sollte. Die neuen Räumlichkeiten hätten auch den Aufenthalt einer größeren Hofgesellschaft in Kargowa ermöglicht (vgl. Hentschel 1967: 246, 251).

Doch benötigt wurde das Schloss letztlich nicht. Im polnischen Thronfolgekrieg wurde es schwer beschädigt und hatte danach für den auf August II. folgenden wettinischen König August III. keine Bedeutung mehr. Dieser, die Praxis der Aufenthalte im Grenzgebiet seines Vorgängers intensivierend, griff wieder auf Fraustadt zurück, um im Falle der häufiger auftretenden längeren Abwesenheit alle rechtskräftigen Dokumente auf dem Boden Polen-Litauens zu unterzeichnen (vgl. Staszewski 1996: 168; Lengnich 1736: 96).

1742 wurde Augusts II. Praxis der Aufenthalte in Fraustadt im Vorfeld eines Besuchs seines Nachfolgers fast schon zur Tradition erhoben. Anstatt zum Sejm nach Grodno zu fahren, begab sich August III. wieder in die grenznahe Stadt. Der König erklärte im Vorfeld in einer Flugschrift, dass die Wirren nach dem Tod Kaiser Karls VI. einen längeren Aufenthalt in Polen oder gar Litauen, wo der Sejm eigentlich hätte stattfinden müssen, nicht gestatten würden. Er wollte verhindern, dass »tak bliski zewsząd ogień naymnieyszą iskrą [wojny] [...] szkodził Granicom Jego [Polsce]« (»ein so nahes Feuer des Krieges auch mit nur einem Funken die Grenzen Polens übertrete«), wenn er sich zugleich als Kurfürst des im Krieg befindlichen Sachsens als polnischer König zum Sejm nach Grodno begäbe. Damit bezog sich August III. auf den Ersten Schlesischen Krieg. Einen extraordinären Sejm nahe Sachsen abzuhalten, also in Posen oder möglicherweise auch in Fraustadt, sei auch keine Option, da er die republikanischen Traditionen wahren wollte. Er beabsichtigte stattdessen, in Fraustadt ein Senatus Consilium abzuhalten, wie es schon seit 1717 unter seinem Vorgänger mehrfach geschehen sei. Damit hob August III. den traditionsstiftenden Charakter der Aufenthalte seines Vorgängers bewusst hervor. Wie auch sein Vater residierte der nach Kraszewski Prunk liebende August III. relativ bescheiden in der gleichen Häuserzeile (vgl. HStA DD, 10026 Geheimes Kabinett Loc. 3671/13).

Fazit

Die Regierungszeit Augusts II. wurde permanent von der Bürde der Doppelherrschaft geprägt. Die zwei Geliebten, die polnische Szlachta und die sächsischen Landstände, erforderten stets die größte Aufmerksamkeit und Anwesenheit des Königs – eine Aufgabe, die sich nicht immer angemessen erfüllen ließ. August II. war dennoch bemüht, einen *modus vivendi* zu finden, um den Regierungsgeschäften nachzukommen, auch wenn er nicht für längere Zeit nach Polen oder Litauen reisen konnte.

Dafür griff er auf mehrere Orte kurz hinter der polnischen Grenze zurück. Am Beispiel dieser Städte lässt sich zeigen, wie August II. aktiv regierte und nicht nur regieren ließ. Dass er durch die Aufenthalte in der grenznahen Region längere Aufenthalte in Warschau oder Grodno ersetzen konnte, zeugt nicht von Desinteresse am Regieren, sondern im Gegensatz vom Pflichtbewusstsein des Königs. Die Reisen nach Fraustadt lassen sich immer mit einer angespannten politischen Lage in Sachsen oder der schlechten gesundheitlichen Verfassung Augusts II. erklären. Letztere hätte ihm sogar ein Fernbleiben von Polen gemäß des Warschauer Traktats von 1716 gestattet. Keineswegs suchte der König Fraustadt auf, um sich anschließend seiner ihm von Kraszewski angeschriebenen Vergnügungssucht im sittenlosen Dresden oder Leipzig hinzugeben. In Phasen von politischer Entspannung in Sachsen hielt sich der König regelmäßig in Warschau auf und erfüllte seine Vorschriften an Anwesenheit in Polen-Litauen größtenteils.

Die grenznahen Städte im polnisch-sächsischen Grenzgebiet gewannen durch die Abwesenheit Augusts II. in Polen, bzw. in Warschau, für seine Regierungspraxis vorübergehend an Bedeutung. Das bedeutet jedoch nicht, dass August II. kein Interesse an polnischen Staatsgeschäften hatte. Fraustadt blieb – und das sollte es auch immer bleiben – nur ein professionelles Provisorium. Nach der Beruhigung der Lage in Sachsen rückte Fraustadt wieder ins hintere Glied. Der Versuch, ein eigenes Schloss in Kargowa zu errichten, muss als letzter Ausweg im Falle einer vollkommenen Invalidität des Königs betrachtet werden. Dafür spricht, dass die Pläne für die Residenz unter August III. wieder verworfen wurden und auch er im Provisorium Fraustadt residierte.

Dieser Beitrag zeigt, dass eine sich in der polnischen Historiographie nur langsam nach dem Zweiten Weltkrieg durchsetzende Neubewertung der *epoka saska* notwendig ist und weiter vorangetrieben werden muss (vgl. Gierowski 1958: 100; Staszewski 2003: 577). An der Resistenz des negativen Bildes der Sachsenzeit trägt nicht unmaßgeblich auch Kraszewski mit seinen Schriften und deren populäre Rezeption

im Fernsehen bei. Ähnlich, aber doch etwas anders, sieht es im Fall Augusts III. aus, aber das bedarf einer eigenen eingehenden Untersuchung. Während Kraszewski versuchte, eine klare polnisch-deutsche Dichotomie zu schaffen, sollte das Augenmerk verstärkt auf die in der knapp 67-jährigen Regierungszeit der Wettiner entstandenen sächsisch(-deutsch)-polnischen Verflechtungen gelegt werden (vgl. Bömelburg/Kizik 2014: 79). Denn, dass die Union nicht nur Schlechtes mit sich brachte, ist noch heute an den entlang der alten Postroute stehenden Postmeilensäulen sichtbar, die sowohl das Wappen Sachsens als auch Polen-Litauens tragen.

Literaturverzeichnis

- Bömelburg, H.-J./Kizik, E. (2014): *Altes Reich und Alte Republik. Deutsch-polnische Beziehungen und Verflechtungen 1500–1806*. Darmstadt.
- Czok, K. (1990): *Am Hofe Augusts des Starken*. Stuttgart.
- Czok, K. (1991): »August der Starke. Sein Verhältnis zum Absolutismus und zum sächsischen Adel«. In: *Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse* (131.3), S. 3–51.
- Duchhardt, H. (1997): »Einleitung«. In: Duchhardt (Hrsg.): *Der Herrscher in der Doppelpflicht. Europäische Fürsten und ihre beiden Throne*. Mainz, S. 3–7.
- Dürichen, J. (1930): »Geheimes Kabinett und Geheimer Rat unter der Regierung Augusts des Starken in den Jahren 1704–1720«. In: *Neues Archiv für Sächsische Geschichte* (51), S. 68–134.
- Frost, R. (2017): »Sächsisch-polnische Personalunion und die Katastrophe des Großen Nordischen Krieges«. In: Bömelburg (Hrsg.): *Polen in der europäischen Geschichte. Ein Handbuch in vier Bänden. Bd. 2: Frühe Neuzeit*. Stuttgart, S. 423–442.
- Gierowski, J. (1958): »Sytuacja międzynarodowa Polski w czasach saskich«. In: Polskie Towarzystwo Historyczne (Hrsg.): *Pamiętnik VIII powszechnego zjazdu historyków polskich w Krakowie 14–17 września 1958 r. Część pierwsza, referat*. Warschau, S. 99–106.
- Hentschel, W. (1967): *Die sächsische Baukunst des 18. Jahrhunderts in Polen. Textband*. Berlin.
- Kraszewski, J. I. (1888): *Wybór Pism. Oddział V. Powieści z Czasów Sasów poprzedzone wstępem krytycznym przez Piotra Chmielowskiego*. Warschau.
- Laak, D. v. (2001): »Infra-Strukturgeschichte«. In: *Geschichte und Gesellschaft* (27.3), S. 367–393.
- Lengnich, G. (1736) (Hrsg.): *Pacta Conventa Augusti III. Regis Poloniarvm Magni Ducis Litvaniae et Electoris Saxoniae. Commentario perpetuo*. Lipsiae.
- Luh, J. (2017): »Wie die Schriften Friedrich den Großen zu einem Gewinner und Heinrich von Brühl zu einem Verlierer der Geschichte machte«. In: Koch / Ruggero (Hrsg.): *Heinrich von Brühl (1700–1763). Ein sächsischer Mäzen in Europa. Akten der internationalen Tagung zum 250. Todesjahr*. Dresden, S. 24–33.
- Markiewicz, M. (1988): *Rady Senatorskie Augusta II (1697–1733)*. Wrocław u.a.

- Markiewicz, M. (2005): »Politische Institutionen und Prozeduren der sächsisch-polnischen Personalunion: Das Geheime Kabinett in Sachsen und die zentralen Ämter der Rzeczpospolita in den Jahren 1717 bis 1733«. In: Rexheuser (Hrsg.): *Die Personalunion von Sachsen-Polen 1697–1763 und Hannover-England 1714–1837. Ein Vergleich*. Wiesbaden, S. 51–67.
- Munke, M. (2016): »Sachsens Glanz – Preußens Gloria – Polens Niedergang. Zum Bild der sächsisch-polnischen Union bei Józef Ignacy Kraszewski«. In: Kroll / Thoß (Hrsg.): *Zwei Staaten, eine Krone. Die polnisch-sächsische Union 1697–1763*. Berlin, S. 317–344.
- Rexheuser, R. (2005): »Einleitung«. In: Rexheuser (Hrsg.): *Die Personalunion von Sachsen-Polen 1697–1763 und Hannover-England 1714–1837. Ein Vergleich*. Wiesbaden, S. 11–36.
- Schlögl, R. (2004): »Der frühneuzeitliche Hof als Kommunikationsraum. Interaktionstheoretische Perspektiven der Forschung«. In: Becker (Hrsg.): *Geschichte und Systemtheorie. Exemplarische Fallstudien*. Frankfurt am Main/New York 2004, S. 185–225.
- Staszewski, J. (1996): *August III. Kurfürst von Sachsen und König von Polen. Eine Biographie*. Berlin.
- Staszewski, J. (1997): »Der polnische König August II. (1697–1733)«. In: Duchhardt (Hrsg.): *Der Herrscher in der Doppelpflicht. Europäische Fürsten und ihre beiden Throne*. Mainz, S. 207–222.
- Staszewski, J. (1998): *August II Mocny*. Breslau.
- Staszewski, J. (2003): »Die polnische Adelsrepublik im 18. Jahrhundert im Licht neuerer Forschungen«. In: *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung* (52.4), S. 572–583.
- Staszewski, J. (2005): »Begründung und Fortsetzung der Personalunion Sachsen-Polen 1697 und 1733«. In: Rexheuser (Hrsg.): *Die Personalunion von Sachsen-Polen 1697–1763 und Hannover-England 1714–1837. Ein Vergleich*. Wiesbaden, S. 37–50.
- Tiller, E. (2015): »Die repräsentative Raumpolitik Augusts des Starken in Polen«. In: Tiller (Hrsg.): *Bücherwelten – Raumwelten. Zirkulation von Wissen und Macht im Zeitalter des Barock*. Wien / Köln / Weimar, S. 243–272.
- Volumina Legum (1860): *Przedruk zbioru praw. Staraniem XX. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanych. Tom VI. Prawa, konstytucje y przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech kronnych od seymu wiślickiego roku 1347 aż do ostatniego seymu uchwalnionego. Volumen sextum ab anno 1697 ad annum 1736 acta reipublicae continens*. Petersburg.
- Whaley, J. (2018): *Das Heilige Römische Reich Deutscher Nation 1493–1806. Bd. II: Vom Westfälischen Frieden zur Auflösung des Reiches*. Darmstadt.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Joint Manoeuvres of Saxon-Polish-Lithuanian Troops in the Fields of Wilanów in the Summer of 1732

Dieser Artikel befasst sich mit der Militärgeschichte Polen-Litauens und des Kurfürstentums Sachsen im 18. Jahrhundert. Sein Ziel ist es, den Verlauf der militärischen Übungen zu analysieren, die im Sommer 1732 in der Nähe von Warschau stattfanden. Daran nahmen sächsisch-polnisch-litauische Truppen teil.

The following paper deals with the military history of Poland-Lithuania and the Electorate of Saxony in the 18th century. Its aim is to analyse the course of the military exercises that took place near Warsaw in the summer of 1732. Saxon-Polish-Lithuanian troops took part in them.

The military history of the union of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the electoral state of Saxony is not of much interest to Polish and German researchers. Nevertheless, they constitute an extremely interesting and highly original episode concerning the military history of these two countries. Polish-German relations in the modern era were predominantly positive and peaceful. The western border of the Polish-Lithuanian state was, in fact, the most peaceful border of the entire Commonwealth. Both nations were linked through trade and economic relations. This state of affairs continued until the 18th century, when the Polish-Prussian border became particularly turbulent. This was mainly due to the aggressive policy of Prussia, which sought to expand her borders at the expense of the Commonwealth (cf. Szorc 1972). One of the last positive matters in the common history of Poland and Germany is found in the history of the personal union of the Electorate of Saxony and the Commonwealth.

The subject of this article will be an analysis of the organisation and course of military manoeuvres carried out near Warsaw in the summer of 1732. These were military exercises by Saxon and Polish-Lithuanian troops. They were held at the end of the reign of August II¹, and were a demonstration of the military capabilities of the Polish-Saxon union. Their aim was to present the size and discipline of the participating units, and to raise their level of training. Perhaps it also concerned the practice of military cooperation between the Saxon and Polish-Lithuanian armies. These military manoeuvres have gone down in history under the name of the *Wilanów Campament* (Polish: *kampament wilanowski*). The word ›campament‹ (Polish: *kampament*) meant in the Old Polish language a display or revue of troops. Only artillery units and foreign contingent units, i.e. infantry and dragoons, participated in these exercises.² However, there were no Polish banners present (cf. Bartoszewicz 1847: 666–668). From the perspective of Polish military history, these events are absolutely unique, as they are the best documented military exercises in modern Polish history. They were immortalised in the paintings of *Kampament na polach czerniakowskich i królikarni w 1732 roku* and *Kampament wojsk polskich, saskich i litewskich na Czerniakowie* by Jan Christian Mock.³ These images also remain the basic source for research on the colours of the Commonwealth's military in the 18th century.

During this period, the Polish-Lithuanian Commonwealth was in a state of disintegration, and was unable to deploy significant armed forces capable of resisting the armies of the neighbouring powers. In 1717, the armies of the Commonwealth underwent a thorough reorganisation, largely changing their appearance from Old Polish to Western European. During this ›modernisation‹, the Saxon patterns, that is, rather Germanic ones, were of key importance. Infantry, dragoons and artillery were organised according to Saxon standards. Nevertheless, the reforms did not include an increase in the actual number of troops.

Despite the multitude of sources, the period 1717–1763 is characterised by the small number of studies in Polish military historiography. The only scientific monograph on

---

1 The Polish-Lithuanian Commonwealth and the Saxon Electorate were united by a common monarch after the election of 1696.

2 The armies of the Polish-Lithuanian Commonwealth were basically divided by national origins (Polish banners – hussar cavalry, light and armoured cavalry, Hungarian infantry) and foreign contingents (infantry and dragoons in uniforms and organised along Western (Saxon) patterns. The artillery also functioned separately.

3 Jan Christian Mock: *Kampament wojsk polskich, saskich i litewskich na Czerniakowie*, oil on canvas; Jan Christian Mock: *Kampament na polach czerniakowskich i królikarni w 1732 roku*, oil on canvas. The paintings that can be seen today at the Polish Army Museum in Warsaw (Muzeum Wojska Polskiego w Warszawie) are nineteenth-century copies of the original.

the military of this period is the work of Tomasz Ciesielski on the Crown Army in the times of Augustus III (cf. Ciesielski 2009). In the course of research on the campament, the Polish printed and written press of the time proved to be most helpful. The first newspaper is the *Polish Courier* (Polish: *Kurier Polski*) – the only, together with the *Kurier Cudzoziemski*, printed newspaper in the Commonwealth at the time.⁴ It was, apart from the *Polish Mercury* (Polish: *Merkuriusz Polski*), the oldest example of Polish printed press (cf. Wierzbicka 2002: 5–17). There were also handwritten newspapers. One of them was the written newspaper by Andrzej Cichocki published in Warsaw. It was in these pages that relevant information concerning the progress of the camp was published.⁵ Two Polish researchers, Julian Bartoszewicz and Jan Benda, also became interested in its subject, and devoted three articles to these events (cf. Bartoszewicz 1880; Bartoszewicz 1847; Bartoszewicz 1861; Benda 1964). When discussing iconographic sources, one should mention the 74 campament layouts, which are located in the Royal Collection Trust. In a simplified manner, they show the course of the manoeuvres of 1732. Currently, they are available online, so it is interesting that they have not yet been published anywhere as part of a scientific text. A similar collection can be found in the Hauptstaatsarchiv Dresden (Hauptstaatsarchiv Dresden, Geh. Kac. Loc: 3640/10, 3645/5).

Preparations for carrying out the campament had already begun by October 1731. August II reviewed units of the Saxon Prince of Gotha horse grenadier regiment in Dresden, which were later delegated to the manoeuvres, and marched to Warsaw (cf. *Kurier Polski* 1732: 97⁶). In addition to these, the Duke of Nassau cuirassier regiment was also directed to Poland (cf. *Kurier Polski* 1732: 134). The question of Electorate military participation in exercises in the territory of the Commonwealth was problematic. According to the parliamentary constitution of 1717, the king was forbidden to maintain any Saxon troops in Poland, with the exception of 1,200 soldiers of the court guard (cf. *Volumina Legum* 1860: 117). The exercises in Warsaw were meant to be subsequent to ones already organised by August II. Previously, such exercises had been held near Muhlberg in 1730 (cf. Benda 1964: 335). Information about the campament appeared in the Polish press at the turn of 1731 and 1732. Their pages included, inter alia, information concerning the mobilisation of troops near Warsaw. From the Polish

---

4 The *Kurier Cudzoziemski*, which was created with the participation of the same staff and printing house, was also printed.

5 The newspapers from 1732–1734 were compiled and published by Jerzy Dygdała (cf. Dygdała 2016).

6 The number at the end of the footnote concerning this 18th century newspaper represents the specific newspaper issue, not the page. *Kurier Polski* issues were usually 4–5 pages long.

perspective, this was an extraordinary event, considering that these were the first military manoeuvres in the Commonwealth to be carried out on such a scale.⁷ August II arrived with his court in the territory of the Commonwealth at the beginning of March 1732 (cf. *Kuryer Polski* 1732: 117). At this point, the date of the campament had not yet been established. However, it was widely believed that it would take place in May.

As a military enthusiast, Augustus II also prepared Crown units for the military exercises.⁸ Most of the units were equipped with new weapons and uniforms, and they were also brought up to full strength (cf. *Kuryer Polski* 1732: 112; Bartoszewicz 1847: 661–679; Ciesielski 2009: 284). Thus, the Crown Army found itself close to full manpower levels (cf. Ciesielski 2009: 284). A few months before the expected manoeuvres, the largest and the most elite Polish infantry unit – the Crown Guard Infantry – was intensively exercised, and their preparations were supervised by the king himself (cf. *Kuryer Polski* 1732: 126). Its units were training a new, more spectacular drill, as both a large number of guests and the population of the capital were expected. As one can see, the 1732 Warsaw manoeuvres were not only to be military event, but also a kind of performance or display for the public. For the needs of the campament, care was also taken to provide numerous artillery, based on resources of the Crown Army artillery and Gdańsk (Danzig). The Gdańsk City Council handed over twelve 3-pounder cannons, while six were delivered from Zamość. Primate Teodor Potocki donated another six cannons for the use of the Commonwealth (cf. Dygdała 2016: 98). Additionally, six cannons were cast for the needs of the arsenal in 1732 (cf. Borkowski 2017: 52). In total, at the beginning of July 1732, there were over 50 guns of various types in the Warsaw arsenal. During the manoeuvres, the uniforms and equipment of the soldiers of the Crown Artillery Corps were replaced (cf. Dygdała 2016: 101, 109). Due to the lack of magazines and military facilities in the Commonwealth, the campament was also a particular challenge in this respect. Therefore, several months before the manoeuvres, the very important tents needed were sewn and hastily prepared for the soldiers (cf. *Kuryer Polski* 1732: 127). At the location of the future exercises, the entire base was prepared in order to maintain the Polish-Lithuanian-Saxon military camp. Barracks were built, wells were dug, meadows were drained, and earth embankments were erected (cf. Bartoszewicz 1847: 667).

---

7 Field exercises had taken place earlier, e.g. at Sasowy Róg in 1714 (cf. Benda 1964: 334).

8 The Commonwealth was divided into two main parts – the Crown of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania. This division was also in force in many other areas, e.g. the army. In reality, however, the administrative division was much more complex.

The military field camp at Wilanów and Czerniaków near Warsaw was established by the end of July 1732. The units that were to participate in the manoeuvres were as follows: 1 regiment of Saxon cuirassiers, 1 regiment of Saxon horse grenadiers, 2 regiments of Crown dragoons, 2 combined grenadier⁹ regiments, 6 Crown foot battalions, 1 battalion of Janissaries, 2 companies of Saxon grenadiers and a regiment of grand musketeers¹⁰ (cf. Benda 1964: 337). Due to the provisional nature and flexibility of the organisation of particular units during the campament, it is extremely difficult to estimate their actual size. For example, 60 Gdańsk soldiers who arrived for the exercises near Warsaw were divided into three sections. 12 of them were attached to one of the Crown regiments of Major General Jan Michał Kampenhausen, several soldiers and an officer were assigned to the artillery, and the rest were delegated to guard the provisions (cf. *Kurier Polski* 1732: 136). An interesting issue is the lack of national enlistment banners (hussars, armoured and light cavalry units) at the Warsaw campament in 1732. Theoretically, these units were, in a way, a showcase of the armed forces of the Commonwealth, and were recognised all over Europe. In reality, however, during this period, these units were of little combat value, and their glory days were long gone. Nevertheless, August II did not want to resign from the impression that Polish cavalry made on foreign guests. He used a proven solution, which he had used two years earlier during the military exercises near Muhlberg, when he ordered Saxon cavalry to disguise themselves as Polish hussars. The king decided to do the same in 1732, and Saxon cavalry performed with typical Polish equipment at the Wilanów Campament. To cuirasses, vambraces and winged lobster-tailed pot helmets were added, and, more importantly, the cavalry were also armed with husar lances (Benda 1964: 333).

The campament began on 31st July, 1732 with the transfer of all units to a common camp in the fields of Czerniaków. The commander of the entire confederation of troops was the Voivode of Masovia and the Crown Regimentar Stanisław Poniatowski.¹¹ The campament plan assumed that exercises would be carried out every second day, so on 1st August they stayed in camp. In their spare time, the soldiers were delegated to camp activities – hollows were filled, and rises were flattened so as to conduct the exercises on a flat field (cf. Bartoszewicz 1847: 667). A general display of the army was

---

9 Grenadier companies were separated from individual regiments, and regiments were formed from them.

10 The grand musketeers were a regiment in name only. They actually operated as an institution, a noble / military academy. In total there were approximately 80 soldiers (cf. Bartoszewicz 1861: 9–22).

11 Father of the last king of the Commonwealth, Stanisław August Poniatowski.

scheduled for 2nd August. The units formed up in one line. On the right wing stood the grand musketeers under the command of the Crown Swordsman Aleksander Lubomirski, the Saxon horse grenadier regiment of the Duke of Gotha and the cuirassier regiment of Colonel Christoph von Nassau. The left wing was manned by the Crown ragoon regiments, including the Crown Horse Guards under the command of General Wilhem Mier. In the centre were permanent foot regiments, which were divided into battalions, between each of these two regiment cannons were placed. Behind the centre of the army, a battery of 18 guns was formed, which was protected by a foot unit and a Crown Artillery Freicompany. The army display ended with firing exercises carried out by entire units. In the following days, individual troop types practiced separately – on 4th August the infantry, on 6th August the cavalry, and on 8th August the grenadiers. In the days between the various stages of the campaign, individual units were prepared for specific exercises. 9th August was a day of rest for the entire army, but 9 companies of Saxon horse regiments were preparing to appear with Polish lances and Polish equipment (cf. Kuryer Polski 1732: 138).

An interesting situation at the time, from a military point of view, took place on 10th August, when the infantry was training again. Instead of standard flintlock muskets with bayonets, the infantrymen were issued pikes. Then the infantry in square formation, and armed with such weapons, was attacked by the cavalry (cf. Dygdała 2016: 112–117). The form of the exercises held on 10th August probably resulted from the views of one of the generals of the Crown army and the organiser of the exercises on that day – Jan Kampenhausen, author of *Glory and Apologia of Lance and Pike* (Polish: *Chwała y apologja kopi y pik*) from 1737 (cf. Kukiel 1934).¹² He was a supporter of polearms and melee weapons, and did not recognise the growing importance of firepower on the battlefield of the time (cf. Kampenhausen 1737: 163). Finally on 12th August, the Saxon cavalry, equipped with Polish lances, ›misiurka‹ (chainmail cap) helmets, cuirasses and vambraces, performed on the field. Their task was to simulate an attack on the Crown infantry who were armed with pikes. The idea behind these manoeuvres clearly shows the desire to recreate tactical situations straight from the previous era, i.e. an attack of cavalry lancers on pikemen squares. The originator of these exercises, General Kampenhausen, in his works repeatedly referred to victories of the hussars in the 17th century, suggesting that such a fighting style should be recreated.

---

12 August II was also a supporter of similar solutions. He wanted to equip pikemen with both pikes and muskets, and cavalry with lances and small arms.

Exercises for the whole army were scheduled for 14th August. This was supposed to be the largest venture of the entire campament. A general rehearsal was scheduled for 5 am, and just after noon the units formed up in two lines. The cavalry on the right wing were under the command of General Klingenberg, whilst those on the left were under the command of General Mier. The infantry were commanded by the Voivode of Ruthenia, August Aleksander Czartoryski, and General Kampenhausen. Throughout the day, exhausting and complicated exercises were held with all troop types taking part (cf. Bartoszewicz 1880: 80–81). During these so-called ›handgrips‹ (Polish: *handgryfy*), i.e. manoeuvres of individual units, e.g. battalions, were performed. These proved that the Crown infantry was trained to a sufficient level. However, »[h]andgryfy były słabością owych czasów, żywiono dla nich miłość i adoracją szczególniejszą i w nich wykonaniu wymagano pedantycznej zgodności i elegancji«¹³ (Górski 1893: 85).¹⁴

On 15th August, the field was prepared for the general manoeuvres scheduled for the next day. Above all, earth embankments and trenches were built, which were to be stormed by the infantry. Trials of individual units continued to noon the next day. The same as two days earlier, all units of the Polish-Lithuanian-Saxon army were to participate in the manoeuvres on 16th August. Their goal was a simulated infantry attack on the trenches and the subsequent transformation of the attacking units into a pike square in order to defend themselves against the Saxon cavalry. These exercises lasted several hours, and were very intense. Artillery, small arms and melee weapons were used throughout them. The cannonade lasting several hours attracted a large part of the population of Warsaw (cf. Kuryer Polski 1732: 138, 139). The shelling was so severe that one horse was killed, and one soldier was wounded. With the manoeuvres of 16th August, the campament of 1732 essentially ended. The reception of guests was still continued, and balls and performances of individual units were organised, but on 18th August the army packed camp, and marched to their assigned locations (cf. Bartoszewicz 1880: 82–84).

The military manoeuvres carried out in the summer of 1732 remain an insufficiently researched topic, which makes it extremely interesting. Unfortunately, this has not been popular among researchers today, and therefore has not received the latest research. Regarding the study of these events, the need to search the German archives

---

13 Transl. by the author: »[h]andgrips were a weakness of those times, a special love and adoration were fostered for them, and their execution required pedantic compliance and elegance.«

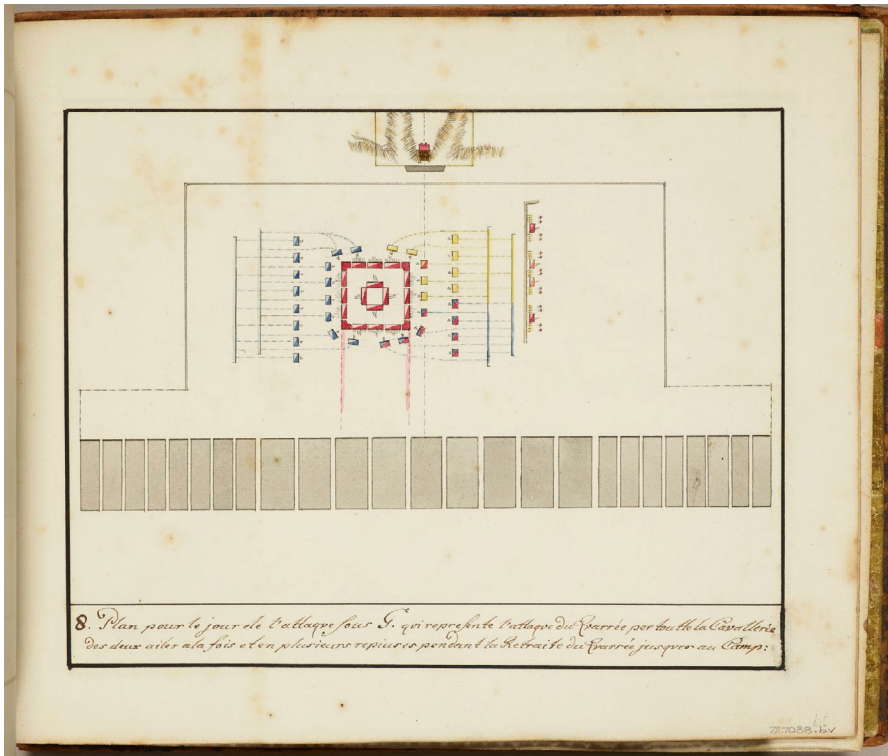
14 In his monograph, Konstanty Górski also briefly described the course of the campament in 1732 (cf. Górski 1893).

Fig. 1: Jan Christian Mock (copy): *Kampament na polach czerniakowskich i królikarni w 1732 roku* (fragment), Polish Army Museum. Foreground from the left: grenadier of the Prince's Infantry Regiment, grenadier officer of the Prince's Infantry Regiment, grenadier officer of the Field Infantry Regiment, grenadier of the Field Infantry Regiment, officer of the Grand Crown Mace Infantry Regiment, behind the officer is a non-commissioned officer of the Royal Foot Guard Regiment, dragoon of the Queen's Regiment, dragoon officer of the Queen's Regiment, dragoon of the Prince's Regiment.

should be noted, especially the State Archives in Dresden (Hauptstaatsarchiv Dresden). This is due to the fact, that we currently know the course of the campament from Polish sources only. These exercises did not have a major impact on the Polish military. During them, mainly sophisticated and elegant ›handgrips‹ were trained, which pleased the viewers more than they would have proven themselves on the battlefield. The only exception was the formation of squares by Polish infantry formations. Another issue was arming the infantry formations with pikes – a weapon that was completely outdated by this period, and unheard of on the battlefield. If we consider the disguise of Saxon cavalry as Polish hussars, it can be concluded that at certain stages the campament of 1732 resembled more a reconstruction of clashes from a previous era rather than modern military exercises. However, the very fact of organising such manoeuvres, replacing equipment, weapons and uniforms with new ones, and bringing some units to a professional (standing army) status was a positive move. The possibility of gaining experience of command in the field by the officer cadre of the Crown Army can also be favourably assessed. The meeting of the two armies in the fields of Wilanów in the summer of 1732, however, has an

Fig. 2: One of the situational plans for the exercises near Warsaw. It shows a cavalry attack on a square formed by the infantry. [Royal Collection Trust](#)/ © His Majesty King Charles III 2023.

extremely interesting character in the context of the intertwining of the Old Polish and Saxon (German) military forces. It is clearly visible in the case of Polish foreign contingents and the Saxon light cavalry during the Seven Years' War. However, this is a subject that deserves separate research and scientific work, and is beyond the scope of this work.

Translation: Dale Taylor

References

- Bartoszewicz, J. (1847): »Kampament w Warszawie 1732«. In: *Przegląd Naukowy* (22), 661–679.
- Bartoszewicz, J. (1861): »Wielcy muszkietierowie Augusta II«. In: Prusinowski / Krupowicz (eds.): *Po ziarnie. Zbiorek pamiątkowy*. Wilno, 9–22.
- Bartoszewicz, J. (1880): »Kampament w Warszawie 1732«. In: Bartoszewicz (ed.): *Szkice z czasów saskich*. Kraków, 58–87.
- Benda, J. (1964): »Kampamenty Jana Christiana Mocka«. In: *Muzealnictwo Wojskowe* (2), 325–358, <https://polona.pl/item-view/367b242c-bb30-4df8-b4e4-fb74425e5e2a?page=328> (accessed November 6, 2024).
- Borkowski, W. (ed.) (2017): *Artyleria i amunicja artyleryjska przechowywana w Arsenale Warszawskim w świetle znalezisk archeologicznych*. Warszawa.
- Ciesielski, T (2009): *Armia koronna w czasach Augusta II*. Warszawa.
- Dygdala, J. (2016): *Od Augusta Mocnego do Augusta III. Doniesienia z Warszawy Andrzej Cichockiego z lat 1732–1734*. Warszawa.
- Górski, K. (1893): *Historia piechoty polskiej*. Kraków.
- Kampenhause, J. M. (1737): *Chwała y apologia kopii y pik: cum refutatione niektorych zarzutów, przeciwko nim*. Kalisz.
- Kuryer Polski (1732): Issues: 97, 134, 112, 117, 126, 136, 138, 139.
- Kukiel, M. (1934): »Znakomity autor wojskowy czasów saskich. Dzieła nieznanne Kampenhause«. In: *Przegląd Współczesny* (48), 88–102.
- Szorc, A. (1972): »Zagrożenie Warmii przez Prusy (1722–1772)«. In: *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* (4), 529–588.
- Volumina Legum [Ohryzko, J. (ed.)] (1860): Vol. 6. *Prawa, konstytucje i przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego i wszystkich prowincji należących na walnych sejmach uchwalonych*. Petersburg.
- Wierzbicka, E. (2002): »Warszawskie gazety drukowane z lat 1729–1740«. In: *Roczniki historii prasy polskiej* (5/2 [10]), 5–44.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Specyfika Śląska Cieszyńskiego jako regionu kulturowego w monarchii austro-węgierskiej w latach 1867–1914

Als eine multikulturelle, multinationale Provinz ist es in Bezug auf Teschener Schlesien bis heute schwer zu sagen, ob sein Charakter eher polnisch oder eher tschechisch (und teilweise deutsch) ist. Teschener Schlesien, wo Polen, Tschechen, Deutsche und Juden miteinander lebten, war ein einzigartiger Ort in der österreichisch-ungarischen Monarchie. Im 19. und frühen 20. Jahrhundert war dieses Gebiet eine der am stärksten industrialisierten und sehr wichtigen Provinzen für die österreichisch-ungarische Wirtschaft. Der Beitrag stellt die nationalen, sozialen, religiösen und wirtschaftlichen Beziehungen in Teschener Schlesien vor.

Cieszyn Silesia was a multicultural, multinational province, whereas even today it is difficult to say, whether it was more Polish, or more Czech (and partly also German). Cieszyn Silesia, where Poles, Czechs, Germans, and Jews lived with each other, was a unique area in the Austro-Hungarian monarchy. In the 19th and early 20th century, this area was one of the most industrialized, very important for the economy of Austria-Hungary. In the following paper, national, social, religious, and economic relations in Cieszyn Silesia are presented.

Śląsk Cieszyński to niezwykle ciekawy obszar przygraniczny, który współcześnie przynależy do państwa polskiego i czeskiego. Region ten nigdy nie był jednolity pod względem etnicznym, kulturowym czy narodowym: od czasów późnośrednio-wiecznych żyli tu Czesi, Polacy, częściowo Niemcy i Słowacy, a także Żydzi. Oczywi-

ście wtedy nie można było jeszcze mówić o tożsamości narodowej w takiej postaci, w jakiej rozumiemy ją dziś, jednak zapewne mieszkańcy regionu wiedzieli, kto jest »swój«, a kto »obcy« – bo tak też chyba pojmowali ramy społeczeństwa, w którym żyli. Odróżniali przecież swoich »rodaków« od gości czy przyjezdnych, gdyż mieszkali tu od zawsze, np. w danej wsi, która była ich małą ojczyzną (biorąc pod uwagę tylko warstwy niższe, czyli chłopów i część mieszczaństwa). Na Śląsku Cieszyńskim taką tożsamość pogłębiała jeszcze bardziej wielokulturowość: inne obyczaje, styl życia i wyznanie charakteryzowały społeczność żydowską, inne protestantów czy katolików (niemieckich, czeskich i polskich). Mimo to ludzie ci musieli przecież żyć razem: wspólnie pracowali, uprawiali ziemię, chodzili do świątyń, często położonych blisko siebie, handlowali, a ich dzieci bawiły się razem.

W niniejszym artykule chciałbym ukazać specyfikę Śląska Cieszyńskiego jako regionu kulturowego w ramach monarchii austro-węgierskiej. Śląsk Cieszyński jako region historyczny można opisać tak:

Terytorium Śląska Cieszyńskiego rozciąga się od rzeki Ostrawicy na południu po Czechowice na północy oraz od Przełęcz Jabłonkowskiej i rzeki Białej na wschodzie po Ostrawę na zachodzie. Region ten wyodrębnił się w okresie plemiennym, kiedy stanowił jedno z opoli plemienia Gołęszyców, od średniowiecza podlegał władzy kasztelanów cieszyńskich, a od 1290 tworzył podstawy terytorialne księstwa cieszyńskiego. (cieszynskie.travel)

Państwo austro-węgierskie, powstałe w 1867 roku po zaakceptowaniu przez Franciszka Józefa koncepcji monarchii dualistycznej i idących za tym pewnych reform, jest wyjątkowym tworem w dziejach Europy, bardzo znaczącym dla historii Austrii, Czech, Słowacji i Polski. Wszystkie bowiem te państwa – dziś niezależne i suwerenne republiki demokratyczne – były wówczas częściami składowymi ogromnej monarchii wielonarodowościowej (por. Encyklopedia PWN /a/). Istniejące do 1918 roku Austro-Węgry z jednej strony nie potrafiły zaspokoić aspiracji różnych narodów, które żyły w tym państwie, a z drugiej strony tych aspiracji nie można było już zatrzymać. Problematycznym regionem pod tym względem był właśnie Śląsk Cieszyński. Kto miał do niego większe prawa? Czy Czesi, wysuwający swe roszczenia, biorąc za ich podstawę dawne granice Królestwa Czeskiego, czy Polacy, argumentujący, iż okresowo Śląsk Cieszyński przynależał do Polski, później zaś istniały tu księstwa rządzone przez książąt piastowskich, a po II wojnie światowej dominowali w tym regionie licznie Polacy (por. Polskie Radio 2021). Sprawa Zaolzia i konfliktu polsko-czechosłowackiego

wykracza poza ramy chronologiczne niniejszego artykułu, ale uznałem że warto o niej wspomnieć dla lepszego zrozumienia specyfiki tego regionu – wielokulturowości i niemożności dopasowania go do jednego tylko państwa czy narodu.

Należy przejść teraz do omówienia następujących spraw: struktury narodowościowej, struktury wyznaniowej, stosunków społeczno-gospodarczych i procesów budzenia się świadomości narodowej poszczególnych grup zamieszkujących Śląsk Cieszyński, aby przedstawić kierunki i procesy rozwoju kultury na Śląsku Cieszyńskim.

Jak mówiono na Śląsku Cieszyńskim? Spory o język urzędowy

Sytuacja polityczna na Śląsku Cieszyńskim po 1867 roku była podobna w zasadzie do sytuacji politycznej panującej w pozostałych prowincjach Austro-Węgier. Region Śląska Cieszyńskiego miał status «księstwa», które formalnie było zależne od Królestwa Czech, a jego władcą był członek rodziny Habsburgów. Księstwo było więc w bezpośrednim zarządzie Habsburgów, a pozycję Niemców austriackich umacniała w nim jeszcze bardziej bliskość Czech i Austrii, czyli najważniejszych ośrodków monarchii. Politycznie dominowali Niemcy austriaccy, którzy pełnili najważniejsze funkcje administracyjne. Podobnie język niemiecki był językiem urzędowym oraz językiem nauczaniem w szkołach – funkcje języka polskiego i czeskiego władze starały się marginalizować. Podejmowano jednak liczne próby wprowadzenia języka polskiego i czeskiego jako języków urzędowych i w końcu udało się doprowadzić do tego, że dokumenty oficjalne dla Śląska Cieszyńskiego wydawano w języku polskim i czeskim (niekiedy również w języku niemieckim, bo pisma wydawali zazwyczaj niemieckojęzyczni urzędnicy administracji cesarsko-królewskiej) (por. Gruchała / Nowak 2013: 83).

Sam problem języka urzędowego pozwala zwrócić uwagę na fakt, iż nie bardzo wiadomo było, który z języków powinien być najważniejszy (i czy w ogóle w przypadku tego regionu można było odgórnie narzucić jeden język). Każda z narodowości chciała, aby to jej język był tym oficjalnym, a administracja cesarsko-królewska próbowała forsować język niemiecki. Jednak w obliczu przewagi narodowości polskiej na tym terenie (Polaków było najwięcej na Śląsku Cieszyńskim, lecz w niektórych gminach dominowali Czesi – np. na Frydeckczyźnie, zaś w gminach z dużymi miastami – Bielskiem i Frydkiem – przeważali Niemcy) polscy działacze polityczni i społeczni podkreślali etniczny (polski) charakter tego regionu (por. Chwalba 2000: 556). Natomiast Czesi

wskazywali na historyczne prawa do Śląska Cieszyńskiego, który był częścią dawnej Korony Czeskiej, zaś Niemcy austriaccy, którzy czuli się faktycznymi i nominalnymi zarządcami Śląska Cieszyńskiego, stawiali na politykę faktów dokonanych. Cesarz posługiwał się językiem niemieckim, który dominował w całej cesarsko-królewskiej monarchii i tak miało być również, według ludności niemieckojęzycznej, na Śląsku Cieszyńskim. Warto więc podkreślić, że kwestie językowe były dość zawile w całej monarchii austro-węgierskiej, a zwłaszcza na Śląsku Cieszyńskim. Można jeszcze wspomnieć o Żydach, którzy posługiwali się z reguły językiem jidysz, i o pewnych skupiskach Słowaków, którzy posługiwali się swoim językiem narodowym.

Kto z kim trzymał, czyli o relacjach między różnymi narodowościami

Problem potęgował fakt, iż z początku Polacy współpracowali z Czechami w ramach Sejmu Krajowego Księstwa Cieszyńskiego, czyli stanowej reprezentacji mieszkańców regionu – takie same sejmy istniały na przykład w Galicji czy Chorwacji i stanowiły formę samorządu prowincjonalnego. Współpracowały one między innymi z władzami wyższymi (np. namiestnikami) i miały za zadanie regulowanie spraw związanych z kulturą, oświatą, robotami publicznymi i wprowadzaniem w życie rozporządzeń cesarskich (por. Encyklopedia PWN /b/). Były więc ważnym ogniwem w rozwoju samorządu i kształtowaniu tożsamości narodowej poszczególnych prowincji, mimo iż ich rola była ograniczana przez władze wyższe, które dążyły z reguły do pomijania sejmów krajowych w toku podejmowania decyzji. Z czasem jednak współpraca Polaków i Czechów załamała się, zwłaszcza po 1900 roku, kiedy to odbył się spis powszechny. Uświadomił on Czechom, że to nie Niemcy, którzy na Śląsku Cieszyńskim zamieszkiwali większe miasta (pracowali oni głównie w urzędach, administracji, szkolnictwie i handlu), są wrogami, ale właśnie Polacy, którzy coraz bardziej dominowali na tym obszarze pod względem etnicznym. O zmianie perspektywy świadczą słowa poety Petra Bezrucza: »Jest nas 70 tysięcy przed Cieszynem. Sto tysięcy spośród nas zgermanizowano, sto tysięcy spolonizowano.« (Cimała 2015: 133). Poeta czeski mówiący o germanizacji nie jest niczym niezwykłym, gdyż rzeczywiście wpływ niemieckiej kultury, obyczajowości i języka w Czechach w XIX wieku był silny i widoczny, zwłaszcza wśród elit politycznych i części mieszczaństwa. Zastrzeżenie może budzić natomiast mowa o polonizacji Czechów – oznaczałoby to, że Czesi na Śląsku Cieszyńskim tracili swoją tożsamość na rzecz dominującej »polskości«. W jakimś sensie mogło tak być – w

każdym regionie, w którym występuje większa liczebność jakiejś narodowości może mieć miejsce tendencja do asymilacji innych kultur z kulturą większości. Jednak, co interesujące, raczej nie działo się to z mniejszością niemiecką – ta w pełni zachowała swój charakter i, o ile mając na co dzień do czynienia z Polakami, następowały kontakty handlowe i kulturalne, to jednak nie doprowadziły one do procesu stopienia się Niemców z Polakami.

Dane ze spisu powszechnego z 1900 roku wyraźnie wskazują na dominację »żywiołu polskości« na Śląsku Cieszyńskim (por. Chwalba 2000: 556). Spis powszechny z 1910 roku jeszcze bardziej umocnił pozycję Polaków, ale prawdziwość jego wyników była podważana i trudno też dać wiarę temu, że nastąpiły aż tak duże zmiany demograficzne, osłabiające narodowość czeską na Śląsku Cieszyńskim na tyle, że mogłaby ona utracić część przywilejów i praw (por. Chwalba 2000: 556). Dane z austriackiego spisu powszechnego z 1910 roku wykazały w regionie: 233 850 (54,8%) ludności polskojęzycznej, 115 604 (27,1%) ludności czeskojęzycznej i 76 915 (18,1%) ludności niemieckojęzycznej (por. Nowak 2016). Pewne jest jednak, że po 1900 roku władze ponownie próbowały narzucać język niemiecki w urzędach i szkolnictwie, tym razem już z pewnym przyzwoleniem strony czeskiej, która nie mogąc w pełni narzucić swojego języka na Śląsku Cieszyńskim, optowała raczej za językiem niemieckim (wówczas dużo Czechów dobrze znało język niemiecki z racji tego, że całe Królestwo Czeskie od XVI wieku było częścią składową Rzeszy Habsburgów, później Cesarstwa Austrii, a następnie Austro-Węgier).

Stosunki wyznaniowe na Śląsku Cieszyńskim

Z kwestią władzy i języka łączy się rzecz jasna kwestia wyznaniowa, również na Śląsku Cieszyńskim mocno skomplikowana. Mamy tu do czynienia z trzema głównymi wyznaniem: katolicyzmem, protestantyzmem (Kościół ewangelicko-augsburski) i judaizmem (w różnej postaci w zależności od danej gminy żydowskiej). Schemat »Polak-katolik« nie miał tu szansy na realizację, gdyż zarówno Czesi, Polacy, jak i Niemcy byli i protestantami (zazwyczaj przynależącymi do Kościoła ewangelicko-augsburskiego), i katolikami. Oczywiście Czesi mieli swoją tradycję »narodowego protestantyzmu«, która odżywała – coraz więcej Czechów zwracało uwagę na rolę Jana Husa i jego działalność. W Husie część Czechów dostrzegła pierwszego »narodowego« działacza i reformatora Kościoła, który w XIX wieku również borykał się z wieloma wewnętrznymi problemami. Ruch »neo-husycki« na początku XX wieku będzie dość

popularny w Czechach, a pamięć o Husie i jego działalności będzie argumentem historycznym, świadczącym o tym, iż Czechosłowacja nie jest państwem nowym, a ponad tysiącletnim krajem o bogatej i różnorodnej tradycji (także wyznaniowej).

Równie ciekawie sprawa wyglądała z Niemcami austriackimi. W XIX wieku część Niemców żyjących na Śląsku Cieszyńskim była katolikami, a część protestantami (mimo iż w Austrii właściwej dominował katolicyzm). Nie można tu jednoznacznie przypisywać narodowościom konkretnego wyznania, nie licząc społeczności żydowskiej, będącej w większości wyznawcami judaizmu. Cechą charakterystyczną Śląska Cieszyńskiego była stosunkowo duża (porównując z innymi miejscami na ziemiach polskich w XIX wieku) obecność gmin protestanckich. Protestanci żyli obok katolików i Żydów w wielokulturowym regionie, co powodowało, że ludzie ci musieli się akceptować w życiu codziennym, gdyż razem pracowali, handlowali ze sobą, mieszkali często obok siebie, a ich dzieci bawiły się na podwórkach. Nie obywało się bez konfliktów, ale z reguły nie były one poważne i region Śląska Cieszyńskiego nie charakteryzował się (jak i współcześnie) agresją na tle wyznaniowym czy narodowym. To bardzo istotne dla ukazania jego specyfiki: regiony od setek lat wielokulturowe, przygraniczne, gdzie stykały się różne narodowości, wyznania, obyczaje i style życia, cechuje z reguły duży stopień zrozumienia i akceptacji, które wynikają z doświadczenia ich mieszkańców.

Grupy wyznaniowe Śląska Cieszyńskiego – moim zdaniem – najbardziej wpisały się w krajobraz kulturowy tego regionu. Ich charakterystyka pozwoli głębiej ukazać oryginalność Śląska Cieszyńskiego w strukturze Austro-Węgier oraz pokaże jego specyfikę na tle ziem polskich i czeskich. Nie można bowiem zapominać, że Śląsk Cieszyński nigdy nie przynależał i obecnie nie przynależy tylko do jednego państwa.

Szczegółowa charakterystyka grup wyznaniowych żyjących na Śląsku Cieszyńskim

Terytorium Śląska Cieszyńskiego formalnie przynależało do katolickiej diecezji wrocławskiej. Problem polegał jednak na tym, że Wrocław należał do państwa pruskiego (potem niemieckiego), co znacznie utrudniało zarządzanie tą diecezją. Rozdzielono więc diecezję wrocławską i w jej austriackiej części, czyli właśnie na Śląsku Cieszyńskim, utworzono tzw. generalny wikariat z wikariuszem wybieranym spośród proboszczów wszystkich parafii Śląska Cieszyńskiego (por. Morys-Twarowski 2013: 302). Wikariusze generalni zarządzali administracją i posiadłościami kościelnymi na Ślą-

sku Cieszyńskim, zajmowali się także sprawami edukacji, która przynależała także do spraw kościelnych. Mateusz Opolski, wikariusz generalny Śląska Cieszyńskiego, w 1848 roku wprowadził do szkół ludowych podręczniki w języku polskim, co było dużym osiągnięciem, gdyż polskie dzieci nie mogły uczyć się z niezrozumiałych dla nich (za wyjątkiem Frydecczyny i części Ostrawy) elementarzy czeskich (por. Morys-Twarowski 2013: 302). Warto wspomnieć również o jeszcze jednym wikariuszu, Polaku, Franciszku Śniegoniu. Zajmował się on głównie działalnością dobroczynną i administracją dóbr kościelnych, a także popierał polski ruch narodowy na ziemiach Śląska Cieszyńskiego, choć ze względu na wiek i duchowny stan nie angażował się weń mocno, zwłaszcza, że jego jurysdykcji podlegali również Niemcy i Czesi (por. Morys-Twarowski 2013: 304).

Z cech charakterystycznych Kościoła na Śląsku Cieszyńskim warto wymienić jeszcze to, że następowała żywa wymiana myśli teologicznej między katolikami a protestantami. Cieszyńscy katolicy chcieli mieć wpływ na wybór proboszczów, tak jak ewangelicy sami wybierali swojego pastora (por. Morys-Twarowski 2013: 312). Ta płynność idei i reguł religijnych czy obyczajowych jest bardzo charakterystyczna dla regionów przygranicznych.

Obok propolskiej działalności księży warto wspomnieć, że byli też księża czeskiego pochodzenia, którzy popierali czeski ruch narodowy i czeskie aspiracje narodowościowe. Niektórzy z nich z sympatią odnosili się do Polaków, ale byli zwolennikami języka czeskiego, mimo iż działali w parafiach z większością polskich wiernych (por. Morys-Twarowski 2013: 313).

Drugim pod względem liczby wiernych wyznaniem na Śląsku Cieszyńskim było wyznanie ewangelicko-augsburskie. Ziemie Śląska Cieszyńskiego wchodziły w skład senioratu śląskiego, ten zaś wchodził w skład superintendentury morawsko-śląskiej (por. Morys-Twarowski 2013: 320). W różnych okresach te dwa najważniejsze urzędy w Kościele ewangelicko-augsburskim na Śląsku Cieszyńskim (senior śląski i superintendent morawsko-śląski) pełniły osoby narodowości czeskiej, niemieckiej i polskiej. Świetnym tego przykładem mogą być wybory z 1911 roku, podczas których o wyborze superintendenta zdecydował głos przedstawiciela wyznania helweckiego (por. Morys-Twarowski 2013: 324). Sprawilo to, że niezadowoleni byli zarówno polscy, jak i czescy ewangelicy, gdyż od ponad 30 lat wybierano na ten urząd wyłącznie osoby pochodzące ze Śląska Cieszyńskiego.

Istniało 10 zborów zarządzanych osobno przez pastorów, którzy wybierani byli przez ogół przypisanych do zboru parafian. Warto podkreślić, że pastory często pozostawali w parafii do końca swojego życia, niekiedy po 40 czy 50 lat, np. Karol Samuel Schneider w latach 1832–1882 w Bielsku, Herman Juliusz Kostchny w latach

1837–1897 w Jaworzu, Paweł Terlica w latach 1837–1888 w Goleszowie (por. Morys-Twarowski 2013: 327–328). To powodowało bardzo duże przywiązanie parafian do pastorów, a także z reguły pozytywny stosunek do ich kadencji – umniejszano ich błędy czy niedopatrzania, a pozytywne działania i cechy eksponowano.

W społeczności ewangelickiej, która żyła na Śląsku Cieszyńskim, występowały również spore różnice teologiczne. Czescy protestanci zaczęli czerpać także z wzorców husyckich, a sama społeczność ewangelicka obawiała się konwersji na katolicyzm, co związane było z małżeństwami protestantów z katolikami – ci ostatni z reguły zachęcali do zmiany wyznania, protestanci musieli również składać zobowiązanie, że dzieci będą wychowane w religii katolickiej i nie będą zabierane do zborów (por. Morys-Twarowski 2013: 330).

Obok katolików i protestantów dość dużą i istotną grupę stanowili Żydzi. Według spisu z 1857 roku na Śląsku Cieszyńskim żyło 2 028 wyznawców judaizmu, a ich liczba w 1910 roku osiągnęła 10 965, co stanowiło 2,5% ogółu społeczeństwa regionu (por. Morys-Twarowski 2013: 337). Warto zaznaczyć, że gmina żydowska na Śląsku Cieszyńskim zaczęła działać oficjalnie w 1866 roku, kiedy to zatwierdzono jej statut (por. Polin. Wirtualny Sztetl). Reprezentowana była przez tzw. Wydział złożony z 15 osób, a na jej czele stał zarząd złożony z 5 członków, któremu przewodniczył prezes (por. Polin. Wirtualny Sztetl). W samym Cieszynie społeczność żydowska posiadała synagogę, cmentarz żydowski i mykwę (łaźnię do celów rytualnych). W 1867 roku otworzono żydowską szkołę, gdzie kształcono zgodnie z literą prawa i duchem judaizmu dzieci żydowskie (por. Polin. Wirtualny Sztetl).

Pod koniec XIX wieku Żydzi coraz częściej padali ofiarą rywalizacji czesko-polsko-niemieckiej. Byli często oskarżani o współpracę z Niemcami, a z racji pełnienia przez nich zazwyczaj funkcji ekonomów na wsiach czy też urzędników w administracji (prawie wszyscy Żydzi umieli pisać i czytać, bo tego wymagały ich religijne obrzędy) łatwo można było zrzucić na nich winę za ucisk ekonomiczny (por. Morys-Twarowski 2013: 344–345). W dodatku stosunkowa zamożność (choć oczywistym jest, że nie wszyscy Żydzi byli bogaci, a raczej tylko ich niewielka część) raziła Polaków i Czechów, którzy w nowych, przemysłowych realiach XIX wieku często nie umieli sobie poradzić – w przeciwieństwie do Żydów.

Na Śląsku Cieszyńskim Żydzi zajmowali się przede wszystkim pracą w administracji różnego szczebla, a także w przemyśle. Byli chyba najbardziej aktywną gospodarczo grupą narodowościową w regionie. Zakładali wiele firm i dominowali między innymi w przemyśle alkoholowym (por. Polin. Wirtualny Sztetl). Potencjał gospodarczy Żydów ujawnił się także w ich aktywności w różnych gałęziach gospodarki:

[...] W późniejszym czasie podejmowali się prowadzenia takich agend, jak trafiki, poczty czy telegrafy. Kolejni żydowscy przedsiębiorcy uruchamiali fabryki, przede wszystkim w Bielsku oraz we Frydku, gdzie powstał prężny, choć mniejszy od Bielska ośrodek przemysłu tekstylnego. Takie firmy jak Paneth, Baum, Popper czy Riesenfeld w Bielsku oraz Munk, Landsberger, Neumann i inne we Frydku działały z powodzeniem do I wojny światowej (a także po jej zakończeniu), zatrudniając czasami kilkuset i więcej robotników. Adolf Landsberger za zasługi w rozwoju austriackiego przemysłu oraz inne osiągnięcia został przez cesarza w 1912 roku podniesiony do stanu szlacheckiego z predykatem von Friedeck. Po 1859 roku Żydzi stanowili najaktywniejszą ekonomicznie część miejscowego społeczeństwa, na co wskazuje np. fakt, że w 1865 roku należała do nich trzecia część zaprotokołowanych sądownie firm, a do 1890 roku zarejestrowali w Sądzie Obwodowym w Cieszynie dalszych 258 firm. Najwięcej firm żydowskich działało w Bielsku (46,5%), Cieszynie (20%) i Frydku (10%), przy czym 70,1% z nich zajmowało się handlem, 22,7% przemysłem, a 5,8% rzemiosłem. Żydzi byli właścicielami 18 fabryk sukna, 4 farbiarni i 4 fabryk apretury. (Morys-Twarowski 2013: 338–339)

Przytoczone powyżej dane pozwalają stwierdzić, że Żydzi, mimo iż stanowili stosunkowo małą część społeczeństwa Śląska Cieszyńskiego (przypomnijmy: najwięcej było ich tu 2,5% ogółu ludności), to jednak ich »żyłka« gospodarcza, stosunkowo dobre wykształcenie, znajomość mechanizmów handlu i ekonomii umożliwiły im zdobycie silnej pozycji gospodarczej.

Kilka uwag o gwarze cieszyńskiej

Mówiąc o Śląsku Cieszyńskim, trzeba także wspomnieć o gwarze cieszyńskiej. Gwara ta zachowała wiele cech języka staropolskiego, a także szereg zapożyczeń z języka niemieckiego, czeskiego i słowackiego. Aż do dziś jest częściowo stosowana na Śląsku Cieszyńskim przez Polaków – zazwyczaj w domach czy podczas spotkań towarzyskich, natomiast w szkole, urzędach czy pracy preferuje się język polski. Gwara cieszyńska jest przykładem oryginalności regionu na tle innych oraz częścią tożsamości zamieszkujących go ludzi (którzy zazwyczaj czują się i są Polakami, choć często określają się jako »swoi« – czyli stąd, ze Śląska Cieszyńskie-

go). Kilka przykładów z XIX-wiecznej gwary cieszyńskiej pomoże uwidocznic różnice, ale i podobieństwa między językiem polskim i niemieckim a gwarą cieszyńską (w kolejności: gwara cieszyńska (XIX wiek) – język niemiecki – język polski):

japfio – Apfel – jabłko

kutzia – Katze – kot

siupać – sitzen – siedzieć

lulu – Nüsse – orzechy

wawa – Es thut wehe – boleć. (por. NataliaS 2019)

Interesujące słownictwo z gwary cieszyńskiej pochodzi z najstarszego słownika tej gwary, której autorem był ks. Leopold Jan Szersznik (por. NataliaS 2019). Gromadził on na przełomie XVIII i XIX wieku słowa z gwary cieszyńskiej i porównywał z językiem polskim i niemieckim, a jego notatki noszą charakter komentarzy językoznawczych.

Wnioski

Podsumowując niniejszy artykuł, chciałbym pozwolić sobie na kilka refleksji, również natury metodologicznej. W związku z obszernością tematu, jakim jest specyfika kulturowa Śląska Cieszyńskiego, a także stosunkowo dużym okresem czasu go obejmującym (1867–1914) musiałem niektóre argumenty i myśli ukazać w perspektywie ogólnej, niekiedy generalizującej pewne zjawiska czy procesy. Cezura czasowa tego artykułu to przejście z jednego świata do zupełnie innego – w 1867 roku Austro-Węgry reformują się i umacniają na arenie międzynarodowej, a w 1914 roku stają się stroną w wojnie, która zmieni obyczajowość i mentalność Europy, a także przyczyni się do upadku Habsburgów i narodzin wielu nowych państw, w tym Polski i Czechosłowacji. Myślę jednak, że w przypadku tego artykułu, metodologia oparta na ukazaniu pewnych procesów i zjawisk oraz reguł życia społecznego na Śląsku Cieszyńskim sprawdziła się – jeśli udało mi się ukazać specyfikę kulturową regionu, jeśli udało mi się pokazać wielokulturowość, wieloetniczność i swoistą oryginalność Śląska Cieszyńskiego jako prowincji Austro-Węgier, to spełniłem swoje zobowiązanie.

Bibliografia

- Chwalba, A. (2000): *Historia Polski 1795–1918*. Kraków.
- cieszynskie.travel (b.r.): »O historii Śląska Cieszyńskiego w skrócie«, <https://cieszynskie.travel/strona/historia> (dostęp: 12.04.2021).
- Cimała, B. (2015): »Klub polsko-czeski w sejmie krajowym w Opawie«. W: Jasiński / Cimała (red.): *Leksykon Polaków w Republice Czeskiej i Republice Słowackiej*, tom 4. Opole, s. 131–134.
- Czyżewski, M. (2020): »W podzielonym przez koronawirusa Cieszynie Polacy wywiesili transparent *Tęsknię za tobą, Czechu*«, <https://bielskobiala.wyborcza.pl/bielskobiala/7,88025,25807750,w-podzielonym-przez-koronawirusa-cieszynie-polacy-wywiesili.html> (dostęp: 12.04.2021).
- Encyklopedia PWN /a/ (b.r.): »Austro-Węgry«, <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/Austro-Wegry;3872488.html> (dostęp: 12.04.2021).
- Encyklopedia PWN /b/ (b.r.): »Sejm Krajowy«, <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/Sejm-Krajowy;3973624.html> (dostęp: 12.04.2021).
- Gruchała, J. / Nowak, K. (2013): »Dzieje polityczne«. W: Nowak / Panic (red.): *Śląsk Cieszyński od Wiosny Ludów do I wojny światowej (1848–1914)*. Cieszyn, s. 83.
- Morys-Twarowski, M. (2013): »Stosunki wyznaniowe«. W: Nowak / Panic (red.): *Śląsk Cieszyński od Wiosny Ludów do I wojny światowej (1848–1914)*. Cieszyn, s. 304–339.
- NataliaS (2019): »Zobacz najstarszy słownik gwary cieszyńskiej!«, <https://www.cieszy.pl/zobacz-najstarszy-sownik-gwary-cieszynskiej> (dostęp: 12.04.2021).
- Nowak, K. (2016): »Śląsk Cieszyński«, https://ibrbs.pl/index.php/Śląsk_Cieszyński (dostęp: 12.04.2021).
- Polin. Wirtualny Sztetl (b.r.): »Historia społeczności«, <https://sztetl.org.pl/pl/miejscowosci/c/422-cieszyn/99-historia-spolecznosci/137187-historia-spolecznosci> (dostęp: 12.04.2021).
- Polskie Radio (2021): »Zaolzie – sporny punkt na granicy Polski«, <https://www.polskieradio.pl/39/156/Artykul/1237541,Polskie-zajecie-czechoslowackiego-Zaolzia> (dostęp: 12.04.2021).

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Śmierć i pogrzeb w kulturze ludowej Śląska Cieszyńskiego na przykładzie wsi Pruchna

Der Beitrag befasst sich mit Bestattungsbräuchen und dem Umgang mit dem Tod in der Volkskultur der Teschener Schlesier. Das analysierte Material wurde im Rahmen einer ethnographischen Untersuchung im Dorf Pruchna gesammelt. Aufgrund der religiösen Vielfalt der Dorfbewohner*innen wurde versucht, die Unterschiede zwischen Protestant*innen und Katholik*innen herauszustellen.

The following paper deals with burial customs, and the way death is dealt with in the folk culture of Cieszyn Silesia. The analysed material was collected in the course of an ethnographic study in the village of Pruchna. Due to the religious diversity of the inhabitants of the village, an attempt was made to highlight the differences between Protestants and Catholics.

Celem artykułu jest przedstawienie śmierci i pogrzebu w kulturze ludowej Śląska Cieszyńskiego w oparciu o materiał zebrany przeze mnie w trakcie badań we wsi Pruchna.¹ Wielowiekowa koegzystencja dwóch Kościołów: rzymskokatolickiego oraz ewangelicko-augsburskiego, stanowiąca o specyfice regionu, odcisnęła się wyraźnie na obyczajowości mieszkańców i relacjach pomiędzy nimi. Dlatego podczas omawiania poszczególnych zwyczajów i wierzeń staram się każdorazowo uwzględnić różnice wynikające z odmiennej przynależności wyznaniowej.

---

1 Badania prowadzone były w latach 2015–2021. Na informatorów składała się grupa 21 osób w wieku od 60 do 95 lat, które urodziły się i większość życia spędziły na terenie Pruchnej.

Artykuł został podzielony na dwie części. Pierwsza część poświęcona jest praktykom związanym z umieraniem i pogrzebem: przygotowaniu na śmierć, duchowym i fizycznym powinnościom rodziny oraz wspólnoty wobec zmarłego, a także zwyczajom pogrzebowym i żałobnym. W drugiej części omówione są wierzenia dotyczące śmierci i pogrzebu. Składają się na nie przesady dotyczące zwiastunów śmierci (w postaci zachowań zwierząt, pogody, wróżb lub interpretacji snów) związane z poszczególnymi etapami przygotowania ciała zmarłego i pogrzebu oraz losami duszy po śmierci. Szczególną kategorię wierzeń z pogranicza demonologii ludowej stanowią przesady związane z ingerowaniem zmarłych w życie żyjących. Omówione są zjawiska, w których informatorzy doszukują się działań nadprzyrodzonych, miejsca, w których »straszy«, a także stosowane sposoby na przeblaganie »dusz«.

Tło historyczne i struktura wyznaniowa

Wieś Pruchna (do połowy XVII wieku Próchna), największa i najstarsza miejscowość gminy Strumień, wzmiankowana jest po raz pierwszy na przełomie XIII i XIV wieku jako jedna z 76 wsi ówczesnego Księstwa Cieszyńskiego zobowiązanych do płacenia dziesięciny biskupstwu we Wrocławiu (por. Panic 1988: 23). Można założyć, że luteranizm zagościł wśród tamtejszych chłopów w 1545 roku, gdy zgodnie z zasadą *cuius regio, eius religio* za przykładem księcia Waława III Adama ku nowej konfesji odwróciło się od rzymskiego katolicyzmu cieszyńskie możnowładztwo, a za nim reszta przypisanych do ziemi poddanych (por. Panic 2006: 258). Od tej pory, obok nielicznej społeczności żydowskiej,² ewangelicy stanowią duży odsetek mieszkańców Pruchnej, który od końca XIX wieku oscyluje wokół jednej trzeciej (por. Raszka 2010: 10). W 2021 roku miejscowość zamieszkiwało łącznie 2439 osób (por. Urząd Miejski w Strumieniu 2021: 12).

Istotne z punktu widzenia śmierci i pogrzebu, ale i obyczajowości w ogóle, są miejsca kultu i modlitwy. Życie religijne katolików zamieszkujących Pruchną koncentruje się wokół wybudowanego w I połowie XV wieku kościoła pod wezwaniem św. Anny oraz położonego obok cmentarza. Kilkaset metrów dalej znajduje się ewangelicko-augsburski kościół Zmartwychwstania Pańskiego, stanowiący centrum życia okolicznego zboru. Wzniesiony został w ostatnim dziesięcioleciu XIX wieku jako kaplica cmentarna, by po II wojnie światowej stać się miejscem regularnych nabożeństw i spotkań (por. Raszka 2010: 19–32).

---

2 Przed wojną były to dwie rodziny: Kornblumowie i Tobiaszowie (por. Błahut 2001: 45). Kornblumowie wyjechali do Palestyny w latach 30-tych, ostatni z Tobiaszów zginęli w czasie wojny.

Tradycje pogrzebowe

Pomimo odmiennej tradycji liturgicznej i doktryny nie sposób wskazać znaczących różnic pomiędzy etapami składającymi się na tradycje pogrzebowe katolików oraz ewangelików. Zostaną więc omówione wspólnie wraz ze wskazaniem różnic tam, gdzie to możliwe.

Przygotowania

Jeśli członek rodziny był już stary, a więc »doczakoł słósznych roków«,³ śmierć w końcu musiała »se na niego spómnieć« i »zakłupać do dźwiryży«. Zarówno w przypadku ludzi w podeszłym wieku, którzy »umiyrali ze starości«, jak i młodych moment śmierci nieraz poprzedzała choroba. Nim jednak umierający »wytnół«, »wydoł uostatni dych«, a jego dusza »ulecioła«, rodzina miała czas na ostatnie przygotowania. Wzywanie księdza zdarzało się w ewangelickich rodzinach, jednak zdecydowanie rzadziej niż w katolickich, zapewne ze względu na rolę duchownego w przygotowaniu zmarłego do śmierci. Luteranie, odrzucający istnienie czyśćca oraz praktykujący, w kontekście liturgicznym, wyłącznie spowiedź powszechną, wobec nadchodzącej śmierci ograniczali się do modlitwy, rozmowy z umierającym czy jego pocieszenia. Tymczasem dla katolików najważniejsze było, by przed śmiercią człowieka »zauopatrzyć« (»udzielić ostatnich sakramentów«), do czego niezbędny był kapłan.

Lżejsze umieranie zapewnić miała trzymana w rękach zapalona »grómniczka« (u katolików: świeca poświęcona 2 lutego w święto Matki Boskiej Gromnicznej) lub świeca chrzcielna (u ewangelików). Gdy »przyszła ta godzina« i umierający »uodeszeł na tamtyn świat«, znów należało pospieszyć na »fare« (»plebania lub kościół parafialny«). Po powiadomieniu o śmierci parafianina rozlegała się tzw. »kónajóniczka« (»dzwon obwieszczający śmierć«). Uzgadniano też szczegóły pogrzebu, który z zasady powinien odbyć się do trzech dni od zgonu. Jeśli »trówła« (»trumna«) była gotowa, kładziono ją na »ryczkach« (»taboretach«) i wkładano do niej jak najszybciej ciało, bo zmarły »w łóžku miał nagrzone i szybci by sie zaczón psuć«. Utrzymaniu odpowiedniej temperatury służyło także zasłanianie okien i/lub ich otwieranie. Twarz »umrzitego«, »zemrżitego« lub »umrzyka« (»zmarłego«) myto zimną wodą i smarowano spirytusem, by nie siniała. Usta podwiązywano chustką, mężczyzn golono. Zmarłych z reguły ubierano na czarno, za wyjątkiem młodych

---

3 Notowane terminy, wyrażenia, frazy i zwroty przytaczane były przez informatorów w toku wywiadów.

panien, które odziewano na biało, jak »młoduchy« (>panny młode<) do ślubu, a na głowę wkładano mirtowy wianek. Podobna tradycja związana była z kolorem trumien: przeważnie były czarne lub brązowe, w przypadku panien i dzieci zdarzały się bielone. Drewno trumny zależało przede wszystkim od zamożności: »Jak był bogaty, to doł se zrobić dymbowóm. Jak był biydny, z normalnych desek, z jakisigo świerku«. Do trumny wkładano różaniec (tylko u katolików i przeważnie w przypadku kobiet), modlitewnik, do kieszeni wkładano pieniądze. Ponadto w godzinę śmierci członka rodziny zatrzymywało się wskazówki zegarów, a w pokoju zasłaniano lustro.

Niezwykle ważne było czuwanie przy ciele zmarłego aż do dnia pogrzebu. Zadanie to zwykle przypadało mieszkającym w sąsiedztwie kobietom, które modliły się – odmawiały różaniec, litanie (wyłącznie u katolików) lub śpiewały pieśni pokutne (także u ewangelików).

W dniu pogrzebu

Gdy nadszedł dzień pochówku, do domu (znów) przychodził ksiądz. Po odmówieniu modlitw i pożegnaniu zmarłego formowano kondukt. Trumnę podnoszono, po czym wywracano stołki, na których stała. »Wynoszała zwykle rodzina, synowie abo bracio umrzitego«, a jeśli tych brakło, trzeba było »napytać dalszych chłopów«. Przy wyprowadzaniu zmarłego niosący trumnę trzykrotnie uderzali nią o każdy próg, czemu towarzyszyły słowa: »Z Bogiym!«. Kondukt, z krzyżem i księdzem na czele, ruszał w stronę kościoła, podczas gdy w domu często pozostawał ktoś na straży. W świątyni i na cmentarzu kontynuowano liturgię zgodnie z zasadami danego Kościoła.

Ważną cezurę, jeśli chodzi o zmianę zwyczajów pogrzebowych, stanowi rok 1992. Nastąpiło wówczas otwarcie »marowni« (>domu pogrzebowego<), mającego służyć wszystkim mieszkańcom miejscowości, bez względu na wyznanie (por. Błahut 2001: 63). Jej powstanie w pobliżu obydwu cmentarzy, coraz częstsze korzystanie z usług zakładów pogrzebowych oraz rozwój infrastruktury medycznej, a co za tym idzie częstsze spędzanie ostatnich dni życia w szpitalach, doprowadziło do zaniku większości z opisanych tradycji.

Po pochówku

Po śmierci zmarłego jego rzeczy rozdawano między ludzi. Rodzinie po stracie bliskiego wypadało »pokorować« czy też »chodzić po czornu« (>nosić żałobę<). Długość żałoby informatorzy szacowali bardzo różnie, podobnie różnie szacowano okres, w którym nie po-

winno się sprzątać pokoju i rzeczy osoby zmarłej. Jeśli była najbliższym krewnym: dzieckiem, współmałżonkiem lub rodzicem, żałoba trwać powinna około roku. W tym czasie powinno się powstrzymać od zabaw i nosić czarne elementy garderoby (choć to dotyczyło przede wszystkim kobiet). W przypadku ewangelików ramy żałoby wyznacza zwyczaj »przypóminek«. Przez sześć tygodni od śmierci nie powinno się z rzeczami zmarłego robić zupełnie nic. Dopiero wtedy, po »przypómince«, a więc nabożeństwie, w trakcie którego wspomina się zmarłego, można było uporządkować jego pokój. Po roku (a więc roku i sześciu tygodniach od śmierci) żałoba się kończyła: »Wtynczas robiło sie drugóm przypóminke i wszystko wracało«. W przypadku katolików często tę granicę wyznaczała rocznica śmierci, w którą »dowało sie na msze« za duszę zmarłego. Formą modlitewnej pamięci o zmarłym były także »zolecki« (>wypominki<) zamawiane przy różnych okazjach.

Jeśli chodzi o nawiedzanie grobów zmarłych krewnych, również nie sposób wskazać wyraźnych różnic pomiędzy luterzańskimi i katolickimi tradycjami. Choć ewangelicy nie wyznają dogmatu o obcowaniu świętych oraz modlitwy za zmarłych, zwyczaj nawiedzania cmentarzy 1 listopada z okazji »Wszystkich Świątych« jest u nich również praktykowany. Nie chodzi w nim jednak o modlitwę za duszę zmarłego, a okazanie mu szacunku i świadectwo pamięci. Jeśli chodzi o społeczność katolicką, do dziś jednym z wydarzeń religijnych gromadzących najwięcej osób jest procesja na cmentarz 1 listopada, organizowana dawniej dzień później, w tzw. Dzień Zaduszny. Kapłan z ministrantami obchodzi go dookoła i »zolyco« (>zaleca w modlitwie<) dusze wszystkich pochowanych tam zmarłych, zaś ich bliscy stoją przy grobach.

Szczególnym przypadkiem »umrzików« były osoby, które same targnęły się na swoje życie. Najczęstszą stosowaną metodą samobójczą było »uobieszyni« (>powieszenie<) w lesie, na moście lub w domu. O samobójcach mówiono, że »dioból ich uopyntół, bo kto by se sóm życi uodebroł«. Najwięcej problemów z ich pochówkiem napotykały rodziny katolickie. Krewnego, który zginął z własnej ręki, chowano jak najdalej od innych grobów, »s kraja, pod marownióm«, a jeśli ksiądz nie wyraził zgody, zazwyczaj decydowano się na pochówek na cmentarzu ewangelickim.

Wierzenia

Charakterystyka

Tradycje pogrzebowe to nie wyłącznie zestawy procedur, służące sprawnemu odprawianiu krewnego »na tamten świat«. Większość praktycznych zwyczajów skrywa

ogrom symboli, współcześnie coraz częściej zatartych nawet w świadomości informatorów. Śmierci człowieka, zarówno dokonanej, jak i oczekiwanej, towarzyszyło też mnóstwo »powiarek« (»wierzeń«). Za Julianem Krzyżanowskim skrótkowo zdefiniować je można jako poglądy i przekonania o występowaniu w przyrodzie i życiu ludzkim zjawisk nadprzyrodzonych (por. Krzyżanowski 1965: 436).

Podstawy wierzeń współczesnych mieszkańców Pruchnej dostarczają chrześcijańskie doktryny ich wyznań. Najwyraźniejsza różnica ewangelików względem katolików w stosunku do losów człowieka po śmierci dotyczy odrzucania istnienia czyśćca oraz podkreślania roli łaski Chrystusa w osiągnięciu zbawienia. Często okazuje się jednak, że choć różnice teologiczne przekładają się na odmienne praktyki religijne, a ewangelicy z reguły przodują w znajomości Pisma Świętego, nie rzutuje to na treści magicznych wierzeń, przesądów czy zabobonów. Można wyróżnić kilka nadrzędnych kategorii związanych ze śmiercią »powiarek«:

- zapowiedzi śmierci lub długiego życia (zachowania zwierząt, pogoda, wróżby lub interpretacje snów);
- związane z poszczególnymi etapami przygotowania ciała zmarłego i pogrzebu;
- dotyczące losów duszy zmarłego po śmierci.

Zapowiedzi śmierci

Wierzono, że rychłą śmierć człowieka odczytać można w znakach dawanych przez naturę. Największą bodaj rolę odgrywały tu werbalne i pozawerbalne zachowania zwierząt, bo one »dycki (»zawsze«) śmiyrć wycujóm«. Chodziło tu przede wszystkim o niepokój zwierząt domowych: gdy zbliżała się śmierć dobrego gospodarza, pracowity z reguły koń odmawiał pracy, krowa mogła przestać dawać mleko, a świnię nieznosnie ryły. Śmierć oznaczać mogło także wycie psa z pyskiem skierowanym ku ziemi. Jednak szczególna rola zwiastunów śmierci przypadała dzikim zwierzętom. Za pewną zapowiedź śmierci uznawano pohukiwanie »kuwika« (»puszczyka«). Gdy na kogoś w domu miała przyjść śmierć, przylatywał na najbliższe drzewo:

Jak kuwikoł tak pryndko: »Ki, ki, ki!«, to nic, ale jak długo: »Kuuu, kuuu!«, to prawili, że woło: »Puuu!«.

»Na śmiyrć« wołały też głośno skrzeczające wrony. To, że »kogosi w chałpie ubydzie«, rozpoznać można było także po krecie, ryjącym od strony domostwa w kierunku przeciwnym.

Za zjawiska atmosferyczne zwiastujące śmierć uchodziła wyjątkowo czerwona poświata na niebie po zachodzie słońca, a także silny wiatr, mający świadczyć o tym, że ktoś się powiesił.

Śmierć na różne sposoby można było także przepowiedzieć, przede wszystkim »we Wilije« (>w Wigilię<). Po wieczerzy wigilijnej, zarówno u katolików, jak i ewangelików, praktykowano zwyczaj rozłupywania czterech orzechów przez każdego z zasiadających przy stole: po jednym na zimę, wiosnę, lato i jesień. Jeśli któryś okazywał się zgniły lub wyschnięty, w danej porze roku można było spodziewać się śmierci lub ciężkiej choroby. Przyjęte było także zdmuchiwanie świec. Zdania odnośnie do tego, w którą stronę unosił się dym zwiastujący śmierć, są podzielone. Jeśli wiadomo było, że ciągnie w stronę cmentarza, symbol nie budził wątpliwości, jeśli wyraźnie opadał w stronę ziemi również. Dym w stronę okna lub drzwi oznaczał odejście członka rodziny. Dym unoszący się równo w górę z reguły uznawano za znak pomyślności, ale niektórzy informatorzy widzieli w nim znak, że ktoś »pudzie do niyba«. Niezwiązaną ze świętami formą przepowiadania przyszłości było otwieranie na przypadkowej stronie książeczki do nabożeństwa. Jeśli otwarta została na stronie z modlitwami za zmarłych (tylko u katolików) lub pieśniami pokutnymi, można było spodziewać się najgorszego.

Śmierć mogła się człowiekowi także przyśnić. Najpewniejszym sennym zwiastunem śmierci był wypadający ząb: »Mówili, że jak zómb we śnie wypaduje, a nie boli, to ktosi umrze. A jak wypadnył, a boloł, to z rodziny«. Niestety, choć niekoniecznie zakończenie życia, oznaczały także chude zwierzęta i grzyby. O śmierci nie świadczył jednak sen o umarłych. Panowało przekonanie, że widok zmarłego we śnie zwiastuje w najgorszym razie pogorszenie pogody. Częściej uznawano, że »jak sie widzi czyjómsi śmiyrć, to sie potym dugo żyje«, zgodnie z założeniem: »jak je cosi we śnie, to w żywocie je nauopak«.

Zwiastunem śmierci mogła być także sama śmierć. Mówiono, że jak w jednej rodzinie dwie osoby umarły po sobie, wkrótce dołączy do nich trzecia.

Przygotowanie ciała zmarłego i pogrzebu

Pierwszy przesąd, o którym warto tutaj wspomnieć, dotyczy wzywania księdza do umierającego. Choć przygotowanie na »spotkani z Bogiym« było bardzo ważne,

istniało przekonanie, że jak wezwie się księdza, to już od śmierci nie będzie odwrotu. Ta decyzja była więc ostatecznością.

Poprzez układanie zmarłego nogami w stronę wyjścia chciano doprowadzić do tego, by dusza zmarłego wyszła z domu i nie straszyla domowników.⁴ Odwieść duszę od nękania żyjących i doprowadzić ją do nieba miała też modlitwa osób przy zwłokach, aż do dnia pogrzebu. Jak wierzone: »Trzy dni duszyczka krónży po ziemi, niż kogosi pocho-wióm«. By »śmiyrć se nie przisiađła«, wywracano także taborety po podniesieniu trumny. Jeden informator wspomniał o innym ciekawym przesądzie z nimi związanym: »Jeśli chowali babe, a zostoł po nij wdowiec, i jakosi baba chcioła za niygo wyjść, to miała se siónść na te ryczke niż jóm przewrócili«.

Trzykrotne uderzenie o próg i słowa: »Z Bogiym!« miały ostatecznie udowodnić duszyczce, że zmarły pożegnał się z domem i rodziną.

Pogoda w dniu pogrzebu uważana była za swoiste podsumowanie charakteru życia »umrzitego«. Jeśli zmarł w święto lub południe, na anioł pański, uważano, że Panna Maryja (u katolików) lub »Pónbóczek« (>Pan Bóg<) na pewno »mylił go radzi«. Jeśli w dzień pogrzebu świeciło słońce, wierzone, że poszedł prosto do nieba. Jeśli było brzydko, wręcz przeciwnie. Mawiano też, że deszcz w momencie wkładania do trumny oznaczał, że nieboszczyk był pijakiem, choć różnie bywało. Jak wspomniał jeden z informatorów: »Mój starzik to był nałogowy pijok, a miał na pogrzebie szumnóm pogodę«.

Ukazywanie się zmarłych

Osobna kategoria wierzeń wiąże się z losami człowieka po śmierci. Ewangelicy, co kilkakrotnie zostało wspomniane, odrzucają istnienie czyśćca, twierdząc, że dusza człowieka trafia od razu do nieba lub piekła. Jednak przekonanie, że »duszyczki« krążą po świecie, a zmarli mogą ingerować w życie żyjących, w żaden sposób nie odróżnia ich od katolików.

Żaden z informatorów nie przyznał wprost, że widział ducha lub byłby w stanie opisać jego cechy. Zjawisk związanych z działaniem siły paranormalnej nigdy zresztą nie przypisują »duchom« wprost. Określają je jako »pokoz«, »siłę«, »dziołani nad-przirodzone«, »nie z tego świata«, czasem także jako złe lub nieczyste. O jakich zjawiskach mowa? Można wyróżnić przede wszystkim zjawiska fizyczne, które da się usłyszeć, zobaczyć lub poczuć. Byłoby to stukanie, poruszanie się przedmiotów, za-

---

4 Zapewne pierwotnie tak też tłumaczono zasłanianie luster i otwieranie okien, jednak żaden z informatorów tego nie potwierdził.

trzaskiwanie drzwi, powiew wiatru, niewytłumaczalny udziałem człowieka lub innej naturalnej siły. Tak też na przykład poruszanie się w pokoju lampy informator-ka wiązała z momentem śmierci ojca kilka domów dalej, a inna nocne kołysanie się kołyski z doglądaniem dziecka przez zmarłą wkrótce po porodzie matkę.

Zazwyczaj przyczyny wystąpienia podobnych zjawisk informatorzy upatrują w obecności wielu »duszyczek« bądź konkretnego zmarłego. Wiążą je zwykle z następującymi okolicznościami:

1. z momentem śmierci. Wówczas, jeśli śmierć dotyka osoby bliskiej, nadprzyrodzonym »pokozóm« towarzyszy silne poczucie, że dzieje się coś złego, bo »śmierć każdy czuje«, »to sie dycki wiy«. W przytaczanych przez informatorów historiach bliscy zmarłego podświadomie nie chcą wrócić do domu, bo wiedzą, że stało się w nim coś złego, wybudzają się w środku nocy, czują silny niepokój. Podobnie dzieje się w przypadku zwierząt domowych, jeśli były związane z danym człowiekiem.
2. z obecnością duszy zmarłego, który domaga się modlitwy lub dopełnienia niezrealizowanego przez siebie obowiązku. Najczęściej podawanym przykładem jest różnie identyfikowany katolicki ksiądz, który miał wziąć pieniądze na odprawienie mszy, ale nie zrobił tego przed śmiercią, stając się przyczyną »straszynio« na prucheńskim probostwie.
3. z napominaniem przez zmarłego osób, które wobec niego zawiniły lub nie zrealizowały danej obietnicy. Bardzo mocne przekonanie wiązało się z tym, że »gdy sie kómusi co zawini, to sie potym bydzie ukozywoł«. Zawinić zmarłemu można było jednak i po śmierci, na przykład zrywając kwiatki rosnące na jego grobie. Ciekawa historia, przytoczona zresztą przez luteranów, związana jest z nieuszanowaniem przez rodzinę spokoju nieboszczki i posprzątaniem jej rzeczy bez odczekania sześciu tygodni do pierwszej »przipóminki«:

Jak starka umrziała, to nasi zaroz wysprzöntali całóm jeji izbe... W nocy słyszeli jakisi uodgłosy, bo starka była zło, że tak zrobili – i musieli spatki wszystko poukładać i czekać dalszych pore tygodni.

4. ukazywanie się zmarłego jako przestroga dla żyjących. Przytaczane historie nie dotyczyły własnych doświadczeń. Były to opowieści zasłyszane, ewidentnie pełniące funkcje dydaktyczne – przestrogi dla dzieci, by nie angażowały się w niebezpieczne aktywności, takie jak zabawy nad stawem itp. Ciekawa opowieść, zasłyszana wyłącznie u jednej informatorki, dotyczyła ukazywania się panny w sukni ślubnej:

Jak sie szło kiedyś przez pola [...] tam je grobla – po dzisio – i na tej grobli straszło. [...] Roz starka posłała mame z jeji siostróm gdzieś do centrum i jak wracały, to už była ćma. Przyszeł od tej groble wiater i, jak wróciły, były tak przerażone, aż się pochorowały. A roz jak tam szła, pokazała sie ji pani w sukni, jak do ślubu. Starka ji mówiła, że to dlatego, że wiele lat temu na dworze w Pruchnej była panna, kiero miała wyjść za mónż za bogatego. Uciekała przed nim i rozsunięła się zymia, a óna tam wpadła na kóniu.

5. straszenie żyjących przez dusze potępione. Paranormalnych zjawisk i znaków spodziewano się w pobliżu miejsc, w których ktoś się powiesił i z tego względu starano się ich unikać.

Niezależnie od sposobu ingerowania przez »duszyczki« w życie ludzi, informatorom towarzyszy przekonanie, że nie mogą zrobić krzywdy. Reakcja osoby doświadczającej »pokozy« podyktowana jest jednak przede wszystkim wyznaniem. O ile katolicy, by uspokoić »duszyczke«, podejmują się modlitwy za zmarłego, »dajóm na msze« lub »zamowiajóm zolecki« czy, jak też się to określa, »dajóm na rzykani«, ewangelicy modlą się do Boga lub starają się zadośćuczynić potrzebom zmarłego, jeśli są w stanie je zidentyfikować. Gdy przedsięwzięło się podobne kroki, »pokozy« zazwyczaj się kończyły: kołyski przestawały się ruszać, zmarły się nie ukazywał, drzwi się więcej nie zatrzaśkiwały same.

Co ciekawe, najbardziej karkołomne próby walki z »duszyczkami« przedsiębrać miał jeden z proboszczów. Wedle opowieści parafian, ze względu na nocne straszenie »chcił stowiąć nowóm fare, a staróm zbulać (>zburzyć<)>, ale ostatecznie »przemowiół z duchym« i pozytywny efekt przyniosło odprawienie mszy w zaniedbanych przez jednego z poprzedników intencjach.

Podsumowanie

Pod wpływem przemian cywilizacyjnych, skutkujących niemal zupełnym wyprowadzeniem obrzędów pogrzebowych z domów, porzucaniem życia religijnego i zmianą myślenia współczesnych mieszkańców wsi, dawna obyczajowość przechodzi radykalne przeobrażenia. Być może wnioski byłyby zupełnie inne, gdyby wziąć pod uwagę relacje osób młodszych, identyfikujących się dziś z prucheńską wspólnotą katolicką lub zborem ewangelickim. Tym niemniej, przeprowadzona przeze mnie analiza rozmów prowadzonych z najstarszymi informatorami wykazała, że pomimo rozlicznych różnic doktrynalnych przedstawicieli obydwu społeczności w podejściu do śmierci i pogrzebu różnicuje stosunkowo niewiele elementów. Dawne zwyczaje i niekiedy wciąż aktualne przekonania informatorów silnie naznaczone są myśleniem magicznym, które usiłują oni ujmować w ramach religijnych interpretacji swoich Kościołów. Jednak odmienna liturgia (porządek modlitw, ich treść, rola duszpasterza) i teologia (wiara w czyściec, obcowanie świętych), w oczywisty sposób przekładając się na odmienne praktyki pogrzebowe, w znikomym stopniu oddziałują na towarzyszące im tradycje i wierzenia, zakorzenione głęboko w kulturze ludowej.

Bibliografia

- Błahut, P. (2001): *Dawniej a dziś 1918–2000*. Pruchna.
- Krzyżanowski, J. (1965): *Słownik folkloru polskiego*. Warszawa.
- Panic, I. (2006): *Dzieje Śląska Cieszyńskiego od zarania do czasów współczesnych. Tom III*. Cieszyn.
- Panic, I. (1988): *Księstwo cieszyńskie w średniowieczu. Studia z dziejów politycznych i społecznych*. Cieszyn.
- Raszka, E. (2010): *Zarys dziejów i życia społecznego wsi Pruchna*. Pruchna.
- Urząd Miejski w Strumieniu (2021). *Informator gminy Strumień 2021*. Strumień.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

»Polenaktion« – wysiedlenie Żydów polskich z III Rzeszy w październiku 1938 roku. Istota wydarzenia

Ziel des Beitrags ist es, die Handlungsimpulse und die Folgen der Deportation polnischer Juden aus dem Dritten Reich im Oktober 1938 zu erörtern. Dieses Ereignis löste damals in Europa viele Kontroversen aus, wie zahlreiche Presseartikel belegen. Die in Polen erlassenen Rechtsnormen haben zweifellos die Entscheidung der deutschen Behörden beeinflusst, eine so umfangreiche Vertreibungsaktion durchzuführen.

The aim of the paper is to discuss the impulses for action and the consequences of the deportation of Polish Jews from the Third Reich in October 1938. This event caused a lot of controversy in Europe at the time, as numerous press articles show. The legal norms enacted in Poland undoubtedly influenced the decision of the German government to carry out such a large-scale expulsion operation.

Terminem »Polenaktion« określa się przeprowadzoną w październiku 1938 roku akcję przymusowego wysiedlenia polskich Żydów z terenów III Rzeszy. Pretekstem, do zorganizowanej akcji masowej deportacji Żydów pochodzących z Polski, było wykorzystanie przez władze III Rzeszy rozporządzenia polskiego ministra spraw wewnętrznych z dnia 6 października 1938 roku, opublikowane w Dzienniku Ustaw 15 października 1938 roku.¹ Zgodnie z nim nakazano obywatelom polskim przeby-

---

1 Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 6 października 1938 roku wydane w porozumieniu z Ministrem Spraw Zagranicznych w sprawie przeprowadzenia za granicą jednorazowej kontroli paszportów zagranicznych polskich. W: Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej 1938, nr 80, poz. 542.

wającym za granicą poddanie kontroli posiadanego paszportu wydanego przez zagraniczne placówki RP. Miało to zostać przeprowadzone w odpowiednim konsulacie i doprowadzić do uzyskania adnotacji potwierdzającej ważność dokumentu. Paszporty bez takiej adnotacji nie upoważniały do przekraczania granicy polskiej i powrotu do kraju po 29 października 1938 roku. Obywatele polscy przebywający poza granicami kraju na dokonanie tej czynności nie mieli dużo czasu, a ponadto część z nich zignorowała nakaz. Okoliczność tę wykorzystały władze III Rzeszy w celu wydalenia polskich Żydów z Niemiec.

Problem »Polenaktion« jest kwestią niezwykle ważną dla historii europejskich Żydów, ich eksterminacji oraz stosunków polsko-niemieckich. Niestety kwestia ta jest często pomijana, szczególnie w podręcznikach szkolnych. Częściej i szerzej omawia się inne akty antyżydowskie, jak np. uchwalenie Ustaw norymberskich (niem. Nürnberger Gesetze) czy wydarzenia Nocy kryształowej (niem. Kristallnacht). »Polenaktion« było nie tylko kolejnym brutalnym krokiem antysemickiego rządu nazistów, ale i próbą nacisku na rząd polski, mający skłonić polskich polityków do uległości wobec roszczeń III Rzeszy. Był to również sprawdzian reakcji dla innych państw europejskich na antysemickie poczynania nazistów oraz próba społecznych reakcji wobec eksterminacyjno-rasistowskich działań III Rzeszy.

W ramach akcji masowej deportacji tysiące ludzi zostało zmuszonych do natychmiastowego opuszczenia swoich domów, pozostawienia posiadanego mienia (istniała możliwość zabrania wyłącznie małego bagażu i niewielkiej kwoty pieniędzy) i udania się w nieznaną. Owym nieznanym okazała się stacja kolejowa, z której odtransportowano polskich Żydów w okolice granicy polsko-niemieckiej. Taki los spotkał około 17 000 polskich Żydów zamieszkujących III Rzeszę. Pociągi z deportowanymi kierowane były głównie na Górny Śląsk oraz w okolice Zbąszynia (por. Tomaszewski 1998: 137). W niniejszym artykule przedstawione zostały losy deportowanych na przykładzie Żydów, którzy trafili nieopodal przejścia granicznego koło Zbąszynia.

Ostjuden – Żydzi Wschodni

Polscy Żydzi zamieszkujący tereny Niemiec zaliczani byli do grupy Żydów Wschodnich (niem. Ostjuden). Określenie to ukształtowało się w pierwszej połowie XX wieku i odnosiło się do przybyszów wyznania mojżeszowego ze Europy Wschodniej. Wielu z nich przybyło do Niemiec podczas wielkiej wojny jako robotnicy lub jeńcy (por. Tomaszewski 1998: 14), ale głównie należeli do nich obywatele polscy pochodzenia

żydowskiego, którzy po zakończeniu I wojny światowej osiedlili się w Niemczech. Spora część emigrantów żydowskich swoją wędrówkę rozpoczęła jeszcze wcześniej tj. w okresie rozbiorów, często poszukując lepszego bytu (emigranci m.in. z Galicji) lub schronienia przed prześladowaniami i nasilającymi się pogromami w Imperium Rosyjskim (por. Tomaszewski 1998: 10). Trudno dokładnie określić, jaki procent Żydów Wschodnich stanowili polscy Żydzi (niem. polnische Juden). Prawdopodobnie w 1933 roku w Niemczech mieszkało 88 400 Żydów, a wśród nich około 56 500 polskich Żydów (por. Tomaszewski 1998: 19). Żydzi pochodzący z krajów wschodnioeuropejskich często spotykali się z niechęcią ze strony Niemców i stanowili odrębną grupę nawet wśród niemieckich Żydów. Wyróżniali się nie tylko swoim pochodzeniem, ale przede wszystkim większym rygoryzmem religijnym i statusem majątkowym (por. Tomaszewski 1998: 12). Stali się więc grupą wyodrębnioną, budzącą niechęć wśród niemieckiego społeczeństwa, w tym także w kręgach niemieckich Żydów.

Po zakończeniu I wojny światowej, a zwłaszcza w latach trzydziestych XX wieku w Niemczech coraz intensywniej rozwijały się nastroje antysemickie. Uprzedzenia, a z czasem wrogość, dotyczyła nie tylko polskich Żydów, ale i wszystkich przedstawicieli wyznania mojżeszowego. Polityka nazistów była zdecydowanie antyżydowska, a założeniem polityki Narodowosocjalistycznej Niemieckiej Partii Robotników (NSDAP) było odizolowanie Żydów od społeczności niemieckiej. Po zdobyciu poparcia w wyborach parlamentarnych przez NSDAP w 1932 roku (37%), i objęciu stanowiska kanclerza przez Adolfa Hitlera wrogie działania skierowane przeciwko Żydom nasiliły się w sposób znaczący (por. Tomaszewski 1998: 25). Antysemityzm stał się nieodłącznym elementem polityki prowadzonej przez Hitlera. Akty wrogości nabierały charakteru zaplanowanych, przemyślanych i odgórnie sterowanych akcji. Początkowo Żydzi padali ofiarami bojówek hitlerowskich, podobnie jak inni przeciwnicy Führera. NSDAP organizowała również bojkoty sklepów i przedsiębiorstw należących do Żydów (por. Jonca 1998: 41). Działania te skutecznie utrudniały życie tysiącom osób.

Aby wykluczyć Żydów ze społeczności niemieckiej i skłonić ich do emigracji wydano szereg ustaw ograniczających ich prawa. Wykluczono Żydów (oraz osoby o wątpliwej dla nazistów przeszłości politycznej) ze sprawowania urzędów państwowych. Kolejne przepisy eliminowały Żydów z uczelni wyższych oraz zakazywały wykonywania zawodu lekarza. »Paragraf aryjski« stał się częstym elementem ustaw bądź statutów organizacji i związków, na mocy którego ograniczano Żydom możliwość przynależności do organizacji (por. Jonca 1998: 40). Późniejsze ustawy coraz bardziej ograniczały prawa i swobody wyznawców judaizmu. Uchwalone we wrześniu 1935 roku Ustawy norymberskie definiowały »Żyda« jako osobę, która posiadała co najmniej trzech żydowskich

przodków, wprowadzały również pojęcie »mieszańca«. Ustawy te określiły wyznawców Mojżesza jako »przynależnych do państwa«, czyli osoby pozbawione praw cywilnych oraz politycznych. Wprowadzały także zakaz zawierania małżeństw pomiędzy Żydami a Niemcami (por. Tomaszewski 1998: 30–31).

Wszelkie antysemityczne ustawy bezpośrednio dotyczyły również polskich Żydów, którzy odczuwali coraz większy niepokój. Zagrożenie to obserwowali również konsulowie i ambasadorzy polscy w III Rzeszy, którzy zaniepokojeni wydarzeniami raportowali o pogarszającej się sytuacji polskich Żydów w Niemczech. Ambasador RP w Berlinie Józef Lipski relacjonował w raporcie z dnia 20 lutego 1936 roku do ministra spraw zagranicznych RP Józefa Becka, że w związku z nasilonymi aktami prześladowań polscy Żydzi zaczęli tworzyć organizacje i stowarzyszenia mające na celu ochronę swoich członków. Przykładem takiej organizacji był Związek Żydów Polskich w Niemczech (por. Tomaszewski 1978: 105). Lipski informował również o wzmożonych akcjach antyżydowskich oraz krokach prawnych, które skutecznie ograniczają prawa ludności żydowskiej, co może wpłynąć na decyzję o emigracji z Niemiec (por. Tomaszewski 1978: 106). W raporcie ambasador wyraźnie sugerował, że istnieje realne niebezpieczeństwo znacznego pogorszenia sytuacji polskich Żydów w Niemczech (por. Tomaszewski 1978: 109). Jego obawy okazały się słuszne. Założeniem Hitlera było nie tylko oddzielenie Żydów od Niemców – Aryjczyków, ale i wydalenie ich poza granice III Rzeszy.

Raporty dyplomatów z innych polskich placówek zagranicznych począwszy od 1933 roku coraz częściej informowały władze polskie o sytuacji Żydów polskich mieszkających w III Rzeszy (por. Tomaszewski 1998: 64). Niepokojące wieści o częstych prześladowaniach i nastrojach emigracyjnych sprawiły, że rząd polski zaczął bać się masowych emigracji polskich Żydów do kraju. Rząd postanowił więc podjąć kroki prawne, by zabezpieczyć państwo przed przybyciem tysięcy emigrantów. 31 marca 1938 roku uchwalono *Ustawę o pozbawieniu obywatelstwa*,² w myśl której obywatele polscy mogli zostać pozbawieni obywatelstwa w trzech przypadkach:

- jeśli obywatel działał na szkodę państwa polskiego
- lub przebywał poza granicami kraju i utracił łączność z Polską,
- albo nie powrócił do kraju w terminie na wezwanie urzędu zagranicznego Rzeczypospolitej.³

---

2 Por. Ustawa z dnia 31 marca 1938 roku o pozbawieniu obywatelstwa. W: Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej 1938, nr 22, poz. 190, 191.

3 Por. Ustawa z dnia 31 marca 1938 roku o pozbawieniu obywatelstwa. W: Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej

Kolejnym aktem prawnym, który miał zapobiec przybyciu emigrantów do Polski, było wspomniane już *Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 6 października 1938 roku*. Dokument został uchwalony w wyniku gwałtownie pogarszającej się sytuacji Żydów w Niemczech (por. Tomaszewski 1998: 102). Rozporządzenie nakazywało wszystkim obywatelom Polski przebywającym za granicą poddanie paszportów kontroli, której mieli dokonać pracownicy dyplomatycznych placówek Rzeczypospolitej. Po pozytywnej kontroli miano wpisać do paszportu adnotację potwierdzającą ważność dokumentu, która upoważniała do przekroczenia granicy.⁴ Paszporty, które nie uzyskały adnotacji do dnia 29 października 1938 roku, traciły ważność. Rozporządzenie ukazało się w Dzienniku Ustaw 15 października 1938 roku, co skróciło czas na dopełnienie formalności (por. Tomaszewski 1998: 107). Zarządzenie ministra spraw wewnętrznych Sławoja Składkowskiego stało się pretekstem do wysiedlenia z III Rzeszy około 17 000 polskich Żydów.

26 października 1938 roku ambasador III Rzeszy w Warszawie Hans Adolf von Moltke na polecenie rządu niemieckiego zażądał cofnięcia rozporządzenia, argumentując to faktem, iż w przeciwnym razie obywatele polscy, którzy nie uzyskają potwierdzenia ważności paszportu zmuszeni zostaną do pozostania na terenie Niemiec na stałe, na co naziści stanowczo nie wyrażają zgody. Na tak postawione ultimatum strona polska odpowiedziała odmową cofnięcia wydanego rozporządzenia, tłumacząc, że ma ono na celu wyłącznie kontrolę paszportów i nie jest skierowane w konkretną grupę obywateli przebywających poza krajem (por. Tomaszewski 1998: 109–110). Ultimatum było jednak tylko iluzją. W Berlinie nie czekano na odpowiedź polskiego Ministerstwa Spraw Zagranicznych i już 26 października 1938 roku rozpoczęto przygotowania do masowego wysiedlenia polskich Żydów (por. Jonca 1998: 91). Nie liczone więc na przychylną reakcję strony polskiej. Jeszcze tego samego dnia Reinhard Heydrich, szef Służby Bezpieczeństwa, wydał zarządzenie adresowane do nadprezydentów prowincji i placówek policji bezpieczeństwa, które zakazywało pobytu Żydom, obywatelom polskim, na terenie III Rzeszy (por. Jonca 1998: 91). Dla sprawności przeprowadzenia akcji deportacji zmobilizowano całość sił policyjnych, by jak najszybciej dostarczyć nakazy i rozpocząć wysiedlanie. Z upoważnienia Heinricha Himmlera, funkcjonariusz Gestapo Werner Best rozkazał placówkom Gestapo znajdującym się

Polskiej 1938, nr 22, poz. 190, 191.

4 Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 6 października 1938 roku wydane w porozumieniu z Ministrem Spraw Zagranicznych w sprawie przeprowadzenia za granicą jednorazowej kontroli paszportów zagranicznych polskich. W: Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej 1938, nr 80, poz. 542.

przy granicy polsko-niemieckiej pomoc w »przekazywaniu Żydów« za granicę (por. Tomaszewski 1998: 115), co mogło sugerować zgodę na nieformalne działania funkcjonariuszy Gestapo.

Akcja miała od początku charakter zorganizowany i masowy. Dostarczeniom nakazów opuszczenia III Rzeszy towarzyszyły często aresztowania, które miały zapobiegać uniknięciom wysiedlenia. Przebieg »Polenaktion« był niezwykle brutalny, szczególnie w miejscowościach, w których nakazy doręczali funkcjonariusze SS. Według odgórnych rozkazów deportować miano wszystkich polskich Żydów, choć w niektórych miastach aresztowano wyłącznie mężczyzn, to najczęściej nakaz opuszczenia Rzeszy otrzymywała cała rodzina, również kobiety i dzieci. Warto zwrócić uwagę na fakt, iż apogeum akcji przypadło na czas szabatu, czyli świętego czasu, podczas którego Żydzi powinni powstrzymać się od wszelkich prac (por. Tomaszewski 1998: 120–121). Tysiące wyznawców judaizmu zostało wówczas aresztowanych lub zmuszonych do udania się bezpośrednio na dworce kolejowe, z których po kilkugodzinnych oczekiwaniach zostali odtransportowani pociągami do granicy polsko-niemieckiej. Pociągi z deportowanymi kierowane były, jak już wspomniano, głównie na Górny Śląsk oraz w okolice Zbąszynia.

Warunki bytowe Żydów wysiedlonych do Zbąszynia

Pociągi często zatrzymywały się kilka kilometrów przed stacją docelową, a Żydzi zmuszeni byli do pokonania dalszej drogi pieszo. Funkcjonariusze Straży Granicznej byli zszokowani pojawiającymi się w nocy tłumami ludzi chcących przekroczyć granicę, najczęściej w niedozwolonych miejscach. Do Zbąszynia pierwsza grupa deportowanych Żydów dotarła 28 października 1938 roku około godziny 20:30 (por. Tomaszewski 1998: 141). Na polsko-niemieckich przejściach granicznych zapanował chaos, tysiące ludzi zostało zmuszonych, pod eskortą hitlerowców, do przekroczenia granicy. Funkcjonariusze policji i Straży Granicznej nie mogli na to pozwolić, stosując się do ogólnych zasad postępowania w przypadku próby nielegalnego przekroczenia granicy. Jednakże nie był to przypadek jednostkowy, przy granicy znalazły się tłumy, a kolejne nadjeżdżały następnymi pociągami. Funkcjonariusze graniczni, kompletnie nieprzygotowani i niepoinformowani wcześniej o możliwości przybycia wysiedleńców, musieli czekać na decyzje swoich przełożonych, którzy sytuacją byli równie zaskoczeni (por. Tomaszewski 1998: 145). Ogólna dezorientacja wydłużała tragedię polskich Żydów, którzy oczekując na pozwolenie przekroczenia

przejścia granicznego, koczowali w lasach i na polach w zimną, deszczową noc. Po kilkugodzinnym oczekiwaniu około 7 000 deportowanych Żydów zostało rozlokowanych w pomieszczeniach dworca kolejowego w Zbąszyniu. Część deportowanych z niewyjaśnionych przyczyn była odsyłana z placówek polskich do niemieckich i z powrotem. Około 2 000 osób w kolejnych dniach opuściło Zbąszyń (por. Tomaszewski 1998: 192). Rząd polski zezwolił na podróż deportowanych do innych polskich miejscowości, jednak zdecydowana większość nie miała środków finansowych na dalszą podróż. Część deportowanych Żydów została zakwaterowana w budynkach koszar i młyna należącego do braci Grzybowskich (por. Tomaszewski 1998: 194–196). Dzieci umieszczono w dawnej strzelnicy i sali gimnastycznej. Pomieszczenia te nie były przystosowane do pełnienia funkcji miejsc noclegowych, było to jedynie zakwaterowanie organizowane w pośpiechu i panującej nadal dezorientacji. Z pomocą wysiedlonym Żydom przyszli mieszkańcy Zbąszynia, piekarze i wędliniarze, którzy umożliwili zakup produktów spożywczych po obniżonych cenach (por. Tomaszewski 1998: 194). Inni mieszkańcy dostarczali za darmo ciepłą wodę. Ugotowano również zupę, którą mogli posilić się wygnańcy. Pomoc nadeszła również od żydowskiego Komitetu w Warszawie, który przysłał produkty spożywcze. Wsparcie okazywali także Żydzi zamieszkujący Zbąszyń, choć nie byli oni w stanie samodzielnie udzielić pomocy tysiącom deportowanych.

W mieście zorganizowano komitet pomocy, na którego czele stanął współwłaściciel młyna, Żyd H. Grzybowski (por. Tomaszewski 1998: 195). Pomoc w kolejnych dniach polegała na umieszczaniu deportowanych w prywatnych mieszkaniach, bezpłatnie lub za niewielką opłatą. Zaangażowanie mieszkańców przygranicznego miasteczka dało wielu deportowanym Żydom nadzieję. Zostali oni przecież z dnia na dzień pozbawieni dachu nad głową. Zachowanie zbąszynian bez wątpienia zasługuje na uwagę. Wielkopolska nie była wówczas wolna od antysemickich nastrojów, niechęć do Żydów występowała również w Zbąszyniu, jednakże w obliczu tragedii mieszkańcy miasteczka okazali solidarność z wygnanymi, przerażonymi kobietami, mężczyznami i dziećmi. Należy wspomnieć, że w 1938 roku Zbąszyń zamieszkiwało 54 000 mieszkańców (por. Tomaszewski 1998: 193). Były to osoby niezamożne, często mające niewiele więcej od wygnanych Żydów, które jednak niosły pomoc, na tyle na ile potrafiły. W pierwszych dniach po deportacji to właśnie na mieszkańców Zbąszynia spadł ciężar zakwaterowania i utrzymania wysiedlonych.

W kolejnych dniach nadchodziło wsparcie od organizacji żydowskich z całej Polski. Relacja Zbigniewa Mitznera informuje o tym, jak dzieci przybyłe do Zbąszynia bawiły się z miejscowymi dziećmi na miejskim stadionie, zapominały o koszmarze

deportacji, strachu i lęku, a dzieci zbąszyńskie bez problemów porozumiewały się z nowymi kolegami i koleżankami (por. Tomaszewski 1998: 199).

Obóz dla Żydów miał być rozwiązaniem tymczasowym. Zarówno władze lokalne jak i rząd polski w Warszawie, żywiły nadzieję na pomyślny przebieg negocjacji z Niemcami i szybkie rozwiązanie problemu. Jednak rozmowy ze stroną niemiecką nie przynosiły pożądanых efektów, a rząd polski wydał zarządzenia zakazujące przybyłym Żydom opuszczania miasta (por. Tomaszewski 1998: 202). Panująca dezorientacja była wynikiem zaskoczenia i bezsilności władz polskich wobec szybko przeprowadzonej przez hitlerowców akcji deportacji. Zorganizowany w chaosie obóz miał mieć charakter tymczasowy, miejsca zakwaterowania nie były przystosowane do noclegu i pobytu na dłuższy czas.

Mimo udzielanej pomocy sytuacja deportowanych więź była tragiczna. Być może przebywanie tysięcy Żydów w przygranicznym miasteczku miało wywierać nacisk na władze niemieckie, te jednak nie miały zamiaru przyjąć deportowanych z powrotem. Obszar obozu (koszary i młyn) został obstawiony policjantami, którzy mieli uniemożliwić Żydom opuszczenie miasta. Ograniczanie w przemieszczaniu się po mieście dodatkowo pogłębiało trudną sytuację wygnańców. Większość z nich zabrała ze sobą niewiele, część walizek zgubiono podczas podróży, więc deportowani trafili do stajni czy koszar, nie mając przy sobie najpotrzebniejszych rzeczy. Spora część deportowanych Żydów nie utrzymywała już kontaktów z rodziną w Polsce, toteż nie miała dokąd się udać. Wysiedleni Żydzi przebywający w niezwykle trudnych warunkach wystosowali 7 listopada 1938 roku dwie depesze – do Ministerstwa Spraw Zagranicznych oraz do prezydenta RP, apelując o pomoc (por. Tomaszewski 1998: 204).

Z czasem dostrzeżono bezzasadność utrzymywania obozu w Zbąszyniu i zaczęto pozwalać na stopniowe opuszczanie miasta. Problem obozu widziały przede wszystkim lokalne władze administracyjne, które przecież nie miały podstaw prawnych do wydania zakazu opuszczania miasta (por. Tomaszewski 1998: 206–207). Żydzi starali się jak najszybciej zapewnić swoim bliskim poczucie bezpieczeństwa. Osoby, które posiadały rodziny w Polsce udawały się do krewnych. Staraly się również wyjechać do innych państw przy pomocy różnych komitetów pomocy. Jedną z takich inicjatyw pomocowych podjęli brytyjscy działacze żydowscy, którzy otrzymali zgodę na przyjęcie dzieci żydowskich z krajów, w których wyznawcy judaizmu byli prześladowani. Takie transporty dzieci (niem. Kindertransporte) (por. Skórzyńska / Olejniczak 2012: 115) były organizowane również ze Zbąszynia.

Podsumowanie

Tragedia ›Polenaktion‹ dotknęła tysięcy polskich Żydów, którzy zamieszkiwali III Rzeszę. Wśród wysiedlonych znajdowały się kobiety zatroskane o los swoich dzieci, mężczyźni, którzy stali się bezsilni, nie mogąc zapewnić rodzinie bezpieczeństwa oraz dzieci zupełnie nieświadome wydarzeń, nierozumiejące ›świata dorosłych‹. Tysiące wysiedlonych osób zostały bezprawnie internowane w małym przygranicznym miasteczku, koczując w nadziei na poprawę sytuacji. Na wydarzenie to można spojrzeć z różnych perspektyw. Po pierwsze, można postrzegać je jako kolejny krok antysemitckiego działania nazistów, kolejny ruch świadczący o chęci pozbycia się Żydów z niemieckiego społeczeństwa. Po drugie, także jako czas próby dla Polski i krajów Europy Zachodniej, które praktycznie z bezsilnością przyglądały się coraz śmielszym posunięciom nazistowskiej III Rzeszy pod wodzą Adolfa Hitlera, czy, po trzecie, jako sprawdzian dla rządu polskiego, który powinien dbać o swoich obywateli, również tych przebywających poza granicami kraju. Wreszcie po czwarte, istnieje jeszcze perspektywa samych deportowanych, którzy w wyniku wykorzystania regulacji prawnych stali się pionkami na planszy Europy, które przerzucano przez granice. To właśnie ta ostatnia perspektywa wydaje się być najsmutniejsza i zarazem najbardziej tragiczna. Koszmaru doświadczyły konkretne osoby, imiona i nazwiska większości z nich są znane. Nie zawsze jednak znane są ich dalsze losy. Tym znanym dalszym losom z kolei warto przyrzeć się bliżej.⁵ Na uwagę z pewnością zasługuje również postawa mieszkańców Zbąszynia, którzy udzielili deportowanym pomocy i schronienia. Do dziś w miasteczku żywa jest pamięć o tragicznych wydarzeniach października 1938 roku. Miejscowe organizacje podejmują szereg inicjatyw mających na celu upamiętnienie losów Żydów, którzy trafili wtedy do Zbąszynia.

Byt Żydów, nie tylko polskich Żydów, w III Rzeszy ulegał wyraźnemu pogorszeniu. Lata trzydzieste XX wieku były okresem rosnących napięć w stosunkach polsko-niemieckich oraz czasem, w którym rozszerzały się rasistowskie i antyżydowskie nastroje. Jednak należy zwracać uwagę na epizody ludzkiej solidarności i wsparcia w tych trudnych czasach. Epizody takie jak przygraniczne miasteczko Zbąszyń, które stało się tymczasowym schronieniem dla tysięcy deportowanych Żydów, którzy wyrzuceni z III Rzeszy znaleźli tam pomoc. A udzielenie pomocy polskim Żydom nie było kwestią oczywistą, Zbąszyń był wówczas niedużym i niezamożnym miastem.

---

5 Przykłady dalszych losów osób deportowanych do Zbąszynia przedstawiono szerzej w Skórzyńska / Olejniczak (2012).

W opracowaniach dotyczących ›Polenaktion‹ można spotkać się z określeniem ›preludium‹. Z pewnością jest to trafne określenie. Akcja deportacji polskich Żydów była, choć wówczas jeszcze nie zdawano sobie z tego sprawy, zapowiedzią następnych, bardziej brutalnych aktów skierowanych przeciwko Żydom. Wydarzenia, które miały miejsce w październiku 1938 roku zwiastowały dramatyczny los Żydów europejskich w kolejnych latach. Tragedia Nocy kryształowej (9/10 listopada 1938 roku) oraz zagłada Żydów podczas II wojny światowej umniejszyły znaczenie ›Polenaktion‹, jednak wydarzenie to, jak i każdy inny akt antysemityzmu, powinien być powodem do refleksji oraz dialogu międzynarodowego i międzykulturowego. To właśnie dialog jest pierwszym krokiem ku zrozumieniu, solidarności i tolerancji.

Bibliografia

Jonca, K. (1998): *Noc Kryształowa i casus Herschela Grynszpana*. Wrocław.

Skórzyńska, I. / Olejniczak, W. (2012): *Do zobaczenia za rok w Jerozolimie. Deportacje polskich Żydów w 1938 roku z Niemiec do Zbąszynia. / See You next Year in Jerusalem. Deportations of Polish Jews from Germany to Zbąszyń in 1938*. Zbąszyń, <https://doi.org/10.26774/wrhm.35>.

Tomaszewski, J. (1978): »Raport dyplomatyczny o położeniu Żydów polskich w Niemczech na początku 1936 r.«. W: *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego* (2) [106], s. 101–109.

Tomaszewski, J. (1998): *Preludium zagłady. Wygnanie Żydów polskich z Niemiec w 1938 r.* Warszawa.

Rozporządzenia i ustawy

Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 6 października 1938 roku wydane w porozumieniu z Ministrem Spraw Zagranicznych w sprawie przeprowadzenia za granicą jednorazowej kontroli paszportów zagranicznych polskich. W: *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* 1938, nr 80, poz. 542.

Ustawa z dnia 31 marca 1938 roku o pozbawieniu obywatelstwa. W: *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* 1938, nr 22, poz. 190, 191.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Портреты – portrety –
portréty – Portraits – portraits

Lyudmila Ivanovna Shestakova and Prague

Ljudmila Ivanovna Šestakova (1816–1906), die Schwester des russischen Komponisten Michail Ivanovič Glinka, kümmerte sich nach dessen Tod um seinen Nachlass. Der erste Ort außerhalb Russlands, an dem Glinkas Opern aufgeführt wurden, war Prag, das Šestakova selbst besuchte. Hier fand sie mehrere Freunde, unter anderem Josef Kolář, mit dem sie später korrespondierte. Ihre Briefe an Kolář sind ein interessantes Zeugnis der Hintergrundereignisse.

Lyudmila Ivanovna Shestakova (1816–1906) was the sister of the Russian composer Mikhail Ivanovich Glinka, and after his death she took care of his legacy. The first place outside Russia where Glinka's operas were performed was Prague, which Shestakova herself visited. In Prague she made several friends, including Josef Kolář, with whom she later corresponded. Her letters to Kolář are valuable witness of the background of events.

Lyudmila Ivanovna Shestakova, née Glinka, was the younger sister of Mikhail Ivanovich Glinka, the so-called father of Russian music. She took care of her brother's legacy after his death and was spreading awareness of his music, which eventually led her to visit Prague where she befriended, among others, Josef Kolář, who she was exchanging letters with. Her memories of Prague and letters to Kolář are a valuable source of learning the Czech-Russian musical relations.

Shestakova was born on November 17, 1816,¹ and despite being twelve years younger than Mikhail, in the adulthood she became one of his closest friends. They spent significant parts of their lives living together, mostly in St. Petersburg, and when Glinka died in Berlin in February 1857, it was his sister who arranged the transfer of

---

¹ Unless otherwise stated, the dates are given according to the Julian calendar.

his remains to St. Petersburg and buried him in the Tikhvin Cemetery in the Alexander Nevsky Lavra. Shestakova became the heir of all his tangible and intangible assets, but she renounced the inheritance in favor of her sisters and retained only musical rights, although not for monetary reasons: Both Glinka's operas and other large works had already been sold by the composer himself. Having decided to stay in St. Petersburg, she devoted herself fully to her daughter Olga who died untimely of diphtheria in December 1863. When she overcame the worst period of mourning, Shestakova dedicated the remainder of her life to propagating her brother's legacy. (Shestakova 1955: 51–52)

Around 1866, a group of composers known as the Mighty Handful began to form among Shestakova's friends. The members, admirers of Glinka, were meeting at Shestakova's house and there they performed their new compositions, some of them dedicated to Lyudmila Ivanovna.

Apart from taking care of Glinka and providing a comfortable environment for him to work, Shestakova assembled a complete collection of his romances, and later she impelled him to write his autobiography *Zapiski* (Shestakova 1955: 50). It is also thanks to her that Sergey Levitsky took the last photographic portrait of Glinka in 1856 (Shestakova 1870: 611–612, 621) and she herself wrote several memoirs of her beloved departed brother.

As one of Shestakova's most significant deeds during Glinka's life can be considered arranging transcriptions of the orchestral scores of the operas *Ruslan and Lyudmila* and *A Life for the Tsar*. Until then, there were only a few manuscripts with many errors:

В 1853 году сгорел Большой театр в Москве и с ним партитуры *Руслана и Жизни за царя*, так что осталось только по одному экземпляру этих опер в Петербургской театральной дирекции. Брат не раз говорил мне, что он ужасно боится, что и здесь могут сгореть партитуры и тогда его музыка пропадет, а особенно он боялся за *Руслана*, и это по двум причинам: он эту оперу больше любил и ставил ее несравненно выше *Жизни за царя*, а во-вторых, партитура *Жизни за царя* сохранилась в оригинале, тогда как от партитуры *Руслана* были только небольшие наброски. Видя, как брат серьезно тревожится этим, я попросила К. Б. Шуберта² отрекомендовать мне самого лучшего переписчика из артистов и поручила ему переписать по два экземпляра партитуры *Руслана* и *Жизни за царя*. Конечно это писалось более

---

2 A Russian conductor.

года; но по окончании этого труда, я, по желанию брата, по одному экземпляру каждой оперы послала в Берлин к Дену,³ – любимому учителю брата, а другие два отдала Стасовым. Этому моему распоряжению (без хвастовства могу сказать) искусство и публика обязаны, что слышат Руслана. Забыла в котором году сгорел Мариинский театр в Петербурге и с ним Руслан.⁴ Тогда-то дирекция и брала списывать партитуру Руслана у Стасовых.⁵ (Shestakova 1955: 50–51)

She made an enormous effort to fulfill her brother's dream, to print the score of *Ruslan and Lyudmila*; however, the score could only be published after the death of Fyodor Stellovsky, a music publisher and the owner of Glinka's works, who had been impeding the publication of the operas. After her brother's death, Shestakova sold all the previously unsold works for symbolic twenty-five roubles to Stellovsky, but problems followed when Stellovsky refused to fulfill his obligations connected with the printing of the scores, probably under the influence of a mental illness. After Stellovsky died in 1875, Shestakova came to an agreement with a new manager of the music publishing house, and she sacrificed her last money to print *Ruslan and Lyudmila*'s score in Leipzig in 1878 under the editorship of Balakirev, Lyadov and Rimsky-Korsakov. Afterward, she sent copies of *Ruslan* as a gift to Russian conductors and music associations and to major European libraries, conservatories and theaters (including Prague's) (Shestakova 1870: 631; Shestakova 1955: 53).

Lyudmila Ivanovna died at the age of 89, on January 18, 1906, and was buried next to her brother.

---

3 Siegfried Dehn, a German musicologist. Glinka died while staying in Berlin and learning church music with him.

4 It was in 1859.

5 Transl. by the author: »In 1853, the Bolshoi Theatre in Moscow burned down and with it the scores of *Ruslan* and *A Life for the Tsar*, so the last copies of these operas were at the St. Petersburg Theatre Directorate. My brother told me more than once that he was terribly afraid that the scores could burn there too and then his music would disappear, and he was especially worried about *Ruslan* for two reasons: He loved this opera more and considered it incomparably superior to *A Life for the Tsar*, and secondly, the original score of *A Life for the Tsar* was preserved whereas from the score of *Ruslan* there were only small sketches left. Seeing how my brother's serious concern about this, I asked K[arl] B[ogdanovich] *Schubert* to recommend me the best scribe among artists and I instructed him to rewrite two copies each of the *Ruslan*'s score and the score of *A Life for the Tsar*. Of course, it took over a year to write, but at the end of this work, at the request of my brother, I sent one copy of each opera to Berlin to Dehn, my brother's favorite teacher, and gave the other two to the Stasovs. Art and the public owe to this order of mine (I can say without boasting) that they can hear *Ruslan*. I forgot in which year the Mariinsky Theatre in St. Petersburg burned down, along with *Ruslan*. After that, the directorate copied the score of *Ruslan* from the Stasovs.«

Glinka's operas in Prague

In years 1866 and 1867, the premieres of Glinka's operas took place in Provisional Theatre in Prague. It was a step of a great importance for both the Czech and the Russian sides because Glinka's operas were being performed outside of Russia for the very first time. For this purpose, Mily Balakirev came there twice and Shestakova herself also visited Prague at the end of October 1866 as the result of the effort to spread her brother's legacy when his opera scores could not get printed abroad because of Stellovsky. She stayed there for several days; the beginning of her visit, according to the press, was dated on October 27,⁶ (*Národní listy* 1866: 3) and as it is known from one of her letters to Kolář, on November 5, she arrived back in St. Petersburg. She wrote the following about her visit to Prague:

Дело с Стелловским затянулось, и не было никакой возможности и думать о печатании партитур, а мне хотелось что-нибудь предпринять в пользу музыки брата и потому, узнав, что чехи очень дружелюбно относятся к музыке Глинки и ставили в Праге Жизнь за царя, попросила Милия Алексеевича Балакирева ехать туда, взяв с собою партитуру «Руслана». Балакирев проездил довольно долгое время, но не мог ничего сделать, потому что это было время австро-прусской войны 1866 года.

В том же 1866 году, по окончании войны, в сентябре месяце, преследуя свою мысль о постановке Руслана в Праге, я запаслась письмом от В. И. Ламанского к Ригеру⁷ и поехала в Прагу; в день моего приезда, вечером, Ригер перед спектаклем зашел ко мне и, узнав, что я тоже еду в театр (в тот день давали в первый раз «Проданную невесту» Сметаны), сказал, что после первого акта, с директорами и дирижером, придет ко мне в ложу (надо заметить, что тогда было двенадцать директоров в Праге в чешском театре). Дело о постановке Руслана устроилось в десять минут, так что я в тот же день, возвратясь из театра, написала Балакиреву в Петербург об этом. Тут не могу не прибавить, что на этот раз русская пословица неверна: – «у

---

6 According to the Gregorian calendar.

7 A Czech politician.

семи няnek дитя без глазу». А у нас есть пример недалекий, где одна нянька не делает того в десять лет, что сделали чехи в десять минут. Но это к делу не идет; возвратимся к Праге. Один из директоров, а именно Наперсток, заметил, что я в театре восхищалась пением и игрою Иосифа Иосифовича Палечека: он для меня сделал вечер, где я впервые слышала Палечека, – исполнение его партии Сусанина в Жизни за царя. Что за прелестный тембр голоса был у него тогда, описать нельзя; скажу только, что этот вечер был для меня истинное наслаждение.

Пробыв в Праге дня три, я, с помощью гг. Колара и Патера,⁸ осмотрела все замечательное в городе и отправилась обратно в Петербург, где, не теряя времени, через посредство В. В. Стасова, предложила покойному Ивану Ивановичу Горностаеву нарисовать для образца рисунки костюмов действующих лиц в Руслане, аксессуары и все, что может дать понятие о постановке Руслана (эти рисунки подарены мною Публичной библиотеке). И как только они были готовы, М. А. Балакирев отправился с ними, в декабре месяце, в Прагу для постановки на Пражской народной сцене Руслана. 4-го февраля было первое представление; успех был очень большой и до сих пор эта опера не сходит в Праге со сцены. Недавно еще получила письмо, что в нынешнем (1880 г.) году возобновлены костюмы и декорации, несмотря на бедные средства театра. Не худо бы нам пример с них, брать. За оперы Глинки, не дав ему ни копейки, получено более миллиона, а угощают публику (1880 г.) костюмами засаленными и оборванными – вот вам и одна нянька.⁹ (Shestakova 1955: 52–53)

---

8 Patara was a Czech historian and philologist.

9 Transl. by the author: »The case with Stellovsky dragged on and there was no way to even think about printing the scores, but I wanted to do something for my brother's music, and therefore, having learned that the Czechs are very friendly to Glinka's music and were staging *A Life for the Tsar* in Prague, I asked Mily Alexeyevich Balakirev to go there and take the score of *Ruslan* with him. Balakirev travelled for quite a long time but could not do anything because it was the time of the Austro-Prussian War of 1866. In 1866, after the end of the war, in September, pursuing my idea of staging *Ruslan* in Prague, I took a letter from V. I. Lamansky to Rieger and went there; on the day of my arrival, in the evening, before the performance, Rieger came to me and, having learned that I was also going to the theatre (that day they were performing Smetana's *The Bartered Bride* for the first time), he said that after the first act, with the directors and the conductor, he would come to my box (it should be noted that then there were twelve directors in Prague in a Czech theatre). The case of the production of *Ruslan* was settled in ten minutes, so on the same day, returning from the theatre, I wrote

Perhaps this success in Prague was one of the impulses that led to the reassessment of the opera *Ruslan and Lyudmila*, which had not been recognized in Russia until then, and in 1871, it was re-performed at the Mariinsky Theatre.

Both Balakirev's visits to Prague were subsidized by Lyudmila Ivanovna, who also sent to Prague, at her expense, the scores and designs for scenes and costumes by the Russian artist Gornostayev (Findeisen 1904: 505).

Shestakova and Josef Kolář

One of Shestakova's new friends in Prague was Josef Kolář, a Slavist and translator of both Glinka's operas into Czech. The letters from Shestakova to Kolář can be found with his other literary legacy in the Museum of Czech Literature.¹⁰ Most of Shestakova's letters are dated only by days and months, so the year they were written must be estimated from their subject matter. Shestakova wrote the first letter to Kolář on the second day after her return to St. Petersburg, on November 6 / October 26,¹¹ 1866:

[...] я глубоко чувствую и ценю доброе расположение Ваше ко мне и верно не раз буду еще в Праге, но до того времени воспоминания о проведении мною там времени будет мне большою отрадою в жиз-

---

to Balakirev in St. Petersburg about it. Here I cannot help but add that this time the Russian proverb »seven nannies means a child without babysitting« is incorrect. And we have an example where one nanny will not do that in ten years what the Czechs did in ten minutes. But this does not go to the point, back to Prague. One of the directors, namely Naperstok, noticed that in the theatre I admired the singing and acting of Iosif Iosifovich Palechek: he made an evening for me where I first heard Palechek's performance of his role of Susanin in *A Life for the Tsar*. What a lovely timbre of voice he had cannot be described; I can only say that this evening was a real pleasure for me. After staying in Prague for three days, with the help of Kolar and Patera, I saw everything notable in the city and went back to St. Petersburg where, without wasting time, with the help of V. V. Stasov, I offered to Ivan Ivanovich Gornostaev to draw a design of the costumes of the characters in *Ruslan*, props, and everything that can raise awareness of the production of *Ruslan* (these drawings were donated by me to the Public Library). And as soon as they were ready, in December, M. A. Balakirev went with them to Prague to stage *Ruslan* there. On the 4th of February, there was the first performance; the success was great and until this day this opera has not come off the stage in Prague. Recently I received a letter saying that this year (1880) costumes and props have been renewed, despite the poor means of the theatre. It would not be bad for us to follow their example. For Glinka's operas, not giving him a penny, more than a million was received, and they treat the audience with greasy and ragged costumes; so much for one nanny.«

10 Museum of Czech Literature, fonds Josef Kolář no. 818, Correspondence received, Letters from Lyudmila I. Shestakova.

11 Dated by herself in both variants. However, her data transfer does not correspond with the then twelve-day-difference between the Julian and Gregorian calendars.

ни. [...] Прилагаю три карточки брата (верно Вы давно получили ноты и четыре карточки посланные мною из Готы) которыми прошу Вас распорядиться нижеследующим образом. Одну отдайте Директору Наперстоку [...] Вторую карточку отдайте Смятоне, уверена, что он доволен будет иметь карточку товарища по таланту, в самом деле опера его Проданная невеста, чрезвычайно хорошая и я рада была бы иметь несколько нумеров чтобы познакомить Петербургских Артистов и публику с этою музыкою. Третью карточку отдайте Палечку (Сусанину), верно, он с удовольствием примет карточку того, чего музыку он так славно исполняет.¹²

The letter also contains information that she has ordered designs of properties and costumes for the Prague premiere, and a request that Kolář try to arrange a kind reception for Balakirev in Prague. In other letters, she for example thanked Kolář for his solicitude for the performance and the care of Balakirev or asked him for sending all the newspapers and press where the operas and Balakirev were mentioned. These letters were written in 1866 and 1867. In the following years until 1875, there were only four letters sent to Kolář in the fonds, which contain common pleasantries.

In 1874, in a letter dated June 28, she asked Kolář to preserve the scores, she explicitly wrote: »Партитура мне нужна для печатания и надо сохранить ее.«¹³

In 1875, the situation changed fundamentally for Shestakova and especially for the possibility of printing the scores as Fyodor Stellovsky was placed in a psychiatric hospital and died. In her letters to Kolář at the time, Shestakova urged the return of the scores of her brother's operas, which Balakirev had left in Prague. Unfortunately, it is not possible to ascertain from her letters how Kolář explained the reason for keeping these scores there. The situation escalated on Shestakova's side, and in the first half of 1875, there are eight letters in Kolář's fonds concerning the sending of the scores.

---

12 Transl. by the author: »[...] I strongly appreciate your good disposition towards me and I will surely be back in Prague more than once, but until that time the memories of my time there will be a great pleasure in my life. [...] I enclose three photo portraits of my brother (surely you received scores and four pictures sent by me from Gotha long ago) which I ask you to dispose in the following way. Give one to Director Naprstek [...] Give the second picture to Smetana, I am sure that he will be pleased to have the card of a talented comrade. In fact, his opera, The Bartered Bride, is extremely good and I would be glad to have several numbers to acquaint the Petersburg Artists and the public with this music. Give the third card to Palechek (Susanin), he will certainly gladly accept the photo of the person whose music he performs so gloriously.«

13 Transl. by the author: »I need the scores for printing, and it is necessary to save them.«

The next letter is dated on February 8, 1875, and it is probably the last letter dated with a year. Here Shestakova demands the sending of scores to her or Balakirev in St. Petersburg, or in Dresden to Nadezhda Stasova, sister of the famous critic. At the end of the letter, she mentioned the sale of rights for performing Glinka's operas abroad and the reason why the scores in Prague are so important:

Партитуры эти теперь решительно не нужны в Праге, потому что права мои на постановки опер брата за границей, я передала господине Горчаковой, поэтому одна она может только поставить оперы брата, как в Праге, так и везде за границей, где пожелает; к тому же это единственные экземпляры просмотренные и исправленные самым братом, и понятно, что по ним должны печататься партитуры.¹⁴

The excerpt suggests that the copies of the scores, made on Shestakova's instructions for her brother, were probably sent to Prague; to ensure that Glinka's operas would not disappear from the world, she needed them to be sent back to Russia. In his response, Kolář apparently informed her of a new staging of the opera *Ruslan and Lyudmila* (premiere of this staging took place on February 26, 1875),¹⁵ which was a surprising choice, as Shestakova replied on 25 February:

[...] я никак не думала, чтобы опять возобновили Руслана, тем более что Вы сами писали мне, что он идет так плохо, что лучше его не давать; теперь же я постараюсь сделать все, что можно, и именно: 1ое, партитуры, для переписки оставьте у себя не больше, как на два месяца. Прошу гна Ригера и Вас, чтобы через два месяца, аккуратно, партитура Руслана была з меня, в Петербурге; я поручилась в этом Д. В. Стасову [...].¹⁶

---

14 Transl. by the author: »These scores are now decidedly not needed in Prague because I have transferred my rights to stage my brother's operas abroad to Mrs. Gorchakova, so she alone can only stage my brother's operas in Prague and everywhere abroad, wherever she wants; moreover, these are the only copies reviewed and corrected by my brother himself, and the printing of the scores should be based on them.«

15 According to the Gregorian calendar.

16 Transl. by the author: »[...] I never thought that *Ruslan* would be resumed because you wrote me it was going so badly that it would be better not to stage it at all; now I will try to do everything I can and that is: firstly, do not keep the scores for copying for more than two months. I ask Mr. Rieger and you that in two months, neatly, *Ruslan's* score will be with me in St. Petersburg, I vouched for this to D. V. Stasov [...].«

Shestakova had to leave the scores in Prague for a little longer to enable to make a copy that was necessary for the performance. The following letters concerned her request for the scores which had not yet been sent. On April 20, she sent a request to Kolář to inform her in advance when the scores would be posted, on May 31, she wrote an indignant letter saying that the scores had still not been delivered. On June 5, she wrote a very bitter letter, in which, for instance, she says:

Сильно считаю себя оскорбленной выходками, или вернее придирадками Вашего театрального начальника, и очень жалею, что я столько тратилась и заботилась о постановке Руслана в Праге. [...] Пожалуйста покажите им это письмо и скажите, что даю им сроку 2 даже 3 недели, и ежели я по вашему стилю не получу партитуру Руслана к 1му и не позднее 5го Июля то будет запрещено давать Руслана в Праге на чешской сцене а может быть поставлять его на Немецкой. Вы не можете вообразить, как мне все это досадно. [...] На счет же партитуры Жизнь за Царя. Сегодня у меня был Милий Алексеевич [Балакирев] и объявил, что он вспомнил что отдал ее на хранение Патеру в Музей до востребования и потому пожалуйста возьмите Партитуру Жизнь за Царя от Патера из Музея, и присоединяя ее к Руслановой партитуре поспешите прислать ко мне.¹⁷

On June 20 and 21, she sent additional letters, one of them asked for the involvement of Rieger, who could help with this matter, the other one was official, and was maybe intended as a proof to Rieger and theatre officials that Shestakova herself was asking for sending the scores:

---

17 Transl. by the author: »I strongly consider myself insulted by the antics, or rather the nagging of your theatrical director, and I am very sorry that I spent and cared so much about Ruslan's production in Prague. [...] Please show them this letter and tell them that I give them a period of two, even three weeks, and if I do not receive Ruslan's score, according to your calendar, by July 1st and no later than July 5th, it will be forbidden to produce Ruslan in Prague on the Czech stage, and maybe to stage it on the German one. You cannot imagine how annoyed I am. [...] As for the score of A Life for the Tsar. Today Mily Alexeyevich [Balakirev] visited me and announced that he remembered that he had given it to Patera to the Museum for safekeeping until he will request it back and therefore, please take the score of A Life for the Tsar from Patera from the Museum, and add it to Ruslan's score, hurry to send it to me.«

Прошу Вас сделать для меня одолжение, получить из дирекции Пражского Чешского театра партитуру оперы Руслана и Людмилы, оставленную там на некоторое время г. Балакиревым по моему поручению, равно прошу Вас получить от г. Патера, из Пражского народного музея партитуру оперы Жизнь за Царя, отданную туда тем же г. Балакиревым на сохранение до востребования моего. И получая эти обе партитуры покойного брата моего Михаила Ивановича Глинки, прошу Вас поспешить доставить их мне в Петербург, чем очень меня обяжете. Имею честь быть Вам, милостивый Государь, Покорная слуга Вдова Армейского поручика Людмила Шестакова (рожденная Глинка).¹⁸

On July 1, Shestakova thanked for the letter containing the message that the scores will be posted. This letter of hers also responds to the explanation of the delayed sending of the scores written by Kolář which she only comments on with advice not to worry. This is probably the last letter to Kolář preserved in his fonds (as mentioned, missing years in the dates of the letters make it burdensome to arrange them chronologically). Therefore, a letter confirming the final delivery of the scores to her is missing.

Despite these unfavorable events, Shestakova remembered Prague positively, as a place where not only Glinka, who was underappreciated in Russia until that time, but also young Balakirev received well-deserved attention. This is proved by the memoirs cited above which were written without any sign of bitterness, only with deep respect to the Czech culture. Although she wanted to come back to Prague again someday, there is no evidence of her second visit.

---

18 Transl. by the author: »Dear Sir, Osip Ivanovich, I ask you to do me a favour, to get from the directorate of the Prague Czech Theater the score of the opera Ruslan and Lyudmila, left there for some time by Mr. Balakirev on my instructions, I also ask you to receive from Mr. Patera from the Prague National Museum the score of the opera A Life for the Tsar, given there by Mr. Balakirev for safekeeping until I ask for it. And after you receive these two scores of my deceased brother Mikhail Ivanovich Glinka, I ask you to hurry up and send them to me to St. Petersburg, thereby you will make me a great service. I have the honour to be your humble servant, my dear Sir, Widow of an Army lieutenant Lyudmila Shestakova (née Glinka).«

References

- Findeisen, N. (1904): »Postanovka Ruslana v Prage v 1867 g.« In: *Russkaya muzykalnaya gazeta* (19–20), 503–509.
- Museum of Czech Literature, fond Josef Kolář no. 818, Correspondence received, Letters from Lyudmila I. Shestakova. *Národní listy* (298), 30.10.1866.
- Shestakova, L. I. (1870): »Poslednie gody zhizni i konchina M. I. Glinky. (Vospominaniya sestry ego, L. I. Shestakovoy)«. In: *Russkaya starina* 1, Vol. II, 610–636.
- Shestakova, L. I. (1955): »Glinka v vospominaniyah ego sestry«. In: Orlova (ed.): *Glinka v vospominaniyah sovremennikov*. Moskva, 47–54.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Epidemics, Medical Treatments, Vaccinations, and Doctors in the Memoirs of Prince I. M. Dolgorukov (1764–1823)

Gesundheitsfragen sind nicht erst mit dem Ausbruch der COVID-19-Pandemie relevant geworden, sondern haben auch in der Vergangenheit die Menschheit betroffen, wie es in der Literatur oft dokumentiert wird. Das Ziel des folgenden Beitrags ist die Analyse der Darstellung von Krankheiten, medizinischen Behandlungen und Ärzten in den Memoiren von Fürst I. M. Dolgorukov (1764–1823). Darüber hinaus wird gezeigt, wie diese Themen den Zielen und Prinzipien entsprechen, nach denen die Memoiren verfasst werden.

Health issues have become relevant after the advent of COVID-19, but also in the past they have concerned the human being, as literature has often recorded. The aim of the following paper is the analysis of the representation of diseases, medical treatments, and doctors in the memoirs of Prince I. M. Dolgorukov (1764–1823). In addition, the paper shows how these themes respond to the aims and principles according to which the author writes his memoirs.

The COVID-19 pandemic has made the topic of health relevant today. However, this interest is not a peculiarity of contemporary society. Diseases, epidemics and the treatments to fight them have characterized the history of humanity for centuries. Therefore, it is not surprising that these kind of events have left their traces in literature, and this is also true for the Russian literature of the second half of the 18th and early 19th centuries. It should be noted that the latter period was particularly stimulating for medi-

cine, because the ideas of the Enlightenment led to a rethinking of medical theories.¹ Furthermore, in addition to the innovations coming from abroad, the Russian Empire of the time saw a rapid modernization of its health system.² Undoubtedly, a precious source for reconstructing past opinions and beliefs on health issues are memoirs. The aim of the following paper is to examine the representation of diseases, cures and doctors in the prose of Prince I. M. Dolgorukov (1764–1823). In particular, the textual analysis of his memoirs shows his point of view on the aforementioned themes. The opinions of Dolgorukov are interesting not only because they are sometimes contradictory, but also because they often seem to be influenced by his belonging to nobility. Not surprisingly, the ›linguistic turn‹, the ›cultural turn‹ and the ›social constructionism‹, which have revolutionized the humanities in recent years, have highlighted how the context and cultural models impact a person’s way of looking at reality. Moreover, the paper also highlights how health topics respond to the principles according to which the author writes his literary works.

Dolgorukov was the representative of one of the oldest families of the Russian aristocracy³ and a successful poet of the turn of the late 18th and early 19th centuries. In addition, he was the author of two interesting works in prose, namely *Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни*⁴ (›The Story of My Birth, Origin and My Whole Life‹) (cf. Dolgorukov 2004; Dolgorukov 2005) and *Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни*⁵ (›The Temple of My Heart, or the Dictionary of All Those People with Whom I Have Been in Different Relationships During My Life‹) (cf. Dolgorukov 1997).

In the former, Dolgorukov retraces his life by talking only about himself and things related to him, as he states several times. More precisely, *Povest’* apparently recalls a ›letopis’‹, but the influence of Rousseau’s famous *Les Confessions* is evident. Instead, *Kapishche* is a particular sort of calendar in which the writer describes his life by dedicating a literary portrait and a specific day to those people, he met during his life.

---

1 To learn more about the history and evolution of medicine in the West and in Russia see *Istoriya meditsiny* of Yu. P. Lisitsyn (cf. Lisitsyn 2015).

2 This process was initiated by the reforms of Peter I and continued by his successors. For example, Peter I founded the first military hospitals. In 1719, he established the Medical Chancellery (cf. Kaspruk 2018: 56).

3 The dynasty of Dolgorukov reached the apogee of its power and influence during the reign of Peter II but fell out of favour politically and economically with the ascent to the throne of Anna Ioannovna.

4 *Povest’ o rozhdenii moyem, proiskhozhdenii i vsej zhizni*, in the rest of the paper referred to as *Povest’*.

5 *Kapishche moego serdtsa, ili Slovar’ vseh tekhn lits, s koimi ya byl v raznykh otnosheniyakh v techenie moyey zhizni*, in the rest of the paper referred to as *Kapishche*.

It is well known that memoirs and autobiographical prose inevitably involve

[...] discrimination and selection in face of the endless complexity of life, selection of facts, distribution of emphases, choice of expression. Everything depends on the standpoint chosen. (Pascal 2017: 10)

Consequently, it is not surprising that Dolgorukov follows some principles in this process of selection. In fact, in his two works (*Povest'* and *Kapishche*), dedicated to his children, the author wants to combine the pleasure of writing with its utility according to the famous Horatian precept »miscere utile dulci«. On the one hand, he intends to represent himself as a worthy heir of his lineage, a virtuous servant of the Russian Empire and a good father. On the other hand, the writer has clear didactic intentions, as he reports his philosophical considerations, and gives his life lessons. Moreover, he pays particular attention to and often comments on the extraordinary events that he witnessed according to those important values for a member of nobility, such as honour, family prestige, and gratitude. The latter is linked to another of Dolgorukov's writing principle, that is to pay tribute to the people he loves or esteems. As a result, even the choice to write about medical issues is in some cases related to these aims.

Epidemics

Disobeying one of his fundamental rules (i.e. »talking only about himself«), but justified by the exceptional nature of the event, Dolgorukov dedicates some pages of his autobiography to the description of the bubonic plague that devastated Moscow between 1770 and 1771.⁶ Certainly, the narration of this unexpected epidemic was a topic that could be considered »instructive« and »useful« for posterity. In particular, he describes it as a terrible catastrophe, but the consequences of the plague are even more shocking for him. In fact, as the writer states:

---

6 The latter is brilliantly reconstructed by J. T. Alexander in his monograph *Bubonic Plague in Early Modern Russia* (cf. Alexander 2013).

Одно бедствие всегда сопровождается другим. Есть и пословица народная: 'Придет беда – отворяй ворота'. Так и ныне. Чума породила другое пагубное зло.⁷ (Dolgorukov 2004: 25)

The new evil was the revolt that broke out in Moscow due to the frustration of the people, exhausted by the precautionary measures and the pestilence.⁸ The so-called »Plague Riot«⁹ shows the »aristocratic« point of view of Dolgorukov on the matter. In fact, this revolt was particularly feared by nobility, and, consequently, the author criticizes the cowardice of the city governors who abandoned the city. Instead, he praises the way in which the Lieutenant General Pyëtr Dmitrievich Eropkin violently and bloodily ended the protests:

Один генерал-поручик Петр Дмитриевич Еропкин, незабвенный муж в Российском царстве, вступился за родину, набрал пушек, принял начальство, расставил в городских воротах орудии и палил по черни [...]. Таким образом остановлен быстрый ход мятежа! В Москве начался бунт – в ней и заглушён. Нигде более его не слышно было. Хвала тебе, доблестный сын отечества! Герой нашей матушки-столицы.¹⁰ (Dolgorukov 2004: 25)

The epidemic gives Dolgorukov the opportunity to praise his family as well. In fact, he attributes to their impeccable conduct the fact that no one in his house was infected by the terrible disease. Therefore, he describes all the precautionary measures taken by them, and which were considered effective by the medicine of the time. For example, they never left the countryside, where they had taken refuge to escape the

---

7 Transl. by the author: »One catastrophe is always accompanied by another. There is also a traditional proverb: »It never rains, but it pours«. So, it happened in this case. The plague generated another pernicious evil«.

8 The revolt broke out due to the attempts of the Moscow authorities to avoid crowds near the Icon of the Virgin Mary of Bogolyubovo in the city centre.

9 A. G. Tartakovskiy notes that the Plague Riot is one of the recurring themes in the memoirs of the period (cf. Tartakovskiy 1991: 37).

10 Transl. by the author: »Only the Lieutenant General Pyëtr Dmitrievich Eropkin, a memorable man in the Russian Empire, helped his motherland. He gathered cannons, took over the leadership, placed guns at the city gates, and fired at the crowd [...]. In this way, the fast development of the rebellion was stopped! A riot began in Moscow, and it was also repressed in it. Nothing else was heard about the revolt anywhere. Praise to you, courageous son of the fatherland! The hero of our mother-capital«.

»турецкий подарок« (»Turkish gift«) (Dolgorukov 2004: 24),¹¹ but only looked through a window with a telescope at the numerous dead who crammed the cemeteries and the streets of the ancient capital. In addition, all goods from Moscow were sanitized with vinegar and other medical products.

Curiously, similar preventive measures were considered far exaggerated by Dolgorukov when a new epidemic threat arose, and he was governor of Vladimir. According to him, the only result of the fear of the emperor was that he found himself busy filling paperwork, as if the epidemic had broken out in Vladimir. Moreover, he had to deal with a real case of »fake news«, being aware that

[в]се имеет свое время и моду. Тогда везде казалась чума. Всякий на нее взводил разные слухи, и многие очень счастливо поиграли этой игрушкой.¹² (Dolgorukov 2005: 55)

Taken by too much zeal or, as Dolgorukov claims, longing for new rewards, »штаб-лекарь, попросту сказать, дурак, грубиян и редко трезвый человек«¹³ (Dolgorukov 2005: 54) falsely said that the plague was present in the Vladimir region. With this episode, Dolgorukov wants to demonstrate his good governance and portray himself in the best possible light, by showing his integrity. In fact, instead of getting rich or ingratiating himself with falsehood about the plague, like many others did, he preferred to tell the truth and loyally serve the emperor.

Peculiarly, Dolgorukov faced a last »epidemic« much less dangerous, but for him, a lover of fun and parties, much more unbearable. In fact, the arrival of the »grippe« stopped the social life of the previous capital. Dolgorukov writes about it:

Когда же? Зимой! В такое благополучное время, когда в Москве всякий всякого по пяти раз на неделю может видеть в публике, несносно

---

11 In fact, the advent of the plague in Moscow was linked by public opinion to the Russo-Turkish war, conducted by Catherine II in those years. It is interesting how a similar definition »подарок Оттоманской Порты« (»gift of the Ottoman Empire«) is also used by A. T. Bolotov (1738-1833), who devotes several pages to the narration of the Moscow epidemic (cf. Bolotov 1993: 7).

12 Transl. by the author: »[e]verything has its own time and fashion. At that time, the plague seemed to be everywhere. Everyone spread various rumours about it, and a lot of people very happily played with this toy«.

13 Transl. by the author: »an army doctor, to put it simply, a fool, an ill-mannered and seldom a non-drinking person«.

было им сидеть на диете и видеть одних угрюмых своих родственников да скучных медиков, которые лишь тогда становились милы, когда давали позволение на выезд.¹⁴ (Dolgorukov 2004: 506)

Diseases

An unpleasant subject such as diseases could have provoked the objection of some of his readers, but as Dolgorukov explains:

Можно бы это и не вносить в Историю мою, но никакого случая не оставляю для того, чтоб по окончании каждого года удобнее сделать сравнительную таблицу часов веселых и неприятных.¹⁵ (Dolgorukov 2004: 613)

In addition, he believes that even apparently less significant facts might be useful and instructive for his children. As a result, in his memoirs there is a rich inventory of diseases that were widespread at the time.¹⁶ The latter are often an opportunity for Dolgorukov to reflect on the inexorability of destiny and the inscrutability of the future. Furthermore, the description of how people face a disease (and often the related death) becomes his »means« of showing his appreciation and gratitude to them. For example, with much pathos he recounts the heroic way in which his first wife and his eldest daughter died of tuberculosis. He idealises the two women, by describing how stoically they did not fear death and peacefully faced their mournful fate, never afflicting their loved ones with their own sufferings.

With reference to the diseases affecting his family, it can be highlighted that Dolgorukov often shows himself as a loving father, ready to do anything for his children. As a matter of fact, he did not even hesitate to generously pay a doctor to certify

---

14 Transl. by the author: »And when does it happen? In winter! At such a prosperous time, when in Moscow everyone can meet each other in public five times a week. It was unbearable for them to follow a diet, and see only their depressing relatives and boring doctors, who only became kind when they gave the permission to go out«.

15 Transl. by the author: »Maybe [these things] should not be included in my History, but I do not omit anything in order to make it easier to create a comparative table of happy and unpleasant times at the end of each year«.

16 Just to give some examples, Dolgorukov mentions hydrops, scrofula, hysteria, dysentery, epilepsy, Saint Anthony's fire, smallpox, paralysis, pleurisy, tuberculosis, etc. It is interesting to note that even pregnancy was considered a disease in the past. The memoirs of the author show how it was looked upon with apprehension as infant mortality was particularly widespread.

his son's false madness¹⁷ to save him from the consequences of his misconduct. At the same time, since Dolgorukov, like Rousseau, intends to tell the whole truth about himself, and offer an instructive example to his children, he does not forget to describe his illnesses and mental syndromes. For instance, he confesses his fear of open spaces, probably agoraphobia, which according to his doctors was caused by the peculiar structure of his eye (cf. Dolgorukov 2004: 50). Another disease that afflicted Dolgorukov was hypochondria, which at the time was considered a real illness as demonstrated by the Encyclopedia of Diderot and D'Alembert.¹⁸ In his case, it was often caused by the loss of a loved person, but Dolgorukov found a personal antidote for it. Surely more effective than the »shock therapy« with which his father forced him to face his fears, Dolgorukov's remedy for dealing with depression is writing. As he states in the preface to *Kapishche*:

Главная цель моя, [...] принявшись за сию работу, была та, чтоб не задумываться, разгонять гипохондрию и разбивать мысли, омраченные продолжительным недугом.¹⁹ (Dolgorukov 1997: 6)

Medical Treatments and Vaccinations

Although the writing was a special and personal kind of cure for Dolgorukov, in his memoirs he also mentions other types of medical treatments. Some were very odd, for example milk to treat tuberculosis, while others are still in use today. He talks about diets that for him were even worse than the chemical mixtures of doctors: »Строгая диета [...] еще более меня тиранила, чем все химические приправы

---

17 This was not something unusual. As governor of Vladimir, Dolgorukov had to deal with numerous cases of false certificates to be exempt from military service.

18 »HYPOCHONDRIQUE, (passion ou affection); c'est ainsi qu'est ordinairement désignée par les Médecins une espèce de maladie, dont la mélancholie est le genre; [...] l'humeur morbifique, qui infecte toute la masse des fluides, comme dans la maladie générique, mais se fixe plus particulièrement sur les organes ou viscères du bas-ventre; [...] elle constitue alors l'affection hypochondriaque« (D'Alembert/Diderot 1766). Transl. by the author: »HYPOCHONDRIAC, (passion or affection); this is how doctors usually designate a kind of disease, of which melancholy is also a type; [...] the morbid humor, which infects the entire mass of fluids, as in the generic disease, fixes itself more particularly on the organs or viscera of the lower abdomen, [...] so it causes the hypochondriac condition«.

19 Transl. by the author: »By starting this work, my main aim [...] was to avoid dwelling on things, to get rid of hypochondria and to shatter thoughts, darkened by a long illness«.

господ врачей.»²⁰ (Dolgorukov 2004: 46). Another popular remedy was the blood-letting, experimented by him to soothe his love pains that had brought him close to suicide. In *Povest'*, the episode is described as follows:

Врач пощупал у меня пульс и нашел большое сгущение крови, посмотрел мне в глаза, что в них прочел, не знаю, но провозгласил очень решительно: кровь пустить!²¹ (Dolgorukov 2004: 98)

Dolgorukov shows a keen interest in the new therapies of his time as well. For instance, he was fascinated by animal magnetism,²² which at the time was a highly discussed cure and a recurrent topic of conversation for aristocrats. Despite the declaration of not wanting to express judgments on the matter, Dolgorukov can certainly be considered a supporter of the new cure. According to him, who witnessed how the doctor Goldbach used magnetism to heal the niece of his second wife, in it «нет ничего чрезвычайного, ни магии, ни волшебства.»²³ (Dolgorukov 2005: 444). In addition, in *Kapishche* he states that it is the only effective medical remedy for nervous infirmities (cf. Dolgorukov 1997: 143). For these reasons, he hopes that all rumours and criticisms regarding magnetism will disappear as had happened with the electric machine that was initially considered a «сатанинск[ая] выдумк[а]» («satanic invention») (Dolgorukov 2005: 445).

If magnetism certainly did not have the success desired by Dolgorukov, another scientific innovation, introduced during his life, had a more lasting success: the vaccine. Until the 18th century, smallpox was a plague that caused numerous deaths. In some ways, it also caused the misfortunes of Dolgorukov's lineage, as Peter II died of this disease. Dolgorukov himself contracted it and, according to him, only a miracle performed by the divine image of Mary of Smolensk saved him from death (cf. Dolgorukov 2004: 20). Fortunately, with advances in science, a cure was finally found. In 1768 Catherine II decided to test the invention on herself and her son. In order to do so, she invited the

---

20 Transl. by the author: «A strict diet [...] tyrannized me even more than all the doctors' chemical mixtures».

21 Transl. by the author: «The doctor felt my pulse and found a large thickening of blood. He looked into my eyes, I do not know what he read in them, but declared very resolutely: Let bleed!»

22 Animal magnetism, also called mesmerism, is a medical theory formulated by the German doctor F. A. Mesmer. According to the latter, «a magnetic fluid» is present in the human body. If this fluid is not properly distributed, it causes the onset of diseases. The healing of these disorders is possible thanks to the influence of the curators' magnetic fluid, who can sometimes help himself with the use of magnets.

23 Transl. by the author: «there is nothing supernatural, no magic, no witchcraft».

English doctor T. Dimsdale.²⁴ This courageous decision is commented by Dolgorukov as follows: »Какой диковинный пример на троне всем отцам и матерям!«²⁵ (Dolgorukov 2004: 21).

The theme of the vaccine for Dolgorukov is a way to prove again that he is a good father. In fact, he pathetically tells how bravely he decided to vaccinate his children, and endured being away from them, since the inoculated ones were isolated from the remaining family members as a precaution. Therefore, it is surprising to find, years later, Dolgorukov's critiques of the vast vaccination campaign promoted by the Russian Empire to immunize all rural children. According to the writer, such an initiative shows how »[c]акая добродетель обращается во зло, когда она попадает в крайность.«²⁶ (Dolgorukov 2005: 181). Since for him there was still little evidence of the effectiveness of such a remedy, and »о коровьей оспе, как перекрестные огни, летали в Европе ученые прении«²⁷ (Dolgorukov 2005: 181), he thought that it was an error to impose the vaccination on the peasants. The writer feared that the latter may have misunderstood such a philanthropic initiative. He was sure that they would not have been impressed by the widespread panegyrics, written by those in search of recognition and prizes. Here, Dolgorukov shows a concern common to many representatives of the Russian nobility of the time: the threat of a peasant revolt.

Finally, Dolgorukov decides to write also about pharmacies, which played an important role in the Russian health system. On the one hand, the building of a »free pharmacy«, which supplied medicine to the poor, is yet another demonstration of his qualities as an excellent and reliable servant of the Russian Empire. On the other hand, pharmacies are linked to one of his childish pranks, which offers him another opportunity to give his children one of his life lessons. Following the aforementioned Rousseauian principle of sincerity, Dolgorukov recounts how he tested his first notions of Latin by writing a medical prescription that could have had lethal consequences, if not being discovered (cf. Dolgorukov 2004: 33).

---

24 To celebrate the success of the operation a ceremony was organized. Moreover, two medals in memory of the happy event were commissioned by Catherine II.

25 Transl. by the author: »What an unusual example on the throne to all fathers and mothers!«

26 Transl. by the author: »[v]irtue itself becomes something bad when it goes to extremes«.

27 Transl. by the author: »intellectuals' debate about cowpox flew over Europe like crossfires«.

Doctors

As A. Martin points out, in that period doctors could be considered a real luxury (cf. Martin 2015: 219), since they were very few.²⁸ Certainly, in the relationship with doctors the contradictory attitude that Dolgorukov has towards medicine clearly emerges. In fact, he does not hesitate to turn to doctors for treatments and admits that they are one of the main means for aristocrats to have spiritual peace and tranquillity. Moreover, he defends them against accusations of patients and relatives: «От чего бы больной ни умер, а лекарь всегда виноват. [...] Я осмелюсь сказать, что это вздор.»²⁹ (Dolgorukov 2005: 130).

However, Dolgorukov does not fail to criticize doctors. He even sometimes thinks that they deceive him, give only false hopes, and he complains about their ineffectiveness. For example, when his little nephew died, he states:

Часто мы горюем, когда около нас нет докторов, [...] а я, напротив, как Петрарх скажу: чорт ли в эскулапах! [...] Пришел ли роковой момент — ни все лейб-медики четырех стран света дыхания не продлят, напротив, если человек еще жить должен, и без лекарств протянет лет десять. Бог один держит нитку живота нашего, и когда он ее режет, врачи — худые покровители.³⁰ (Dolgorukov 2004: 478)

As this quotation shows, for Dolgorukov, when medicine does not help, the only true cure is faith: «Вера есть единственный и превосходный врач души и тела.»³¹ (Dolgorukov 2005: 52), to which he adds the love of his family: «Удовольствию

---

28 Although the number of doctors had increased compared to the time of Peter I, they were still in great demand, and their world was extremely competitive. In fact, Dolgorukov tells us of the rivalries between them. For example, he had to fire his trusted doctor Burkart to treat his stepdaughter due to the protests and conflicts of the other physicians. Moreover, it should be noted that doctors were often foreigners, as it is evident from the names mentioned by Dolgorukov (Burkart, Berkman, Pegelau, etc).

29 Transl. by the author: «From whatever the sick person dies, the doctor is always to blame. [...] I dare to say that this is an absurdity».

30 Transl. by the author: «We often complain when there are no doctors near us, [...] but, on the contrary, I affirm as Petrarch: the devil is in the followers of Asclepius! If the fatal moment has come, not all the physicians of the four corners of the world will prolong [our] breathing. On the contrary, if a person still has to live, he will live out ten years without medicines. God alone holds the thread of our life, and when he cuts it, doctors are poor protectors».

31 Transl. by the author: «Faith is the only and superior doctor of the soul and body».

семейные одни препятствовали мне унывать совершенно.»³² (Dolgorukov 2004: 531).

Despite this contradictory attitude, it is significant that in *Kapishche* the writer dedicates some of the days of his calendar to his doctors. In this way, he can express his appreciation for them. Interestingly, his gratefulness is not determined by their successes in healing, but by the medicians compassion and solidarity towards him in difficult times.³³

Conclusions

In conclusion, the analysis shows that Dolgorukov's choice to write about health issues is often not fortuitous. Although his views on doctors and medicine are sometimes contradictory, these themes respond to the »principle of utility« that he follows in writing his life story. Thanks to them, the representation he gives of himself is that of a typical and worthy representative of nobility, impeccable both as a father and as a servant of the Russian Empire. Furthermore, the episodes linked to diseases, epidemics and treatments allow him to give valuable life lessons, and to show his gratitude towards the esteemed people.

References

- Alexander, J. T. (2013): *Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster*. Oxford.
- Bolotov, A. T. (1993): *Zhizn' i priklucheniya Andrey a Bolotova: opisannye samim im dlya svoikh potomkov. 1771–1795*. Moskva.
- D'Alembert, J. / Diderot, D. (1776): *L'Encyclopédie*, <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedia/article/v8-1480-1/> (accessed October 29, 2024).
- Dolgorukov, I. M. (1997): *Kapishche moego serdtsa, ili Slovar' vseh tekhnicheskikh lits, s koimi ya byl v raznykh ot-nosheniyakh v techenie moyey zhizni*. Moskva.
- Dolgorukov, I. M. (2004): *Povest' o rozhdenii moyem, proiskhozhdenii i vseey zhizni. 1 t.* Sankt-Peterburg.
- Dolgorukov, I. M. (2005): *Povest' o rozhdenii moyem, proiskhozhdenii i vseey zhizni. 2 t.* Sankt-Peterburg.

---

32 Transl. by the author: »The pleasures of the family alone prevented me from losing hope completely«.

33 Obviously, a negative portrait of a doctor is not missing. In fact, Dolgorukov hopes that doctors like Shmits will never be met, since he disapproves Shmits' cold and detached attitude in treating his dying daughter.

- Kaspruk, L. I. (2018): »K voprosu o razvitii meditsiny v Rossii v XVIII veke«. In: *Orenburgskij meditsinskij vestnik*, T. VI, № 4 (24), 55–58.
- Lisitsyn, Yu. P. (2004): *Istoriya meditsiny*. Moskva.
- Martin, A. (2015): *Prosveshchyennyy metropolis: sozidanie imperskoy Moskvy, 1762–1855*. Translated from English by N. Edel'man. Moskva.
- Pascal, R. (2017): *Design and Truth in Autobiography*. London.
- Tartakovskiy, A. G. (1991): *Russkaya memuaristika XVIII–pervoy poloviny XIX veka. Ot rukopisi k knige*. Moskva.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

The Personality of Nikolai Nikolaevich Ryzhkov in Memoirs of Ariadna Ryzhkova-Novikova

Der Beitrag stellt die aus Erinnerungsnotizen seiner Tochter Ariadna entnommene Persönlichkeit Nikolaj Ryžkovs dar. Die betrachteten Memoiren sind innerhalb einiger Jahre entstanden und beschreiben Ryžkovs Leben Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts. Die Verfasserin erläutert, auf welche Weise Ryžkovs Persönlichkeit, Lebenserfahrungen und auch sein Glaube im Text dargestellt werden, wodurch sich ein umfangreiches Bild seiner Tätigkeit, Beziehung zu Orthodoxie, Heimat und Einstellung gegenüber den Tschechen ergibt.

This contribution aims to present the personality of Nikolai Ryzhkov as depicted in memoirs of his daughter Ariadna Ryzhkova-Novikova. The memoirs were written throughout several years, recording Ryzhkov's life at the end of the 19th century and the beginning of the 20th century. The records describe his childhood, youth, beginnings of his priesthood, as well as his arrest and the following trial in which he was charged with organizing operations against the Austrian-Hungarian Empire and spreading Pan-Slavic propaganda among Czechs. The study examines how Ryzhkov's personality, life experience, and faith are depicted in the memoirs and compiles a comprehensive picture of his activities, relation to Orthodoxy, his homeland, and the Czechs.

Nikolai N. Ryzhkov was an important figure in the Czech environment, not only as a priest and superior of Orthodox churches in Prague and Karlovy Vary, but he was also active in the field of publishing (he published, for example, a Czech Orthodox calendar) and pedagogy (he taught religion in the Czech language), and was part of

the Pravoslavná Beseda association in Prague, which tried to introduce Orthodoxy to the Czechs. He contributed to the development of Orthodox Christianity among the Czech people. The Church of Saint Nicholas¹ in Prague became a centre of Orthodox services, similarly to the Church of Saint Peter and Paul in Carlsbad, which used to be visited frequently by Russian spa guests. Ryzhkov had thus become a significant figure of Czech-Russian relations.

This paper deals with the life and work of Nikolai Ryzhkov as depicted in his daughter's memories. The memoirs were being written throughout several years, recording Ryzhkov's life at the end of the 19th century and the beginning of the 20th century. The records describe his childhood, youth, beginnings of his priesthood as well as his arrest and the following trial when he was charged with leading activities against the Austrian-Hungarian Empire.²

Memoir is sometimes also understood in a broader sense as a collective term for memoirs, memories, diary, or autobiography. The documentary function is fulfilled by factual data of all kinds, especially chronological data, place names, proper names, and portraits of real persons, quotations of titles of literary works, correspondence, authentic statements, or dialogues. Due to their high documentary value, memoirs are important historical sources, but the degree of subjectivity of these records must always be considered (cf. Kupcová 2004: 438; Válek 1984: 67–68).

Ariadna Ryzhkova worked in Czechoslovakia as an opera singer and leader of the church choir. Her main place of work was at a temple in Dejvice in Prague. The story of her life was preserved by a member of the Russian society of the city of Prague and an employee of the Slavonic Library, Elena Ivanovna Musatova, who handed these texts over to deacon Andrej Teplyashin for publication. The author began writing her memoirs in 1945 and here she retrospectively summarises the most important events in the life of her father Nikolai. Ariadna had no children, and this is perhaps one of the reasons why she decided to publish her father's story in order to preserve it for future

---

1 The Church of St. Nicholas has a fairly long history. Over time, it became the venue for Slavic services on the initiative of Czech representatives at the Slavic Congress in Moscow in 1867. The consecration of the temple took place in 1874 with an abundant participation of the Czech faithful. However, the protests soon led to the revocation of the state permit to hold Orthodox services in this church. After difficult diplomatic negotiations in Vienna, a new agreement was finally reached on how these services should be held (cf. Vopatrný 1999: 80; Marek / Bureha 2008: 31).

2 The protoiereus was accused of plotting against Austria, and was found guilty of Panslavic propaganda amongst Czechs by a court in Vienna. He was also accused of organizing and inciting steps leading to intervening with the unity and security of the Austrian-Hungarian Empire (cf. Obvinitel'nyj akt protiv Nikolaja Ryžkova v prestuplenii v gossudarstvennoj izmene: 3).

generations. Her father Nikolai's life was in many ways successful and in many ways tragic. During his several years in the Czech context he met many people, whether they were high-ranking members of the intelligentsia or simply ordinary people.

Ariadna Ryzhkova's memoirs represent a unique source material in terms of their scope and testimonial value. These notes are a useful work not only for a comprehensive view of the personality and work of Nikolai Ryzhkov but also for a historical, social and cultural excursion into the period at the end of the 19th and early 20th centuries. In direct connection with the life stories of Ryzhkov and his family, we trace the content of the memoirs and their possible changes in particular periods or during them, the circumstances that conditioned them, the manner of recording, and the degree of their objectivity. The time periods are defined by a distinct range, they have the character of a continuous text written in complete sentences, the author does not resort to a slogan-like way of recording, the entries are not, with exceptions in any way subtitled, only divided by Roman numerals.

Nikolai Ryzhkov was the son of a poor village priest who died of meningitis at a young age, leaving behind a widow with four young children. Ryzhkov was a top student at school and excelled with his skills, temperament and academic achievements. After graduating from the seminary, he was accepted for a top placement at the Kyiv Spiritual Academy. During his student years he provided private lessons, helped his mother, devoted himself to singing and dreamed of a singing career, and also reportedly promised his mother that he would never become a priest (cf. Ryzhkova 2012: 112).

His later wife Olga Alexandrovna connected him with a love of music and art, Olga attended piano lessons at a music school. The musical evenings they both attended brought them ever closer together. After their marriage, they moved to St. Petersburg, where Ryzhkov got a job as a psalmist in a synod printing works (cf. Ryzhkova 2012: 115). Ryzhkov is repeatedly described as energetic, enterprising and inquisitive by nature, despite his two positions, he found time to register as a student at the Faculty of Arts of the University of Vienna, he attended lectures, learned several Slavonic languages, performed concerts, and attended singing lessons with a prominent Viennese teacher who foresaw for him a promising career as an opera singer. Ryzhkov's performances, organised by various Slavic groups and companies, were a great success (cf. Ryzhkova 2012: 117–118).

In her memoirs, Ryzhkova describes her father's meetings with many different personalities, such as Vladimir Karlovich Sabler. He offered Ryzhkov a job as an official of the Vienna Russian consulate, after which he and his wife moved to Vienna, but contacts with Sabler later harmed him in an Austrian court.

The Carlsbad Spa has always attracted visitors from Russia seeking treatment, others even moved there temporarily. These people, located far from their homeland, sought spiritual support in a Czech environment. The idea of establishing the church of the Saint Apostles Peter and Paul in Carlsbad began in the 1850s, financial collections between Serbian and Russian nobilities were organized, the Tsarist family also contributed to the construction, and the church was consecrated in 1897 (cf. Vaverka 2004: 310; Luptáková / Chrást / Karpov 2016: 62).

An important milestone occurred in the year 1897 at the celebration of the newly constructed church of St. Apostles Peter and Paul in Carlsbad. A foreign clergy gathered for the festive occasion. Ryzhkova states that at this solemn moment Father Ryzhkov's singing performance left a deep impression on the participants and won the sympathy of the superior of Orthodox temples at the time, protoiereus Nikolai Apraksin. Apraksin offered Ryzhkov a position as a priest. He appreciated not only Ryzhkov's excellent voice but also his knowledge of Slavonic languages and diplomatic skills, enthusiasm for the cause and religious education. However, Ryzhkov flatly rejected this offer for several reasons. One of them, as we mentio

ned above, was the fact that he had promised his mother not to become a priest. Also, his diplomatic function allowed a gradual rise in his career and Ryzhkov had the opportunity to pursue art, i.e. singing (cf. Ryzhkova 2012: 118–119).

However, coincidentally he eventually became a priest. An important role was played here by a serious illness of his beloved daughter Ariadna. Ryzhkov asked God for help, prayed fervently at the bedside of his dying daughter all night, and promised that if the child could be saved, he would dedicate his life to serving God. The daughter was miraculously cured, and Father Nikolai kept his promise (cf. Ryzhkova 2012: 121). On the basis of this event, he contacted protoiereus Apraksin soon after he was invited to St. Petersburg and everything was decided quickly. Ryzhkov was appointed as a priest and as the head of the Orthodox church in Carlsbad and Prague.

He performed his first service as a priest in the Carlsbad church on July 21st in 1901. The church was crowded on this day with Russian spa guests and foreigners visiting the temple. Ryzhkova states that Father Nikolai, despite his nervousness, made a strong impression on everyone present with the power of his voice and the quality of the service (cf. Ryzhkova 2012: 122). After the service, he invited all the Russian guests to his house for tea, which later became a tradition. The Ryzhkovi's house became a centre where guests from Russia would arrive to meet and share their impressions. Ryzhkov's popularity grew so much every year that many visitors came directly from the station to Ryzhkovi's house with requests for assistance find-

ing accommodation. Because many of them did not speak German, Ryzhkov helped these people solve various other problems as well (cf. Ryzhkova 2012: 123).

From the diverse activities of Ryzhkov, I will mention the establishment of a large Russian library with a reading room, which was located in a room under the church. The books inside of it were obtained mainly through donations from Russian guests, there were also Russian newspapers, which were sent from St. Petersburg and Moscow to Ryzhkov free of charge. Ryzhkov also taught a few children from Orthodox families in his house, but when the number of pupils grew and the premises were no longer suitable, it was necessary to rent a room in a nearby school, where the pupils then met twice a week. Lessons were taught in groups so that each child learned religion in his or her native language, aided by Ryzhkov's knowledge of other Slavonic languages (cf. Ryzhkova 2012: 142).

With the growing number of Russian visitors, Ryzhkov had an idea to establish a Carlsbad yearbook, a type of handbook which he sent out free of charge to all arriving guests. This yearbook included a list of Russian speaking doctors, in addition to a calendar marking the services, there was the history of the establishment of the Russian Church in Carlsbad, the number of voluntary contributions to the running of the church, the most important offices, the prices of medical procedures and the like. The yearbook was published in the summer season, when Carlsbad had the largest number of visitors and because Ryzhkov stayed there then, mostly from May to September. The rest of the year he stayed with his family in Prague (cf. Ryzhkova 2012: 125).

Ryzhkov's spiritual activities in Prague were zealous, although there were few Russians in Prague at the time, visitors to the church were mainly Czechs and representatives of other Slavic nations such as Bulgarians, Macedonians, and Serbs. Sometimes, Russians who were on a business trip in Prague also took part. Ryzhkova states that the Russian consulate did not operate in Prague until 1912, and therefore this diplomatic function was placed in the hands of Ryzhkov, who handled it mainly thanks to his previous diplomatic experience at the Russian consulate in Vienna. However, other sources indicate that the Russian consulate began operating in Prague in 1910 (cf. Nešpor 2010: 250; *Russkij pravoslavnyj chram Svjatych pervoverchovnych apostolov Petra i Pavla v Karlovych Varach* 2007: 144). Ryzhkova also mentions that many Czechs converted to Orthodoxy and that there were more than 300 former Old Catholics. In most sources, however, we encounter figures stating around only 100 Old Catholics were converted (cf. Grigorič 1928: 47).

Father Nikolai became so close to the Carlsbad environment that he began to collect funds for the construction of a Russian House. It was supposed to be the setting

up of a resort with a Russian club, rooms for the Russian office and hotel rooms with Russian-speaking staff (cf. *Russkij karlsbadskij ježegodnik na 1914 god*: 37–38). He also began to spread this idea during services, collecting money for the construction of this facility in addition to contributions for church supplies. In 1914, a sufficient amount was collected for the purchase of the land, and Ryzhkov was about to start setting up construction (cf. Ryzhkova 2012: 125). But these efforts were interrupted by events after the outbreak of World War I.

The section entitled Первая мировая война в 1914 г. (The First World War in 1914) is a comprehensive section devoted to the circumstances of Ryzhkov's arrest and subsequent stay in prison. Among the Russian spa guests, panic erupted over the events after the outbreak of the war and they went to their Father for getting advice. He advised them to leave the territory of Austria-Hungary immediately as long as the borders were open, some of them obeyed, others stayed and asked their Father not to leave them. Although he and his family had the opportunity to go to the neutral country of Switzerland, he did not want to leave his faithful, which became fatal to him. In the first days after the outbreak of the war, he was arrested, followed by several years of imprisonment and trial. Based on searches of the house in Prague and also the house in Carlsbad, funds were confiscated along with documents and correspondence. The goal was to find anything suspicious for the purposes of the trial.

Part of the notes relate to the family and their correspondence with each other at the time of Ryzhkov's imprisonment. They could only correspond in German, so that the guards could read the letters and understand the content. Written correspondence became almost the only connection between them. Olga Ryzhkova was allowed to visit her husband very rarely with guards in attendance, and they could exchange only a few short German phrases (cf. Ryzhkova 2012: 147). The memoirs conclude with a section entitled Протоиерей Николай РЫЖКОВ на родине (Protoi-eus Nikolai Ryzhkov in the Fatherland) in which the author presents to us the last stage of Ryzhkov's life, which took place during a difficult period from 1919 to 1920 in St. Petersburg, when his illness, his stay in a hospital and his failing health appeared as results of his time in prison.

With varying degrees of detail, the author chronicles the important social events of the time and Ryzhkov's direct involvement in them, from brief and factual observations to longer descriptions of some important events. The records concerning social life provide at least a partial glimpse into the issues of the lives of Orthodox faithful at the time. The author does not ignore the main poles of social activities, to which

Ryzhkov devoted himself intensively and captured the epoch of the late 19th and early 20th centuries. Unfortunately, descriptions of the activities of the society Pravoslavná beseda, to which Ryzhkova devotes only a few lines, remained completely marginal. The extent of the individual entries and the manner in which they are recorded vary according to the author's current subject of interest and her personal bias, some being recounted colourfully and rich of details with emotional passion, especially if the author was personally involved. Her personal observations on the characterization of specific persons are valuable. From a documentary point of view, the extraordinary value lies in the fact that this is the only original source that covers the various periods of Ryzhkov's life quite coherently.

References

- Grigorič, V. (1928): *Pravoslavná Církev ve státě Československém: historicko-kanonické pojednání o Pravoslavné Církvi v Čechách, na Moravě a ve Slezsku jakož i na Slovensku a Podkarpatské Rusi vpřítomné době, s připojením některých dat o Pravoslaví v dějinách národa československého a karpatoruského*. Praha.
- Kupcová, H. (2004): »Paměti«. In: Mocná / Peterka: *Encyklopedie literárních žánrů*. Praha, <http://resolver.nkp.cz/api/v5/resolver/urn:nbn:cz:nk-0021he>.
- Luptáková / Chrást / Karpov (eds.) (2016): *Pravoslavné Česko*. Červený Kostelec.
- Marek, P. / Bureha, V. V. (2008): *Pravoslavní v Československu v letech 1918–1953: příspěvek k dějinám Pravoslavné církve v českých zemích, na Slovensku a na Podkarpatské Rusi*. Brno.
- Nešpor, Z. R. [et al.] (2010): *Náboženství v 19. století: nejčirkevňější století, nebo období zrodu českého ateismu?* Praha.
- Russkij pravoslavnyj chram Svjatych pervoverchovnych apostolov Petra i Pavla v Karlovych Varach* (2007): Moskva.
- Ryzhkova / Tepljašin (ed.) (2012): »Mučeník za pravoslavnuju veru i vernost' slavjanstvu. Vospominanija dočeri protoijereja Nikolaja Ryžkova«. In: *Christianskoje čtenije* (3), 109–157.
- Special Collections of the Slavonic library: *Russkij karlsbadskij žežegodnik na 1914 god* (T-RYŽ-78).
- Válek, V. (1984): *K specifčnosti memoárové literatury*. Brno.
- Vaverka, J. (2004): *Moderní sakrální stavby církví a náboženských společností na území Čech, Moravy a Slezska*. Brno.
- Vopatný, G. (1999): *Dědictví otců: osudy svaté pravoslavné víry na území bývalého Československa*. Praha.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

The Morality after Stirner: A Comparative Analysis of Peter Kropotkin's and Friedrich Nietzsche's Ethics*

Die Arbeit beschäftigt sich mit ethischen Fragen im Denken von Peter Kropotkin und Friedrich Nietzsche. Zunächst stellt sich für beide Denker die Frage nach der gemeinsamen Inspiration. Die Frage nach dem Einfluss von Max Stirner, Charles Darwin und Thomas Malthus wurde entwickelt.

The paper deals with ethical questions in the thinking of Peter Kropotkin and Friedrich Nietzsche. Firstly, the question of common inspiration arises for both thinkers. The question of the influence of Max Stirner, Charles Darwin and Thomas Malthus was developed.

Władysław Tatarkiewicz's *Historia filozofii* (The history of philosophy) was an inspiration for the following paper. At the end of the chapter devoted to Max Stirner's philosophy, the author says:

Stirner wielu zachwyił swą śmiałością, ale następców miał niewielu. Praktycznie usiłowali podobne idee wprowadzić w czyn anarchiści: Bakunin, Kropotkin. Teoretycznie najbliższym pozostał mu Nietzsche.¹ (Tatarkiewicz 1981: 54)

---

* The paper was supervised by Marcin Borowski, PhD.

¹ Transl. by the author: »Stirner delighted many people with his audacity, yet he had little in the way of successors. Anarchists such as Bakunin and Kropotkin made attempts to bring similar ideas into existence. In the theoretical aspect, Friedrich Nietzsche was closest to him«.

Individualistic anarchism, which was created by Max Stirner, was impartially extreme. Stirner refused to respect authorities of all kinds. Not only stood he against traditional spiritual values but also the existence of society and family. However, two thinkers of the 19th century found some value in his ideology.

Peter Kropotkin's and Friedrich Nietzsche's philosophies have common roots. Both thinkers lived at the same time, tried to answer the same questions, and were influenced by the same ideas. The following paper is a comparative analysis of the moral beliefs of both philosophers. One major aim of the paper is to outline the main differences and similarities between Kropotkin's and Nietzsche's works. Furthermore, the analysis of Max Stirner's, Charles Darwin's, and Thomas Malthus' influence on Kropotkin and Nietzsche is of particular interest.

There has not been an adequate number of studies on the ethical aspects of anarchism. Some scientists believe that anarchists did not formulate a consistent system of moral beliefs (cf. Kutnik 2009: 149–165). Consequently, such research is not rational at all. However, ethical issues were a significant part of Kropotkin's interests. He formulated a thesis on the evolutionary origins of morality. It was an afterthought for his theory of mutual aid (cf. Kropotkin 1972). The philosophical essentials of the communist anarchism majorly base on the critical review of the contemporary system of moral beliefs. Nietzsche made a similar critique. They both believed that modern culture contorts a natural sense of morality. Despite this, they defined good and evil differently, and their value systems were impossible to accommodate. Nietzsche was also visibly antagonistic towards anarchism (cf. Nietzsche 2002: 89–94).

Due to its volume, this research does not claim to be completed. This topic requires further studies.

Darwinism

Kropotkin stands out due to his deep scientism. For the most of his life, he was an established geologist. Even after gaining popularity as a canvasser, he was doing lectures on purely scientific topics. This background had an immense impact on his sociological theories. Above all, Kropotkin was a Darwinist. He believed that evolutionary and biological factors are crucial for all studies on human beings (cf. Drabiński 2019: 30). That is the first aspect, which distinguishes him from Nietzsche. Nietzsche was a philosopher. Unlike Kropotkin, he was against worshipping

science. Nevertheless, he had a desire for knowledge, which is evident in his book *Die fröhliche Wissenschaft* (*The Gay Science*). The German philosopher knew the works of Darwin, Spencer, and Stirner. They all had a significant influence on him, yet, Nietzsche's research was generally superficial. As an intuitive thinker, the more he drew from other's theories, the more he criticized them.

Nietzsche did not consider himself a Darwinist. Charles Pence described a part of Nietzsche's criticism towards scientism as aesthetic (cf. Pence 2011: 165–190). It refers to Nietzsche's early theories, specifically to the division of phenomena into Apollonian and Dionysian ones (cf. Nietzsche 1909: 21–28). Apollo was the personification of order, measure, and restraint. Dionysus was chaos, an emanation of spirit and unpredictability. The scientism represented by Darwin (as well as Kropotkin) belonged to the Apollonian world. Nietzsche accused him not only of restricting the world with a clearly defined, scientific framework, but also stripping it of its true values: mystery, unpredictability, and chaos.

However, Kropotkin and Nietzsche shared a significant part of critique towards Darwinism. In the first place, it concerns the Malthusian aspect. Thomas Malthus (1766–1834) was an English economist who created a theory that emphasized the value of demographical factors in survival (cf. Malthus 1798: 17–36). He claimed that struggle for existence is the most important factor regulating population. He pointed out fighting for food as the essential aspect of it. Darwin adopted this approach in his theses.

Kropotkin was antagonistic toward this idea. He based his critique on the research, made in Siberia and Manchuria. As he claimed:

[...] even in those few spots where animal life teemed in abundance, I failed to find – although I was eagerly looking for it – that bitter struggle for the means of existence, among animals belonging to the same species, which was considered by most Darwinists (though not always by Darwin himself) as the dominant characteristic of struggle for life, and the main factor of evolution. (Kropotkin 1972: 2)

He noticed that struggle for existence is not a literal fight among individuals of the same species. Apparently, in the vast majority of cases, it is a fight against nature. A fight in which mutual aid is in favour (cf. Kropotkin 1972: 6).

On the other hand, Nietzsche's conviction that life was more than struggle for existence significantly separated him from Malthusianism. Nietzsche saw life as a

supreme value and development as the main goal. Thus, it was utterly unacceptable for him to consider life to be based on simple combat mechanisms (cf. Nietzsche 2001: 207–208).

Both thinkers were also consistent when it comes to the state of constant fight. Malthusian theories assumed that struggle for existence is a never-ending war between representatives of same species. Nietzsche perceived periods of intense struggle for existence as a deviation from norm when will to power cannot come to the fore. Therefore, he perceived them as moments of regression and not as a factor conducive to development. Kropotkin also argued that constant war is not a natural state for any species. A fight leads to impoverishment, and yields lower natural increase. Hence, survival of the finest is, in fact, a myth. It applies to all species, starting with insects like ants or termites. In his book *Mutual Aid: A Factor of Evolution*, Kropotkin gave many examples, including invertebrates, birds, and mammals (cf. Kropotkin 1972: 20–56). Moreover, he believed that higher animals have developed social instincts even better, thanks to their higher intelligence.

In the 19th century, interpreting Darwin without the reservations mentioned above was widespread among social Darwinists. Kropotkin was in opposition to this trend, which is unquestionably visible in his argument with Thomas Huxley (cf. Harman 2012: 89–110). However, Nietzsche shared some views with social Darwinists, what differentiates him from Kropotkin. That included the assumption that one must be separated from his primal instincts by some external force. In the opinion of social Darwinists, culture was the barrier, and they called it *the facade*. For Nietzsche, the inner will to power played this role. On the other hand, Kropotkin believed that instincts are always on behalf of a community. Hence, on behalf of an individual. Consequently, there is no need to be separated from them (cf. Drabiński 2019: 33–34).

Individualism and morality

That leads to the question about the meaning of *the individual*. Nietzsche and Kropotkin understood it utterly differently, which was the main cause of disagreement between them. According to Kropotkin, the ability to perceive an individual primarily as a part of society was crucial for humanity. However, an individual initiative was also desirable. Many posterior researchers criticized this idea as utopian, because it is based on the belief that people without any instruments of coercion would act on behalf of a community. I quote after Daniel Grinberg:

Interes jednostki zlewa się u Kropotkina z interesem ogólnospołecznym. Jej potrzeba duchowej autonomii zepchnięta jest na daleki plan przez przyrodzone i dominujące skłonności do kooperacji i solidarności z innymi jednostkami. Wrodzona dobroć i łagodność skłaniają w warunkach naturalnych do altruizmu. Wytwory ludzkości są jej wspólnym dziedzictwem, w którym nie da się precyzyjnie wyznaczyć wkładu poszczególnych osób. Dlatego stać się powinny własnością ogółu.² (Grinberg 1994: 119–120)

Nietzsche denied such attitude putting individual development on a pedestal. In Kropotkin's opinion, every initiative was directly related to the good of a community. Outside of it, an individual had no chance of survival or development. Nietzsche saw individualism more in a spirit of Stirner. Morality allowed the will to power to develop, and was a manifestation of inner strength. Thus, all demonstrations of altruism aimed at supporting weaker parts of a community were a perversion of morality (cf. Nietzsche 2002: 24–27).

Individualism in Stirner's theses was, in plain view, extreme. He attacked not only a state but also family, society, and faith (cf. Stirner 1995). Nietzsche considered them as factors victimizing natural freedom. He argued that everything that morally restricts people is harmful, and therefore should be banished. The only moral compass that should exist is *me*. He goes a step further with Protagoras' »Man is the measure of all things«. For Stirner: »I am the measure of all things«, because *I* is the only claim that matters (cf. Tatarkiewicz 1981: 53). Anything else should not be trusted. The similarities between this theory and Nietzsche's individualism are evident.

Nevertheless, this theory had an immense impact on Peter Kropotkin as well. He disagreed with Nietzsche about the role that individual plays in society. However, he agreed with the destructive repercussions of any formalized authorities. It was essential for the creation of communist anarchism. Kropotkin believed that inherent sociability fulfils best in small communities. He claimed that anarchism was not only the best system but also a natural one (cf. Kropotkin 1906: 40).

Interestingly, both thinkers perceived morality as something inherent. However, there are some fundamental differences. For Kropotkin, morality was something

---

2 Transl. by the author: »For Kropotkin, the interest of an individual merges with the interest of a general public. The need for spiritual autonomy is pushed to the distant plane by the innate and dominant propensities for cooperation and solidarity with other individuals. The inborn goodness and gentleness incline to altruism in natural conditions. The products of humanity are common heritage, in which it is impossible to precisely define the contribution of individual people. Therefore, they should become the property of a general public«.

natural and universal, although it was changing over time (cf. Drabiński 2019: 26–49). Not only humans but every living being was born with a certain sense of what is good. According to him, the universalism of morality was described best by the statement: »Treat others how you want to be treated«. What is more, even with changing moral levels of societies, this principle remained a constant and unchanging compass. Nietzsche perceived morality as something inherent to every human being. He believed in the statement: »You have morality as you are by nature«, and divided people into two categories. Some had the morality of masters, and some had the morality of slaves (cf. Nietzsche 2002: 201–206). At first, he assumed that it is appropriate to belong to both groups. However, he fell into the trap of his own system. He began to glorify the morality of masters as the only right one.

That leads to another aspect – the critique of contemporary morality. Both Nietzsche and Kropotkin believed that an enforced value system of any type is harmful to natural virtues. This is noticeable in their approaches towards religion. Kropotkin criticized theism. In his opinion, the perfect society had to be secular (cf. Kropotkin 1906: 6). He argued that culture and religion are the reflections of morality in one particular moment. However, morality is not constant. It keeps evolving. Thus, things that were moral in the past can be immoral now. He considered religion to be a thread coming with high intelligence. According to him, humanity developed abstract concepts such as God. However, due to that development, people got enslaved by fossilized moral beliefs coming with theism. As for God, Nietzsche adapted Feuerbach's idea of death of God. Stirner also was developing this concept.

In his essay *Das Wesen des Christentums* (*The Essence of Christianity*), Feuerbach claims that God and human beings were identical. However, Stirner criticized Feuerbach's approach, because he did not eliminate humbling God, but replaced it with an equally humbling abstract Man. As Stirner said: »It was not noticed that Man killed God by becoming God« (Stirner 1995: 39).

However, Nietzsche pointed his sharpest critique towards Christianity and Western culture connected with it (cf. Nietzsche 1907). Above all, he pointed to a cult of the weak, and to altruism as factors distorting the proper sense of human existence.

Tatarkiewicz characterizes Nietzsche's understanding of the *contemporary morality* with three pillars:

- 1) Założenie równości: wszyscy są równi, mają równe prawa i obowiązki. 2) Założenie wolności: każdy powinien być wolny, byle nie stawał na drodze wolności innych. 3) Założenie wartości moralnej: wartość moralna jest

bezwzględna i zbędne jest ją uzasadniać, [...] nie jest bowiem środkiem, lecz celem ostatecznym.³ (Tatarkiewicz 1981: 165–166)

He claims that Nietzsche's ethics is an answer to these postulates. He concludes them into three alternative statements:

1) Założenie wartości życia: jedynie ono posiada wartość bezwzględną i z niego rodzi się wszystko inne, co w ogóle wartość posiada. 2) Założenie wolności silnego: wolność należy się tylko temu, kto posiada dość siły, by ją sobie zapewnić. 3) Założenie nierówności: ludzie nie są równi, między nimi są lepsi i gorsi, zależnie właśnie od tego, ile mają w sobie życia i siły.⁴ (Tatarkiewicz 1981: 165–166)

Kropotkin also believed that fossilized modern morality detracts us from what is natural and best for society. However, he preached completely different theses. He built his whole political vision on the belief that all people are equal. This approach implicated the lack of strict hierarchy, which is characteristic for anarchism. That situates him closer to Stirner's theses.

Another significant aspect is the understanding of good and evil. The atheistic nature of the world-views of Kropotkin and Nietzsche is essential in these considerations. In Christian-based theistic systems, the categories of good and evil are defined through the prism of God. Good is what is close to God, comes from him, or is following his will. What is against God is evil. Alternatively, evil is no good, hence no God. However, in atheistic systems, these categories must be redefined and designated through other prisms. In theories of both philosophers, what defines morality is nature.

Kropotkin's theories about good and evil are simpler. What favours survival is good (cf. Kropotkin 1972: 428–455). Thus, what is favourable for the group's well-being is genuinely good. The ability to differentiate good and evil is inherent. What is more, it is possessed not only by humans but also by all animals. Actions to harm the com-

---

3 Transl. by the author: »1) The assumption of equality: everyone is equal, has equal rights and obligations. 2) The assumption of freedom: everyone should be free, as long as it does not interfere with the freedom of others. 3) The assumption of moral value: moral value is absolute, and it is irrelevant to justify it, [...] it is not a means but an ultimate purpose«.

4 Transl. by the author: »1) The assumption of the value of life: it has an absolute value alone, and from it arises everything else that has any value. 2) The assumption of the freedom of the strong: freedom belongs only to those who have the strength to secure it. 3) The assumption of inequality: people are not equal, there are better and worse between them, depending on how much life and strength they have in themselves«.

munity are an example of evil. However, the instinctive ability to catch evil allows its elimination. Phenomena occurring in the animal kingdom, such as laziness, the tendency to assault, and plunder, are nearly fully reduced. The culture (with the institutions that force one to obey the rules) interferes with our ability to perceive good and evil. Artificial morality built on fear ceases to fulfil its primary role.

Nietzsche, in turn, negates the very notions of good and evil (cf. Nietzsche 2002: 4). He believed that this dichotomy has been distorted. Hence, there is no point in using such concepts any further. Additionally, cognitive relativism is not conducive to differentiating phenomena into obviously good and evil. However, he considered every symptom of altruism as a deprivation of morality. That states him in opposition to Kropotkin.

Nietzsche's philosophy was characterized not only by moral relativism but also by cognitive relativism, which proves his interest in Stirner's output. The well-known »death of God« was a legacy of Feuerbach's thoughts on which both German thinkers drew. However, Nietzsche, like Stirner, went further in his negation. According to him, any knowledge and any human truths are always false, because reason perceives the world in its way. Everything we hold to be genuine is authentic only for us. These theses were supported by Nietzsche with his biological interests. All judgments and values we perceive are a reflection of our natural needs. Each valuation reflects biological usefulness. Kropotkin, as a scientist, did not write much about the ontological aspects of reality.

Summary

The preceding paper compared the moral systems created by two dissimilar personalities. On the one hand, widely educated Peter Kropotkin who came from the family of the prince. On the other hand, the impulsive and selective Friedrich Nietzsche, finally consumed by his own madness. It is not surprising that two such different characters, with such different levels of scientific preparation, answered the same questions quite differently. Besides, the aim of the paper was to analyse their achievements for the sake of being inspired by the works of another, no less unique person. Max Stirner was a living contradiction. His rebellious theories of denying any form of sovereignty contrasted badly with his biography. He lived and died in extreme poverty, not achieving much success in his private or professional life.

The end of the 19th century was a period of revaluation. People's attitude to the world around them has changed. Ideas such as nihilism, anarchism, Marxism, and socialism, which defined the transformations at the turn of the century, gained popularity. It should not be surprising then that the socio-political considerations were accompanied by moral transformations.

As has been shown, an important factor connecting the ideas of Kropotkin and Nietzsche was their fascination with Darwinism. It was obviously related to the epoch in which they lived. Both thinkers were critical of the Malthusian aspect of Darwinism. Both also interpreted the work of the British evolutionist far beyond his default intention.

However, from the point of view of morality, the figure of Stirner is much more important – his absolute negation and the constant pursuit of phantoms and illusions. Stirner's attitude to statehood was a significant inspiration for the emerging mature anarchism, which seems to be forgotten today. Most anarchist studies revolve around the figures of Bakunin and Kropotkin. Stirner was also an ideological ancestor to nihilism in the form devised by Nietzsche. The following paper aimed to highlight the most important similarities between all these processes.

The coexistence of nihilism and anarchism was marked by eternal conflict. Starting with the situation in Russia at the turn of the 1860s and 1870s, and ending with Nietzsche's very critical attitude towards the assumptions of anarchism. However, it should be remembered that both these ideological trends were a sign of their times and the young generation's response to the coming great changes.

References

Primary literature

- Kropotkin, P. A. (1972): *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. New York.
- Kropotkin, P. A. (1906): *The conquest of bread*, <https://theanarchistlibrary.org/library/petr-kropotkin-the-conquest-of-bread> (accessed April 9, 2021).
- Malthus, T. (1798): *An Essay on the Principle of Population*, <http://www.esp.org/books/malthus/population/malthus.pdf> (accessed April 9, 2021).
- Nietzsche, F. (1907): *Antychryst*. Translated from German by L. Staff. Warszawa.
- Nietzsche, F. (1909): *The Birth of Tragedy or Hellenism and Pessimism*. Translated from German by WM. A. Haussmann. London.

- Nietzsche, F. (2001): *The Gay Science*. Translated from German by J. Nauckhoff and A. Del Caro. Cambridge.
- Nietzsche, F. (2002): *Beyond good and evil*. Translated from German by J. Norman. New York.
- Stirner, M. (1995): *Jedyny i jego własność*. Translated from German by A. Gajlewicz and J. Gajlewicz, <https://pl.anarchistlibraries.net/library/max-stirner-jedyny-i-jego-wlasnosc> (accessed April 9, 2021).

Secondary literature

- Drabiński, M. (2019): »Piotr Kropotkin i ewolucyjne źródła moralności«. In: *Etyka* (58/2), 26–49.
- Grinberg, D. (1994): *Ruch anarchistyczny w Europie Zachodniej 1879–1914*. Warszawa.
- Harman, O. (2012): »War or Peace? Huxley and Kropotkin's Battle Over the Design of Virtue«. In: Swan / Gordon / Seckbach (eds.): *Origin(s) of Design in Nature. A Fresh, Interdisciplinary Look at How Design Emerges in Complex Systems, Especially Life*. Dordrecht, 89–110.
- Kutnik, J. (2009): »Anarchizm a nihilizm w Rosji lat 60. i 70. XIX wieku. Historyczno-filozoficzny zarys zagadnienia«. In: *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin Polonia Sectio I* (34), 149–165.
- Pence, C. H. (2011): »Nietzsche's Aesthetic Critique of Darwin«. In: *History and Philosophy of the Life Sciences* (33/2), 165–190.
- Tatarkiewicz, W. (1981): *Historia filozofii. Tom 3*. Warszawa.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Mythos und Entmythisierung in Sergej M. Ėjzenštejns *Ivan Groznyj*

Das Verbot des zweiten Filmteils des *Ivan Groznyj* von Sergej M. Ėjzenštejn legt nahe, dass von ihm eine ›ideologische Gefahr‹ ausging, während der erste Teil vollends dem geforderten Narrativ entsprach. Diese binäre Einteilung der Filmteile in ›linientreu‹ und ›dissidentisch‹ kann dem Quellenmaterial nicht standhalten. In dieser Arbeit wird gezeigt, wie Ėjzenštejn versuchte, durch die Inkorporation eines »geheimen Sujets« den Mythos des großen Herrschers Ivan Groznyj zu unterlaufen.

The first part of Sergej M. Ėjzenštejns commissioned film *Ivan Groznyj* received the Stalin award while the second part was banned. This suggests that the second part posed a threat to soviet ideology, whereas the first part toed the party line. Historical sources prove that this stark division doesn't correspond to Ėjzenštejn's intent. This article demonstrates how Ėjzenštejn incorporated a ›secret Sujet‹ into both parts, in order to deconstruct the myth of Ivan Groznyj.

Die Mehrzahl der Filme Ėjzenštejns waren Auftragsarbeiten für die sowjetische Staatsmacht.¹ Viele sehen in ihm vor allem den Schöpfer propagandistischer Werke wie *Bronenosec Potemkin* (*Panzerkreuzer Potemkin*) [SU 1925] oder *Oktjabr'* (*Oktober*) [SU 1927–1928]. Man kann Ėjzenštejn daher als kompromittierten Künstler betrachten. Diese Sichtweise sollte jedoch differenziert und die Außergewöhnlichkeit Ėjzenštejns

---

¹ *Bronenosec Potemkin* (*Panzerkreuzer Potemkin*) [SU 1925] schuf er zum zehnjährigen Jubiläum des Aufstandes der Matrosen des Linienschiffs Potemkin. *Oktjabr* (*Oktober*) [SU 1927–1928] entstand im Auftrag der Partei zu Ehren des zehnjährigen Jubiläums der Oktoberrevolution. Auch *Aleksandr Nevskij* (*Alexander Newski*) [SU 1938] und *Ivan Groznyj* (*Iwan der Schreckliche*) [Teil I: SU 1941–1944.; Teil II: SU 1943–1946] waren Auftragsarbeiten.

als sowjetischer Filmmacher und Theoretiker hervorgehoben werden. Ėjzenštejn, der in den 1920er Jahren regen Kontakt zu einflussreichen Vertreter*innen der Avantgarde unterhielt und von einigen lernte, litt wie alle sowjetischen Künstler*innen unter der zunehmenden Totalisierung der sowjetischen Kunst ab den 1930er Jahren und der damit einhergehenden lebensbedrohlichen Gefahr. Das Schicksal vieler seiner Weggefährten*innen endete auf tragische Weise.² Ėjzenštejn schaffte es jedoch, einen prominenten, wenn auch angefochtenen, Platz in der sowjetischen Filmkunst zu erringen. Trotz seiner Linientreue, die zum Teil in seinen Schriften, in seinen Revolutionsfilmen und in den sowjetischen Ehrungen seiner Filme zum Ausdruck kommt, wagte er es, die Sowjetmacht und ihre Anforderungen an die Kunst in Werken wie *Ivan Groznyj* (*Iwan der Schreckliche*) [Serija I (Teil I) SU 1941–1944; Serija II (Teil II) SU 1943–1946] und *Bežin Lug* (*Die Bežin-Wiese*) [SU 1935–1937] zu unterlaufen.

Die Forscherinnen Anna Bohn und Maja Turowskaja sind der Meinung, dass Ėjzenštejns *Bežin Lug* nicht zur Veröffentlichung zugelassen wurde, weil er die sowjetische Ideologie, welche sich selbst als Wirklichkeit (Sozialistischer *Realismus*) ausgab, als Mythos entlarvte (vgl. Turowskaja 1995: 241; Bohn 2003: 232–233). Der Mythos wird hier in Anlehnung an Bohn und Turowskaja und im Sinne von Roland Barthes als »Denomination des eigenen Namens« (Turowskaja 1995: 241) verstanden, d.h. als die Selbstdarstellungsweise der Ideologie als Fakt. Beide Filme mussten bestimmte ideologische Narrative erzählen. In *Ivan Groznyj* sollte die Geschichte des zugleich geachteten und gefürchteten Zaren Ivan IV. Vassil'evič (1530–1584) alias *Ivan Groznyj* erzählt werden.

Der Film *Ivan Groznyj* ist, anders als *Bežin Lug*, vollständig erhalten geblieben und ist hinsichtlich der Fragestellung besonders interessant, da der erste Teil des Films den Stalinpreis erhielt, während der zweite Teil verboten und erst 1958 in der Sowjetunion gezeigt werden konnte. Ein Verbot eines sowjetischen Films darf jedoch nicht als sicherer Beweis für seinen abtrünnigen Inhalt angesehen werden, da die sowjetische Zensur insbesondere ab den 1930er Jahre verschärft wurde und oft willkürlich agierte (vgl. Kenez 2001: 193). Im Falle des zweiten Teils des *Ivan Groznyj* ist jedoch klar, dass der Inhalt des Films und nicht die willkürliche Zensur ausschlaggebend war (wie das Gedächtnisprotokoll Ėjzenštejns und Nikolaj Ćerkassovs des Gesprächs mit Iosif Stalin, Andrej Źdanov und Vjačeslav Molotov über den zweiten Filmteil des *Groznyj* zeigt). Eine Gegenüberstellung des mythischen (offensichtlichen) und entmy-

2 Im Jahr 1937 wurde sein Freund Sergej Tret'jakov hingerichtet. Ėjzenštejns einstiger Mentor und geistiger Vater Vsevolod Mejerchol'd wurde 1940 vom NKWD getötet. Auch Ėjzenštejns Freund Isaak Babel wurde 1940 vom NKWD erschossen.

thisierenden (geheimen) Sujets des *Ivan Groznyj* ermöglicht es zu verstehen, welche Komplexität Ėjzenštejn's *Ivan Groznyj* aufweist. Im Folgenden wird Aufschluss über den Entstehungskontext des Films gegeben, sodass der künstlerische Spielraum, der Ėjzenštejn in seinem Schaffen zur Verfügung stand, ermessen werden kann. Darauf folgt die Analyse des Sujets beider Teile des *Ivan Groznyj*s im Hinblick auf die im Film (re)produzierten sowjetischen Mythen sowie die Darstellung der Entmythisierungsstrategien Ėjzenštejns.

Der Entstehungskontext des Films

Um den Entstehungskontext des *Ivan Groznyj* zu verstehen, müssen die Filmproduktionsbedingungen in der Sowjetunion zur damaligen Zeit in den Blick genommen werden. Ab den 1920er Jahren herrschten in der sowjetischen Filmkunst zwar bereits Zensur sowie ideologische und formelle Vorgaben, es wurde aber erst ab 1932 der Sozialistische Realismus als tonangebender Stil festgelegt. *Der Beschluss zur Umorganisation der Künstlerorganisationen* vom 23. April 1932 führte vorerst zur Totalisierung der Schriftsteller*innenverbände und weitete sich später auch auf die Filmkunst aus (vgl. Bohn 2003: 28–29). In den 1930er Jahren brachte man nationale Vorbilder auf die Leinwände. Es wurden patriotische Filme wie beispielsweise *Čapaev* (*Tschapajew*) [SU 1934; R: Brüder Vasilevy] gedreht, in denen nicht der normale Arbeiter gezeigt wurde, sondern große historische Figuren wie erfolgreiche Heerführer und glorreiche Regenten die Hauptfiguren darstellten.

Im Januar 1941 gab Andrej Ždanov Ėjzenštejn den Auftrag, einen Film über Zar Ivan IV. zu drehen. Der Auftrag erreichte Ėjzenštejn über Ždanov, kam jedoch direkt von Iosif Stalin (vgl. Koslow 1989: 64). Das Narrativ, das über den Zaren erzählt werden sollte, war folgendes: Es gelang Zar Ivan, die russischen Länder zur Rus' zu vereinen und mithilfe von Kriegen zu vergrößern. Dies erreichte er unter anderem mittels der Opričnina, die die inneren Feinde ausschaltete und so das Reich von innen stärkte. Diese Einschätzung der Herrschaft des Ivan IV. Vassil'evič entspricht der historischen Interpretation, die Stalin vertrat und die auf das Buch *Ivan Groznyj* (1922) des englischen Historikers Robert Vipper zurückgeht. Für die Erarbeitung des Drehbuchs erhielt Ėjzenštejn Zugang zu den Archiven und hatte Mitarbeiter*innen, die ihm beim Sichten der historischen Quellen und der Sekundärliteratur halfen. Er wollte über die Quellen zu einem individuellen Verständnis des Zaren gelangen und im Film seine Interpretation des Selbstherrschers abgeben, der über Jahrhunderte im (kultur-)

historischen Gedächtnis Russlands präsent war und von vielen großen russischen Künstlern dargestellt wurde (vgl. ebd.: 65). Ėjzenštejns eigenen Ansprüchen zufolge müsse der Film die historische Wahrheit einfangen und zugleich relevant für das gegenwärtige Publikum sein (vgl. Eisenstein 1996: 129, zit. n. Neuberger 2014: 302). Darüber hinaus musste sein filmisches Porträt der Aufgabe, Zar Ivan IV. als Wegbereiter Stalins zu zeichnen, gerecht werden.

Das fertige Drehbuch, das bereits die ganze im Film zu erzählende Geschichte Ivans beinhaltete und anfangs in zwei Teilen geplant war, wurde Stalin zur Begutachtung geschickt. Aufgrund des Krieges erteilte Stalin seine Zustimmung sehr spät. Die Dreharbeiten des Films begannen erst Anfang 1943. Das gesamte Filmproduktionsteam und die Technik mussten aufgrund der Invasion des nationalsozialistischen Deutschlands 1941 von Moskau nach Alma-Ata evakuiert werden. Das wörtliche Urteil Stalins über das Drehbuch zu *Ivan Groznyj* wurde Ėjzenštejn nach Beginn der Dreharbeiten im September 1943 übermittelt:

Iwan der Schreckliche als progressive Kraft seiner Zeit und die Opritschina
[sic!] als sein zweckdienliches Werkzeug sind nicht schlecht geraten.
(Koslow 1989: 66)

Nachdem Ėjzenštejn das Urteil Stalins über sein Drehbuch gelesen hatte, vertiefte er sich in die Arbeit und gestaltete seine Pläne um: Der zweite Teil wurde aufgeteilt, so dass daraus ein zweiter und ein dritter Teil entstanden.³ Der erste Teil des Films konnte im Januar 1945 gezeigt werden, während der zweite Teil im März 1946 verboten wurde. Ėjzenštejn starb am 11. Februar 1948, noch bevor der dritte Teil fertiggestellt und der zweite Teil nach dem Verbot überarbeitet werden konnte. Es blieben jedoch das Drehbuch und seine Zeichnungen zum dritten Teil erhalten, die eine Vorstellung seiner Vision für den letzten Film der Trilogie *Ivan Groznyj* vermitteln.

---

3 Koslow geht davon aus, dass Stalins Absegnung des Drehbuchs für Ėjzenštejn eine persönliche Krise darstellte, die ihn zu seinen im Tagebuch dokumentierten Selbstmordgedanken trieb. Auch habe Ėjzenštejn nach Stalins selbstgefälliger Absegnung seines Drehbuchs zu *Ivan Groznyj* mit der Überarbeitung Stalin herausfordern wollen (vgl. Koslow 1989: 64–67).

Die Reproduktion des Mythos: Ivan als Herrscher und das offensichtliche Sujet

Ivan Groznyj gilt als Ėjzenštejns Meisterwerk. Als Vorbereitung für den Film recherchierte Ėjzenštejn extensiv und studierte eine Vielzahl von Primär- und Sekundärquellen. Er inkorporierte russische Folklore, Fresken aus der Herrschaftszeit von Ivan IV. Vassiljevič, religiöse russische Symbolik des Mittelalters, Symbole der Renaissance sowie Verweise auf das Alte und Neue Testament. Die ideologische Blaupause für die Interpretation, die er vom Zaren Ivan IV. abzugeben hatte, lieferte das Buch von Vipper (vgl. Clark 2012: 55). Stalin, der das Buch lobte, sah in Ivan dem Schrecklichen seinen Vorläufer: ein großartiger Denker und Führer des Landes, welcher Russland vor ausländischem Einfluss geschützt, eine progressive Armee, die Opričnina, geschaffen und sein Reich mit militärischer Macht vergrößert hatte (vgl. Eisenstein et.al. 1989: 68–69). Der entscheidende Fehler Ivans habe Stalin zufolge darin gelegen, aufgrund seines Glaubens nicht genug Stärke gegen innere Feinde bewiesen zu haben, was zum Schaden Russlands gewesen sei und letztendlich zur Zeit der Wirren geführt habe (vgl. ebd.: 68).

Auf den ersten Blick kam Ėjzenštejn dem geforderten Bild von Ivan Groznyj mit seiner Charakterisierung im ersten Teil vollkommen nach. Die »offensichtliche«⁴ Lesart des Films ermöglicht eine apologetische, prostalinistische Interpretation und erhält ihre Legitimation durch den Stalinpreis, den Ėjzenštejn für den Film im Jahr 1946 erhielt. Es muss jedoch hervorgehoben werden, dass kurz vor der Veröffentlichung des Films Veränderungen angeordnet wurden und das Endprodukt nicht der ursprünglichen Vision Ėjzenštejns für den ersten Filmteil entsprach (vgl. Neuberger 2014: 298). Ursprünglich waren die Szene der Ermordung von Ivans Mutter Elena Glinskaja, als Ivan noch ein Kind war, und die darauffolgende Reaktion Ivans als Prolog für den ersten Teil vorgesehen (vgl. ebd.: 378–379). Diese Szene war für Ėjzenštejn eine Schlüsselszene in Hinblick auf sein Verständnis von Ivan Groznyj als historischer Person sowie in Hinblick auf seine Entmythisierungsstrategie. Er setzte die Szene daher, trotz der vorigen Zensur, bei der die Szene herausgeschnitten wurde, als Rückblende in

---

4 In den 1930er Jahren beschäftigte sich Ėjzenštejn mit dem Sujet-Begriff, da zu dieser Zeit von sowjetischen Filmschaffenden gefordert wurde, dass sie die Sujetlosigkeit (*bessjužetnost'*) der Filme der 1920er Jahre hinter sich ließen und die Sujethaftigkeit (*sjužetnost'*) anstrebten (vgl. Bohn 2003: 114). Ėjzenštejn arbeitete drei Arten des Sujets heraus: 1) das offensichtliche (*javnyj sjužet*), »spezifisch soziale«, marxistische Sujet, 2) das geheime (*tajnyj sjužet*), »spezifisch persönliche«, psychologische Sujet und 3) das prälogische (*pralogičeskij sjužet*), »allgemein menschliche« Sujet (vgl. RGALI Fond 1923, Findbuch 2, Aufbewahrungseinheit 1148, Blatt 63–67, zit. n. Bohn 2003: 114–116).

den zweiten Teil. Der erste Teil des *Groznyj* zeichnet einen starken, kompromisslosen, zielstrebigem, patriotischen, sich selbst aufopfernden Herrscher, der durch seine Intelligenz, innovative Taktik im Krieg und unermüdliche Arbeit das Vertrauen und die Loyalität seines Volkes gewinnt.

Nach der offensichtlichen sozialen Lesart des ersten Teils, die vor allem soziale Klassenkämpfe berücksichtigt, welche im Film durch Dialog und Handlung dargestellt werden, erscheinen die Bojaren als gewissenlose, machthungrige Intriganten, die jegliche menschliche Beziehung (und jegliches Leben) für ihr Eigeninteresse und das Erlangen von Macht opfern. Ivan wird als ihr Gegner dargestellt, der das Jahrhunderte währende Machtgefüge zwischen der Kirche und den Bojaren zum Wanken bringt. Nach der Krönungszeremonie in der Kathedrale, in der der Moskauer Fürst Ivan zum Zaren Ivan IV. gekrönt wird, läutet Zar Ivan seine Regentschaft mit einer energischen Rede ein. Sein Ziel sei es, die russischen Länder zu vereinen, einstiges russisches Gebiet aus fremder Hand zurückzuerobern und ein Imperium zu schaffen, das am Meer mündet («два рима пали, а третий Москва стоит, и четвертому риму не быть, и тому риму третьему державы московской единым хозяином отныне буду я – один!»⁵). Um dies zu erreichen, müssten das Land und die Armee der Bojaren an den Zaren abgegeben werden, ihre Macht und Privilegien um der *velikogo dela* (»großen Sache«) willen eingeschränkt und untergeordnet werden.

Ivan wird als Herrscher dargestellt, der sich der Idee der einheitlichen Rus' verpflichtet. Dies macht ihn zu einem patriotischen und progressiven Herrscher, der immer wieder in Kontrast zu den Bojaren steht, die lediglich ihre eigene Macht und Privilegien zu erhalten suchen. Progressiv ist er wegen seines Glaubens an die große, gemeinschaftliche Sache – die Rus'. Diese mache ihn zu einem progressiven Herrscher. Er ist patriotisch, weil er dem Volk und seinen Ahnen nah ist. Er möchte die *russkaja zemlja* (»das russische Land«), welches von den Bojaren an Fremde verscherbelt wurde, zurückgewinnen. Ėjzenštejns Ivan Groznyj erscheint so als Wegbereiter des modernen russischen Staats bzw. des sowjetischen Imperiums. Durch die Charakterisierung Ivans, welche im Film mithilfe von Dialogen, Konflikten zwischen Figuren und symbolischen Bildern erreicht wird, wird deutlich, dass Ėjzenštejn typische sowjetische Ideale dieser Zeit aufgreift.⁶ Als die Hochzeitsfeierlichkeiten von Ivan und Anastasija vom aufgebrauchten und

---

5 Dt. Übers. der Verfasserin: »Zwei Roms fielen, aber das dritte Rom Moskau steht. Ein viertes Rom wird es nicht geben, und dieses dritte Rom des Moskauer Staats wird von nun an einen einzigen Herrscher haben – mich allein!«

6 Die Gegenüberstellung der eigeninteressierten, ausbeuterischen Bojaren (Bourgeoisie) mit dem dem Allgemeinwohl dienenden Zaren (klassenbewusster Führer) entspricht typischen sowjetischen Darstellungsweisen von vorhergehenden historischen Epochen.

bewaffneten, den Palast stürmenden Volk unterbrochen wird, zeigt Ivan seine Unerschrockenheit und Intelligenz. Das Volk will Ivan und seine die Ordnung ins Wanken bringende Regierungsweise für die unheilvollen Ereignisse im Ort (die Kirchturm-glocken fielen auf unerklärliche Weise) verantwortlich machen. Ivan glaubt nicht an Zauberei. Durch seine Rede erkennt das Volk die Lächerlichkeit des abergläubischen Vorwurfs an. Ivan fordert als Bestrafung, es sollen die Hälse derjenigen, die die Stricke der Glocken durchgeschnitten haben, durchschnitten werden. Die Darstellungsweise des Ivan als rationalen, nicht abergläubischen Herrscher entspricht den sowjetischen Idealen eines Führers des Volkes und erinnert an den bolschewistischen Kampf gegen und den »Sieg« über das »rückständige« russische Dorf.

In einer Szene, kurz nach Ivans Scheintod, sitzt Ivan abends an seinem Tisch. Sein Profil wirft einen riesigen Schatten an die Wand. Er ist mit Strategien und staatlichen Gedanken befasst, was das Schachbrett und die Armillarsphäre auf seinem Tisch verbildlichen (vgl. Clark 2012: 54). Die Armillarsphäre verweist auf die Renaissance und erzeugt ein Bild Ivans als mächtigen Herrscher der Renaissance, obwohl Russland anders als andere europäische Großmächte diese Epoche nicht durchlief (vgl. ebd.: 53). Referenzen auf die Renaissance waren in der sowjetischen Kultur verbreitet. Die Szene erfährt eine weitere Verdichtung durch den Verweis auf das Plakat *O každyj iz nas zabotitsja Stalin v Kremle*⁷ (1940) von V. Govorkov und knüpft somit an Stalin'sche Ikonographie an (vgl. ebd.).

Clark nimmt an, dass Ėjzenštejn von Heinrich Manns fiktionalisierter zweiteiliger Biographie des französischen humanistischen Königs Henry IV. des 16. Jahrhunderts, die in den 1930er Jahren erschien, dazu inspiriert wurde, Verweise auf die Renaissance in seinen Film einzuflechten (vgl. ebd.: 51–52). Mehrere Charaktere im Film ähneln bekannte Personen und Herrschern der Renaissance. Der Titel des von Ėjzenštejn im Juli 1942 veröffentlichten Aufsatzes, in dem er sein Konzept für den Film darlegte, zeigt, welchen Stellenwert die Epoche im Film einnimmt: *Ivan Groznyj: Fil'm o russskom renessanse XVI veka* (vgl. ebd.: 52). Der progressive und patriotische Ivan kommt dem von Heinrich Mann gezeichneten Idealbild des humanistischen Herrschers der Renaissance Henry IV. nahe. Die Renaissance-Verweise werfen die Frage auf, wie sie interpretiert werden sollen. Legitimierte Ėjzenštejn Ivan Groznyjs Grausamkeit, da sie *en par* mit gewaltsamen Herrscher*innen der Renaissance wie Guiliano de Medici sei, die trotz ihrer Gewalt während ihrer Regentschaft große Fortschritte gebracht hätten? Oder wollte Ėjzenštejn die Humanität Ivan Groznyjs in Anlehnung an König Henry IV. zum Ausdruck bringen?

---

7 Dt. Übers. der Verfasserin: »Um jeden von uns sorgt sich Stalin im Kreml«.

Die zwei gegensätzlichen Interpretationen, die Clark benennt, können dank des Hinweises von Bohn, dass Ėjzenštejn Ivan Groznyj als janusköpfiges Vater-Imago konzipierte, beide als wahr gelten. Denn Ėjzenštejns Groznyj weist zwei Gesichter auf.

Die Entmythisierung: Ivan als Person und das geheime Sujet

Das Porträt Ivans als humanistischer Herrscher entspricht dem Ideal des *obraz otca* (»Vater-Imago«; vgl. Bohn 2003: 143). Wie Bohn aufzeigt, konzipierte Ėjzenštejn Ivan Groznyj als ambivalentes Vater-Imago (vgl. ebd.: 142–151). Seine Konzeption basierte auf psychoanalytischen Schriften. Nach diesen sei das Vater-Imago ein Ausdruck des Wunsches, in den Zustand des embryonalen Lebens zurückzukehren. Man könne das Auftreten des Vater-Imagos als Trieb zur Vaterleibsversenkung, d.h. zur Ureinheit verstehen (vgl. ebd.: 142–143). Der Regress könne sowohl auf der persönlichen als auch auf der sozialen Ebene vonstattengehen (vgl. ebd.: 113). Ėjzenštejn griff dieses Konzept auf und wandte es auf Ivan Groznyj an. Ėjzenštejn zufolge gebe es eine progressive und eine regressive Vaterleibsversenkung: Die progressive Vaterleibsversenkung führe zur Erschaffung eines guten Vaters (*sozdavanie sebe otca*), eines Anführers, Zaren, Politikers usw., der das Aufgehen in einer kollektiven (Ur-)Einheit möglich mache. Die regressive, ödipale Vaterleibsversenkung führe zum Vatermord, da der Vater als Träger des Triebes Gegenstand der Zerstörung werde. Einen anderen Fall des Vatermords stelle der Tyrannenmord dar. Die Unterdrückung des tyrannischen Vaters, der sich das Kollektiv zum Untertanen mache, müsse durch Mord aufgehoben werden. Der Tyrannenmord sei progressiv, da der Tyrannen-Vater durch seinen Willen zur Macht das freie Aufgehen in der Einheit des Kollektivs nicht ermögliche (vgl. RGALI Fond 1923, Findbuch 2, Aufbewahrungseinheit 258, Blatt 35–36, zit. n. Bohn 2003: 143) Wie in den vorigen Abschnitten dargelegt, erscheint Ivan Groznyj zu Anfang des ersten Teils als positives Vater-Imago (Abb. 1). Das Bild schlägt jedoch bald um.

Den Wendepunkt in Ivans Porträtierung wird durch seinen Scheintod eingeleitet. Wie Neuberger feststellt, wirft die Auferstehung Ivans von den (Schein-)Toten die Frage auf, ob er als Christus oder als Satan wiedergekehrt ist (vgl. Neuberger 2004: 398). Als Ivan wegen seiner Schwäche den Tod fürchtet, bittet er die Bojaren, ihre Loyalität zu ihm und seinem Sohn zu bekunden und zu versprechen, die Rus' zu erhalten und vor Feinden zu schützen (»не за себя и за сына прошу, об единстве русской

земли молю»⁸). Die Bojaren wenden sich von ihm ab. Die Illoyalität der Bojaren und das Gefühl von Ohnmacht schüren Ivans Wunsch nach Rache und lenken ihn auf den Pfad des Grausamen. Auf der bildlichen Ebene ist bedeutsam, dass Ivans Bart erst ab dieser Episode seine spitze und lange Kontur erhält. Er wird im Verlauf des ersten Filmteils hiernach immer wieder in Szene gesetzt: entweder als Nahaufnahme des Profils von Ivan oder als Aufsicht des Schattens seines Profils. Die äußerliche Veränderung Ivans, die sich in seiner Kleidung und in seinen Haaren manifestiert, deutet auf eine Veränderung seines Inneren hin (Abb. 2). Ivan ähnelt einem Raubvogel (vgl. Bohn 2003: 149). Dies symbolisiert seine Wandlung vom guten sozialen Vater zu einem das Kollektiv verspeisenden *zver'* (»Tier«) (vgl. ebd. 147–148).

Interessanterweise ist es nicht Anastasijas Tod, der Ivan zum Biest macht. Es sind die Bojaren mit ihrer Illoyalität und ihrem Machthunger, die Ivan für seine Paranoia, Rachegelüste und Grausamkeit, die sich vor allem im zweiten Film entfalten und im dritten Film zum Höhepunkt kommen, als Rechtfertigung dienen. Die Scheintod-Episode und die Konfrontation mit den Bojaren sind mit Ivans ursprünglichem Trauma verbunden: die im Kindesalter erlebte Vergiftung der Mutter durch die Bojaren (Abb. 3). Durch die Verflechtung mit Ivans Trauma nehmen seine Handlungen als Herrscher persönliche Züge an. Diese Oszillation zwischen Ivan als Person und Ivan als Herrscher verwendete Ėjzenštejn als Strategie, um seine Grausamkeit zu erklären (vgl. Neuburger 2014: 306). Dabei wollte Ėjzenštejn die Gewalttätigkeit Ivans nicht vermindert, sondern in ihrer Grausamkeit zeigen (vgl. ebd.). Die persönliche Ebene kommt neben dem Ursprungstrauma Ivans, welches der Zensur wegen aus dem ersten Teil entfernt wurde, zudem in den Beziehungen zu seinen Kindheitsfreunden Andrej Kurbskij und Filipp Kolyčev sowie zu Fëdor Basmanov zum Tragen.

Durch die Humanisierung des Herrschers, das Einflechten seiner persönlichen Geschichte, seiner Gefühle der Einsamkeit, die in Rachelust mündeten, war es Ėjzenštejn möglich, die Gewalt des »Schrecklichen« zu erklären, ohne sie zugleich zu legitimieren (vgl. ebd.). Die Erklärung der Grausamkeit schafft dabei, dass »die« Geschichte des erfolgreichen und gewaltsamen Ivans nicht in einer Selbstverständlichkeit oder Natürlichkeit verharret. Es werden psychologische Gründe aufgezeigt, wieso Ivan so handelte, wie er es tat. Das Erklären setzt Hinterfragen voraus und entzieht sich dabei einer flachen, mythischen Geschichte. Nach Stalins Konzeption von Ivan Groznyj als Herrscher existiert nur eine Erklärung oder genauer gesagt Rechtfertigung.

---

8 Dt. Übers. der Verfasserin: »Ich bitte nicht um meiner selbst oder meines Sohnes willen, für die Einheit des russischen Landes bete ich.«

tigung: Alle Handlungen Ivans sind dieser Erzählung nach der großen Sache wegen legitimiert.

Zu der Zeit, als sich Ėjzenštejn intensiv mit den Quellen zu Ivan Groznyj befasste, drängten sich ihm drei Bilder auf, mithilfe derer er zum Verständnis von Ivan als historischer Person gelangte und mit denen er ›seinen‹ Ivan darstellte: die Vergiftung von Ivans Mutter Elena Glinskaja (1538), das Zünden der Kerze, das zur Explosion und zur Eroberung Kazan's führte (1555), sowie Ivans Reue nach dem Massaker in Novgorod (1570) (vgl. ebd.: 305). Diese drei Bilder sind jeweils ambivalent und zeigen Ivan als Menschen (und nicht als Übermenschen), der Gegensätze in sich vereint (vgl. ebd.). Im ersten Bild steht Ivans kindliche ohnmächtige Angst gegenüber den Bojaren in Kontrast zu seiner gewalttätigen Rache an ihnen (erster Racheakt: die Hinrichtung des Bojaren-Ältesten: »взять его!« (›Fasst ihn!‹)). Ivans Strategie in der Schlacht um Kazan' zeigt seine Intelligenz und ›Sprengkraft‹. Die Sprengkraft seiner Herrschaft, im kriegerischen und progressiven Sinne, legt die Grundlage seiner Legitimität als Herrscher (vgl. ebd.). Das letzte Bild, welches im dritten Teil vorkommen sollte und von dem es Zeichnungen Ėjzenštejns und Standbilder gibt, zeigt Ivan kniend vor einer Freske des Jüngsten Gerichts (Abb. 4). Dieser Akt der Reue steht im Zusammenhang mit einer seiner schlimmsten Gewaltausübungen, dem von ihm angeordneten Massaker in Novgorod (vgl. ebd.: 304–305).

Im zweiten Filmteil findet Ivans Anerkennung seiner »Grausamkeit« mittels einer Konfrontation mit einer allegorischen lebenden Ikone, die sein ehemaliger Freund Filipp Kolyčev als Warnung für ihn aufführen lässt, in einer Kathedrale statt. Ivans Anerkennung seiner Grausamkeit erfolgt zeitlich jedoch erst nach der Einsicht, dass Fëdor Basmanovs Verdacht, dass Efrosinija Starickaja seine Frau Anastasija vergiftet hat, wahr sein muss. Erst nachdem Ivan die Grausamkeit der blutsverwandten Efrosinija anerkennt, bekennt er sich zu seiner eigenen Grausamkeit: »Отныне буду таким как вы меня рыцаете! Грозным буду.«⁹ (Abb. 5) Dies zeigt, dass sein Bekenntnis mit dem kindlichen Ursprungstrauma zusammenhängt und ihm als Rechtfertigung für seine Grausamkeit dient. Auf die Gewalt der Bojaren, die Ivan seit seiner Kindheit erfuhr, reagierte er mit Gewalt. Seine Gewalt kann man, wie es Ėjzenštejns Ivan tat, als Rache konzipieren (vgl. Clark 2012: 59). Ein Racheakt steht bekanntlich immer in Bezug zu einer dem Racheakt vorausgehenden Tat, die den Racheakt in den

---

9 Dt. Übersetzung der Verfasserin: »Von nun an werde ich so sein, wie ihr mich adelt. Grausam werde ich sein!«

Augen des Täters/der Täterin legitimiert. Ivans Verpflichtung zur großen Sache, die mittels der Opričnina blutig verteidigt wird, wird somit von Ėjzenštejn als reaktionäre Rache demaskiert.

Im dritten, nicht realisierten Filmteil tut Ivan jedoch vor einer Freske des Jüngsten Gerichts Buße – Ėjzenštejns Ivan erkennt durch seine Reue vor Gott, anders als Stalin, noch eine höhere Autorität als sich selbst an. Die Buße Ivans erfolgt erst nach einem grausamen Gewaltakt: Ivan zwingt den Opričnik Fëdor Basmanov, seinen leiblichen Vater Aleksej Basmanov zu töten. Nach dem von Fëdor begangenen Vatemord tötet Ivan Fëdor: Denn, wenn Fëdor beim Töten Mitleid mit seinem leiblichen Vater gehabt hätte, hätte er Ivan, seinen ›gekrönten‹ Vater, verraten. Wenn Fëdor jedoch kein Mitleid mit seinem leiblichen Vater gehabt hätte, so könnte Ivan als gekrönter Vater ihm nicht mehr trauen (vgl. Eisenstein: IP VI, 398, zit. n. Bohn 2003: 144). (Abb. 6) Indem Ėjzenštejn den Mord des historischen Ivans an seinem Sohn auf seinen sozialen Sohn Fëdor überträgt, zeigt Ėjzenštejn die Vernichtungsmacht des tyrannischen Herrschers auf. Des tyrannischen Herrschers Paranoidität und Gewalttätigkeit wird zur Bedrohung des gesamten Kollektivs.

Wie oben dargelegt wurde, verbindet sich Ivans persönliche Geschichte mit seinen Handlungen als Herrscher. Ivan scheint mit seiner großen Sache auf der progressiven Seite der Geschichte zu stehen, aber kann sich von atavistischen Rachegelüsten nicht lösen. Letztendlich wird er zu dem, wogegen er anfangs zu kämpfen schien: ein Herrscher, der seine Macht missbraucht. In Ėjzenštejns entmythisierender Konzeption des Ivan Groznyj ist das Politische vom Persönlichen nicht zu trennen und lässt eine vereinfachte Darstellung nicht zu.

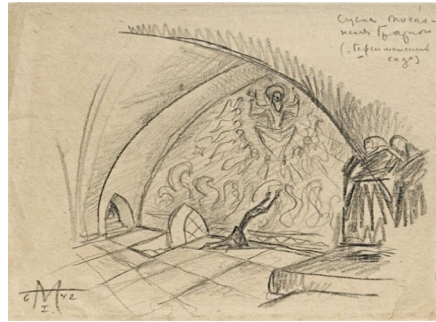
Abb. 1: Positives Vater-Imago. Alle Rechte vorbehalten.

Abb. 2: Negatives Vater-Imago. Alle Rechte vorbehalten.

Abb. 3: Ursprungstrauma. Alle Rechte vorbehalten.

Abb. 4: Jüngstes Gericht (Ėjzenštejn 1942: 200).

Abb. 5: Groznym budu. Alle Rechte vorbehalten.

Abb. 6: Väter und Sohn. Alle Rechte vorbehalten.

Literaturverzeichnis

- Bohn, A. (2003): *Film und Macht. Zur Kunsttheorie Sergej M. Eisensteins 1930–1948*. München.
- Clark, K. (2012): »Sergej Eisenstein's Ivan the Terrible and the Renaissance: An Example of Stalinist Cosmopolitanism?«. In: *Slavic Review* (71), S. 49–69, <https://doi.org/10.5612/slavicreview.71.1.0049>.
- Eisenstein, S. et al. (1989): »Gedächtnisprotokoll eines Gesprächs mit Stalin, Shdanow und Molotow über den II. Teil von »Iwan der Schreckliche««. In: Bulgakowa (Hrsg.): *Herausforderung Eisenstein*. Berlin, S. 68–69.
- Eisenstein, S. (1996): »The Problems of the Soviet Historical Film«, in: Taylor (Hrsg.): *Selected Works*, Bd. 3: *Writings 1934–47*. London, S. 126–141.
- Ivan Groznyj. Serija I.* [SU 1941–44; dt.: *Iwan der Schreckliche. Teil I*] Buch und Regie: S. Ėjzenštejn. Kamera: A. Moskvín / E. Tissé. Produktion: VOKS Alma-Ata, <https://www.youtube.com/watch?v=ijmsV1oMTJE> (aufgerufen am: 30.08.2024).
- Ivan Groznyj. Serija II.* [SU 1943–46; dt.: *Iwan der Schreckliche. Teil II*] Buch und Regie: S. Ėjzenštejn. Kamera: E. Tissé. Produktion: Mosfilm-Studio Moskau. Fassung: <https://cinema.mosfilm.ru/films/34734/> (aufgerufen am: 31.07.2021).
- Kenez, P. (2001): »A History of Bezhin Meadow«. In: LaValley et al. (Hrsg.): *Eisenstein at 100*. New Brunswick, S. 193–206.
- Koslow, L. (1989): »Über Peripetien des Schicksals und Transformationen der Theorie – Eisensteins Arbeit an »Iwan der Schreckliche««. In: Bulgakowa (Hrsg.): *Herausforderung Eisenstein*. Berlin, S. 64–67.
- Liebman, S. (2008): »Books. Naum Kleiman's Eisenstein on Paper«. In: *Artforum* (Januar 2008), <https://www.artforum.com/print/201801/naum-kleiman-s-eisenstein-on-paper-73174> (aufgerufen am: 18.10.2021).
- Neuberger, J. (2004): »Eisenstein's Angel«. In: *The Russian Review* (63), S. 374–406, <https://www.jstor.org/stable/3664647> (aufgerufen am: 29.11.2024).
- Neuberger, J. (2014): »Sergej Eisenstein's Ivan the Terrible as History«. In: *The Journal of Modern History* (86), S. 295–334, <https://doi.org/10.1086/675483>.
- RGALI [Rossijskij gosudarstvennyj archiv literatury i isskustva] Fond 1923, Findbuch 2, Aufbewahrungseinheit 258, Blatt 35–36.
- RGALI [Rossijskij gosudarstvennyj archiv literatury i isskustva] Fond 1923, Findbuch 2, Aufbewahrungseinheit 1148, Blatt 63–67.
- Turowskaja, M. (1995): »Das Kino der totalitären Epoche«. In: Bulgakowa (Hrsg.): *Die ungewöhnlichen Abenteuer des Dr. Mabuse im Lande der Bolschewiki*. Berlin, S. 235–243.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Literaturoznawstwo –
literární studia – Literaturwissenschaft –
literary studies – литературоведение

Unbearable ›Art of Life‹: Idea of a Beautiful New World – Reflection of Avant-Garde Techniques in the Novel *Victorious Fall**

Der Beitrag analysiert den Roman *Vítězný pád* (*Siegreicher Sturz*, 1929) des slowakischen Autors tschechischer Herkunft Peter Jilemnický (1901–1949). Ziel dieses Artikels ist es, die Wahl verschiedener Techniken und Motive des Autors aufzudecken und zu begründen, die hauptsächlich der tschechischen Avantgarde zugeschrieben werden, um die utopische Idee der neuen Welt darzustellen.

The article analyzes the novel *Victorious Fall* (1929) by the Slovak author of Czech origin Peter Jilemnický (1901–1949). The aim of this article is to identify and provide reasoning of the author's choice for applying various techniques and motifs, attributed mainly to the Czech avant-garde movement poetism, to represent a utopian idea of the new world.

The idea of the new world was one of the driving forces of artistic work in the interwar period and can be tracked down in the literature, including Czech and Slovak authors in spite of their differing ideological orientation. Fiction writer Peter Jilemnický (1901–1949) is known predominantly for his later novels from the 1930s, written in correspondence with a method of Social Realism. Throughout all his life and cultural and political activities, he was undeniably promoting the idea of art for the proletariat, an exploited social class with a foreseen crucial role for the future.

* This paper was supported by the grant VEGA 2/0066/20 Modernism in Slovak Literature II.; PI: Mgr. Michal Habaj, PhD. PI for Faculty of Arts, Comenius University: doc. Mgr. Dagmar Kročánová, PhD. Grant period: 2020–2023.

The ambition to approach common people brought P. Jilemnický, born and raised in the Czech Republic, to the poor, rural Slovak region of Kysuce in 1924. At that time, P. Jilemnický, despite being rather young, could pride himself in decent journalistic experience and a promising literary career. His early short stories,¹ published in left-wing newspapers in the period of 1924–1925,² primarily portrayed the life of the proletariat in the urban area and promoted various experimental techniques undeniably related to Poetism.³ Poetism was the Czech avant-garde movement which originated in Prague, Czech Republic in 1924 and remained an active force in the Czech(oslovak) culture of the 1920s. In spite of being especially prominent in literature and visual arts, Poetism strongly influenced film, photography, theatre and even architecture, introducing innovative and progressive art techniques. Poetism sought to redefine the way of life – to redraw the boundary between art and life supporting the role of playfulness, optimism, vivid imagination and creative freedom. Based on the concept of »umění života« (»art of life«),⁴ poetists advocated the idea to construct a new world by means of the artistic production. They envisioned the world as a magical place where one should entertain and laugh to overcome the dread of war and violence.

Depiction of reality in novel *Victorious Fall*

Jilemnický's first novel *Vítězný pád* (*Victorious Fall*), published in 1929, uncovered the world of poverty and social tragedy in Kysuce, while maintaining a few specific principles and methods that served to relocate the idea of the new world from an urban to a rural milieu. On the other side, in contrast with social reality, we see approaches largely attributed to the concepts of Poetism.

The storyline focuses primarily on the narrative thread of Maťo, a young man returning to his home village after witnessing the horrors of WWI to realise his disability

---

1 Later published as the novel collection *Červená 7* (1964) (»Red 7«).

2 *Pravda chudoby* (1920–1924), *Pravda* (1924– up-to-now), *Spartakus* 1922, *DAV* (1924–1937).

3 Poetism (1924–1930) was a Czechoslovak avant-garde artistic movement of the interwar period that largely influenced cultural development in both countries of that period but never succeeded to spread abroad.

4 The concept of »art of life« was articulated within the Czech avant-garde artists associated in the group *Devětsil* (1920–1931), founded in Prague in 1920. Artistic association consisted of writers, painters, poets, architects, actors, musicians, directors, photographers, and theorists. Vítězslav Nezval and Karel Teige formulated artistic program of Devětsil – Poetism as the most prominent members along with Jaroslav Seifert. The first poetist manifesto was published in 1924, the second and third in 1928 and 1930. The artistic activities of the group came to the end in 1931.

to readapt. Even though we are not given an explicit explanation of the cause of the significant shift of the main character, and there are only scarce allusions to his previous experience, such as »Červený drak ho premenil« (It was the red dragon that changed him) (Jilemnický 1929: 16). Therefore we might assume it was a direct life-threatening experience on the battlefield to stir his detachment from reality. Maťo's modified values and mind set proves incompatible with a dreadful living condition in the Slovak countryside.

There are three different layers of depicted reality in the novel, each implying a different writing style. One can observe a distinctive reportage writing technique used to describe the rural living condition of inhabitants.⁵ We are given a raw image of dirt, poverty and lack of development of the countryside. This default setting is simultaneously complemented by two separate utopian visions of the new world. Maťo serves as an exemplary personification of attributes relevant to the (re)presentation of two separate concepts of ideal, both referring to two distinct coping strategies with an existential burden.

The first concept represents an illusory world of joy and felicity and is perceived by the eyesight and sensibility of the main character. Maťo's imagination creates another nature out of the material provided to it. Parallel to the tangible, the real world and conditioned by its existence, this vision is based on the main character's subjective reflections, thus hints at irrational reality. The ability to penetrate the illusory borderline between the imaginative and real-world, his movability and expansion turns Maťo into an omnipotent character, promising to transform the real world based on the idyllic concept of panhuman moral and good. Applying a highly imaginative and associative style of writing, the author questions an actuality of habitual utility and thingness of objects.

The second concept of the »beautiful« new world in the novel represents the life of a utopian future. After the first approach proves inadequate, the main character is forced to modify his belief system. The world of the future is connected to the idea of life as struggle and sacrifice, exaggerates the utility of hands as constructing tools and persistent determination of the human spirit. The author's sudden choice to abandon imaginary style and lyricism in the second part of the novel supports the behavioural and ideological transformation of the main character.

The scope of this article is to analyse techniques applied to illustrate the first concept of life as panhuman joy and love up to the moment of »Maťo's fall« and his tran-

---

5 P. Jilemnický highly probably utilized his own experience in which he found himself after moving to the village Svrčinovec.

sition into the resilient man of the future. There are three motives, all referring to the avant-garde movement of ›Poetism‹: dynamics/movement, sensuality/association and playfulness. Analysis of these methods was chosen to cover three attributes of the main character that is contrary to the location setting: Maťo is a »wanderer«, he is a »visionary« and »bearer of joy«.

Dynamics and movement

The main character, Maťo, is given a unique set of qualities and virtues. His eagerness and lust for life disrupt the concept of still rural life. Wander-like features indicate a potential to defy the deep-rooted and rotten morality of other villagers. However, such nonconformism is more particular than simple ideological incompatibility and being a wanderer seems to be an essential precondition to executing the idea of the promised, »new world«. Villagers are pictured as uneducated and unwilling to change or give up their style of living, trapped in their belief in myths and superstitions. However, the main character exhibits his expansive nature of vital energy. Maťo is able to cross its spatial or social confines in addition to his loathe for interiors and inability to remain still. P. Jilemnický embodies a relentless spirit of change. Maťo knows no boundaries or barriers, as we can see during his night voyages to his beloved girl despite being forbidden from seeing her on multiple occasion and disagreement with Magda's mother.

As previously mentioned, the vision of the new life is bound to Maťo's unconventional approach to reality. The imaginary world is often provoked by the reoccurring concept of dynamics and movement, connected to the central motives of exterior and journey: »Bol len Maťo a ten sa svetom naháňal bohvie po ktorých krajnách a ktorým cudzím dievčatám rozosieval modrú lásku kysuckých nocí«⁶ (Jilemnický 1929: 25).

Maťo's imagination penetrates his preparation as he gets off to the weekly fair and even his reflection on the journey itself: »A cesty sa hadili úzke ako kaňony Colorada« (ibid: 71) (›Narrow roads snaked like Colorado canyon‹). There are multiple examples to support this statement: »Maťov sivák ozdobený ligôtkami ani náhrdelník

---

6 Transl. by the author: »Maťo used to roam the world, god knows which countries he has been to and how many girls he has introduced to the blue love of nights of Kysuce«.

ludožrutského krále z afrických pralesov«⁷ (ibid: 71) and the look at the street vendor of delights, wearing a Turkish fez, sets Mafo's imagery free. P. Jilemnický utilizes allusions to various historical events such as »tragédia Pompeií« (›the tragedy of Pompei‹) (ibid: 20) and »výbuch sopky Vezuv« (›the eruption of Vesuv‹) (ibid) to point out the commonality of human torment regardless of time or place. Whether it is a calling of the unknown, exotic countries and artefacts or child-like excitement to discover the unexpected in everyday life – P. Jilemnický employs these poetistic elements to exaggerate the synthesizing nature of Mafo's imagination and his task as the chosen one to modify a god-forsaken land.

Sensation and association

Poetism, as an artistic movement, declared a re-evaluation of how one perceived the world, to willingly abandon rationale and reason. It supported the utility of cognitive faculties such as perception and imagination and declared aesthetic experience, deemed to be only a by-product of object identification, to be the fundamental purpose of human labour. Poetists, concerned with the nature of perceptual knowledge, advertised the contribution of the senses, especially vision and audition, to merge various sensory inputs into a synthesized interplay. Call for an exaggerated sensibility was meant to introduce the rehabilitating awake process of primal means of human cognition as the state of panhuman integrity before the beginning of class inequality. Search for the proper medium to do so to trigger sensuous cognition thus gave a rise to the question of what qualifies as art. The poetist's strategy, manifested by the idea that »art of life«, eliminated the line between real life and its projection in art.

The poetist's claim to synthesize all that one is exposed to is evident in Jilemnický's short stories; however the residue of the author's interest in montage techniques and the method of synthesis can be seen in various audible elements placed in the novel in the literary text. Whether we speak about multiple transcriptions of folk songs, even varying by the language in which they are sung, or experimental visual illustrations of sounds, such as noise of saw and timber: »šššš-šššš-šššš« (Jilemnický 1929: 57) or knocking on the door: »fuk-fuk-fuk« (›knock-knock-knock‹) (ibid: 19).

The significance of sensual cognition in the process of understanding reality is also one of the main characteristics of the novel protagonists. We are told that: «...tu

---

7 Transl. by the author: »Mafo's horse was covered in trinkets just like a king of cannibals from an African jungle«.

(na Kysuciach) rečami nič nespraviš, tu sa verí len zraku a hmatu, dvom spoľahlivým zmyslom«⁸ (ibid: 72).

But while common villagers seem to depend on an eye-vision (and touch) as an assurance of tangible reality, visual sense allows the main character to abandon such world and transport himself into an illusory world, known and reachable only by him. Maťo is a visionary, perceiving a new world via allusions and subjective visions. Visual connotation is based on colours and various semantic associations: »A tu je láva biedy a tečie každou dolinkou, zo všetkých vrchov fialovými prameňmi pomaly zostupuje, oblokmi do izieb sa vlieva, aby raz každému gazdovi od úst sa urvalo ťažké slovo: Niet čo jesť«⁹ (ibid: 20).

The appearance of an idyllic – illusory world is generally provoked by Maťo's feeling of love and affection. P. Jilemnický intensifies lyricism when describing night love rendezvous of main protagonist. There are multiple examples to support this statement: Maťo, leaving her room, observes »Magda ležala ako biely obláčik na modrom nebi perín« (»Magda floating like a white cloud on the blue sky of bedsheets«) (ibid: 27).

Another one:

A predsa len boli i v noci bezpečné chodníčky, ktoré viedli k dievčatám.
Bol aj taký, čo doviedol Maťa k Magde. Komôrka ani srdce uprostred tejto
starej záhrady. Kvitne v ňom kvet pre potešenie. Ľudia chodia voňaf kvety
a chlapi zobúdzaf komôrky zo sna.¹⁰ (ibid: 87)

Furthermore, Maťo's reflection of the visit to Magda's house resembles fairy-tale metamorphosis: »Magdina chalupa – to bol hrad, zakliata princezná v ňom býva. Ale prečože tu nemáte šarkana s deväťdesiatimi deviatimi hlavami a s ohnivými papuľami«¹¹ (ibid: 19).

The Author allows his main character to depict his beloved Magda as an enchanted princess living inside, dreaming about the prince: »Zakliatej princezne o princovi sa sníva....« (ibid) (»She is an enchanted princess dreaming about her

---

8 Transl. by the author: »...there are only two senses one can trust in Kysuce: sight and touch«.

9 Transl. by the author: »Lava of misery floods into each valley, purple streams slowly running down from every hill, flowing into rooms through windows only to snatch farmer a heavy word: There is nothing to eat«.

10 Transl. by the author: »Night is supposed to protect paths lead into girls' house and one of such path brought Maťo to Magda. Small chambers just like a heart in the middle of the old garden. Flower blooming to please. People go to smell flowers and boys go to wake girl's chamber from the dream«.

11 Transl. by the author: »Magda's house is the castle, but a missing dragon with 99 heads spitting fire«.

prince...»). And Maťo as a knight had to endure many obstacles: »Maťo, čo ďaleké krajiny pochodil a s červeným diablom sa bil, aby si k tomuto oblôčiku chodníček s pesničkou vybojoval«¹² (ibid).

Such acknowledgement of reality lacks any causality, inhibits the relationship between senses and rationale, although reflects the extent and quality of Maťo's imagination. The main protagonist is a »visionary«, trying to fulfil his task to encourage others to adopt the new, idyllic vision of the world through love and emotions.

Playfulness

As previously stated, the idea of the new world in the novel occupies a sphere of imagination and is demonstrated by the allusive relation between reality and the individual perception of the main character. Evoked visions are not limited by constraining rules of mimesis and are highly imaginative. Maťo is a »bearer of joy« and excitement and under poetist's ideas, he resembles a child-like perception with an emphasis on the role of playfulness. Playfulness is significant to sustain the distinguishing line between hostile rural environment and utopian reflections of the main character or description of nature. The village is described by attributes of hardness and roughness in contrary to the concept of gaiety regarded as soft and rather tender: »Mäkké dlane veštia smrť, lebo život sa dobýva z kameňa a preto musia byť tvrdšie než kameň«¹³ (ibid: 10).

We are told that the village is an angular space, »kde i tá radosť, ktorá sa túla po rozosmiatych kopcoch, musí byť tvrdá«¹⁴ (ibid). The principle of playfulness determines not only associative-writing technique but also images of tangible objects based on purposeful figurative connotation. A letter from the family member in the USA, otherwise a useless scrap of paper, connotes inherited wealth:

Zástava U.S. of America prikryla Horoňovu chalupu ani hlboké hviezdnaté
nebo. Jedna hviezdička (tá najväčšia) padla Horoňovi priamo do lačného

---

12 Transl. by the author: »Maťo wandered through many countries and encountered the red dragon to fight his way back to Magda with a song«.

13 Transl. by the author: »Soft palms prophesies death since the world is made of stone and it makes those palms harder than stone«.

14 Transl. by the author: »where even joy must be hard even though it wanders across/through smiling hills«.

srdce... oznamoval starému Horoňovi smrť jeho brata a jeho vyznačil za jediného právoplatného dediča dvesto dolárov...¹⁵ (ibid: 49)

For example, the table in Maťo's parents' house is a symbol of hunger and suffering:

Tento stôl znamenal čosi v dome, mal svoj presne vymieraný účel a zdalo sa, že si ho títo ľudia oceňujú viac než všetko, čo zráňalo prestor medzi ostrými hranami chudobného zariadenia.¹⁶ (ibid: 35)

These objects remain consistent and hold to their shape despite adopting an additional layer of meaning.

It is important to mention, that objects generally connected with laughter and happiness (such as toys or clowns) acquire a rather special quality since they provoke illusions and thus entrance to the imaginary world, parallel to the real one. In the search for the beautiful/idyllic new world in Kysuce, the author pictures all beauty of the world: »... ako balansujúca farebná tyč na nose clowna...« (»...all that beauty balancing like a colourful pole on the clown's nose...«) (ibid: 23). and love of its »...deväťdesiat deväť tónov bolo sladších ako banán« (»...99 tones sweeter than banana«) (ibid).

As proof of his love for Magda, Maťo spends the last of his money to buy a monkey marionette at the market. His attempt to share child-like excitement and simple joy is met with Magda's rejective attitude. We witness mutual misunderstanding, causing the fundamental rift between separate worlds knowing that Magda: »...má zlú predstavivosť a v jej živote nebolo podobných hračiek« (»...has a weak imagination, her life lacked any toys whatsoever.«) (ibid: 89), »Zápalka prežila svoj 5 sekundový život, aby v ňom dala Magde aspoň kus radosti«¹⁷ (ibid).

Magda accepts his gift by saying: »Jaj, tá je smiešna! A čo s ňou mám robiť? Dá sa to zjesť?«¹⁸ (ibid).

Even though other characters (mostly his beloved Magda) seem to be aware of the difference: Magda's words: »Ľuto tej nevinnej radosti, ktorú vie Maťo pripraviť« (»She

---

15 Transl. by the author: »US flag covered Horoň's house like a deep sky full of skies. One of those stars fell right into the old man's hungry heart, informing (about) the death of his brother and old Horoň being the only legal heir to 200 dollars...«.

16 Transl. by the author: »This table meant something, it had its precise purpose and people seemed to appreciate it more than everything else, which hurt the space between sharp edges of poor equipment«.

17 Transl. by the author: »Even though the match sacrifices its five seconds of life to enlighten Magda's piece of joy«.

18 Transl. by the author: »Huh, how funny! And what I am supposed to do with it? Can I eat it?«.

felt sorry for all that innocent joy, which only Maťo is able to provide») (ibid), they never pursue to reach it, nor manage to understand. His idealistic perception and will to embrace the beauty of the world confronts the general misunderstanding. The main character is constantly challenged by obstacles in the real world. We are given clues that the idea of the illusory world is elusive and misleading, thus gradually fades despite Maťo's conviction of its validity: »Maťo dosiaľ žmurkal červenými očami, ktoré nemohli vyplávať z hĺbky ružového sna«¹⁹ (ibid: 33).

The author is announcing farewell to such world throughout the whole story. We are told the 100th tone of love song »...a ten posledný hlboký sťa priepasť, ktorá varuje« (»...and that last deep as pit to warn«) (ibid: 23) and »...nebyť clowna, tyč spadne a zláme sa« (»...unless there was a clown, the pole would fall and break«) (ibid). Maťo fails to pass the idyllic vision of the new world on and share his desire to create one. He murders Magda and realising life without her lacks any meaning or love, he tries to commit suicide. His attempt to create an alternative world based on imagination and playfulness is not successful. Maťo ends up in prison to acknowledge a chance opportunity to start again and as he returns home he is a resilient man, able to endure, sacrifice and pay his dues for the sake of the »new utopia« – a real new world in Kysuce. In terms of cultural history, this trajectory corresponds to the schism between avant-garde concepts of Poetism and Socialist Realism on the horizon, representing also two different concepts of freedom and future.

References

Primary literature

Jilemnický, P. (1929): *Vítězný pád*. Praha

Secondary literature

Čolaková, Ž. (1999): »Poetismus v genetickém plánu surrealismu«. In: *Český surrealismus 30. let (Struktura básnického obrazu)*. Praha, 61–95.

Hughes, R. (1988): *The Shock of New*. New York.

Chvatík, K. / Pešat, Z. (1967): *Poetismus*. Praha.

---

19 Transl. by the author: »Maťo blinks his red eyes, which were unable to shake off the deep pink dream?«.

Lodge, D. (1971): *Novelist at the Crossroads (and other Essays on the Fiction and Criticism)*. London.
Lotman, J. (1990): *Štruktúra umeleckého textu*. Translated from Russian by Milan Hamada, Bratislava.
Kubinova, M. / Kubin, V. (1982): *Magická zrcadla: Anologie poetismu*. Praha.
Števček, J. (1983): *Moderný slovenský roman*. Bratislava.
Vojvodník, J. / Wiend, J. (2011): *Heslář české avant-gardy*. Praha.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Ten, który zdradził. Obraz tytułowego bohatera w *Judaszu Iskariocie* Leonida Andriejewa*

Das Ziel des vorliegenden Beitrags ist eine detaillierte Analyse der Struktur der Titelfigur aus *Judas Ischariot* von Leonid Andreev. Zu diesem Zweck benutzt die Verfasserin die Kategorien eines Antihelden und eines Bösewichts. Dies ermöglicht, die Rolle, die Ischariot in Andreevs Geschichte spielt, gründlich zu untersuchen und die von ihm begangene Tat zu interpretieren.

The aim of the following paper is a detailed analysis of the structure of the title character in *Judas Iscariot and the Others* by Leonid Andreyev. For this purpose, the author uses the categories of an anti-hero and a villain. This makes it possible to examine the role that Judas Iscariot plays in Andreyev's story, and to interpret the deed that he commits.

Dwóch mężczyzn idzie pylistą drogą biegnącą przez kamienisty wąwóz. Są zmęczeni, a spod ich sandałów unosi się kurz, ale żaden z nich nie zwraca na to uwagi. Obaj podążają za swoim Nauczycielem – są w niego wpatrzeni, wsłuchują się w jego głos, łakną jego uwagi, chcą zasłużyć na miejsce przy jego boku. Już niedługo obaj go zdradzą. Jeden – ponieważ stchórzy, drugi – ponieważ go kocha... Powoli zbliżają się do Jerozolimy.

Pierwszy z nich to Piotr Apostoł, drugi – Judasz Iskariota i gdyby był to tradycyjny obraz biblijny, nie mielibyśmy wątpliwości, który z nich jest zdrajcą. Twórczości Leonida Andriejewa daleko jest jednak do klasycznego ujęcia tematyki sakralnej.

* Artykuł został napisany pod kierunkiem dr. Marcina Borowskiego.

Jerzy Kapuścik jeden z rozdziałów rozprawy habilitacyjnej poświęca ideowym związkom Andriejewa z neochrześcijaństwem. Zainteresowanie pisarza zagadnieniami sacrum i profanum, zdaniem badacza, podważa tezę o jego ateizmie. Jak stwierdza Kapuścik, wykorzystywanie motywów sakralnych świadczy o uprawianiu przez Andriejewa swoistej »teologii zbuntowanej, odwołującej się wprawdzie do tradycji biblijnej, lecz równocześnie reinterpretującej jej przesłanie« (Kapuścik 1989: 98). Jedną z takich reinterpretacji Pisma Świętego jawi się właśnie *Judasz Iskariota* (*Иуда Искарпум*, 1907). Kwestia wiary autora pozostaje do dziś otwarta, jednak czyisto chrześcijański klucz religijny nie wydaje się właściwy dla zinterpretowania omawianego przeze mnie utworu. Andriejewowi bliższe są bowiem koncepcje gnostyczne, co zauważa w swej pracy *Mit Judasza-samobójcy. Czytając opowiadanie Leonida Andriejewa »Judasz Iszkariot«* Mirosława Michalska-Suchanek.

Zajmując się twórczością Andriejewa, trudno przemilczeć wpływ tekstów Lwa Tołstoja oraz popularnych w tym czasie w Rosji filozofów zachodnich – m.in. Arthura Schopenhauera, Eduarda von Hartmanna oraz Friedricha Nietzschego. Trzeba jednak pamiętać, że Andriejew zetknął się z ich poglądami we wczesnej młodości, i wydaje się, że zrozumiał ich prace przede wszystkim w perspektywie własnych fatalistycznych przekonań (por. Skorohod 2013: 36–41).

Zamierzeniem mojej pracy jest analiza obrazu tytułowego bohatera *Judasza Iskarioty* Andriejewa. W tym celu posłużę się kategorią antybohatera oraz czarnego charakteru. Poprzez zestawienie wyników badań różnych literaturoznawców będę dążyć do obiektywnego i szerokiego przedstawienia możliwych interpretacji czynu Iskarioty w interesującym mnie kontekście. Jednocześnie, opierając się na biografii autora, mam zamiar nakreślić tło filozoficzno-kulturowe i psychologiczne, które pozwoli na próbę dokonania oceny moralnej postępowania bohatera, co umożliwi mi rozważenie jego przynależności do typu czarnego charakteru.

Judasz jako antybohater

Jak zauważa Michał Januszkiewicz:

Schopenhauer podał w wątpliwość aksjomat, że istnienie jest bezwzględnie lepsze od nieistnienia. [...] Nietzsche zanegował platońsko-chrześcijańską koncepcję moralną. Wyprowadził konsekwencje z ogłoszonej w »*Wiedzy radosnej*« śmierci Boga. Wysunął postulat prze-

wartościowania wartości. Wytyczył szlak etyce indywidualistycznej. [...] W takim świecie pojawia się właśnie miejsce dla antybohatera. (Januszkiewicz 2010: 69–70)

Choć w literaturze rosyjskiej antybohater występował już znacznie wcześniej, to jedną z najciekawszych form przyjmuje on właśnie w prozie Andriejewa. Kim jednak jest antybohater?

Januszkiewicz wyprowadza jego pochodzenie z dwóch tradycji literackich. Dziedzictwem karnawałowej literatury łotrzykowskiej i sowizdrzańskiej, zdaniem badacza, są dwa modele antybohaterów: bohater romantyczny oraz everyman. Drugie źródło stanowią baśnie i eposy rycerskie, których bohaterowie mierzyli się z siłami nieczystymi, a z czasem sami przejęli pierwiastek demoniczny i stali się pierwowzorem antybohaterów, których cechować będzie wewnętrzne rozdarcie pomiędzy siłami dobra i zła.

Wielu badaczy wskazuje na konieczność wypracowania spójnej definicji, której brak na gruncie polskiego literaturoznawstwa. Zauważają oni jednocześnie podstawową trudność w dokładnym opisanu zjawiska, wynikającą z cienkiej granicy pomiędzy bohaterem a antybohaterem (por. Januszkiewicz 2010: 60–63; Zagórska 2017: 9–16) oraz z różnorodności typów, które mogą zostać zakwalifikowane do tej kategorii (por. Zagórska 2017). Pojęciem pokrewnym i często błędnie utożsamianym z antybohaterem jest czarny charakter. Należy jednak zauważyć, że choć antybohater jest przeciwieństwem bohatera, odmienność ta wyraża się poprzez cechy charakteru, wygląd i odrzucający sposób bycia, a nie cele dążeń (por. *Encyklopedia literatury*).

Wobec problemu z jednoznacznym zdefiniowaniem pojęcia antybohatera Januszkiewicz proponuje pięć atrybutów, które cechują ten typ postaci. Jest to po pierwsze świadomość rozumiana jako zdolność do refleksyjnej obserwacji świata i samego siebie, uświadomienie własnego istnienia. Posiada ona trzy wymiary: ontologiczno-egzystencjalny (antybohater żyje świadomie, zdając sobie sprawę z beznadziejności własnego położenia), aksjologiczno-etyczny (antybohater ocenia świadomość pozytywnie) oraz epistemologiczny (antybohater poszukuje prawdy o sobie samym i otaczającym świecie). Skutkiem świadomości jest bierność – drugi atrybut antybohatera. Trzeci z nich to nieokreśloność pod względem tożsamościowym (antybohater jest bierny, nie ma więc działania, które mogłoby go określać) oraz etycznym (antybohater nie jest ani dobry, ani zły – odróżnia to go od czarnego charakteru). Udziałem antybohatera jest pozbawione podstaw cierpienie, do którego dąży. Jako ostatnią cechę dystynktywną Januszkiewicz wylicza pozbawioną podstaw filozoficznych wolność,

która staje się siłą destrukcyjną (por. Januszkiewicz 2010: 69–76). Zwraca on także uwagę na jeszcze jedną ważną cechę antybohatera:

[...] jeżeli antybohater jest antyheroiczny, to ów heroizm okazuje się nie tylko po prostu negowany, ale i afirmowany. Brak cech heroiczych ujawnia w tym przypadku tęsknotę do heroizmu; podważanie ogólnie przyjętych zasad moralnych ukazuje zarazem tęsknotę za tymi zasadami. Jako człowiek świadomy i samoświadomy antybohater odkrywa jedynie iluzyjność czy fikcjonalność porządku społecznego, obnaża jego niestabilność, nietrwałość i zakłamanie. (Januszkiewicz 2010: 63)

Tytułowego bohatera omawianego przeze mnie opowiadania Andriejew przedstawia jako człowieka szpetnego, wyobcowanego i sfrustrowanego, chowającego głęboką urazę wobec świata. Judasz jest przy tym kłamliwy, chciwy, podstępny i obłudny, a jego sytuacja życiowa jest sprzeczna z powszechnie przyjętymi normami społecznymi. Już na samym początku utworu Andriejew podkreśla ostracyzm, z jakim styka się Iskariota:

И у воров есть друзья, и у грабителей есть товарищи, и у лжецов есть жены, которым говорят они правду, а Иуда смеется над ворами, как и над честными, хотя сам крадет искусно, и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее. Нет, не наш он, этот рыжий Иуда из Кариота.¹
(Андреев 2018: 170)

Potem, gdy Judasz przyłączy się do Jezusa i jego Uczniów, to odrzucenie stanie się jeszcze bardziej widoczne. Jego sytuacja życiowa również jest sprzeczna z powszechnie przyjętymi normami społecznymi:

[...] свою жену Иуда бросил давно, и живет она несчастная и голодная, безуспешно стараясь из тех трех камней, что составляют поместье Иуды, выжать хлеб себе на пропитание. Сам же он много лет шатается бессмысленно в народе [...] и всюду он лжет, кривляется, зорко высматривает что-то своим воровским глазом, и вдруг уходит

---

¹ Tłum. Z. Ciechanowicza: »Nawet złodzieje mają przyjaciół, nawet u grabieżców są towarzysze, u kłamców są żony, którym mówią prawdę, a Judasz śmieje się ze złodziei, tak samo jak z uczciwych ludzi, chociaż sam kradnie wspaniale, a wygląda gorzej od wszystkich mieszkańców Judei. Nie, to nie nasz człowiek, ten rudy Judasz z Kariotu« (Andriejew 2018).

внезапно, оставляя по себе неприятности и ссору – любопытный, лукавый и злой, как одноглазый бес. Детей у него не было, и это еще раз говорило, что Иуда – дурной человек и не хочет бог потомства от Иуды.² (Андреев 2018: 170–171)

Januszkiewicz pisze, że

[...] antybohater jest outsiderem – postacią pozostającą w szczególnym konflikcie z przyjętymi potocznie normami i formami życia społecznego, kwestionującą je i uzasadniającą tę swoją postawę w sposób refleksyjny. (Januszkiewicz 2010: 63)

Dobrze oddaje to położenie Judasza, który częściowo z własnego wyboru, a częściowo odepchnięty przez społeczeństwo, pozostaje gdzieś na jego marginesie, wyłamując się z grona potulnych, biernych apostołów. Jest nonkonformistą. Słucha słów Chrystusa, ale poddaje je refleksji. W przeciwieństwie do reszty Uczniów nie zawiera wszystkiego Bogu i podejmuje starania, aby zrealizować swoje zamierzenia. Skupia się jednak na wartościowaniu swoich celów, nie poddając moralnej ocenie podejmowanych działań.

Ta przejawiana przez Judasza inicjatywa pozornie kłóci się z nakreśloną przeze mnie wcześniej sylwetką antybohatera, jeśli jednak odejdziemy na chwilę od dominującego w polskim literaturoznawstwie myślenia Januszkiewicza, zauważymy, że bierność nie jest koniecznym atrybutem antybohatera. Jak pisze Anna Figa:

Antyherosi często działają w sposób niezwykle spektakularny, bywa, że nieustannie i na wielu płaszczyznach jednocześnie, choć oczywiście ich aktywność jest na różne sposoby sprzeczna z pozytywnie rozumianym etosem i często daleka od powszechnie przyjętych norm czy nakazów. (Figa 2014: 178)

---

2 Tłum. Z. Ciechanowicza: »[...] Judasz dawno porzucił swoją żonę, która żyje teraz nieszczęśliwa i głodna, bez skutku stara się utrzymać z trzech kamieni, które stanowią majątek Judasza, próbuje jakoś wycisnąć sobie chleb na wyżywienie. Natomiast Judasz od wielu lat włóczy się bezmyślnie wśród ludzi [...] i zawsze łże, wykrzywia się, dokładnie wyszukuje coś swymi złodziejskimi oczami, a potem odchodzi nieoczekiwanie, zostawia za sobą nieprzyjemności i kłótnie – ciekawski, oszukańczy, chytry i zły, jak jednooki demon. Dzieci nie miał, a to jeszcze raz przemawia za tym, że Judasz jest złym człowiekiem, więc Bóg nie chce potomstwa od niego« (Andriejew 2018).

W świetle prac Figi i innych badaczy (por. Karpov 2015: 47; Tamarčenko) wydaje się, że cechą dużo ważniejszą niż bierność jest to, że mimo podejmowanych przez siebie działań antybohater ostatecznie nie jest w stanie pokonać napotkanych przeciwności. Iskariocie nigdy się to w pełni nie udaje.

Wśród apostołów wrogość budzi nie tyle relatywizm i cynizm Judasza, co okazywana przez niego wyższość. W tym przypadku jednak Iskariota zdaje się świadomie ich prowokować. Właściwie przez cały czas szydzi z pozostałych Uczniów w sposób dla nich całkowicie nieuchwytny – czy to w rozmowach z nimi, czy też opowiadając im pewne historie, których właściwego znaczenia nie są oni w stanie pojąć. Pod maską uniżenia, usłużności i pochlebstwa czai się dystans i pogarda. Iskariota błaznuje, udaje głupiego lub niedołęznego, mając przy tym ogromne poczucie wyższości, zarówno intelektualnej, jak i moralnej. Wyśmiewa przede wszystkim brak umiejętności samodzielnego myślenia i podejmowania decyzji, naiwność i bierność apostołów, niezrozumienie przez nich nauki Jezusa. Po śmierci Chrystusa przytyki te zmienia się w zarzuty.

Iskariota budzi powszechną niechęć także ze względu na swój wygląd. Jest on co prawda wysoki, jednak wychudzony, sprawia wrażenie wątłego i chorowitego, a jego sposób bycia i gestykulacja odrzucają. Jego głowa wygląda, jakby została rozcięta na ćwierci i ponownie złożona. Połowa jego twarzy jest całkowicie nieruchoma, ze ślepym, pokrytym bielmem, nigdy niezamykającym się okiem, podczas gdy druga jest żywa, posiada mimikę, a znajdujące się na niej oko jest ruchliwe, ciekawskie, obdarzone przenikliwym spojrzeniem. Głos Iskarioty zmienia się – raz jest męski i silny, a raz wysoki i skrzekliwy, nieprzyjemny dla ucha.

Oprócz oczywistej zewnętrznej brzydoty charakterystycznej dla antybohatera trudno w tym portrecie nie dostrzec też pewnego »rozdwojenia«, za pomocą którego narrator sugeruje nam nie do końca określoną pozycję Judasza. Z jednej strony opis ten podkreśla dwulicowość i obłudę, z drugiej jednak naprowadza nas na trop jego dwoistej tożsamości. Zgodnie z zaproponowaną przez Januszkiewicza typologią, byłby on więc antybohaterem wywodzącym się z tradycji baśniowej od postaci walczących z siłami nieczystymi herosów, którzy z czasem przejęli od nich pierwiastek demoniczny. Jest to »szczególnego rodzaju »podwójność« [która – przyp. B. M.] wyraża się tu jako rozmaite formy rozdarcia, walki dobrych i złych sił [...]« (Januszkiewicz 2010: 66).

Należy wspomnieć, że dwoista jest nie tylko natura Iskarioty, ale też rola, którą pełni w utworze. Jest on bowiem jednocześnie zdrajcą, jak i tym, kto umożliwia Jezusowi realizację boskiego planu zbawienia. Jest najmniej lubianym przez Chrystusa Uczniem, a jednak to jemu zostaje (być może) powierzone najważniejsze zadanie. Wydaje Nauczyciela na śmierć, a mimo to troszczy się o niego bardziej niż ktokolwiek

inny. Zdradza go, ale do ostatniej chwili nie opuszcza. Choć jest kłamliwy, to właśnie on sprawia, że ludowi Jerozolimy może objawić się prawda.

W nakreślonym przeze mnie portrecie Judasza można się doszukać pewnych cech archetypowego błazna, który, zdaniem Figi, jako postać »stereotypowego odmieńca, człowieka postępującego niezgodnie z przyjętymi normami i dworującego sobie ze świata« (Figa 2014: 180) może być jednym z oblicz antybohatera. Maskę takiego właśnie błazna świadomie przybiera Judasz, rozmawiając z pozostałymi apostołami. Jego pokraczność i brzydota stają się niejako parawanem dla przemycanych przez niego głębokich przemyśleń dotyczących prawd wiary. Drwiąc i żartując, Iskariota stara się też sprowokować pozostałych Uczniów, przede wszystkim Tomasza, do samodzielnego myślenia.

Trzeba nadmienić, że na odrzucający (antybohaterski) wizerunek Iskarioty poza jego fizyczną szpetotą wpływają przede wszystkim sądy od początku uprzedzonych do niego apostołów, którzy nie są w stanie dojrzeć jego prawdziwej natury pod przybraną przez niego pozą. Judasz jest dla nich śmieszny, niezdarny, głupi i niegodziwy. Figura błazna, zaczerpnięta z karnawałowej tradycji literatury, byłaby więc kolejnym ucieleśnieniem antybohatera (por. Zagórska 2017: 51–60), które odnaleźć możemy w wykreowanej przez Andriejewa postaci Judasza.

Judasz jako czarny charakter

Rozważając kategorię antybohatera, łatwo wpaść w pułapkę zbytniego uproszczenia. Figa zwraca uwagę, że

[...] literaturoznawstwo zna przecież termin czarny charakter [...] i sprawnie się nim posługuje. Literalnie rzecz ujmując, to właśnie czarny charakter – a nie antybohater – stanowi proste przeciwieństwo bohatera. (Figa 2014: 174–175)

Czarny charakter jest antagonistą, to bohater negatywny, zdemoralizowany. Od antybohatera odróżnia go przede wszystkim motywacja działań – czarny charakter będzie dążył do osiągnięcia celów sprzecznych z szeroko rozumianymi normami społecznymi lub do udaremnienia starań protagonisty (por. Januszkiewicz 2010: 63, 74). Aby móc zrealizować swoje zamierzenia, musi posiadać ogromną, często niewiarygodną wręcz siłę sprawczą. Warto także zauważyć, że czarny charakter nie zawsze jest odrzucający fizycznie.

Przyporządkowanie Judasza do jednej z tych dwóch kategorii wymaga zatem moralnej oceny jego działań. Nie jest to jednak zadanie proste. Uwzględnić bowiem należy cały szereg historycznych i kulturowych odniesień i konotacji, a także specyfikę światopoglądu autora. Jak zauważa Michalska-Suchanek:

Rozumienie i odczytanie całości jego [Judasza – przyp. B. M.] portretu, a zwłaszcza powszechnie potępianego czynu zdrady oraz, będącego następstwem tejże zdrady, aktu samobójstwa, to tak naprawdę tylko kwestia umowy oraz interpretacji zdarzeń. (Michalska-Suchanek 2012: 9)

Jest to spostrzeżenie tym ważniejsze w kontekście twórczości Andriejewa, że pisarz sięgał po motywy biblijne przede wszystkim, aby podjąć polemikę z chrześcijańską ich interpretacją (por. Kapuścik 1989: 95). Kanoniczny podział ról na protagonistów i antagonistów wydaje się więc z góry chybiony.

Chociaż w pracach wielu badaczy (por. Kapuścik 1989; Krůčkov 2003; Skorohod 2013) odnaleźć możemy bardzo jednoznaczne opisy fabuły i motywów postępowania Judasza, trudność w moralnej ocenie jego działań wynika przede wszystkim z nie do końca oczywistych odpowiedzi na pytania o sytuację, w której się znalazł. Pewne jest, że Judasz kochał Chrystusa, a mimo to udał się do Sanhedryna i »sprzedał« mu swego Nauczyciela za trzydzieści srebrników. Pozostaje pytanie dlaczego to zrobił – aktualne nie tylko w perspektywie utworu Andriejewa.

Postać Iskarioty współcześnie nadal wzbudza bowiem niemałe kontrowersje. Przez wieki był jednoznacznie potępiany przez główny nurt chrześcijaństwa, w ostatnim stuleciu zaczęły pojawiać się jednak teorie niejako rehabilitujące Judasza, którego czyn był przecież niezbędny, aby Chrystus poprzez śmierć na krzyżu mógł wypełnić swoje posłannictwo. Z tej perspektywy jego zdrada staje się więc realizacją bożej woli. Takie myślenie o roli Iskarioty w dziele zbawienia odnaleźć można już we wczesnych tekstach gnostyckich (por. Šedrovickij 2017: 8), a choć nie da się udowodnić, że Andriejew zetknął się z tą doktryną (należy zakładać, że raczej nie), to zdaje się ona być mu o wiele bliższa niż zapatrywania czysto chrześcijańskie.

Pytanie, czy Judasz był świadomy swojej misji, czy też pozostawał jedynie ślepym narzędziem w rękach Boga, wciąż otwarte na gruncie teologii chrześcijańskiej, w utworze Andriejewa zyskuje jasną odpowiedź. Choć trudno powiedzieć, czy Iskariota działał na wyraźne polecenie Jezusa, bez wątpienia jednak był on w pełni świadomy celu, w jakim Chrystus zmierza do Jerozolimy i zdecydował się wziąć na siebie brzemień (koniecznej?) zdrady.

Podając się próby moralnej oceny postępowania bohatera Andriejewa, nie można tu zapomnieć o silnym wpływie myśli Nietzschego na światopogląd autora. Jego koncepcja przewartościowania wszystkich wartości była w gruncie rzeczy próbą stworzenia nowej moralności. Nietzsche twierdził, że nie istnieje obiektywny zestaw norm obowiązujący wszystkich – każdy ma taki, jakiego potrzebuje do realizacji swoich celów. Rozróżniał moralność ›panów‹ i ›niewolników‹ (por. Tatarkiewicz 1981: 163–169). Tych pierwszych, silnych i zdecydowanych, zdolnych kształtować historię, w utworze Andriejewa reprezentuje Judasz, drugich – słabych, ale licznych, którzy ustanawiają ogólnie przyjęte zasady współżycia i hierarchię wartości – pozostali apostołowie. Choć w koncepcji Nietzschego nie ma rozróżnienia na dobrą i złą moralność, trudno nie dostrzec, że sam myśliciel, który ›zwalczał zwłaszcza wszelkie ograniczanie się, wszelką ascezę, wszelką ucieczkę w sferę ideałów‹ (Tatarkiewicz 1981: 167), stoi po stronie ›panów‹ – i ku niej skłaniał się też Andriejew. Iskariota, dla którego liczy się przede wszystkim skuteczność jego dążeń, może być więc ucieleśnieniem nietzscheańskiego ideału ›nadczołowieka‹. Jego decyzje, jako ›akt woli‹, nie podlegałyby kryteriom oceny z punktu widzenia powszechnie przyjętej (chrześcijańskiej) moralności, ponieważ jest ona właściwa niewolnikom. Zgodnie z zapatrywaniem Nietzschego siła duchowa Judasza oraz zdecydowanie i twórczość jego działania stanowią o jego pozytywnej wartości.

Należy też zwrócić uwagę na wysuniętą przez Lidię Kołobajewą tezę, że zadaniem Judasza było sprawdzenie Uczniów Jezusa (Kolobaeva 1990: 142). W świetle relatywistycznej koncepcji moralnej Nietzschego, w ten sposób Iskariota stawia sobie za cel przyporządkowanie apostołów do jednej z kategorii: ›panów‹ lub ›niewolników‹. Ujawniając ich słabość, bierność i brak twórczych możliwości, demaskuje tym samym rozdział pomiędzy przypisywaną im wartością a faktycznym stanem rzeczy, co odpowiada nietzscheańskiej idei krytyki (por. Kuziak 2011: 313). Figa stwierdza, że

[...] postać błazna może [...] służyć nie tylko zobrazowaniu błazeństwa jednostki, wyrażeniu jej ułomności bądź głupoty, ale także stać się specyficzną formą Stendhałowskiego zwierciadła, które odbija ułomność i wyraża – poprzez śmiech czy satyrę – powszechną błazenadę całego społeczeństwa. (Figa 2014: 183)

I taki właśnie cel zdaje się mieć przyjęta przez Judasza postawa.

Ważne z punktu widzenia światopoglądu Andriejewa zdaje się także cierpienie Judasza. Januszkiewicz, przypisując tę cechę antybohaterowi, konstatuje, że choć

można łatwo wytłumaczyć je stanem neurotycznym tego rodzaju postaci, to »dużo istotniejszy jest fakt, że cierpienie staje się miarą świadomości« (Januszkiewicz 2010: 75), zaś dzięki dobrowolnemu wyborowi udręki zyskują oni nad nią władzę. Badacz wyprowadza taki stan rzeczy z myśli pascalskiej i choć jest to niewątpliwie celna uwaga, która zastosowanie znajduje także w przypadku Judasza, to o wiele ważniejsza dla Andriejewa zdaje się tu ideologia Schopenhauera (por. Tatarkiewicz 1981: 219–222). Zgodnie z jego pesymistycznym zapatrywaniem życie człowieka jest ciągłym cierpieniem wynikającym z niemożności zaspokojenia popędów i odnalezienia szczęścia. Towarzyszy mu nieustanny lęk przed utratą i śmiercią. Judasz, zdając sobie sprawę z nieuchronności cierpienia, świadomie decyduje się na męczarnie związane z wydaniem Sanhedrynowi umiłowanego Nauczyciela, co w jakimś sensie daje mu nad tym cierpieniem władzę.

Przez wieki sądy o podłości i grzeszności Judasza uprawomocniał opisany w Ewangelii fakt popełnienia przez niego samobójstwa uznawanego przez chrześcijan za grzech śmiertelny. Andriejew, owładnięty myślą (cenionego, choć nie w pełni przez niego zrozumianego) Schopenhauera, postrzega samobójstwo zupełnie inaczej. Jako świadome odrzucenie woli życia jest ono dla niego buntem wyższej istoty ludzkiej przeciwko wszechmocy woli świata, jego ostatecznym zwycięstwem pozwalającym na zawsze uwolnić się od wszelkich form uległości (por. Skorohod 2013: 38–41). Popelniając samobójstwo i podążając w ślad za Jezusem, Judasz Andriejewa w rzeczywistości triumfuje nad światem.

Spojrzenie poprzez pryzmat filozofii Nietzschego i Schopenhauera pozwala na sformułowanie tezy, według której Judasz jest postacią pozytywną. Ta niejednoznaczność w jego ocenie moralnej sprawia, że bliższy jest on typowi antybohatera niż czarnego charakteru. Nawet w tym świetle, pomimo swej aktywności, nie może stać się jednak pełnoprawnym bohaterem ze względu na ostateczną niemożność pokonania napotkanych przeszkód – choć sam Iskariota uważa się za zwycięzcę i na wielu płaszczyznach rzeczywiście nim jest, to nie udaje mu się osiągnąć jednego, najważniejszego celu: zasłużyć na miłość Chrystusa. Wyrazem tego są jedne z ostatnich wypowiedzianych przez niego słów: »Но, может быть, ты и там будешь сердиться на Иуду из Кариота? И не поверишь?«³ (Andreev 2018: 244).

---

3 Tłum. Z. Ciechanowicza: »Może też będziesz się gniewał na Judasza z Kariotu? Nie uwierzysz?« (Andriejew 2018).

Podsumowanie

Zgodnie z modelem Januszkiewicza Iskariota jest zdolny do refleksji i zdaje sobie sprawę z istoty rozgrywających się wydarzeń. Swoją świadomość ocenia pozytywnie, przeciwstawiając jej ograniczenie pozostałych Uczniów. Jego tożsamość jest nieokreślona, wynika to jednak nie z braku działania, które mogłoby go określać, a z jego niespójności, wewnętrznej sprzeczności i niejasności pobudek, którymi się kieruje. Przeprowadzona przeze mnie próba moralnej oceny wskazuje, że Judasz jako bohater nie jest ani dobry, ani zły – zarówno ze względu na niejednoznaczność swoich działań, jak i na nieadekwatność miary chrześcijańskiej moralności. Jego udziałem jest też wspomniane przez Januszkiewicza cierpienie, które sam wybiera i do którego dąży, zaś jego wolność może być rozumiana destrukcyjnie – doprowadza on do śmierci Chrystusa, pogrążając jednocześnie jego Uczniów i cały lud Jerozolimy w grzechu. Jedynie inicjatywa, którą przejawia Judasz, nie wpisuje się w model zaproponowany przez Januszkiewicza.

W działaniu Judasza odnaleźć można tęsknotę za heroizmem, o której również pisze Januszkiewicz. Zdradzając, a potem podążając w ślady Jezusa, Iskariota okazuje się być jego najwierniejszym Uczniem – tym, który gotów był oddać za niego życie, zaryzykować zbawienie i poświęcić swe dobre imię, które mogło pozostać po nim na ziemi. Udaje mu się także ujawnić, jak bezwartościowi są apostołowie. Zdradzając Jezusa, wystawia na próbę jego Uczniów, by sprawdzić, do której kategorii ludzi należą – »panów« czy »niewolników«. Ostatecznie jako jedyny z apostołów sprostął wyzwaniu bycia nietzscheańskim »nadczłowiekiem« i zdobył się na świadome odrzucenie woli życia, w rozumieniu Andriejewa, zgodne z filozofią Schopenhauera. W ten sposób Judasz w zestawieniu z pozostałymi Uczniami zwycięża pod względem moralnym.

Sam Andriejew o swojej twórczości zwykł mawiać, że stawia ona pytania, na które nie daje odpowiedzi. Taki charakter ma też Judasz Iskariota, a jego zagadka zgodnie z życzeniem autora zapewne długo jeszcze będzie zajmować nie tylko badaczy literatury, ale też wszystkich, którzy zetkną się z tekstem opowiadania.

Bibliografia

- Andreev, L. N. (2018): »Iuda Iskariot«. W: Andreev: *Iuda Iskariot*. Moskwa, s. 170–245.
- Andriejew, L. (2018): *Judasz Iskariota*. Tłum. z jęz. rosyjskiego: Z. Ciechanowicz [wersja online]. *Encyklopedia literatury*: »Antybohater«. <https://encenc.pl/antybohater/> (dostęp: 29.03.2020).
- Figa, A. (2014): »Oblicza antybohatera: antyheros w kontekście polskiej prozy pisanej po 1989 roku«. W: *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego* (2), s. 173–189.
- Januszkiewicz, M. (2010): »W horyzoncie nowoczesności: antybohater jako pojęcie antropologii literatury«. W: *Teksty Drugie* (3), s. 60–78.
- Kapuścik, J. (1989): *Leonid Andriejew. Wymiar światopoglądowy twórczości*. Kraków.
- Karpov, D. L. (2015): »Literaturnyj personaż. Personaż. Obraz. Geroj. Antigeroy. Harakter. Tip«. W: Karpov: *Vvedenie v literaturovedenie*. Āroslavl', s. 45–49.
- Kolobaeva, L. A. (1990): *Koncepcija ličnosti v russkoj literature rubeža XIX–XX vekov*. Moskwa.
- Krůčkov, V. P. (2003): »Povest' »Iuda Iskariot: psihologičeskaja interpretacija evangel'skogo sůžeta«. W: Krůčkov: »Eretiki« v literature: L. Andreev, E. Zamātin, B. Pil'nāk, M. Bulgakov, https://licey.net/free/13-literatura_20_veka_analiz_dlya_sochinenij/64-eretiki_v_literature__l_andreev__e_zamyatin__b_pilnyak__m_bulgakov.html (dostęp: 12.04.2020).
- Kuziak, M. (2011): »Fryderyk Nietzsche«. W: Siwiec (red.): *Słownik myśli filozoficznej*. Warszawa / Bielsko-Biała, s. 312–325.
- Michalska-Suchanek, M. (2012): *Mit judasza-samobójcy. Czytając opowiadanie Leonida Andriejewa »Judasza Iszkariot«*. Mikołów.
- Šedrovickij, D. V. (2017): *Odin iz Dvenadcati. Ob lude Iskariote*. Moskwa.
- Skorohod, N. S. (2013): *Leonid Andreev*. Moskwa.
- Tamarčenko, N. D. (red.): *Teoretičeskaja poētika: ponātiā i opredeleniā. Hrestomatiā dlā studentov filologičeskikh fakul'tetov*, <https://philologos.narod.ru/tamar/index.htm> (dostęp: 30.03.2020).
- Tatarkiewicz, W. (1981): *Historia filozofii*. Warszawa.
- Zagórska, A. (2017): *ANTYbohater polskiej prozy (po roku 1989)*. Kraków.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Традиции славянской культуры в поэтическом творчестве белогвардейцев

Der Aufsatz behandelt zwei Arten der Darstellung von Traditionen slawischer Kultur in der Poesie der Weißgardisten. Beide Ansätze betonen die bürgerliche Position der weißen Bewegung. Dabei wird die Kultur im Laufe der historischen Entwicklung beschrieben und so die Verbindung zur Gegenwart hervorgehoben.

The paper is devoted to the description of two ways of using the traditions of Slavic culture in the poetry of the White Guardsmen. These ways serve to express civic position of the White movement and consist in describing the country in different historical periods with a description of its culture, as well as in rethinking reality based on an appeal to the facts of culture.

Белое движение как объединение, сформировавшееся в ходе Гражданской войны, в наиболее активной форме функционировало весьма непродолжительное время, однако это не помешало ему оставить яркий след в истории России и стать одной из тем, которые до сих пор вызывают споры как среди историков, так и в обществе в целом (ср. Хандорин 2019: 7).

Серьезные аналитические работы, посвященные вопросам революции и Гражданской войны, стали активно появляться в начале XXI века, и преобладали в них политические, военные, реже социально-экономические темы; но в таких исследованиях Белое движение рассматривалось только как явление историческое.

Первая попытка посмотреть на Белое движение не как на военно-политическое объединение, а как на целостное культурно-историческое и

духовно-нравственное явление была предпринята в диссертации культуролога Д. И. Болотиной *«Добровольчество» как феномен культуры России: способы самопрезентации участников Белого движения*. Впервые в число источников исследования вошли литературные произведения, однако они, будучи источниками нетрадиционными, практически не были представлены в тексте диссертации. Хотя, по справедливому замечанию автора,

[...] именно литературные и публицистические работы, с их экспрессивностью, троповостью, ярко выраженной оценочностью, могут быть эффективно использованы для воссоздания и понимания психологического климата, нравственной атмосферы, наконец, глубинного духовного смысла событий. (Болотина 2007: 24–25)

Гражданская война в целом и Белое движение как ее составная часть нашли широкое отражение в художественной литературе – как советской, так и эмигрантской. Но именно тексты самих белогвардейцев способны наиболее точно передать мировосприятие рядовых участников, их отношение к идейным врагам, происходящим событиям и своей роли в них, и, будучи произведениями словесного искусства, они должны стать объектом филологического осмысления. Заметим также, что белой традиционно называют русскую эмиграцию первой волны, и литература русского зарубежья представляет несомненный интерес для литературоведов, о чем могут свидетельствовать и отдельные диссертационные исследования, посвященные новым именам русской литературы. При этом творчество многих представителей белой эмиграции до сих пор остается малоизученным, а авторы рассматриваются преимущественно без обращения к феномену самого Белого движения, во многом, однако, определившему специфику их творчества.

Источниками нашего исследования являются наиболее полные на сегодняшний день сборники стихотворений Сергея Бехтеева, Арсения Несмелова, Марианны Колосовой, Николая Туроверова и Ивана Савина; произведения именно этих авторов вошли в обе антологии поэзии Белого движения.¹

Верность культурному наследию и национальным корням является основной ценностью Белого движения и духовным источником творчества его

---

1 См. сборники *Белая лира* (2006) и *Поэты Белой гвардии. Меч в терновом венце* (2008).

представителей. В центре внимания настоящей работы находятся традиции славянской культуры, и в поэтических текстах белогвардейцев наблюдается два основных способа обращения к ее явлениям.

Описание страны в разные исторические периоды с обращением к фактам культуры

Наиболее частотным является описание страны в разные исторические периоды: поэты не только являлись участниками и свидетелями событий XX века, но и обращались в своем творчестве к прошлому родной страны, значимым событиям ее истории, а также особенностям разных сторон жизни в ней (в том числе и особенностям культурным). При этом наблюдается обращение к фактам как традиционной, так и христианской (православной) культуры, которые на протяжении многих веков составляли основу жизни и гарантировали стабильность.

Тема Родины и исторического пути России является одной из ключевых тем литературы белой эмиграции в целом. Само понятие Родины часто замещается понятием (Святой) Руси, которое подчеркивает древность и героическое прошлое родной страны и позволяет поэтам проводить исторические параллели:

Переберу рукой взволнованной
Страницы прошлых ярких дней,
И встанет Русь, в броню закована,
В красе воинственной своей!
[...]
Забуду нынешнее горе я,
Мне ясен наш грядущий путь:
Нельзя страну с такой Историей
Ни задушить, ни зачеркнуть!
(Колосова 2011: 280, 282)

Отдельно хотелось бы обратить внимание на период славянской общности, отраженный в стихотворениях Арсения Несмелова «Карпаты» и Марианны

Колосовой «Славяне-предки»². Объединяет эти тексты стремление поэтов отобразить в них истоки былой боевой славы, подчеркнув тем самым ее долгую историю. Имеющийся исторический опыт, по их мнению, гарантирует возможность преодолеть эпоху революционной смуты и справиться с внутренним врагом так же успешно, как и с врагом внешним:

Карпатские горы, гранитное темя,
Орлов и героев приют,
Где доблестно бьется славянское племя
За жизнь и свободу свою!
[...]
Иначе... но нет никакого иначе:
С гранитных устоев Карпат,
Народом-героем решительно начат,
Гудит всеславянский набат.
(Несмелов 2006: 279, 280)

Сама частотность обращения поэтов-белогвардейцев к истории родной страны и особенностям ее культуры актуализирует идею: то, чем жила Россия на протяжении веков, было гарантом ее могущества, и возвращение на исконный, но забытый в годы революции путь, восстановит былое величие страны. Это и помогает поэтам с уверенностью смотреть в будущее.

Апелляция к фактам культуры как возможность переосмыслить современную поэтам действительность

Наибольший же интерес представляют произведения, в которых апелляция к фактам славянской культуры дает возможность переосмыслить революционную эпоху, что может выражаться в особых, ирреальных представлениях о самой революции, Гражданской войне, противоборствующих сторонах, власти и т.д.

---

2 Указанное стихотворение Марианны Колосовой представлено во втором издании сборника 2011 года, существующем только в электронном варианте.

Так, Сергей Бехтеев изображает страну, вступившую в эпоху безвременья, тьмы и господства нечистой силы: «На родине моей безвременье и тьма [...]» (Бехтеев 2008: 469), «Вокруг зловещей ночи тьма [...]» (Бехтеев 2008: 608), «Сбылось предсказанье Мессии, // И «тьма» пересилила «свет!» (Бехтеев 2008: 432), «Я не страшусь мятежных дней // И буйной нечисти засилья [...]» (Бехтеев 2008: 566) и др. Проявляется это и в использовании символов, позволяющих говорить об оценке происходящих событий.

Неоднократно возникает в его произведениях образ красных галок.³ Галка же относится к птицам нечистым, дьявольским, зловещим (ср. Гура 1997: 527–531), а характерный для вороновых птиц черный цвет оперения в тексте заменен на красный – цвет идейных врагов. Этот образ также характеризует мир красных (а, следовательно, и революцию, и страну в этот период) как мир жестокий, преступный и нечистый (ср. Жгулева 2017: 509). Кроме того, поэт называет происходящее «красным праздником упырей» (ср. Бехтеев 2008: 389), подчеркивая тем самым кровавую сущность противоборствующей стороны и опасность революции.

Персонажей низшей мифологии использует и Марианна Колосова, обращаясь к судьбе белоэмигрантов. Так, в стихотворении «Домовой и Лешачонок» находим довольно подробное описание названных существ (ср. Колосова 2011: 297–298, 242–244), а их жизненный путь, прослеживающийся в текстах, дает возможность говорить о том, что лишенные своего дома духи-покровители полностью разделяют участь изгнанников-белых, также лишенных своего привычного дома, своей Святой Руси и близких людей. Гражданская позиция белогвардейцев тесным образом связана с позицией нравственной, что и делает обращение к фактам славянской культуры способом обозначения доброго и злого, своего и чужого.

Понимание же истории как цикличного процесса провоцирует представление о революции как зиме (кончине мира, нечистой демонической силе) и, следовательно, грядущей весне (рае, воскресении, связанном и с христианским мировоззрением). Кроме того, подкрепляется это и отмеченным нами ранее историческим опытом страны, лежащим в основе гражданского самоопределения белогвардейцев.

Так, Сергеем Бехтеевым революция часто воспринимается как опьянение, одурь, а потому и как явление временное, неизменно сменяемое трезвым

---

³ См. стихотворения «Набат и Земля и воля» (Бехтеев 2008: 389, 393).

сознанием, что происходит так же закономерно, как весна сменяет собой зиму, а утро – ночь:

Не буди ты его от кошмарного сна,
Свой мятежный, кровавый народ:
Не настала еще молодая весна,
Не растаял над безднами лед.

Посмотри – впереди непроглядная тьма,
Стужа вьюг и седая пурга,
Цепь сугробов-могил, холод, бури, зима,
А вокруг – все снега и снега...

Далеко до рассвета Пасхального дня,
До исхода из тленья гробов;
Не зажглось еще пламя святого огня
В буйном сердце восставших рабов.

[...]

Но не плачь, не зови, мой воинственный друг,
Опочивших в гробах мертвецов.
Время мерно свершает положенный круг,
Время шлет нам весенних гонцов.

Он проснется тогда, православный народ,
От тяжелого, страшного сна,
Когда яркое Солнце над Русью взойдет
И воспрянет родная весна.
(Бехтеев 2008: 471–472)

Представления о времени, мерно свершающем свой круг, и о событиях, которые должны вскоре произойти, основываются на самом культурном контексте, которым живут поэты; он и дает им возможность проводить параллели между событиями прошлого, настоящего и будущего. Именно идея континуальности истории провоцирует появление представлений о России как древней державе с большой исторической памятью, с большим прошлым и большим будущим после ее возвращения на исконный путь, после ее возрождения (ср. Жгулева 2020: 84–85).

Итак, переосмысление произошедших событий через обращение к традициям славянской культуры позволяет авторам отразить в текстах субъективное отношение к реальности, свою систему ценностей как представителей определенной идеологической группы и выделить те характеристики описываемых явлений, которые объясняют происходящее и помогают преодолеть жизненные трудности, выстроив в ситуации неопределенности понятное будущее.

Библиография

Белая лира (2006): *Белая лира: Антология поэзии Белого движения*. – Смоленск.

Бехтеев, С.С. (2008): «Святая Русь» // *Певец Святой Руси: Сергей Бехтеев: жизнь и творчество* / Под ред. Невяровича. – Санкт-Петербург. С. 384–674.

Болотина, Д.И. (2007): «Добровольчество» как феномен культуры России: способы самопрезентации участников Белого движения. – Москва.

Гура, А.В. (1997): *Символика животных в славянской народной традиции*. – Москва.

Жгулева, Ю.А. (2017): «Лексико-семантические средства создания образа «красного мира» в поэзии С. С. Бехтеева» // *Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г.* / Под ред. Доброштан и др. – Санкт-Петербург. С. 507–509.

Жгулева, Ю.А. (2020): «Семантизация образов исторического пути России в поэзии С. С. Бехтеева». // *Виноградовские чтения: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Тобольск, 12–13 декабря 2019 г.)*. – Киров. С. 81–85.

Колосова, М. (2011): *Вспомнить, нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой*. – Барнаул, http://sam-lib.ru/s/sumanosow_w_a/mariannakolosowa.shtml (дата обращения: 15.02.2021).

Меч в терновом венце (2008): *Поэты Белой гвардии. Меч в терновом венце: Николай Тuroверов, Арсений Несмелов, Сергей Бехтеев, Иван Савин, Марианна Колосова*. – Москва.

Несмелов, А. (2006): *Собрание сочинений. Том I. Стихотворения и поэмы*. – Владивосток.

Савин, И.И. (2019): *Только одна жизнь*. – Санкт-Петербург.

Тuroверов, Н.Н. (2010): «Возвращается ветер на круги свои...»: *Стихотворения и поэмы* / Под ред. Рябухина. – Москва.

Хандорин, В.Г. (2019): *История Белого движения в России: учебное пособие*. – Москва.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

***Mašen'ka* als Spiegel der ersten Emigrationswelle – Nabokovs literarische Darstellung der russischen Exilanten im Berlin der 1920er-Jahre**

Nach der Oktoberrevolution anno 1917 folgte ein beispielloser Exodus der russischen Oberschicht ins Ausland, darunter: Vladimir V. Nabokov. 1922 findet sich Nabokov in Berlin wieder, dem literarischen Zentrum russischer Exilanten jener Zeit, wo er seinen ersten Exilroman veröffentlicht: *Mašen'ka* (1926). Er gibt den Mikrokosmos russischer Exilanten in literarischer Form wider und verknüpft diesen mit soziohistorischen Fakten, was im Beitrag genauer untersucht und aufgezeigt wird.

The October Revolution of 1917 was followed by an unprecedented exodus of the Russian upper class abroad, among them: Vladimir V. Nabokov. In 1922, Nabokov found himself in Berlin, the literary centre of Russian exiles at the time, where he published his first exile novel: *Mashenka* (1926). It is a novel that reflects the microcosm of Russian exiles in a literary form and links it to socio-historical facts, which will be examined and demonstrated more precisely in the paper.

Seit jeher ist die Menschheitsgeschichte von Migration geprägt. Im Hinblick auf die neuere europäische Geschichte ragt hierbei das 20. Jahrhundert besonders hervor. Gekennzeichnet vom Nationalsozialismus und sowjetischem Sozialismus sowie Kommunismus gingen mit diesen Ideologien und politischen Systemen große Migrationsströme einher. Ganze Bevölkerungsgruppen sahen sich gezwungen, aus ihren Heimatländern zu emigrieren. Dabei hielten viele von ihnen ihre Erfahrungen schriftlich fest. Ein neuer Texttyp in der Literatur entstand: die Exilliteratur (vgl. Jörg 2012:

10; Oltmer 2018). Zahlreiche Schriftsteller¹ sind als Exilschriftsteller in die Geschichte eingegangen, darunter der aus Russland stammende Vladimir Vladimirovič Nabokov. Sein Leben war von Exil und Migration gekennzeichnet: 1899 in Sankt Petersburg im Russischen Kaiserreich geboren, immigrierte er 1919 nach England und drei Jahre später nach Berlin. Dort veröffentlichte er 1926 schließlich seinen ersten Exilroman *Mašen'ka* auf Russisch, zu einer Zeit, in der zahlreiche aus Russland stammende Exilanten infolge der Oktoberrevolution von 1917 und der Etablierung des bolschewistischen Sowjetregimes nach Berlin flohen (vgl. Goldschweer 2011: 155; Boyd 1999: 320).

Dieser Beitrag vertritt die These, dass die größten russischen Exilantengruppen der 1920er-Jahre in Berlin durch die einzelnen Figuren in Nabokovs Roman *Mašen'ka* repräsentiert werden und somit ein literarisches Abbild ebenjener Exilantenwelt darstellen. Demnach wird das Ziel verfolgt, einen prägnanten Überblick zu den wichtigsten Figuren des Romans und ihrer Symbolik in Bezug auf ihr Exildasein und ihre Emigration aufzuzeigen. Dafür wird ihre literarische Darstellung mit soziohistorischen Fakten verknüpft, die im Folgenden vorgestellt werden.

Soziohistorischer Hintergrund

Das 20. Jahrhundert stellte einen fundamentalen Bruch in der russischen Geschichte dar. Wenn der Fokus auf das erste Drittel gelegt wird, so ragt hervor, dass Russland zu den Alliierten im Ersten Weltkrieg gehörte und das Russische Kaiserreich auseinanderbrach – was mit Bürgerkrieg, Hungersnöten sowie Revolutionen einherging (vgl. Zimmer 2001: 116). Insbesondere die Oktoberrevolution 1917 und die Etablierung des Sowjetregimes brachen mit alten Traditionen und wälzten das gesamte Land sowie damit einhergehend die gesamte Bevölkerungsstruktur um. Hauptsächlich waren die Oberschichten, demnach Angehörige des Adels und der Intelligenzia, vom bolschewistischen Umsturz in so einer Weise betroffen, dass viele von ihnen vertrieben wurden oder sie sich gezwungen sahen, ins Exil² zu fliehen – um Repressionen und Lebensgefahr zu entkommen (vgl. ebd.; Goldschweer 2011: 154).

---

1 Aus Gründen des Leseflusses und der Einheitlichkeit wird in dem vorliegenden Beitrag ausschließlich das generische Maskulinum verwendet.

2 Exil kann als »langfristige[r] Aufenthalt außerhalb des Heimatlandes, das aufgrund von Verbannung, Ausbürgerung, Verfolgung durch den Staat oder unerträglichen politischen Verhältnissen verlassen wurde« (Duden), definiert werden.

Die erste russische Emigrationswelle

Es wird davon ausgegangen, dass ein bis zwei Millionen Menschen infolge der Oktoberrevolution aus Russland emigrierten und sich auf der ganzen Welt niederließen. Infolgedessen entstand eine regelrechte Welle von Emigranten – die erste Emigrationswelle, die von 1917 bis zum Anfang des zweiten Weltkriegs andauerte, wobei das Jahr 1920 als Höhepunkt dieses Emigrationsstroms gilt.³ Viele erhofften sich eine Rückkehr in ihre Heimat und sahen das Exil anfangs nur als vorübergehend an. Im Laufe der Zeit wurde jedoch deutlich, dass dies für die meisten von ihnen nur ein unerfüllter Traum bleiben würde, da immer mehr europäische Regierungen das neue sowjetische Russland diplomatisch anerkannten (vgl. Goldschweer 2011: 154). Charakteristisch für die erste russische Emigrationswelle war, dass sie sich hauptsächlich aus zahlreichen Kulturschaffenden und Intellektuellen zusammensetzte, darunter bedeutende Künstler, Musiker, Sänger, Tänzer und Choreographen – aber allen voran Schriftsteller. Einer von ihnen war Nabokov, der 1922 im Alter von 23 Jahren nach Berlin immigrierte und dort fortan 15 Jahre lebte (vgl. Kasack 1996: 11–12.; Urban 2003: 7).

Das russische Berlin

Größere Zufluchtsorte der russischen Exilanten waren unter anderem Prag, Warschau, Rom, Shanghai, Istanbul und New York. Jedoch waren Berlin und Paris die mit Abstand größten Zentren der russischen Emigranten der ersten Welle (vgl. Goldschweer 2011: 154). 1922/23 lebten in Deutschland bis zu 560.000 Exilanten aus Russland, davon an die 360.000 in Berlin (vgl. Zimmer 2001: 116; Schlögel 1994: 237). Das russische Berlin war entstanden und die Stadt galt als »Stiefmutter der russischen Städte« (Chodasevič 1923 in Urban 2003: 9). Einer der Hauptgründe für die Konzentration russischer Exilanten in Berlin lag darin, dass dort bereits vor dem Ersten Weltkrieg russische Texte veröffentlicht wurden, hauptsächlich als Form des Widerstands gegen den Zaren, und demnach eine bestimmte Infrastruktur und technische Vorrichtungen für Schriftsteller bereits vorhanden waren (vgl. Zimmer 2001: 116; Schlögel 1994: 237).

Berlin wurde zum literarischen Zentrum der russischen Exilanten und blieb es ungefähr bis Ende 1923 (vgl. Urban 2003: 295–297; Goldschweer 2011: 154–155). An dieser Stelle ist wichtig hervorzuheben, dass Berlin für viele Exilrussen lediglich eine Zwischenstation auf ihrer Flucht oder Vertreibung darstellte. Dies wird daran sehr deut-

---

3 Die Emigrationen Russlands werden in der Regel in drei Wellen eingeteilt. Da der Roman *Mašen'ka* und Nabokov selbst der ersten Emigrationswelle zugeteilt werden, sind die beiden weiteren Wellen für den hier vorliegenden Beitrag nicht von Relevanz und werden daher nicht aufgegriffen. Zu den russischen Emigrationswellen vgl. Kasack 1996.

lich, dass Ende 1923 eine enorme Abwanderung der Exilrussen aus Berlin einsetzte, als viele von ihnen die Möglichkeiten erhielten, zu ihren eigentlichen Zielen zu reisen – vorrangig nach Paris. 1928 zählte Paris bereits 400.000 Exilrussen, wohingegen 1929 in Berlin nur noch 75.000 russische Exilanten lebten (vgl. Lauer 2009: 530–531; Zimmer 2001: 116). Ein anderer Teil kehrte in das neue, sowjetische Russland zurück (vgl. Urban 2003: 9).

Exilliteratur

Wie aus der Bezeichnung bereits ersichtlich wird, ist die Exilthematik der Kern der Exilliteratur. Die Geburtsstunde der russischen Exilliteratur wird auf 1917, das Jahr der Abdankung des Zaren und der Oktoberrevolution datiert. In der Regel handelt es sich dabei um »Autobiografien, persönlich[e] Essays, Bildungsroman[e] und Brief[e]« (Jörg 2012: 5). Exilliteratur ist demzufolge eine Form der »Erinnerungsarbeit und historische[n] Ereignisdarstellung« (ebd.), denn die Schriftsteller verarbeiten ihr Leben als Exilanten in ihren Werken, was letztendlich auch Einblicke in historisch reale Begebenheiten ermöglicht (vgl. ebd.: 6).

Die mit dem Exildasein einhergehenden Gefühle und Erlebnisse sind geprägt »von einem Leben in der Fremde, dem Gefühl des Verlusts und der Marginalisierung sowie der Sehnsucht nach der Heimat und dem Wunsch nach Rückkehr« (Kuhlmann 2014), aber auch von einer »geografische[n] Vertreibung beziehungsweise Entwurzelung von Menschen, Identitäten und Kulturen« (ebd.). Jörg betont hierbei, dass der Exilschriftsteller selbst ein Exilant ist, der über Exilanten schreibt und somit die Rolle eines »Ver- und Übermittlers« einnimmt⁴ (vgl. Jörg 2012: 12). So ist in Bezug auf Nabokov festzuhalten, dass er seinen ersten Exilroman *Mašen'ka* auch selbst als Exilant schrieb.

***Mašen'ka* – Nabokovs literarische Spiegelung der russischen Exilantenwelt**

Die jüngere Geschichte Russlands ist von Emigration und Exil geprägt, was sich insbesondere in der russischen Literatur widerspiegelt. Goldschweer hebt in diesem Zusammenhang hervor, dass »die russische Kulturgeschichte durch eine Reihe von in der

---

4 Hierbei spricht Jörg von einem »Ver- und Übermittler« nach der Auslegung von Salman Rushdie und verweist auf ihn (vgl. Jörg 2012: 12).

Regel politisch oder religiös induzierten Auswanderungswellen gekennzeichnet [ist], die Grenzgänger hervorgebracht hat, welche ihre Lage in literarischen Texten reflektieren« (Goldschweer 2011: 150). Nabokovs erster Exilroman *Mašen'ka*, den er unter seinem Pseudonym Vladimir Sirin 1926 auf Russisch in Berlin veröffentlichte, ermöglicht dem Leser das Eintauchen in diese eigene Welt der russischen Exilanten jener Zeit (vgl. ebd.: 155; Boyd 1999: 403). Der Leser erhält Einblicke in die damals vorherrschenden soziohistorischen Umstände wie auch in die Gedanken- und Gefühlswelt der Exilanten sowie in ihren Alltag und ihre jeweiligen Lebensumstände, die durch die einzelnen Romanfiguren repräsentiert werden (vgl. Goldschweer 2011: 154–155; Urban 2003: 196–197). Die bereits im vorangehenden Kapitel aufgeführten Erkenntnisse sollen mit diesem Teil des Beitrags verbunden werden, indem die soziohistorischen Hintergründe in Zusammenhang mit den Romanfiguren und somit mit Nabokovs literarischer Darstellung seiner wahrgenommenen Exilantenwelt verknüpft werden.

Der Mikrokosmos russischer Exilanten im Roman

Im Roman *Mašen'ka* spielt die Haupthandlung im Jahr 1924 in einer russischen, heruntergekommenen, an Bahnschienen gelegenen Pension in Berlin, welche von einer russischen Wirtin an russische Exilanten vermietet wird. Laut Goldschweer gehört zu den Merkmalen des Wohnens im Exil »die Heterogenität der Bewohner [...], die der Zufall an diesem Ort [Hotelpension] zusammengeführt hat. Sie gibt Gelegenheit zur Verknüpfung von Einzelgeschichten« (Goldschweer 2011: 153). Diese können dazu verwendet werden, »gesellschaftliche Strukturen und Beziehungen nachzubilden, in einer Art Mikrokosmos ein verkleinertes, überschaubares Abbild, Spiegelbild oder Zerrbild des Gesellschafts- oder gar Weltgebäudes zu geben« (Müller 1996 in ebd.). Nabokov macht genau dies in seinem Roman *Mašen'ka*: Er stellt den Mikrokosmos der einzelnen russischen Exilantengruppen der ersten Emigrationswelle in Berlin Anfang der 1920er-Jahre dar.

Ogleich jedes Menschenschicksal einzigartig ist, können dennoch für bestimmte Bevölkerungsgruppen und zu bestimmten Zeitepochen Gemeinsamkeiten festgestellt werden, sodass der Rahmen für sie ähnlich ist – so auch im »russischen Berlin« der 1920er-Jahre, dem kulturellen und literarischen Zentrum der russischen Exilanten jener Zeit. Hierbei fungiert jede einzelne Romanfigur stellvertretend für einzelne Gruppen der russischen Exilanten. Auf diese Weise zeigen die jeweiligen Figuren ganze Kollektivschicksale jener Exilantengruppen auf – darunter derjenigen, die in Berlin bleiben (müssen), in Berlin ankommen oder es verlassen. Dabei soll hervorgehoben werden, »dass die hyperrealistisch gezeichnete Exilszenerie in erster Linie eine sym-

bolische Funktion hat, nämlich die Modellierung der Grenzerfahrung des Exils und des Umgangs damit [...]« (Goldschweer 2011: 158). Demnach sei angemerkt, dass Nabokovs eigene Wahrnehmung dieser Exilantenwelt entscheidend für die Darstellung jener ist: ein Exilant, der über Exilanten schreibt und selbst Teil dieser russischen Exilantenwelt ist (vgl. Jörg 2012: 12). Festzuhalten ist, dass die Beschäftigung mit dem Exildasein in der Literatur bzw. besonders im Roman *Mašen'ka* zwar auf historisch reale Begebenheiten und Ereignisse schließen lässt, *Mašen'ka* als Roman aber keine historisch korrekte und neutrale Darstellung der Exilantenwelt jener Zeit bietet, sondern vielmehr Nabokovs literarische Darstellung dieser (vgl. Kušnirova 2012: 213).

Die Romanfiguren und ihr Symbolcharakter – ein Überblick

Allen Pensionsbewohnern (mit Ausnahme der Wirtin) ist gemein, dass sie Exilanten der ersten Emigrationswelle sind. Das bedeutet, dass sie der Oberschicht entstammen, jedoch die meisten von ihnen aufgrund des politischen Umsturzes und der Flucht ihre Besitz- und Reichtümer verloren haben und sich in einer oft misslichen Lage befinden. Somit haben alle einen gemeinsamen Schnittpunkt in ihren individuellen Schicksalswegen: das Exildasein und infolgedessen die unbestimmte Gegenwart. Dies schimmert im Roman permanent durch: »The unstable and rootless present [...] is evident both in the constant shaking to which the pension is subject because of passing trains and in the dispersed arrangement of the pension's interior« (Pichova 2002: 18). Die mit dem Exildasein einhergehenden Umstände und Gefühlszustände, die mit existenziellen Sorgen verbunden sind – wie Instabilität, mögliche finanzielle Sorgen und Hoffnungslosigkeit, Ziellosigkeit, Entwurzelung und Heimweh – kommen im Roman deutlich hervor, denn »Nabokov gibt die Tatsachen des Emigrantenlebens in allen Einzelheiten wieder« (Boyd 1999: 400). Insbesondere werden die für die Exilanten »typischen« Eigenschaften und Gefühle von den jeweiligen Romanfiguren verkörpert und repräsentiert, denn obwohl sich alle im Exilstatus gleichen, weisen sie im Weiteren große Unterschiede untereinander auf. Sie stehen nämlich für verschiedene Exilantengruppen der russischen Gesellschaft des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts und unterscheiden sich beispielsweise in Punkten wie Alter, Status, Beruf und Zukunftspläne. Im Folgenden werden einzelne Romanfiguren einhergehend mit ihrer Symbolik und den dadurch repräsentierten Kollektivschicksalen der russischen Berliner Migranten prägnant vorgestellt. Dabei werden keine vollständigen und ausführlichen Charakterisierungen der einzelnen Figuren vorgenommen, sondern lediglich die für die Analyse wichtigsten Eigenschaften aufgegriffen.

Lev Glebovič Ganin und Mašen'ka

Ganin ist der Protagonist des Romans und den Exilanten der ersten Emigrationswelle zuzuordnen: Er ist ein aus St. Petersburg, aus einer wohlhabenden Familie stammender junger Mann, der zur Zeit der Handlung 25 Jahre alt ist (vgl. Nabokov 1999: 67–69, 96–98). Berlin war, wie beim Großteil der Exilanten der ersten Emigrationswelle, nicht Ganins endgültiges Ziel (vgl. ebd.: 57, 118). Mehrmals hat er das Vorhaben, Berlin zu verlassen, jedoch fehlt ihm seine einstige Lebenskraft dazu: »А сил у него не было потому, что не было у него определенного желанья, и мученье было именно в том, что он тщетно искал желанья«⁵ (ebd.: 58). Dieser fehlende Lebensantrieb wird durch seinen Lebensstil, zu dem unter anderem wechselnde Gelegenheitsjobs gehören, deutlich (vgl. Nabokov 1999: 50–53). Ganin steht unter anderem für die neue russische Generation der Exilanten, deren Lebensantrieb bzw. Kräfte infolge der gesellschaftspolitischen Umwälzungen erschüttert sind, und sie demzufolge Instabilität, Ziellosigkeit und Unbestimmtheit hinsichtlich ihrer Zukunft erfahren (vgl. Kušnirova 2012: 213–214).

Hinzu kommt, dass die Darstellung der eigentlichen Handlung in der Gegenwart oft durch Analepsen, genauer durch seine Erinnerungen an Russland, unterbrochen wird. Diese werden durch das Auftauchen von Mašen'ka, seiner einstigen Jugendliebe aus Russland, in seinem Leben hervorgerufen (vgl. Nabokov 1999: 64–70). Dabei kann hier angenommen werden, dass nicht Mašen'ka selbst diese Analepsen bei ihm hervorruft, sondern dass sie als eine Art Trigger für Erinnerungen aus seiner unbeschwerten Jugendzeit in Russland fungiert: »Завтра приезжает его юность, его Россия«⁶ (Nabokov 1999: 119). Mašen'ka ist demnach nicht nur Ganins erste Liebe, sondern steht insbesondere für seine Jugend, die nicht mehr wiederkommen wird und somit für immer verloren bleibt – wie auch sein einstiges Russland (vgl. Kušnirova 2012: 216).

Erst mit dem gedanklichen Auftauchen von Mašen'ka in seinem Leben – physisch sieht er sie in der Gegenwart im gesamten Roman kein einziges Mal wieder – findet Ganin seine Lebenskraft wieder und verlässt Berlin – als einzige der Romanfiguren. Somit hat Mašen'ka bzw. die mit ihr verbundenen Gefühle und Erinnerungen in Ganin seine verlorene Lebenskraft wiederaufleben lassen. Denn genau diese positiven Erinnerungen verleihen ihm neue Kräfte, dank derer er seinen alten Lebensabschnitt

---

5 »Er war kraftlos, weil er keine präzisen Wünsche hatte, und dies quälte ihn, weil er vergeblich nach etwas Wunschbarem suchte« (Nabokov 1981: 35).

6 »Morgen kam seine ganze Jugend, kam sein Rußland wieder zu ihm zurück« (Nabokov 1981: 155).

abschließen und einen neuen beginnen kann (vgl. ebd.; Boyd 1999: 399–400). Dieser neue Lebensabschnitt bleibt aber für den Leser ungewiss, da das Ende des Romans in Bezug auf Ganins weiteren Lebensweg offenbleibt. Es lässt sich lediglich die nächste Exil-Station in seinem Leben erahnen: Frankreich (vgl. Nabokov 1999: 127).

Aleksej Ivanovič Alfërov

Alfërov ist der Antagonist des Romans. Er ist Mathematiker und der Ehemann von Mašen'ka (vgl. ebd.: 56). Fast den gesamten Roman über wartet er sehnsüchtig auf seine Frau, die in einigen Tagen aus Russland zu ihm nach Berlin kommen wird (vgl. ebd.: 45). Alfërov steht für die Exilanten, die eine hohe Anpassungsfähigkeit aufzeigen und zu den Opportunisten unter den Exilanten gezählt werden können (vgl. Kušnirova 2012: 214). Boyd bezeichnet ihn als einen »Optimist[en] und Möchtegern-Unternehmer, der bereit ist, das alte Rußland, das für ihn gestorben ist, zu vergessen« (Boyd 1999: 399). Denn für ihn steht fest, dass es Russland bald nicht mehr geben wird: »Пора нам всем открыто заявить, что Россия капут [...]«⁷ (Nabokov 1999: 63).

Anton Sergeevič Podtjagin

Podtjagin ist ein klarer Vertreter der ersten Emigrationswelle. Er ist Dichter und repräsentiert die Gruppe der Intelligenzia und Literaten. Auch für ihn stellt Berlin nicht sein eigentliches Ziel dar, sondern lediglich eine notwendige Zwischenstation, bis er endlich nach Paris weiterreisen darf (vgl. Nabokov 1999: 49). Das Warten auf seinen Pass macht ihm sehr zu schaffen, insbesondere weil er bereits hohen Alters ist und dies mit gesundheitlichen Problemen einhergeht (vgl. Nabokov 1999: 84, 106–107). Aber auch in finanzieller Hinsicht wird es für ihn mit der Zeit sehr schwierig. Dieser Aspekt verkörpert die finanziell missliche Lage der russischen Literaten, die unabhängig von der Anzahl ihrer Publikationen finanzielle Engpässe zu verzeichnen hatten (vgl. Urban 2003: 18): »Da ihre Werke im Ausland nur einen beschränkten Lesekreis hatten, konnten selbst die Emigrantenschriftsteller der älteren Generation, deren Ruhm im vorrevolutionären Leben fest begründet war, nicht daran denken, von Büchern zu leben« (ebd.). Als Podtjagin aber letztendlich seinen sehnsüchtig erwarteten Pass erhält, verliert er ihn und der Pass ist nicht mehr auffindbar (vgl. Nabokov 1999: 19–20, 103–105). In diesem Moment wird ihm klar, dass er bis zu seinem Tode nicht mehr von Berlin fortkommen wird. Letzten Endes verstirbt Podtjagin in Berlin, an einem Ort, an dem er nicht leben wollte, an dem er sich aber aufgrund äußerer Umstände wiederfand (vgl.

---

7 »Es wird jetzt wirklich Zeit, daß wir alle freimütig eingestehen: Rußland ist erledigt [...]« (Nabokov 1981: 44).

ebd.: 123–125). Die Figur des alten russischen Dichters Podtjagin verkörpert somit die im Ausland langsam schwindende Intelligenzia (vgl. Kušnirova 2012: 214), die finanziellen Sorgen und äußeren Umständen ausgesetzt blieb. Ihnen blieb die Möglichkeit, ihr eigentliches Ziel zu erreichen, wie im Falle Podtjagins Paris, verwehrt.

Kolin und Gornocvetov

Kolin und Gornocvetov sind russische Balletttänzer und teilen sich ein Zimmer in der Berliner Pension. Die beiden Tänzer leben von Engagement zu Engagement und verschönern ihr Leben durch Feiern und Spaß. Kolin und Gornocvetov stehen für die Gruppe von Exilanten, deren Leben von Leichtsinn, Sorglosigkeit und Unbekümmertheit bestimmt ist, da sie nicht an den morgigen Tag denken und sich vom Leben einfach treiben lassen (vgl. ebd.; Nabokov 1999: 91–93, 102). Boyd sieht ihre Leichtigkeit in Bezug auf das Leben darin, dass sie zu der Gruppe von Exilanten gehören, »denen es besser geht, da sie eine Kunst ausüben, die, wie die Kunst Strawinskijs, Chagalls und die der Pawlowa, nicht auf der Sprache beruht« (Boyd 1999: 399).

Fazit

Der Roman bietet eine literarische Darstellung der typischen russischen Exilantengruppen jener Zeit, die sehr anschaulich und pointiert dargestellt werden. Der Leser erhält durch das Kennenlernen der einzelnen Figuren Einblicke in die jeweiligen Leben und Schicksale der verschiedenen Exilantengruppen, wie ihre Lebenswege in der einen oder anderen Form verlaufen sein mögen. Dazu gehören Exilanten, die sich in ihrer neuen Lage anzupassen und daraus ihren Nutzen zu ziehen versuchten, wie Alfërov; diejenigen, die andere Ziele hatten, sie aber aufgrund äußerer Umstände nicht erreichen konnten, wie Podtjagin; Exilanten, die gar nicht erst an die Zukunft dachten und versuchten, die Gegenwart von Tag zu Tag sorglos zu gestalten, wie die beiden Balletttänzer Kolin und Gornocvetov; aber auch jene, die nach Phasen der Unbestimmtheit ihre Lebenskraft wiederfanden, um ihren Weg weiterzugehen, wie Ganin. Im Roman werden die psychischen wie materiellen Zustände der Figuren bzw. der jeweiligen repräsentierten Exilantengruppen sowie ihre Gefühle, im Besonderen für ihre Heimat und die Vergangenheit, aufgezeigt und speziell in diesem Roman insbesondere durch die Figur der Mašen'ka verkörpert.

Zusammenfassend kann somit festgehalten werden, dass der Roman *Mašen'ka* durchaus als literarischer Spiegel der russischen Migranten der ersten Emigrations-

welle, der die einzelnen kollektiven Schicksale bestimmter russischer Exilantengruppen der nachrevolutionären Jahre literarisch aufzeigt, gesehen werden kann und somit soziohistorische Ereignisse unter autobiografischem Einfluss mit einer fiktiven literarischen Prosa verbindet.

In Bezug auf die heutige Zeit ist anzumerken, dass obgleich sich die äußeren Umstände der Migration der ersten russischen Emigrationswelle von heutigen Migrationsströmen unterscheiden, sich dennoch zahlreiche Parallelen, beispielsweise in Bezug auf die Gefühlszustände der einzelnen Migranten, finden lassen. Hinzu kommt, dass Migration schon seit jeher die Menschheitsgeschichte mitgeprägt hat. Demnach kann angenommen werden, dass sie auch in Zukunft für Menschen weiterhin eine herausragende Rolle spielen und dadurch nicht zuletzt die Literatur weiter mitprägen wird.

Literaturverzeichnis

- Boyd, B. (1999): *Vladimir Nabokov. Die russischen Jahre 1899–1940*. Aus dem Russ. übers. von U. Aumüller u.a. Reinbek bei Hamburg.
- Duden: »Exil«, <https://www.duden.de/rechtschreibung/Exil> (aufgerufen am: 29.06.2021).
- Goldschweer, U. (2011): »Von der Unbehaustheit des Exils. Prekäre Wohnsituationen im Werk Vladimir Nabokovs am Beispiel des Romans *Mašen'ka* 1926«. In: Franz / Kunow (Hrsg.): *Kulturelle Mobilitätsforschung: Themen – Theorien – Tendenzen*. Potsdam, S. 149–168, <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:kobv:517-opus-57372>.
- Jörg, N. (2012): *Schreiben im Exil – Zur narrativen Vermittlung von Exilerfahrungen bei Vladimir Nabokov und Josif Brodskij*. München / Berlin.
- Kasack, W. (1996): *Die russische Schriftsteller-Emigration im 20. Jahrhundert. Beiträge zur Geschichte, den Autoren und ihren Werken*. München.
- Kuhlmann, J. (2014): »Exil, Diaspora, Transmigration«. In: *Aus Politik und Zeitgeschichte* (42), <https://www.bpb.de/apuz/192563/exil-diaspora-transmigration> (aufgerufen am: 29.06.2021).
- Kušnirova, T. (2012): »Osoblivosti chronotopu v romani Vladimira Nabokova ›Mašen'ka‹«. In: *Visnik L'vivs'ko-ho universitetu, Serija inozemni movi* (1), S. 213–218.
- Lauer, R. (2009): *Geschichte der russischen Literatur. Von 1700 bis zur Gegenwart*. München.
- Nabokov, V. (1981 [1926]): *Maschenka*. Aus dem Russ. übers. von K. Birkenhauer. Reinbek bei Hamburg.
- Nabokov, V. (1999 [1926]): *Mašen'ka*. In: *Sobranie sočinenij russkogo perioda v pjati tomach*. Tom 2. Sankt Petersburg.
- Oltmer, J. (2018): »Globale Migration: Geschichte, Gegenwart, Zukunft«. In: Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.): *Dossier Migration*, <https://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/252254/globale-migration> (aufgerufen am: 29.06.2021).
- Pichova, H. (2002): *The Art of Memory in Exile. Vladimir Nabokov & Milan Kundera*. Carbondale / Edwardsville.

- Schlögel, K. (1994): »Berlin. Stiefmutter unter den russischen Städten«. In: Ders. (Hrsg.): *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941*. München, S. 234–259.
- Urban, T. (2003): *Russische Schriftsteller im Berlin der zwanziger Jahre*. Berlin.
- Zimmer, D. (2001): *Nabokovs Berlin*. Berlin.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Контакт русского автора с французскими героями (на материале романа *Пробуждение* Гайто Газданова)

Besondere Aufmerksamkeit der Emigrantenkritik erregte das Werk Gajto Gazdanovs, der in den meisten literaturkritischen Artikeln mit dem weltberühmten Marcel Proust verglichen wurde. Das Leben an der Schnittstelle von Traditionen und Kulturen während der ersten russischen Emigrationswelle prägte die Thematik seiner Romane, die durch einen sehr charakteristischen Stil bekannt wurden. Der letzte Roman dieses Autors namens *Erwachen* bezieht sich auf den Zweiten Weltkrieg und stellt eine Neuerung in seinem literarischen Prozess dar.

The work of Gajto Gazdanov, who has been compared to the world-famous Marcel Proust in most critical articles, has attracted special attention from emigrant critics. Life at the intersection of traditions and cultures during the first wave of Russian emigration conditioned the theme of his novels, recognized by a very characteristic style. The last novel of this author related to the Second World War is called *Awakening* and is a complete novelty in his literary process.

Одному из величайших писателей русской эмигрантской литературы сегодня не уделяется внимания в той мере, в какой он заслужил его своими литературными достижениями, хотя есть ряд работ и критических исследований его творчества. Изучение творческого портрета Гайто Газданова требует досконального знания различных культур, на пересечении которых писал автор. Культурные модели, о которых писал Газданов, со временем стали основным предметом

литературной критики эмигрантов. Унижая французский социокультурный код в своем известнейшем романе *Ночные дороги* и разрушая сознание героев – представителей указанной культуры, Гайто Газданов открыто указал на ностальгические чувства по своей родине. Никогда не признавая того факта, что жизнь унесла его далеко от родины, автор писал все романы в духе возврата к своему культурному коду. Единообразное моделирование культуры и образов только одного культурно-коммуникативного паттерна очень нетипично для творчества этого романиста. В те моменты, когда культура отходит на второй план, в игру вступают гораздо более сложные элементы повествования, говорящие в пользу того, что Газданов был искусным психологом, социологом и антропологом. Построение персонажей, которые действуют как носители сложных и универсальных жизненных ситуаций, и их положение в войне или в отчужденном, диком хронотопе способствовало художественной ценности и сложности романа *Пробуждение*. Бурная жизнь, ранняя отрешенность от домашнего тепла Северной Осетии, преждевременное знакомство со смертью особенно повлияли на восприятие французского мира и французской культуры. Заботясь о читателях, Газданов адаптировал свое прозаическое произведение как для молодых, так и для пожилых людей. В романе *Пробуждение* ничего не произошло случайно. Специфическая литературная выразительность, неприкрытая любовь и сочувствие к homo sapiens – вот что заполнило страницы этого текста. Как редкие писатели, Газданов проявил чуткость к жизненным невзгодам, которые сопровождали французский народ во время Второй мировой войны. Темные стороны войны, жестокость и опустошительная бедность сильно повлияли на психологический профиль его персонажей, что наиболее заметно в характере героини Мари из романа *Пробуждение*. Правда, тяжелые жизненные условия являются фоном прозаической реализации Гайто Газдановым и других героинь, однако женские персонажи моделируются очень стабильно. Представление анимализации как одного из основных импульсов человека через женский персонаж очень необычно, и это замечает один из величайших авторитетов в изучении творчества данного автора – Зорислав Паункович. Газданов показывает нам характер Мари как жертвы бомбардировки, как женщины, потерявшей рассудок и общечеловеческие способности. То, что она не говорит с людьми, – это одна из основных характеристик, которую Газданов использует при моделировании этого персонажа, поэтому информацию о Мари дают исключительно ее действия. Представляя ее напуганной, неуверенной и недоверчивой,

Газданов отклоняется от устоявшейся модели француженки, которую он разработал в предыдущих романах. Ведь именно женщина, принадлежащая к французскому обществу, до появления этого художественного текста была для него свободной, игривой. Роман *Ночные дороги* указывает на то, что женские персонажи в этом романе занимаются проституцией, работают в кафе и в любом случае отклоняются от русской традиционной конструкции поведения. Этот тезис подтверждается поведением, которое мы находим в романе *Вечер с Клэр*, где особенно подчеркивается тело главного героя. Итак, Клэр – одна из тех героинь, которые больше не выражают себя вербально, напротив, она та, кто говорит своим телом, своими белыми руками и красивыми ногами, поэтому в описании ее персонажа преобладают дескрипции ее глаз, которые темные от страсти, длинных ресниц и полных губ. Внутренний мир героини Мари из романа *Пробуждение* очень позитивно окрашен и по-разному представлен. Несмотря на ее беспомощность и чувствительность, она очень вежливая, чуткая, благодарная, ведет себя с достоинством. Вопрос об эмпатии уходит своими корнями в литературное прошлое, а сочувствие считается величайшим качеством человечества. Вхождение этой героини в мир фантастики не дает положительных ожиданий, – ее внешность, попросту говоря, ужасна. Используя различные приемы, как в повествовании, так и в моделировании всех других элементов повествования, Газданов подробно представляет все психологические трудности, которые может вызвать хронотоп войны. Автор лишает главную героиню возможности речи, нарушая ее рациональное мышление, лишая ее всех возможных человеческих функций, начиная с тех, что связаны с физиологическими потребностями, и заканчивая повседневным общением. Мари также проявляет себя как человек с животным инстинктом, поведением дикого зверя, для которого лес, деревья и воздушная тишина представляют собой естественную среду обитания. Автор говорит и о ее душе, а это прямо означает то, что Газданов хорошо знал все элементы и мотивы христианского вероучения, в котором душа представлена как вечная.

Хотя персонаж Мари является наиболее сложным и наиболее подходящим для анализа, потому что его можно наблюдать с нескольких сторон, персонаж Пьера Форе является также интересным. Пьер Форе изображает широкий и разнообразный спектр самых прекрасных человеческих чувств – он тот, кто заботится о женщине, жертвует собой и своим временем ради неизвестного человека. Ясно демонстрируя все качества человеческого рода, Газданов распознал в его характере космополитизм, сочувствие, терпение

и благородство, которыми, как считалось, обладал только человек русской национальности. Хотя это одно из немногих литературных произведений, в которых Гайто Газданов не прибегает к использованию повествовательной ситуации от первого лица (Штанцл 1977), сознание Пьера Форе проявляется через различные интроспективные приемы, характерные только для психологии. Следуя течению своих мыслей, автор приписывает пережитые речи Пьеру, особую фразеологическую точку зрения, чтобы мы могли полностью познакомиться с его жизнью. Пьер Форе – это художественно созданный персонаж, который уклоняется от всего, что происходит в его среде, человек, который не слишком интересуется культурой и городской средой. Он переживает свое перерождение в лесу, и лес – как в мировой, так и в русской литературе – это пространство, которое указывает на изначальные врожденные качества человека. Провинциальный район Парижа и леса, первоначально изображавшиеся как место отдыха, преобразили Пьера Форе, поэтому его скучная, обычная и тесная жизнь приобрела новую свежесть, вызванную появлением необычной жены. Газданов устанавливает мифологическую связь с лесом, что подразумевает моделирование леса как пространства, населенного мифическими существами. Лучше всего это видно в интерпретации персонажа Мари, которую физически изображают именно так – ни фея, ни ведьма, а что-то среднее. Лес, дикое пространство, освобожденное от всех ограничений и культурных запретов, мотивировало и способствовало свободе человека во всех смыслах этого слова. Смена лесного пространства и вхождение в городскую среду также способствовали метаморфозе героини Мари, которая постепенно возвращается ко всему, чем она когда-то была, благодаря доброте Пьера Форе. Итак, мы делаем вывод, что литературные герои «активируют» свои свойства только тогда, когда они вступают в контакт с другими героями. Затем делается акцент на их качествах, изменениях и, как образно выражается Газданов через название романа, их пробуждении.

Помимо того факта, что «пробуждение» происходит в философском смысле, так что человек возвращается к своей врожденной сущности, оно также отражается в появлении наиболее важного мотива, который приводит к перевороту в повествовательном смысле, а именно: в появлении любовного мотива. Именно любовь заполняет самые маленькие, самые отдаленные и самые потаенные уголки души, именно она в этом романе побуждает героев к действию, к возрождению и отклонению от привычного образа жизни.

Герои Газданова вовсе не необычны и не являются плодом воображения писателя. Напротив, они слишком приземлѐнны и обыденны, поэтому их характеристики можно найти в любом человеке, независимо от религии или нации. В основном это говорит о том, насколько Газданов был способен понимать человека. Его герои не слишком умны, они совсем обычные. Вся специфика их языка отражена в какой-нибудь ключевой фразе или поговорке, являющейся частью французского жаргона или разговорной речи. Пьер Форэ происходит из совершенно средней семьи, то есть он не является членом какого-либо высокого слоя общества и не ведет чрезмерно расточительный образ жизни.

Его персонаж, возможно, лучше всего отражает все эти аспекты личности Газданова, и в его выражении мы почти слышим самого автора, в котором было заложено осетинское воспитание.

В отличие от Пьера, Мари представлена несколько иначе. Хотя мы встречаем ее в самом начале как биологическое существо, а не как человека, имеющего свой социальный статус, развитие ее характера порождает неожиданную картину. Пережив психологический шок и раскол во время немецкой бомбардировки, Мари потеряла представление о своей личности. В конце сюжета мы узнаем, что это вовсе не ее имя, и что ее зовут Анна Димон, и что она принадлежит к аристократической семье.

Аристократия как феномен, стереотипно наиболее характерный для французского общества, имеет негативную окраску в творчестве Гайто Газданова. Его мнение об аристократах довольно жестокое, и мы узнаем, что он думает о них как о людях, лишенных свободы, полагая, что их жизнь скована различными культурными рамками. Таким образом, Газданов моделирует не только мать Анны, но и ее мужа – для него они, как представители аристократического рода, ограниченны, не умеют разумно рассуждать. Их поведение слишком жесткое и искусственное. То, что Газданов не питал сочувствия к тем, кто живет однообразной жизнью, посвятив себя только одному аспекту своей жизни, также показывает построение характера отца Анны. Он представлен как человек, который не видит ничего, кроме христианства, и для него всякое новшество и каждое отклонение от шаблонов, установленных в христианском кодексе, является грехом. Газданов изображает такой образ жизни слишком устоявшимся, а также отличается упрямством, однообразием и скукой. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Газданов видел наибольшую ценность в свободе поведения и больше всего – в свободе духа.

До появления романа *Пробуждение* в творчестве этого великого русского писателя-эмигранта мы находим мотив души, сострадания и человечности. Интересно, однако, что представители французской культурной модели в романах Гайто Газданова никогда ранее не обладали позитивными чертами характера, но они всегда украшали представителей русской культуры. Учитывая тот факт, что жизнь Газданова сильно повлияла на его творчество, это не должно нас удивлять. Русская душа – это то, что его украшало и украшало русских эмигрантов в мире его романов. Соппротивление французской культуре и западноевропейскому образу жизни постоянно присутствует на уровне более ранних работ Гайто Газданова. В романе *Вечер с Клэр* изображена французская строгая семья, лишенная человеческого духа, сочувствия и чуткости. Семья героини Клэр функционирует точно – как часы: в их доме все определено и прописано, искусство на первом месте, а места для душевного покоя почти нет.

Возникает вопрос – почему же тогда Газданов в своих последних романах (*Эвелина и ее друзья*, *Пробуждение*) приписывает французам большое количество добродетелей и отступает от всего ранее изложенного в его прозе? Этот вопрос касается его творческой зрелости и критериев адаптации к французскому пространству и объективным условиям эмиграции. Первое знакомство с французским образом жизни и свободой этого народа было для Газданова неприемлемо: русские традиции не поддерживали такой манеры поведения. Традиционная модель воспитания подразумевала скромных и порядочных женщин. Любые отклонения от этого совершенно недопустимы. Мы можем заключить, что шестнадцатилетний Газданов, только вступающий в контакт с маргиналами и осознающий всю красоту и недостатки социальных низов и их жизни, испытал то, что Эдвард Холл назвал культурным шоком.

Творческий процесс в тот период служило бегством от такой реальности, но также и восстанием против такого образа жизни. Приспосабливаясь со временем к тому факту, что помимо дневного света есть еще и ночной, и что помимо хороших иностранцев есть еще и менее хорошие, его взгляд на французское общество постепенно изменился. Образ другого в его последних романах имеет зеркальный эффект, то есть функционирует таким образом, что черты русского духа и природы отражаются во французском социокультурном коде.

Газданов также проявил самопознание через своих персонажей, и, взаимодействуя в отношениях автор-работа со своим романом, ему удалось подняться среди величайших русских прозаиков. Другие культуры также были мишенью кристально ясного и острого литературного выражения Газданова,

но автор всегда осознавал свою принадлежность к русской культуре. Написанный на русском языке и наполненный французскими мотивами, роман *Пробуждение* – одно из самых прекрасных литературных достижений русской эмиграционной литературы.

Библиография

Газданов, Г. (2009): *Собрание сочинений в 5 томах*. Т. 4. – Москва.

Газданов, Г. (2009): *Собрание сочинений в 5 томах*. Т. 5. – Москва.

Де Бовоар, С. (2014): *Правне студије рода*. Ниш, http://www.prafak.ni.ac.rs/files/nast_mat/RIDER_PRAVNE_STUDIJE_RODA_2014.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

Диенеш, Л. (1995): *Гайто Газданов. Жизнь и творчество*. – Владикавказ.

Назаренко, И. (2020). *Кризис самосознания русского эмигранта в романе Гайто Газданова «Ночные дороги»*. – Томск.

Нечипоренко, Ю. (o.D.): «Сакральное и профанное в жизни и творчестве Г. Газданова», http://www.darial-online.ru/2003_3/nechipor.shtml (дата обращения: 01.08.2021).

Паункович, З. (o.D.): «*«Пробуждение» Гайто Газданова*. Перевод с сербо-хорватского Р.К. Гудиевой», http://www.darial-online.ru/2003_3/paunkov.shtml (дата обращения: 01.08.2021).

Хол, Е. (1976): *Неми језик*. – Београд.

Штанцл, Ф. (1977): *Типичне форме романа*. – Нови Сад.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Западно-восточные отражения в *Севастопологии* Татьяны Гофман

Im Beitrag wird das Bild der verlassenen Heimat im Roman *Sevastopologija* von Tatjana Gofman untersucht, das an den Kindheitserinnerungen aus den Zeiten des Zusammenbruches der Sowjetunion abgelesen und durch das Prisma der Migrationserfahrung der Schriftstellerin konstruiert wird.

The article examines the image of the abandoned homeland in Tatjana Gofman's novel *Sevastopologija*, based on childhood memories from the times of the collapse of the Soviet Union and perceived through the prism of her personal experience of migration.

Время на родине как будто бы останавливается для мигранта в тот момент, когда он ее покидает. Возвращаясь домой через годы и десятилетия, он часто не узнает мест своего детства и юности, которые изменились за те годы, которые он провел за границей. Это можно назвать «эффектом неузнавания», когда прошлое, которое приобрело в памяти почти фотографическую четкость, не совпадает с настоящим. Ведь на оставленной родине вследствие социально-политических и культурных трансформаций изменились люди и их представления. Это особенно верно, когда речь идет о переломных исторических периодах, характеризующихся кардинальными изменениями, более существенными и заметными, чем в «спокойные» времена.

Такой исторический перелом был характерен для постсоветского пространства в 90-е годы. Ситуация, сложившаяся в независимых государствах, возникших на руинах СССР, характеризовались обострением

политических, национальных и культурных противоречий, зачастую вынуждая индивидуума помимо его воли выбирать ту или иную сторону идеологических баррикад. Экономические и политические кризисы в странах бывшего СССР и, наряду с этим, образ идеализированного Запада, подталкивали многих искать лучшей жизни за границей. С 90-х годов волны миграции из стран бывшего СССР на Запад вплоть до сегодняшнего дня следуют одна за другой. К числу особенно популярных у постсоветских мигрантов направлений принадлежит Германия.

Спустя несколько десятилетий после «перестроечной» волны эмиграции на книжном рынке Германии одна за другой стали появляться книги, написанные по-немецки выходцами из бывшего Советского Союза. Эти книги часто написаны в автобиографическом ключе, в них воссоздаются семейные истории авторов и картины оставленной родины. Одной из таких книг является роман Татьяны Гофман *Севастопология*, который будет рассмотрен в данной статье.

Татьяна Гофман родилась в 1983 г. в Крыму (УССР). В 1993 году ее семья эмигрировала в Германию. Сегодня она доктор филологии, славист, преподаватель Цюрихского университета. В поле ее научных интересов – современная украинская литература (в 2014 году она выпустила монографию *Литературные этнографии Украины*), творчество деятелей русского авангарда – она является одним из составителей сборников *Сергей Третьяков. Хочу ребенка! Пьесы. Сценарий. Дискуссии* (2018) и *Сергей Третьяков. От Пекина до Праги. Путевая проза 1925–1937 годов* (2020), автором ряда статей о нем.

Дебютный роман Татьяны Гофман *Севастопология* был написан в 2015 году по-немецки, но вскоре (в 2017 году) появился и по-русски. В *Севастопологии* из крымских воспоминаний детства позднесоветского и украинского периодов, рефлекслируемых сквозь призму многолетнего опыта проживания в немецкоязычном пространстве, конструируется образ оставленной родины (Крыма). Созданию такого пространства также служат многочисленные западно-восточные отражения и пересечения – литературных текстов и исторических фактов, лингвистических конструкций и реалий повседневности, которые будут анализироваться в статье.

Книга появилась в 2015 году, когда тема Крыма стала controversialной как на Востоке, так и на Западе, и эта ситуация определенным образом

«спровоцировала» писательницу на создание данной книги. Писательница хочет выйти за пределы споров о территориальной принадлежности, позиционируя себя вне той истории полуострова, которая разворачивается после ее отъезда и одновременно манифестируя свое нежелание участвовать в конфликтах, которые снова делят мир на враждующие лагеря. Свою позицию она очерчивает в романе следующим образом:

25 лет назад упала Стена. Её переиздание неуместно. Во время информационной войны я, вероятно, промахиваюсь мимо всех стульев, будь даже так: я отказываюсь от активного участия в строительстве новой стены [...]. (Гофман 2017: 33–34)

Каковы исторические и культурные предпосылки, как задействован собственный опыт миграции и желание соединить утраченную родину и пространство нынешней жизни, какую роль играет здесь культурная топография и «крымский текст» и, наконец, что же позволяет автору *Севастопологии* соотносить столь далекие друг другу Швейцарию и Крым – вот основные вопросы, которые возникают при чтении и анализе текста Гофман.

При ответе на эти вопросы следует учитывать три аспекта: необходимость рассмотрения воспоминаний автора о Крыме и Германии конца 20 столетия в контексте коллективных воспоминаний определенных социальных групп: жителей СССР времен Перестройки и постсоветских иммигрантов в Германии. Здесь наиболее продуктивной концепцией является теория коммуникативной памяти Яна Ассмана (см. Assmann 2008). И, останавливаясь далее на воспоминаниях автора, я буду учитывать их «коллективную рамку» хотя бы потому, что они все же выходят за границы представлений ребенка, который в соответствии с автобиографическим сюжетом, переживал описанные ситуации. В этой коммуникативной памяти сохранились и воспоминания об интернациональной советской культуре, широко укоренившейся в таких изначально многокультурных регионах как Крым.

В СССР существовала общая советская интернациональная культура, целью которой было объединение представителей разных национальных традиций. И хотя, в значительной степени, это была «идеальная» задача, национальные противоречия все же не стояли так остро, как после распада Советского Союза, когда стала разрушаться советская культурная

общность, а в новых государствах, возникших на его руинах, стала проводиться та культурная политика, которая находилась и находится в крайне сложных взаимоотношениях с советским прошлым и с русской культурой (Россия воспринимается как продолжательница советской традиции).

Следующий важный для понимания аспект – это осознание *Севастопологии* как произведения интеркультурной литературы. Интеркультурная литература – термин, который Кармино Келино предложил использовать для обозначения произведений авторов, обладающих миграционным опытом, а потому сочетавших в своем творчестве компоненты по меньшей мере двух культур (см. Chiellino 2000). Эту литературу также можно назвать литературой культурного синтеза. Интеркультурный автор лучше чувствует себя в поликультурном пространстве (например, Швейцарии), нежели в любом другом, где в силу историко-культурных обстоятельств доминирует национальная культура.

Третий аспект – пограничный характер как Швейцарии, где ныне живет писательница, лежащей на границе Германии, Италии, Франции, Лихтенштейна и Австрии, так и Крыма – прежней родины – находящегося между турецко-татарским и славянским культурными мирами.

Первые воспоминания Гофман о Крыме времен Перестройки и раннего периода независимой Украины, представляют собой зарисовки возникшего хаоса и неблагополучия. Вот несколько характеристик той эпохи:

Начало просветительской Перестройки я заметила по тому, что электричество в городе стало пропадать ещё до наступления вечера, и ожидание троллейбуса собирало на остановках разбухающие грозды людей; [...] в один прекрасный день отключили всякую подачу воды, а график послали к чёрту. Кто-то в очереди возмущался, что теперь у нас как в Африке. (Гофман 2017: 63–64)

Эти и другие факты постсоветской действительности подталкивали миллионы граждан бывшего СССР, в том числе и семью автора, к эмиграции. Многие хватались за любую возможность выехать за пределы постсоветского пространства. Отдельный эпизодом миграционной истории семьи – получение разрешения на выезд в Германию, которого добивался отец Гофман, имевший немецкое происхождение. Для этого необходимо было обратиться в посольстве ФРГ в Киеве: «Откуда ни возьмись у нас дома возник Киев,

потому что мой отец зачастил туда в посольство ФРГ» (Гофман 2017: 80–81). Процедура получения разрешения была нелегкой и даже изматывающей:

[...] работнику немецкого посольства в Киеве, который добивался от него подтверждения этничности или как там это называется, на повторный вопрос, кто же он, отец ответил: «Китаец, разве вы не видите? Я китаец!». (Гофман 2017: 163)

К этим словам, исполненным иронии, я еще вернусь в конце данной статьи. Берлинский период жизни писательницы оказался связан с травмой миграции: обстановка в Восточном Берлине после объединения была достаточно сложной для новоприбывших мигрантов, может быть поэтому в воспоминаниях писательницы мультикультурный Берлин в определенном смысле «проигрывал» интернациональному Крыму. Как следует из текста *Севастопологии*, детство и юность в Берлине связаны для нее с бедностью, ощущением фальши, невозможностью как собственной реализации, так и успешной деятельности родителей.

После отъезда родина исчезает за чередой новых впечатлений. Но потребность в ней остается, и это не столько вопрос ностальгии, сколько вопрос идентичности, целостности личности. Но от родины остались только детские и юношеские воспоминания, семейная память недоступна: родители, уезжая, тайком сожгли фотографии, при этом взяв с собой никому не нужные вещи, так сказать буквально «сожгли мосты». И для того, чтобы заполнить пустоту исчезнувшей родины, Гофман собственно и прибегает к литературному творчеству, в котором пространство родины заполняется литературными и живописными образами и ассоциациям. Дефицитарность собственной памяти компенсируется путем «насыщения» текста литературно-культурным контекстом:

Мои круги распускаются водяными лилиями, плывут по заросшему озеру к Моне, Розалия Шерцер им улыбнётся, Набоков в Монтрё отмахнётся. Целанчик, сыграй мне песню о спасительной игре слов [...]. (Гофман 2017: 3)

Как видим, крымское пространство «конструируется» не только из фрагментов «крымского текста», где в одном ряду – Пушкин, Мицкевич,

Волошин. Упоминание в этом контексте Грасса, Целана, Моне, Беккета и др. далеких от Крыма писателей и художников, представляется особым способом универсализации крымского текста, взаимоотражений западных и восточных культурных явлений.

Из текста *Севастопологии* следует, что советский мир был разрушен, а новый мир оказался не очень дружелюбен к иммигрантке. И постсоветский Крым, и Германия после объединения мало напоминали идиллический мир детства. Однако, судьба приводит писательницу в Цюрих.

В Цюрихе она обнаруживает удивительное сходство со своей родиной – Крымом. Подобно тому, как Крым был интернациональным, так и Швейцария с ее несколькими государственными языками и множеством диалектов предстала по-настоящему мультикультурной страной в Европе национальных культур. Оба эти феномена: и крымский, и швейцарский были феноменами культурного пограничья. Исходя из этой установки, можно увидеть, как автор проводит свои параллели между Крымом и Швейцарией, выстраивая свою собственную культурную топографию.

Например, вспоминая о действительно существовавшей с 1806 по 1945 годы швейцарской колонии в Крыму, носившей название Цюрихталь, Гофман пишет:

Мои соседи покупают яйца в деревне, жители которой в конце XVIII в., приблизительно в то самое время, когда был основан Севастополь, пустились в долгий путь к Чёрному морю. (Гофман 2017: 191–192)

Или, «присоединяя» на уровне художественного текста Крым к европейскому культурному пространству:

Крым – это всё ещё Европа, хотя погодные карты его отсекают и хотя мы перед заплывом говорили друг другу: «Смотри, не уплыви в Турцию!» (Гофман 2017: 15)

Пытаясь создать топографическую иллюзию «взаимозаменяемости», Крыма и Швейцарии, писательница отмечает:

Крым лежит лишь чуть южнее Швейцарии и по площади чуть меньше, чем она. Если их вырезать и наложить друг на друга, кое-где они могли бы поласкаться краешками. (Гофман 2017: 10)

Как отметил исследователь творчества Татьяны Гофман Александр Люсый в своей статье *Логосолоджия*, благодаря «логическому слиянию обеих «лоджий», севастопольской и швейцарской, удастся создать некую общую оптику»¹ (Люсый 2018: 233).

Конечно, этот «единый экран» не заменит проживания исторических катаклизмов вместе с тем пространством, где родился и людьми, там проживающими. Но автор, как мы уже отмечали, от истории хочет дистанцироваться, предлагая читателю вместе с ним погрузиться в игру литературных ассоциаций и топографических аналогий. Именно в игру: автобиографически-эссеистический характер текста создает дистанцию, при которой все способы «оживления» воспоминаний можно воспринимать только иронически. Зато автору удастся расширить образ утраченной родины до евразийских размеров:

В моих жилах перепутана вся Восточная Европа, и их вскрывать я не готова. На визитной карточке напечатаем: места происхождения моей семьи простираются от Потсдама до Ташауза; места ссылки, бегства и переселения – от Сахалина до Севастополя через Винницу, а языки, на которых говорили, сменяя один другим, не совпадают ни с национальностью в паспорте, ни с национальным языком государств, в которых жили-были до определённого момента времени. Мой отец вообще китаец. Обыкновенная советская семья. (Гофман 2017: 203)

---

¹ «Лоджия» понимается исследователем как место, с которого автор осмысляет культурное пространство оставленной родины, Европы, Швейцарии и т. д.

Библиография

- Assmann, J. (2008): «Communicative and Cultural Memory» // *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook* / Под ред. Erll / Nünning. – Berlin / New York. С. 109–119.
- Chiellino, C. (2000): «Einleitung: Eine Literatur des Konsenses und der Autonomie – Für eine Topografie der Stimmen» // *Interkulturelle Literatur in Deutschland. Ein Handbuch* / Под ред. Chiellino. – Stuttgart. С. 51–62.
- Гофман, Т. (2017): *Севастопология*. Пер. с немецкого Т. Набатниковой. – Санкт-Петербург.
- Люсый, А. (2018): «Логосолоджия» // *Знамя* (7). С. 230–233.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Эволюция музыкальности в творчестве М.Ю. Лермонтова: от жанровой формы к пространству текста

Dieser Artikel beschreibt die Entwicklung der Musikalität in den Gedichten von Lermontov. Der Autor vergleicht Musikgenres von 1828 bis 1832 mit später entstandenen Gedichten, in denen sich Musikalität durch den Text (Phonik, Stil) ausdrückt. Ziel ist es, die Entwicklung der Musikalität des gesamten poetischen Schaffens des Dichters zu verfolgen. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass sich die Musikalität von der Genreform in die Textform entwickelt hat.

The article considers the evolution of musicality in Lermontov's minor poems. The author compares the musical genres in Lermontov's lyrics in 1828–1832 with the later lyric works, where musicality was expressed directly through the text (phonics, style, etc.). The article aims to retrace the evolution of musicality in Lermontov's lyric works. The author concludes that musicality in the minor poems was transformed: from a genre attribute to in-text musicality.

М.Ю. Лермонтов внёс огромный вклад в развитие русской лирики, в частности, особенно интересна его работа со стихом. Это и удивительное подражание фольклорному стиху в «Молитвы» (1837), и нестандартное метрическое построение «Молитвы» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», 1837), и использование большого количества трехсложных размеров. Вообще, об особом стиховом, ритмическом своеобразии творчества поэта говорили

многие, в частности, Б.М. Эйхенбаум в книге *М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки*, М.Л. Гаспаров в работе *Метр и смысл*.

На раннем этапе лирического творчества Лермонтова (1828–1832) встречается большое количество стихотворений музыкального жанра (например, «Русская мелодия», «Грузинская песня», «Еврейская мелодия», «Романс» («Стояла серая скала на берегу морском...»), «Стансы»). После 1832 г. поэт пишет лишь два таких стихотворения: «Еврейская мелодия» (1836) и «Казачья колыбельная песня» (1840). Их своеобразие мы прокомментируем позднее в сопоставлении с ранними музыкальными стихотворениями поэта. Музыкальные жанры периода 1828–1832 гг. возникают в связи с их распространенностью в романтической поэзии (например, цикл *Еврейские мелодии* Дж. Г. Байрона), поэтому само обращение поэта к ним не кажется столь необычным. Вообще, о важности этих жанров в поэзии Лермонтова можно судить исходя из их влияния на позднюю лирику поэта, её эволюцию, о чём мне хотелось бы рассказать в данной статье.

В раннем лирическом творчестве Лермонтова присутствие образа исполнителя музыкального произведения – главная черта для стихотворений тех лет. К примеру, в «Русской мелодии» (1829) разрушение мира, созданного «в уме», поэт сопоставляет с разрывом струн певца, невозможностью исполнить произведение до конца:

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный и свободный!..

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы милой сердцу и прекрасной –
И звук внезапно струны оборвёт,
И слышится начало песни! – но напрасно! –
Никто конца ее не допоет!..¹

Образ певца может выражаться и неявно, через саму жанровую специфику. Так, в стихотворении «Романс» («Невинный нежною душою...», 1829) своеобразие лирического субъекта, его философский монолог в сочетании с заглавием представляют произведение как размышление певца о превратности счастья.

---

¹ Здесь и далее тексты М.Ю. Лермонтова цитируются по: Лермонтов 1954–1957.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на одну важную особенность функционирования музыкальных жанров в ранней лирике Лермонтова. Во всех таких стихотворениях лирический герой находится в состоянии обреченности, что можно заметить в «Романсе» («Невинный нежною душою...») и «Русской мелодии». Лирический герой музыкальных стихотворений пребывает в безысходности, кризисном состоянии, что выражается, в частности, в отказе от светского исполнения произведения в пользу народного стиля (например, стихотворения «Песня» («Колокол стонет...», 1830–1831), «Романс» («Стояла серая скала на берегу морском...», 1832), «Русская песня» (1830) и др.), в которых заметно тяготение к фольклорным мотивам и даже к фольклорному стихосложению. Особенно явно итог кризиса музыкальных жанров выражается в тяготении к народному стилю. Так, «Русская мелодия» словно преобразовалась в «Русскую песню», то есть утратила зависимость от светского понимания жанра мелодии.

Таким образом, мы наблюдаем кризис музыкального жанра в ранней лирике Лермонтова, который был свойственен всей русской романтической поэзии конца 1820-х – начала 1830-х гг., т.к. этому периоду свойственно «падение строгих жанровых форм» (Эйхенбаум 1924: 30). Однако творчеству Лермонтова в рассматриваемый период присуща особая поэтическая работа над музыкальностью стихотворений, её выражением в тексте, несмотря на кризисное положение поэтических жанров. Именно работа Лермонтова над связью метрики, стиля и жанровой музыкальности обеспечила влияние этих стихотворений на позднюю лирику поэта, когда на смену жанровому воплощению музыкальности пришло её выражение исключительно через пространство текста, его формальные, ритмические закономерности.

Обратимся к музыкальным стихотворениям 1828–1832 гг. и на их примере проследим особое метрическое выражение музыкальности в ранней лирике. В «Русской мелодии» главное место занимает образ певца, поэтому нас интересует строфа, в которой воплощен данный образ:

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный и свободный!..

Важно, насколько ритмически согласованным и выверенным выглядит этот катрен в сравнении с другими строфами. Три стиха, окружающие строку «Сидит в тени певец простой», имеют сверхсхемное ударение в первой стопе: «Так перед праздною толпой», «И с балалайкою», «И бескорыстный». Константное ударение во всех стихах катрена падает на звук [о]: «толпóй», «наро́дной», «просто́й», «свободной». Пространство, в котором находится певец, обозначено в 3 стихе катрена («Сидит в тени певец простой...»), а вернее, в первых двух стопах этого стиха («сидит в тени»). Здесь пространство отмечено двумя ударениями на звуке [и]. Через этот икт в односложных словах Лермонтов также характеризует певца во 2 и 4 строках катрена: «и с балалайкою», «и бескорыстный и свободный».

Ритмическая согласованность этого отрывка особенно удивительна, если учитывать, что в других строфах встречается, например, переакцентуация, осложняющая связь фоники и смысла: «между собой», «не дал». Во второй же строфе ритмическая согласованность неотделима от образа певца, словно вызвана описанием творчества исполнителя, поэтому уже на раннем этапе творчества обозначается работа поэта над музыкальностью, выраженной фонически, через пространство текста: в данном случае ритмически выверенно звучит один катрен, что говорит лишь о начале такой работы и о несовершенстве поэтического инструментария в сравнении с такими поздними произведениями, как «Тамара» (1841), «Выхожу один я на дорогу...» (1841). Однако главное отличие этих ранних опытов от «внутритекстовой» музыкальности в позднем творчестве состоит в том, что стихотворения 1828–1832 гг. все же имеют клишированные образы (напр. образ певца) или жанровые признаки, что сразу упрощает реализацию художественной задачи поэта и ставит непосредственно текстовое выражение музыкальности на второй план, так как определенный песенный дискурс уже создан. Наиболее разумно избрать для сопоставительного анализа с поздним творчеством именно жанровый признак стихотворений, а не клишированность образов в них, потому что жанровая музыкальность является, в первую очередь, структурным и однородным единством, рамки которого возможно очертить точно², с целью определить, как отказ от музыкальных жанров компенсируется через внутритекстовые стилистические и фонические средства, которые, хотя и присутствовали в ранних стихотворениях

---

2 Именно поэтому выборка стихотворений ранней лирики ограничивается текстами, в которых присутствует жанровая номинация, например, песня, романс, мелодия, станс.

(например, в «Грузинской песне», 1829), однако самостоятельно не выполняли такой важной задачи, как в позднем творчестве – выражение музыкальности.

Таковыми предстают перед нами музыкальные жанры в лирике Лермонтова периода 1828–1832 гг. С одной стороны, в текстах представлена общепринятая структура жанра романса, песни, мелодии, а с другой стороны, в творчестве поэта заметно преобразование музыкальности как жанрового и образного атрибута (образы певца, балалайки, струн) в музыкальность как часть ритмической и стилистической организации стиха.

После 1832 г. в творчестве Лермонтова мы находим лишь два стихотворения, в которых представлена жанрово оформленная музыкальность. Это «Еврейская мелодия» (1836) и «Казачья колыбельная песня» (1840). «Еврейская мелодия» воплощает в себе уход Лермонтова от музыкальных жанров, главным образом, смещением смыслового акцента. Стихотворение является элегическим призывом к певцу: «Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..». В центре произведения уже не канонический исполнитель мелодии, а некий отстраненный герой, что само по себе выходит за рамки музыкального жанра в ранней лирике Лермонтова.

Другое стихотворение – «Казачья колыбельная песня» – также принципиально отличается от произведений 1828–1832 гг. Она максимально ориентирована на фольклорное начало (характеристика уже в заглавии: «казачья»). Это стихотворение вошло в фольклорный репертуар, появилась даже легенда, изложенная в книге Л. Семенова *Лермонтов и Толстой*, о том, что Лермонтов был впечатлен услышанной песней в станице после битвы при Валерике (Семенов 1914: 119). Однако, по мнению Н.Ф. Бельчикова, это не является правдой (см. Лермонтов 1954: 345). Не совпадают датировка стихотворения и время сражения при Валерике (печать – февраль 1840 г., битва – июль 1840 г.). Лейтмотив стихотворения также традиционен для фольклора – тема материнства. В.Г. Белинский высоко ценил это стихотворение и даже называл его «художественной апофеозой матери» (Белинский 1903: 52). «Казачья колыбельная песня», таким образом, полностью включена в фольклорный дискурс, отсутствует романтическая фигура певца, отражающая лишь стремление поэта к народному творчеству, как это было в ранней лирике, что отличает в жанровом аспекте данное стихотворение от прочих в этом ряду, напр., от «Русской мелодии».

Теперь перейдем к следующему этапу развития музыкальности, к поздним стихотворениям Лермонтова. В позднем периоде творчества поэта (1833–1841 гг.) нет привычных жанров романса, песни и др., за исключением двух

стихотворений, названных ранее. Лермонтов переходит к иному характеру выражения музыкальности – через пространство текста. Музыкальные образы абстрактны, уже не встречается привычный «певец», а ритмическое согласование в музыкальных стихотворениях достигает высочайшего уровня.

Разберем, например, стихотворение «Из-под таинственной холодной полумаски...» (1841). Здесь музыкальная особенность стихотворения состоит в том, что звук понимается автором как бы динамично, туманно, рождает особую мелодию. Лирический герой встречает девушку, которая становится недоступной «красавицей», придуманным образом. Примечательно некоторое парадоксальное описание возлюбленной. Её голос, как мечта, звучит «из-под... полумаски». Создаётся впечатление, что она как бы опускает полумаску, при этом динамика не выражается в тексте наглядно. Во второй строфе также показано действие, происходящее в момент звучания голоса, что являет собой музыкальное сочетание звука и движения. Лирический герой видит локон, выпавший из пряди волос: «Видел я и локон своевольный // Родных кудрей покинувший волну». Особенно важной становится эта деталь, если учесть значимость образа волны в лирике Лермонтова. Волна – нечто динамическое и противоречащее беззвучности, например, в стихотворении «Тамара»: «Лишь Терек в теснине Дарьяла // Гремя нарушал тишину; // Волна на волну набегала, // Волна погоняла волну...». Таким образом, сочетание движения и звука создает в стихотворении «Из-под таинственной холодной полумаски...» то самое музыкальное впечатление.

В упоминаемом выше стихотворении «Тамара» (1841) также находим такое сочетание. Первое упоминание звука – голос Тамары: «И слышался голос Тамары: // Он весь был желанье и страсть, // В нём были всеильные чары, // Была непонятная власть». Далее звук голоса превращается в страстный вопль, ассоциируется с движением: «Сплетались горячие руки, // Уста прилипали к устам, // И странные, дикие звуки // Всю ночь раздавались там». Затем снова происходит перемена звука в согласовании с движением. Луч солнца движется, и наступает тишина: «Но только что утра сиянье // Кидало свой луч по горам, // Мгновенно и мрак и молчанье // Опять воцарялися там». И наконец те необычайно музыкальные строки, процитированные ранее:

Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну...

Сам фонетический облик этих стихов так непохож на лирику XIX века, что по смелости эксперимента может быть сопоставлен разве что с музыкальными опытами символистов, например, с произведением «Камыши» (1895) К.Д. Бальмонта: «И, вздох повторяя погибшей души, // Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши» (Бальмонт 1914: 53).

Сочетание звука и движения на уровне текста находим также в стихотворении «Выхожу один я на дорогу» (1841). Этот синтез выражается, в частности, в образе дуба, который символизирует покой, обретаемый после смерти. Дуб склоняется и шумит, таким образом, поэт передает, с одной стороны, звук листьев, и с другой стороны, то движение, которое образует этот звук. После смерти, когда все мирское исчезает, вместо опустошенного «могильного сна», душа человека встречает лишь сладкий голос, поющий о любви, и шум склоняющегося дуба.

Таким образом, охарактеризуем кратко наше представление об эволюции музыкальности в лирике Лермонтова. Музыкальные жанры в ранней лирике объединяет одна значимая черта поэтики. В них имплицитно или эксплицитно присутствует образ певца, который исполняет произведение, уже в эти годы пафос данных стихотворений – романтическое разочарование певца в светском мире, стремление к народной культуре – говорит о формирующемся кризисе музыкальных жанров. После 1832 г. музыкальные лирические произведения как особый жанровый дискурс исчезают в творчестве М.Ю. Лермонтова. Исключение составляют 2 стихотворения, которые лишь более остро обозначают кризис жанровой музыкальности (полное слияние с фольклорным стилем, уход от фигуры певца как лирического субъекта). Начиная с 1836 г. музыкальность выражается в большинстве случаев через пространство текста, то есть через стилистику, звукопись, описание физического движения образов, что являет музыкальную составляющую стихотворения.

Библиография

- Бальмонт, К.Д. (1914): *Полное собрание стихов*. Т.1. – Москва.
- Белинский, В.Г. (1903): *Полное собрание сочинений В.Г. Белинского*. Т.6. – Санкт-Петербург.
- Гаспаров, М.Л. (2012): *Метр и смысл*. – Москва.

Лермонтов, М.Ю. (1954–1957): *Сочинения в 6 т.* – Москва, Ленинград.

Семенов, Л. (1914): *Лермонтов и Толстой.* – Москва.

Эйхенбаум, Б.М. (1924): *М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки.* – Ленинград.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Небо: связь и переклички (В.В. Маяковский, О.Э. Мандельштам)

Im Beitrag werden die allgemeinen Eigenschaften, die für das Konzept des Himmels in den Texten von Osip Mandel'stam und Vladimir Majakovskij charakteristisch sind, beschrieben und die These aufgestellt, nach der die Ähnlichkeit des Konzeptes bei beiden Schriftstellern darauf beruht, dass sich beide Autoren vom Symbolismus abwenden und sich an den gleichen Quellen orientieren.

The general characteristics related to the concept of the sky in the lyrics of O. E. Mandelstam and the work of V. V. Mayakovsky are considered. It is argued that the basis of this generality is the repulsion of these authors from symbolism, as well as orientation to the same sources. The case of almost complete coincidence of the image of the sky in the studied material is highlighted. It is explained by V. V. Mayakovsky's acquaintance with the work of O. E. Mandelstam.

Разница между творчеством О.Э. Мандельштама, как представителя акмеизма, и В.В. Маяковского, как представителя футуризма, очевидна. Например, С.С. Аверинцев отмечает утопизм футуристов и антиутопизм акмеистов (ср. Аверинцев 2011: 61).

На общность образов повлияло наследие предшественников – символистов. Известно, что ранний О.Э. Мандельштам был близок к символизму (например, посещения «Башни» Вяч. Иванова); акмеисты строили свою программу, отталкиваясь от символизма, модифицируя его. С.С. Аверинцев сближает футуризм и символизм, основываясь на переосмыслении феномена

соборности, который вел к утрате личностного начала, и ссылается на Н.Я. Мандельштам, представлявшую футуризм как продолжение дела символизма (ср. Аверинцев 2011: 61). Похожие мысли находим у М. Вайскопфа, который назвал футуризм «магически-материальной профанацией символизма» (Аверинцев 1997: 16). Это, действительно, пародия на мистицизм символистов, проявившийся, например, у В.В. Маяковского в олицетворении вещей, антиэстетизм, урбанизм. Пародирование встречалось в поведении и во внешности футуристов, опирающихся на предшествующее поколение. В.Н. Терехина замечает, что «основы русского футуризма намечались его главными оппонентами — символистами» (Терехина 2010: 140). Отмечается особенность восприятия этих течений читательской аудиторией в начале XX века. Журналисты в своих публикациях порой смешивали футуризм с акмеизмом, основываясь на схожести установок. Например, это отразилось в фельетонах «обличителей модернизма» (Лекманов 2015: 194), называющих новые течения хулиганством. На общность образов у представителей футуризма и акмеизма – В.В. Маяковского и О.Э. Мандельштама – повлияла и обстановка эпохи модерна: ощущение «конца века», необходимость переоценки ценностей, утрата связи с Богом, поиск личностного начала.

Объединяет В.В. Маяковского и О.Э. Мандельштама отход от романтических штампов, над которыми иронизировал и А.С. Пушкин. Они непосредственно связаны с символизмом. Сравним «дряблую луну» (Маяковский 1987, т. 1: 50) В.В. Маяковского (стихотворение «Адище города») и «не луну, а светлый циферблат» (Мандельштам 2017: 51) О.Э. Мандельштама с луной из романа в стихах Евгений Онегин, которая воспринимается как «замена тусклых фонарей» (Пушкин 1984: 68).

Михаил Вайскопф, цитируя в работе *Во весь логос: Религия Маяковского* стихотворение В.В. Маяковского «Адище города», говорит о необходимости уничтожения, наряду с солнцем, «никому не нужной, дряблой луны» «сгнившего символизма» (Вайскопф 1997: 49). В данном стихотворении луна как представитель природного мира заменяется фонарями и становится ненужным небесным светилом. Отметим, что стихотворение О.Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...», по утверждению В.С. Баевского, является поворотным пунктом в творчестве О.Э. Мандельштама от символизма к акмеизму (ср. Баевский 1990: 314). Согласно Л.Г. Кихней, в данных строках наблюдается «отрицательное тождество» (Кихней 2013: 135): луна замещается предметом по ассоциации – циферблатом.

Какие особенности отношения лирического героя и неба у О.Э. Мандельштама и В.В. Маяковского можно выявить, основываясь на схожести установок? Это трагизм, отсутствие коммуникации, враждебность неба как высших сил, рока (но не всегда Бога). Л.Г. Кихней в монографии *Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика* определила причину трагизма относительно лирики О.Э. Мандельштама следующим образом:

Трагедия отношений человека и неба заключается [...] в принципиальной несовместимости их масштабов, а также в ощущении роковой зависимости человеческого бытия от вселенских законов, которые кладут ему смертный предел.
(Кихней 2013: 131)

Несомненно, эти слова можно отнести и к творчеству В.В. Маяковского: лирический герой конфликтует с небом, стремясь изменить иерархию (его самого и неба), возвыситься, «опредметить» небесные светила, уничтожить солнце, которое часто наделялось божественной властью.

Обратимся к образу неба. Четко соотносятся «палаческие черты» (Вайскопф 1997: 48) неба В.В. Маяковского и угрожающая пустота неба О.Э. Мандельштама. У обоих случаев небо отождествляется со смертью, роком, предопределенностью. У В.В. Маяковского это наблюдается в ранней лирике: например, крик лирического героя «Солнце! / Отец мой! / Сжался хоть ты и не мучай!» (Маяковский 1987, т.1: 49) («Несколько слов обо мне самом»), «звездные зубья» (Маяковский 1988, т. 1: 27), о которые ранится лирический герой («Флейта-позвоночник»), Млечный путь как виселица для лирического героя («Флейта-позвоночник»), «петля облака» (Маяковский 1984, т. 1: 47) (Я), луч-петля («Человек»).

Сравним с небом-пустотой О.Э. Мандельштама: небо, которое «падает, не рушась» (Мандельштам 2017: 29) («Я вижу каменное небо...»), – это пришествие небытия, то есть смерти, в мир. Это и мотив укола, образ звезды-заржавленной булавки, которая связывается с мифологией, античной богиней необходимости Ананке и ее веретен-фатумом:

Что, если, вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда? (Мандельштам 2017: 54)

Сюда же относятся образы черного солнца и желтого солнца, которые непосредственно связаны со смертью. Воплощение смерти – и зеленая звезда, символ Петрополя в лирике О.Э. Мандельштама, сигнализирующий о смерти, трагедии (прослеживается связь и с Люцифером): «Прозрачная звезда, блуждающий огонь / Твой брат, Петрополь, умирает» (Мандельштам 2017: 103).

«Палаческий» образ встречается как у В.В. Маяковского, так и у О.Э. Мандельштама – это «звездный луч» (Мандельштам 2017: 122), сравнивающийся с «солью на топоре» (Мандельштам 2017: 122) («Умывался ночью на дворе...»). О.Б. Заславский в статье «Человек в страшном мире» выстраивает ассоциативный ряд: «обезглавливание – беда – соленый вкус крови» (Заславский 2014: URL). Еще один образ, связанный с казнью – небо-палица: «Небо как палица грозное, земля словно плешина рыжая...» (Мандельштам 2017: 177).

Итак, первый пункт-сходство – смертоносность неба, колкость звезд, связанная с казнью (у В.В. Маяковского эта связь очевиднее; у О.Э. Мандельштама прослеживается также связь мотива укола с предопределенностью судьбы).

Об одном интересном общем образе, связанном с распятием. Сравним два похожих отрывка:

Это душа моя ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни! (Маяковский 1987, т. 1: 49)

[...] И в пустоте, как на кресте,
Живую душу распиная,
Как Моисей на высоте,
Исчезнуть в облаке Синая. (Мандельштам 2017: 28)

В данных отрывках фигурирует общий образ – распятая на кресте душа лирических героев. Лирический герой В.В. Маяковского говорит об уже распятой душе. Картина, изображаемая В.В. Маяковским, более «неприглядная», чем у О.Э. Мандельштама: порванная туча, ржавый крест, ключья. Общий смысл – описание страдающей души человека, муки которого сильнее христовых, потому что душа Христа была спокойна, страдало тело; у лирического героя страдает душа. В отрывке из стихотворения О.Э. Мандельштама описана смерть, переход в небытие с помощью сравнения с распятием на кресте, то есть акцентируется мучительность смерти. Лирический герой О.Э. Мандель-

штама испытывает страх перед пустотой: «Я так боюсь рыдания Аонид, / Тумана, звона и зиянья!» (Мандельштам 2017: 115). Страх «исчезнуть в облаке Синая» (Мандельштам 2017: 28), возможно, связан со страхом Бога, о котором говорит М.Л. Гаспаров:

Самое сильное чувство — страх: страх любви («там — я любить не мог, здесь — я любить боюсь»), страх Бога («страшен мне подводный камень веры», «и тебя не любить мне позволю», «укор колоколов»), страх судьбы. (Гаспаров 2005: 330–331)

Упоминание имени Моисея говорит о предстоящем контакте с Богом: как известно, на горе Синай совершилась передача Богом Моисею Скрижалей.

Был ли знаком с этим стихотворением В.В. Маяковский, – сложно сказать. Можно предположить, что ответ утвердительный, так как В.В. Маяковский был знаком с О.Э. Мандельштамом, и на этом основании выделяется много перекличек в лирике этих поэтов. При этом заимствование было обоюдным. Так как стихотворение О.Э. Мандельштама «Мне стало страшно жизнь отжить...» написано не позднее 5 августа 1910 года, можно говорить о том, что именно его стихотворение стало образцом для похожих строк стихотворения В.В. Маяковского «Несколько слов обо мне самом», которое написано позже, в 1913 году.

Второй пункт-перекличка – болезненность неба. У В.В. Маяковского читаем: «...слов иступленных вонзаю кинжал / в неба распухшего мяготь» (Маяковский 1987, т. 1: 49). Распухшее небо можно соотнести с травмированной частью тела или же с мертвецом, то есть прослеживается мотив болезни или смерти. Это и духовная смерть: слово «жирный» почти всегда имеет отрицательную коннотацию. Можно соотнести словосочетание «распухшая мяготь» с тучным человеком (сравним с выражением «заплыть жиром»); напрашиваются такие характеристики, как тугодумство и лень, что, при применении такой интерпретации к образу неба, отсылает к его безотзывности и равнодушию. В этой характеристике неба – отсылка к образу выживевшего лакея «на засаленной кушетке» (Маяковский 1988, т. 2: 5) в поэме «Облако в штанах». Это и образ мещанина в стихотворении «Вам!», думающего, «нажраться лучше как» (Маяковский 1987, т. 1: 59) и равнодушного ко всем происходящим в мире бедам. В лирике О.Э. Мандельштама фигурирует «болезненный и странный» (Мандельштам 2017: 34) мир пустоты, круг неба сравнивается с «недугом»

(Мандельштам 2017: 236), «Небо тусклое с отцветом странным – / Мировая туманная боль...» (Мандельштам 2017: 42). Слово «болезненность» связано с нездоровым, неестественным состоянием объекта.

Распухшая мякоть неба В.В. Маяковского – это и тучи. Подобный образ туч с негативной семантикой практически не встречается в лирике О.Э. Мандельштама, однако есть один пример в его переводе Жоржа Дюамеля («Ода нескольким людям»): «...лицо воспаленное туч / В промельке листьев березы» (Мандельштам 2017: 841).

Третий пункт – безотзывность неба. У В.В. Маяковского наблюдается игнорирование небом лирического героя: он называет небо кирпичом, который не слышит его «слов иступленных» (Маяковский 1987, т. 1: 49). На его зов оно не реагирует: «Вселенная спит, / положивши на лапу / с клещами звезд огромное ухо» (Маяковский 1988, т. 2: 24) («Облако в штанах»). У О.Э. Мандельштама небо также безотзывно, но ключевой характеристикой становится не сон небес, а их мертвенность, слепота и глухость: это «небо, мертвенней холста» (Мандельштам 2017: 34), «осиротелая и немая вышина» (Мандельштам 2017: 45), «слепые небеса» (Мандельштам 2017: 97). Небо пусто – это объясняет тишину в ответ на мольбы лирического героя. Вселенная сравнивается с «пустой урной» (Мандельштам 2017: 36) – сосудом для хранения праха умерших. О.Э. Мандельштам высказывает надежду на справедливость небес, на то, что они его услышат: «О небо, небо, ты мне будешь сниться; / Не может быть, чтоб ты совсем ослепло...» (Мандельштам 2017: 40).

Однако мотив глухоты неба можно встретить и у В.В. Маяковского: в стихотворении «Несколько слов обо мне самом» из цикла Я возникает образ выжженного неба, который можно трактовать следующим образом: в выжженном месте отсутствует жизнь, следовательно, ответа оттуда ждать не приходится. Этот образ соотносится с пустотой О.Э. Мандельштама, которая глуха, потому что пустота, то есть небытие, есть ничто, это место, лишенное жизненных потенциалов. Также выжженность говорит о бесцветности неба.

Общим для В.В. Маяковского и О.Э. Мандельштама становится образ черного солнца. Он встречается в нескольких стихотворениях О.Э. Мандельштама (а также в прозе, например, «Скрябин и христианство»). Исследователями признается, что черное солнце связано со смертью через образ солнечного затмения во время распятия Христа (сюжет из Евангелия): померкнувшее солнце символизирует катаклизмы, смерть Бога, которая транслируется на человека. Черное солнце как символ смерти, связанный с еврейством, находим в стихот-

ворении «Эта ночь непоправима....» В стихотворении О.Э. Мандельштама Как «Этих покрывал и этого убора...» черное солнце связано с образом Федры и мотивом кровосмешительства (согласно мифу Федра полюбила своего пасынка Ипполита):

И для матери влюбленной
Солнце черное взойдет.
[...]
– Черным пламенем Федра горит
Среди белого дня.
[...]
Любовью черною я солнце запятнала! (Мандельштам 2017: 84)

Согласно А.Б. Мордвинову, черное солнце светит «над днем сегодняшним – солнце правды, черное солнце физиологической правды часа сего» (Мордвинов 1994: 103). Таким образом, черное солнце объединяет в себе мотивы смерти, греха, вины, инцеста, страшной правды.

Это и есть предназначение черного солнца – «оставаться навеки в зените страдания и славы» («Скрябин и христианство»), раз за разом открываясь людям в виде «сердца» все новых и новых человеческих катастроф. (Мордвинов 1994: 106)

Зашифрованный образ черного солнца отмечает у В.В. Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин» Михаил Вайскопф в следующих строках:

Потолок / на нас / пошел снижаться вороном. / Опустили
головы – / еще нагни! / Задрожали вдруг / и стали черными /
люстр расплывшихся огни. (Маяковский 1988, т. 2: 289)

Ни солнца, / ни льдины слитка – / всё / сквозь газетное ситко /
черный / засеял снег. (Маяковский 1988, т. 2: 290)

Это «мотив солнечного затмения, природной катастрофы, сопутствующей смерти монарха» (Вайскопф 1997: 117) – Ленина. Черные огни люстр, заменяющих солнце (вспомним тему электрификации и солнцелюбства в лирике раннего В.В. Маяковского), черный снег – в данных строках, приводимых

в пример М. Вайскопфом, акцентируется символика черного цвета как цвета смерти. Черный снег – это газетные буквы, это известие о смерти вождя, это, в сочетании с отсутствием солнца, символ печали, катастрофы, апокалипсиса.

Вероятнее всего, и О.Э. Мандельштам, и В.В. Маяковский заимствовали образ черного солнца из Евангелия или язычества (согласно древним верованиям, черное солнце является представителем загробного мира).

Общее у рассматриваемых поэтов обнаруживается и в способе изображения звезд: это звезды, отвечающие за судьбы, и звезды, сравниваемые с деньгами (в них превращающиеся).

Звезды-судьбоносцы встречаются у В.В. Маяковского в поэме «Человек»: «Звезды! / Довольно / мученический плести / венок / земле!» (Маяковский 1988, т. 2: 81). Сравним эти строки с отрывками из стихотворений О.Э. Мандельштама:

И на пороге тишины,
Среди беспамятства природы.
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы. (Мандельштам 2017: 117)

Там, в беспристрастном эфире,
Взвешены сущности наши –
Брошены звездные гири
На задрожавшие чаши [...]. (Мандельштам 2017: 37)

Звезды в цитируемых строках, как и у В.В. Маяковского, имеют связь с судьбой. В первом случае они – управляющие человеческими жизнями. Не случайно в этом же стихотворении упоминаются «созвездья Зодиака» (Мандельштам 2017: 117). Во втором случае можно увидеть отсылку к Страшному Суду: жизни людей взвешиваются. Также исследователи (в частности, Л.Г. Кихней) при анализе образа звезд отсылают к античной мифологической модели, согласно которой на небе живет богиня необходимости Ананке, держащая вращающееся веретено (ср. Кихней 2013: 132–133). Отсюда – мотив укола, образ звезды-булавки как символ неотвратимости рока (ср. укол веретеном как причина смерти в сказках разных народов, в том числе и русских; также вспомним греческую мифологию: мойра Клофо прядет нить жизни, Лахесис наматывает эту нить на веретено, Атропос перерезает нить, то есть отвечает за смерть). Так, образ звезд, связанный с судьбой, у данных поэтов имеет отношение к астрологии и мифологии и является традиционным для лирики в целом.

Еще один традиционный поэтический образ – звезды-монеты. У О.Э. Мандельштама этому посвящено целое стихотворение: «Я хочу поужинать, и звезды / Золотые в темном кошельке!» (Мандельштам 2017: 48). У В.В. Маяковского находим образ звезд, ассоциирующихся со сребрениками, которые получил Иуда за предательство Христа:

Видите –
небо опять иудит
пригоршню обрызганных предательством звезд?
(Маяковский 1988, т. 2: 18)

Заметим, что цвет звезд В.В. Маяковский таким образом определяет как серебристый, а не золотой, как О.Э. Мандельштам.

Так, образ неба у В.В. Маяковского и О.Э. Мандельштама сложился под влиянием общего мировосприятия, основанного на отвержении символистского мировоззрения, благодаря ориентированию на Евангелие и мифологию, а также традиционные поэтические образы. Анализ образа неба позволяет обнаружить преемственность между модернизмом и авангардизмом.

Библиография

- Аверинцев, С.С. (2011): «Судьба и весть Осипа Мандельштама» // *Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы* / Под ред. Мамедовой. – Москва. С. 37–119.
- Баевский В.С. (1990): «Не луна, а циферблат (Из наблюдений над поэтикой О. Мандельштама)» // *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама* / Под ред. Ласунского [и др.]. – Воронеж. С. 314–322.
- Вайскопф, М. (1997): *Во весь логос: Религия Маяковского*. – Москва.
- Гаспаров, М.Л. (1995): «Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама» // *М.Л. Гаспаров. Избранные статьи*. / Под ред. Прохоровой/Панова. – Москва. С. 327–370.
- Заславский, О. (2014): «Человек в страшном мире (о стихотворении О.Э. Мандельштама «Умывался ночью на дворе...»)» // *Toronto Slavic Quarterly* (49), http://sites.utoronto.ca/tsq/49/tsq49_zaslavskii.pdf (дата обращения: 18.04.2021).
- Кихней, Л.Г. / Меркель, Е.В. (2013): *Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика*. – Москва.

- Лекманов, О. (2015): «Акмеизм VS. футуризм в 1913 году (по материалам российской прессы)» // *«Слово как таковое»: Юбилейный год русского футуризма: Материалы международной научной конференции (Женева, 10–12 апреля 2013)* / Под ред. Жаккара / Морара. – Санкт-Петербург. С. 194–203.
- Мандельштам, О. (2017): *Полное собрание поэзии и прозы в одном томе*. – Москва.
- Маяковский, В.В. (1987): *Сочинения в двух томах*, т. 1. – Москва.
- Маяковский, В.В. (1988): *Сочинения в двух томах*, т. 2. – Москва.
- Мордвинов, А.Б. (1994): «Сюжет черного солнца в творчестве О. Мандельштама» // *Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная* / Под ред. Степановой. – Омск. С. 84–131.
- Пушкин, А.С. (1984): *Евгений Онегин. Роман в стихах*. – Москва.
- Терехина, В.Н. (2010): «Русский футуризм: становление и своеобразие» // *Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика* / Под ред. Гирина. – Москва. С. 139–207.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Традиция акмеизма и футуризма в творчестве Ю.П. Мориц

Der Zweck dieser Studie ist es, intertextuelle Verbindungen in der Poesie von Junna Moric zu bezeichnen. Aus der Sicht der meisten Forscher überwiegen bei Moric akmeistische Tendenzen. Die Tradition des Futurismus ist für die Dichterin jedoch nicht weniger bedeutsam.

The goal of this study is to characterize interconnections in Morits's poetry. According to most researchers, acmeistic tendencies prevail in Morits's creative works. However, the tradition of futurism is found no less significant for the poet.

Цель данного исследования – охарактеризовать межтекстовые связи в поэзии Ю.П. Мориц. Значение интертекстуального плана Мориц подчёркивает, отвечая на вопрос журналиста о природе влияния творчества собратьев по перу: «Когда речь идет о влиянии, чужой поэзии не бывает, как не бывает чужой Луны, влияющей на приливы-отливы морей-океанов» (Богатырёва 2001: 1). Поэтесса пребывает в диалоге с предшественниками и современниками. Экстатическое восприятие творческого наследия объединяет Мориц с шестидесятниками и с её поколением в целом. Возможно, эта сосредоточенность на культурном наследии была связана с тем, что религия долгое время находилась под запретом, очарование революцией прошло, идеология давно воспринималась как фальшь, поскольку не справлялась с функцией ценностной парадигмы для людей мыслящих. Неизбывная жажда человека верить в идеалы приводит советскую интеллигенцию к попытке «склеить двух столетий позвонки» (Мандельштам 1990: 145), посред-

ством культуры преодолеть образовавшийся по идеологическим причинам разрыв с предшественниками. И разумеется, подобная установка сближает Мориц не только с современниками, но и с предшественниками – и прежде всего с акмеистами, с ключевой для акмеизма идеей единения, продолжения традиций. Таким образом, поколению шестидесятников культура в каком-то смысле заменила веру в обезбоженном мире, именно искусство дарило надежду на сопричастность высокому не только в эстетическом, но и в этическом плане.

По нашему мнению, понятие интертекстуальности в том случае, когда поэт наделён мифопоэтическим мышлением, удобнее рассматривать в соответствии с концепцией З.Г. Минц, отражённой в её работе. О некоторых неомифологических текстах: представления о вторичном языке культуры, о мифологеме как о знаке-заместителе целостных ситуаций и сюжетов, в котором запечатлена информация о предшествующей и последующей «истории» художественного образа выводят проблему цитации на уровень авторской аксиологии (Минц 1979: 92). Кроме того, мифологема как знак, означаемым которого являются все объекты действительности – в том числе любые артефакты, произведения литературы и других видов искусства, помогает понять, на какие виды искусства ориентируется автор. Следовательно, интертекстуальное и интермедialное воспринимаются нами как явления одного порядка.

Особое значение для поэтессы имеет традиция модернизма и авангарда, акмеизма и футуризма. В стихотворениях Ю. Мориц, по мнению большинства исследователей, преобладают акмеистические тенденции. Так, Е.Э. Фетисова в работе *Неоакмеизм как система программных и латентных течений XX века* утверждает, что Мориц является представителем неоакмеизма (Фетисова 2016: 2).

Тексты Мориц содержат реминисценции из творчества наиболее яркого теоретика и практика акмеизма Мандельштама. В «Античной картине» Мориц образ ветра аквилона, вероятно, отсылает нас к стихотворению «Отчего душа так певуча...» (Мандельштам 1990: 76), а «осколок тёмно-красного стекла» служит как бы напоминанием о хрустале «неживого небосвода» из стихотворения «Сусальным золотом горят...» (Мандельштам 1990: 66). И у Мандельштама, и у Мориц появляются образы игрушек: погремушка в «Античной картине» у Мориц (Мориц 1973: 1), «В кустах игрушечные волки/ Глазами страшными глядят» – читаем у Мандельштама (Мандельштам 1990: 66), «Я блуждал в игрушечной чаще/ И открыл лазоревый грот [...]» – у него же (Мандельштам 1990: 76). В текстах Мандельштама, с которыми Мориц ведёт диалог, и в

«Античной картине» изображается рукотворный и при этом сказочный мир. И в стихотворении «Отчего душа так певуча», и в тексте Мориц ассоциации с игрушечным миром, ориентация на детское восприятие не отменяют, а усугубляют страх перед реальностью, которая в любой момент может обернуться ночным кошмаром: «Неужели я настоящий/ И действительно смерть придет?» у Мандельштама (Мандельштам 1990: 76), «А вблизи дымит поселок,/ Ест теленка из котла» – у Мориц (Мориц 1973: 1). Трапеза в «Античной картине» показана крайне жестокой – поэтесса использует не название мяса животного, а обозначение самого животного, причём его детёныша. Кроме того, бесчеловечным убийство телёнка кажется на фоне повторяющегося в стихотворении изображения живой коровы, которая, возможно, является его матерью. Этот образ у Мориц напоминает описание варварского застолья, центром которого является цыплёнок в «Свадьбе» Заболоцкого: «Он глазки детские закрыл,/ Наморщил разноцветный лобик/ И тельце сонное сложил/ В фаянсовый столовый гробик» (Заболоцкий 1929: 43).

В «Благолепии света» Мориц отсылки к традиции (в данном случае – к мандельштамовской) осуществляются уже не столько с помощью явных аллюзий, сколько на уровне узнаваемого приема: «[...] все то, что Ярославль дарил/ Мне в сентябре, в двадцатых числах» (Мориц 1970: 21). Поэтесса использует чёткое обозначение времени и топоним, точно располагающий текст в географическом пространстве. Мандельштаму важно было «привязывать» душевные переживания лирического героя к определённому времени и месту. С одной стороны, герой Мандельштама пребывает в вечности: «в девяносто одном./ Ненадёжном году, и столетья/Окружают меня огнём» (Мандельштам 1994: 241). С другой, он предельно конкретен: «— Я рождён в ночь с второго на третье/ Января [...]» У Мандельштама обыгрывается внутренняя форма именования города: «Пусти меня, отдай меня, Воронеж:/ Уронишь ты меня иль проворонишь» (Мандельштам 1990: 66). У Мориц, как и у Мандельштама, жизнь лирического героя (героини) проходит под знаком города.

Нерастожимо связанные друг с другом интертекстуальное и интермедialное начала поэзии Мориц остроумно обыгрываются ею с помощью упоминания Аполлона и Гипербореи в первой строфе «Античной картины», отсылающего читателя к названиям журналов *Аполлон* и *Гиперборея*, в которых публиковались наиболее яркие представители акмеизма.

Однако не менее значимым, чем визуальный, для Мориц является музыкальный код: поэту, утверждает она, «от природы дано вещество, откликающееся на тайны ритмичной Вселенной» (Богатырева 2001: 1). Особенно значимым для художницы слова оказывается ритмический рисунок и цитация ритмом. Ритмические реминисценции подкрепляются у неё сходством образов, лексическими цитатами, что позволяет читателю почувствовать, к какому произведению отсылает автор. Важную функцию выполняет семантический ореол ритма в Античной картине. М.Л. Гаспаров в книге *Метр и смысл* отмечает, что четырёхстопный хорей с рифмовкой ЖМЖМ как в русской, так и в европейской традиции связан с песенным началом (Гаспаров 2012: 221). Размер, которым написано стихотворение, с первых строк настраивает читателя на шуточный, несерьёзный лад: «Славно жить в Гиперборее,/ Где родился Аполлон,/ Там в лесу гуляют феи,/ Дует ветер аквилон» (Мориц 1973: 1). Ритм придаёт тексту «детскую» интонацию, поскольку данный размер и тип рифмовки характерен для поэзии, предназначенной детям, например, читаем у Агнии Барто: «У меня живет козленок,/ Я сама его пасу./ Я козленка в сад зеленый/ Рано утром отнесу» (Барто 1999: 1). Кроме того, метрическая организация стихотворения вписывает его в футуристический контекст, который, как мы увидим, оказывается не менее важным для поэтики произведений Мориц, чем традиция акмеизма. Вспомним, что четырёхстопным хореем с рифмовкой ЖМЖМ написано стихотворение «Меркнут знаки зодиака...» Заболоцкого, к которому в тексте Мориц содержатся образные отсылки.

По «Античной картине» Мориц рассыпана как бы мозаика образов, заимствованных из стихотворения «Меркнут знаки зодиака...»: «Толстоногую пастушку/ Уложил в траву Сатир», «Земляничная рассада/ у Сатира в бороде» (Мориц 1973: 1). У Мориц, как и у Заболоцкого, изображение мифических персонажей связано с эротическими мотивами. Кроме того, центральной антитезой образного ряда становится противопоставление искусственного, рукотворного и настоящего, живого. Мориц рисует ненастоящий, игрушечный мир. Читатель вынужден даже сомневаться в существовании героев сценки. Мотив неуверенности в реальности изображаемой картины оказывается общим для текста Заболоцкого и стихотворения Мориц: «И в глазах не видно взгляда,/ Он – никто, и он – нигде», «Пустотой плутовскою/ Развлекая плоть пастушки» – изображение сатира у Мориц (Мориц 1973: 1), «Сонной мысли колыханье,/ Безутешное страданье, –/ То, чего на свете нет» – читаем у Заболоцкого (Заболоцкий 1933: 78). Ощущение того, что перед нами фантазия,

«вымысел и бред», создаётся в том числе при помощи отсылок к стихотворению Заболоцкого.

Как было замечено ранее, поэтесса ведёт диалог не только с литературой, но и с культурой как таковой, с живописью в первую очередь. Это может быть как текстовая передача реально существующего произведения искусства, так и ложный экфрасис. Уже не раз упомянутое выше стихотворение «Античная картина» также может послужить примером экфрасиса: «игрушечные» детали складываются в законченный образ статуэтки. Отсутствие ссылки на конкретный объект изображения позволяет предположить, что «ненастоящий» мир Мориц – пример ложного экфрасиса: воссозданная словом картина живет лишь в воображении, автора (но живет именно как завершённое произведение искусства, а не впечатление или воспоминание).

Стоит отметить, что в использовании буколического экфрасиса Мориц продолжает традицию Георгия Иванова, в лирике которого экфрасис «подсвечен» пасторальными мотивами. В стихотворении «Кофейник, сахарница, блюда...» (Иванов 1994: 100) буколическая сценка является рисунком на чайном сервизе.

В «Благолепии света» Мориц дано описание пейзажа, про который с уверенностью нельзя сказать, является он настоящим, или изображён карандашом на бумаге: «Такая вольность на душе,/ Такое благолепье света,/ Что только лист в карандаше/ Способен объяснить все это» (Мориц 1970: 21). При этом картина, которую создаёт поэтесса, по всей видимости, является «образцом» японской графики: «клен сквозит японской тушью» (Мориц 1970: 21). Таким образом, и «техника» рисунка знаменует обращение Мориц к акмеистической традиции, (вспомним, что журнал *Аполлон* за время своего существования пережил период увлечения японской графикой). К слову, образы и детали, отсылающие к данному жанру изобразительного искусства, находим не только в текстах младоакмеиста Георгия Иванова, но и в поэзии «предакмеиста» М. Кузмина.

Безусловно, ориентация на пластические виды искусства не является завоеванием поэзии XX века: анакреонтическая лирика, столь популярная в эпоху классицизма, призвана была воплотить в творчестве абсолютную гармонию, красоту, следуя образцам аполлонического визуального искусства – прежде всего скульптуры, (вспомним, что в лицейские годы этой традиции отдал дань Пушкин, перу которого принадлежат упражнения-подражания Анакреонту: это и «На статую играющего в свайку» (Пушкин 1959b: 469)

– стихотворное изображение двух скульптур юношей в Царском Селе, и статуарные образы из «Воспоминания в Царском Селе»: «С холмов кремнистых водопады/ Стекают бисерной рекой» (Пушкин 1959а: 9). Думается, акмеисты под влиянием чрезвычайно значимой для них поэзии Пушкина подхватывают важную для него анакреонтическую линию, отвечающую их стремлению к ясности, точности, «скупости слов», к которой призывал Кузмин (Кузмин 1910: 7). Вспомним оксюморонный образ из «Античной статуи» Ахматовой: «Смотри, ей весело грустить,/ Такой нарядно обнаженной» (Ахматова 1996: 15). Думается, те же истоки имеет звучащая рефреном в поэзии Мандельштама тема искусственности, «невсамделешности» вселенной.

Творчество Мориц доказывает, что и неоакмеизм «встраивается» в линию «русской анакреонтики». В поэзии Мориц мы видим, как экфрасис определяет жанровую доминанту текстов, жанровые модели диктуются не литературой, а живописью.

Через «реальную» картину проступает облик произведения изобразительного искусства, создателем которого восхищается лирическая героиня: «Во всем, воистину во всем,/ Свободный гений узнаваем» (Мориц 1970: 21). Угадываются очертания нарисованных предметов, градуальный ряд заканчивается указанием на ту живописную технику, в которой работает художник: «Копытом, прочерком, трамваем» (Мориц 1970: 21). В пользу сближения с изобразительным искусством говорит также колористика стихотворения. Мориц важно тонко передать цвета: золотистый мандарин, медь «нежно розовеет», антитетическое соединение «мглы» и «благолепия света» (Мориц 1970: 21). По всей видимости, перед нами пример живописного экфрасиса. Таким образом текст благодаря живописному экфрасису можно отнести не к пейзажной лирике, а именно к жанру, принадлежащему другому виду искусства, к жанру пейзажа.

В то же время интермедialное начало не разрушает картины действительности, не уводит читателя в мир вымысла и фантазии: в «Благолепии света» (Мориц 1970: 21) создаётся ощущение, что описывается реальная местность, в которой находится лирическая героиня. Во многом этому способствует апелляция к чувственному восприятию реципиента: «в холодеющих лесах», «Цветок чугунный в городской/ Ограде льнет к пальто под локтем», «Одежды стали тяжелеть,/ Крупней раскрой, грубее ткани», «Ознобом скулы обвело,/ И губы обметало сущью» (Мориц 1970: 21). Кроме того, Мориц использует синестезию, что даёт как бы слитность, синхронность разных

ощущений: цветок дышит «проезжею тоской:/ Резиной, мглой, бензином, дегтем/ Окурком, снегом, колесом» (Мориц 1970: 21). Синестезия имеет здесь градуальный характер: от смешения запахов и цвета осуществляется переход к перечислению предметов. Как будто цветок на чугунной оgrade вбирает в себя всё, что проносится мимо него в спешке по улице. Интересно, что чувственным восприятием наделены объекты, внеположные человеческому телу, природные и рукотворные – как, например, «Река, во льду глухонемая» (Мориц 1970: 21), и несмотря на то что в данном случае никаких ощущений неживое не получает, указывается на сам факт их возможности. Подобная инверсия (рокировка) живого и неживого получает воплощение и в строчках: «И нежно розовеет медь,/ Перчатку чувствуя в кармане» (Мориц 1970: 21). В таком перенесении человеческих ощущений за пределы его тела можно видеть проявление мифопоэтического мышления, которое является значимым элементом творчества Мориц. С одной стороны, здесь поэтесса продолжает традиции акмеистической эстетики, через вещное показано вечное, через предметный мир передаются чувства лирической героини. С другой стороны, Мориц вносит в этот приём новаторство, освоенное уже не акмеистами, а поэзией авангарда: субъект и объект как бы меняются местами, объекту приписываются действия субъекта. Футуристы подобным образом показывали «истеричку вещей». Валентин Катаев в книге *Алмазный мой венец*, описывает приём, когда ощущение переносится с воспринимающей инстанции на то, что производит этот эффект, приводит в качестве примера образ «оглохшего порта» в стихотворении «Порт» Маяковского (Катаев 2019: 113). Мориц великолепно пользуется этой краской, вещный мир, как и у акмеистов, оказывается живым, становится «досказывателем» состояний, переживаний героини. Но она ещё «расширяет» этот приём с помощью того инструментария, который был у представителей авангарда.

С одной стороны, Мориц близка культуре модернизма, в текстах поэтессы содержатся отсылки к произведениям акмеистов и неоакмеистов, с другой стороны, значимой для нее, как для ярчайшей представительницы поколения «шестидесятников», оказывается и традиция авангарда.

Библиография

- Ахматова, А.А. (1996): *Сочинения в двух томах*. Т.1 / Сост. Скатов. – Москва.
- Барто, А.Л. (1999): «Козлёнок», <http://www.agniyabarto.ru/01-09-kozlenok.htm> (дата обращения: 31.07.2021).
- Богатырёва, М. (2001): «Таким образом. Юнна Мориц до и после «Триумфа»», http://www.morits.ru/cntnt/rece/takim_obraz.html (дата обращения: 31.07.2021).
- Гаспаров, М.Л. (2012): *Метр и смысл*. – Москва.
- Заболоцкий, Н.А. (1929): *Столбцы*. – Ленинград.
- Заболоцкий, Н.А. (1933): *Звезда* / Сост. Гордин / Арьев. – Санкт-Петербург.
- Иванов, Г.В. (1994): *Собрание сочинений в трёх томах* / Сост. Кочетков. – Москва.
- Катаев, В.П. (2019): *Алмазный мой венец*. – Санкт-Петербург.
- Кузмин, М.А. (1910): «О прекрасной ясности» // *Аполлон* № 4. – Санкт-Петербург. С. 5–10.
- Мандельштам, О.Э. (1990): *Собрание сочинений в 2 томах*. Т.1 / Сост. – Москва.
- Мандельштам, О.Э. (1994): *Мандельштам. Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 3 / Сост. Никитаев / Веллер. – Москва.
- Минц, З.Г. (1979): «О некоторых неомифологических текстах» // Блоковский сборник III. Творчество А.А.Блока и русская культура XX века / Под ред. Минц. – Тарту. С. 76–120.
- Мориц, Ю.П. (1970): *Лоза*. – Москва.
- Мориц, Ю.П. (1973): «Античная картина», <http://owl.ru/morits/stih/antique-picture.htm> (дата обращения: 31.07.2021).
- Пушкин, А.С. (1959a): *Собрание сочинений в 10 томах*. Т. 1 / Сост. Благой / Виноградов. – Москва.
- Пушкин, А.С. (1959b): *Собрание сочинений в 10 томах*. Т. 2 / Сост. Благой / Виноградов. – Москва.
- Фетисова, Е.Э. (2016): *Неоакмеизм как система программных и латентных течений XX века*. – Москва.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Die ›Gerechten‹ im polnischen Comic. Gezeichnete Erinnerungen an Hilfeleistungen für jüdische Verfolgte während des Zweiten Weltkriegs

Der vorliegende Beitrag untersucht die Darstellung polnischer Hilfeleistung für verfolgte Jüdinnen und Juden während des Zweiten Weltkriegs im polnischen historischen Comic anhand der drei Beispiele *Aptekarz w getcie krakowskim* (Bereźnicki 2012), *Powstanie (1). Za dzień, za dwa* (Gawronkiewicz / Sowa 2014) und *Bricks* (Dzierżawska 2017).

The following paper examines the representation of Polish assistance to persecuted Jews during the Second World War in Polish historical comics, on the basis of three examples: *Aptekarz w getcie krakowskim* (Bereźnicki 2012), *Powstanie (1). Za dzień, za dwa* (Gawronkiewicz / Sowa 2014) and *Bricks* (Dzierżawska 2017).

Im Mai 2001 demonstrierte eine Menschenansammlung vor dem Krakauer Verlagsgebäude der Zeitschrift *Przekrój*.¹ Die Wochenzeitschrift hatte zuvor die Veröffentlichung der polnischen Übersetzung der Graphic Novel² *Maus*³ zum Anlass genommen, aus-

---

1 Zu der Demonstration hatten die Organisationen *Federacja Młodych Ruchu Odbudowy Polski* (›Zusammenschluss der Jugend der Bewegung für den Wiederaufbau Polens‹), *Klub Naród – Państwo – Niepodległość* (›Club Nation – Staat – Unabhängigkeit‹), *Federacja Młodzieży Walczącej* (›Zusammenschluss der kämpfenden Jugend‹) und *Stowarzyszenie Przeciwko Antypolonizmowi* (›Verein gegen Antipolonismus‹) aufgerufen.

2 Der Begriff ›Graphic Novel‹ wird angelehnt an Barbara Eder als Genrebezeichnung genutzt: Graphic Novel bezeichnet eine Untergruppe von Comics, »die anhand inhaltlicher, ästhetischer oder qualitativer Merkmale als grafische Literatur typisiert werden kann« (Eder 2016: 156). Für eine kritische Einordnung des Terminus ›Graphic Novel‹ vgl. Frahm 2014, für einen Überblick über die historische Entwicklung der Bildgeschichte vgl. Grünwald 2014.

3 1986 erschien der Comic *Maus. A Survivor's Tale. My Father Bleeds History* in New York. Zusammen mit dem

föhrlich über die Erzählung und den Comic-Künstler Art Spiegelman zu berichten (vgl. Bikont 2001; Grudzińska-Gross 2001; Rypson 2001).

Die Protestierenden verbrannten einige Kopien von Spiegelmans *Maus* und erstatteten bei der Staatsanwaltschaft Strafanzeige wegen Beleidigung des polnischen Volkes (vgl. Spiegelman 2011: 123; Traczyk 2016: 108). Die Graphic Novel sei ›anti-polnisch‹, da die polnischen Charaktere als Schweine⁴ dargestellt und die polnischen Held*innentaten während des Zweiten Weltkriegs nicht genug gewürdigt würden.⁵ Erstmals hatte ein Comic die breite polnische Öffentlichkeit erreicht und sorgte, 15 Jahre nach Erscheinen des Originals, für emotionale Debatten in der polnischen Presse (vgl. z.B. Borowski 2001; Czubaj 2001; Dunin 2001; Masłoń 2001; Źelazny 2002).

Polnische historische Comics

Auch für den polnischen Comic-Markt war *Maus* eine Sensation und Zäsur, wie der Comickritiker und -forscher Sebastian Frąckiewicz hervorhebt: Zum ersten Mal wurde die Shoah in einer an erwachsene Leser*innen gerichteten Graphic Novel thematisiert und ausdrucksstark verarbeitet (vgl. Frąckiewicz 2006: 37). Obwohl die polnische Comicszene stark von historischen Sujets geprägt war (und weiterhin ist), spielte der

---

zweiten Teil *And Here My Troubles Began* (1991) löste die Erzählung über die Erlebnisse des Holocaust-Überlebenden Vladek und die schwierige Beziehung zu seinem Sohn intensive Debatten u.a. über die Darstellbarkeit der Shoah (nicht nur im Comic) und die Vererbbarkeit von Trauma aus (vgl. etwa Frahm 2006; Geis 2007; LaCapra 1998; Young 2000). Erstmals in der Geschichte des Pulitzer-Preises wurde 1992 mit der Ehrung von Art Spiegelman für *Maus* ein Comic-Autor mit diesem Preis ausgezeichnet. Die zweibändige Graphic Novel *Maus* gehört heute zu den Klassikern des Genres.

- 4 Spiegelman selbst erklärt die Wahl der Schweine-Metapher wie folgt: »I couldn't make Poles mice and I couldn't make them cats. [...] Poles suffered terribly under the Nazis, but they were also often victimizers of Jews, and certainly left my father with a very, very frightened and angry response to his ›fellow‹ Poles [...]. In earlier centuries, the Poles were the Jews' salvation, so I wasn't necessarily trying to find a pejorative – but trying to find an animal outside the cat-mouse food chain, and I found Porky Pig [...]. Slavic races, including the Poles, were not meant to be exterminated like the Jews but rather worked to death. [...] In my bestiary, pigs on a farm are used for meat. You raise them, you kill them, you eat them. If you have mice or rats on the farm, there's only one thing to do which is kill them before they eat all your grain. So my metaphor was somehow able to hold that particular vantage point while still somehow acknowledging my father's dubious opinion of Poles as a group« (Spiegelman 2011: 121–122).
- 5 Die Ermittlungen der Staatsanwaltschaft wurden wegen eines fehlenden Tatbestands eingestellt (vgl. Traczyk 2016: 108). Die Auseinandersetzung in Polen um die Graphic Novel *Maus* kann nicht losgelöst von den (teilweise zeitgleich) stattfindenden Debatten um Jan Tomasz Gross' Buch *Sąsiedzi* (2000) bzw. das Pogrom in Jedwabne untersucht werden. Spiegelman und Gross sahen sich ähnlichen Anfeindungen ausgesetzt. Kern der Kontroversen war jeweils die Frage nach einer potentiellen Mitschuld von Polinnen und Polen an der Shoah. Zur Debatte um ›Jedwabne‹ vgl. z.B. Polonsky / Michlic 2004 und Forecki 2018.

Genozid an den polnischen Jüdinnen und Juden thematisch bis zur Veröffentlichung der polnischen Übersetzung von *Maus* keine Rolle. Dass sich seitdem nur wenig getan hat und insbesondere künstlerisch-anspruchsvolle polnische Comics über die Shoah weiterhin fehlen, zeigt Piotr Forecki in seinem Aufsatz »Zagłada i krajobraz po Zagładzie w komiksowych kadrach« (»Holocaust und Post-Holocaust-Landschaften im Comic«), in dem er einen Überblick über die auf dem polnischen Markt verfügbaren Comics und Graphic Novels mit Bezug zur Shoah gibt. In seinem ernüchternden Fazit wirft Forecki den polnischen Comickünstler*innen eine Huldigung der ethnozentrisch orientierten Geschichtspolitik vor (vgl. Forecki 2015: 302). Im Gegensatz zu polnischen Regisseur*innen oder Autor*innen spielten sie die neuesten historischen Erkenntnisse über die polnische Beteiligung am Holocaust in ihren Comics herunter und scheuten vor schwierigen Themen zurück (vgl. ebd.).⁶

Foreckis Einschätzungen bestätigt auch Justyna Czaja in ihrer Forschung. Laut Czaja ist der historische Comic der sich am stärksten entwickelnde Zweig des polnischen Gegenwartcomics (vgl. Czaja 2016: 59). Seit dem Jahr 2000 bilden historische Comics⁷ das größte Segment auf dem polnischen Comicmarkt (vgl. Kupczyńska 2021: 209). Als Grund führt Czaja die Entdeckung von Comics als Bildungsmaterial für Kinder und Jugendliche durch Institutionen der polnischen Geschichts- und Erinnerungspolitik an (vgl. Czaja 2016: 59). Insbesondere staatliche Geschichtsmuseen sowie das *Instytut Pamięci Narodowej* (IPN, »Institut für Nationales Gedenken«) subventionieren in den letzten Jahren vermehrt Comics als Teil einer breiten Informations- und Publikationsstrategie, in denen für die Institutionen wichtige Inhalte in vereinfachter und verkürzter Form dargestellt werden (vgl. ebd.: 68). Diese, zum Instrument der staatlichen Geschichtspolitik gewordenen Comics, zeichnen sich durch einen »Mangel an interessanten Skripts und [fehlenden] Ideen zu einer kreativen und originellen Umgestaltung von historischem Material« (ebd.: 66) aus.

Auch Frąckiewicz attestiert dem historischen Comic in Polen intellektuelle und ästhetische Anspruchs- und Einfallslosigkeit (vgl. Frąckiewicz 2011) und diagnostiziert eine Fehlentwicklung: Obwohl sich Comics exzellent zur Diskussion über Geschichte sowie zur Präsentation von Mikrogeschichte eignen würden, bewährten sie sich nicht als bildliche Kurzfassung oder faktographisches didaktisches Hilfsmittel, bei dem der

---

6 Eine Ausnahme auf dem polnischen Comicmarkt bildet die Graphic Novel *Achtung Zelig! Druga wojna* (Gawronkiewicz / Rosenberg 2004), die als polnische Antwort auf Spiegelmanns *Maus* gelesen werden kann. Für fundierte Analysen zu *Achtung Zelig! Druga wojna* vgl. Czaja 2010: 81–85 und Forecki 2015: 279–282.

7 Der Terminus »Geschichtcomic« wird in Polen als verbreiteter Gattungsbegriff genutzt. Für eine Einordnung des Begriffs und zur Frage der »Historizität« im Comic vgl. Czaja 2021a.

subjektive Zugang zu Geschichte – von dem das Medium Comic lebt – durch einen Filter aus Ideologie und Wissensvermittlung ersetzt wird (vgl. ebd.: 83).

Hilfeleistung für jüdische Verfolgte während des Zweiten Weltkriegs im polnischen Comic

Czaja betont, dass sich in polnischen historischen Comics »eine eigentümliche Fragmentierung der polnischen Geschichte« (Czaja 2016: 59) vollziehe, denn obwohl zu meist die Zeit des Zweiten Weltkriegs sowie die direkte Nachkriegszeit als historische Epochen aufgegriffen würden, werden historische Ereignisse sehr selektiv verhandelt (vgl. ebd.). Jüdische Perspektiven sind in polnischen historischen Comics weiterhin nur eine Randerscheinung⁸ oder werden zur Untermalung polnischer Held*innentaten instrumentalisiert (vgl. Stańczyk 2018). Alina Molisak konstatiert, dass polnische Comics über die Shoah im Hinblick auf Narration und gewählte grafische Mittel meist konventionell gestaltet sind, den dokumentarisch-didaktischen Bereich nicht verließen und den Richtlinien der staatlichen Geschichtspolitik folgen (vgl. Molisak 2021: 67).

Ein in diesem Kontext interessantes, aber bisher in der Forschung noch wenig untersuchtes Material bilden Comics über polnische *Gerechte unter den Völkern* und grafische Erzählungen, die Hilfeleistungen für jüdische Verfolgte während des Zweiten Weltkriegs thematisieren. Folgend werden drei ausgewählte Publikationen⁹ aus diesem Korpus vorgestellt und im Hinblick auf die Frage untersucht, wie sie sich in den Diskurs über die polnischen »Gerechten«¹⁰ einschreiben.

---

8 Eine Ausnahme bilden die Anthologie *Złote pszczoły* (Powalisz 2011) über jüdisches Leben in Warschau in der Zwischenkriegszeit (vgl. Molisak 2021: 67–69) sowie der Comic *Naród zatracenia* (Świerkocki / Soltysik 2014), der anlässlich des 70. Jahrestags der Liquidierung des Ghettos Litzmannstadt erschien (vgl. Kupczyńska 2021).

9 Die Auswahl der Comics erfolgte auf der Grundlage von zwei Kriterien (ähnliche Adressat*innen sowie unterschiedliche Entstehungskontexte): Alle drei Comics richten sich an erwachsene Adressat*innen sowohl in Polen als auch im Ausland. Bis auf den Comic *Bricks*, der nur auf Englisch veröffentlicht wurde, sind alle Comics sowohl auf Polnisch als auch in weiteren Sprachen erschienen. Das zweite Auswahlkriterium sollte der polnischen Comiclandschaft abseits des Mainstream Rechnung tragen, indem sowohl ein von einem historischen Museum herausgegebener Comic, eine Graphic Novel eines renommierten, unabhängigen, polnischen Comic-Verlags als auch ein Comic aus einer kleinen Anthologie junger europäischer Künstler*innen in die Analyse miteinbezogen wurden.

10 Im polnischen Diskurs ist die Gruppe der sog. *sprawiedliwi* (»Gerechte«) bisher nicht klar definiert. Versuche, die Gruppe einzugrenzen und klare Kriterien aufzustellen, endeten wiederholt im Streit. So werden die Bestimmungen der israelischen Gedenkstätte Yad Vashem zur Bestimmung der *Gerechten unter den Völkern* von vielen polnischen Wissenschaftler*innen als zu strikt abgelehnt und eine breitere Definition gefordert (vgl. Libionka 2010: 60–67).

Die als ›Gerechten‹ bezeichneten nicht-jüdischen Pol*innen, die während des Zweiten Weltkriegs jüdische Verfolgte retteten, sie versteckten und ihnen halfen, zu überleben, spielen eine herausragende Rolle im gedächtnispolitischen Diskurs der Nachkriegszeit in Polen und dominieren bis heute das öffentlich propagierte Bild der polnisch-jüdischen Beziehungen während der Shoah (vgl. Libionka 2010; Żukowski 2018). Der durch angebliche massenhafte Hilfeleistungen für Jüdinnen und Juden gezeigte Heroismus der polnischen Nation wird als Antwort auf Antisemitismusvorwürfe angeführt und bei Aufdeckungen von polnischer Mittäterschaft an Verbrechen der Shoah hochgehalten (vgl. Kowalska-Leder 2014; Forecki 2020). Durch ihre Omnipräsenz im polnischen Diskurs, die sich in der Form von Straßennamen, Denkmälern und Museen im öffentlichen Raum manifestiert, sorgen die von Grauzonen befreiten ›Gerechten‹¹¹ für eine graduelle Verdrängung der jüdischen Perspektive sowie des jüdischen Leidens aus dem polnischen Shoah-Diskurs (vgl. Grabowski 2016; Janicka 2015).

2012: *Aptekarz w getcie krakowskim*

Bereits 2012 erschien der von Tomasz Bereźnicki gezeichnete Comic *Aptekarz w getcie krakowskim* (›Der Apotheker im Krakauer Ghetto‹) über Tadeusz Pankiewicz, der seit 1933 eine Apotheke im Krakauer Stadtteil Podgórze besaß und diese auch weiterführte, als die Nationalsozialist*innen dort ein Ghetto für die jüdische Bevölkerung einrichteten. Der Apotheker und seine Mitarbeiterinnen versorgten die Ghattobewohner*innen nicht nur mit Medikamenten, sondern halfen ihnen u.a. auch beim Austausch von Nachrichten mit der ›arischen Seite‹ und bei Fluchtvorbereitungen. Pankiewicz wurde 1983 mit der Ehrung *Gerechter unter den Völkern* durch die israelische Gedenkstätte Yad Vashem ausgezeichnet.

Der Comic entstand als Auftragsarbeit für das Krakauer Stadtmuseum anlässlich der Überarbeitung der Pankiewicz gewidmeten Dauerausstellung im Museum *Apteka Pod Orlem*. Er beruht auf den 1947 erstmals veröffentlichten Erinnerungen von Pankiewicz und zählt zu den klassischen polnischen Geschichtscomics, die ein Realismus im Erzählerischen (keine fantastischen oder fiktionalen Elemente) und Grafischen (naturgetreue Abbildung) kennzeichnet (vgl. Czaja 2021a: 52–53). Auch der Fokus auf die Geschichte eines einzelnen männlichen polnischen heroischen Charakters ent-

---

11 So werden die ›Gerechten‹ als ›Stolz der Nation‹ und ›Symbol polnischer Aufopferung‹ vermarktet (vgl. Forecki 2016: 644). Die positive Entwicklung, die Geschichten der polnischen ›Gerechten‹ bekannter zu machen, wird umgekehrt, indem die Angst vieler ›Gerechter‹ vor ihrem sozialen Umfeld verschwiegen wird, die Schicksale der jüdischen Geretteten unbekannt bleiben und nur noch der Kampf um den guten Namen des Vaterlandes im Vordergrund steht (vgl. Grabowski 2016).

spricht der generellen Tendenz polnischer Comics über die Shoah, die im Auftrag von Bildungsinstitutionen entstehen (vgl. Kupczyńska 2021: 214).

Im Gegensatz jedoch zu den Comics über Jan Karski und Irena Sendler, die vom Museum des Zweiten Weltkriegs in Gdańsk (Gałka-Olejko / Wyrzykowski 2018), in Zusammenarbeit mit dem Museum der Stadt Łódź (Rizzo / Bonaccorso 2014) respektive vom Museum der Geschichte Polens (Medoff / Motter 2015) herausgegeben wurden, vermeidet *Aptekarz w getcie krakowskim* eine Verdrängung jüdischer Leidens- und Überlebensgeschichten zu Gunsten einer Heroisierung des Protagonisten. Das Leben des Apothekers Pankiewicz steht nicht im Vordergrund (vgl. Kupczyńska 2021: 214). Vielmehr fungiert er als Erzähler, Chronist und Augenzeuge der sich verschlimmernden Zustände im Ghetto. Der Ich-Erzähler Pankiewicz dokumentiert die verschiedenen Phasen des Ghettos und die Überlebensstrategien seiner jüdischen Bewohner*innen. Er erinnert an jüdische Widerstandsaktionen und bezeugt durch die deutschen Besatzer begangene Gräueltaten. Opfer und Täter werden namentlich genannt.

Auch wenn die Ästhetik des Comics größtenteils einer realistischen Darstellung folgt, schaffen die Panels des Zeichners Bereźnicki eine weitere Bedeutungsebene. Durch die graphische Gestaltung erahnen die Leser*innen die unterschiedlichen Dimensionen, die die nationalsozialistische Besatzung und der Zweite Weltkrieg für die jüdische und nicht-jüdische Bevölkerung Krakóws bedeutete:

[L]andscape panels and multi-layered splash panels emphasize the architectural or topographical backgrounds in order to visualize the increasing contrast between the closed world of the ghetto and the open quarters of Krakow, and to stress the simultaneity of the different worlds. (ebd.)

Der Comic scheut nicht davor zurück, Pankiewicz's widersprüchliche Beziehung zum SS-Sturmscharführer Kunde zu thematisieren, der ihn begünstigt und mit dem der Apotheker kooperiert. Hingegen verpasst der Comic die Möglichkeit, ein mehrdimensionales Bild der polnisch-jüdischen Beziehungen während des Zweiten Weltkriegs zu zeichnen: Die wenigen polnischen, nicht-jüdischen Protagonist*innen im Comic sind alle – wie Pankiewicz – Helfer*innen der jüdischen Ghetto-Bevölkerung. Auch das schwierige Verhältnis vieler ›Gerechter‹ zu ihrem sozialen Umfeld, das häufig durch Verrat und Ausschluss aus der (nachbarschaftlichen) Gemeinschaft gekennzeichnet war, wird nicht thematisiert. Viele Fälle sind dokumentiert, in denen Jüdinnen und Juden ihre Verstecke verlassen mussten, da ihre Gastgeber*innen von den eigenen Nachbar*innen bedroht wurden (vgl. etwa Engelking / Grabowski 2018: 38–39). Wie groß

die Angst vieler ›Gerechter‹ vor einem *coming-out* war – das oft mit sozialer Ächtung einherging –, verdeutlicht der Fakt, dass viele Unterstützer*innen von Jüdinnen und Juden auch nach dem Ende des Krieges keine öffentlichen Ehrungen annehmen und ihre Namen nicht in den Zeitungen veröffentlichen lassen wollten (vgl. z.B. Kowitz-Harms 2014: 126; Michlic 2006: 191). Durch eine Auseinandersetzung mit diesen komplexen Themen wäre der Comic seinem realistischen Anspruch in größerem Maße gerecht geworden.

2014: *Powstanie (1). Za dzień, za dwa*

Der Comic *Powstanie (1). Za dzień, za dwa* (›Der Aufstand (1). Noch einen Tag, noch zwei‹) entstand durch die Zusammenarbeit von zwei der renommiertesten polnischen Comickünstler*innen: Marzena Sowa¹² (Szenario) und Krzysztof Gawronkiewicz¹³ (Zeichnungen). Er erschien 2014 als erster Teil einer zweibändig geplanten Reihe im wichtigen polnischen Comicverlag *Kultura Gniewu* sowie zeitgleich auf dem französischsprachigen Markt. Als Partner bei der Veröffentlichung fungierte das Museum des Warschauer Aufstands.

Powstanie (1). Za dzień, za dwa spielt 1944, unmittelbar vor dem Beginn des Warschauer Aufstands, und »erzählt von der Besatzung aus der Perspektive mehrerer [fiktiver] Protagonist*innen, die im selben Warschauer Mietshaus wohnen« (Czaja 2021b: 61). Czaja ist zuzustimmen, wenn sie dem Comic ein wenig ausdifferenzierteres Szenario nachweist und eine erzählerischen und dramaturgischen Konventionen folgende Kriegsnarration beklagt (vgl. ebd.: 61–62).

Die Gesamterzählung und die Gestaltung der Figuren orientieren sich an den Regeln des Kriegsmelodrams, in den einzelnen Episoden stehen romantische Motive im Vordergrund: erste Liebe, geplante Hochzeit, verbotene Liebe [...]. (ebd.: 62)

---

12 Marzena Sowa ist vor allem durch die autobiografische Comicserie *Marzi* über ihre Kindheit in der Volksrepublik Polen bekannt. Die siebenteilige Serie erschien zuerst in Frankreich, wurde allerdings auch in Polen in der Übersetzung der Autorin veröffentlicht sowie ins Englische, Spanische, Italienische, Deutsche, Chinesische und Koreanische übersetzt (vgl. Kupczyńska / Makarska 2021: 325).

13 Krzysztof Gawronkiewicz zählt »zu den wichtigsten Comicschaffenden in Polen. Er sucht ständig nach neuen grafischen Ausdrucksformen und experimentiert erzählerisch; seine Arbeiten sind von großer Wirkungskraft und plastischer Anmut geprägt« (ebd.: 287). Gawronkiewiczs Comics wurden vielfach ausgezeichnet und teilweise auch im Ausland veröffentlicht. Er lieferte die Zeichnungen zur bereits erwähnten Graphic Novel *Achtung Zelig! Druga wojna*, die als polnische Antwort auf Spiegelmanns *Maus* gelesen werden kann.

Im Gegensatz zu *Aptekarz w getcie krakowskim* behandelt *Powstanie (1). Za dzień, za dwa* nicht prioritär das Leben eines polnischen Gerechten unter den Völkern, greift die Thematik von polnischer Hilfeleistungen für verfolgte Jüdinnen und Juden allerdings in einem Nebenstrang der Erzählung auf: Auf drei Doppelseiten stellt die Erzählerin Alicja die Geschichte ihres Nachbarn Pan Stanisław und seiner jüdischen Geliebten Mejra vor. Um sie vor der Umsiedlung ins Ghetto zu bewahren, versteckt Pan Stanisław Mejra bei sich in der Wohnung. Mejra verlässt ihn jedoch eines Tages und geht freiwillig ins Ghetto. Sie hinterlässt einen kurzen Abschiedsbrief, in dem sie Pan Stanisław mitteilt, dass sie ihn nicht länger in Gefahr bringen möchte. Weitere Hintergründe zu ihrer Person, zu ihren Beweggründen und zu ihrer weiteren Geschichte erhalten die Leser*innen nicht. Der eindimensionale Erzählstrang dreht sich vielmehr um Pan Stanisław, der Mejra erfolglos im Ghetto sucht und durch ihren Verlust ein gebrochener, alkoholkranker Mann wird. Der Comic zeichnet auch auf der Bildebene das Verschwinden des glücklichen Pan Stanisław nach. Die Leser*innen sehen, wie er im schwarzen Panel versinkt.

Die Episode generiert Mitgefühl mit dem polnischen Nachbarn und Unverständnis bis Wut gegenüber der Jüdin.¹⁴ Die Figur der Jüdin Mejra wird einzig gebraucht, um die unglückliche Liebesgeschichte weiter zu dramatisieren und den heroischen Charakter der polnischen nicht-jüdischen Nachbar*innen hervorzuheben. Der Comic verdrängt jüdische Leidenserfahrungen durch nicht-jüdische Perspektiven, das Warschauer Ghetto wird zum Ort der unerfüllten Liebe des Polen Pan Stanisław.

Ähnlich wie *Aptekarz w getcie krakowskim* zeichnet auch *Powstanie (1). Za dzień, za dwa* ein simplifiziertes, von Hilfeleistungen und Unterstützung geprägtes Bild der polnisch-jüdischen Beziehungen während der Besatzung. Die Erzählerin berichtet, dass alle Nachbar*innen im Haus von der versteckten Jüdin wussten und bereit waren zu helfen. Die Jüdin wird von einer ›instinktiven Angst vor den deutschen Uniformen‹ getrieben; Angst vor ihren polnischen Nachbar*innen wird nicht thematisiert. Aktuelle wissenschaftliche Forschung über die Shoah in der polnischen Provinz (wie Engelking 2016; Engelking / Grabowski 2018) zeigt, dass die deutschen Besatzer*innen für Jüdinnen und Juden eine mörderische, aber häufig kalkulierbare Gefahr darstellten. Unberechenbar war jedoch die polnische Umgebung, da altruistische Hilfe für die verfolgten Nachbar*innen nicht vorausgesetzt werden konnte. Engelking weist

---

14 Dies ist ein bekannter Topos aus den Nachkriegsjahren: Überlebenden Jüdinnen und Juden wurde häufig von ihren nicht-jüdischen Helfer*innen fehlende Dankbarkeit vorgeworfen. Auch im politischen Diskurs findet sich der Vorwurf der jüdischen Undankbarkeit gegenüber dem polnischen Volk: In Verbindung mit der These des Massencharakters der polnischen Hilfeleistungen für Jüdinnen und Juden während des Zweiten Weltkriegs wurde dieser integraler Bestandteil der antisemitischen Kampagne um den März 1968 (vgl. Bikont 2017: 312; Żukowski 2016: 113).

auf die Leerstelle im polnischen Shoah-Diskurs hinsichtlich polnischer Informant*innen hin, die auch in den beiden besprochenen Comics weiter besteht:

The fact that Poles informed on their neighbours even though they knew it amounted to passing a death sentence against them is clearly significant and noteworthy, yet it is completely ignored in [...] the Polish discourse concerned with helping Jews. It is undeniably true that many heroic Poles paid with their lives for helping Jews, but we should also bear in mind that not so many had to die. (Engelking 2016: 13f.)

Die Thematisierung von polnischen nicht-jüdischen *szmalcowniki* und anderen Kollaborateur*innen und Verräter*innen oder die Darstellung von Hilfeleistungen gegen Bezahlung (vgl. Grabowski 2008) hätte die Komplexität des Comics *Powstanie (1). Za dzień, za dwa* gesteigert.

2017: Bricks

Der 26 Seiten lange Comic *Bricks* ist in einer Comicsammlung junger europäischer Künstler*innen im *Baltic Comics Magazine* erschienen. Alle Beiträge des kleinen Bandes erzählen aus unterschiedlichen Perspektiven Geschichten von vergessenen Opfern des Nationalsozialismus. Die Graphikerin, Illustratorin und Comicautorin Zosia Dzierżawska führt in *Bricks* konkurrierende utopische Visionen von Warschau vor, die mit der tatsächlichen Wirklichkeit des jüdischen Ghettos kontrastiert werden (vgl. Frahm 2017: 185). Die Leser*innen erfahren von verschiedenen architektonischen Plänen und ihren Protagonist*innen.¹⁵ Die Künstlerin verdichtet den historischen, gut recherchierten Stoff dabei ungemein, es wird nur ein kleiner Einblick in die historischen architektonischen Entwicklungen der Stadt Warschau gewährt.

Instead we see and read a rich series of quite complex constellations of space and time. The comic page could be understood as something that, by its rows, resembles architecture [...]. [E]ach two-page spread opens a new relation of the space covered by the drawings and the time they refer to. (ebd.: 186)

---

15 Zu den Protagonist*innen gehören u.a. die Deutschen Hubert Groß und Oskar Dengel, die ein »Neues Warschau« nach den Plänen Albert Speers für Berlin planen, Zymunt Skibniewski, der Treffen polnischer Architekt*innen im Untergrund organisiert, sowie Jerzy Gelbard, der im Warschauer Ghetto eine Schule für Architektur gründete (vgl. Frahm 2017: 185–186).

Auf drei Doppelseiten des Comics wird auch das Ehepaar Helena und Szymon Syrkus vorgestellt, die als jüdische Architekt*innen auf der ›arischen‹ Seite Warschaus ein Architekturbüro führten. Beide spielen eine große Rolle beim Wiederaufbau der Stadt nach dem Krieg. In ihrem Büro vermittelte das Ehepaar untergetauchten Jüdinnen und Juden während des Zweiten Weltkriegs eine Arbeitsstelle.

Obwohl der Comic die Rettung von Warschauer Jüdinnen und Juden nur im Zusammenhang mit der Arbeitsvermittlung durch Helena und Szymon Syrkus thematisiert, schafft es *Bricks* quasi nebenbei, die gleichberechtigte Mitarbeit von Jüdinnen und Juden im polnischen Untergrundstaat sowie die jüdische Beteiligung an Rettungsaktionen darzustellen. Dieses Kurzportrait von Jüdinnen und Juden als aktive, selbstbestimmte Akteure ihres Überlebens ist eine Besonderheit in der polnischen Comiclandschaft. Im gegenwärtigen polnischen Shoah-Diskurs werden die jüdischen Mitglieder z.B. von *Żegota* gerne übersehen, dabei gehörten der Geheimorganisation – die 1942 gegründet wurde, um versteckten Jüdinnen und Juden in Polen zu helfen – neben polnisch-katholischen Mitgliedern auch Repräsentant*innen des jüdischen Bundes und des *Żydowski Komitet Narodowy* (›Jüdisches Nationalkomitee‹) an (vgl. Paulsson 2002: xviii).

Fazit

Der vorliegende Beitrag untersucht die Darstellung von Hilfeleistungen für verfolgte Jüdinnen und Juden während des Zweiten Weltkriegs im polnischen historischen Comic. An drei Beispielen aus den letzten zehn Jahren wurde exemplarisch die Bandbreite der Auseinandersetzung mit den polnischen ›Gerechten‹ aufgezeigt: Diese reicht von einer Festigung des Mythos über massenhafte polnische Hilfeleistungen bei gleichzeitiger Verdrängung der jüdischen Perspektive (Beispiel *Powstanie (1). Za dzień, za dwa*) über die Augenzeug*innen- und Chronist*innen-Funktion polnischer ›Gerechter‹ (Beispiel *Aptekarz w getcie krakowskim*) bis hin zu einer Erweiterung des Diskurses durch die Inklusion von jüdischen Helfer*innen (Beispiel *Bricks*).

Abschließend ist festzuhalten, dass es auch 25 Jahre nach der Erstveröffentlichung von Spiegelmans *Maus* bisher keinen polnischen Comic gibt, der die komplexen jüdisch-polnischen Beziehungen während des Krieges so schonungslos, umfassend und differenziert darstellt wie der amerikanische Comicklassiker.

Literaturverzeichnis

Primärliteratur

- Bereźnicki, T. (2012): *Aptekarz w getcie krakowskim*. Kraków.
- Dzierżawska, Z. (2017): »Bricks«. In: *Baltic Comics Magazine* 3! (23), S. 143–174.
- Gałka-Olejko, O. / Wyrzykowski, J. (2018): *Irena Sendlerowa i łyżeczka życia*. Gdańsk.
- Gawronkiewicz, K. / Rosenberg, K. (2004): *Achtung Zelig! Druga wojna*. Poznań.
- Gawronkiewicz, K. / Sowa, M. (2014): *Powstanie (1). Za dzień, za dwa*. Warszawa.
- Medoff, R. / Motter, D. (2015): *Misja Karskiego. Zatrzymać Holokaust*. Warszawa.
- Powalisz, M. (2011): *Złote pszczoły. Żydzi międzywojennej Warszawy. Antologia komiksów*. Warszawa.
- Rizzo, M. / Bonaccorso, L. (2014): *Jan Karski. Człowiek, który odkrył Holokaust*. Kraków.
- Spiegelman, A. (1986): *Maus I. A Survivor's Tale. My Father Bleeds History*. New York.
- Spiegelman, A. (1991): *Maus II. And Here My Troubles Began*. New York.
- Spiegelman, A. (2001a): *Maus I. Opowieść ocalałego. Mój ojciec krwawi historię*. Aus dem Engl. übersetzt von P. Bikont. Kraków.
- Spiegelman, A. (2001b): *Maus II. Opowieść ocalałego. I tu się zaczęły moje kłopoty*. Aus dem Engl. übersetzt von P. Bikont. Kraków.
- Świerkocki M. / Sołtysik, M. (2014): *Naród zatracenia*. Łódź.

Sekundärliteratur

- Bikont, P. (2001): »Kto się boi myszy?«. In: *Przekrój* (14), S. 5.
- Bikont, A. (2017): *Sendlerowa. W ukryciu*. Wołowiec.
- Borowski, J. (2001): »Komiks o Holocaustie«. In: *Wprost* (16), S. 123.
- Czaja, J. (2010): *Historia Polski w komiksowych kadrach*. Poznań.
- Czaja, J. (2016): »Der Comic als Instrument der Geschichtspolitik«. In: Kupczyńska / Makarska (Hrsg.): *Comic in Polen – Polen im Comic*. Berlin, S. 59–70.
- Czaja, J. (2021a): »Geschichtscomic. Einleitung«. In: Kupczyńska / Makarska (Hrsg.): *Handbuch Polnische Comickulturen nach 1989*. Berlin, S. 52–54.
- Czaja, J. (2021b): »Comic und der Zweite Weltkrieg«. In: Kupczyńska / Makarska (Hrsg.): *Handbuch Polnische Comickulturen nach 1989*. Berlin, S. 55–64.
- Czubaj, M. (2001): »Zagłada, myszy, świnię«. In: *Polityka* (17), S. 53–54.
- Dunin, K. (2001): »Polskie Świnie«. In: *Res Publica Nowa* (154), S. 63.
- Eder, B. (2016): »Graphic Novels«. In: Abel / Klein (Hrsg.): *Comics und Graphic Novels. Eine Einführung*. Stuttgart, S. 156–168.
- Engelking, B. (2016): *Such a Beautiful Sunny Day... Jews Seeking Refuge in the Polish Countryside 1942–1945*. Jerusalem.
- Engelking, B. / Grabowski, J. (Hrsg.) (2018): *Dalej jest noc. Losy Żydów w wybranych powiatach okupowanej Polski*. Warszawa.
- Forecki, P. (2015): »Zagłada i krajobraz po Zagładzie w komiksowych kadrach«. In: *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka* (25), S. 275–308.
- Forecki, P. (2016): »Muzeum zgody w Markowej«. In: *Zagłada Żydów. Studia i Materiały* (12), S. 643–652.

- Forecki, P. (2018): *Po Jedwabnem. Anatomia pamięci funkcjonalnej*. Warszawa.
- Forecki, P. (2020): »Wiwat naród, wivat wszystkie stany – konstrukcja i funkcje dyskursu o ratowaniu Żydów podczas Zagłady«. In: Kato / Leociak (Hrsg.): *Holokaust i Hiroshima w perspektywie porównawczej. Pamięć o II wojnie światowej w Polsce i Japonii*. Warszawa, S. 79–114.
- Frahm, O. (2006): *Genealogie des Holocaust. Art Spiegelmans MAUS – A Survivor's Tale*. Paderborn.
- Frahm, O. (2014): »Die Fiktion des Graphischen Romans«. In: Hochreiter / Klingenberg (Hrsg.): *Bild ist Text ist Bild. Narration und Ästhetik in der Graphic Novel*. Bielefeld, S. 53–77.
- Frahm, O. (2017): »Redrawing Stories from the Past. Five Approaches«. In: *Baltic Comics Magazine* 5! (23), S. 176–188.
- Frąckiewicz, S. (2006): *Komiks w polskiej komunikacji społecznej po 1989 roku*. Poznań. <https://zeszytykomiksowe.org/wp-content/uploads/2007/01/frackiewicz2006-2.pdf> (aufgerufen am: 29.10.2024).
- Frąckiewicz, S. (2011): »Za dużo Polski, za mało autora«. In: *Zeszyty Komiksowe* (12), S. 82–83.
- Geis, D. R. (Hrsg.) (2007): *Considering Maus. Approaches to Art Spiegelman's »Survivor's Tale« of the Holocaust*. Tuscaloosa.
- Grabowski, J. (2008): *Rescue for money. Paid helpers in Poland. 1939–1945*. Jerusalem.
- Grabowski, J. (2016): »The Holocaust and Poland's »History Policy««. In: *Israel Journal of Foreign Affairs* (10), S. 481–486.
- Gross, J. T. (2000): *Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka*. Sejny.
- Grudzińska-Gross, I. (2001): »Rasa, ale nie ludzka«. In: *Przekrój* (14), S. 16–17.
- Grünewald, D. (2014): »Die Kraft der narrativen Bilder«. In: Hochreiter / Klingenberg (Hrsg.): *Bild ist Text ist Bild. Narration und Ästhetik in der Graphic Novel*. Bielefeld, S. 17–51.
- Janicka, E. (2015): »The Square of Polish Innocence. POLIN Museum of the History of Polish Jews in Warsaw and its symbolic topography«. In: *East European Jewish Affairs* (45), S. 200–214.
- Kowalska-Leder, J. (2014): »Wszechobecność Sprawiedliwych«. In: *Zagłada Żydów. Studia i Materiały* (10), S. 1073–1082.
- Kowitz-Harms, S. (2014): *Die Shoah im Spiegel öffentlicher Konflikte in Polen. Zwischen Opfermythos und Schuldfrage. 1985–2001*. Berlin.
- Kupczyńska, K. (2021): »Haunted But Not Healed. The Holocaust in Recent Polish Comics«. In: Frahm / Hahn / Streb (Hrsg.): *Beyond MAUS. The Legacy of Holocaust Comics*. Wien, S. 209–236.
- Kupczyńska, K. / Makarska, R. (Hrsg.) (2021): *Handbuch Polnische Comickulturen nach 1989*. Berlin.
- LaCapra, D. (1998): »'Twas the Night before Christmas: Art Spiegelman's Maus«. In: LaCapra: *History and Memory after Auschwitz*. Ithaca, S. 139–179.
- Libionka, D. (2010): »Polish Literature on Organized and Individual Help to the Jews (1945–2008)«. In: *Holocaust. Studies and Materials (English Edition)* (2), S. 11–75.
- Masłoń, K. (2001): »Myszy i ludzie«. In: *Rzeczpospolita* (18), S. 4.
- Michlic, J. B. (2006): *Poland's threatening other. The image of the Jew from 1880 to the present*. Lincoln.
- Molisak, A. (2021): »Comic und die Shoah«. In: Kupczyńska / Makarska (Hrsg.): *Handbuch Polnische Comickulturen nach 1989*. Berlin, S. 64–73.
- Pankiewicz, T. (1947): *Apteka w getcie Krakowskim*. Kraków.
- Paulsson, G. S. (2002): *Secret City. The Hidden Jews of Warsaw. 1940–1945*. New Haven.
- Polonsky A. / Michlic, J. B. (Hrsg.) (2004): *The neighbors respond. The controversy over the Jedwabne Massacre in Poland*. Princeton.
- Rypson, P. (2001): »Mysz zdobyła Pulitzera«. In: *Przekrój* (14), S. 10–15.

Spiegelman, A. (2011): *MetaMaus*. New York.

Stańczyk, E. (2018): »De-Judaizing the Shoah in Polish comic books«. In: *Journal of Modern Jewish Studies* (17), S. 36–50.

Traczyk, M. (2016): »Das Comicbild Polens. Ein Spaziergang durch die Möglichkeiten der Darstellung«. In: Kupczyńska / Makarska (Hrsg.): *Comic in Polen – Polen im Comic*. Berlin, S. 107–121.

Young, J. E. (2000): »Art Spiegelman's *Maus* and the After-Images of History«. In: Young: *At Memory's Edge. After-Images of the Holocaust in Contemporary Art and Architecture*. New Haven, S. 12–41.

Żelazny, M. (2002): »Antypolonizm literacką fikcją«. In: *Nasz Dziennik* (62), S. 1.

Żukowski, T. (2016): »Korekta rzeczywistości. Rekonstrukcja likwidacji getta w Będzinie«. In: Janicka / Żukowski (Hrsg.): *Przemoc filosemicka? Nowe polskie narracje o Żydach po roku 2000*. Warszawa, S. 79–122.

Żukowski, T. (2018): *Wielki retusz. Jak zapomnieliśmy, że Polacy zabijali Żydów*. Warszawa.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Sprachcharakteristik der Figuren in Ladislav Smočeks Theaterstücken

Die Studie befasst sich mit dem dramatischen Werk von Ladislav Smoček (geb. 1932), der 1965 an der Gründung des Prager Činoherní klub (Theaterclub) beteiligt war. Im Beitrag sollen zwei Stücke, die er 1966 im Činoherní klub aufführte, unter besonderer Berücksichtigung der sprachlichen Merkmale untersucht werden.

This paper discusses Ladislav Smoček's dramatic oeuvre. Smoček is one of the founders of Prague's Činoherní klub, a famous drama club founded in 1965. In this article, we will discuss two plays from 1966 with a focus on stylistic characteristics of the figure's speech.

Der vorliegende Artikel befasst sich mit der Arbeit des tschechischen Dramatikers und Theaterregisseurs Ladislav Smoček (geb. 1932) am Prager Činoherní klub, der sich in den 1960er Jahren wurde zu einer originellen Theaterbühne entwickelte. Der Erfolg des Činoherní klub beruhte auf einem besonderen Regieverständnis der Werke und prägnanten Schauspielerpersönlichkeiten der jüngeren Generation, darunter Josef Abrhám, Petr Čepek, Nina Divíšková, Jiří Hrzán, Jiří Kodet und Vladimír Pucholt. Die Gründungsaufführung des Theaters war Ladislav Smočeks Stück *Piknik* (1966, Premiere am 27. Februar 1965), eine Kammergeschichte von fünf amerikanischen Soldaten, die während des Zweiten Weltkriegs im pazifischen Dschungel spielt und menschliche Handlungen unter extremen Bedingungen beobachtet. Smoček inszenierte sein Debüt selbst, ebenso wie seine anderen Stücke aus der zweiten Hälfte der 1960er Jahre.

Im vorliegenden Beitrag werden die sprachlichen Merkmale der Figuren in Smočeks Stücken *Podivné odpoledne dr. Zvonka Burkeho* (*Der Seltsame Nachmittag des Dr. Zvonek Burke*) und *Bludiště* (*Das Labyrinth*; beide veröffentlicht im Jahre 1967, gemeinsame Premiere am 9. März 1966) untersucht. Die Stücke nahmen die Form von tragikomischen Grotesken an, die das Verhalten von Menschen in einer angespannten Situation auf engstem Raum behandeln.

In *Podivné odpoledne dr. Zvonka Burkeho* ist dieser geschlossene Raum ein altmodischer einfacher Raum bei der Witwe Outěchová, den der Rentner Burke seit zwanzig Jahren mietet. Nachdem er von einem dreimonatigen Kuraufenthalt zurückkommt, muss er feststellen, dass er ausziehen soll, um Platz für Frau Outěchovás Tochter Svatava zu schaffen, die hier mit ihrem zukünftigen Ehemann leben soll. So verwandelt sich der milde und ordentliche Lehrer Burke (bei der Premiere von dem auf den ersten Blick wehrlosen Vladimír Pucholt dargestellt) unter dem Einfluss ungünstiger Umstände in einen vulgären Gewalttäter, der mit einem Messer in der Hand seinen Lebensraum vor Eindringlingen verteidigt. Obwohl die Handlung in einer absurden Serie von Gewalttaten gipfelt, bei denen die hilflosen Körper der Opfer in einem bodenlosen Schrank landen, enthalten komische Szenen immer eine ernste und sogar tragische Dimension.

Ein verwirrter Intellektueller, der seine Gegner listig und primitiv liquidiert, ist eine Figur, die ein Lächeln hervorruft, aber gleichzeitig Mitgefühl erregt. Die implizierte Zweideutigkeit der Titelfigur spiegelt sich stark in ihrer dramatischen Rede wider, die vor dem Hintergrund des biedereren allgemeinen Tschechisch der weiblichen Figuren und des Chod-Dialekts von Svatavinas Verlobtem, originell zwischen gelehrten, buchstäblichen, sogar archaischen Metaphern und banalen Phrasen pendelt. Zdeněk Hořínek bemerkte bereits:

Jakožto bytostný učitel charakterizuje Burke hojně sám sebe – zejména ve svých výkladech adresovaných oddanému a poslušnému žákovi s výmluvným jménem Tichý.¹ (Hořínek 1995: 116–117)

Burkes Definitionen von sich selbst offenbaren seine Egozentriertheit, aber auch eine gewisse pädagogische Verformung, die in der Überschätzung seiner eigenen Fähig-

---

1 Dt. Übers. der Verfasserin: »Als ehemaliger Lehrer charakterisiert sich Burke oft als sich selbst – insbesondere in seinen Interpretationen, die an seinem hingebungsvollen und gehorsamen Schüler mit dem beredten Namen Tichý (Still) gerichtet sind.«

keiten liegt, obwohl sein Wissen über verschiedene Bereiche menschlichen Wissens nur oberflächlich ist:

BURKE: Jděte vy intelektuální dětino! Jsem jenom pouhý vědec, amatér! (Tichý vytahuje zápisník a píše si poznámky.) Něco jako býval Goethe! Neboť hleďte (zvázní a zkrásní) všichni bychom měli hledat dobro v sobě, abychom je poznali a druhé přesvědčili.² (Smoček 1967: 68–69)
BURKE: Jsem pouhý lidumil – amatér, něco, jako býval doktor Schweitzer. To je vše.³ (Smoček 1967: 72)

Tatsächlich entpuppt Dr. Burke sich als absolut nicht gebildet und seine Beiträge zu diversen Themen beschränken sich auf kurze Sätze. Solche Phrasen bringt er nicht nur im alltäglichen Gespräch an, etwa wenn der ehemalige Lehrer der Hauswirtin und ihrer Tochter aufdringlich schmeichelt, auch in Bezug auf Literatur und Kultur reiht Burke lediglich leere Floskeln aneinander:

BURKE: Jak vidím, slečna Svatava za ty tři měsíce, co jsem tu nebyl, skvěle omládla!
SVATAVA: Ale pane Burke!
BURKE: Totiž, ještě víc a víc omládla! Zkrátka, je čím dál tím mladší a mladší! Však její maminka, paní Outěchová, vdova po strojívdci, je vzácná a obětavá žena. Zlaté ruce! Nuž, a já se vypravím teď s poutnickou holí nahoru k temné půdě, děti, snesu dolů knihu, kolego, nejlepšího a nejvýraznějšího přítele člověka!⁴ (Smoček 1967: 66)

---

2 Dt. Übers. der Verfasserin:

»BURKE: Geh, du intellektueller Kindskopf! Ich bin nur ein Wissenschaftler, ein Amateur! (Tichý holt ein Notizbuch heraus und macht sich Notizen.) So etwas wie Goethe früher! Denn sehen Sie (ernster und schöner), das Gute müssen wir in uns selbst suchen, damit wir es erkennen und andere überzeugen können.«

3 Dt. Übers. der Verfasserin:

»BURKE: Ich bin nur ein Philanthrop – ein Amateur, so wie es früher Dr. Schweitzer war. Das ist alles.«

4 Dt. Übers. der Verfasserin:

»BURKE: Aus meiner Sicht, ist Fräulein Svatava in den drei Monaten, in denen ich nicht hier war, viel jünger geworden!

SVATAVA: Aber Herr Burke!

BURKE: Nun, noch wesentlich jünger geworden! Kurz gesagt, sie ist immer jünger geworden! Doch ihre Mutter, Frau Outěchová, die Witwe eines Lokführers, ist eine besondere und engagierte Frau. Goldene Hände! Nun, ich gehe jetzt mit dem Pilgerstab auf den dunklen Boden, Kinder. Ich werde ein Buch herunternehmen, Kollege, den besten und ausdrucksstärksten Freund des Menschen!«

Die Sprachcharakteristik von Dr. Burke weist auf sein mechanisches Denken und Handeln hin, das nach Außen durch eine Art höheren Auftrag im Namen der Erziehung gerechtfertigt wird. In dem Moment, in dem das Leben des seltsamen alten Junggesellen aus dem Gleichgewicht gerät, gibt der scheinbar harmlose Rentner seine hochfliegenden Ideale auf und wird zu einem unberechenbaren Mörder. Seine Rede wird zusehends durch Flüche, Vulgarismen und Kraftausdrücke beherrscht:

OUTĚCHOVÁ: Co je tam?

BURKE: Bramborové divadlo, vy švestko! Vy smrdutá tresko! (Stařena v hrůze vykřikne, strne a skácí se na zem.) Šlohla ji pepka. (Burke na ni chvíli hledí.) A je to. (Stěhuje mrtvolku za nohy.)⁵ (Smoček 1967: 82)

Burkes wiederholt geäußerter Wunsch, die Welt neu zu veredeln, wird ad absurdum geführt, wenn er in Schwierigkeiten gerät und seine Ideale mit groben Worten und beleidigenden Handlungen leugnet. Das Prinzip der Demaskierung des Protagonisten gilt auch für das folgende Stück *Bludiště*, das dem zeitgenössischen absurden Drama nahekommt. Kein Wunder also, dass diese Groteske mit dem Untertitel *Versuch eines Interviews vor dem Eingang* schon bei ihrer Entstehung zu allegorischen Interpretationen verführte. Vor dem streng bewachten Eingang zu einem Labyrinth aus Hecken, spricht ein anonym Mann mit dem Pförtner, der Gäste mit einer offiziellen Zeremonie eintreten lässt, aber niemanden hinauslässt. Er folgt strengen Gesetzen, die es ihm nicht erlauben, eine Ausnahme zu machen und den Eingang als Ausgang zu nutzen:

MUŽ: Vždyť je to vlastně taky východ, ne?

VRÁTNÝ: Jak východ?

MUŽ: Rozumějte! Když se napíše z druhé strany »Vchod«, rozumíte –

VRÁTNÝ: To se ví, že rozumím.

MUŽ: Lidé by sem vlastně vcházel, rozumíte?

VRÁTNÝ: Co jestli rozumím? To se ví, že rozumím. Mně to nemusíte pořád

---

5 Dt. Übers. der Verfasserin:

»OUTĚCHOVÁ: Was ist da?

BURKE: Kartoffeltheater, du Pflaume! Du stinkender Kabeljau! (Die alte Frau schreit entsetzt, erstarrt und fällt zu Boden.)

Sie hat einen Anfall bekommen. (Burke starrt sie eine Weile an.) Und das war's. (Er zieht die Leiche an den Beinen.)«

zdůrazňovat. Co říkáte, není stejně logický. – Logický je, že když je tohle východ, jo, tako není zároveň východ, to se na mě nezlobte!⁶ (Smoček 1967: 106)

Die sprachliche Charakteristik der Figur des Pfortners ist ähnlich erfinderisch wie bei dem Protagonisten des vorherigen Stückes. Zunächst tritt der Pfortner als gewissenhafter Angestellter einer unbekannten Institution auf, deren volkstümlich stilisierte Sprache die Einhaltung von festgelegten Normen unterstreicht. Erst während eines langen Gesprächs mit dem Mann erscheint allmählich sein wahres Gesicht. Er muss den neugierigen Fragen nach dem Schicksal der Menschen standhalten, die unachtsam in das Labyrinth eingetreten sind, aber auch der Frage, ob es überhaupt einen Ausgang gibt. In diesen Momenten verstärkt sich die Fröhlichkeit seiner Rede und es beginnen sich Manifestationen gewalttätiger Drohungen durchzusetzen:

VRÁTNÝ: Ale, ale, ty seš nákej outlocitnej! Takhle nebudeš dlouho živ. Dyž se tak na tebe dívám, tak bych ti vlastně nejradši dal pár facek. Zkopal bych tě a hned bys viděl právo. Hned by se ti jinak líbilo na světě.⁷ (Smoček 1967: 114)

Schließlich muss der Mann, der nach dem Schicksal anderer sucht, paradoxerweise selbst im Labyrinth nach Erlösung suchen, nachdem der aggressive Pfortner die Kontrolle verloren und ihn mit einer Axt in der Hand angegriffen hat. Im Kontext des satirischen Dramas der 1960er Jahre erscheint das Stück als allegorische Darstellung des politischen Regimes:

Místo zvané bludiště, to je typická parabolická fikce poukazující k organizované nesvobodě za tzv. socialismu. Každý smí dovnitř, tam se chová a pohybuje podle možností daných mezemi, ale nikdo nesmí ven.

---

6 Dt. Übers. der Verfasserin:

»MANN: Es ist eigentlich auch ein Ausgang, nicht wahr?

PFÖRTNER: Wie Ausgang?

MANN: Verstehen Sie! Wenn man auf der anderen Seite »Eingang« schreibt, verstehen Sie –

PFÖRTNER: Natürlich verstehe ich das.

MANN: Die Leute würden tatsächlich hier reinkommen, verstehen Sie?

PFÖRTNER: Was soll ich verstehen? Natürlich verstehe ich das. Das muss man nicht immer wieder betonen. Was Sie sagen, ist nicht so logisch. – Die logische Sache ist, dass wenn dies der Eingang ist, ja, kann es nicht der Ausgang sein, seien Sie mir nicht böse!«

7 Dt. Übers. der Verfasserin:

»PFÖRTNER: Aber, aber, du bist irgendwie zimperlich! Du wirst so nicht lange leben. Wenn ich dich so anschau, würde ich dir eigentlich lieber ein paar Ohrfeigen geben. Ich würde dich lieber mit dem Fuß treten, und dann würdest du gleich dein Recht sehen. Gleich würde die Welt anders aussehen.«

Životní prostředí se po všech stránkách stává institucí, která se ve hře projevuje jenom příležitostnými náznaky.⁸ (Hořínek 1995: 118–119)

Zu den von Hořínek erwähnten Hinweisen zählen die fernen Stimmen der Wanderer im Labyrinth, vor allem aber das Verhalten des Pförtners, der die Institution direkt personifiziert, als er am Eingang eine vorübergehende Residenz mit Stühlen, einer Bierkiste, Steinen und einer Axt für den Holzhacker errichtet. Er wird von seinem Labyrinth angezogen, so dass er noch nicht die Zeit und Gelegenheit hatte, zu prüfen, ob es überhaupt möglich ist, diesen geschlossenen Raum zu verlassen. Eine ähnliche Faszination für den unbekannten Raum zeigt sich auch im Verhalten des Mannes, der rein zufällig am Eingang erscheint und ungläubig versucht, sich mit der Bedeutung der ganzen merkwürdigen Institution auseinanderzusetzen.

Ladislav Smočeks Stücke *Podivné odpoledne dr. Zvonka Burkeho* und *Bludiště* zeigen die Paradoxa menschlichen Verhaltens unter den angespannten Bedingungen einer verschärften Modellsituation. Die Protagonisten beider Stücke sind durch ein Gefühl der Gefahr verbunden, weil ihre Vorstellungen von Frieden und einem glücklichen Leben gebrochen werden. Dr. Burke ist nicht in der Lage, eine Änderung des Stereotyps seines Junggesellendaseins zu akzeptieren, und der harmlose alte Mann wird unter dem Einfluss der Umstände zu einem aggressiven Gewalttäter, der seine Mitbewohner bewusstlos macht und sie zynisch in einem Schrank aufbewahrt. Der Pförtner vor dem Labyrinth wird ebenfalls von seinem Stereotyp abgelenkt, diesmal durch unangenehme Fragen, die er in seiner eigenen plebejischen Unterordnung nie beantworten kann. Auch er ändert unerwartet sein Verhalten, nimmt in einer angespannten Situation die Axt auf, die bisher nur zum Holzhacken verwendet wurde, und setzt sie als gefährliche Waffe gegen den penetranten Fragensteller ein.

Beide Protagonisten in den Stücken Smočeks sind sprachlich stark charakteristisch. Während in der ersten Hälfte der Stücke ihre Sprache von Phrasen im weitesten Sinne des Wortes und in den verschiedensten Veränderungen dominiert wird, äußern die Figuren in den letzten Phasen in Krisensituationen erlernte Phrasen und bedeutungslose Floskeln und entlarven sich durch Aggression von Handlungen und Worten. Ihr primitiver Ausdruck spiegelt den wahren Zustand der Seele wider und verweist nicht nur auf die satirische, sondern auch auf die tragische Dimension der

---

8 Dt. Übers. der Verfasserin: »Ein Ort namens Labyrinth ist eine typische parabolische Fiktion, die auf organisierte Nichtfreiheit im sog. Sozialismus hinweist. Jeder darf rein. Hier benimmt und bewegt er sich gemäß den Möglichkeiten mit gegebenen Grenzen, aber niemand darf nach draußen. Die Umwelt wird zu einer Institution, die sich im Stück nur in gelegentlichen Hinweisen manifestiert.«

Charaktere. Smoček verband daher bewusst die grotesken und tragikomischen Positionen menschlichen Handelns unter angespannten Bedingungen und stellte damit die Frage nach dem freien Willen. Seine Stücke aus der Mitte der 1960er Jahre erweitern mit ihrer sprachlichen Raffinesse und ihrem thematischen Mut das Genrespektrum des zeitgenössischen tschechischen Dramas bemerkenswert um eine absurde Groteske, in der sich menschliches Handeln in seiner ganzen Komplexität in bewusst verschärften und unvorhersehbaren Situationen darstellt.

Literaturverzeichnis

Hořínek, Z. (1995): *Cesty moderního dramatu*. Praha.

Smoček, L. (1967): *Piknik, Podivné odpoledne dr. Zvonka Burkeho, Bludiště*. Praha.

Smoček, L. (2002): *Činohry a záznamy*. Hrsg. von R. Přemysl. Brno.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Strategien der Emotionsdarstellung in der russischen Kinder- und Jugendliteratur des 20. und des 21. Jahrhunderts

Im Zentrum des Beitrags steht die Analyse des komplexen Themas Emotionen von Figuren in russischer Kinder- und Jugendliteratur mit seiner historischen und sozialen Dimension. Dabei werden Emotionen als mentale, intersubjektive, kulturell bedingte und sprachlich kodierte Textphänomene aufgefasst. Die Emotionsdarstellungen werden im betrachteten Korpus, das sich über einen Zeitraum von 100 Jahren erstreckt, identifiziert und typologisiert.

This paper will discuss manifestations of emotions in historical and social narratives in Russian children's and young adult literature. It is to be assumed that emotions are mental, intersubjective, culturally determined, and linguistically encoded textual phenomena. The article offers a typology of explicit and implicit emotions in selected books for children and young adults in a corpus that extends over a period of 100 years.

Eine wesentliche ästhetische Konstituente der Kinder- und Jugendliteratur bilden Emotionsdarstellungen von Figuren. Emotion wird im Rahmen dieses Beitrags als ein mentales Phänomen aufgefasst, das emergente Eigenschaften des physischen Gesamtsystems darstellt, auf einer physiologischen Grundlage beruht, soziokulturell etabliert und sprachlich kodiert ist (vgl. Winko 2003: 109). Dementsprechend werden Emotionen als intersubjektive Textphänomene und nicht als Rezeptionsphänomene (vgl. Alfels 1996) einer poetologischen Reflexion unterzogen. Die sprachlichen Mög-

lichkeiten Emotionen zu gestalten, werden nach ihrer Erscheinungsform an der Textoberfläche differenziert. Die explizite Thematisierung von Emotionen erfolgt mittels deskriptiver Emotionswörter. Die Indizierung wird mittels des gesamten Spektrums der stilistisch-rhetorischer Mittel meistens implizit verwirklicht. Emotionen können auf der Ebene der *histoire* dominante Elemente der Handlung bilden. Sie können Aktionen von Figuren fundieren, auslösen oder auch verhindern (vgl. Hielscher 1996). Darüber hinaus können Emotionen die Schilderung einer Situation, einer Landschaft und eine bestimmte gegenständliche oder Figurenkonstellation motivieren. Das allgemein formulierte Ziel lässt sich durch folgende Fragen präzisieren: Welche Emotionen werden besonders häufig und differenziert implizit indiziert und explizit thematisiert? Wie werden sie auf der Ebene des *discours* vermittelt? Welche Rolle spielen Emotionen auf der Ebene der *histoire*? Wie lassen sich die Darstellungs- und Indizierungsmöglichkeiten von Emotionen typologisieren? Diese Fragen bedingen die Identifikation und Analyse von sprachlichen Mitteln. Ein besonderer Wert wird auf die intertextuellen Bezugnahmen gelegt, die eine äußerst wirksame Strategie darstellen, Veränderungen innerer Welt von Figuren anzuzeigen. Die Auswahl der kinder- und jugendliterarischen Werke mit historischer und sozialer Dimension bemisst sich nach ihrem exemplarischen Charakter für die Explikation von Emotionen der Figuren. Das Textkorpus erstreckt sich über einen Zeitraum von 100 Jahren und umfasst 20 Werke. Die geografische Beschränkung ermöglicht eine kulturell kontextualisierte Untersuchungsperspektive.

Emotionsspektrum

In der Kinder- und Jugendliteratur mit historischer und sozialer Dimension wird der größte Teil des Emotionsspektrums gestaltet. An der Spitze der imaginären Skala stehen verschiedene Varianten von elementaren Emotionen. Als erstes ist Angst als diffuses Angstgefühl vor Ungewissheit in Bezug auf die Zukunft und als konkrete Furcht vor dem Tod zu nennen (vgl. Verkin 2012; Pristavkin 1990; Gromova 2017, 2021; Dubrovin 2015). Angstausslösend wirkt auf die Figuren die bevorstehende Trennung von der vertrauten sozialen und geografischen Umgebung (vgl. Il'ina 2015; Kataeev 1944; Pinjasov 1982; Voronkova 2015; Voskresenskaja 1969; Čudakov 2012; Ognev 1927; Eličin 2011).

An zweiter Stelle findet sich Trauer, die mit dem schmerzlichen Heimweh, mit einer starken unbefriedigten Sehnsucht nach Geborgenheit oder nach einem noch nicht erzielten Entwicklungszustand kombiniert wird (vgl. Sabitova 2011, 2012; Verkin 2012). An dritter Stelle folgt eine positive Emotion, nämlich die Freude darüber, einen Freund

zu haben und/oder Freude an einem essbaren Gegenstand, an der Kleidung sowie Freude an einem Ereignis, wie dem Schulbeginn und besonders an dem Lese- und Wissenserwerb (vgl. Sabitova 2012; Oseeva 2017). Freude am Überleben wird mit dem Staunen darüber verbunden (vgl. Verkin 2012; Pristavkin 1990; Oseeva 2017; Aleksin 2012; Belych / Panteleev 2017; Čudakov 2012; Alekseevič 1985; Gromova 2017, 2021). Diese basale Emotion kann durch die komplexe der Liebe ergänzt werden. Sie zeigt sich in diversen Erscheinungsformen – als eine innige und tiefe Liebe zu Eltern, Geschwistern, Freunden und Mitstreitern; als eine altruistische Nächstenliebe, die den Vertretern von verfeindeten ethnischen Gruppen gilt; und schließlich als Natur- und Heimatliebe. Die Spielarten der komplexen Emotion Liebe werden in verschiedenen Intensitätsstufen dokumentiert. Jedoch tritt Liebe als ein sinnliches, psychophysisches Verlangen von großer Intensität, das auf eine beiderseitig gewollte psychische und physische Vereinigung mit dem geliebten Menschen abzielt, selten in Erscheinung. Vereinzelt wird diese komplexe Emotion als ein Konglomerat aus dem Empfinden von unbeantworteter Liebe, elegischer Traurigkeit, erdrückender Melancholie und brennender Sehnsucht indiziert (vgl. Verkin 2012: 153). Sehnsucht kann in ihrer positiven Variation als Hoffnung vorkommen. Als ihr Kompliment erscheint in diesem Fall die elementare Emotion der Freude (vgl. Sabitova 2011, 2012). Hoffnung wird stets als ein Gefühl konzipiert, das man niemals verlieren darf (vgl. Elčín 2011; Sabitova 2012; Verkin 2012; Pristavkin 1990). Die Versinnbildlichung der lebensrettenden Hoffnung erfolgt mit Hilfe von Naturbeschreibungen und Jahreszyklustopoi (vgl. Verkin 2012; Pristavkin 1990; Gromova 2017; Voronkova 2015; Voskesenskaja 1969).

An vierter Stelle folgt die Wut. Allerdings werden Wut und der mit ihr oft korrelierende Aspekt der Rache abgeschwächt dargestellt. Hass findet sich kaum. Wenn diese komplexen Emotionen doch in die Narration eingebunden werden, dann dienen eine inhumane Brutalität der konträren Figuren (vgl. Verkin 2012: 27) oder eine temporäre Affektreaktion auf Ungerechtigkeit als ihre Auslöser (vgl. Belych / Panteleev 2017: 74, 174, 362; Oseeva 2017: 78, 95). Diese negativen Emotionen münden jedoch nicht in ein aggressiv-destruktives Verhalten. Die Indizierung von Hass und Wut motiviert vielmehr zum Nachdenken über eine sinnlose Gewalt sowie über die Ignoranz der Konsequenzen ihrer Einwirkung, die allusiv von Kant (vgl. Kant 1870) und Arendt (vgl. Arendt 2007) lancierten philosophischen Theorien über die (böse) Natur des Individuums in Erinnerung ruft (vgl. Pristavkin 1990: 206). Diese Vorgehensweise betont humanistisch-moralische Implikationen der Kinder- und Jugendliteratur.

Selten finden sich melancholische Einsamkeit und kräfteaubende Niedergeschlagenheit. Diese komplexen Emotionen sind an solche Situationen wie den Tod der

Eltern (vgl. Sabitova 2011: 157), der Geschwister (vgl. Pristavkin 1990: 206) und der Freunde (vgl. Verkin 2012; Elčin 2011) sowie an die lebensbedrohlichen psychischen und physischen Erkrankungen dieser geliebten Personen der narrativen Welt gebunden (vgl. Sabitova 2012: 78; Pristavkin 1990: 205). Die bedrückende Einsamkeit wird aber auch durch unüberwindbare Differenzen zwischen Geschwistern und Freunden verursacht (vgl. Pristavkin 1990; Verkin 2012; Elčin 2011). Fremdheit evoziert ebenfalls das Gefühl des trübsinnigen Alleinseins (vgl. Sabitova 2012; Pristavkin 1990; Verkin 2012; Gromova 2017; Aleksin 1994). Die jugendlichen Figuren versuchen aus dem negativ konnotierten Gefühl der traurigen Einsamkeit, Stärke zu schöpfen und ihr Selbstwertgefühl nicht zu verlieren.

Am Ende des Emotionsspektrums stehen Emotionen, die nur vereinzelt vorkommen: Neid, Eifersucht und Ekel. Dieser Befund kann mit der Überlegung plausibilisiert werden, dass diese Emotionen sozial negativ sanktionierte Verhaltensweisen darstellen. Es ist dem didaktischen Impetus geschuldet, dass Neid und Eifersucht nur angedeutet und sogleich überwunden werden. Wenn Ekel dargestellt wird, dann wird keine bildhaft-illustrative Präsentation des Auslösers anvisiert. Nur in seltenen Ausnahmefällen wird die metaphorische Visualisierung des Ekels in die Narration eingebunden (vgl. Pristavkin 1990: 27, 205).

Emotionsdarstellungen und ihre Typologie

Im Folgenden werden Emotionsdarstellungen in der Kinder- und Jugendliteratur, die sich historischen und sozialen Aspekten widmet, untersucht und nach einem hermeneutischen Verfahren in Anlehnung an, die von Simone Winko vorgeschlagene, Klassifikation für Lyrik typologisiert (vgl. Winko 2003). Sie lässt sich auf die epischen Texte transferieren.

Zum ersten Typus zählen Katachresen. Als ein Beispiel kann das Werk *Ночевала тучка золотая* fungieren (Pristavkin 1990). Der Titel verweist intertextuell auf Gedichte von Lermontov *Умѐс (Der Felsen)* und *Тучу (Wolken)* sowie auf die von ihm und Puškin geprägte metaphorische Darstellung des Kaukasus (vgl. Lermontov 1989; Puschkin 2009). *Тучу (Wolken)* repräsentieren eine hochkonventionalisierte Symbolik. Sie erscheinen als ewige Wanderer und deuten auf die emotionale Heimatlosigkeit der Zentralfiguren, ihr entschwindendes Leben und auf ihre nicht enden wollenen Pilgerfahrt hin. Das Ziel ihrer ewigen Reise ist genauso vage wie die am Himmel mit unklaren Umrissen ziellos wandernden luftigen Vagabunden.

Der Kaukasus stellt in diesem jugendliterarischen Werk ebenfalls eine Katachrese dar. Diese ist von kontradiktorischen Emotionen geprägt. Einerseits werden durch die Erwähnung des Kaukasus eine ergreifende Traurigkeit und Melancholie, die mit dem Gefühl einer paralysierenden Einsamkeit korrelieren, evoziert. Ferner ruft die Erwähnung der Heimat der Tschetschenen eine imminente Bedrohung und die daraus resultierende existentielle Angst hervor (vgl. Pristavkin 1990: 68, 72, 80, 91, 94, 105, 114, 145). Dieses Gefühl und diese elementare Emotion werden durch die Allusionen auf reale historische Persönlichkeiten (vgl. Pristavkin 1990: 5) und zugleich auf Tolstojs Figuren sowie auf ihre Dramatisierung durch den russischen Dichterkönig verstärkt (vgl. Tolstoj 2000). Andererseits wird der Kaukasus in seiner positiven Konnotation mit dem überwältigenden Gefühl der Faszination und der euphorischen Begeisterung assoziiert. Er ist ein Sehnsuchtsort, der Fernweh weckt, und zum Topos für einen glücklicheren Neuanfang wird. Diese Gefühle werden von dem Motiv der majestätischen Erhabenheit, der wunderbaren Herrlichkeit der schneebedeckten Berge und besonders der Üppigkeit der fruchtbaren Täler ausgelöst (vgl. Pristavkin 1990: 152–153). Der Kaukasus fungiert für die ausgehungerten Figuren Aleksandr und Nikolaj, die vor der Backstube der Kinderkolonie in der Hoffnung auf Brosamen lauern, als ein Füllhorn des unbegrenzten Überflusses (vgl. Pristavkin 1990: 11–17). Aber auch der gierige Leiter der Kolonie setzt Kaukasus mit der überbordenden Üppigkeit gleich (vgl. Pristavkin 1990: 19). Die phonetische Äquivalenz – *ХЛЕБОПЕЗКА – КАЗБЕК* – und die typografische Hervorhebung verstärken diese Assoziation (vgl. Pristavkin 1990: 152–153).

Ein weiteres Exempel für den ersten Typus der Emotionsdarstellung ist die Idee der Bruderschaft. Diese wird als eine Metapher zum universellen Humanismus sowie zur selbstlosen Nächstenliebe etabliert. Die Zwillinge Kuz'menyši verkörpern diese Idee in unterschiedlichen Konstellationen: Zunächst handelt es sich um eine auf der verwandtschaftlichen Beziehung beruhenden Bruderschaft zwischen Aleksandr und Nikolaj. Nach dem Tod von Aleksandr, der durch tschetschenische Kämpfer herbeigeführt wurde, wird diese humanistische Vorstellung transferiert. Die neue Bruderschaft entsteht zwischen den nicht blutsverwandten Waisenkindern: dem russischen Jungen Nikolaj und dem tschetschenischen Jungen Alchuzur (vgl. Pristavkin 1990: 208, 216, 219), die sich gegenseitig am Leben erhalten. Es wird für die Authentizität der neuen Relation plädiert: »Он же черный! А ты светлый! Какие же вы братья? – Настоящие!«¹ (Pristavkin 1990: 239). Dabei geht es nicht um die vollkommene äußere

---

1 Dt. Übers. der Verfasserin: »Er ist dunkelhaarig und dunkelhäutig und du bist blond und mit hellhäutig. Was für Brüder seid ihr denn? Echte! Wir sind echte Brüder!«

und innere Similarität, sondern um eine metaphorische Ergänzung (vgl. Pristavkin 1990: 216). Das Komplementäre wird mittels interner Fokalisierung veranschaulicht (vgl. Pristavkin 1990: 66, 137, 216, 219, 230, 239). Die Individualität der Brüder wird weder nivelliert noch assimiliert noch als ein Hindernis für die metaphorische Einigkeit dargestellt. Die Rache an Tschetschenen für den Tod des Zwillingbruders wird nicht einmal in Gedanken geplant. Dies stellt eine intertextuelle Kontrafraktur zum Lermontovs Oeuvre dar (vgl. Lermontov 1989).

Ein weiteres Beispiel für den ersten Typus der Emotionsdarstellung findet sich im Werk *Сахарный ребёнок* (vgl. Gromova 2017: 7). Die autodiegetische Erzählerin schildert im ersten Kapitel die Idylle einer glücklichen Familie und setzt sie der märchenhaften, kulturell etablierten Utopie gleich, indem sie auf Flüsse aus Milch und Ufer aus Fruchtkissel allusioniert. Die darauffolgenden Ereignisse stehen in einem starken Kontrast zu diesem glücksverheißenden Augenblick der Geborgenheit.

Dem zweiten Typus sind Situationen zuzuordnen, in denen die etablierten Formeln durch neue Metaphern ersetzt werden (vgl. Winko 2003). Als ein Beispiel ist die Idee der Familie anzuführen. In der klassischen Kinder- und Jugendliteratur korrespondiert die Darstellung des Familienlebens mit ausschließlich positiven Emotionen (vgl. Oseeva 2017: 376; vgl. Gromova 2017: 7). Pristavkin konterkariert sie kontinuierlich (vgl. Pristavkin 1990). Das Konzept der Familie degradiert für seine Figuren zu einem verfeimten Schimpfwort. Kuz'menyši reagieren mit einem großen Unverständnis, das an die aggressive Feindlichkeit grenzt, sobald sie als eine Familie bezeichnet werden: »семейными ни за что ни про что обозвали!«² (Pristavkin 1990: 137) und »про семью братья не поняли. Они этого понять не могли. Да и само слово семья было чем-то чужеродным, враждебным для их жизни«³ (Pristavkin 1990: 157). Sie wehren sich ebenfalls gegen die Bezeichnung als Waisenkinder. Diese Titulatur korreliert mit dem Konzept der einst vorhandenen Familie. Die kindlichen Figuren Aleksandr und Nikolaj sind dieser Vorstellung beraubt. Sie zweifeln sogar stark daran, je Eltern gehabt zu haben und grundsätzlich geboren worden zu sein. Es wird von ihnen selbst, in einem Bewusstseinsstrom, ein Vergleich mit Flöhen, Kakerlaken, Zecken, Mistkäfern, Heuschrecken (vgl. Pristavkin 1990: 170) und den herzlosen Strolchen, kontinuierlich hungrigen und daher unersättlichen Schakalen sowie gewissenlosen Verbrechern etabliert (vgl. Pristavkin 1990: 103). Es liegt an diesen unbeherrschten Ungeheuern, das Schlaraffenland Kaukasus in eine Wüste zu verwandeln (vgl. Pristavkin 1990: 13). Vor dem Hintergrund

2 Dt. Übers. der Verfasserin: »Man hat uns als eine Familie beschimpft.«

3 Dt. Übers. der Verfasserin: »Das Konzept Familie haben die Brüder nicht verstanden. Das Wort selbst wirkte feindselig und fremd und schädlich für ihr Leben.«

der in Soziologie etablierten (vgl. Bourdieu 1997) und literarisch tradierten Vorstellung der Familie als eine Basiseinheit einer funktionierenden Gesellschaft (vgl. Turgenew 2000; Tolstoj 2019, 2019a) lässt sich die ablehnende Reaktion der autarken und freiheitsliebenden Brüder als eine Allegorie auf die Ablehnung von starren, sozialen Strukturen einer, vom politischen Terror und Genozid geprägten, Gesellschaft deuten.

Der dritte Typus der Emotionsdarstellung lässt sich in originellen Situationen identifizieren (vgl. Winko 2003). Dabei werden typisierte Situationen, die kulturell als prototypische Emotionsauslöser gelten, modifiziert und durch innovative Konstituenten erweitert. Als ein Beispiel hierfür kann ein Kunstgriff, der oft bei der Evokation der Empathie für Figuren zum Einsatz kommt, angeführt werden. Es handelt sich hierbei um die Auflistung von favorisierten Gegenständen, bevorzugten Beschäftigungen und geliebten Personen. Als dominante indizierte Emotionen lassen sich in diesen Narrativen ausschließlich positive aufspüren. Sabitova macht von der skizzierten Variation der emotionsauslösenden Situation Gebrauch (vgl. Sabitova 2012: 7). Der extradiegetisch-heterodiegetische Erzähler lässt Ritka in der Mitte der konisch strukturierten Aufzählung, sobald es um ihre Eltern geht, traurig erscheinen (vgl. Sabitova 2012: 7). Die Metabolé wirkt vorausweisend.

Die Variation der Emotionsdarstellung stellt Pristavkin (1990: 178–185) dar, indem er seine Figuren Nikolaj und Aleksandr auf die Idee, ihren Geburtstag zu feiern, mit distanziertem Befremden und sogar mit panischer Angst reagieren lässt. Es fehlen den beiden Figuren die entsprechenden Schemata für das fröhliche Fest, für die mit delizösen Speisen feierlich gedeckte Tafel und für die Zeremonie des Beschenktwerdens (vgl. Pristavkin 1990: 185). Sie sind verwirrt, erstaunt und zutiefst erschüttert (vgl. Pristavkin 1990: 178, 181). Die Erfahrung der Fremdheit wird mit Elementen der Situationskomik kombiniert und dadurch entschärft (vgl. Kuzminykh 2023). Die Wortkombination *день рождения* (Geburtstag) wird wörtlich, als eine Tageszeit, verstanden und mit einer Frage nach einem abweichenden Zeitraum mit dem Komischen nuanciert – »Почему день? А если мы ночью родились? Или утром?«⁴ (vgl. Pristavkin 1990: 169). Mittels der Introspektion werden die Emotion der Freude sowie das Gefühl des puren Glücks thematisiert: »было томно, грустно, тихо, тепло, душевно. Счастливо было, словом«⁵ (Pristavkin 1990: 185).

Dem vierten Typus der Emotionsdarstellung sind Situationen zuzuordnen, die das emotionale Ausdrucksverhalten variieren (vgl. Winko 2003). Es handelt sich hierbei

---

4 Dt. Übers. der Verfasserin: »Warum Tag? Und was ist, wenn wir am Morgen oder in der Nacht geboren wurden.«

5 Dt. Übers. der Verfasserin: »Es war wohlthuend, schwermütig, still, warm, selig. Es war pures Glück.«

um Situationen, in denen die Manifestationsformen von Emotionen in der Diegese vom konventionellen Gebrauch differieren. Als ein Beispiel ist ein überraschend ruhiges emotionales Verhalten von Ritka zu nennen. Ihr Stoizismus wird indiziert, als sie aus einer kurzen Abschiedsnotiz erfährt, dass ihre Adoptiveltern sie nach mehreren Jahren des glücklichen Familienlebens in ein Kinderheim zurückschicken. An die Stelle des intensiven Emotionsausbruchs als eine antizipierbare Reaktion auf diesen besonders herben Schicksalsschlag tritt königliche Selbstbeherrschung der elfjährigen Figur (vgl. Sabitova 2012: 155). Emotionslos reagiert Nikolaj auf den grausamen Mord an seinem Zwilling Bruder (vgl. Pristavkin 1990: 204). Er findet die Kraft Aleksandrs gekreuzigten Leichnam vom Zaun abzunehmen. Tränen- und klaglos setzt er ihn in einen Zug und erfüllt somit Aleksandrs Wunsch, den Kaukasus zu verlassen (vgl. Pristavkin 1990: 206). In diesem symbolischen Akt der Kreuzigung wird eine Referenz auf den historischen Kontext vorgenommen, und zwar auf die strikte Ablehnung der, durch die Invasoren, aufoktroierten kulturellen, sprachlichen und besonders religiösen, Dominanz, die u.a. für die globale Kolonialismusära kennzeichnend war (vgl. Kuzminykh 2023). Die Befreiungsversuche der autochthonen Bevölkerung gingen mit martialischer Grausamkeit einher (vgl. Osterhammel 1997; Eckert 2006).

Ein weiteres Beispiel gibt Gromova, als sie ihre vierjährige Zentralfigur Stella auf äußerst brutale Handlungen des Aufsehers des Arbeitslagers mit der für Kinder unüblichen Contenance reagieren lässt (vgl. Gromova 2017: 107). Dieses Verfahren wird wiederholt eingesetzt, als die mittlerweile fünfjährige Stella die Gelegenheit bekommt, ihr eigenes Leid zu beklagen. Stattdessen weist die kindliche Figur auf die unerträgliche Lage ihrer schwer körperlich beeinträchtigten Mutter hin. Sie agiert konträr zu emotionalen Reaktionen eines Kindes, die sowohl seitens der Figuren der Diegese als auch seitens der Leser antizipiert werden (vgl. Gromova 2017: 155).

In den Situationen, die dem fünften Typus der Emotionsdarstellung zuzuordnen sind, wird das Spektrum des emotionstypischen Erfahrungsbereichs erweitert (vgl. Winko 2003). Die in Narrationen entworfenen Situationen setzten Kultureme und Behavioreme (vgl. Heringer 2017) voraus, um Emotionen aus dem literarisch tabuisierten Bereich zu gestalten.

Ein Beispiel für die Expansion des emotionstypischen Erfahrungsbereichs findet sich im Werk *Саша о Певзнерах* (Aleksin 2012). Die narrative Instanz diffamiert die kulturell etablierten Emotionsmuster des Nationalstolzes und der Pflichterfüllung, indem sie die heroische Selbstaufopferung der jüdischen Zentralfigur Boris Pevzner während des zweiten Weltkriegs in ein anderes Licht rückt. Boris, der mit einem starken Patriotismus versehen ist, wird an die Front geschickt. Seine blinde Bereitschaft,

für das Vaterland zu sterben, lässt ihn dem Befehl widerstandlos folgen. Er, der wie durch ein Wunder am Leben geblieben ist, wird zum Helden erklärt und mit einem Orden ausgezeichnet. Sein skeptischer Freund deutet diese manipulativen Entscheidungen der damaligen Regierung aus einer anderen Perspektive. Die homodiegetische narrative Instanz arbeitet mit einer scharf kontrastierenden Konstellation und evoziert durch die überspitzte Simplifizierung einerseits den verbotenen Skeptizismus gegenüber der fremden Autorität, andererseits eine differenzierte Sichtweise auf die beschönigende Auslegung historischer Fakten. Das blinde Apologetentum wird einer scharfen Kritik unterzogen.

Die leitmotivischen Mottos »Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!« oder »Сталин сделал счастливой всю страну родную!«⁶ verdeutlichen die bittere Ironie, die im Werk *Сталинский нос* zwischen den Zeilen durchscheint (vgl. Elčín 2011: 5). Ähnlich verhält es sich mit dem patriotischen Lied *Широка страна моя родная* (»Weit ist mein Heimatland«) (vgl. Pristavkin 1990: 84, 149, 229, 243), das statt des Stolzes die Verwahrlosung, Einsamkeit, Hunger, Entbehrung und Chaos mit den damit korrespondierenden Emotionen der Trauer und Angst symbolisiert (vgl. Pristavkin 1990: 84).

Die Einbeziehung von Naturbeschreibungen und Jahreszeiten, die eine Korrelation von Natur und Psyche präsentieren, bildet den sechsten Typus der Emotionsdarstellung. Die Naturphänomene dienen als eine Wahrnehmungs- und Deutungsfolie für Emotionen, deren emotionaler Wert etabliert ist. Der semantische Gehalt dieser Topoi wird einerseits durch eine lange literarische Tradition determiniert, andererseits ergibt er sich aus der Rekurrenz auf den implikativen Wissenshorizont. Dabei werden sowohl Parallelisierung als auch Kontrastierung mit Naturerscheinungen für die Darstellung von Emotionen verwendet (vgl. Sabitova 2011, 2012; Oseeva 2017; Pristavkin 1990; Gromova 2017; Verkin 2012; Pinjasov 1982; Nesterina 2020). Die Opposition zu der tradierten Korrelation der jahreszeitlichen Naturphänomene sei an einem Exempel exponiert: Sabitovas Figur Ritka kann das Ende des Sommers nicht abwarten (vgl. Sabitova 2012: 15). Der Wunsch nach Wissen und die damit einhergehenden Chancen auf ein besseres Leben (vgl. Karg / Kuzminykh 2014) dominiert die Freude über die kindliche Freiheit des sommerlichen Spiels. Der Herbst wird zur Quelle der Hoffnung (vgl. Pristavkin 1990; Oseeva 2017; Gromova 2017). Erst mit der Ankunft in der sie liebenden Adoptivfamilie und dem Finden der Geborgenheit wird der kalte dunkle Winter voller

---

6 Dt. Übersetzung der Verfasserin: »Wir danken dem Kameraden Stalin für unsere glückliche Kindheit!« und »Stalin machte das gesamte Land glücklich!«

Enttäuschungen und Entbehrungen überwunden. Der Frühling, der mit Neubeginn, mit Wärme und Glück assoziiert wird, bricht an und spiegelt den seelischen Zustand der mittlerweile jugendlichen Figur wider. Entscheidend ist die Schlusspositionierung des Frühlings, die den glücklichen Ausgang der Handlung verstärkt.

Fazit

Den Ausgangspunkt dieser Untersuchung bildete die Hypothese, dass Emotionen sich als intersubjektive, mentale Phänomene, die soziokulturell etabliert und sprachlich kodiert sind, untersuchen lassen. Die ästhetischen Verfahren Emotionen zu gestalten, wurden in eine explizite Thematisierung, die mittels deskriptiver Emotionswörter erfolgt, und in eine implizite Indizierung, die mit Hilfe des rhetorisch-stilistischen Repertoires verwirklicht wird, differenziert. In der Kinder- und Jugendliteratur mit historischer und sozialer Dimension ließen sich unterschiedliche Typen der impliziten Emotionsdarstellung identifizieren: Katachresen, originelle Metaphern und Situationen, Variationen des emotionalen Ausdrucksverhaltens sowie des emotionstypischen, kulturell etablierten Erfahrungsbereichs und schließlich Naturbeschreibungen, und Jahreszeitentopoi, die ein Psychologem der Figuren darstellen. Es konnte das gesamte Spektrum der menschlichen Emotionen identifiziert werden, an dessen Spitze elementare Emotionen stehen. Sie werden durch komplexe Emotionen und Gefühle ergänzt, damit das Verstehen und das Nachempfinden innerer Welten der Figuren und Empathie für diese evoziert werden können.

Literaturverzeichnis

- Alekseevič, S. (1985): *U voiny ne ženskoe lico*. Moskva.
Aleksin, A. (1994): *Saga o Pevznerach*. Moskva.
Alfels, H. (1995): *Literatur und Gefühl*. Opladen.
Arendt, H. (2007): *Über das Böse. Eine Vorlesung zu Fragen der Ethik*. München.
Belych, G. / Panteleyev, L. (2017): *Respublika ŠKID*. Moskva.
Bourdieu, P. (1997): *Soziologische Fragen*. Frankfurt am Main.
Dubrovin, V. (2015): *Malčiški v sorok pervom*. Moskva.
Eckert, A. (2006): *Kolonialismus*. Frankfurt am Main.
Elčin, E. (2011): *Stalinskij nos*. Moskva.

- Gromova, O. (2017): *Sacharnyj rebënok*. Moskva.
- Gromova, O. (2021): *Val'chen*. Moskva.
- Heringer, H.-J. (2017). *Interkulturelle Kommunikation*. Tübingen.
- Hielscher, M. (1996): *Emotion und Textverstehen. Eine Untersuchung zum Stimmungskongruenzeffekt*. Opladen.
- Il'ina, E. (2015): *Četvertaja vysota*. Moskva.
- Karg, I. / Kuzminykh, K. (2014): *Sprache und Literatur als Bildungskomponenten*. Frankfurt am Main.
- Kant, I. (1870): *Zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. Berlin.
- Kataev, L. (1944): *Syn polka*. Moskva.
- Kuzminykh, K. (2021): »Spitzbuben«. In: Weigl et. al. (Hrsg.): *Junge Slavistik im Dialog*. Beiträge zur XV. Internationalen Slavistischen Konferenz. Hamburg, S. 155–169.
- Kuzminykh, K. (2023): »Die kulturelle und historische Dimension der Kinder- und Jugendliteratur am Beispiel des Kriminalthrillers ›Zartbittertod‹ von Elisabeth Herrmann«. In: *Studia Germanica Gedanensia* (48), S. 65–74, <https://doi.org/10.26881/sgg.2023.48.05>.
- Lermontow, M. (1989): *Ausgewählte Werke*. Frankfurt am Main.
- Nesterina, O. (2020): *Ugnannoe pianino*. Moskva.
- Ognev, N. (1927): *Dnevnik Kosti Rjabceva*. Moskva.
- Oseeva, V. (2017): *Dinka*. Moskva.
- Osterhammel, J. (1997): *Kolonialismus. Geschichte. Formen, Folgen*. München.
- Pinjasov, Ja. (1982): *Obyknovennye varežki*. Moskva.
- Pristavkin, A. (1990): *Nočevala tučka zolotaja*. Moskva.
- Puschkin, A. (2009): *Der Gefangene im Kaukasus*. Frankfurt am Main.
- Sabitova, D. (2011): *Gde net zimy*. Moskva.
- Sabitova, D. (2012): *Tri tvoich imeni*. Moskva.
- Tolstoj, L. (2000): *Hadschi Murat: Eine Erzählung aus dem Land der Tschetschenen*. Zürich.
- Tolstoj, L. (2019). *Anna Karenina*. München.
- Tolstoj, L. (2019a). *Meine Beichte*. München.
- Turgenjew, I. S. (2000). *Väter und Söhne*. Frankfurt am Main.
- Čudakov, A. (2012): *Ložitsja mgla na starye stupenki*. Moskva.
- Voronkova, L. (2015): *Devočka iz goroda gusi lebedi*. Moskva.
- Voskresenskaja, Z. (1969): *Kostrj*. Moskva.
- Winko, S. (2003): *Kodierte Gefühle*. Berlin.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Концептуальное поле «гомосексуальный мужчина» в польском и русском языках на примере романа *Любиево* М. Витковского и его перевода на русский язык Ю. В. Чайниковым

In dem Artikel werden die Unterschiede in der Realisierung des konzeptuellen Feldes ›homosexueller Mann‹ in der polnischen und in der russischen Sprache am Beispiel von M. Witkowskis Roman *Lubiewo* und seiner Übersetzung ins Russische von J. V. Čajnikov sowie die vom Übersetzer angewandten Übersetzungsstrategien dargestellt.

The aim of the article is a confrontational analysis of the conceptual field ›homosexual man‹ in Polish and Russian languages based on the expressions referring to homosexual men in M. Witkowski's novel *Lubiewo* and its translation into Russian by Y. V. Chaynikov. The analysis concerns also strategies used by the translator.

Целью настоящей статьи является сопоставление реализации концептуального поля «гомосексуальный мужчина» в польском и русском языках на материале наименований геев в романе *Любиево* М. Витковского (2005) и его переводе на русский язык Ю. В. Чайниковым (2007).

Роман М. Витковского был первым литературным произведением, относящимся к среде гомосексуальных мужчин, которое стало широко известным в Польше и за рубежом, и позволило большей аудитории в первый раз проникнуть внутрь гомосексуальной среды и одновременно познакомиться с её социолектом. Он шокировал своих читателей прежде всего языковым слоем, отражающим жаргон представляемой социальной группы,

переполненный вульгаризмами, касающимися главным образом человеческой сексуальности (ср. Dyszak 2012b: 40–41).

Уникальность концептосферы романа *Любиево* вытекает, во-первых, из принадлежности автора к гомосексуалистам как социальной группе, а, во-вторых, из его принадлежности к тому поколению польских геев, которое испытало действительность перелома Польской Народной Республики и Третьей Речи Посполитой, т. е. двух разных периодов в современной истории Польши и присутствия геев в социальном дискурсе. По этим причинам структура концептуального поля «гомосексуальный мужчина» в романе М. Витковского может отличаться от его структуры в современном общелитературном польском языке, хотя состоит из одних и тех же концептов, наличие которых подтверждается работами лингвистов (ср. Rodzoch-Malek 2012; Dyszak 2012a).

В романе *Любиево* ядром концептуального поля «гомосексуальный мужчина» является концепт *ciotka*, на что указывает частотность его употребления, а также доминирующая роль в композиции произведения, поскольку сюжеты, составляющие вторую часть романа, объединены именно заглавием *Ciotowski bicz* (*мёткин кнут*). Поверхностные проявления концепта *ciotka* – это две взаимозаменяемых аллолексы *ciota* и *ciotka*, которые относятся ко всем гомосексуальным мужчинам, представленным в романе.

Когнитивная дефиниция¹ понятия *ciotka*, вытекающая из сюжета романа, состоит из следующих характеристик: *ciotka* – это мужчина, который ощущает половое влечение к другим мужчинам, одновременно принимая стереотипные признаки поведения женского гендера, в необязательно осведомлённом им самим процессе, называемом *przeżeganie/przeżęcie* (манерность), позволяющем другим опознать его как гомосексуалиста. В языковом слое романа *przeżęcie/przeżeganie* выражается употреблением прозвищ, а также адресативных обращений в женском роде. *Cioty* и *ciotki* в романе сопоставлены понятию *geje*, так как эти две лексемы относятся к двум разным группам гомосексуалистов. *Cioty* и *ciotki* символизируют уходящий в прошлое мир гомосексуалистов эпохи Польской Народной Республики, а *geje* ассоциируются с новой посткоммунистической, перенесённой с Запада, действительностью, например:

---

¹ Термин когнитивная дефиниция употребляется в значении, определённом Е. Бартминским (Bartmiński 2009: 36–53).

Staruszek portier z uśmiechem dawał klucz! Klucze i ręczniki wydawała w saunie najsłynniejsza ciota Wrocławia – sama Łucja Kapielowa.² (Witkowski 2006: 64)

Napisz koniecznie książkę o nas, o nas – Gejach ... Musi to być historia dwóch gejów z klasy średniej, z wyższym wykształceniem, doktorantów z zarządzania i finansów, w okularach, w sweterkach.³ (Witkowski 2006: 152)

Приядерная зона концептуального поля «гомосексуальный мужчина» в *Любиево* реализуется за счёт лексических и грамматических средств. К лексическим принадлежат номинации гомосексуальных мужчин, свойственные также общелитературному польскому языку. Это лексемы *cwel*, *gej*, *homoseksualista*, *pedał*, *pederasta*, которые в концептосфере романа остаются в гипонимическом отношении к концепту *ciotka* и все могут толковаться при помощи гиперонима *ciot(k)a*. К грамматическим средствам принадлежит также употребление тётками формы женского рода в глагольных формах прошедшего времени, которое может варьировать даже в рамках одного коммуникативного акта.

Не теряя характеристику центрального концепта *ciotka*, перечисленные выше понятия обладают латентными признаками, которые, что видно особенно на примере перевода на русский язык, воспринимаются по-разному в зависимости от принадлежности участников коммуникативного акта к описываемой социальной группе. Согласно анализу романа *Любиево*, можно привести следующие когнитивные дефиниции этих понятий:

- *gej* – это *ciotka*, которая не хочет показать свою манерность и не употребляет форм женского рода по отношению к себе и к другим тёткам;
- *pedał* – это наименование тётки, при помощи которого не-тётки хотят её обидеть, например:

---

2 Русск. перевод Ю. Чайникова: «Старый портье улыбался и ключик давал! Ключи и полотенца выдавала в сауне самая знаменитая из вроцлавских тёток – сама Луция Банная.» (Витковский 2007: 59).

3 Русск. перевод Ю. Чайникова: «Обязательно напиши книгу о нас, о Геях... Это должна быть история двух геев из среднего класса, с высшим образованием, кандидатов наук по управлению и финансам, в очках, в свитерочках...» (Витковский 2007: 121).

[...] nie czułem tego, choć mnie lali i słyszę – zdechniesz ty pedale.⁴ (Witkowski 2006: 63);

- *swel* – это наименование тётки, при помощи которого не-тётки хотят её обидеть:

«Cwele» tam krzyczeli, jeden stanął cały w oknie, w kratkach, niby że jebie kraty, tak się rozporkiem ocierał.⁵ (Witkowski 2006: 60);

- *homoseksualista* – это наименование тётки, которым тётки пользуются в общении с не-тётками, например, когда один из геевских персонажей романа обращается к туалетной смотрительнице:

Pani wie, że tam trzech homoseksualistów siedzi w środku?⁶ (Witkowski 2006: 246);

- *pederasta* – это наименование тётки, которым пользуются исключительно не-тётки:

Dla nowicjuszy, którzy właśnie po raz pierwszy mieli spróbować, bo wywiedzieli się psim śwędem, gdzie się spotykają pederaci, stolki zawsze były pierwszym wrogiem.⁷ (Witkowski 2006: 58).

Тождество толкований *swel* и *pedał* оправдывается переводом на русский язык, в котором обе лексемы переведены как оскорбление *пидор*, например: «To jakiś łuj, co go znała pewnie z któregoś obciągu, za nim: – Cwel, cwel»⁸ (Witkowski

---

4 Русск. перевод Ю. Чайникова: «Я не чувствовал, как меня били, а лишь слышал: «сдохнешь тут, пидор»» (Витковский 2007: 58).

5 Русск. перевод Ю. Чайникова: «Нам кричали «Козлы», один встал во весь рост в окне, прижался к решетке, как будто решетку эту пялит, так терся об нее ширинкой» (Витковский 2007: 55).

6 Русск. перевод Ю. Чайникова: «А вы знаете, что там внутри три гомосексуалиста сидят?» (Витковский 2007: 201).

7 Русск. перевод Ю. Чайникова: «Для новичков, случайно узнавших о месте встреч педерастов с теми, кто решился впервые попробовать, барный табурет всегда был главным врагом» (Витковский 2007: 36).

8 Русск. перевод Ю. Чайникова: «Так какой-то телок, видать, знавший ее, за ней увязался: — Пидор, пидор» (Витковский 2007: 141).

2006: 178) или «[...] nie czułem tego, choć mnie lali i słyszę – zdechniesz ty pedale»⁹ (Witkowski 2006: 63).

Cwel в значении самой низкой степени в тюремной иерархии исключён из этого набора наименований, потому что мужчина, принуждённый к половому сношению с другим мужчиной, не может толковаться при помощи гиперонима *ciota/ciotka*.

Переводческие стратегии Ю. В. Чайникова

Переводчик романа *Любиево* на русский язык, Ю. В. Чайников, придерживался к обязывающей в России норме перевода, т. е. стремлению к форенизации перевода с целью сохранения локального колорита исходного текста. Это выражается в первую очередь в лексическом переносе лексемы *ciot(k)a*, который не является лишь переносом лексемы, а переносом целого концепта *ciota* с его коннотативным значением, поскольку единственным семантическим компонентом этимологически эквивалентной лексемы *tётка* в плане её содержания является компонент «гомосексуальный мужчина». Этот лексический перенос ведёт к аппроксимации лексемы *ciot(k)a* в переводящем языке, так как референциальное значение этой лексемы по отношению к гомосексуальным лицам в русском языке лишь частично совпадает с референциальным значением в польском языке. Можно предполагать, что концепт *ciota* не мог возникнуть в русскоязычном лингвокультурном пространстве, потому что из-за преследований представители этой социальной группы в правовых условиях Советского Союза не могли ничем отличаться от остальных членов советского общества. Поэтому конститутивный компонент «поведение, свойственное женскому гендеру, в необязательно осведомлённом процессе, называемом *przeżeganie/przeżęcie*» по отношению к концептосфере русского языка не мог возникнуть, поскольку опознание кого-то как гомосексуалиста могло вести к уголовной ответственности. Носители геевского аргота могли позволить себе быть опознанными по своему вербальному и невербальному поведению лишь в своей социальной среде, исключительно носителями того же аргота. Этим путём можно также объяснить отсутствие в переводе

---

⁹ Русск. перевод Ю. Чайникова: «Я не чувствовал, как меня били, а лишь слышал: «сдохнешь тут, пидор»» (Витковский 2007: 58).

свойственного современному гомосексуальному жаргону концепта *манерность*, являющегося прямым эквивалентом польского *przebiegłość/przeginięcie*, и употребление переводчиком семантического неологизма *хабальство*.

Можно прийти к выводу, что Ю. В. Чайников, нашёл золотую середину между форенизацией и натурализацией (русификацией) номинаций геев в переводе на русский язык, потому что ввёл наименования гомосексуальных лиц, свойственные русскому гомосексуальному арго в тех местах, в которых они не нарушают семантической адекватности перевода. В этих случаях Чайников воспользовался конкретизацией и аппроксимацией, так как выбранные им лексемы переводящего языка обладают более узкой коннотацией или в нескольких случаях лишь частично совпадают по значению с номинациями исходного языка, например:

- *milutki* (милый) → *лапочка* (милый гомосексуалист) (ср. Mielke 1995: 33);
- *paż* (деликатный молодой мужчина) → *колокольчик* (деликатный молодой мужчина-гомосексуалист) (ср. Mielke 1995: 35);
- *pani kochana* (ласковое обращение к женщине) → *милочка* (ласковое обращение к мужчине-гомосексуалисту) (ср. Mielke 1995: 35);
- *szmata* (женщина непристойного образа жизни) → *пудовка* (мужчина-гомосексуалист непристойного образа жизни) (ср. Mielke 1995: 36);
- *kurwa, kurwisczce, ździra, kurwison* (женщина непристойного образа жизни) → *прошмандовка* (мужчина-гомосексуалист непристойного образа жизни) (ср. Mielke 1995: 37).

Переводчик использовал также константные соответствия между польским и русским языками, базирующиеся, с одной стороны, на родственности русского и польского языков, а, с другой стороны, на греко-римском наследии и периоде влияния западноевропейских языков (немецкого, французского, а в течение последних 60 лет – английского). К этим константным соответствиям принадлежат пары: *pedał* – *пудор* (*неда*), *gej* – *гей*, *homoseksualista* – *гомосексуалист*, *pederasta* – *недераст*.

Константным соответствием, вытекающим, не из культурно-языкового европейского наследия, а подобия тюремно-лагерной культуры, является пара лексем *swel* – *козёл*, которые образуют поверхностные проявления концепта представителей самого низкого слоя в тюремной иерархии.

Заклучение

Нужно иметь в виду, что и язык романа Любеево М. Витковского, и язык его перевода, автором которого является Ю. В. Чайников, отражают определённый исторический момент, когда сексуальные меньшинства как в России, так и в Польше ощущали поступающую демократизацию общества и государственных структур. Поэтому геевский социолект первого десятилетия XXI в. в обеих странах можно определить как жаргон. Не исключено однако, что из-за принятого Госдумой в 2013 году так называемого запрета гомосексуальной пропаганды и существующих в Польше с 2019 года зон, «свободных от ЛГБТ», оба геевских социолекта могут превратиться в аргю.

Библиография

- Bartmiński, J. (2009): *Językowe podstawy obrazu świata*. – Lublin.
- Dyszak, A.S. (2012a): «Nazwy mężczyzn homoseksualnych we współczesnym języku polskim» // *Studia Językoznawcze* (Bd. 3). – Szczecin. С. 55–80, <http://repozytorium.ukw.edu.pl//handle/item/6624>.
- Dyszak, A.S. (2012b): «O socjolekcie gejów (na podstawie powieści Michała Witkowskiego pt. «Lubiewo»)» // *Oblicza płci. Język – kultura – edukacja* / Под ред. Karwatowska / Szpyra-Kozłowska. – Lublin. С. 29–41.
- Mielke, T. (1995): *Der homosexuelle Wortschatz im Russischen. Einvernehmliche und Lager-Sexualität im Russischen*. – Berlin.
- Rodzoch-Malek, J. (2012): *W jaki sposób mówi się o homoseksualizmie i osobach homoseksualnych? Analiza leksyki na podstawie danych leksykograficznych i tekstowych*, <https://repozytorium.uw.edu.pl//handle/item/204>.
- Witkowski, M. (2006): *Lubiewo*. – Warszawa.
- Витковский, М. (2007): *Любеево*. Пер. на рус. язык Ю.В. Чайниковым. – Москва.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Мир жизни и смерти в романе Б. Бартфельда *Возвращение на Голгофу*

In diesem Beitrag wird der Roman *Vozvrashchenie na Golgofu* von Boris Bartfeld analysiert. Gegenstand der Forschung ist die Organisation des symbolischen Raumes des Textes, in dem sich in die Opposition zwischen Leben und Tod widerspiegelt.

This article analyzes the novel *Vozvrashcheniye na Golgofu* by Boris Bartfeld. The subject of research is the organization of the symbolic space of the text, which reflects the opposition of life and death. The idea of conserving time in metaphysical space is considered.

Ключевой в романе Б.Н. Бартфельда *Возвращение на Голгофу* является идея спасения времени, достигающаяся посредством организации символического пространства текста, в котором находят отражения мифологические и природные образы.

Символы, включённые в роман, расширяют смысловое поле текста и являются выразителями основных оппозиций: прошлое – будущее, война – мир, время – вечность. Формирующиеся символические пространства показывают военное пространство с различных точек зрения: война как поле боя, война как грубая и разрушающая сила, война как романтический мир, война как особая «металлическая» природа. При этом в основе всех образов и характеров лежит мысль о смерти, и в этом плане отчётливо проступает граница между миром жизни и миром смерти. Противопоставление жизни и смерти формируется из противопоставлений дома и войны и природы и войны.

В прологе центральное место занимает образ орла. Роминтенская пуща – его владения: над ними он возвышается и высматривает добычу. В мифологии и литературе орёл представляется как символ неба и солнца, «ассоциируется с величием, властью, господством, [...] духовным подъемом» (Тресиддер 1999: 255). Восхождение на Голгофу Орловцева связано с вознесением к небу орла. Он как хищник хватает добычу и символизирует победу добра над злом. В средневековой христианской традиции орёл связан с вознесением Христа. Связанный в мифологических представлениях с богами солнца, орёл возвышается над озером: «...за ним синела огромная чаша озера – глубокого, древнего» (Бартфельд 2016: 5). Озеро, в свою очередь, является символом хаоса и связано со смертью и ночными исчезновениями солнца. Таким образом, пролог предвосхищает торжество жизни над смертью.

Предзнаменование грядущего поражения после победы 20 августа тоже связано с образом солнца.

Полное солнечное затмение грузно повисло над Восточной
Пруссией 21 августа, на следующий за русской победой день.
(Бартфельд 2016: 135)

Былое воодушевление, воцарившееся в рядах солдат, сменилось смятением: затмение стало неожиданным осознанием того, что любая победа не вечна, а смерть может настичь каждого. Мирная, покойная жизнь связана с образом солнца. Так, солнечная погода предвосхищала дни без войны в Инстербурге в августе 1914 года: «Улицы были залиты солнцем, и город показался ему очень уютным и дружественным» (Бартфельд 2016: 139), благоволила героям, испытывающим радость быть рядом с близкими и любимыми людьми:

[...] им [прим. Орловцеву и Вере] казалось, что они идут по се-
ребристой глади реки, а не по блестящей гранитной брусчатке,
и навстречу им в ярких лучах бежит-катится златокудрый ма-
лыш-солнце. (Бартфельд 2016: 157)

Солнце – символ молодости, пылкости и любви: в лучах солнца предстаёт Вера Орловцеву: «Вера, уже одетая, склонилась над ним вся в лучах утреннего солнца [...]» (Бартфельд 2016: 158). Отъезд из Инстербурга и возвращение на Родину связано с образом заходящего солнца, символизирующего, с одной стороны, конец мирной жизни, с другой – начало гибельного пути:

Солнце русской победы заходило над Пруссией, тяжко опускаясь на головы отступающих солдат 1-й армии.
(Бартфельд 2016: 222)

Солнцу на небе противостоит разрушающее пламя на земле. Заметно выражено их противостояние: в мирных сценах ощутимо присутствие солнца, в военных – огня. Но солнце и есть изначально огонь: Юрген, забравшийся на колокольню в новогоднюю ночь, наблюдал за звёздами – множеством солнц – тянувшимися к нему своими лучами. Студент мечтает о доме, возвращении к учёбе и семье. Покойное звёздное небо внушает надежду, которую разбивает огненный выстрел комбата Каневского. Свет, символ веры, превратился в разрушающее, смертельное пламя. А. Ф. Лосев пишет:

Есть в огне истинное языческое, сатанинское ликование
всезнающей и слепой судьбы. Есть радование о смерти и обманные
надежды на просветление. (Лосев 1993: 293)

Когда пламя охватило крышу немецкого дома, самый верх, пытаюсь дотянуться до звёздного неба:

Языки пламени с воем поднимались над посёлком, заревом
освещали небо, пытаюсь слизнуть с него звезду, низко висящую над
крышами. (Бартфельд 2016: 20)

русские солдаты поспешили его спасти. Их не столько волновал огонь, который мог перейти на соседний дом, где они поселились: «Вон сколько этих домов-то» (Бартфельд 2016: 20), сколько ими руководил внутренний порыв, ведь дом, даже вражеский, связан с категорией света. Здесь бинарная оппозиция чужой – свой развивается в отношении характера война – дом. Свет дома противопоставлен пламени войны, которая вырывает из привычного ритма жизни (что прослеживается на примере истории Кольки Чивикова), нарушает естественные процессы природы, калечит и убивает, разоряет церкви и разрушает города.

Живая и «военная» природа

Присутствие смерти на войне ощутимо на протяжении всего романа, так как сама война выражает противоестественный жизни процесс. В разладе мечты и действительности оказываются герои: комбат Марк Каневский погибает в момент размышления о мирной семейной жизни, в которой он видел своё будущее вместе с Ритой и детьми; брат Николая Орловцева Юрий романтизирует войну, мечтает о славе, предаётся мыслям о том, как он будет встречен в родительском доме:

Как довольный отец будет ходить вокруг него, рассматривать,
хлопать по плечам, а мама накроет праздничный стол.
(Бартфельд 2016: 190)

но погибает; смерть застаёт врасплох Юргена, думавшего о том, что он вернётся в университет, как закончится война, и женится на девушке из Другенена. Все мечтания героев так или иначе были связаны с категорией дома: семейный очаг – спасительный свет.

Особым трагическим звучанием пронизана история Курта, который влюбляется во Франциску и отправляет её в Дрезден, где планирует воссоединиться с ней. Это происходит в самом начале 1945 года, незадолго до Бомбардировки Дрездена, в ходе которой была разрушена половина города и погибли десятки тысяч мирных жителей. Район на берегу Эльбы, где живёт мать Курта и куда отправилась Франциска, пострадал при бомбардировке. Вероятно, возлюбленная Курта погибнет и его мечты тоже вступят в разлад с ужасающей военной действительностью.

Война создаёт тенденцию к разрушению семейных традиций и былого облика региона, который, в частности, в представлении Юргена был связан с мечтами о семейной жизни. В этом плане показательна судьба немецкой семьи. Сначала у неё отняли дом (оппозиция война – дом), затем погиб Пауль, после офицер Романенко обесчестил Анну, вследствие чего повесился Христиан. Разрушены духовные ценности, запущен импульс к уничтожению. Не только мечта вступает в разлад с действительностью, но и сама действительность становится символом смерти.

Война, лишённая жизни, либо убивает, либо подчиняет. Орловцев замечает у едва поступившего на службу Юрия, что «глаза его горели радостным мальчишеским блеском» (Бартфельд 2016: 167), в то время как у закалённого

битвами генерала Ренненкампа – «холодные, стального цвета глаза» (Бартфельд 2016: 45). Будучи противоестественным явлением, война создаёт свою природу:

Снаряды вздымали фонтаны земли, которые расцветали над
равниной диковинными чёрными георгинами.
(Бартфельд 2016: 49)

[...] парашютисты прыгали по субботам сразу с нескольких самолё-
тов [...], и в небе повисали сотни разноцветных одуванчиков. [...].
(Бартфельд 2016: 113)

Трансформация естественного облика мира и формирование особой «военной» природы отчётливо прослеживается в сцене с поездкой в штаб на санях, которые везли лошади, ими управлял Колька. Прекрасный зимний пейзаж сменяется уродливой картиной: по перекрёстку, разъезженному танками, «расползлось черно-коричневое грязное пятно» (Бартфельд 2016: 246).

Мысль о беззащитности человека перед разрушающей силой войны символически передана в образе шмеля. Солдат, имея полную власть над насекомым, оглушает его и достаёт, безжалостно разрывая брюхо, пузырьк с мёдом. В этой сцене, события в которой разворачиваются незадолго до обстрела, чувствуется тревога. Как солдат разворошил брюхо шмеля, так и его грудь рассёк снаряд. Он сам как шмель, над которым имел полную власть незадолго до этого:

Он будто пытался увернуться от огромной невидимой руки,
пытающейся откуда-то сверху схватить его, точно так же, как он
недавно хватал шмеля. (Бартфельд 2016: 47)

Война в романе является движущим импульсом, трансформирующим реальность. Пространство неотделимо от времени, которое «становится формой пространства... его новым (,четвёртым') измерением» (Топоров 1983: 232). Движение времени не позволяет оставаться пространству статичным. Как невольно переходит Орловцев из молодого сосняка в старый лес, так изменилась и Россия за тридцать лет. Образы природы метафорически выражают законы времени и истории: иссохший гриб рассыпался в труху, символизируя неизбежный процесс старения и гибели. Однако природа, как и все процессы жизни, циклична и это даёт надежду на исправление и

возможное спасение: во время первой войны на глазах Орловцева муха стала добычей паука, знаменуя скорое поражение русской армии, спустя тридцать лет – муха, пользуясь умом и силой, не попала в сети паука и парализовала его.

Вместе с тем мир природы противопоставлен войне, которая нарушает естественный процесс жизни и смерти – вечный цикл. Раздавив муравья, Орловцев спрашивает себя:

А хоть бы и гибель человека? Что изменилось бы от этого в природе?
Ничего, все так же шумели бы травы и деревья, текли ручьи, и одно
время года в свой срок сменялось бы другим. (Бартфельд 2016: 132)

В свою очередь война – это разрушение, вмешательство человека в закон Вечности. В этом плане показательно сопоставление живой и искусственной сил на фронте, соперничество живого и неживого. Танки – бездушные машины, созданные людьми, уничтожающие всё на своём пути. С другой стороны, однако, есть лошади, вступающие в постоянную борьбу со сталью: «Колька досадовал такой перемене, не любил он танки, лошади их сильно пугались» (Бартфельд 2016: 246). В первой главе на поле, на котором лежали лошадиные тела, появляются танки и нарушают естественный цикл жизни и смерти: тела должны были стать пищей для зверей, а их кости – разложиться.

Колька Чивиков охотно занимается лошадьми, потому что они являются силой жизни, которая присуща и самому Кольке, называемому автором «природным крестьянином». Война не только нарушает естественные процессы, но и вмешивается в человеческие судьбы, меняет их. Колька оказался выбит из естественного для него ритма жизни: «Только война вырвала его из привычного природного сельского круговорота» (Бартфельд 2016: 113). Можно предположить, что фамилия Кольки является звукоподражанием, воспроизводящим щебетание птиц. Тогда можно сопоставить два образа – Николая Орловцева и Кольки Чивикова. Первый – творец стратегии, свою жизнь он посвятил войне и иной судьбы быть у него не могло, так как он продолжал семейную традицию, а затем ощутил, что спасение страны – это его долг. Колька Чивиков, в свою очередь, вынужден быть на войне: из своей естественной (природной) среды он оказался вырван. Однако даже в военное время он сохраняет человечность: проявляет внимание к товарищам, искренне заботится о лошадях и любые конфликты пытается решить мирно.

В конфликте живой природы со «стальной» ключевой оказывается сцена спасения лошади во время сражения. По ней, оставленной без наездника,

продолжили стрелять немцы, не желавшие, чтобы лошадь попала к русским. Её спасли ценой жизни, так как «лошади не люди, они не бывают немецкие или русские, они все лошади» (Бартфельд 2016: 74), а следовательно они не должны быть жертвами войны, развязанной людьми. Лошадь – «символ животной жизненной силы» (Бартфельд 2016: 201).

Семантика имён

Значимыми в судьбе героев романа оказываются семантические значения их имён. Вера – «служение Богу», свой долг она исполняет, будучи сестрой милосердия. Роман Орловцева с Верой – светлое воспоминание об Инстербурге. Её образ – духовно возвышенный, связан с солнцем (светом):

Вера аккуратно брала кусочек, и тогда солнечный зайчик играл на её ровных, жемчужных зубах. [...] Солнечный зайчик падал на тонкий фарфор, на её руки, трепетал на щеках [...].
(Бартфельд 2016: 156–157).

Образ Веры выполняет функцию спасения: пока она рядом, Орловцев чувствует себя в безопасности. Отъезд Веры из Инстербурга знаменовал грядущую опасность: «И все-таки хорошо, что она уехала. В городе становилось небезопасно» (Бартфельд 2016: 203). Орловцеву с Верой было отведено всего четыре года, и гибель его семьи, гибель Веры совпала с крахом империи, утратой веры. Воскресает Вера в душе Орловцева только перед смертью, но символично, что она его не слышит: «[...] его не слышали и в этот раз. Они не узнают его» (Бартфельд 2016: 328). Его единение возможно с ней только в иномирье: он на одном берегу реки, его сын, Вера и Юрий – на другом. В мифологии мост – «метафора трудного перехода между миром живых и миром мертвых» (Тресиддер 1999: 228). Орловцев изо всех сил пытается преодолеть это препятствие, удержать мост, чтобы не потерять семью, ради которой он принял страдание, и спастись в Вечности.

Рита – возлюбленная комбата Марка Каневского, который представлен в романе как опытный и храбрый воин, познавший войну: «Война войдёт внутрь тебя, душу твою выжжет», – говорит он в разговоре с Ефимом (Бартфельд 2016: 283). Имя Марка берёт начало от Марса – римского бога войны. Рита этимологически родственно с английским *right* (право), *rite* (обычай, обряд) и

восходит к латинскому *ritus* (обряд, служба), из которого происходит *ритуал* (Емельянов 2003: 14). Присутствие Риты создавало «иллюзию мирной жизни», семейную идиллию, к которой стремился Марк. За несколько мгновений до гибели комбат размышлял:

Как хорошо сегодня, какое равновесие в природе и душе. Все страшное потихоньку заканчивается, остается позади [...] (Бартфельд 2016: 307),

словно предчувствуя покой. Он отрекается от войны, уходит в сторону дома, семьи.

Получившая известие о гибели Марка Рита попросила оставить ей его голову. Она понимает, что стремление к мирной жизни, отход от войны и стал причиной смерти Марка:

Ты не мог быть на этой войне один, равновесие нарушилось моим отъездом, и война уравнивала все, убив тебя. (Бартфельд 2016: 315)

Война – «старая пропойца» – не покровительница Марка, а его убийца. Рита общалась с головой возлюбленного, обнажённая танцевала перед ним, пела – проводила ритуал. Она говорит: «Я верю, ты видишь и слышишь меня. Ты ещё не ушёл. Ты рядом со мной» (Бартфельд 2016: 317). Голова традиционно представляется как «воплощение человеческого духа, власти и жизненной силы» (Тресиддер 1999: 59). Вместе с тем кельты считали голову «вместилищем бессмертной души», так она выступает в качестве церемониального атрибута в культе предков (Сланов 2013: 51–52).

Рита обладает архаичным мифопоэтическим сознанием, а текст романа мифологизирован. На первый план выступает значимость имени: Рита как «ритуал, обряд». В. Н. Топоров отмечает, что для мифопоэтического мировоззрения важно тождество мира (макрокосма) и человека (микрокосма). Он пишет:

Человек как таковой – один из крайних ипостасных элементов космологической схемы. [...] Состав человека, его плоть в конечном счете восходят к космической материи, которая, «плотнившись», легла в основу стихий и природных объектов. (Топоров 2004: 488–489)

Проводя ритуал, Рита говорит о желании воссоединить тело и голову, но голова, участвуя в ритуале в статусе «вещи», служит созданию нового единства – восстановлению микрокосмического и макрокосмического. В мифопоэтической традиции голова отождествляется с небом; Рита, произнося заклинания, «выплёскивала их из себя в небо, надеясь, что кто-то услышит их там, в небесах» (Бартфельд 2016: 318).

Героем мифа становится и сам Орловцев. В его сне перед смертью вновь возникают образы света и пламени. Вера бросала горящие факелы в бумажные кораблики, происходит это на фоне охваченного огнём Инстербурга. Воцарилось торжество разрушающего пламени войны. Пытаясь удержать мост, соединить берега, Орловцев ощутил в груди горячий шар, бывший «словно раскаленное солнце», в конечном счёте вспыхнувший «в голове ярким солнцем» (Бартфельд 2016: 330). Погибая, он возвышается к небу, как орёл – солярный символ, и обретает покой.

Когда победа русской армии становится вопросом времени, смерть – единственное спасение для Орловцева: в земном мире его держали долг, ответственность за гибельный путь, по которому пошла Россия. Его семья, его близкие, блаженный покой ждали его на другом берегу. Возвращение Орловцева на Голгофу – это путь к спасению, к которому стремятся все герои романа. Гриша Абрамов, не прикасающийся к оружию, объясняет свои убеждения: «Душа моя спасётся, вот в чём смысл для меня, спасение души» (Бартфельд 2016: 187). Он не может убить человека, это противоестественно для него. Вера – осмысленный протест против тирании войны, развращающей души людей, обрекающей их на небытие.

Итоги

Итак, символическое поле жизни составляют образы дома, света, очага, образы живой природы, включённые в естественный цикл жизни и смерти. Вера мыслится как путь к спасению личному и спасению всей страны. Противостояние сил жизни и смерти отображено в метафорическом образе моста, сравнении живой и «металлической» природы, лошадей и танков. В раскрытии противопоставления мира жизни миру смерти важную роль играют природные образы и пейзаж. Их функции следующие: 1) природа является естественным миром, противостоящим военному, 2) она расширяет

символическое пространство героев, 3) будучи поэтическим приёмом, настраивает на историософские размышления, 4) выражает изменения в темпоральном пространстве, 5) является символическим толкованием происходящих событий. Человек мыслится как часть природы, и он не может ей противостоять, поэтому особо важное значение получает проблема восстановления микрокосмического и макрокосмического единства, и, таким образом, романский миф ставится на мета-историческую границу.

Торжество жизни над смертью утверждает финал романа: рёв танков, тяжёлых машин – далеко впереди. Там разворачивается «военная» природа, которая нарушает естественные процессы. Но образ спасённого жеребёнка символизирует настоящую живую силу, спокойствие, молодость и крепкость духа, которые берут верх над «стальным». Жеребёнок – это естественное продолжение жизни, знамение спасения, отголосок ослика Иисуса Христа, который возникает как метафизическая развязка главной проблемы романа – восхождения на Голгофу и спасения истории. Финал является жизнеутверждающим, именно в нём звучат непривычные для военного времени радость и смех:

А перед Ефимом бежали лошади, весело размахивая хвостами, и жеребёнок на длинных, упругих ногах радостно ржал и скакал по январскому снегу. (Бартфельд 2016: 336)

Библиография

Бартфельд, Б.Н. (2016): *Возращение на Голгофу*. – Москва.

Емельянов, В.В. (2003): *Ритуал в Древней Месопотамии*. – Санкт-Петербург.

Лосев, А.Ф. (1993): *Бытие. Имя. Космос*. – Москва.

Сланов, А.А. / Бурков С.Б. (2013): «Значение обрядов обезглавливания и скальпирования в скифской военной культуре». // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова* (3). С. 49–54.

Топоров, В.Н. (1983): «Пространство и текст» // *Текст. Семантика и структура*. – Москва. С. 227–284.

Топоров, В.Н. (2004): «Ритуал, тексты, язык». // *Исследования по этимологии и семиотике. Т. I: Теория и некоторые частные её приложения*. – Москва.

Тресиддер, Д. (1999): *Словарь символов*. Перевод с англ. С. Палько. – Москва.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Империя, природа, бог, смерть: мотив страха в романе А. Иванова *Тобол*

Im Beitrag wird der Roman *Tobol* (beide Teile) von A. Ivanov als kompliziertes Mosaik gelesen, in dem das Empfinden von Angst als einer der Ausgangspunkte eine zentrale Rolle spielt. Die Analyse der Faktoren, die zu diesem Empfinden führen, macht deutlich, dass Ivanovs Geschichtsphilosophie auf der Erkenntnis beruht, dass traditionelle Mythen und Vorstellungen von Sibirien abhängig vom Standpunkt sind, was auch für die Gegenüberstellung ›fremd – eigen‹ gilt.

The article deals with A. Ivanov's novel *Tobol* (both parts) as an artistic world organized according to the law of a mosaic. In this world one of the ›assemblage points‹ is the experience of a feeling of fear. An analysis of the factors leading to this experience shows that the historiosophy of A. Ivanov is based on an awareness of the relativity of traditional myths and ideas about Siberia, including the opposition ›we/ours – strangers/others‹.

А. Иванов – популярный как среди читателей, так и среди исследователей автор. В связи с его творчеством часто поднимаются вопросы жанра и стиля, литературного направления, кинематографичности, стратегий массовой культуры, идеологии и исторической правды, геополитики и этнической идентичности. Один из особенно острых вопросов – проблема концепции истории в «уральском» и «сибирском» тексте писателя.

Очевидно, что его интерес к истории объясняется не только конъюнктурой социально-политической жизни и коммерческой выгодой, но и насущной потребностью самой читательской аудитории. Отвечая на вопрос о мотивах

обращения современной литературы к жанру исторического романа, А. Иванов отметил: причина «[...] в том, что современность ускользает от литературы» (Пульсон 2018). Стремление найти устойчивую опору в прошлом очевидно и в тех метафорах, которые использует писатель:

[...] история – это хребет, в нем кость-хрящ, кость-хрящ. Кости – это большие стили, твердые направления, а все эти смуты и самозванцы просто хрящи, чтобы хребет гнулся. (Гаврилов 2016)

Географически и метафизически А. Иванов идет от «станового хребта России» – Урала – вглубь Сибири в поисках «формулы движения» национальной истории. В этом смысле его исторические романы об освоении Большого камня и Сибири можно воспринять как метатекст. Однако у него есть и романы, посвященные недавней отечественной истории, стилистически отличающиеся от его сибирских текстов (например, *Пищевлок*, *Псоглавцы*). Несмотря на бросающуюся в глаза разницу, их объединяет, помимо прочего, общий признак – использование неоготических жанровых элементов¹ (хронотоп, тип героя, тип фантастики, поэтика страха). Элементы готики в историческом романе вполне обычны, но у А. Иванова страх является не просто спутником авантюрного повествования: он становится одним из способов осмысления национального исторического процесса.

В связи с проблемой жанра стоит отметить и еще один важный аспект: *Тобол* – большое эпическое полотно. Подобный размах создает ощущение грандиозного обобщения, появляется та авторская точка зрения «извне и с высоты птичьего полета», которая присуща и эпосу Гомера, и *Войне и миру* Л. Толстого. В романе представлены глобальные события: освоение русскими Сибири, основание новых городов и острогов, война джунгар с китайцами, захват Лхасы, войны в Тибете и на территории нынешних Казахстана и Монголии. Дана также личная история (например, часть биографии Гагарина, связанная с его губернаторством в Сибири и его интригами с Китаем за спиной царя; история семьи тобольского архитектора Семена Ульяновича Ремезова).

Масштабы исторической эпопеи, да и само бескрайнее сибирское пространство требуют активного «заселения» персонажами. Среди них есть

---

¹ Сам писатель, как кажется, склонен к игровой и одновременно прагматической точке зрения на вопрос жанра: «[...] Для меня литературный жанр – вещь вторичная, функция от темы, на которую я хочу говорить.» (Пригожин 2015).

действующие лица с историческими прототипами и полностью вымышленные; персонажей можно классифицировать и по национальному признаку. Так, в статье Т.А. Сироткиной говорится об игре А. Иванова этностереотипами, оппозицией «свое-чужое», что создает множественность точек зрения, своего рода 3D-изображение рождающейся сибирской идентичности (Сироткина 2018). Однако, как кажется, проблематика и стилистика романа не исчерпываются формальным установлением равенства «своего» и «чужого». Возникает вопрос, а что такое вообще «свое» и чем оно должно отличаться от «чужого»? Так, в романе есть разные русские: те, что воплощают собой Петербург (Петр I и его соратники), и они для сибирского пространства, бесспорно, «чужие», думают о нем только с точки зрения политики и распределения ресурсов; с другой стороны, есть «тобольские русские» – губернатор Гагарин, семья Ремезова, служилые люди, солдаты (Иван Демарин), ссыльные, раскольники, православные священники (Иоанн и Филофей), и для них степень чужеродности в сибирском пространстве – вопрос непростой, решаемый индивидуально (или не решаемый вовсе). Есть разные инородцы: с одной стороны, неистовые вогулы, шаманы (Хемьюга и Нахрач), девушка-остячка Айкони – все они преданы своей земле, богам и истории, с другой стороны – остяк Пантила, крестившийся и помогающий Филофею в его миссионерской деятельности. Эту размытость границ подчеркивает сюжетный мотив двойников: у Айкони есть сестра-близнец Хомани, которая не сможет вернуться в мир остяцких лесов и болот из Тобольска. Пленные шведы также ведут себя по-разному: Филипп Юхан Табберт фон Страленберг, даже вернувшись на родину, остается связанным с Тобольском (лучшие его жизненные достижения – путешествия по Сибири и создание ее научного описания), а Юхан Густав Ренат и Бригитта Цимс оказываются пленниками азиатской Сибири, откуда они пытаются вырваться в Европу, как из чистилища. Двойственность присуща и ссыльному украинцу, сподвижнику Мазепы Григорию Новицкому, что тоже подчеркнуто мотивом двойничества Айкони и Хомани, между которыми «делится» его любовь. «Чужие» и одновременно «свои» в художественном пространстве романа китайцы, джунгары (зайсанг Онхудай, Цэрэн Дондоб и др.), татары и бухарцы (Ходжа Касым). Иными словами, оппозиция «Запад – Восток» разрушается в Тобольске.

Такое обилие действующих лиц, сложность связей в разветвленной системе персонажей заставили критиков увидеть в *Тоболе* «Ноев ковчег, а не книгу» (Нестеров 2017), обвинить автора в том, что он «без разбора вывалил всё на

голову читателя» (Казначеев 2017). Однако вряд ли стоит рассматривать хаотичность как дефект художественной структуры романа. Он сложно построен, и в «Ноевом ковчеге» А. Иванова есть своя логика. Неслучайно в *Тоболе* архитектурная тема столь важна: значительная часть сюжетного времени уделена описанию строительства Тобольского кремля, этот же мотив оптимистично звучит во втором эпилоге. Созданная автором романная структура связана не только с ориентацией на кинематографический «экшн». Здесь работает принцип, который можно определить как принцип мозаичности. Тобол представляет собой грандиозную мозаику, требующую «точки сборки», чтобы явить свою целостность. При этом могут быть хорошо заметны отдельные кусочки, и швы между ними могут быть достаточно грубыми. Мозаичность становится специфически сибирской чертой:

В Сибири иконы писали по-строгановски, будто выкладывали из смальты: празднично-пёстро, сложно, строго, мелко и дробно. [...] Черниговская же Богоматерь была не такая... (Иванов 2017: 81)

В художественном мире, созданном по закону мозаичности, вполне естественно работает каталог. Каталогов в романе А. Иванова много, и они, с одной стороны, делают внутренний мир романа тяжеловесным и детальным, пластичным и материально достоверным, что напоминает об эпической традиции, с другой стороны – мир в подобных перечнях неизбежно остается дискретным, с заметными «швами».

Созданная с помощью многочисленных каталогов мозаика выражает одну из ключевых тем романа: сибирская земля не пуста и не дика, но нет традиции замечать и ценить ее историю, потому что она «варварская». Интересно, что Табберт, видя в русских варваров, чувствует невольный трепет перед древней историей Сибири. В свою очередь, для «своего» в Тобольске Ремезова эта старина живая, и его чувство истории глубоко личное; он художник, путешественник, картограф, исследователь. В своих книгах, показавшихся Страленбергу наивными и грубыми, он создает «историю в истории» (Лазареску 2017), соврешая научно-поэтическое освоение Сибири.

Что же становится «точкой сборки» в сложно построенном мире Тобола? Учитывая влияние исторического романа, можно было бы ожидать, что авторская позиция, выраженная в расстановке антагонистов и протагонистов, оценочных характеристиках, даст нужный угол зрения. Однако А. Иванов

уклоняется от такой прямолинейности, используя, помимо прочего, несобственно-прямую речь. Хотя иногда романист «проговаривается», включая в создаваемую мозаику и себя самого, из современности смотрящего на сибирскую архаику:

[...] Иртыш, оживая во тьме, широко и грозно трещал и скрежетал, будто кто-то отдирал крышку на ящике с посылкой. (Иванов 2017: 135)

На наш взгляд, искать «точку сборки» гораздо проще, обращаясь к системе сюжетных мотивов: так можно не только определить содержательные константы, но и легче вписать роман в историко-культурный контекст. Подобная попытка, например, была предпринята в статье, посвященной сюжетному мотиву соблазна в *Тоболе* (Гончаров 2019). Это не единственный магистральный мотив в романе. Осмысление истории, географического и культурного пространства, национальной и личной судьбы происходит также с помощью сюжетного мотива страха, который представлен в тексте весьма разнообразно.

Запоминающимся оказывается пролог, в котором соединяются смерть, имперская грубость эпохи Петра I, фатум и создаваемый этой атмосферой страх. Ужас происходящего откроется читателю только в финале, когда станет понятно, что губернатор Гагарин и есть «благословляющий» Петра полуразложившийся труп. Мотив страха усиливает воздействие кольцевой композиции, когда в финале будет описываться обставленная в духе жестоких забав первого русского императора казнь губернатора Сибири.

Описывая роль мотива страха в романе, следует попытаться систематизировать его проявления, что можно осуществить, обратив внимание на причины, его вызывающие. Это природа; империя, государственная власть и связанное с ней насилие; другой (столкновение с чужой культурой и связанное с этим насилие, страх потери идентичности); смерть; бог². Рассмотрим их подробнее.

Сибирская природа, традиционно ассоциирующаяся с диким, труднопроходимым пространством, необъятными просторами, испытаниями и опасностями, вполне естественно становится причиной как страха, так и иных эмоций, связанных с переживанием возвышенного. Те, кто ощущает себя

---

2 Перечень не является исчерпывающим.

в Тобольске «чужими», чувствуют непостижимость, отстраненность, жестокость местной природы. Даже Зодиак здесь иной, дикий. Природное начало в *Тоболе* больше проявляется в образах, связанных с описанием тайги, болота, степи, то есть всего, что принадлежит земле, а не небу. Красота сибирской природы вспыхивает ярко, холодно, отстраненно и недоступно – в закатах и рассветах, северном сиянии. От этого сильнее ощущаются усталость и страх, рожденные постоянной борьбой, которую люди ведут под этим небом, – на земле и с землей. Возникает вполне ожидаемый мотив плохих дорог:

Колеи разъехались сикось-накось, гнилые гати в распадках тону-
ли в грязи, лошади скользили на крутых подъёмах и падали [...]
Высокие увалы – как тумак в драке, скалы – будто удары в зубы.
(Иванов 2017: 25)

Здесь появляется мотив почти физического насилия, которое испытывает человек, осваивая «чужое» сибирское пространство. Однако эта жестокость взаимна: имена местных городов звучат так, «словно у земли их вырвали под пыткой» (Иванов 2017: 57). «Чужой» человек и земля – жертвы и насильники одновременно:

[...] тайга инородцев – это дикий зверь, отвечающий человеку стра-
хом и бегством или злобой и нападением. [...] И мир с ней возможен
лишь тогда, когда она тебя боится и уважает. (Иванов 2018: 308)

С мотивом страха связан мотив тоски: огромное пространство, в которое человек чаще всего помещен насильно, мучит своей непонятностью и бессмысленностью. Особенно это заметно в мыслях казака Новицкого: для него Сибирь «слишком большая», ее «безъязыкий простор» «заунывно-одинаковый» (Иванов 2017: 93). Тайга вызывает страх не только в силу объективных причин – в ней таится мистическая и потому жуткая жизнь, столкновение с которой также пронзительно тоскливо:

[...] И тут владыка сам различил какую-то полупрозрачную тварь [...]
У неё не было ни головы, ни лап, ни тулова с хвостом, но от неё пове-
яло смертной тоской. (Иванов 2018: 309)

Подобный страх знаком и инородцам: Айкони, сражаясь с медведем-людоедом в тайге, тоже испытывает ужас от соприкосновения с потусторонним. Однако сама по себе тайга, как и болота, ее не пугают:

Айкони понимала, что русские боятся болот. Глупцы. Они не ведают, что болота – это огромные котлы, в которых медленно варится жизнь [...] Болота – вечно рожаящая Мать, и мужчины не выдерживают этого зрелища. (Иванов 2018: 266)

Здесь интересен взгляд на причину страха «со стороны»: в романе сильны не только этнические, но и гендерные коллизии. Айкони отчасти права – действительно, владыка Филофей, оказавшись в болотах, видит настоящую, страшную «лешачью» Сибирь, но в ее дебрях он также чувствует сильнее близость бога:

Господь спасает человека даже в бездне, а подлинная Сибирь – воистину бездна. (Иванов 2018: 267)

Кажется, что остячка и владыка видят в этих топях совершенно разное, но в основе своей их ощущения близки: речь идёт о бездне, в которой неизъяснимо и страшно рождается жизнь. Стоит вспомнить и Петербург: это тоже болото, только «ингерманландское». Вынашиваемая в нем жизнь, возможно, более жестокая и уродливая, но в целом – Сибирь и Петербург не так уж далеки друг от друга.

В связи с этим возникает и еще один, возможно, не столь ожидаемый мотив: болота – это еще и «водоороты времени», хранилище памяти.

Они ничего не теряют и сохраняют в нетленности всё, что когда-то засосали. (Иванов 2018: 267)

Сибирская земля буквально полна памятью – не меньше, чем европейская Россия.

Степь кажется менее страшной и опасной, чем тайга и болото: в ней нет напряженной мистической жизни. Она более открыта, но в этой открытости и есть ее тайна. Возможно, страх, переживаемый разными персонажами

при столкновении с природными силами, связан с осознанием того, что сибирская земля – всегда не то, чем кажется.³

Еще одна причина страха в романе – государственная власть. Большинство персонажей оказались в Тобольске не по своей воле, многое в их жизнях направляется игрой политических сил, и потому особенно мощно звучит сопутствующий мотив жестокости, насилия. Возможно, это привело к тому, что некоторые критики усмотрели в романе искажение истории и даже русофобию (Казначеев 2017; Ершов 2017). Природа жестока и безразлична к человеку, но в ее недрах рождается новая жизнь. Жестокость и безразличие человека не несут в себе ничего, кроме смерти, именно поэтому власть сильного, государственная власть связаны не только с мотивом страха, но и с мотивом смерти. Можно вновь вспомнить пролог (Петр I и «благословляющий» его мертвец). Еще один яркий пример – страх митрополита Иоанна перед империей: он помнит, как весной 1709 года смотрел на трупы казненных за измену жителей Батурина, которые плыли по Десне, и их движение «завораживало, как зримое свидетельство могучих сил мироздания» (Иванов 2017: 83). В этом движении есть что-то сродни естественности природных сил, но тем страшнее осознание реальности происходящего. Вопреки мифу о сибирской свободе, в Тобольске Иоанн так же скован страхом, как и в Батурине, в губернаторе он чувствует ту же жестокую силу, «которая влекла по вешней Десне трупы убиенных жителей Батурина» (Иванов 2017: 83). Реакция Иоанна на этот застарелый, «усталый» (Иванов 2017: 159) страх стихийна: или бежать, или наброситься в гнев, что напоминает «поведение» остяцкой тайги по отношению к русским. А. Иванов повторяет метафору железной длани империи: владыка почувствовал на своей «вые руку той бесчеловечной силы, которая двигала народы и царства» (Иванов 2017: 83); спустя некоторое время снова: «Иоанн вновь ощутил на своей шее неподъемную и неумолимую руку державы» (Иванов 2017: 159). Человек оказывается зажат в тисках между двумя безразличными к нему силами – государством и природой. И то, и другое равно у всех вызывает ужас и ставит в ситуацию выбора, поиска смысла жизни.

---

3 Такой подход к описанию пространства – картографически точный и одновременно мистически-провиденциальный – на наш взгляд, приводит к тому, что «географический» талант А. Иванова оценивается критиками диаметрально противоположно: то он «Страбон», «мы не знаем, что такое колонизация Сибири, а он знает...» (Гаврилов 2016), то создатель «исторического фэнтези», для которого достоверность вторична.

С переживанием насилия связан и страх Другого. Чаще всего он рождается в ситуации межэтнического и межгендерного общения, и жертвами обычно выступают инородцы и женщины. Особенно ярко и негативно выглядят в этом аспекте русские – глазами остяков, которые смотрят на них «с суеверной опаской и отчаяньем» (Иванов 2017: 21). От русских нужно прятаться, «словно от грозы» (Иванов 2017: 22), они «были не народом, а половодьем» (Иванов 2017: 23), они – «буревал: нельзя удержать падающее в урагане дерево, можно только увернуться» (Иванов 2017: 155). Они непостижимы и неостановимы: «Русские всегда приходят без приглашения» (Иванов 2017: 256); они – иррациональная непобедимая сила: «Земля очень, очень большая [...] Но повсюду, повсюду – русские...» (Иванов 2018: 323). В приведенных цитатах можно увидеть сходство в переживании страха: русские боятся тайги, болот, государства, потому что это для них – стихия; остяки боятся русских, потому что русские для них – стихия. Близки к страху остяков и джунгары: «эти русские – дети докшитов, свирепых и коварных степных богов» (Иванов 2018: 117). Однако нечто похожее испытывают и русские по отношению к джунгарам: «где появляются джунгары, оттуда надо бежать» (Иванов 2018: 137).

Есть и другая точка зрения на стихийность русских. Для Табберта они – галлы, гунны: «Нельзя распространять на них кодекс чести» (Иванов 2018: 125). Убеждены в «дикости» русских (как и всех других народов) китайцы: «И Россия тоже страна варварская» (Иванов 2017: 114). В варварстве стихийность объяснима – отсутствием длительной истории, культуры – и потому она уже не страшна. Русские, в свою очередь, боятся непонятной для них мистической силы инородцев (описания колдовских обрядов, шаманских камланий; эпизод со сжиганием Медного Гуся и т.д.). Иными словами, все друг для друга варвары, все вызывают друг в друге страх. Возможны исключения, когда взгляд на Другого изменяется благодаря любви: так, Новицкий видит в хрупкой Айкони силу, которая победит там, «где бесславно погибнут целые армии с царями, пушками и хоругвями» (Иванов 2017: 99). Но такие переживания единичны; в сущности, никто здесь до конца не «свой».

Природа, империя, другие люди – столкновение с ними чревато смертью. Поэтому сложно выделить смерть как самостоятельную причину страха. Однако есть ситуации, в которых именно «чистый» страх насильственной смерти и физического страдания выходит на первый план. В романе много эпизодов пыток, казней, убийств, уличных драк, больших батальных сцен. Отдельного упоминания в этом смысле заслуживает эпизод обороны ретраншемента в

степи (холод, цинга, смерзшиеся трупы, которыми, как бревнами, закрывается вход в крепость). Однако «убийца – всегда немного тот, кого он убил» (Иванов 2018: 179): все «чужие», и если любовь не способна это разделение преодолеть (почти все любовные истории в романе заканчиваются печально), то смерть, как и страх, оказывается всеобщим объединителем. Смерть преодолевает даже время: гибель Новицкого повторяет гибель Ермака. В конце концов, смерть неизбежно приводит к жизни – этому учит тайга – а смерть и страх всегда рядом.

Какую роль в этом мире играет бог? Чаще всего в романе бог – или его отсутствие – становятся причиной ужаса. Русским в *Тоболе* знаком страх богооставленности в необъятном пространстве. Их неимоверное напряжение в освоении этой земли – «русская гекатомба» (Иванов 2018: 86), крик о помощи в надежде, что небеса не пусты. Но то же ощущение предательства человека богом переживают и Пантила, и Айкони. Более того, в романе представлены разные боги, но никто из них не является абсолютom. В Тобольской церкви деревянная статуя Христа «оживает» и ходит по городу, «оживает» плачущая икона Богородицы перед смертью Иоанна – так же точно, как «оживают» деревянные истуканы и идолы остяков (истукан, сделанный Айкони для «приворота» Табберта, идол Ике, помогший Айкони победить медведя-людоеда, плачущие идолы на Ен-Пуголе). И посмертное существование одинаково доступно всем. В романе много эпизодов, в которых появляются «живые» мертвые: Филофею явился умерший Иоанн, Пантила видит в тайге покойную прабабку Анну, Айкони говорит с мёртвой сестрой, мёртвый Авдоний приходит к Епифании и т.д. Боги и люди, живые и мертвые, действуют вместе, восстанавливают справедливость и доводят до конца начатое. Разницы между людьми и их богами нет: их уравнивают боль, страх и смерть. Так, в прологе Петр I мучится от боли: «Болело. Болело. Болело.» (Иванов 2017: 8). Но так же мучится девушка-остячка, которую избивают и насилуют: «Боль! Боль! Боль!» (Иванов 2018: 232). В романе нет антагонистов и протагонистов, нет и подсказок от автора: кто прав и кто виноват.

Сибирь традиционно описывается либо как пространство ада, либо как пространстворая (Смит-Питер 2014). В *Тоболе* она изменчива и текуча, она подобна сложному зданию, возводимому многими зодчими. В этом смысле символична история с Тобольским кремлем; понятна и увлеченность автора фигурой Ремезова, для которого Тобольск – новый Иерусалим, центр мира (Смит-Питер 2014). А страх – лишь часть «раствора», собирающего мозаику воедино, скрепляющего кирпичи, это «хрящ», обеспечивающий подвижность «хребта»: Сибирь не понять, «если не разобрался, как всё устроено. А устроено – сложно» (Иванов 2018: 290).

Библиография

- Гаврилов, А. (2016): «От «Сердца пармы» к «Тоболу». *Горький Медиа*, <https://gorky.media/context/ot-serdtsa-parmy-k-tobolu/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Гончаров, П.А. (2019): «Много званных: мотив соблазна в романе А. Иванова «Тобол» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, том 12, выпуск 2. – Тамбов. С. 315–318.
- Ершов, М.Ф. (2017): «Не слишком ли мутна вода в «Тоболе»? К выходу в свет нового романа Алексея Иванова» // *Вестник угроведения*, №2 (29). – Ханты-Мансийск. С. 158–161.
- Иванов, А. (2017): *Тобол. Много званных: роман-пеплум*. – Москва, <https://www.litres.ru/aleksey-ivanov/tobol-mnogo-zvanykh/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Иванов, А. (2018): *Тобол. Мало избранных: роман-пеплум*. – Москва, <https://www.litres.ru/aleksey-ivanov/tobol-malo-izbrannykh-29407846/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Казначеев, С. (2017): «Но мало избранных» // *Литературная газета*, №4, <http://lgz.ru/article/-4-6584-1-02-2017/no-malo-izbrannykh/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Лазареску, О.Г. (2017): «Сибирь, Ермак и другие: к вопросу об исторических трансформациях литературных жанров, образов и мотивов» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, №5. – Москва. С. 122–130, <https://dx.doi.org/10.18384/2310-7278-2017-5-122-130>.
- Нестеров, В. (2017): «Пеплум великих побед. О новом романе Алексея Иванова». *Горький Медиа*, <https://gorky.media/reviews/peplum-velikih-pobed/> (дата обращения: 01.08.2021).
- Пригожин, И. (2015): «Между «Ненастьем» и «Тоболом». Алексей Иванов презентовал новую книгу» // *Аргументы и факты*. – Пермь, https://perm.aif.ru/culture/person/mezhdu_nenastem_i_tobolom_aleksey_ivanov_prezentoval_novuyu_knigu (дата обращения: 01.08.2021).
- Пульсон, К. (2018): «Полцарства за Тобол. Алексей Иванов написал русский роман по технологии «Игры Престолов»» // *Российская газета*, № 61(7524), <https://rg.ru/2018/02/22/aleksey-ivanov-u-sovremennosti-snaruzhi-socializaciia-vnutri-fejk.html> (дата обращения: 01.08.2021).
- Сироткина, Т. А. (2018): «Этнические образы народов Сибири в романе Алексея Иванова «Тобол»» // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. том 10, вып. 4. – Пермь. С. 70–78, <https://dx.doi.org/10.17072/2037-6681-2018-4-70-78>.
- Смит-Питер, С. (2014): «С.У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII-начале XVIII в.». Пер. Е.М. Карагеоргий // *Сибирские исторические исследования*, №3. – Томск. С. 7–23.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Mediálnost a identita – Medialität & Identität –
mediality and identity – медиальность и
идентичность – medialność i tożsamość

Neue Medien: Sozialer Online-Journalismus und der Dritte Sektor in Russland

Der Beitrag beschäftigt sich mit der aktuellen sozialpolitischen Situation in Russland, der Nutzung neuer Medien durch die Vertreter des Dritten Sektors und dem sogenannten Fundraising-Journalismus im Lande. Das Format des sozialen Journalismus wird am Beispiel des Medienportals *Takie dela* dargestellt, dessen Tätigkeit auf horizontaler Kommunikation, Transparenz, Loyalität und dem Vertrauen des Publikums basiert.

The paper deals with the current socio-political situation in Russia, the use of new media by representatives of the third sector and the so-called fundraising journalism. This form of social journalism is presented, using the example of the media portal *Takiye dela*, whose activity is based on horizontal communication, transparency, loyalty, and trust of the audience.

In der heutigen Informationsgesellschaft bilden neue Medien und verschiedene Kanäle der Massenkommunikation zusammen das wichtigste Öffentlichkeitsforum. Neue Medien bedeuten heute neue Strukturen der Interaktion, neue Möglichkeiten für mehr Teilhabe, neue Formen der öffentlichen Meinungsäußerung, neue Chancen für kritische Gegenöffentlichkeit und ›Alternativbewegungen‹. Unter anderem werden diese neuen Technologien durch die Vertreter des sogenannten Dritten Sektors aktiv genutzt, wodurch neue Formen des sozialen (Online-)Journalismus entstehen.

Der Dritte Sektor ist einer der wichtigsten Bestandteile des Rechts- und Wohlfahrtsstaates. Er spiegelt die jeweils prägenden Leitbilder und Probleme in der Gesellschaft, Sozialpolitik eines Staates und im Wohltätigkeitsbereich wider. Zahlreiche Organisationen des Dritten Sektors agieren mit sozialen und karitativen Dienstleistungsstellen

(z. B. Altenhilfe, Armenfürsorge, medizinische Behandlung, Pflege, Hilfe für Schwerbehinderte, Arbeit mit Waisenkindern, Suchtprävention) und verstehen sich als Vermittler zwischen Staat, Markt und Familie. In Russland befindet sich der Dritte Sektor noch im Anfangsstadium seiner Entwicklung. Während einige dieser Organisationen schon ein wenig länger tätig sind und ihre vielfältigen Erfahrungen und Erkenntnisse teilen können, befinden sich andere – die überwiegende Mehrheit – noch am Anfang ihrer Entstehung und lernen die Arbeit ihrer Kollegen in Russland und im Ausland erst kennen. Allerdings haben all diese Organisationen, Vereine und Verbände eine Gemeinsamkeit: Sie nutzen das Internet, Blogs und soziale Netzwerke, um zu kommunizieren, Informationen zu verbreiten, finanzielle Ressourcen zu finden, ihre Mitglieder zu mobilisieren, neue Teilnehmer zu »rekrutieren«, Veranstaltungen zu organisieren und um über die Verwendung der Beiträge und Spenden zu berichten.

Der vorliegende Beitrag beschäftigt sich mit der Entwicklung des sozialen Journalismus in Russland in den letzten 10 bis 15 Jahren. Es soll am Beispiel dieses Landes deutlich gemacht werden, dass die Nutzung von Technologien durch die Vertreter des gemeinnützigen Sektors, ihre Bedeutung, Qualität und Folgen vom jeweiligen gesellschaftlichen Kontext und von politischen Rahmenbedingungen abhängen.

Sozialpolitische Entwicklung und der Dritte Sektor in Russland

Das bekannteste und einflussreichste Wohlfahrtsstaatskonzept wurde vom dänischen Soziologen Gøsta Esping-Andersen entwickelt. Dieses Konzept unterscheidet zwischen drei »Welten des Wohlfahrtskapitalismus«, nämlich liberalen, konservativen und sozialdemokratischen Wohlfahrtsregimen, und ist ursprünglich für kapitalistische Wohlfahrtsstaaten entwickelt worden. In seinen Werken betrachtet Esping-Andersen, wie in marktwirtschaftlich organisierten Staaten »das Zusammenspiel politischer, wirtschaftlicher und sozialer Faktoren im Hinblick auf die Beschaffenheit der sozialpolitischen Institutionen« (Schmid 2010: 73–74) funktioniert. Jeder seiner Wohlfahrtsstaatstypen folgt einem historisch angelegten Entwicklungspfad, verfügt über eine eigene Logik der Organisation der Sozialpolitik, der institutionellen Rahmenbedingungen, des Leistungsniveaus, der Muster sozialer Schichtung und Ungleichheit sowie auch eine eigene Logik der Formen gesellschaftlicher Integration bzw. Ausgrenzung (vgl. Schmid 2010: 100–101). Die Zuordnung der einzelnen Länder zu einem Sozialstaatstyp basiert auf der Verknüpfung von drei zentralen Analysekr iterien. Die struk-

turelle Ausgestaltung des sozialen Sicherungsgefüges wird durch das Ausmaß der Dekommodifizierung (Abkopplung sozialer Sicherheit vom Arbeitsmarkt), das Ausmaß der Stratifizierung (Einteilung einer Gesellschaft in Schichten) sowie ein Mischungsverhältnis des Stellenwertes von Staat, Markt und Familie in der sozialen Sicherung determiniert (vgl. Esping-Andersen 1990: 21). Später formulierte Esping-Andersen die zusätzlichen Kriterien Familialismus und Defamilialisierung, nach denen in einem familialistischen Wohlfahrtsregime die sozialen Sicherungsleistungen in hohem Maße vom Staat an die Familie übertragen werden (vgl. Esping-Andersen 1999: 45–46).

Nach dem Zerfall der Sowjetunion wurde die Existenz eines weiteren Wohlfahrtsstaatstyps festgestellt, der die postsozialistischen Länder Osteuropas zusammenfasst, die durch besondere Transformationsprozesse geprägt waren. All diese Länder sind seit Ende der 1980er Jahre durch gravierende politische, wirtschaftliche und soziale Transformationsprozesse unter Druck geraten (vgl. Schmid 2010: 107). Ein umfassender Übergang von einer planwirtschaftlich organisierten hin zu einer marktwirtschaftlichen Gesellschaft, begleitet von politischen Reformen und gesellschaftlichen Turbulenzen, begann in Russland Anfang der 1990er Jahre. Als Folge all dieser Prozesse war einerseits in der Verfassung von 1993 verankert, dass die Russische Föderation ein Sozialstaat ist (Kap. 1, Art. 7) und »каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом« (Konstitucija Rossijskoj Federacii 1993: Kap. 2, Art. 39).¹ Andererseits musste man aber lernen, mit neu entstandenen oder mit sich verschärfenden sozialen Risiken umzugehen. Die geplanten Reformen sind nur langsam vorangekommen und viele Änderungsvorhaben erwiesen sich in der Realisierung als schwierig. Für die neue Regierung war die strukturelle Reorganisation im Bereich Sozialpolitik nicht das einzige Problem und hatte nicht oberste Priorität (vgl. Schröter 1996: 14). Heutzutage kann das russische Sozialsystem demnach als eine komplexe Mischform aus alten und neuen Strukturprinzipien angenommen werden. Es bestehen im Übrigen immer noch strukturelle Probleme in den Bereichen Gesundheit, Bildung und soziale Dienstleistungen. Sie lassen sich folgendermaßen zusammenfassen: (1) Heute gibt es einige alte und neue soziale Risikotypen und -gruppen: Arbeitslose, ältere Menschen, Behinderte, Minderheiten, kinderreiche Familien, Alleinerziehende, Waisen und andere. Viele von diesen

---

1 Dt. Übers.: »jedem wird soziale Sicherung im Alter, bei Krankheit, Invalidität und Verlust des Ernährers, für die Erziehung der Kinder und in anderen gesetzlich festgelegten Fällen soziale Sicherung garantiert« (Verfassung der Russischen Föderation 1993, dt. Übersetzung auf der Seite: <http://www.constitution.ru/de/part2.htm>, letzter Zugriff: 15.07.2021).

sozialen Gruppen sind von Armut stark betroffen. (2) Es gibt eine starke Stratifizierung in der russischen Gesellschaft. Zum Ende der Sowjetunion folgte die Gliederung der Gesellschaft in Russland in etwa der Normalverteilung: eine kleine Oberschicht und eine relativ kleine Schicht armer Menschen bei einer Dominanz der Mittelschicht. Am Ende der Präsidentschaft von Boris El'cin (1991–1999) hatte sich die russische Sozialstruktur jedoch signifikant verändert: Die Stratifizierung war enorm, die Mittelschicht war »weggebrochen«. Anfang bis Mitte der 2000er hatte sich die Situation wieder gewendet, die Sozialstruktur konsolidierte sich, soziale Ungleichheit bestand aber fort (vgl. Schröder 2008: 9–11). (3) Die unzureichende Finanzierung bleibt eines der Hauptprobleme des russischen Sozialsystems. Die fehlenden Gelder, z. B. im Gesundheitsbereich, verursachen große Defizite im staatlichen Gesundheitsfonds und führen zu unterbezahltem Personal, was wiederum die informelle Bezahlung für medizinische Dienstleistungen begünstigt (vgl. Schwethelm 2005: 7–8). Ein Großteil der Bevölkerung ist vom staatlichen Gesundheitssystem abhängig; nur ein geringer Teil ist privat versichert und hat Zugang zu medizinischer Versorgung höheren Standards in Privatkliniken.

Das Konzept des Wohlfahrtsstaates beinhaltet ein gewisses Maß an Entwicklung von sozialen Programmen, sozialem Schutz, Inklusion und Integration, um die Lebensqualität der Bürger zu verbessern und ihre Lebenschancen zu erhöhen. Sehr wichtig in diesem Konzept scheint der Begriff des Vertrauens zu sein. In den letzten Jahren hat in Russland das wachsende Misstrauen gegenüber der staatlichen Sozialpolitik zur Entstehung zahlreicher unabhängiger karitativer Initiativen und Projekte im Nonprofit-Sektor geführt.

Gemeinnützige Organisationen und ihre neue Medienpräsenz

Im Oktober 2018 präsentierte eine nichtstaatliche russische Organisation, *Komitet graždanskich initsiativ*,² ihre Studie zum Thema Änderungen in der öffentlichen Stimmung und ihre möglichen Auswirkungen. Die Autoren der Studie analysieren dar-

---

2 *Komitet graždanskich initsiativ* ist eine liberale Gemeinschaft von Politikern und Experten, die sich als überparteiliche Vereinigung von Fachleuten in Schlüsselbereichen des Lebens (Wirtschaft, Wissenschaft, Kultur, Gesundheitswesen) positioniert und die Modernisierung des Landes und die Stärkung demokratischer Institutionen fordert. Das Komitee wurde im April 2012 vom ehemaligen russischen Finanzminister Aleksej Kudrin und 35 weiteren Mitgliedern gegründet.

in die wichtigsten »фундаментальные сдвиги в массовом сознании«³ (Dmitriev/ Belanovskij/Nikol'skaja 2018: 6) und unterschiedliche Prinzipien, die für die heutige russische Gesellschaft relevant sind. Die Ergebnisse der Studie können wie folgt zusammengefasst werden:

[...] обострившийся запрос на справедливость, который вытеснил надежды на сильного лидера. Ослабившиеся надежды на государство и усилившееся стремление опереться на собственные силы ограничили в этот критический момент влияние центральных СМИ на общественное мнение. (Dmitriev / Belanovskij / Nikol'skaja 2018: 38)⁴

Die Menschen vertrauen der Macht nicht: 94% der Befragten gaben an, sich bei der Lösung ihrer (sozialen) Probleme nicht mehr auf den Staat, sondern nur auf sich selbst zu verlassen. Die Autoren behaupten: »[...] население не ожидает помощи от государства, но при этом понимает, что выжить в одиночку не получится. Поэтому люди стремятся к объединению, но не с более сильным, а с себе подобными«⁵ (Dmitriev / Belanovskij / Nikol'skaja 2018: 23). Menschen, die mit einem Problem konfrontiert sind, versuchen also, sich mit Nachbarn, Arbeitskollegen, Freunden oder mit denen, die gleiche Probleme haben, zu vereinigen. Man weiß die horizontalen Beziehungen und das soziale Kapital zu schätzen. Diese Kontakte werden nicht nur in der nahen Umgebung, sondern auch ganz aktiv im Netz geknüpft.

Bereits seit Ende der 1990er Jahre boten das Internet und digitale Medien neue Möglichkeiten für Wohltätigkeit und Spendenaktionen für verschiedene Zwecke an. Zum einen führte die Entwicklung der Medien (sowie die Öffnung der Staatsgrenzen) dazu, dass mit ihrer Hilfe z. B. finanzielle Mittel für die medizinische Behandlung (auch im Ausland) von krebskranken Kindern beschafft wurden. Zum anderen handelte es sich dabei um chaotische Kampagnen, bei denen Online-Foren, Message Boards und Weblogs verwendet wurden. Zum anderen hat sich die zentralisierte Praxis eta-

---

3 Dt. Übers. der Verfasserin: »fundamentalen Veränderungen im Massenbewusstsein«.

4 Dt. Übers. der Verfasserin: »[...] verschärfte Forderung nach Gerechtigkeit, die die Hoffnungen auf einen starken Führer verdrängte. Die geschwächten Hoffnungen auf den Staat und der wachsende Wunsch, sich auf die eigenen Kräfte zu verlassen, schränkten in diesem kritischen Moment den Einfluss der zentralen Medien auf die öffentliche Meinung ein«.

5 Dt. Übers. der Verfasserin: »[...] die Bevölkerung erwartet keine Hilfe vom Staat, versteht aber gleichzeitig, dass es nicht möglich sein wird, allein zu überleben. Deshalb streben die Menschen danach, sich zu vereinen, aber nicht mit einem Stärkeren, sondern mit Gleichgesinnten«.

bliert, ›Charity-Marathons‹ in den Medien zu veranstalten und dabei neue Kommunikationsmittel wie Anruf und SMS per Mobiltelefon zu nutzen. Solche ›Marathons‹ wurden z. B. zur Unterstützung von Opfern des Terroranschlags im Moskauer Theater 2002 (auch als *Nord-Ost* bekannt) und während der Geiselnahme an einer Schule in Beslan 2004 abgehalten.

In der Entwicklung der russischen Wohltätigkeitsorganisationen und anderer gemeinnütziger Projekte im Dritten oder Nonprofit-Sektor ist von Anfang an eine enge Verknüpfung von Aktivisten und Journalisten zu beobachten.⁶ So wurde beispielsweise eine der ersten und inzwischen größten gemeinnützigen Stiftungen in Russland – *Rusfond* (*Rossijskij fond pomoščī*) – von den Journalisten Vladimir Jakovlev und Lev Ambinder 1996 gegründet. Sie wurde als Wohltätigkeitsprogramm des *Kommersant*-Verlags ins Leben gerufen: »для оказания помощи авторам отчаянных писем в газету ›Коммерсантъ‹«⁷ (*Pomogaem pomogat': o fonde 2021*). Die Mission der Stiftung ist es, schwerkranken Kindern zu helfen und sowohl die Entwicklung des Dritten Sektors als auch die Einführung von medizinischen Spitzentechnologien zu fördern. Als eine der ersten schuf *Rusfond* zusammen mit *Kommersant* die gezielte journalistische Mittelbeschaffung im Lande. Die Stiftung veröffentlichte regelmäßig Briefe und Hilfsanfragen auf den Seiten der Zeitung, ihre Leser konnten auf diese Anfragen reagieren und Geld spenden. Dadurch wurden auch größere Sponsoren und Unterstützer gefunden. Eine wichtige Rolle spielte dabei der gute Ruf der Zeitung und ihrer Journalisten. Schon Mitte der 2000er wurden weitere Partnermedien dazu eingeladen, Texte und Hilfsanfragen zu publizieren. 2011 wurden die Printmedien durch den zentralen Fernsehsender *Pervyj kanal* und 2013 durch die regionalen Radio- und Fernsehkanäle erweitert (vgl. *Pomogaem pomogat': o fonde 2021*). Im März 2013 starteten *Rusfond* und die in Russland bekannteste Blog-Plattform *LiveJournal* ein gemeinsames Wohltätigkeitsprojekt. So werden nicht nur Journalisten in die Berichterstattung über die Tätigkeit der Stiftung, sondern auch renommierte Blogger und unabhängige Publizisten engagiert. Dabei waren ihre persönliche Verantwortung, meinungsbildende und meinungsführende Rolle sowie das durch digitale Netzwerke entstandene soziale Kapital besonders nützlich.

---

6 Wohltätigkeit ist in Russland immer noch schlecht entwickelt. Nach Schätzungen der internationalen Wohltätigkeitsorganisation *Charities Aid Foundation* (CAF) belegte Russland 2012 im *CAF-Charity-Rating* den 127. Platz unter 139 Ländern. Im Jahr 2019 erhielt Russland den 117. Platz. Eines der Hauptprobleme in Russland in diesem Bereich ist, dass mehr als die Hälfte der Bevölkerung gemeinnützigen Stiftungen nicht traut. Außerdem sammeln die meisten Stiftungen in Russland Spenden für kranke Kinder und nur wenige helfen ausschließlich Erwachsenen (vgl. *Mirovoj rejting blagotvoritel'nosti 2019*).

7 Dt. Übers. der Verfasserin: »um Autoren von verzweifelten Briefen an die Zeitung *Kommersant* zu helfen«.

Nichtdestotrotz war es ein langer Prozess von einzelnen Projekten und gelegentlicher Wohltätigkeit bis hin zu systematischer Philanthropie in Russland. Erst Mitte bis Ende der 2000er Jahre erkannten Initiatoren und ihre Sponsoren, dass das Ganze strategisch, systematisch und durchdacht erfolgen muss. Sie stellten auch fest, dass all diese Projekte und Organisationen nicht nur gute erfahrene Manager, sondern auch eine zentralisierte mediale Präsenz benötigen.

Takie dela: Sozialer und Fundraising-Journalismus

Im Jahr 2012 fing eine andere Stiftung ihre Arbeit an: *Nužna pomošč'* wurde von dem Fotografen Dmitrij (Mitja) Aleškovskij und dem Journalisten Andrej Chodorčenkov gegründet. Insgesamt haben sich mehr als 50 Journalisten an der Stiftungsarbeit beteiligt. Das Ziel des Projekts war es: »искать истории про людей или организации, которые выполняют важную для общества функцию — спасают, помогают, поддерживают, защищают и прочее«⁸ (Rossijskie žurnalisty zapustili... 2012). Heutzutage hilft die Stiftung anderen sozialen Projekten in Russland. Sie arbeitet als Dachfonds und sammelt Spenden für andere gemeinnützige Organisationen und Initiativen. So formuliert *Nužna pomošč'* eine ihrer Aufgaben: »Одна из основных задач нашего проекта – популяризация благотворительности и волонтерства. Мы добиваемся, чтобы в СМИ выходило больше публикаций на благотворительную тематику«⁹ (*Nužna pomošč'*: O nas 2019). Als Folge hat *Nužna pomošč'* im Jahr 2015 das Portal *Takie dela* gegründet, das heutzutage als zentrale Plattform für sozialen Journalismus gilt und verschiedene karitative NGOs, Vereine und Initiativen in der russischen Medienlandschaft darstellt. Das Ziel dieses Mediums sei es nach eigener Aussage, Medienpräsenz für diverse gemeinnützige Organisationen zu schaffen und eine Lücke zwischen der Regierung, ihrer Sozialpolitik, den Medien und den einfachen Menschen zu füllen. Der Slogan des Portals lautet: »Мы вернем в журналистику человека« (»Wir bringen den Menschen in den Journalismus zurück«). Der Mensch ist in diesem Fall beides: ein empathischer Journalist und eine Hauptfigur seiner Geschichten – eine gewöhnliche Person. Vor der Gründung

---

8 Dt. Übers. der Verfasserin: »Geschichten über Menschen oder Organisationen zu suchen, »die eine wichtige Funktion für die Gesellschaft erfüllen – sie retten, helfen, unterstützen, schützen usw.«.

9 Dt. Übers. der Verfasserin: »Eines der Hauptziele unseres Projektes ist es, Wohltätigkeit und Freiwilligenarbeit bekannt zu machen. Wir versuchen, mehr Publikationen zu gemeinnützigen Themen in den Medien zu verbreiten«.

des Portals gab es in der russischen Medienlandschaft praktisch keine mediale Repräsentation der einfachen Menschen, ihrer alltäglichen Probleme und Herausforderungen, denen sie sich jeden Tag stellen müssen. Einerseits setzt sich das Projekt zum Ziel, humanitäre Prinzipien und Werte zu verbreiten und Artikel über sozial schwache Gruppen und Menschen in Not zu verfassen. Andererseits geht es um eine direkte Förderung des sozialen Engagements durch zahlreiche Fundraising-Aktionen. 2019 schrieb Aleškovskij auf seiner *Facebook*-Seite:

Когда мы придумали ›Такие дела‹ – издание про обычного человека в современной России, раздел ›Общество‹ в большинстве российских медиа представлял из себя помесь криминальной сводки и историй из жизни звезд. [...] Общество существовало в зародыше, даже в представлении московских СМИ, не говоря уже о читателях. За эти четыре года ›Такие дела‹ из издания, которое собирает деньги на благотворительность, превратилось в институт. Институт гражданского общества, который помогает этому самому обществу развиваться, помогает людям становиться гражданами, помогает каждому чувствовать свою персональную ответственность за то, что происходит рядом, вокруг, в стране. (Aleškovskij 2019)¹⁰

Takie dela kann durch folgende Merkmale charakterisiert werden:

1. Hochqualitativer (sozialer) Journalismus

Der bereits erwähnte Begriff sozialer Journalismus bezeichnet eine bestimmte Form des Journalismus, die aber immer noch unterschiedlich genannt werden kann. Der russische Medienforscher Iosif Dzjalošinskij schreibt in seiner Publikation *Žurnalistika součastija. Kak sdelat' SMI poleznymi ljudjam*:

---

10 Dt. Übers. der Verfasserin: »Als wir ›Takie dela‹ erfunden haben – ein Portal über einen normalen Menschen im heutigen Russland – war die Rubrik ›Gesellschaft‹ in den meisten russischen Medien eine Mischung aus krimineller Chronik und Geschichten aus dem Leben der Celebrities. [...] Die [politisch aufmerksame, Anm. der Verfasserin] Öffentlichkeit stand noch am Anfang ihrer Entwicklung, sogar in der Darstellung von den Moskauer Medien, ganz zu schweigen von den Lesern. In diesen vier Jahren hat sich ›Takie dela‹ von einer Internetseite, die Geld für wohltätige Zwecke sammelt, zu einem Institut entwickelt. Das Institut der Zivilgesellschaft, das eben dieser Gesellschaft bei ihrer Entwicklung hilft; das den Menschen hilft, Bürger zu werden und eine persönliche Verantwortung zu fühlen für das, was sich in ihrer Nähe, um sie herum, im Lande abspielt.«

Главная идея такой журналистики заключается в том, что журналистам следует рассматривать читателей [...] как участников решения важных вопросов. Эта журналистика самоопределяется в таких терминах, как «гражданская», «коммунитарная», «гуманитарная» журналистика, журналистика соучастия. Основной функцией/ролью так понимаемой журналистики становится «модератор диалога». Это означает, что журналистика может и должна создавать среду для равноправного диалога между различными социальными группами [...], в ходе которого могут разрешаться социальные противоречия и конфликты. (Dzjalošinskij 2006: 9–10)¹¹

Mit Hilfe von sozialem Journalismus versucht *Takie dela*, die Haltung der Gesellschaft zu einer Vielzahl von »schwierigen« Themen zu verändern und zeigt in seinen Reportagen, wie man darüber sprechen kann. Das Portal behandelt solche, in der Gesellschaft noch immer »stigmatisierte«, Themen, wie z. B. die Lebensbedingungen von Behinderten, Waisen, Menschen mit HIV, Opfern von Vergewaltigung und traumatisierten Menschen. Außerdem werden die Bedingungen in psychoneurologischen Internaten, Haftbedingungen und Folter, aber auch die Probleme marginalisierter Gruppen (Obdachlose, Drogensüchtige, Migranten, Minderheiten) thematisiert. Die Reportagen beschäftigen sich ferner mit Aspekten der Sozialpolitik (Tätigkeit von NGOs, lokale Selbsthilfegruppen, medizinische Vorsorge und Pflege) und Fragen zu Menschenrechten, Ökologie, Tierrechten, juristischer Hilfe und sozialer Unterstützung.

2. Verwendung von mehreren journalistischen Formen und Gattungen
Publikationen in *Takie dela* erscheinen in mehreren journalistischen Formen. Dabei handelt es sich um klassische journalistische Gattungen (Reportagen, Interviews, Essays, die mit Bildern und/oder kleinen Videos kombiniert werden). Außerdem veröffentlichen Journalisten, Experten und Fachleute aus unterschiedlichen Bereichen, die mit dem Portal zusammenarbeiten, ihre Texte auch im

---

11 Dt. Übers. der Verfasserin: »Die Grundidee eines solchen Journalismus ist, dass Journalisten die Leser [...] als Teilnehmer bei der Lösung wichtiger Probleme betrachten sollten. Dieser Journalismus wird in Begriffen wie »bürgerlicher«, »kommunitärer«, »humanitärer« Journalismus und Journalismus der Beteiligung definiert. Die Hauptfunktion/-rolle des so verstandenen Journalismus ist es, ein »Moderator des Dialogs« zu werden. Dies bedeutet, dass der Journalismus ein Umfeld für einen gleichberechtigten Dialog zwischen verschiedenen sozialen Gruppen schaffen kann und sollte [...], in dem soziale Widersprüche und Konflikte gelöst werden können«.

Format der Blogbeiträge, wo sie über gesellschaftliche Probleme, systematische Benachteiligungen, einzigartige Erfahrungen, verschiedene Präzedenzfälle im sozialpolitischen Bereich sowie über Bürger- und Menschenrechte in einer einfachen Sprache sprechen. Ein weiterer Teil von *Takie dela* ist die Abteilung für Spezialprojekte, die Longreads und Multimedia-Geschichten produziert. Sie erstellt ausführliche und erklärende Materialien zu brisanten Themen, kombiniert verschiedene Techniken und Medien, um die Darstellung und Präsentation des Themas mehrdimensional und umfangreicher zu machen und das Material effektvoller zu visualisieren. Es können mehrere Beispiele für solche Spezialprojekte von *Takie dela* genannt werden. Das Projekt *Žili-byli* wurde 2017 zum Tag der Obdachlosen erstellt und erzählt die Geschichte von Obdachlosen, die in Moskau auf der Straße leben oder gelebt haben (vgl. Karpov 2017). Dieses Projekt stellt eine animierte Webdokumentation mit Text-, Grafik-, Video und Audiofragmenten dar und lässt sich mit einem Dokumentarfilm mit Regiearbeit, Perspektivenwechsel und einer Vielzahl von Effekten vergleichen. Ein anderes Beispiel ist das Projekt *Kosa i kamen'*, das über den globalen Klimawandel in Kamtschatka, die Vorgeschichte der Region, die Entwicklung der Situation, die Einstellung der Wissenschaftler zu diesem Problem, dessen Auswirkungen auf das Leben der Menschen und mögliche zukünftige Konsequenzen berichtet (vgl. Sochin 2017). Das Online-Projekt *Žizn' človeka* ist ein weiteres Beispiel für eine multimediale Geschichte: Es berichtet über den erfahrenen Onkologen Andrej Pavlenko, der selbst an Krebs litt und gegen seine Krankheit kämpfte (vgl. Karpov 2018–2020). Pavlenko führte eine Art Tagebuch in Form eines Weblogs, beschrieb seine Beobachtungen als Patient und als Arzt, teilte Bilder, Audiodateien in Form von Podcasts und Videos aus dem Krankenhaus, erstellte kurze Kärtchen mit den wichtigsten Informationen zum Thema Krebs. Das Projekt spricht also viele Problematiken der russischen medizinischen Versorgung an und versucht, eine Art Anleitung für andere kranke Menschen zu liefern.

3. Fundraising

Darüber hinaus schafft das Portal einen, für den russischen Journalismus relativ neuen, Medienansatz, nämlich den Fundraising-Text, der fundierten Journalismus mit direkter Unterstützung von Wohltätigkeitsinitiativen kombiniert. Unter jedem Beitrag findet der Leser Spendenaufrufe mit genauen Angaben zur Verwendung der Gelder. Dadurch hilft das Portal der NGO *Nužna pomošč'* das Geld für mehrere weiteren Organisationen und Initiativen zu sammeln. Für die

Gewährleistung einer vollständigen Transparenz werden alle Fundraising-Ergebnisse, Budgets des unterstützten Projekts und ausführliche Berichte online öffentlich zugänglich gemacht. Eines der Ziele der neuen Medien ist es, das Vertrauen des Auditoriums zu gewinnen und es nicht zu brechen. Damit korrelieren unmittelbar ihre Reputation und ihre weitere Arbeit. Es handelt sich also in allen Reportagen und multimedialen Geschichten des Portals *Takie dela* gleichzeitig um Image-Projekte, die den Status des Mediums und die Resonanz in der Gesellschaft erhöhen, aber auch potenzielle neue Aktivisten erreichen sollen.

Fazit

Zum Schluss kann behauptet werden, dass die Verbreitung des Internets und der Online-Kommunikation die Koordinierung und horizontale Organisation der Gesellschaft außerordentlich beschleunigt hat. Außerdem haben die sozialpolitischen Probleme, der Mangel an sozialer Kommunikation sowie das wachsende Misstrauen gegenüber den staatlichen Strukturen und traditionellen Medien in Russland die Entwicklungsdynamik von neuen Medien im Internet und ihre inhaltliche Agenda im Sinne von gemeinnützigen Initiativen und Themen des Dritten Sektors in den letzten 10–15 Jahren stark geprägt. Das Portal *Takie dela* kann als das führende russische Medium im Bereich des sozialen Journalismus genannt werden. Seine Vision befindet sich an der Schnittstelle von Medien und Aktivismus. Seine Autoren wenden sich neuen Technologien, Formen und Formaten zu und gelten als Vorreiter in diesem sozialen Journalismus »mit menschlichem Antlitz«. Gleichzeitig sind die jüngsten erfolgreichen Spendenaktionen und regelmäßigen Online-Spenden ein eindeutiges Zeichen für die Bereitschaft der Bürger, die unabhängige Zivilgesellschaft, den gemeinnützigen Sektor, die lokalen Vereine und einander zu verteidigen, zu schützen und zu unterstützen. Diese Entwicklung kann als »новая медийность благотворительности« (neue Medienpräsenz der Wohltätigkeit) bezeichnet werden. Ihre Merkmale sind journalistische Geschichten in Form von Fundraising-Texten und multimedialer Journalismus, Transparenz, ein gemeinsames Verständnis, übereinstimmende Normen und Werte, ein neues soziales Kapital, Solidarität und gegenseitiges Vertrauen.

Literaturverzeichnis

- Aleškovskij, M. (2019): »Kogda my pridumali »Takie dela««. In: *Facebook*, <https://www.facebook.com/mitya.aleshkovskiy/posts/10219304092172482> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- Dmitriev, M. / Belanovskij, S. / Nikol'skaja, A. (2018): »Priznaki izmenenija obščestvennych nastroenij i ich vozmožnye posledstvija«. In: *Komitet graždanskich iniciativ*, <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- Dzjalošinskij, I. (2006): *Žurnalistika současťija. Kak sdelat' SMI poleznymi ljudjam*. Moskva.
- Esping-Andersen, G. (1990): *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge.
- Esping-Andersen, G. (1999): *Social Foundations of Postindustrial Economies*. Oxford.
- Karpov, S. (2017): »Žili-byli«. In: *Takie dela*, <https://takiedela.ru/homeless/> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- Karpov, S. (2018–2020): »Žizn' čeloveka«. In: *Takie dela*, <https://cancer.takiedela.ru/> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- Konstitucija Rossijskoj Federacii* (1993), <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- »Mirovoj rejting blagotvoritel'nosti« (2019). In: *KAF. Blagotvoritel'nyj fond razvitiya filantropii*, http://www.cafussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (aufgerufen am: 15.07.2021).
- »Nužna pomošč': O nas« (2019). In: *Nuzhnapomosh.ru*, <https://nuzhnapomosh.ru/about/> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- »Pomogaem pomagat': o fonde« (2021). In: *Rusfond*, <https://rusfond.ru/about/o> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- »Rossijskie žurnalisty zapustili volonterskij proekt »Nužna pomošč'« (2012). In: *Lenta.ru*, <https://lenta.ru/news/2012/09/10/nuzhnapomosh/> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- Schmid, J. (2010): *Wohlfahrtsstaaten im Vergleich. Soziale Sicherung in Europa: Organisation, Finanzierung, Leistungen und Probleme*. Wiesbaden.
- Schröder, H. (2008): »Stratifikation und soziale Ungleichheit in Russland«. In: *Russland-Analysen* (173), S. 9–12, <https://doi.org/10.31205/RA.173.02>.
- Schröter, R. (1996): *Zum Sozialsystem in der Russischen Föderation und der Ukraine*. Marburg.
- Schwethelm, J. (2005): »Russland auf dem Weg zum Sozialstaat?«. In: *Politikinformation Osteuropa* (123), <http://library.fes.de/pdf-files/id/o2854.pdf> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- Sochin, V. (2017): »Kosa i kamen'«. In: *Takie dela*, <https://takiedela.ru/kamchatka> (aufgerufen am: 15.07.2021).
- Verfassung der Russischen Föderation* (1993): Dt. Übersetzung, <http://www.constitution.ru/de/part2.htm> (aufgerufen am: 15.07.2021).

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

***Wiadomości* und *tagesschau* – Hauptnachrichtensendungen des öffentlich-rechtlichen Fernsehens in Polen und Deutschland. Eine vergleichende Analyse der Berichterstattung im Zeitraum 18.01.–08.02.2020**

Gegenstand meines Interesses sind die Art und Weise der Berichterstattung und die Aufbereitung der Nachrichten der Sender ARD das Erste und TVP 1. Der Schwerpunkt liegt damit auf den öffentlich-rechtlichen Fernsehanstalten in Deutschland und Polen und den beiden Hauptnachrichtensendungen *tagesschau* und *Wiadomości*. Die Erfüllung des gesetzlich auferlegten Programmauftrags soll mithilfe ausgewählter Kriterien verifiziert werden.

My subject of interest is the way of reporting and the presentation of the news of the broadcasters ARD das Erste and TVP 1. The focus is thus on the public broadcasters in Germany and Poland and the two main news programmes *tagesschau* and *Wiadomości*. The intention is to verify the fulfilment of the programme mandate imposed by law with the help of selected criteria.

Wie wichtig die interdisziplinäre Auseinandersetzung mit Fernsehnachrichten ist, vergegenwärtigt die im Jahr 2018 von der Bertelsmann Stiftung veröffentlichte Studie *Nachhaltiges Regieren in der OECD und EU*. So ist von »Tendenzen einer Erosion demokratischer und rechtsstaatlicher Standards – etwa im Bereich der Pressefreiheit – [...] in vielen hochentwickelten Industrienationen« (Lopes et al. 2018: 6) zu lesen. Eine dramatische Entwicklung sei in Polen festzustellen, das lange Zeit »eine Vorbildfunktion unter den mittel- und osteuropäischen Ländern hatte, [...] unter der rechtskonservativen

PiS-Regierung [jedoch] massiv an Demokratiequalität verloren« (ebd.: 8) habe. Zu den Säulen der Demokratie zählen neben der Rechtsstaatlichkeit, regelmäßig stattfindenden Wahlen, der Wahrung von Grund- und Menschenrechten auch der öffentliche Informationszugang (vgl. ebd.: 71). Seine Realisierung obliegt den öffentlich-rechtlichen oder staatlichen Medienanstalten, konkret den nationalen Fernsehsendern ARD/ZDF in Deutschland und TVP S.A. in Polen. Ihre Aufgabe ist es, die pluralistische Willens- und Meinungsbildung zu fördern und gleichzeitig eine Kontrollfunktion auszuüben.

Forschungsmethode

Die vergleichende Analyse der Berichterstattung fußt auf den von mir selbständig gesammelten Daten, die mithilfe der Beobachtungsmethode gewonnen wurden. In einem dreiwöchigen Zeitraum vom 18.01.–08.02.2020 habe ich die Merkmale der jeweiligen tagesaktuellen Hauptnachrichtenausgabe gesammelt. Die Festlegung auf diesen Zeitraum war aus vielerlei Hinsicht interessant und relevant: Ende Januar standen das Impeachment gegen US-Präsident Donald Trump und die Entscheidung über den endgültigen Austritt Großbritanniens aus der EU (Brexit) bevor; Ereignisse, die sowohl in Deutschland als auch in Polen von politischer und wirtschaftlicher Bedeutung waren. Die selbstständig erhobenen Daten sind einerseits die Grundlage für eine detaillierte Untersuchung, andererseits der Ausgangspunkt für die Erstellung des medialen Profils der beiden Hauptnachrichtensendungen. Es wird sich zudem der Frage gewidmet, wie und warum Ereignisse aus In- und Ausland zu Nachrichten und somit Teil der jeweiligen Nachrichtensendungen werden. Den theoretischen Überbau dieser Auseinandersetzung bilden der Nachrichtenwerte¹ nach Walter Lippmann (vgl. Eilders 2016: 431) und die Nachrichtenfaktoren² v.a. nach Miriam Meckel und Klaus Kamps (vgl. 1998: 23), die für das Verständnis der Konzeptionierung einer Nachrichtensendung herangezogen und im Lichte der *tagesschau* und *Wiadomości* interpretiert werden. Am Beispiel der Berichterstattung über den Brexit und das

---

1 Lippmann nahm an, dass Medien ihre Berichterstattung von inhaltlichen Kriterien abhängig machen, da sie nur auf diese Weise die Realität in ihrer Gänze und Komplexität erfassen und abbilden können (vgl. Eilders 2016: 431–432). Es sind die Nachrichtenwerte, die über das »Ob« der Publikation entscheiden (vgl. ebd.: 432). Neben der Frage über die Publikation des Ereignisses überträgt sich der Wert eines Ereignisses auf die Nachricht und bestimmt so wiederum ihren Wert (vgl. Schwiesau 2016: 14). Ob der Nachrichtenwert für ein Ereignis gegeben ist, setzt voraus, dass Neuigkeits- und Informationswert vorliegen, die ihrerseits die Aktualität implizieren (vgl. ebd.: 18).

2 Ob ein Ereignis berichterstattungswürdig ist, erfolge gemäß Meckel und Kamps im Genre der Fernschnachrichten anhand der Auswahlkriterien Aktualität, Relevanz, Konsonanz, Simplität und Visualität (vgl. Meckel / Kamps 1998: 23).

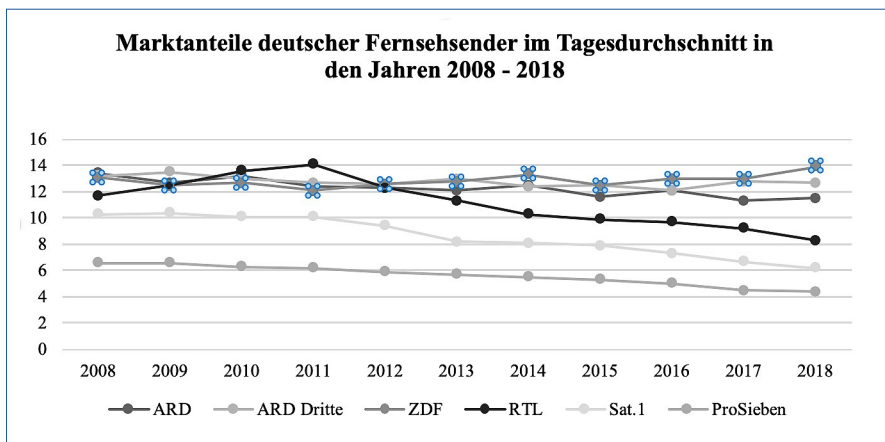
Amtsenthungsverfahren werden konkrete Meldungen analysiert, um somit der Frage nachzugehen, ob Tendenzen bei der Berichterstattung in den beiden Nachrichtensendungen festzustellen sind.

Öffentlich-rechtliches Fernsehen in Polen und Deutschland – Bestandsaufnahme

Beide Fernsehlandschaften sind nach dem dualen System gegliedert, in dem öffentlich-rechtliche und private Fernsehsender Bestandteile der nationalen Fernsehlandschaft sind. Die öffentlich-rechtlichen Sender TVP 1 und TVP 2 konkurrieren mit den Privatsendern Polsat und TVN in Polen. Das Pendant dazu in Deutschland sind die öffentlich-rechtlichen Fernsehsender ARD und ZDF und die Privatsender RTL, Sat.1 und ProSieben.

Interessant ist, dass sich innerhalb der deutschen Fernsehlandschaft funktionelle Unterschiede zwischen den oben genannten Privatsendern und öffentlich-rechtlichen Sendern festmachen lassen. Hinsichtlich Inhalt und Programmstruktur haben sich ARD und ZDF über Jahrzehnte hinweg bis heute als Informationsgeber etabliert. Diese Sichtweise belegen auch die Daten der Programmanalysen für das Jahr 2001 (vgl. Krüger / Zapf-Schramm 2002: 178) und 2017 (vgl. Krüger 2018: 197). Zudem macht der Informationsanteil von ARD und ZDF nach wie vor weit über ein Drittel der Gesamtsendezeit aus, wohingegen bei den Privatsendern der Informationsanteil zwischen 9% und 21% der Gesamtsendezeit liegt (vgl. ebd.). Der Unterhaltungsfaktor ist bei den drei großen Privatsendern in Deutschland mit über die Hälfte oder mehr als zwei Drittel der Gesamtsendezeit am ausgeprägtesten, während bei ARD und ZDF dies bei unter 50% der Gesamtsendezeit (vgl. ebd.) liegt.

Für die polnische Fernsehlandschaft kann eine derart saubere Trennung nicht vorgenommen werden. Auch wenn sich anfangs um eine strikte Unterscheidung beider Sendertypen durch ihre jeweiligen Sendungsprofile und Programmstrukturen bemüht wurde, so verweichte diese harte Trennlinie im Laufe der Zeit nach und nach. Die Programmstrukturen von Polsat und TVN richten sich an eine breite Zuschauermasse und offerieren eine bunte Programmpalette, die sich aus hauseigenen Nachrichtensendungen, Unterhaltungssendungen, Hollywood-Produktionen, Sitcoms und Serien zusammensetzt (vgl. Maliszewski 2013: 6). Insbesondere erfreute sich diese Programmstruktur großer Beliebtheit, da mit dem Fall des Eisernen Vorhangs einerseits das Monopol eines einzelnen Senders (TVP) abgeschafft war und durch die

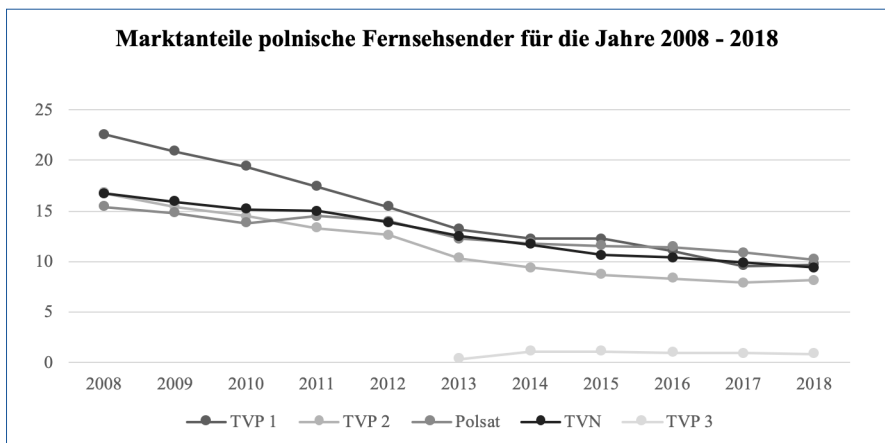
Abb. 1: Marktanteile deutscher Fernsehsender im Tagesdurchschnitt in den Jahren 2008–2018. Eigene Anfertigung auf Grundlage der AGF Videoforschung in Zusammenarbeit mit GfK für die Jahre 2008–2018 über <https://www.agf.de/daten/tvdaten/marktanteile/?name=marktanteile> (aufgerufen am: 15.04.2020).

Demokratisierung der Fernsehlandschaft auch die Angebotsvielfalt gewachsen ist. Die TVP S.A. versuchte deshalb schon früh, mit den Privatsendern und ihrem exotischen und schillernden Programmpotpourri Schritt zu halten. Rückblickend lässt sich feststellen, dass das Konsumbedürfnis der Zuschauer:innen die richtungsweisende Maxime für die Festlegung der Programmstruktur der TVP S.A. gewesen ist (vgl. ebd.: 16) und drastische Konsequenzen mit sich zog: Während im Jahr 1994 auf TVP 1 Serien noch 25% der Gesamtsendezeit einnahmen, hat sich die Sendezeit im Jahr 2009 für diese verdoppelt (vgl. ebd.: 14). Gleichzeitig sank im selben Zeitraum der Anteil publizistischer Sendeformate von 25% auf 15% (vgl. ebd.).

Der Kontrast zwischen den öffentlich-rechtlichen Sendern in Deutschland und Polen könnte in Bezug auf ihre jeweilige Programmstruktur nicht größer sein: Während sich die Programmstruktur von ARD und ZDF durch Stringenz und Kontinuität hervorhebt, ist die Programmstruktur des polnischen Pendant sprung- und wechselhaft. Analog hierzu fügt sich die Entwicklung der jeweiligen Marktanteile innerhalb der nationalen Fernsehlandschaft in dieses kontrastive Bild.

Dem Verlauf der Linien in Abbildung 1 ist zu entnehmen, dass der Marktanteil der öffentlich-rechtlichen Fernsehsender in Deutschland innerhalb von zehn Jahren konstant geblieben ist. ARD, das Erste und das ZDF weisen im Laufe des Erhebungszeitraums von zehn Jahren (2008–2018) zwar Schwankungen auf, festzustellen ist aber,

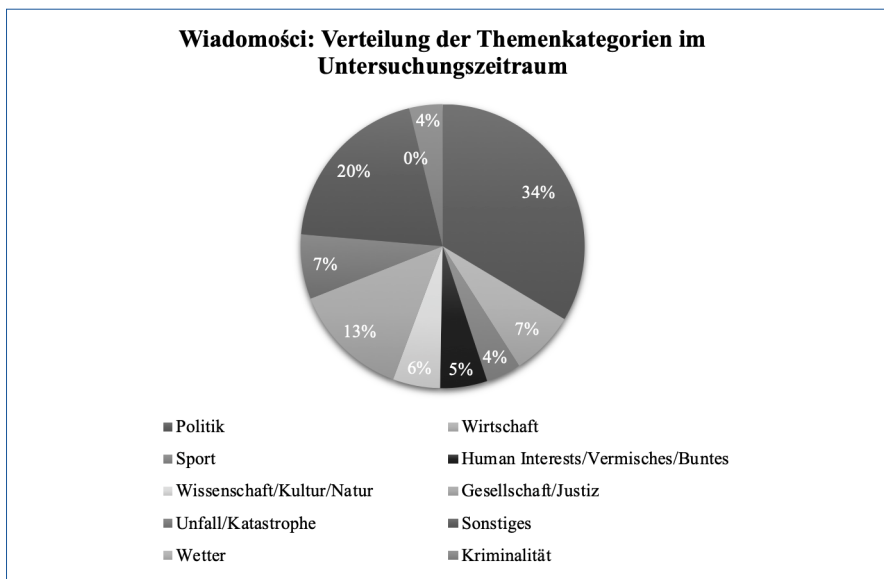

Abb. 2: Marktanteile polnischer Fernsehsender für die Jahre 2008–2018. Eigene Anfertigung auf Grundlage der Daten *Rynek telewizyjny* der Krajowa Rada Radiofonii i Telewizji (KRRiT) für die Jahre 2008–2018 (vgl. u.a. Veröffentlichungen von Reisner).

dass die Marktanteile bei 11–14% liegen und somit nahezu konstant sind. Für das polnische Pendant hingegen ist festzustellen, dass innerhalb von zehn Jahren die Sender der TVP S.A. mehr als 50% ihrer Marktanteile verloren haben.

Während TVP 1 und TVP 2 im Jahr 2008 in Summe rund 39,4% Marktanteil vereinen, liegt dieser eine Dekade später nur noch bei 17,89%. Ein Grund für dieses kontrastive Bild ist in der Rechtsform und im finanziellen Ist-Zustand zu finden. Als Aktiengesellschaft konzipiert die TVP S.A. ihre Sendeinhalte unter dem Aspekt der Gewinnmaximierung und orientiert ihre Programmgestaltung am Sehverhalten der Zuschauer:innen (vgl. Maliszewski 2007: 3). Die ARD als Anstalt des öffentlichen Rechts hat das Recht der Selbstverwaltung inne und unterliegt keiner Profitmaxime (vgl. Bundeszentrale für politische Bildung 2020). Ein weiterer Grund liegt in der Umsetzung des Finanzierungsmodells. Sowohl in Deutschland als auch in Polen gilt für die öffentlich-rechtlichen Fernsehanstalten das Prinzip der Mischfinanzierung (vgl. Świerczyńska-Głownia 2014: 18; Breunig / Holtmannspötter 2019: 338). ARD und ZDF konnten sich auch dank der gesicherten Finanzlage im Laufe der letzten Dekaden ein klar abgrenzbares Programmprofil erarbeiten und etablieren. Während in Deutschland der Rundfunkbeitrag die tragende Säule der Finanzierung ist (vgl. Breunig / Holtmannspötter 2019: 338), ist dieser in Polen nur marginal. Den Löwenanteil machen Werbeeinnahmen aus (vgl. Skoczek 2009: 74). Die TVP S.A. nahm

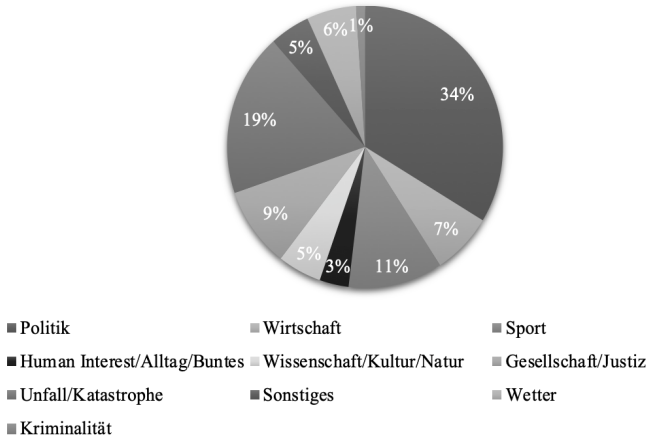
Abb. 3: *Wiadomości*: Verteilung der Themenkategorien im Untersuchungszeitraum. Eigene Anfertigung auf Grundlage der eigenen Datenerhebung und -auswertung.

in der Vergangenheit hierfür in Kauf, dass sie den Unterhaltungssektor stärker ausbaute, während die Informationsprogramme auf ein Minimum reduziert wurden.

Analyse: Themenstruktur von *Wiadomości* und *tagesschau* im Untersuchungszeitraum

Ob eine Politisierung der Berichterstattung und/oder Unterschiede in der Berichterstattung von *Wiadomości* und *tagesschau* festzustellen sind, ist Gegenstand der inhaltlichen Analyse, die in drei Schritten vorgenommen wurde. Hinsichtlich der Aufteilung der Themenstruktur kann für die *Wiadomości* und *tagesschau* im Ergebnis festgehalten werden, dass beide Sendungen ihren Schwerpunkt auf den Themenbereich Politik legen und dieser im Untersuchungszeitraum jeweils über ein Drittel der Nachrichtenmeldungen ausmachte.

tagesschau: Verteilung der Themenkategorien im Untersuchungszeitraum

Abb. 4: tagesschau: Verteilung der Themenkategorien im Untersuchungszeitraum. Eigene Anfertigung auf Grundlage der eigenen Datenerhebung und -auswertung.

Vorherrschend sind in beiden Sendungen die Themenkategorien (nach Krüger 2012: 106) Politik, Wirtschaft, Gesellschaft/Justiz und Unfall/Katastrophe. Es sind Themen, die sich an ein breites Publikum richten, von gesamtgesellschaftlicher Relevanz sind (vgl. Meckel / Kamps 1998: 25) und somit als Umsetzung des auferlegten Programmauftrages interpretiert werden können.

Die Auswahl der Meldungen dieser Themenkategorien erfolgt in beiden Sendungen nach den Nachrichtenwerten Wissens- und Orientierungswert³ sowie Gebrauchswert.⁴ Sowohl in der deutschen als auch in der polnischen Hauptnachrichtensendung

3 Ereignisse mit einem Wissens- und Orientierungswert informieren die Zuschauer:innen, geben Orientierung und ermöglichen Meinungsbildung. Gewichtet wird nach der Betroffenheit (Größe des Adressatenkreises), der Tragweite (Ausmaß von Konsequenzen), Nähe (räumliche und emotionale Beziehung) und Einfluss (je ranghöher, desto bedeutender) (vgl. Schwiesau 2016: 19–20).

4 Der Gebrauchswert liegt vor, wenn über Nutzen oder Schaden informiert wird, Beispiele wären eine verbraucher:innenfreundliche Gerichtsentscheidung oder die Warnung vor Krankheitserregern (Schwiesau 2016: 20–21).

dominieren die Nachrichtenfaktoren Aktualität⁵ und Relevanz.⁶ Die *Wiadomości* fallen jedoch durch ihren starken nationalen Bezug auf. Das Beispiel der Berichterstattung über die Justizreform und die gegenwärtige Judikative veranschaulicht, wie sich diese Themendominanz auf die Themenvielfalt der Sendungen auswirkt. Auch wenn auf den ersten Blick durchschnittlich 5,76 Themen pro Sendung (ohne die Themenkategorie Sonstiges sind es 4,76) abgedeckt werden, ist die Nachrichtenvielfalt in der Kategorie Gesellschaft/Justiz durch wiederholende Berichterstattung desselben Ereignisses eingeschränkt. Innerhalb der 35-minütigen Nachrichtensendung verbleibt auf diese Weise noch Platz für drei (oder vier) neue Themen. Der Fokus der *Wiadomości* auf der nationalen Berichterstattung spiegelt sich im Verhältnis von In- und Auslandsberichterstattung wider. So dominierte mit knapp 52,49% die Inlandsberichterstattung. Bei der 15-minütigen *tagesschau* lag diese bei 45,41%, womit die Auslandsberichterstattung mit 54,59% im Untersuchungszeitraum überwog. Unterschiede sind jedoch im Einsatz von Programmhinweisen festzustellen. Die *tagesschau* legt den Fokus auf eine weiterführende Informationsvermittlung durch Verweise auf Folgesendungen oder *tagesschau.de* und versucht damit, die Simplizität⁷ zu kompensieren. Die Hinweise in den *Wiadomości* betreffen separate Sendungsformate, wobei nicht explizit auf deren Informationsmehrwert verwiesen wird. Vielmehr fiel im Rahmen der Beobachtung auf, dass hauseigene Unterhaltungsshow, Filme oder Dokumentationen beworben wurden. Diese Sendungsstruktur kann als Folge des finanziellen Missstandes und der Abhängigkeit von Werbesponsoren bewertet werden. Je höher die Zuschauerquote ist, desto attraktiver ist der Werbedeal und umso hochpreisiger können Werbeplätze vergeben werden. Die aktive Publikumsakquise mittels Programmwerbung ist wesentlicher Bestandteil der Sendung, wofür umfangreich Sendezeit zur Verfügung

---

5 Die Informationsvermittlung schnelllebiger Geschehnisse wirkt sich auf die endgültige Themenstruktur der Nachrichtensendung aus und birgt gleichzeitig die Gefahr eines Informationsverlustes, da die täglich variierende Nachrichtenflut von den Rezipient:innen nicht mehr vollständig erfasst werden kann (vgl. Maier 2003: 23). Dem wird mit der Folgeberichterstattung oder einer Reaktivierung und Kontextualisierung vorangegangener Ereignisse entgegengewirkt. Auf diese Weise gewinnt ein Ereignis wieder an Aktualität, indem ihm erneut Aufmerksamkeit geschenkt wird (vgl. ebd.: 24).

6 Relevanz liegt vor, wenn es Überschneidungen mit dem Interessenfeld eines großen Adressatenkreises gibt. Nachrichten werden also für die Zuschauer:innen ausgewählt, was jedoch auch dazu führt, dass »(unterstellte) Tragweiten von Ereignissen und daraus resultierende (unterstellte) Betroffenheitsgrade des Publikums nicht immer einander entsprechen« (vgl. Maier 2003: 24).

7 Der Anspruch der vielfältigen und aktuellen Berichterstattung unterliegt in seiner Umsetzung strengen Zeitvorgaben, die bedingen, dass das Geschehen kurz und prägnant zusammengefasst wird (vgl. Maier 2003: 25–26). Dieses »Anreißen« von Themen vermittelt »ein gewisses Maß an Orientierung in einer komplexen, doch von Journalisten – scheinbar – gebändigten Umwelt« (ebd.: 26).

gestellt wird. Während die *tagesschau*-Sendung im Durchschnitt 5,9 Themenkategorien abgebildet werden, beinhaltet die *Wiadomości*-Sendung bei doppelt so langer Sendezeit durchschnittlich 5,76 Themenkategorien.

Analyse: Berichterstattung Brexit und Impeachment-Verfahren gegen Donald Trump

Im Beobachtungszeitraum berichtet die *Wiadomości* an drei Tagen in Folge (31.01.–02.02.2020) in sechs Meldungen über den Brexit.

Datum	<i>Wiadomości</i>	<i>tagesschau</i>
29.01.2020	...	<ul style="list-style-type: none"> • Brexit vor dem Abschluss – EU-Parlament ratifiziert Austrittsvertrag
30.01.2020	...	...
31.01.2020	<ul style="list-style-type: none"> • Die Briten verabschieden sich von Brüssel (»Brytyjczycy żegnają się z Brukselą«) • Der Brexit steht fest (»Brexit staje się faktem«) • Brexit – die Blamage Tusks (»Brexit – kompromitacja Tuska«) 	<ul style="list-style-type: none"> • Brexit um Mitternacht – Großbritannien verlässt EU • Brexit um Mitternacht – Großbritannien verlässt die EU • Brexit um Mitternacht – Tagesthemen-Extra um 23:40 Uhr
01.02.2020	<ul style="list-style-type: none"> • Großbritannien außerhalb der EU (»Wielka Brytania poza Unią Europejską«) • Sympathisieren die Schotten mehr mit Brüssel als mit London? (»Szkoci bliżej Brukseli niż Londynu?«) 	<ul style="list-style-type: none"> • Brexit um Mitternacht – Reaktionen auf britischen EU-Austritt
02.02.2020	<ul style="list-style-type: none"> • Die Schotten möchten in die EU (»Szkoci chcą do Unii Europejskiej«) 	...
03.02.2020	...	<ul style="list-style-type: none"> • Handelsverträge nach Brexit – Großbritannien und EU stellen Pläne vor

Tab. 1: Schlagzeilen zur Brexit-Berichterstattung in *Wiadomości* und *tagesschau* im Untersuchungszeitraum.
 Quelle: Eigene Anfertigung auf Grundlage der eigenen Datenerhebung und -auswertung.

Im direkten Vergleich zeigt sich, dass die *tagesschau* sowohl über einen längeren Zeitraum als auch quantitativ mehr zu diesem Ereignis sendet. Dadurch wird der Prozesscharakter der Entwicklung stärker herausgestellt, es gibt damit auch mehr Gelegenheit für unterschiedliche Aspekte und Details. Zweifelsohne ist der 31.01.2020 als Stichtag des Austritts in der deutschen wie auch polnischen Sendung der Tag mit der umfangreichsten Berichterstattung, was sich in der jeweiligen Anzahl der Beiträge (drei bei *Wiadomości* und vier bei *tagesschau*) niederschlägt. Die Nachrichtenfaktoren Aktualität und Relevanz sind für die Wahl ausschlaggebend gewesen.

Bei der *tagesschau* wird mithilfe einer präzisen, sachlichen Wortwahl und knappen Formulierung, wie z.B. *Brexit vor dem Abschluss – EU-Parlament ratifiziert Austrittsvertrag*, ein größtmöglicher Informationswert geschaffen (vgl. Piontek / Hordecki / Ossowski 2013: 95). Der Wortlaut und Aufbau der polnischen Schlagzeilen charakterisieren sich im Gegensatz dazu durch eine wenig formale Ausdrucksform und eine emotionalisierende Wortwahl. Zudem werden durch die Formulierungen *Die Briten verabschieden sich von Brüssel* (›Brytyjczycy żegnają się z Brukselą‹) die komplexen politischen Prozesse personifiziert, metaphorisch erfasst und gleichzeitig auf eine emotionale Ebene gebracht. Diese stilistischen Ausdrucksformen sind Indikatoren für die vorliegende Boulevardisierung⁸ (›tabloidyżacja‹) (vgl. ebd.). Unter diesem Begriff werden einerseits die formalen, sprachlichen und inhaltlichen Merkmale des Boulevardjournalismus umfasst, andererseits umschreibt das Phänomen auch, dass diese Charakteristika nach und nach auch in den Qualitätsjournalismus übergehen (vgl. ebd.: 12).

Auch sind nicht alle Schlagzeilen der *Wiadomości* im Brexit-Kontext wertfrei und meinungsneutral. So liegt bei der Formulierung *Brexit – die Blamage Tusks* (›Brexit – kompromitacja Tuska‹) der Informationswert auf dem politischen Seitenhieb gegen den polnischen Oppositionspolitiker und ehemaligen Präsidenten des Europäischen Rats Donald Tusk. Darüber hinaus kann in diesem expliziten Kontext das Metonym *Brüssel* auch diffamierend und despektierlich aufgefasst und interpretiert werden. Der Wortlaut der Schlagzeile erzeugt hierdurch eine Emotionalisierung, die sich unmittelbar auf den Rezipienten niederschlägt, indem Empathie oder Antipathie geweckt werden (vgl. ebd.: 95).

Auch konnten Unterschiede in der inhaltlichen Aufbereitung festgestellt werden. Die Auseinandersetzung mit dem Brexit erfolgte bei der *tagesschau* auf sachlicher

---

8 Unter diesen Begriff werden einerseits die formalen, sprachlichen und inhaltlichen Merkmale des Boulevardjournalismus umfasst, andererseits umschreibt das Phänomen auch, dass diese Charakteristika nach und nach auch in den Qualitätsjournalismus übergehen (vgl. Piontek / Hordecki / Ossowski 2013: 12).

und abstrakter Ebene. Vertreter:innen unterschiedlicher politischer Lager kamen zu Wort, politische, (EU-)rechtliche und wirtschaftliche Konsequenzen und Folgen wurden aufgezeigt. Die *Wiadomości* hingegen brachen das Ereignis von einer abstrakten auf eine konkrete und gleichsam vereinfachte Ebene herunter (vgl. ebd.: 96–97). So wurden anhand des Beispiels einer schottischen Whiskey-Destille die wirtschaftlichen Folgen des Brexits durch die Einführung von Zöllen und hieraus resultierender Anstieg der Alkoholpreise erläutert. Diese Art der Berichterstattung fügt sich nahtlos in die bereits erwähnte Einflussnahme der Boulevardisierung, indem das hoch politische Thema Brexit aus Sicht der unmittelbar Betroffenen aufbereitet wird. Beeindruckend ist zudem die starke innenpolitische Positionierung in Bezug auf die Brexit-Berichterstattung, die bei der *tagesschau* während des Untersuchungszeitraums nicht festzustellen ist. So diente der Brexit den *Wiadomości* zusätzlich als inhaltlicher Aufhänger für die negative Berichterstattung über die polnische Oppositionspartei, was im Hinblick auf die bevorstehende Präsidentschaftswahl nicht unbedacht erscheint. Aus einem Ereignis aus dem Ausland wurde ein Bogen zur Innenpolitik geschlagen, wodurch sich die Berichterstattung auf das Inland konzentrierte. Diese Form der Berichterstattung ist typisch für die Boulevardisierung (vgl. ebd.: 97).

Hinsichtlich der Berichterstattung zum Impeachment-Verfahren gegen den US-Präsidenten Donald Trump gibt [Tabelle 2](#) einen ersten Überblick zum Zeitraum und den jeweiligen Schlagzeilen von *Wiadomości* und *tagesschau*.

Geradezu beeindruckend und sofort augenfällig ist der Unterschied in der Häufigkeit der Berichterstattung. Während in der *tagesschau* dieses Ereignis über einen Zeitraum von drei Wochen präsent ist, reduziert sich die Berichterstattung in den *Wiadomości* auf zwei Tage. Es scheint, als sei bei der polnischen Sendung der Nachrichtenfaktor der Aktualität das ausschlaggebende Kriterium für die reduzierte Berichterstattung gewesen, die sich punktuell um den Stichtag der Urteilsverkündung konzentrierte. Bei der *tagesschau* lässt sich die ausgedehnte Berichterstattung mit demselben Nachrichtenfaktor begründen, wobei der Fokus auf der Tagesaktualität und ebenfalls auf dem Prozesscharakter liegt. Die *tagesschau*-Schlagzeilen enthalten durchweg die Begriffe ›Amtsenthebungsverfahren‹ oder ›Impeachment‹. In den Schlagzeilen der *Wiadomości* fehlen diese Begriffe, stattdessen ist wieder eine Personalisierung und Emotionalisierung festzustellen, indem die Person Trumps namentlich in den Vordergrund tritt und damit metaphorisch für den Anstoß und Ausgang des Verfahrens steht. Auch nehmen die *Wiadomości* dieses Ereignis zum Anlass, den Fokus auf innenpolitisches Armdrücken zu lenken. So dient die Szene, in der die Demokratin und Sprecherin des Repräsentantenhauses Nancy Pelosi das Redema-

Datum	Wiadomości	tagesschau
21.01.2020	...	• Sitzung um US-Senat – Amtsenthebungsverfahren gegen Trump
22.01.– 23.01.2020	...	...
24.01.2020	...	• Amtsenthebungsverfahren – Trumps Verteidiger beginnt Plädoyer
25.01.2020	...	• Amtsenthebungsverfahren – Trumps Verteidiger beginnt Plädoyer
27.01.2020	...	• Trump empfängt Netanyahu – Gespräche über neuen Nahost-Friedensplan
28.–30.01.2020	...	...
31.01.2020	...	• US-Senat Impeachment-Verfahren gegen Trump
01.02.2020 05.02.2020	...	• Impeachment im US-Senat – Verfahren kurz vor dem Abschluss
02.–04.02.2020	...	...
05.02.2020	• Nach Trumps Rede zur Nation (Po orędziu Donalda Trumpa)	...
06.02.2020	• Donald Trump hat nicht gegen Recht und Gesetz verstoßen (Donald Trump nie złamał prawa)	• Amtsenthebungsverfahren – US-Präsident Trump freigesprochen
07.02.2020	...	...
08.02.2020	...	• Nach Amtsenthebungsverfahren – US-Präsident Trump entlässt Zeugen

Tab. 2: Schlagzeilen zur Impeachment-Berichterstattung in *Wiadomości* und *tagesschau* im Untersuchungszeitraum. Quelle: Eigene Anfertigung auf Grundlage der eigenen Datenerhebung und -auswertung.

nuskript Trumps zerreit, um eine nationale und innenpolitische Parallele aufzuzeigen. Im polnischen Parlament hatte sich im Jahr 2016 ein hnlicher Vorfall zugetragen. Damals hatte im Rahmen einer Debatte ber einen Gesetzesvorschlag der PiS-Partei die Oppositionspolitikerin und PO-Abgeordnete Agnieszka Pomaska zum Ende ihrer Rede den Gesetzesvorschlag in Papierform zerrissen (vgl. igorski73: 2016). Auffllig war whrend des Untersuchungszeitraums, dass die Person Trump und Erfolge in Wirtschaft und (inter-)nationaler (Sicherheits-)Politik in positives Licht gerckt und durch

entsprechende Experten-Statements bestärkt wurden. Solche unkritischen Statements sind immer dann problematisch, wenn sie dem Rezipienten eine Objektivität des:der Kommentierenden suggerieren, die durch den Status (z.B. akademischer Titel) oder die entsendenden Institution als vermeintlich unabhängige Quelle erzielt werde (vgl. Grzelka / Kula 2017: 125). Indem sich derartige Expert:innen-Statements in das Narrativ des Beitrags fügen, funktionieren sie als Authentizitätsfaktor, wobei es an einem neuen Informationswert⁹ fehle (vgl. ebd.). Eine so deutliche Positionierung und Parteinahme dieses Ausmaßes kann in der Berichterstattung der *tagesschau* nicht festgestellt werden. Die Nachrichteninhalte ordnen die Entwicklung der Ereignisse dahingehend ein, welche Folgen eine Amtsenthebung für die USA und die internationale Diplomatie haben könnte. Zudem bemüht man sich darum, ein ausgeglichenes Meinungsbild wiederzugeben, indem die Positionen der Demokraten und der Republikaner skizziert werden. Darüber hinaus wurde auch über den Hintergrund der Einleitung dieses Amtsenthebungsverfahrens berichtet, was bei den *Wiadomości* nicht zur Sprache kam.

Ergebnisse

Obwohl sich das theoretische Konzept und das juristische Fundament beider Fernsehsender gleichen, so liegt der entscheidende Unterschied im jeweiligen politischen Verständnis der öffentlich-rechtlichen Fernsehsender und ihrer Funktion der Nachrichtenvermittlung. ARD und TVP S.A. sind als aktive Akteure der Meinungsfreiheit verfassungsrechtlich aus demselben Holz geschnitzt und dort verwurzelt. Während die finanzielle Situation der ARD über Jahrzehnte hinweg konstant ist, kämpft die TVP S.A. nicht nur um Marktanteile, sondern auch um ihre Wirtschaftlichkeit. Bei der TVP S.A. scheinen es viele kleine Brandherde zu sein, die kumulativ betrachtet ursächlich dafür sind, dass die TVP S.A. für die politische Einflussnahme anfällig ist. Die oberflächliche Betrachtung der themenstrukturellen Zusammensetzung der *Wiadomości* und *tagesschau* aus dem Erhebungszeitraum erweckt den Eindruck, dass sich die beiden Nachrichtensendungen in dieser Hinsicht kaum unterscheiden. Politische Themen bilden in beiden Nachrichtensendungen den inhaltlichen Schwerpunkt. Nachrichten aus der Wirtschaft, Ereignisse von gesellschaftlichen Belangen und Informationen über potenzielle und/oder tatsächliche Gefahren sind wiederkehrende Bestandteile. Die Selektion der Nachrichten erfolgt dabei überwiegend nach den

---

9 Der Informationswert setzt voraus, dass das Ereignis »eine Bedeutung für das Publikum« (Schwiesau 2016: 17) hat.

Nachrichtenfaktoren Aktualität und Relevanz, wobei sich bemüht wird, Informationen mit einem Wissens-, Orientierungs-, und Gebrauchswert dem Publikum zu vermitteln. Je genauer und fokussierter man jedoch die einzelnen Sendungen betrachtet und man sich mit den Sendungsinhalten auseinandersetzt, wird das Ausmaß der Unterschiede deutlich. Während sich die *tagesschau* bemüht, ihren Rezipient:innen einen umfassenden, wenn auch komprimierten Überblick über das Geschehen in Aus- und Inland zu geben, liegt der Fokus der *Wiadomości* auf der inländischen Berichterstattung. Diese entsteht einerseits dadurch, dass ausgewählte innenpolitische Ereignisse eine Themendominanz entwickeln, wodurch die Themenvielfalt innerhalb der einzelnen Sendungen und/oder in mehreren *Wiadomości*-Sendungen stagniert. Andererseits wird stellenweise eine Auslandsberichterstattung suggeriert, indem internationale und/oder europäische Ereignisse oberflächlich angerissen werden, im Kern aber ein Bogen auf nationale Belange geschlagen wird. Dies stellt die Analyse der Berichterstattung über den Brexit und das Impeachment-Verfahren gegen Trump eindrücklich dar: Diese Auslandsereignisse dienen der *Wiadomości* als Vorwand für die Fokussierung auf innenpolitische Zwistigkeiten. Wie an den Beispielen der Berichterstattung über Brexit und das Impeachment festzustellen ist, werden die verschiedenen Instrumente der Informationsvermittlung gezielt eingesetzt: einerseits auf sprachlicher und emotionaler Ebene, andererseits mit der Auswahl und geschickten Positionierung von Statementgebenden, die Sachverstand und Autorität ausstrahlen. Diese Form der Informationsvermittlung gewinnt im Fall der *Wiadomości* dadurch an Brisanz, da die *Wiadomości* und die TVP S.A. mit gewichtigen Sonderaufgaben betraut: Ihre Inhalte sollen die Vielfältigkeit und Interessen aller Staatsbürger:innen abdecken und repräsentieren, indem sie den gesetzlich auferlegten Programmauftrag zu realisieren haben.

Literaturverzeichnis

- AGF Videoforschung (o.J.): *Marktanteile*, <https://www.agf.de/daten/tvdaten/marktanteile/?name=markt-anteile> (aufgerufen am: 15.04.2020).
- Breunig, C. / Holtmannspötter, E. (2019): »ARD/ZDF – Massenkommunikation Trends 2019: Fernseh- und Radioprogramme im Systemvergleich. Repräsentativbefragung zur Bewertung öffentlich-rechtlicher und privater Angebote«. In: *Media Perspektiven* (7–8), S. 334–349.
- Bundeszentrale für politische Bildung (2020): Öffentlich-rechtlicher Rundfunk: von der Gründung der ARD bis heute, <https://www.bpb.de/politik/hintergrund-aktuell/311191/die-gruendung-der-ard> (aufgerufen am: 14.12.2020).

- Eilders, Ch. (2016): »Journalismus und Nachrichtenwert«. In: Löffelholz / Rothenberger (Hrsg.): *Handbuch Journalismustheorien*. Wiesbaden, S. 431–442.
- Grzelka, M. / Kula, A. (2017): »Współczesny news telewizyjny – o dwóch kolejnych strategiach gry w informowanie. Bezstronność i wiarygodność«. In: Hofmann / Kępa-Figura (Hrsg.): *Współczesne media – gałtunki w mediach. Tom 2*. Lublin, S. 121–224.
- igorski73 (2016): *Agnieszka Pomaska drze projekt uchwały o obronie suwerenności RP*, <https://www.youtube.com/watch?v=B2Sb9m1Jlgo> (aufgerufen am: 08.11.2020).
- Krüger, U. M. (2012): »InfoMonitor 2011: Fernsehnachrichten bei ARD, ZDF, RTL und Sat.1«. In: *Media Perspektiven* (2), S. 78–106.
- Krüger, U. M. (2018): »Profile deutscher Fernsehprogramme – Tendenzen der Angebotsentwicklung zur Gesamt- und Hauptsendezeit. Programmanalyse 2017 (Teil 1): Sparte, Formen. Inhalte«. In: *Media Perspektiven* (4), S. 176–198.
- Krüger, U. M. / Zapf-Schramm, T. (2002): »Öffentlich-rechtliches und privates Fernsehen: Typische Unterschiede bleiben bestehen. Programmanalyse 2001/1«. In: *Media Perspektiven* (4), S. 178–189.
- Lopes, E. et al. (2018): *Nachhaltiges Regieren in der OECD und EU. Sustainable Governance Indicators 2018*. Gütersloh.
- Maier, M. (2003): »Analysen deutscher Fernsehnachrichten 1992–2001«. In: Ruhrmann et al. (Hrsg.): *Der Wert von Nachrichten im deutschen Fernsehen. Ein Modell zur Validierung von Nachrichtenfaktoren*. Wiesbaden, S. 61–98.
- Maliszewski, M. (2007): »Fernsehen und Rundfunk in Polen. Marktentwicklung und politische Einbettung«. In: *Polen-Analysen* (6), S. 2–7.
- Maliszewski, M. (2013): »Die Entwicklung des Medienmarktes in Polen«. In: *Polen-Analysen* (126), S. 2–16.
- Meckel, M. / Kamps, K. (1998): »Fernsehnachrichten. Entwicklungen in Forschung und Praxis«. In: Kamps / Meckel (Hrsg.): *Fernsehnachrichten. Prozesse, Strukturen, Funktionen*. Opladen / Wiesbaden.
- Piontek, D. / Hordecki B. / Ossowski, Sz. (2013): *Tabloidyżacja dyskursu politycznego w polskich mediach*. Poznań.
- Reisner, J. (2012a): *Rynek telewizyjny w 2011 roku – analiza. Udziały, czas oglądania, struktura widowni programów telewizyjnych*. Warszawa.
- Reisner, J. (2012b): *Rynek Telewizyjny w 2012 roku*. Warszawa.
- Reisner, J. (2013): *Rynek Telewizyjny w 2013 roku*. Warszawa.
- Reisner, J. (2015): *Rynek Telewizyjny w 2014 roku*. Warszawa.
- Reisner, J. (2016): *Rynek Telewizyjny w 2015 roku*. Warszawa.
- Reisner, J. (2017): *Rynek Telewizyjny w 2016 roku*. Warszawa.
- Reisner, J. (2018): *Rynek Telewizyjny w 2017 roku*. Warszawa.
- Reisner, J. (2019): *Informacja o widowni telewizyjnej w Polsce w roku 2018*. Warszawa.
- Reisner, J. (2020): *Informacja o widowni telewizyjnej w Polsce w roku 2019*. Warszawa.
- Schwiesau, D. (2016): »Die Nachrichtenauswahl«. In: Schwiesau / Ohler: *Nachrichten – klassisch und multi-medial. Ein Handbuch für Ausbildung und Praxis*. Wiesbaden, S. 13–31.
- Skoczek, T. (2009): »Zasady finansowania mediów publicznych«. In: *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Krakowie* (783), S. 69–82.
- Świerczyńska-Głownia, W. (2014): *Ewolucja rynku telewizyjnego w Polsce: analiza przypadku TVP i TVN*. Kraków.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

Новые «свои» и «чужие» в период пандемии коронавируса: изменение пространства

Der Artikel untersucht den Wortschatz zur Zeit der Corona-Pandemie und neue Phraseologieeinheiten der russischen Sprache, die eine räumliche Bedeutung enthalten und der Kategorie »eigen – fremd« zugeordnet sind, aus kulturlinguistischer Sicht. Es wird analysiert, wie sich die Veränderung der Raumwahrnehmung einer Person, die sich in ungewohnten Verhältnissen befindet, in der russischen Sprache widerspiegelte.

The article examines the vocabulary of the era of the coronavirus pandemic and new phraseological units of the Russian language containing spatial meaning and belonging to the category of »friend or foe« from a linguoculturological point of view. It is analyzed how the change in the perception of space by a person who found themselves in new conditions was reflected in the Russian language.

Возникновение пандемии коронавирусной инфекции отразилось на всех сферах жизни. Как известно, язык способен быстро реагировать на социальные изменения, особенно на те, которые глобально меняют жизнь общества. Именно поэтому в языке отражаются новые общественные реалии.

Человек в процессе миропонимания устанавливает ценностное содержание смыслов, которые составляют пространство культуры. Частью этого пространства являются и коды культуры, которые понимаются как «система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» (Ковшова / Гудков 2017: 40)

Пространственный код культуры относится к базовому и одному из наиболее крупных кодов культуры. Так как в основе познания мира человеком

лежит принцип бинарности, деление пространства в сознании людей связывается с членением мира на левую и правую часть, переднюю и заднюю, нижнюю и верхнюю, что задается параметрами человеческого тела. Деление пространства так же выражается следующими бинарными оппозициями: север – юг, запад – восток, земля – небо, суша – море, мир живых – мир мертвых, мир сакральный – мир мирской, близкий – далекий. По мере освоения человеком окружающего мира появляется также осознание категории «свой – чужой», то есть появляется разделение мира на мир «свой» и мир «чужой».

В предлагаемом исследовании мы опираемся на структуризацию мира, предложенную В.В. Красных, согласно которой «пространство делится на четыре части» (Красных 2003: 300). К первой относится внутренний мир человека, все, что ограничивается телесной оболочкой. При анализе изменений представлений о пространстве в эпоху коронавируса подробнее остановимся на оставшихся трех элементах структуры, среди которых – фрагмент внешнего мира, образующий личную зону, границей которой является линия, не выходящая за пределы вытянутой руки; часть внешнего мира, которая выходит за пределы личной зоны, но осознается как своя; а также фрагмент внешнего мира, который осознается как чужой.

Показатели метаязыковой рефлексии представляют собой корпус данных, отражающих социально-психологический климат периода пандемии как времени, приметами которого являются катастрофический тип мышления, оценивание мира в терминах опасностей и угроз. (Вепрева 2020: 46)

В эпоху пандемии коронавирусной инфекции люди вынужденно почувствовали сокращение «своей» территории. На некоторые зоны внешнего мира, которые были в полном доступе до пандемии, были введены ограничения. Можно заметить, что «своей» территорией в новых условиях стали являться те места, где можно находиться без защитной маски. Выдвигаются требования защиты личной зоны от других: «используйте маску, соблюдайте социальную дистанцию (не менее 1,5 метра)» (Сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека). Все люди, в общении с которыми соблюдаются новые правила, являются «чужими», то есть они воспринимаются как потенциально опасные. Изменение соотношений границ публичного и личного пространств, ощущаемое в культуре общения, привело к изменениям в словарном составе

русского языка. Исходя из анализа материалов прессы, новостей СМИ, обсуждений форумов, можно выделить следующие перемены: повышение частотности употребления некоторых слов, появление новых значений у существующих слов и возникновение новых слов и словоформ.

Рассмотрим термин «самоизоляция», который прежде являлся политическим и психологическим. Согласно данным Национального корпуса русского языка, слово использовалось уже в 1940 году в работе С.Л. Рубинштейна Основы общей психологии как обозначение синдрома, при котором характерно затворничество человека и избегание им контактов с людьми, а также как минимум с 1999 года как политический термин, обозначающий стратегию, когда при ведении внешней политики государство не вовлекается в дела иных государств, этносов и т.д., ограничивает контакты с ними. Теперь самоизоляция становится медицинским и юридическим термином.

Под самоизоляцией подразумевается изоляция лиц в изолированной квартире либо в иных помещениях, в том числе в жилых и садовых домах с исключением контакта с членами своей семьи или другими лицами. (Сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Чувашской Республике – Чувашии)

Это влияет на восприятие пространства: «своя» территория ограничивается территорией дома. Слово оказывается вхоже и в юридический словарь. Согласно данным информационного агентства РБК, Совет Федерации предложил закрепить в законодательстве России определение самоизоляции. Примечательно, что ради защиты своего внутреннего пространства, человек вынужден сократить «свое» пространство, являющееся частью внешнего мира.

Новое значение приобрел и популярный термин социальная дистанция. Ранее он являлся социологическим термином и характеризовал степень отчужденности или близости людей в социальном пространстве в связи с имеющимся социальным статусом (Грицанов 1998: 650). Позже термин стал медицинским и юридическим, дистанция стала пониматься в прямом значении как физическая удаленность. Во время пандемии часто говорится о необходимости избегать скоплений людей. С одной стороны, в таких условиях проникновение «чужого» в территорию личной зоны становится менее возможным, с другой – часть мира, которая выходит за пределы личной

зоны, но осознается как «своя», резко сужается. Для четкого обозначения границ дистанцирования, доступной территории устанавливают социальную разметку.

Появилось новое выражение, которое впоследствии может стать устойчивым, – бесконтактная доставка, что подразумевает ограничение контактов с «чужими» людьми, воспринимается как способ защиты своего пространства. Участилось употребление выражения бесконтактная оплата.

Массовый переход в медиaprостранство для работы или учебы стал не только необходимым, но и уместным во время пандемии. Работая с помощью электронных ресурсов и поддерживая с их помощью контакт с другими людьми, человек обрел защищенное пространство. С помощью интернет-коммуникаций образы «чужих» преобразовываются в образы «других», не принадлежащих к личному пространству, но и не представляющих опасности, готовых к взаимодействию. В связи с измененными условиями жизни растет употребительность наименований новых форм работы: дистанционная работа или учеба (дистанционка, дистант), удалённая работа (удалёнка), а также наименований статуса человека: дистанционный или удаленный работник (Позднякова / Чепкова 2020: 384), связанного с таким видом деятельности.

Вошло в активное употребление прилагательное ковидный (Буцева / Зеленин 2020: 99), образованное от ковид, так же: доковидный, постковидный, предковидный (там же: 97). Используются ковидный, ковидник (там же: 99) по отношению к человеку, который заразился вирусом, что в восприятии людей способствует причислению его к кругу «чужих». Заболевшие также получают следующие наименования: ковид-носитель, ковид-больной, ковид-положительный, корона-инфицированный (там же: 99–100) и т.д. Здоровые люди также остерегаются тех, кто находился в близком контакте с зараженными людьми, ковид-подозрительных (там же: 100) – возможно заболевших. Таких людей изолируют, в связи с этим особенно опасной, «чужой» территорией для здоровых людей являются зоны, где находятся заболевшие. Например, противоковидный госпиталь, противоковидная палата; красная зона (Позднякова / Чепкова 2020: 384) – изолированное помещение в стационаре. Набирает популярность слово обсерватор (Буцева / Зеленин 2020: 100) – учреждение, где находятся люди, вышедшие за границы зоны карантина. Для людей, находящихся там, обсерватор является «своей» территорией, покинуть границы которой не предоставляется возможным до истечения периода обсервации. Доступная, «своя» зона внешнего мира оказывается сильно ограниченной.

Появились наименования социальных групп людей, характеризующие их поведение во время самоизоляции. Например, ковид-диссидент, ковид-скептик или ковид-отрицатель (там же: 96) – человек, убежденный в неопасности коронавируса или вовсе верящий в отсутствие болезни. С точки зрения формирования представлений о пространстве, по сравнению с людьми, понимающими опасность пандемии, диссиденты не передают значение мерам предосторожности, а значит могут восприниматься как люди, для которых «своя» территория обширнее, которые могут вторгнуться в особо нуждающуюся в защите личную зону других. Это относится и к ковид-нарушителям (там же: 96) и т.д.

Из английского языка было заимствовано слово *локдаун*, широко распространившееся в русском языке в эпоху коронавируса, которое стало означать ограничение в передвижении, период, когда людям не позволяют покидать дома или свободно путешествовать ради снижения заболеваемости. Не нуждается в особых комментариях тот факт, что локдаун ассоциируется с резким и строгим ограничением своего пространства.

При анализе медиа-ресурсов, новостей, реклам, сайтов авиакомпаний, замечено активное употребление аббревиатуры СИЗ или выражения средства индивидуальной защиты, которое ранее использовалось преимущественно в медицинской среде или на предприятиях, где нужно предотвращать влияние опасных производственных факторов. В разговорном дискурсе более употребительными оказались наименования этих средств: защитная маска или же маска, респиратор, перчатки. При нахождении в общественном месте человек в новых условиях обязан использовать средства защиты, территория, которая ранее могла восприниматься как безопасная, ныне осознается как «чужая». Постоянное напоминание об обязательном ношении маски порождает ощущение того, что даже в личной зоне человека может появиться опасность, поэтому люди вынуждены, с одной стороны, защищать территорию своего тела от влияния «чужих», с другой – оберегать других от себя, потому что и они могут являться потенциально опасными для других.

В новостях и на сайтах авиакомпаний стало употребительным выражение вывозные рейсы, связанное с необходимостью привезти россиян из-за рубежа, когда границы стран оказались закрытыми. В этом случае под «своей» осознается территория родной страны, а вывозные рейсы ассоциируются с переносом из «чужого» мира в мир «свой»:

Для решения задачи по скорейшему возвращению россиян домой и облегчению их текущего положения, органами федеральной исполнительной власти реализуется целый комплекс мер, направленный на формирование графика вывозных рейсов с учетом необходимости исключить объективные риски завоза в Россию новой волны инфекции. (Сайт авиакомпании Аэрофлот)

В эпоху пандемии появились рекламные ролики, в которых, как отмечено В.Ю Светличной:

средством воздействия на сознательную жизненную позицию граждан [...] выступают слова, побуждающие воздержаться от неоправданного выхода из дома. (Светличная 2020: 110)

В некоторых рекламных текстах содержится призыв ходить в масках, соблюдать меры предосторожности, ограничивать свое пространство ради безопасности: «Оставайтесь дома, оставаясь всегда на связи...» (мобильный оператор в России Мегафон); «...помогать не касаясь, ведь это касается каждого» (российская сеть продовольственных магазинов Пятёрочка); «Спасибо, что, оставаясь дома, остаётесь с нами» (оператор сотовой связи в России Билайн).

Рассматривая неологизмы в лексике языка пандемии, можно выделить те, значения которых связаны с изменением восприятия пространства. Например, *сидидомцы* / *сидидомовцы* (Буцева / Зеленин 2020: 93) – те, кто соблюдают ограничения и склонны находиться в пространстве дома; *погулянцы* (там же: 96) – люди, выходящие на улицу; *застрянцы* (там же: 96), *невозвращенцы* (там же: 96) – те, кто остались за границей и не могут попасть на территорию своей страны; *возвращенцы* (там же: 96) – те, кому удалось вернуться, *антимасочники*, *безмасочники* (там же: 96) – пренебрегающие мерами предосторожности, *масочники* (там же: 96) – соблюдающие их. *Удалённый*, *удаленчик* (там же: 96) – работающий удаленно. *Карантиниться*, *самоизолироваться* (там же: 97) – ограничивать свое пространство.

Исследователи языка эпохи пандемии обратили внимание на то, что в новом языковом материале появились не только единицы, реализующие в первую очередь номинативную функцию, но и единицы, «будто созданные для оценки» (Вальтер / Мокиенко 2020: 33), имеющие эмоционально-экспрессивную стилистическую окраску – фразеологические

и паремиологические, которые «укладываются в понятие антипословиц» (Вальтер / Мокиенко 2020: 36).

Рассмотрим появившиеся антипословицы, антипоговорки. Например, категория «свой – чужой» реализуется в выражении *с кем поведешься, от того и заразишься* (там же: 38). Здесь говорится о возможности заразиться от «чужого», если «своя» территория оказывается доступной для потенциально опасного человека. В выражении *незванный гость – хуже инфицированного* (там же: 39) говорится о нежелании впускать в пространство своего дома «чужого». В антипоговорке *свой на свояка чихает издалека* (там же: 38) идет речь о мерах предосторожности в кругу «своих». В поговорке *бойся данайцев, дары приносящих* компонент данайцы заменили на *китайцы: бойся китайцев, дары приносящих* (там же: 38): крылатое выражение символизирует скрытную опасность от «чужого». Выбор нового компонента связан с осознанием местности происхождения вируса. Появилось выражение *паршивая овца все противозидемиологические меры портит* (там же: 39). С точки зрения формирования представлений о пространстве, тот, кто не придает значение мерам предосторожности, может восприниматься как человек, для которого «своя» территория обширнее, который может вторгнуться в особо нуждающуюся в защите личную зону других.

Также выражены новые представления о пространстве, связанные с появлением самоизоляции, в следующих антипословицах: *где родился – там и сиди на карантине, с инфицированными жить – в карантине вить, вируса бояться – на пробежку не ходить, на карантин надейся, а сам не плошай* (там же: 39): в новых условиях человек вынужден ограничивать «свое» пространство, являющееся частью внешнего мира ради защиты внутреннего пространства, ради безопасности. О мерах предосторожности говорится также, например, в антипословице *в магазин поспешишь – людей заразишь, друг познается на социальной дистанции* (там же: 39).

Появилась антипословица *виртуальный друг лучше новых двух* (там же: 40). Специфика работы в цифровом пространстве отражена в следующих выражениях: *семь пятниц на неделе, когда работаешь из дома* (там же: 39); *на чужой вайфай рот не разевай* (там же: 40); *чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в веб-камеру не лезло* (там же: 41).

В целом наличие такого современного фольклора является еще одним подтверждением того, что люди ощутили в том числе и пространственные перемены в новых условиях эпохи коронавируса.

Рассмотренный языковой материал позволяет сделать следующий вывод: во время пандемии коронавируса в лексическом составе русского языка отразилось изменение представлений о пространстве: границы «своей» территории сужаются, цифровое пространство помогает трансформировать «чужих», потенциально опасных, в «других». Новые условия не только спровоцировали появление новых слов или значений у уже существующих, но и привели к тому, что слова *самоизоляция*, *локдаун*, *социальная дистанция*, *карантин* стали одними из самых используемых во время пандемии.

Библиография

- Буцева, Т.Н. / Зеленин, А.В. (2020): «Лексикография в ситуации неологического экстрима (на материале неологизмов, связанной с пандемией коронавируса)» // *Вестник Череповецкого государственного университета* (6). С. 86–105.
- Грицанов, А.А. и др. (1998): *Новейший философский словарь*. – Минск.
- Ковшова, М.Л. / Гудков, Д. Б. (2017): *Словарь лингвокультурологических терминов*. – Москва.
- Красных, В.В. (2003): «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – Москва.
- Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.05.2021).
- Позднякова, А.А. / Чепкова, Т.П. (2020): «Семантика квазитерминов периода вынужденной самоизоляции» // *Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сборник тезисов Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной* / Под ред. Шаклеина. – Москва. С. 384–387.
- Сайт авиакомпании Аэрофлот, <https://www.aeroflot.ru/cn-ru/news/6174> (дата обращения: 28.05.2021).
- Сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14350&sphrase_id=3701069 (дата обращения: 28.05.2021).
- Сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Чувашской Республике – Чувашии, <http://21.rospotrebnadzor.ru/content/644/51395/> (дата обращения: 28.05.2021).
- Светличная, В.Ю. (2020): «Речевая избыточность как средство языкового воздействия в текстах телекламы» // *Вестник ДонНУ*. С. 108–112.
- Вальтер, Х. / Мокиенко, В.М. (2020): «Аксиологическое пространство коронавирусной паремииологии (на славянском фоне)» // *Новые слова и словари новых слов* / Под ред. Козловской. – Санкт-Петербург. С. 33–43.
- Вепрева, И.Т. (2020): «Метаязыковые высказывания как сигналы социально-психологического климата периода коронавирусной пандемии» // *Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сборник тезисов Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной* / Под ред. Шаклеина. – Москва. С. 46–48.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.

»Mit Russland hab' ich nix am Hut« – Zugehörigkeit und der Einfluss von rassistischem Wissen über (Spät-) Aussiedler*innen in Süddeutschland

Zwischen 1950 und 2016 sind über 4,5 Millionen Menschen als (Spät-)Aussiedler*innen nach Deutschland migriert. Sie und ihre Nachkommen werden teilweise immer noch auf eine ›russische‹ Herkunft reduziert, mit der auf rassistischem Wissen beruhende stereotype Vorstellungen verbunden sind. Um damit umzugehen, können Menschen verschiedene Strategien entwickeln.

Between 1950 and 2016, more than 4.5 million people migrated to Germany as ›ethnic German resettlers‹. They and their descendants are still partly reduced to an ›Eastern European‹ origin, with which stereotypical ideas based on racist knowledge are associated. To deal with this, people can develop different strategies.

Wenn man dann im Bus die ganze Zeit nur ›Russ', Russ'‹ als Namen hat, finde ich nicht so geil [...]. Ja, andauernd, wenn man dann, weil man Russlandsdeutsche ist, das Opfer ist... [...] also ich hatte wie gesagt nicht so die Probleme, ich komm' mit Leuten klar [...]. Aber es war einfach teilweise keine schöne Kindheit, und man hat doch immer irgendwie das Gefühl gehabt, auch bis in die... also, bis ins Alter irgendwann, bis so fünfzehn, sechzehn, dass man trotzdem mit anderen Augen betrachtet wird und gewertet wird. Also ich habe das ziemlich lang so empfunden und ich hab's auch in der Schule nicht erzählt, mit meinem Hintergrund, weil ich gerade in den ersten paar Jahren, während ich in der Grundschule war, und dann diese paar Jahre auf der Hauptschule, bis ich dann auf die Realschule

gewechselt hab' – das wusste jeder und man hat es auch gefühlt, dass es jeder weiß. [...] Also nachdem ich dann in die Realschule gewechselt habe, da war's auch glaube ich einfach das Umfeld, da hatte ich viele Freundinnen noch von der Grundschule. Die, mit denen ich sowieso befreundet war und denen das egal war, und die anderen wussten es nicht. Und auch auf dem Gymnasium, und bei der Uni, das wusste keiner. Oder fast keiner, nur die engsten Leute [...] da war's dann auch nicht so schlimm, aber wie gesagt, die ersten paar Jahre, vor allem [...] auch das Aufwachsen auf dem Land und so, ist dann doch manchmal schwieriger. (Interview mit Lena, 28 Jahre alt)¹

Dieses Zitat stammt aus einem Interview, das ich im April 2020 im Rahmen meines Dissertationsprojekts geführt habe. Im Fokus der Datenerhebung stand das Interesse an der Selbstverortung junger Menschen, deren Eltern und Großeltern aus dem Ort Hamroth (rum. Homorod de Jos) in Rumänien und aus verschiedenen Ortschaften in Kasachstan nach Baden-Württemberg ausgewandert sind. Zu einem großen Teil fanden die Migrationsbewegungen der Familien vor 1989 statt. Aufgrund bestimmter Merkmale, die im Bundesvertriebenengesetz das ›Deutschsein‹ definierten und rechtlich manifestierten, konnten die Einwanderung und deutsche Staatsbürgerschaft beantragt werden (vgl. Neufassung des Bundesvertriebenengesetzes: 831).

Diese Rechtsgrundlage ermöglichte in den Jahren 1950–2016 über 4,5 Millionen Menschen die Migration nach Deutschland, so auch den Eltern von Lena in den Jahren 1978 und 1983.² Die als ›(Spät-)Aussiedler‹³ bezeichneten Personen wurden medial als ›deutsch‹ dargestellt – die Begründung für ihre Aufnahme in einem Land, das sich zu dieser Zeit in den öffentlichen Diskursen nicht als Einwanderungsland verstand. Gleichzeitig wurden ›die (Spät-)Aussiedler‹ aber auch als große Masse konstruiert, die durch die Herkunft aus einem osteuropäischen Land anders, ergo gefährlich, ist (vgl. Panagiotidis 2018).

Diese ambivalente Darstellung, die auf rassistischen Wissensbeständen basierte,⁴ rechtfertigte die Erwartungen an die Angehörigen dieser ›Gruppe‹: Als Personen ›ost-

1 Der Name der Interviewpartnerin wurde aus datenschutzrechtlichen Gründen geändert.

2 Ich beziehe mich hierbei auf Zahlen, die den Stand bis 2016 beinhalten (vgl. Bundeszentrale für politische Bildung 2018).

3 Vor 1993 lautete die rechtliche Bezeichnung ›Aussiedler‹, ab 1993 ›Spätaussiedler‹. Der Begriff ›(Spät-)Aussiedler‹ fasst beide Bezeichnungen zusammen.

4 Zum durch Differenzierung hergestellten Balkan-Bild, Osteuropa-Bild und Orient-Bild in Westeuropa vgl. Todrova: 1997; Wolff: 1994; Wolff: 2003; Said: 2012.

europäischer Herkunft« wurde ihnen Andersartigkeit unterstellt, als Personen »deutscher« Zugehörigkeit sollten sie sich an eine »deutsche« Normgesellschaft anpassen. Diese Forderung erstreckte sich auch auf ihre in Deutschland geborenen Kinder und wirkte sich so auf deren Zugehörigkeitskonzepte aus. Im Rahmen meiner Forschung untersuche ich, in welchen Aspekten eine solche Zugehörigkeit in den Interviews artikuliert wird und welchen Bezug die Interviewpartner:innen hierbei zum Herkunftsort von Eltern und Großeltern herstellen.

Für die Datenerhebung ziehe ich multilokale Feldforschungsmethoden wie die teilnehmende Beobachtung und Interviews heran. Die Interviews werden mit Personen im Alter von ca. 15 bis 85 Jahren geführt, die teilweise selbst nach Deutschland eingewandert sind. Die Gespräche und Analysen konzentrieren sich aber auf junge Männer und Frauen, die in Baden-Württemberg geboren wurden. Zum jetzigen Zeitpunkt (August 2021) habe ich 23 Interviews mit 29 Personen geführt. Die meisten von ihnen wurden in Baden-Württemberg geboren und waren zum Zeitpunkt des Interviews zwischen 15 und 35 Jahre alt. Die Interviewpartner*innen sprechen Umgangssprache und verwenden Ausdrücke aus dem schwäbischen Dialekt, die ich für die Zitate in deutsche Standardsprache übertragen habe.

Grundlage für die analytische Herangehensweise an das Material ist es, den Begriff des Zusammengehörigkeitsgefühls (groupness) (vgl. Brubaker 2007: 10–30) sowie die Auffassung von Zugehörigkeiten und Gemeinschaften (vgl. Hilbrenner 2018: 29–40) nicht als kontinuierliche Entitäten, sondern als fragil, situativ und prozesshaft zu verstehen. Rogers Brubaker und Anke Hilbrenner kritisieren den in der Forschung oft reproduzierten, aber äußerst unscharfen Begriff »Identität« als Feldkategorie, die keine Analysekategorie darstellen könne (vgl. Brubaker 2007: 52). Konstruierte »Identitäten« und ihren Ausdruck in Fremd- und Selbstzuschreibungen müsse die Forschung trotzdem oder gerade deshalb ernst nehmen und untersuchen. Solche »Zugehörigkeiten« beziehen sich nicht nur auf Nation, sondern auf alle imaginierten Gemeinschaften. So könne sich eine Person auch zu mehreren Gemeinschaften zugehörig fühlen, zum Beispiel zu einer Religionsgemeinschaft, einem Sportverein, einer Partei und/oder dem Bildungsbürgertum. Diese Zugehörigkeiten müssen immer wieder neu ausgehandelt werden und können im Laufe eines Lebens wechseln. Außerdem seien sie kontextabhängig und existierten nur so lange, wie sich Menschen dazu bekennen oder sie von anderen zugewiesen bekommen (vgl. Hilbrenner 2018: 29–31).

Im Folgenden möchte ich darauf eingehen, wie das Zugehörigkeitsgefühl zu einer Gruppe in alltäglichen Wissensdiskursen geprägt werden kann, und mich dann im

Anschluss näher mit Lenas Aussagen zu ihrer Zugehörigkeit beschäftigen. Danach soll in einer abschließenden Betrachtung beides zusammengebracht werden.

Während der Analyse der Interviews konnte ich Erkenntnisse über das kulturelle Verständnis vom ›Deutschsein‹ von jungen Bewohner*innen Baden-Württembergs erlangen. Die interviewten Personen sind in einem Kontext aufgewachsen, in dem es Vorteile bietet, als ›deutsch‹ gelesen zu werden.

Die Definition von ›Deutschsein‹ erfahren oder erfuhren sie durch prägende kulturell hergestellte Emotionen wie Scham oder Freude. Diese Emotionen sind gesellschaftlich anerzogen und internalisiert. Schlüsselereignisse, denen ein bestimmter Sinn zugeschrieben wurde, erzeugen erfahrungsbasiertes Wissen über gesellschaftliche Ordnungskategorien, die negativ besetzt sein können. Sie äußern sich beispielsweise durch sexistische, klassistische oder rassistische Zuschreibungen. Dadurch konstituieren sich Machthierarchien. ›Nicht-deutsch‹ also ›migrantisch‹ zu sein ist schambesetzt und vermittelt Nicht-Zugehörigkeit. Dieses Gefühl von Nicht-Zugehörigkeit kann sich explizit auf die Lebensgestaltung betroffener Personen auswirken. Die Partizipation an der Gesellschaft ist daran gekoppelt. Machtlos sind diejenigen, denen das negativ besetzte Attribut ›migrantisch‹ zugeschrieben wird, machtvoll diejenigen, die sich erfolgreich als ›deutsch‹ etablieren können. Dies kann geschehen, indem die Einwanderungsgeschichte der Familie verschwiegen wird, und beruht auf kolonialen Ordnungsvorstellungen, deren Herrschaftsstrukturen weiterhin fortwirken. Diese Ordnungsvorstellungen betreffen beispielsweise auf unterschiedliche Entwicklungsstände (vgl. Conrad 2012).

›Deutschsein‹ kann sich durch das Verwenden deutscher Hochsprache oder als deutsch angesehener Dialekte bzw. Akzente artikulieren, wobei auch als ›deutsch‹ gelesene Vor- oder Nachnamen eine Rolle für das (Nicht-)Zugehörigkeitsgefühl spielen.⁵ Ebenso kann allerdings auch der Herkunftsort einer Person bzw. der ihrer Eltern eine Rolle für die Verortung spielen. Hierzu greifen viele meiner Interviewpartner:innen auf die Wurzelmetapher zurück, ein emotional aufgeladenes Bild zur Beschreibung und historischen Legitimierung von Zugehörigkeitsempfinden (vgl. Bettini 2018: 11). Die lineare Abstammung, die sie als Grund für ihre Zugehörigkeit zu einer deutschen Mehrheitsgesellschaft angeben, kann instrumentalisiert werden, um Abgrenzung durch Binaritäten zu schaffen: ›wir‹ und ›ihr‹ werden hier anhand der Vorfahren und den dieser Abstammung zugeschriebenen Merkmale gegenübergestellt. Die Wurzel-

---

5 Zur Rolle von Namensänderungen bei (Spät-) Aussiedler*innen vgl. Panagiotidis 2019, der sich auch auf den Band *Mein Name ist Eugen* des Fotografen Eugen Litwinow bezieht. Die Interviews zeigen die Perspektive von jungen Männern mit dem als ›russisch‹ stigmatisierten Namen Eugen (vgl. Litwinow 2013).

metapher wird oft verwendet, um Zugehörigkeit und Tradition in einen Zusammenhang zu bringen. Gleichzeitig wird durch die Nutzung dieses Bildes die abstrakte Vorstellung der ›Abstammung‹ biologisiert. So naturalisiert die Wurzel die Zugehörigkeit zu einer bestimmten ›Gruppe‹, mit der die betreffenden Personen fest verwachsen sind (vgl. Bettini 2018: 28–30). Durch die Auswahl bestimmter Orte, Zeiten oder Institutionen als wichtig wird diesen eine besondere Bedeutung zugemessen und dadurch auch besondere Autorität verliehen – die Akteur*innen stellen ein Dispositiv der Autorität her, das sich etablieren kann und möglicherweise auf alle Personen in der ›Gruppe‹ übertragen wird. (vgl. Bettini 2018: 31–38) Dies ist in meinem Material sehr deutlich an den Stellen zu erkennen, an denen Personen über die Zugehörigkeit sprechen, die sie zu einer ›deutschen Gesellschaft‹ oder einer ›deutschen Kultur‹ empfinden.

Exemplarisch habe ich Zitate von Lena herausgegriffen. Lena ist zum Zeitpunkt des Interviews 28 Jahre alt. Sie wurde in einer kleinen Stadt in Baden-Württemberg geboren und ist mit Deutsch bzw. dem schwäbischen Dialekt der Gegend als Muttersprache aufgewachsen, in dem wir auch das Interview führen. Ihre Eltern sind 1978 bzw. 1983 aus Moldova⁶ bzw. Rumänien eingewandert und haben beide den Status als ›Aussiedler‹. Lena besuchte zunächst eine Hauptschule, danach eine Realschule und später ein Wirtschaftsgymnasium. Sie hat einen Masterabschluss im architektonisch/landschaftsplanerischen Bereich erworben und arbeitet als Landschaftsarchitektin. Als ich sie im Interview bitte, sich einer bestimmten ›Gruppe‹ zuzuordnen, nennt sie als Verortung den selbstgewählten Begriff »Schwarzwaldmadel«. Sie distanziert sich mehrmals von »Russlandsdeutschen«⁷, die im Alltag Russisch statt Deutsch sprächen und »russische« Traditionen pflegten. Auf die Frage, ob sie Interesse daran hat, Russisch (oder Rumänisch) zu lernen, antwortet sie:

Ich wollt' mit dem Ganzen nichts zu tun haben. Ich wollt's auch nicht erlernen, die Sprachen. Das ist für mich eher ein rotes Tuch [...] wie wir aufgewachsen sind und dass man dann nicht die leichteste Kindheit hatte, mit irgendwelchen dummen Hänseleien von Kindern aus der Klasse oder aus dem Umfeld. [...] Es war einfach nicht schön, und ich identifiziere mich damit auch nicht. Also ich bin hier in Deutschland geboren, ich fühl' mich als Schwäbin, ich seh' da keinen Punkt,

---

6 Vorher lebte die Familie in Kasachstan. Moldova stellte eine Art Zwischenstation dar.

7 Ich verwende hier bewusst den umgangssprachlichen Begriff mit eingeschobenem »s«, wie ihn auch Lena verwendet, um zu zeigen, dass ich die Interviewpartnerin zitiere, die diese Einteilung vornimmt.

das zu lernen, [Anmerkung: die russische Sprache] da lern' ich lieber Englisch, oder Spanisch [Lachen] das bringt mir vielleicht auch mehr im Leben als jetzt [...].
(Interview mit Lena)

Russisch ist Teil eines Komplexes (»das Ganze«), von dem sich Lena distanziert. Dieser Komplex setzt sich aus Vorstellungen über einen nicht näher definierten »osteuro-päischen« Raum und die von dort stammenden Menschen zusammen. Sprachen sind für sie Werkzeuge; eine Sprache zu beherrschen stellt für sie eine nützliche Fähigkeit dar. Da sie sich jedoch von einem Komplex distanziert, der den Gebrauch der russischen Sprache als nützlich definiert, hat diese Sprache für Lena einen niedrigen Stellenwert. Sie verbindet mit dieser Sprache die Zuordnung zu einer »russlandsdeutschen«, also »migrantischen« Zugehörigkeit. Dieser fühlt sie sich aber nicht angehörig und es verletzt sie, dass die Mitschüler*innen sie in ihrer Kindheit auf die Herkunft ihrer Eltern reduziert und dort verortet haben. Dies erklärt ihre Aussage »Ich fühle mich als Schwäbin«, mit der sie das Lernen von Russisch gegenüber dem Lernen einer für sie nützlichen Sprache wie Englisch bzw. Spanisch abwertet. Deutlich wird ihre Distanzierung auch, als sie den Begriff »Wurzeln« thematisiert:

[...] viele wissen ja auch nicht, dass wir irgendwelche Wurzeln, also Wurzeln kann man so gar nicht richtig sagen meiner Meinung nach, aber Verbindungen dahin haben und wenn ich Leute kennen lern', ist es auch nicht das Erste, was die von mir mitkriegen, also das kommt dann eher mit den Monaten, Jahren, dass man vielleicht das mal erwähnt oder wenn sie dann zuhause sind und dann bei Familienfeiern. Da kriegt man's vielleicht doch mal mit, aber es ist jetzt nicht so, dass das immer was ist, wo man denkt, das muss man jetzt erzählen, als erstes.
(Interview mit Lena)

Wurzeln stellen für Lena etwas Bedeutungsvolles und Emotionales dar, sie möchte die »russlandsdeutsche« Vergangenheit ihrer Familie aber als etwas Rationales und Unwichtiges verstanden wissen. Daher besteht sie auf dem neutraleren Begriff »Verbindungen«. Der Raum, zu dem ihre Familie Verbindungen hat, wird nicht näher definiert (»dahin«), bleibt also unbesetzt und bietet ihrem Gegenüber viel Raum für Interpretationen. Ihre emotionale Reaktion auf das Thema versucht sie im Verlauf des Interviews immer wieder zu verbergen, indem sie das Verhalten der anderen Kinder auf das rurale Umfeld schiebt, dies aber nicht näher erläutert: »Auch das Aufwachsen auf dem Land und so, ist dann doch manchmal schwieriger.« Diese Äußerung impli-

ziert, dass Heranwachsende in ruralen Gegenden anderen (sozialen) Herausforderungen ausgesetzt sind als Heranwachsende in urbanen Umgebungen, und konstruiert so einen ›ländlichen‹ Raum, der durch einen höheren Anpassungsdruck sowie die höhere Inakzeptanz von als ›migrantisch‹ gelesenen bzw. stigmatisierten Personen gekennzeichnet ist. An anderer Stelle relativiert sie: »Also ich hatte wie gesagt nicht so die Probleme, ich komm’ mit Leuten klar«, was im Widerspruch zu ihrer Schilderung von verbaler Gewalt zu stehen scheint.

Bei der Betrachtung von Lenas Erzählung kann auch etwas über die Präsenz von stigmatisierten Menschen erfahren werden: Lena weiß durch die sozialen Erfahrungen der (Herab-)Wertung, die sie mit dem ruralen Raum verknüpft, dass sie ›anders‹ ist. Das dort erworbene Wissen über ihre Andersartigkeit beeinflusst ihre öffentliche Inszenierung in anderen Kontexten. Diese Inszenierung scheint sie selbst unter Kontrolle zu haben.

Lena hat als Kind auf schmerzvolle Weise erfahren, was es bedeutet, ›migrantisch‹ zu sein – gegen die Fremdzuschreibung als »Russ’« war sie machtlos. Eine Selbstermächtigung war erst möglich, als sie sich von der Reduzierung auf das Attribut »russlanddeutsch« lösen konnte (»es war einfach nicht schön, und ich identifiziere mich damit auch nicht«). Dies wiederum gelang ihr durch Tabuisierung bzw. einen Rückzug ins Private. Zu privaten Räumen gestattet sie anderen nur Zutritt, wenn sie ihr Vertrauen so weit gewonnen haben, dass das Geheimnis der Familie gefahrlos offenbart werden kann. Für Lena ist das Attribut ›migrantischer Hintergrund‹ ein Defizit. Im Zuge ihrer Selbstermächtigung verbirgt sie es daher vor Menschen, deren Reaktionen sie nicht einschätzen kann. Lena spricht an dieser Stelle auch von Freundinnen, die sie trotz ihres ›migrantischen Hintergrunds‹ mögen, was nochmals zeigt, dass sie ihn als Makel empfindet.

Lena erklärt mir im Interview nicht, weshalb die Bezeichnung »Russ’« für sie ein Schimpfwort ist. Sie nimmt an, dass ich um die Bedeutung weiß, weil es sich hier um gesellschaftlich etabliertes Wissen handelt. Wichtig ist für die beschriebene Situation, dass verbale Äußerungen von beiden Parteien als Beleidigung empfunden werden. Lena musste diesen Code also korrekt interpretieren. Im Alltagsdiskurs wurde ihr vermittelt, dass ›Russischsein‹ etwas ist, für das sich geschämt werden muss, worauf sie mit Vermeidungsstrategien reagiert. Slavophobe Vorstellungen sind in unserer Gesellschaft längst stereotyp geworden, sie sind heute Teil des Phänomens von antimigrantischem Rassismus.⁸

---

8 Zum antislawischen Rassismus vgl. auch Panagiotidis / Petersen (2024).

Der Grundstein für diese antislavische Einstellung wurde zur Zeit der Aufklärung in Frankreich gelegt. Einem gebildeten, fortschrittlichen Westen wurde der unzivilisierte Osten als ein rückständiges Gebiet undefinierten Ausmaßes gegenübergestellt. (vgl. Wolff 2003: 21–34) Diese Binaritäten wirken bis heute fort, wie es die Wissensbestände über das ›Deutschsein‹ bzw. ›Schwäbischsein‹ vs. ›Russlanddeutschsein‹ bzw. ›Migrantischsein‹ zeigen. Lena hat diese erfahrungsbasierten Wissensbestände in ihrer alltäglichen Lebenswelt (vgl. Schütz 1975: 28–38) angesammelt. Sie betreffen ihr (rassistisches) Wissen über diese ›Gruppen‹. Die Begriffe stehen sich statisch gegenüber und entsprechen so einem totalitätsorientierten Kulturbegriff, der Kultur als eine abgeschlossene Entität betrachtet, unveränderlich und nicht abzulegen. Genau wie Lenas »Hintergrund«, den sie im öffentlichen Raum versteckt, aber nicht verneint.

Ich habe mich in diesem Aufsatz immer wieder auf rassistisches Wissen bezogen. Rassismus stellt eine Schnittstelle zwischen Diskriminierung als konkreter Handlung und sozialer Ungleichheit als Folge dar und hängt zusammen mit anderen Unterkategorien der Diskriminierung wie Sexismus und Klassismus. Diskriminierung ist hier als Ungleichbehandlung zu verstehen, Rassismus hingegen als Diskurse, historische Kontinuitäten und Wissensbestände. Rassismus ist ein

gesellschaftliches Ordnungsphänomen, das sich an den jeweiligen historischen Kontext anpassen und weiterentwickeln kann, womit es über Jahre hinweg – jedoch auch zeitgleich – unterschiedliche Formen von Rassismus geben kann. (Foroutan 2020: 15)

Rassismus wird in aktuellen Diskursen häufig auf Schwarze Menschen beschränkt, da ihre Hautfarbe einen visuell sofort erkennbaren Marker darstellt, der es ihnen (anders als Lena) erschwert, in der Masse unterzugehen. Jedoch sei Rassismus nicht rein gegen Schwarze Menschen gerichtet, sondern kann sich auch:

gegen ›Kultur‹, also traditionale Handlungen oder Werte richten, die tatsächlich gelebt oder auch nicht praktiziert, sondern nur zugeschrieben werden. Genannt werden kann hier [...], historisch gesehen, der antislavische Rassismus, der in Verbindung mit Expansions- und Tötungspolitiken der Nationalsozialist*innen eine koloniale Struktur aufweist, in Teilen aber auch mit Bezug auf die Abwehr bestimmter Nationalitäten geäußert wird. Diese Bezugnahme auf Nationalität – benannt als ›Ausländerfeindlichkeit‹ – kann ebenfalls eine spezifische Eigenart des Rassismus darstellen. (Foroutan 2020: 16)

Auch Maria Alexopoulou unterstreicht, dass Rassismus verschiedene Formen annehmen kann:

Ein Zusammendenken von Antisemitismus [...] und anderen Rassismusformen ist notwendiger denn je. Das soll nicht dazu dienen, diese Phänomene miteinander zu vergleichen oder gegeneinander abzuwägen, sondern wir müssen sie in ihrer ganzen Bandbreite erfassen und begreifen. Denn um rassistisches Wissen wirklich unschädlich machen zu können, muss es erst vollständig ausgegraben, enttarnt, benannt und ausgesprochen werden. (Alexopoulou 2020: 250)

Rassistisches Wissen und seine Reproduktion tragen dazu bei, Machtstrukturen innerhalb der Gesellschaft fortzuführen. »Migrantischer Hintergrund« scheint sich als ein Attribut herauszustellen, das verborgen werden muss, damit sich Menschen gefahrlos in der Gesellschaft bewegen können. Handlungsmacht kann erst erlangt werden, wenn das Attribut »migrantisch« äußerlich nicht mehr definierend ist. Lena schafft dies durch die Negation der Herkunft ihrer Familie. Sie durchbricht die Kontinuität, die andere für sie konstruiert haben, und schafft sich ihre eigene Zugehörigkeit. Diese scheint unabhängig von einem diffusen »osteuropäischen« Komplex, der allerdings stark mit Bedeutung aufgeladen ist und für Lena als Gegenpol zu ihrer Selbstinszenierung dient.

Literaturverzeichnis

- Alexopoulou, M. (2020): *Deutschland und die Migration. Geschichte einer Einwanderungsgesellschaft wider Willen*. Stuttgart.
- Bettini, M. (2018): *Wurzeln. Die trügerischen Mythen der Identität*. Aus dem Ital. übersetzt von R. Seuß. Bonn.
- Brubaker, R. (2007): *Ethnizität ohne Gruppen*. Aus dem Engl. übersetzt von G. Gockel und S. Schuhmacher. Hamburg.
- Bundeszentrale für politische Bildung (2018): »(Spät-)Aussiedler«. In: *kurz&knapp*, <https://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/soziale-situation-in-deutschland/61643/aussiedler> (aufgerufen am: 24.7.2021).
- Conrad, S. (2012): »Kolonialismus und Postkolonialismus: Schlüsselbegriffe der aktuellen Debatte«. In: Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.): *Dossier (Post)kolonialismus und Globalgeschichte*. <https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/postkolonialismus-und-globalgeschichte/236617/schlueselbegriffe> (aufgerufen am: 29.7.2021).

- Foroutan, N. (2020): »Rassismus in der postmigrantischen Gesellschaft«. In: *Aus Politik und Zeitgeschichte* (Bd. 70), S. 12–18.
- Hilbrenner, A. (2018): »Russlanddeutsche und andere Zugehörigkeiten: Der Begriff der »Identität« zwischen Erinnerung und Geschichte«. In: Dönninghaus / Panagiotidis / Petersen (Hrsg.): *Jenseits der »Volksgruppe«*. *Neue Perspektiven auf die Russlanddeutschen zwischen Russland, Deutschland und Amerika*. Oldenburg, S. 29–40.
- Litwinow, E. (2013): *Mein Name ist Eugen*. Berlin.
- »Neufassung des Bundesvertriebenengesetzes« (1993). In: *Bundesgesetzblatt*, Teil I, Nr. 27, 829–837, https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl193s0829.pdf (aufgerufen am: 23.04.2021).
- Panagiotidis, J. (2018): »Aussiedler«. In: Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.): *Dossier Migration*, <https://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/247811/aussiedler> (aufgerufen am: 26.07.2021).
- Panagiotidis, J. (2019): »Wir Strebermigranten«? Migration und Erfolg bei (Spät-)Aussiedlern«. In: Genkova / Riecken (Hrsg.): *Handbuch Migration und Erfolg*. Wiesbaden, S. 1–14, https://doi.org/10.1007/978-3-658-18403-2_3-1.
- Panagiotidis, J. / Petersen, H. (2024): *Antieuropäischer Rassismus in Deutschland. Geschichte und Gegenwart*. Weinheim / Basel.
- Said, E. (2012): *Orientalismus*. Aus dem Engl. übersetzt von H.G. Holl. Frankfurt am Main.
- Schütz, A. / Luckmann, Th. (1975): *Strukturen der Lebenswelt*. Neuwied.
- Todorova, M. (1997): *Imagining the Balkans*. Aus dem Engl. übersetzt von U. Twelker. Oxford / New York.
- Wolff, L. (1994): *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford.
- Wolff, L. (2003): »Die Erfindung Osteuropas: Von Voltaire zu Voldemort«. In: *Wieser-Enzyklopädie des europäischen Ostens*, Bd. 11: *Europa und die Grenzen im Kopf*. Klagenfurt, S. 21–34.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.